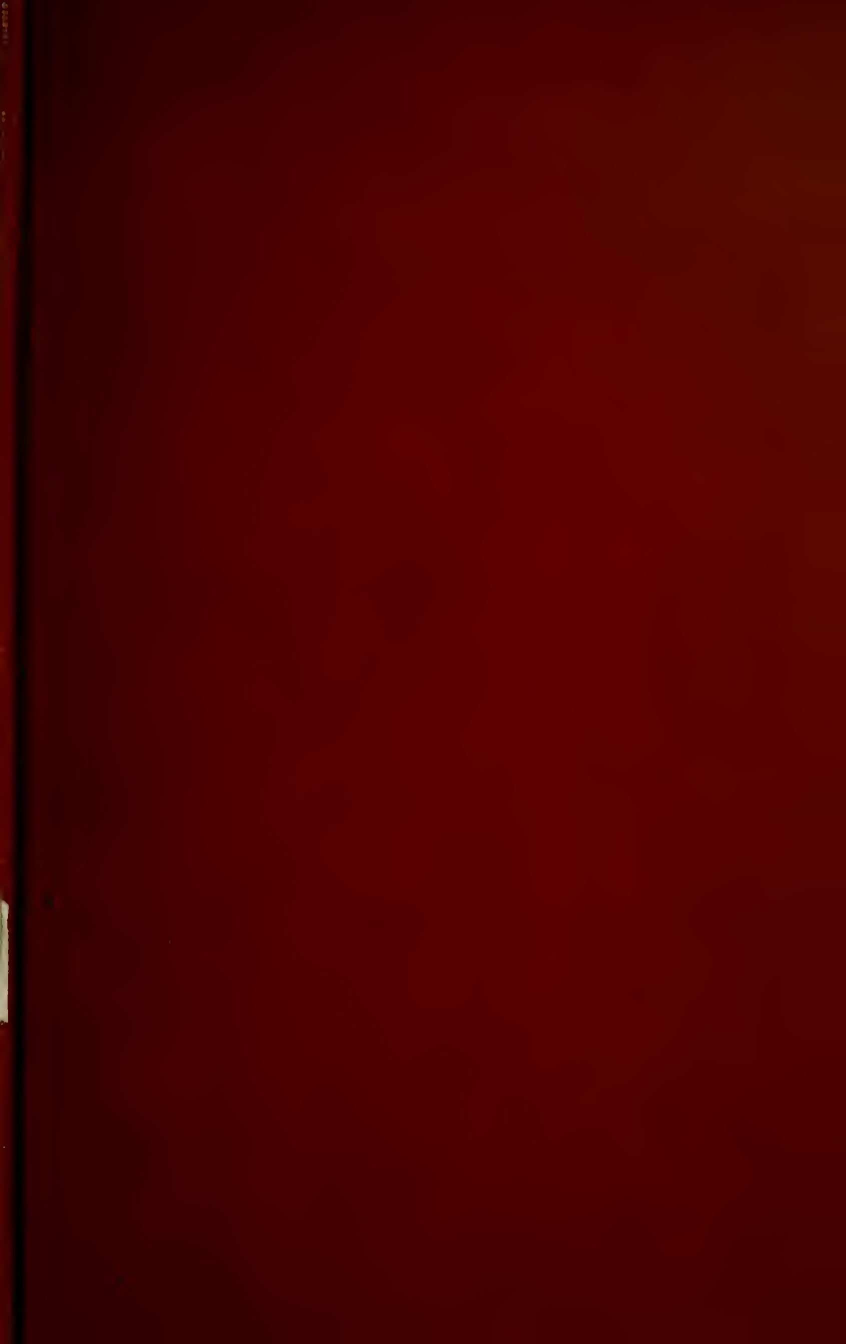

A. D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ЗНАМЕНІЯ ВРЕМЕНИ.

I.

«Не знаю, за что меня эти злые люди держатъ подъ стражею, какъ преступника. Говорятъ, будто я сумасшедшій. Какіе глупые и злые люди! они называютъ сумасшествіемъ мою любовь къ Россіи. Да развѣ любовь къ Россіи составляетъ такую болѣзнь воли, за которую сажаютъ въ домъ умалишенныхъ? Не понимаю, ничего не понимаю!.. Что ихъ поражаетъ въ этомъ чувствѣ? Что въ немъ находятъ они преступнаго и опаснаго?.. Да и что имъ за дѣло, что я могу летать и видѣть то, чего они не видятъ? Летаетъ же воронъ вездѣ и видитъ, какъ въ травѣ змѣя извивается, и какъ въ глухой степи одинъ человѣкъ убиваетъ другаго, а другіе этого не видятъ. Вѣдь летала же какая-то птица къ Гейне, и эту птицу могъ видѣть одинъ Гейне, тогда какъ другіе ее не видѣли. Отчегожъ мнѣ не летать, когда я могу это дѣлать? Отчего мнѣ не пользоваться этой способностью, которой другіе не имѣютъ? А они эту-то способность и называютъ моимъ пунктомъ помѣшательства. Да, вѣдь, это мучительно, это обидно, это ужасно! Зачѣмъ называютъ помѣмѣшательствомъ такую способность въ человѣкѣ, которой другіе не имѣютъ? Они-то и есть сумасшедшіе, эти жалкіе, подлые люди, понимающіе такъ ограниченно. Вѣдь они и Галилея называли сумасшедшимъ за то, что онъ имѣлъ способность видѣть то, чего другіе не видѣли. Онъ видѣлъ, что земля вертится вокругъ солнца, а они не видѣли — и за это сочли сумасшедшимъ, за это засадили въ тюрьму, за это казнили... Да вѣдь это жестоко! Они и

Данта называли сумасшедшимъ за то, что онъ видѣлъ то, чего они не видѣли: онъ видѣлъ адъ, а они его не видѣли; онъ былъ въ аду, и описалъ этотъ адъ, и это описаніе люди читаютъ до сихъ поръ, и восхищаются, и ужасаются... И вѣдь всѣ, съ кѣмъ я ни говорю, какъ-то странно смотрятъ на меня, пожимаютъ плечами, улыбаются, а въ сторонѣ, я слышу, говорятъ тихонько между собою: «какое странное помѣшательство»... я воображаю, каково же было Галилею и Данту слышать тоже что я слышу... Это ужасно! Вотъ отъ этого такъ можно съ ума сойти».

Такъ говорилъ одинъ больной, сидя на своей койкѣ въ домѣ умалишенныхъ, когда его показывали посѣтителямъ. Больной былъ среднихъ лѣтъ мужчина, по видимому крѣпкаго сложенія, съ большими зелеными глазами и сильно развитой лобной костью.

— Когдажъ проявилась въ васъ способность летать? спросилъ его одинъ посѣтитель.

— Я самъ не знаю... Вѣроятно вмѣстѣ съ способностію думать и чувствовать, только я этого не замѣтилъ.

— А когда замѣтили?

— Когда уже полетѣлъ.

— А теперь можете подняться?

— Теперь не могу... я не свободенъ .. Развѣ вы можете сосредоточенно думать, когда вамъ мѣшаютъ, когда васъ мучатъ? Да теперь ко мнѣ и птица не прилетаетъ...

— Какая птица?

— Съ которой я летаю и которая говоритъ со мной.

— Чтожъ это за птица? Какъ она называется?

— Я не знаю.

— Какая же она? большая, маленькая?

— Большая... Вѣроятно такая же, какую видѣлъ Гейне, когда она къ нему летала. Помните?

— Да, помню... У него гдѣ-то есть объ этомъ.

— Въ «Buch der Lieder».

— Зачѣмъ же вы летаете? Для удовольствія?

— О, нѣтъ! Развѣ для удовольствія Дантъ сходилъ въ адъ?... Впрочемъ, въ созерцаніи земли и движенія на ней съ далекой высоты, такъ много глубокаго наслажденія. Я не забуду моего пер-

ваго полета... Мы пролетали выше горъ и лѣсовъ, и казались эти лѣса темно-зелеными нивами, а рѣки и озера казались клочками голубаго неба, брошенными на землю, и когда перебѣгалъ по нимъ вѣтеръ, очарованье исчезало, и казалось, что на эти голубые клочки неба кто-то набросалъ битыхъ стеколъ, и въ этихъ стеклахъ отражалось холодное солнце... Тамъ вѣдь оно такое холодное... И пролетали мы надъ городами, и высокіе шпицы церквей казались такими маленькими, и все представлялось въ такихъ уменьшенныхъ, ничтожныхъ и странныхъ размѣрахъ, въ странныхъ формахъ и положеніяхъ, къ которымъ не привыкъ глазъ: виднѣлись только вершины деревьевъ, а стволовъ и корней не было видно, виднѣлись крыши домовъ, виднѣлись только верхи горъ, ландшафты были уже не тѣ, какіе видны съ земли, а такіе, какихъ никогда не рисовалъ ни одинъ художникъ къ какимъ не привыкъ глазъ, свыкшійся съ иною перспективою, съ инымъ освѣщеніемъ, съ иными изломами линій и положеніями фигуръ. Люди казались такими малыми, жалкими, беззащитными существами.... И чѣмъ выше поднимались мы надъ землею, тѣмъ дороже становилась мнѣ эта земля, тѣмъ болѣе меня тянуло къ ней.

— И вамъ не было страшно? спрашивалъ посѣтитель, заинтересованный странною рѣчью безумца.

— Нѣтъ... меня тянуло все дальше и дальше.

— И долго вы летали?

— Нѣсколько лѣтъ, и эти róда казались мнѣ часами.

— Гдѣ же вы летали?

— Я былъ вездѣ—и носился надъ океанами, видѣлъ,—какъ жалкіе корабли, въ видѣ обугленныхъ щепокъ, бьются съ валами, и пролеталъ надъ пустынями Африки, куда не заходила нога ни Ливингстона, ни Гранта, ни Беккера .. Но сердце тянуло меня домой, на родину, въ Россію.... Когда мы пролетали низко надъ землею, до насъ доносились земные звуки, и пѣнье птицъ, и говоръ людской, и дѣтскій плачь, и вздохи взрослыхъ, и рыданія несчастныхъ, и колокольный звонъ, то радостный, то глухой, погребальный. А когда мы поднимались выше, земля казалась беззвучною, мертвою, и все въ пространствѣ было беззвучно, и мертвая тишина ничѣмъ не нарушалась, кромѣ тихаго шума отъ полета моей птицы... Мы

летѣли все выше и выше, и мнѣ казалось, что мы уже были за предѣлами тяготѣнія къ землѣ, и мнѣ казалось, что за этими предѣлами уже нѣтъ возврата на землю, что потерявъ силу земнаго тяготѣнія, мы или останемся вѣчно въ пространствѣ, скитаясь вѣчно между блуждающими планетами, или насъ притянетъ къ себѣ другой міръ, невѣдомый, далекій, невидимый землею. И страшно мнѣ стало глядѣть въ далекое пространство, гдѣ подъ нами, далеко, далеко, болтался громадный шаръ, и казалось мнѣ, что этотъ шаръ уже не земля, а мертвое тѣло, которое я видѣлъ тамъ, подъ тѣмъ пасмурнымъ небомъ, качающееся на веревкѣ, хотя веревки я и не видѣлъ, за которую повѣшена земля-преступникъ, а тамъ я видѣлъ и веревку, и его самого, повѣшеннаго, съ головою въ бѣломъ мѣшкѣ, склоненною на лѣвое плечо...

— Какого повѣшеннаго вы видѣли? спросилъ изумленный посѣтитель.

— Да его, этого высокаго, худаго...

— Это-то, кажется, и было причиною его помѣшательства, шепнулъ посѣтителю смотритель.

— Что же такое?

— Казнь.... знаете?

— Какой же это повѣшенный? спросилъ посѣтитель, обращаясь къ больному,—гдѣ вы его видѣли?

Больной закрылъ глаза, какъ бы силясь припомнить что-то далекое, давно забытое.

«Мы летѣли — началъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія— по сѣрому, туманному небу, и подъ моими ногами я не видѣлъ ни земли, ни солнца, а только сплошное, сѣрое пространство, и страшно мнѣ стало, что я потерялъ землю, что до меня уже не дойдетъ ни свѣтъ солнца, ни звуки земные.... Слышу, до меня доносятся какія-то неясныя подобія звуковъ, что-то смѣшанное, неопредѣленное, не то далекій шумъ волнъ, мѣрно перекатывающихся черезъ рифы, не то треніе облаковъ одно о другое и ихъ споръ между собою въ воздушномъ пространствѣ... мнѣ все тогда могло казаться... и вотъ я слышу, звуки становятся опредѣленнѣе—то были земные звуки,—я такъ привыкъ къ нимъ, мое ухо могло ихъ отличать даже въ планетномъ пространствѣ... Мы летѣли тихо, какъ бы боясь

упасть въ бездну, и вотъ звуки какъ бы стали видимы, какъ бы стали отдѣляться отъ сѣраго пространства въ какихъ-то неясныхъ очертаніяхъ — понимаете вы это?... Я сталъ вглядываться, и мои глаза начали различать не звуки, не ихъ очертанье, потому что звуковыя очертанія невидимы, хотя и они имѣютъ иногда опредѣленныя формы, а я началъ видѣть предметы, неясные, неопредѣленные какъ звуки, и чѣмъ долѣе мы летѣли, тѣмъ яснѣе очерчивались образы этихъ предметовъ: то были высокіе шпицы церквей, а тамъ уже выдѣлялись и очертанья земнаго горизонта, очертанія сѣраго лѣса, неясныя очертанія домовъ, улицъ, площадей, рѣкъ и каналовъ... Подъ нами изъ облака выступалъ городъ, хотя изъ-за облака не выступало солнце, котораго я ждалъ, чтобы разсѣять эти чары.

— Что это за городъ? спросилъ я птицу.

— Смотри—и узнаешь, отвѣчала она, шумя крыльями.

«Я смотрѣлъ, и видѣлъ городъ, большой, раскидистый, и слышалъ, ясно различалъ звуки жизни. Мы опускались все ниже и ниже надъ городомъ, и я уже видѣлъ людей, видѣлъ движеніе экипажей, слышалъ и стукъ ихъ и неясный гулъ отъ говора людскаго... Всѣ люди шли, бѣжали и ѣхали куда-то по одному направленію... Ихъ были тысячи, десятки тысячъ... Понеслись и мы за этими движущимися массами, и тамъ, гдѣ мы остановились, увидѣлъ я высокій, черный столбъ съ черною перекладиною, такъ ярко очерчивавшіеся на сѣромъ полотнѣ неба, и мои глаза различили на этомъ столбѣ конецъ веревки и блоки, и кольца, и тихо, тихо качалась веревка, и показалась она такою тяжелою, что какъ бы желала оторваться отъ столба и упасть на землю, въ черную грязь, замѣшенную человѣческими ногами... И волновались живыя массы народа вокругъ этого чернаго столба; рядомъ съ нимъ стоялъ другой черный столбъ, безъ перекладины и безъ веревки, и вокругъ этого столба чернѣлось возвышеніе, съ чернымъ поломъ, съ черными перилами и черными ступеньками, взводившими на это черное возвышеніе. И у подножія этого возвышенія ходили взадъ и впередъ двѣ человѣческія фигуры, высокія, сильныя, и лица у этихъ фигуръ были свѣжія, молодыя, здоровыя. Тутъ же стояли другія фигуры съ серьезными лицами, а вокругъ всего этого, вокругъ этихъ черныхъ столбовъ и серьезныхъ фигуръ, обви-

лись кольцомъ, какъ стѣною, люди съ оружіемъ въ рукахъ, и казалась строгою, холодною какъ камень эта живая людская стѣна, сквозь которую могла пробиться только смерть, а далѣе отъ этой живой стѣны, черезъ интервалъ, стояла другая живая стѣна конныхъ людей, и эти люди, какъ и кони подъ ними, равнодушно смотрѣли и на другихъ людей, и на сѣрое небо, и на черные столбы, и на тяжелую веревку, и на черное возвышеніе, съ черными перилами и черными ступеньками... А масса народа все прибывала къ этому мѣсту, тысячи живыхъ существъ все тѣснѣе и тѣснѣе облегали тотъ страшный кругъ съ черными столбами, куда могла пробраться только смерть: то была ея тѣсно замкнутая аудиторія съ черною каѳедрою для професора.... И слышу я, гдѣ-то недалеко пробило семь часовъ, и глухо заволновались народныя массы, и слышу я шопотъ тысячи устъ: «ѣдетъ, ѣдетъ, ѣдетъ»... Кто же это ѣдетъ? Кого съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ ждутъ эти тысячи? И вглядываюсь я въ сѣрую, туманную даль, что повисла надъ тысячами людскихъ головъ, и всѣ эти головы обратились туда же, куда обратилась и моя голова, ища того, кто ѣдетъ, и туда же обратились, не обращая головъ, глаза тѣхъ людей, которые стройнымъ и тяжелымъ, живымъ, но неподвижнымъ кольцомъ обвились вокругъ черныхъ столбовъ и вокругъ аудиторіи смерти. И вижу я неясно очерченныя на сѣромъ полотнѣ неба головы въ шишакахъ, высоко поднявшіяся надъ головами народа, и двигаются, покачиваясь, эти головы въ шишакахъ, какъ солнце, съ востока на западъ, а надъ этими головами качается, въ неопредѣленной формѣ выступая изъ сѣраго воздуха, что-то тоже похожее на голову, а тамъ оттѣняется что-то похожее на человѣческія плечи, а лица человѣческаго не видно... Все ближе и ближе эти головы въ шишакахъ, все ближе и ближе подвигается, качаясь, и та одинокая голова, или что-то такое, что я принималъ за голову, возвышающееся надъ всею массою и надъ головами въ шишакахъ. И вотъ я ясно различаю человѣческую голову надъ всей этой массой другихъ головъ, хотя лица у этой головы не различаю; и все качается эта голова и качаются плечи, а около плечъ я вижу какіе-то столбики, и различаю что-то вродѣ ремней, которыми плечи пристегнуты къ столбикамъ... И вотъ все явственнѣе и явственнѣе обозначаются очертанія того, что двигалось въ серединѣ головъ въ

шишакахъ—и одинокая, сидящая человѣческая фигура въ чемъ-то сѣромъ или темномъ, въ чемъ-то безцвѣтномъ, какъ это небо, и высокая колесница подъ этой одинокой человѣческой фигурой, и возница и лошади. И вижу я лице у возницы, но лица у той одинокой фигуры не вижу...

«Что же это?.. И узнаю я, что это лице смотритъ туда, куда изъ массы уже никто не смотритъ,—смотритъ на востокъ, назадъ, на пройденный путь, что этому лицу нечего смотрѣть впередъ: ему надо прощаться съ предметами, которые уже пройдены, ему надо оглянуться назадъ, на пройденную и быстро удаляющуюся жизнь и на воспоминанія, которыя, какъ эти массы народныя, тѣснятся передъ его глазами, идутъ за нимъ, провожаютъ его до самаго чернаго столба съ перекладиною... И надъ этой головой пролетѣла какая-то птица, безцвѣтно окрашенная безцвѣтнымъ колоритомъ сѣраго неба, голубь ли то сизый, воронъ ли черный, и какъ бы въ лице, обращенное назадъ, заглянула эта птица... И стали тѣсниться мнѣ въ голову вопросы,—вспомнилъ ли онъ, какъ можетъ быть въ дѣтствѣ онъ слѣдилъ глазами за такою же птицей, и что̀ вызвало въ душѣ его это воспоминаніе, и что̀ онъ думаетъ, и что̀ онъ чувствуетъ?..

«И вотъ высокая колесница у самыхъ черныхъ столбовъ повернулась туда, куда смотрѣлъ онъ, а онъ повернулся сюда къ намъ, и показалось въ сѣромъ воздухѣ его бѣлое лице, бѣлое и блѣдное, и всѣ увидѣли это лице, а оно увидѣло не насъ, которыхъ было такъ много, а два черныхъ столба и перекладину, и тяжелую веревку съ блоками и кольцами... То было лице молодое, истомленное чѣмъ-то... А на груди черная доска, и на доскѣ что-то бѣлымъ написано...

«И взошла на колесницу другая фигура, и отвязала ремни, которыми прикрѣплялись его руки къ столбикамъ, и оба они вмѣстѣ сошли съ колесницы на землю... И тогда подошли къ нему тѣ двѣ человѣческія фигуры, высокія, сильныя, и коснулись его рукъ, и всѣ трое по ступенькамъ взошли на черное возвышеніе съ перилами, и стали они тамъ всѣ трое, онъ, такой худой, блѣдный, хрупкій...

«Онъ стоялъ и не глядѣлъ на массы народа, его обступившія, но за то всѣ эти массы глядѣли на него — и я на него глядѣлъ, не стараясь даже понять что онъ чувствуетъ и что онъ думаетъ... А онъ, можетъ быть, думалъ, что онъ не онъ, что онъ не тотъ, ко-

тораго когда-то, маленькаго и невиннаго, мать держала на колѣняхъ и ласкала и думала о томъ, что ждетъ ея сына, что̀ ему на роду написано... А ему было на роду написано то, чего никто изъ людей не могъ прочитать...

«Тогда взошелъ на возвышеніе еще кто-то, а въ рукахъ у него были бумаги, и сталъ онъ читать то, что̀ тому, которому онъ читалъ, было на роду написано, и читалъ онъ долго, долго... А тотъ кому онъ читалъ, стоялъ и слушалъ, на можетъ быть и не слушалъ... Но его усталая голова видимо падаетъ на лѣвое плечо, и волосы падаютъ на лобъ, и поправляетъ онъ иногда эти падающіе волосы, и переноситъ падающую голову съ лѣваго плеча къ правому, а голова снова клонится... Я слышу, онъ кашляетъ, а тотъ все читаетъ, все читаетъ...

«И вотъ, все прочитано. Тотъ, кто читалъ, сходитъ съ возвышенія, а онъ начинаетъ кланяться народу на всѣ четыре стороны, и кланяется даже въ ту сторону, гдѣ на перекладинѣ виситъ веревка, и когда онъ кланяется, волосы падаютъ ему на лобъ, и онъ отводитъ ихъ рукою ото лба, и опять кланяется... И народъ что-то шепчетъ ему на поклоны... должно быть, коритъ его за его вину великую... И мать, думаю, тамъ гдѣ либо въ глуши, за тысячи верстъ, гдѣ онъ родился и бѣгалъ маленькими ногами, цѣпляясь за ея платье, проклинаетъ его за его вину великую...

«Тогда всходитъ на возвышеніе еще одинъ человѣкъ, въ черномъ платьѣ, въ какихъ обыкновенно отпѣваютъ покойниковъ. Тотъ, которому читали бумагу, подходитъ къ нему, наклоняетъ голову и становится на колѣни; а тотъ, что въ черномъ платьѣ, наклоняется надъ нимъ и что-то тихо говоритъ ему, вѣроятно то, чего никто изъ насъ никому не пересказываетъ...

«Фу, какъ мучительно было ждать, какъ судорожно дышалось въ это время!... Хоть бы скорѣй ужъ!...

«И вотъ онъ опять кланяется на всѣ четыре стороны, кланяется и веревкѣ, а тотъ, что былъ въ черномъ, сходитъ съ возвышенія, и уноситъ съ собою послѣдній звукъ человѣческаго голоса, который слышалъ тотъ, кому этотъ сошедшій съ возвышенія говорилъ то, чего изъ насъ никто никому не пересказываетъ...

«Тогда всходитъ на возвышеніе еще одна фигура съ бѣлымъ мѣ-

шкомъ и вынимаетъ изъ этого мѣшка саванъ и бѣлую повязку для глазъ—и завязываетъ ему глаза... Это онъ будетъ играть въ жмурки со смертью... Поймаетъ или не поймаетъ онъ эту смерть? Поймаетъ, непремѣнно поймаетъ!.. Онъ уже не видитъ ни веревки, ни насъ, ни этихъ массъ народа, который, затаивъ дыханіе, смотритъ на него, ни этого сѣраго, пасмурнаго неба, ни того яркаго неба, подъ которымъ онъ бѣгалъ въ дѣтствѣ, ни человѣческихъ глазъ, ни той птицы, которая опять пролетѣла надъ толпой, и какъ бы хотѣла заглянуть ему въ глаза—ничего и никогда не увидитъ! Даже ужъ этой повязки не видитъ онъ, которая закрыла отъ него такой прекрасный и такой скорбный міръ божій... Но онъ еще слышитъ и свое собственное дыханіе, и шуршанье ленточекъ отъ повязки на затылкѣ, и безмолвное, глухое движеніе толпы, и звуки смертной, похоронной, раздирающей музыки... Онъ *только* слышитъ!.. И слышитъ онъ, какъ снимаютъ съ него черную доску, на которой что-то написано бѣлыми буквами, и какъ снимаютъ съ него верхнюю одежду... И онъ чихаетъ... чихаетъ!.. Хорошій знакъ...

«Но какъ долго надѣваютъ на него смертную рубашку—парусинный саванъ съ капишономъ для головы! Какъ путается его усталая голова въ грубыхъ складкахъ савана.... Его руки — ослабѣвшія, вялыя—не входятъ въ длинные рукава, путаются въ нихъ, но онъ самъ поднимаетъ надъ головой руки, самъ вдѣваетъ ихъ въ эти рукава, и на него опустилась рубашка, и опустилась низко, низко,— до самыхъ ногъ...

«Вотъ онъ и въ саванѣ, хотя живой и понимающій это... А мы все на него смотримъ, и всѣ на него смотрятъ, только онъ ужъ не смотритъ на насъ. Но онъ все еще слышитъ:—слышитъ, какъ длинные рукава савана завязываютъ вмѣстѣ съ руками у него за спиною, и встряхиваютъ его, затягивая рукава... И вотъ сводятъ его съ возвышенія, и онъ не видитъ ступенекъ, по которымъ надо идти, и ноги его ощупываютъ эти ступеньки, и эти же ноги сводятъ его въ послѣдній разъ на землю, и эти же ноги подводятъ его къ тому черному столбу съ перекладиной, на которомъ висѣла веревка съ блоками и кольцами, и эти же ноги, хотя путаясь и не попадая куда слѣдуетъ, взводятъ его по другимъ ступенькамъ, подъ самую веревку, а за нимъ всходятъ и тѣ двѣ фигуры съ молодыми

лицами. И вотъ опускаютъ веревку и онъ слышитъ и осязаетъ, какъ веревка шуршитъ у него по затылку, задѣваетъ его, задѣваетъ его плечи... А онъ все стоитъ, все ждетъ, все слушаетъ,—и мы ждемъ.

«И вотъ расправили петлю на веревкѣ и вдѣли въ эту петлю голову... А онъ все стоитъ и ждетъ... Насъ бьетъ лихорадка, но мы тоже ждемъ....»

Сказавъ это, больной замолчалъ. У него сильно тряслась голова. Присутствующіе не смѣли прервать этого тяжелаго молчанія, пока больной самъ не взглянулъ на нихъ какими-то странными глазами.

— Что же было дальше? спросилъ посѣтитель.

Больной молчалъ.

— Что же, вы кончили?

— Кончилъ, отвѣчалъ тотъ.—Дальше ничего не было.

— Вы остановились на томъ, какъ ему надѣли на шею веревку.

— Да, надѣли... помню, помню, говорилъ онъ, какъ бы опять погружаясь въ воспоминаніе.—Онъ стоитъ съ веревкой на шеѣ... Мы ждемъ... Вдругъ изъ подъ его ногъ выбивается какая-то подставка, и онъ опустился, упалъ, но, какъ бы боясь упасть въ пропасть, онъ конвульсивно поджимаетъ подъ себя ноги—петля затягивается... Его тянутъ выше, по блоку,—встряхиваютъ... Встряска въ тѣлѣ.. Вольты тѣла по воздуху—точь въ точь какъ на конькахъ, по льду, катаются живые люди и круги дѣлаютъ... Ноги сжимаются и разжимаются.. Каблуки бьютъ одинъ по другому... Ноги расходятся, вытягиваются... Вольтъ за вольтомъ — все меньше и меньше размахи... Но въ головѣ, склоненной на бокъ, еще замѣтна дрожь... И качанья все дѣлается медленнѣе, ровнѣе, спокойнѣе.. спокойнѣе!..

«И долго я смотрѣлъ, какъ на сѣромъ фонѣ неба висѣла и качалась эта бѣлая, длинная фигура, съ головою на лѣвое плечо... Но качанья все тише, тише... я вижу только бѣлую фигуру въ мѣшкѣ, но веревки не вижу... И представляется мнѣ, что этотъ мертвецъ въ саванѣ—виситъ на воздухѣ, какъ, казалось мнѣ, виситъ земля въ пространствѣ, когда я смотрѣлъ на нее изъ безконечной дали, и земля казалась мнѣ тоже мертвою, беззвучною...

«Но вотъ подъѣзжаетъ къ этой бѣлой висящей фигурѣ всадникъ,

и смотритъ на нее—есть ли признаки жизни въ томъ, что виситъ въ этомъ бѣломъ мѣшкѣ, иль оно умерло... Мнѣ казалось, что оно не умирало, что оно виситъ и чувствуетъ свое положеніе, какъ чувствовалъ я въ томъ далекомъ планетномъ пространствѣ свою отчужденность отъ всего міра, что оно думаетъ глубокую, глубокую думу, оттого и не шелохнется, что оно ждетъ чего-то... Но чего ему ждать?

«Изъ-за массъ народа, между двухъ черныхъ столбовъ, на сѣромъ небѣ обрисовывается телѣга... Ближе, ближу — вижу лошадь, телѣгу, на телѣгѣ стоитъ что-то длинное, покрытое рогожей... Останавливается телѣга около бѣлой висящей фигуры, снимается рогожа—и я вижу гробъ... Такъ вотъ чего ждалъ онъ!

«Снимаютъ гробъ и ставятъ на землю подъ бѣлой висящей фигурой... Спускаютъ по блоку эту бѣлую фигуру, распускаютъ петлю, вынимаютъ его изъ петли.... и двое берутъ его — одинъ за ноги, другой за голову, а онъ гнется какъ не туго набитый мѣшокъ,—и думаю я, что они его уронятъ, ушибутъ, но они бережно кладутъ его въ гробъ, накрываютъ крышкой, заколачиваютъ крышку, ставятъ на телѣгу, покрываютъ рогожей и куда-то увозятъ... Должно быть, къ матери...

«И хлынули назадъ массы народа... Пошелъ и я... А тамъ и солнце проглянуло, такое теплое, яркое, веселое... И не хотѣлось мнѣ оставаться на землѣ, гдѣ такъ много зла, грѣховъ и скорби, и я вновь полетѣлъ въ планетное пространство... Но земля тянула меня къ себѣ, злая, скорбная—но дорогая...

«Вотъ и теперь, на сѣромъ фонѣ неба, качается передъ моими глазами въ бѣломъ мѣшкѣ что-то тяжелое, гибкое.. Каблуки прижаты одинъ къ другому... Подошвы видны, такія потертыя... А много они ходили по землѣ?.. Теперь не ходятъ ужъ... И корова не ходитъ давно.. Съ коровы сняли шкуру, сдѣлали ему подошвы.. Смѣшно!.. Зачѣмъ убивали корову? Она тоже хотѣла жить, по травѣ ходить... Какъ все это странно... Нѣтъ, что-нибудь да не такъ...»

Больной замолчалъ и, положивъ локти на колѣни и подперевъ голову руками, закрылъ глаза.—«Странно, очень странно», говорилъ онъ самъ съ собой.

— На этомъ онъ, кажется, и помѣшался, говорилъ шопотомъ

смотритель,—а то, что ему кажется, будто онъ летаетъ, было уже послѣдствіемъ помѣшательства.

— Да, странное помѣшательство... Что же, бываетъ онъ неспокоенъ?

— Нѣтъ, онъ тихъ, только иногда раздражается. Въ иное время онъ говоритъ какъ совершеннно здоровый человѣкъ.

— Но почему же именно кажется ему, что онъ летаетъ?

— Вѣроятно, въ болѣзненномъ состояніи онъ думалъ что-нибудь подобное. Иногда изъ его словъ можно догадаться, что видъ казни произвелъ на него такое сильное потрясеніе, что голова его не выдержала. По крайней мѣрѣ, съ этого дня начался періодъ летанья.

— Но онъ самъ вѣдь сейчасъ говорилъ, что на мѣсто казни онъ попалъ съ облаковъ, возражалъ посѣтитель.

— Да, но прежде онъ связнѣе разсказывалъ это обстоятельство, и знавшіе его говорятъ, что до того времени въ немъ незамѣтно было признаковъ помѣшательства.

— Что же онъ еще говоритъ?

— Ему все кажется больше, что все что онъ прежде видѣлъ и слышалъ, все что читалъ и что произвело на него сильное впечатлѣніе,—все это, по его словамъ, онъ видѣлъ во время летанья.

Въ это время больной открылъ глаза и прямо посмотрѣлъ на посѣтителя.

— Васъ, вѣроятно, интересуютъ сумасшедшіе, и вы пришли посмотрѣть на меня? спросилъ онъ его съ совершенно осмысленной улыбкой, приподнимаясь съ койки.

— Нѣтъ, я здѣсь совершенно случайно, отвѣчалъ тотъ, потому что вопросъ больнаго нѣсколько озадачилъ его.

— Вѣроятно, такъ же, какъ и я... Только меня не выпускаютъ отсюда, а васъ выпустятъ?

Посѣтитель не зналъ что ему отвѣчать.

— Я думаю, что васъ и меня выпустятъ, когда не будетъ никакого препятствія, сказалъ онъ, поглядывая на смотрителя.

— Да какія же могутъ быть препятствія?

— Я не знаю.

Смотрителя куда-то позвали — и посѣтитель остался одинъ съ больнымъ.

— Велите меня выпустить отсюда, вдругъ обратился онъ умоляющимъ голосомъ къ посѣтителю.

— Я не имѣю здѣсь власти, отвѣчалъ посѣтитель.

— Выпустите меня, спасите меня, — я сойду съ ума, говорилъ больной, падая на колѣни: я ничего не сдѣлалъ... Я не буду больше говорить о Россіи, я не буду любить ее... Пощадите меня.

II.

Волга. Пароходная пристань съ отвратительными въѣздами и съѣздами. Пароходъ готовится отчалить. На берегу гамъ и пыль. На пароходѣ гамъ и дымъ. На берегу, сверхъ того, раздавался нестерпимый бабій вой, такъ что можно было подумать, будто пароходная пристань устроена на кладбищѣ, на которомъ десятка два бабъ опускали въ могилу своихъ мужей. Одна изъ этихъ бабъ, уткнувшись носомъ въ грязную котомку, выла какъ бы по заказу, съ правильными метрическими повышеніями и пониженіями здороваго, ревучаго голоса. Другая стояла по колѣни въ водѣ и, протягивая руки къ пароходу, выплакивала какія-то причитанія звонкимъ говоркомъ. Третья рыдала отрывочно какимъ-то надорваннымъ голосомъ. У четвертой на рукахъ заливался завернутый въ лохмотья ребенокъ, и заливался не потому, чтобы ему лично было горько, а вслѣдствіе того закона, по которому соловей начинаетъ свистать, когда застучатъ тарелками и ножами.

— Партію солдатъ куда-то посылаютъ.

— Да, вижу.

— Почему же ты улыбаешься?

— Такъ, весело.

— Странный ты человѣкъ... нашелъ чему радоваться.

— А что?

— Да тяжело все это видѣть.

— Вотъ какую новость сказалъ... А знаешь, я хочу предложить русскимъ статистикамъ новую, оригинальную работу.

— Какую?

— Говорятъ, что наука признаетъ поступательный ходъ человѣчества къ лучшему.

— Ну, не всѣ это признаютъ: старые люди говорятъ, будто прежде было лучше, а чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе жить людямъ.

— Исторія этого не говоритъ.

— Какую же ты работу хочешь предложить статистикамъ?

— А вотъ какую: статистика новаго времени пришла къ замѣчательнымъ результатамъ. Она знаетъ величину средней жизни людей того или другаго города или государства, а нравственная статистика можетъ даже весьма точно опредѣлить, сколько въ будущемъ году будетъ совершено преступленій въ такомъ-то мѣстѣ или городѣ, и опредѣлитъ даже роды преступленій.

— Чтожъ изъ этого?

— Да то, что статистикѣ не мѣшало бы высчитать, сколько ведеръ, бочекъ, гектолитровъ, галлоновъ или штофовъ...

— Выпивается вина?..

— Нѣтъ, не вина, а сколько штофовъ хоть бы проливается слезъ среднимъ числомъ на человѣка по каждому государству, по городамъ, по сословіямъ, возрастамъ, положеніямъ въ обществѣ.

— Ну, ужъ ты выдумаешь! Да это и невозможно.

— Для науки и для современнаго человѣка все возможно. Вѣдь метеорологія высчитываетъ же—сколько за лѣто и за зиму выпадаетъ дождя и снѣга на квадратную сажень; такъ наука можетъ высчитаетъ и количество выпавшихъ слезъ на каждую квадратную сажень, что-ли.

— Для чего же это?

— Да чтобъ видѣть, лучше ли становится жить человѣчеству или хуже.

— Ну, это философскій вопросъ вродѣ тѣхъ, которые задавалъ себѣ Кифа Мокіевичъ.

Этотъ странный разговоръ вели между собой два пасажира, изъ которыхъ одному было лѣтъ за двадцать, а другому лѣтъ за тридцать. Младшій былъ красивый брюнетъ съ длинными волосами. У старшаго свѣтлые волосы были острижены гладко, за то бородѣ данъ свободный ростъ. Оба они сидѣли на палубѣ и курили, спокойно ожидая отплытія парохода.

Къ нимъ подошелъ солдатикъ съ котомкою за плечами. Котомку эту онъ старался подпихнуть подъ скамейку.

— Куда васъ, кавалеръ, отправляютъ? спросилъ солдатика старшій изъ двухъ пасажировъ.

Солдатикъ поглядѣлъ на вопрошающаго и замахалъ рукой на бабу, которая выла стоя въ водѣ.

Пасажиръ повторилъ вопросъ.

— Насъ-то, отвѣчалъ солдатикъ, —подъ Кукань.

— А гдѣ эта Кукань?

— А кто ее знаетъ, Кукань-ту эту.... Слышали, что за самой за Сибирью будетъ.

— А что вы тамъ будете дѣлать подъ Куканью?

— Знамо что—стражаться.

— Съ кѣмъ же?

— Да съ этой самой Куканью.

— А за что?

— Бунтуетъ, слышно; такъ и претъ на нашу армію.

Онъ снова замахалъ на бабу, которая выла въ водѣ.

— Хозяйка тоже... жалко... Куда бредешь, дура! крикнулъ онъ, когда баба потянулась къ нему.

— А тебѣ жаль ее?

— Не што.... не собака чать—человѣкъ тоже называется, хотя и баба.

— Ты не бывалъ еще подъ Куканью?

— Нѣту, подъ Куканью не бывалъ, а въ Кіевѣ бывалъ и пещеры видалъ... Страшно.

— А Кукани не боишься?

— Какъ не бояться: тамъ, сказываютъ, за Куканью самъ агличъ спрятался и изъ подъ воды стрѣляетъ: ты въ него изъ пушки, а онъ изъ подъ воды только пузыри пущаетъ—дышитъ, значитъ. Продувной народецъ! какъ ты его тамъ возьмешь, подъ водой-то.

— Супоня! ступай къ перекличкѣ, закричалъ другой солдатикъ, и Супоня отошелъ отъ нашихъ пасажировъ.

Подмостки сняты, капитанъ, ходя по трапу, далъ знать кому-то о чемъ-то свисткомъ и пароходъ двинулся.

На пароходѣ и на берегу поднялись руки и начали креститься;

иныя руки махали платками, да такъ отчаянно, какъ бы желая выразить: «отвяжитесь вы совсѣмъ съ вашимъ пароходомъ». Бабій вой на берегу усилился до того, что забравшаяся на крышу конторки собака тоже начала выть, поднявъ морду къ небу и какъ бы стараясь выговорить: «на кого ты меня, кормилецъ, покинулъ». Почти всѣ пасажиры столпились на той сторонѣ палубы, которая обращена была къ пристани, и съ такимъ вниманіемъ смотрѣли на эту, съ каждымъ взмахомъ пароходнаго колеса удалявшуюся отъ нихъ пристань, какъ будто никогда ее въ жизни не видѣли. Свойство человѣческой природы именно таково, что онъ едва-ли не съ одинаковымъ любопытствомъ разсматриваетъ предметы и явленія никогда имъ невиданныя и такія, которыя онъ видитъ въ послѣдній разъ: оттого, умершаго человѣка, когда на него накладываютъ гробовую крышку, мы разсматриваемъ едва-ли не съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ тогда, когда онъ былъ живъ и мы видѣли его каждый день.

Бабій плачь становился все менѣе и менѣе слышенъ, хотя это не доказывало, что онъ прекратился: какъ ни крѣпки были бабьи легкія, однако издаваемые этими легкими вопли не могли доноситься до парохода и пропадали въ пространствѣ, какъ и вой собаки, помѣстившейся на конторкѣ, хотя все еще видно было, что морда этого разстроеннаго животнаго обращена была къ небу.

— То Кубань, а то Кукань... Какъ же ты, землякъ любезный, этого не сообразишь?

— Да ты, кавалеръ, что-нибудь не такъ толкуешь.

— Не такъ!.. пойми ты, милый человѣкъ, что Кукань—Кукань и есть, такъ и прозывается, а Кубань и есть Кубань — это особь-статья, а Кіевъ самъ по себѣ... понялъ?

— Ну, понялъ.

— Кубань — это, значитъ, земля такая есть, какъ примѣрно Анапа али Туречина, а Кукань—это вода, море такое, а въ этомъ морѣ подъ водою агличъ сидитъ.

— Подъ водою! что ты врешь?

— Песъ вретъ, а я не вру.

— Ну, кавалеръ?

— Вотъ его, аглича-то проклятаго, только и распознаешь въ

водѣ по пузырямъ: гдѣ пузыри изъ моря подымаются, тамъ и есть онъ, туда и стрѣляй.

— Какъ же онъ подъ водою живетъ,—не рыба, чать?

— Не рыба, а хуже рыбы... Корабли у него такіе есть.

Это солдатикъ, котораго назвали Супоней, толковалъ уже съ какимъ-то землякомъ о Кукани.

— Вотъ она какова, Кукань-то, ораторствовалъ Супоня.

— Что-жъ ты супротивъ этой самой Кукани подѣлаешь?

— Что подѣлаешь!.. Велитъ начальство—и возьмемъ Кукань.

— Да какъ же ты, кавалеръ, воду-то возьмешь? Ну, хоть бы, къ примѣру, Волгу али Каму—какъ ее возьмешь?

— Эхъ ты, голова! голова! сказано, мужикъ необразованный!—Пойми ты меня: вѣдь Кукань-то не одна, а двѣ. Во́ что!

— Какъ двѣ?

— Да двѣ и есть: одна Кукань—Кукань-море, другая Кукань—Кукань-земля. То вода, а то земля. — Такъ и двѣ Москвы, а не одна: то Москва-городъ, а то Москва-рѣка. Понялъ!

— Понялъ.

— Ну, Кукань-то мы и возьмемъ.

— А на кой ее песъ, Кукань-ту?

— Для порядку... Порядки, знаешь, чтобы заводить тамъ—становыхъ, примѣрно, исправниковъ, чтобы народъ не баловался.

Мужикъ почесалъ въ затылкѣ.

— Ну, знамо, агличъ, опосля всего эвтого, носу туда не покажетъ, замѣтилъ онъ въ раздумьи.

— Вѣстимо, не покажетъ.

Два пасажира, о которыхъ мы прежде говорили, при послѣднихъ словахъ собесѣдниковъ значительно переглянулись.

Разглагольствованія солдата съ землякомъ видимо интересовали ихъ. Супоня, кажется, былъ, что называется, въ ударѣ.

Мужикъ, довольный бесѣдой съ кавалеромъ, продолжалъ философствовать, потому что передъ отъѣздомъ выпилъ винца.

— А теперь скажи мнѣ, землякъ, на кой песъ вы все воюете?

— Эхъ ты, лапоть! у тебя все на кой песъ!.. А на кой песъ ты пашешь?

— Ни-ни, кавалеръ! тутъ пса не поминай, грѣхъ... Пахота-то для хлѣбушки, а хлѣбушко-то святой, отъ Бога.

— То-то отъ Бога!—А война рази не отъ Бога?

— Вѣстимо, все отъ Бога.

— Ну, такъ и не мели пустаго... а то нà-кось—на кой песъ!.. Эдакъ я и тебѣ загадку загану:—на кой песъ ты оброкъ платишь?

Мужикъ снова почесалъ въ затылкѣ, не зная что отвѣчать.

— Для отечествія, знать.. это велѣно.

— Ну, и война для отечествія... Сойдутся это двѣ войски, одна войска и говоритъ другой: берегись! стрѣлять буду,—ну и начнется страженіе... А какъ бы не отечествіе, такъ и войны не было бы.

— А колибы Кукань на насъ напала?

— Кукань—это ужъ совсѣмъ иное дѣло: сказано, покорить Кукань,—ну и воюй! А безъ войны нельзя,—на что-жъ будутъ тогда енаралы да полковники?

— То-то, и я такъ мекаю.

Тутъ въ разговоръ ихъ вмѣшалось третье лице, шустрый мѣщанинъ, изъ городскихъ крикуновъ, что называется—чуйка.

— Дѣло ты говоришь, господинъ кавалеръ, замѣтила чуйка.

Супоня самодовольно кивнулъ головой.

— Объ Кукани ты тамъ какъ хошь думай, а безъ войны можно обойтись, продолжала чуйка.

— Какъ же ты обойдешься, коли тамъ агличъ?

— Да такъ и обойдусь.

—Ну-ка, попробуй. Зачѣмъ же сказано—«христолюбивое воинство?»

— А для близиру сказано.

— Нѣтъ, не для близиру.

— Ну, инъ быть по твоему... Только я вò что думаю, кавалеръ: Возьмемъ къ примѣру такое дѣло: живутъ на свѣтѣ двѣ земли — расейская и аглицкая. Понимаешь?

— Понимаю... А Кукань-ту куда дѣнешь?

— Погоди съ Куканью-то, успѣешь.

— Ну?

— Ну, такъ живутъ двѣ земли — расейская и аглицкая. Будь ты, къ примѣру, самая эта аглицкая земля, а я Расея. — Вотъ и

захотѣли мы воевать другъ съ дружкой—ты супротивъ меня, а я супротивъ тебя. Ладно?

— Ладно... Только ужъ лучше я буду Расеей, замѣтилъ Супоня.

— Ну, инъ будь ты Расея... Ладно.. Я тебя въ ухо, ты меня въ другое, особливо коли подпимши.

— Это что и говорить.

— Ладно. Слушай же дальше, кавалеръ любезный. Захотѣлъ я оттягать у тебя шинель, къ примѣру.

— Ну, братъ, дудки! шинель-то казенная.

— Да ты слушай!—я къ примѣру... Захотѣлъ я это твою шинель взять, ты и говоришь: — нѣтъ, шалишь, молъ! пойдемъ по начальству.. въ полицію тебя...—Не будь суда и расправы, я бы у тебя шинель-то отнялъ, коли я тебя сильнѣе.

— Это точно что такъ.

— Ну, такъ и война.

— А гдѣ-жъ ты найдешь судъ аглицкой землѣ? Ее въ полицію не потащишь...

— Да ты слушай! Вотъ у меня сусѣдъ--Филатка, столяръ, настоящій агличъ, все бы шелъ на меня войной, все бы куръ моихъ гонять ему... Такъ шалишь!.. Два раза ужъ сажалъ его на съѣзжую—и перессталъ воевать. А то, можетъ, и до смертоубійства дошло бы, коли все бы воевать да и воевать, какъ вы воюете. Замѣсто того, чтобъ воевать, пусть бы лучше разсудились...

— А кто судьей-то будетъ?

Этотъ вопросъ озадачилъ чуйку. Она не нашлась что отвѣчать.

— Ну, приставалъ Супоня,—ты скажи мнѣ, кто судьей-то будетъ?

— Да ты постой, возражала чуйка,—вотъ, примѣрно, Филатка столяръ на меня войной идетъ...

— Что мнѣ твой Филатка! плевать на него!... А какъ ты съ Куканью-то сладишь?

— Какъ слажу? что Кукань, что Филатка—все едино.

— Да и кто судить-то будетъ—хоть бы куканскаго царя?

— Другіе цари.

— А онъ скажетъ: «не боюсь я другихъ царей»—и ну пушками жарить въ другихъ царей-то.

— Это ты дѣло говоришь, кавалеръ, вмѣшался снова мужичекъ—

у насъ вотъ есть Микита кузнецъ, всему міру поперекъ горла сталъ, и начальства не боится, что твоя Кукань: знать, говоритъ, никого не хочу!

Солнце, между тѣмъ, такъ сильно начало бить жаркими лучами въ открытую палубу парохода, что два упомянутые нами, въ началѣ этого повѣствованія, пасажира, не могли болѣе оставаться на солнцѣ и отправились въ каюту втораго класса.

— Не правда ли, хороша Кукань, замѣтилъ младшій.

— Да и Микита съ Филаткой не дурны, добавилъ старшій, — только на этотъ смѣшной разговоръ я смотрю серьезно и, признаюсь, вижу въ немъ «знаменія времени»..

— Ну, ты во всемъ видишь эти знаменія.

— Да, во многомъ.

— Отчего-жъ я не вижу?

— Не привыкъ, да и близорукъ порядкомъ.

— Что же ты выводишь изъ этого разговора?

— Утѣшительнаго не много: хотя чуйка права, но и солдатикъ правъ со своей точки зрѣнія... Филатку столяра еще можно запугать съѣзжей, а хоть бы Наполеона не запугаешь ничѣмъ, кромѣ миліона штыковъ, съ заряженными съ казенной части ружьями.

— Но вѣдь теперь всѣ говорятъ о всеобщемъ разоруженіи.

— Знаю, что говорятъ. Читалъ даже, какъ Наполеонъ на дняхъ по этому предмету объяснился съ такимъ господиномъ, котораго онъ же убилъ.

— Какъ, съ мертвецомъ?

— Да, съ мертвецомъ.

— Съ кѣмъ же это?

— Съ капиталомъ.

— Съ какимъ капитаномъ?

— Не съ капитаномъ, а съ капиталомъ... Капиталъ—понимаешь, деньги... Онъ держалъ рѣчь къ капиталу, движеніе котораго онъ же самъ, главнымъ образомъ, задерживаетъ и убиваетъ во всей Европѣ то опасеніемъ войнъ, то непроизводительной тратой на войско...

— Я этого случая не читалъ.

— Да, это очень трогательно и картинно... Иныя газеты пишутъ, что Наполеонъ въ Труа, 11 августа, говорилъ съ капита-

номъ, вотъ какъ и тебѣ послышалось, и всѣ интересовались, что́ это за капитанъ—ужъ не капитанъ ли Копейкинъ чего добраго?

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ... Оказывается, что Наполеонъ, въ проѣздъ черезъ Труа, произнесъ миролюбивую рѣчь и даже обратился къ капиталу съ слѣдующими словами: «Отважься! Будущность принадлежитъ тебѣ. Опасныя времена миновались!»

Сказавъ эти слова, старшій изъ пасажировъ взялъ со стола газету (они находились уже въ каютѣ) и показалъ ее младшему, говоря:

— Смотри, вотъ этотъ разговоръ Наполеона съ капитаномъ Копейкинымъ.

— Да, правда, замѣтилъ младшій, улыбаясь.

— А знаешь, вдругъ спросилъ старшій,—что́ это напоминаетъ мнѣ?

— А что?

— Рѣчь гробовщика въ Гамлетѣ.

— Къ кому рѣчь, къ Гамлету?

— Нѣтъ, къ Офеліи, когда онъ копалъ ей могилу.

— Но вѣдь онъ съ ней не говорилъ...

— Могъ говорить, и онъ долженъ былъ сказать: «Офелья, отважься! будущность принадлежитъ тебѣ. Опасныя времена миновали!.. Ты, утонувши разъ, въ другой разъ уже не утонешь».

— Да, это хоть и остроумно, но несправедливо.

— Несправедливо!.. Такъ что же по твоему — Филатка столяръ такъ и перестанетъ сосѣдскихъ куръ загонять, а Микита кузнецъ смирится?

— Смирятся... Теперь чѣмъ дальше, тѣмъ больше сознаютъ всѣ гибельность войнъ...

— Да и гибельность холеры сознаютъ всѣ, а что толку?

— Война не холера: война въ нашей власти, какъ и миръ.

— Въ нашей .. А если въ нашей, такъ отчего бы намъ не отмѣнить походъ этихъ солдатиковъ подъ Кукань?

— Я говорю въ общемъ, а не объ этомъ случаѣ.

— Да и я говорю въ общемъ... Въ частности-то, пожалуй, и идетъ трактатъ о непринятіи въ войска разрывныхъ пуль, а въ общемъ всѣ флоты снабжаются панцырными судами, мониторами, раз-

рушительными таранами, пушками чудовищныхъ размѣровъ, такими, что скоро изъ Лондона станутъ стрѣлять въ Парижъ, а изъ Парижа въ Вѣну... Э! все вздоръ! Ничто отъ насъ не зависитъ... Надъ нами тяготѣетъ это проклятое «ананке» и будетъ тяготѣть вѣчно, если мы...

Онъ остановился.

— Если мы что? спросилъ младшій.

— Ничего... Если даже будетъ это *если*, то и то ничего не будетъ.

— Почему же?

— А вотъ я сейчасъ докажу.

— Посмотримъ.

— Смотри.

III.

Старшій изъ пасажировъ, сказавъ эти слова своему младшему товарищу, обвелъ глазами каюту парохода, въ которой они находились. Почти вся каюта была занята пасажирами. На самомъ видномъ мѣстѣ, посреди каюты, за разставленнымъ столомъ, сидѣло четыре субъекта. Они заняты были игрою въ карты. По временамъ слышались фразы вродѣ слѣдующихъ:

— Дамъ не бьютъ.

— Какія дамы—иныхъ и бьютъ.

— А вы короля-то по усамъ, по усамъ!

— Я не бунтовщикъ, чтобы королей бить.

— Бацъ! Акулину Прохоровну въ рыло...

— Ха! ха! ха!

— Человѣкъ, водки!

— Дуй ее...

— Король самъ шостъ.

— Тузъ самъ чортъ!

— Ха! ха! ха!

Иные изъ пасажировъ пили чай, другіе просто валялись, растя-

нувшись на койкахъ, и смотрѣли то на играющихъ въ карты, то на пьющихъ чай. Въ углу каюты, на сосѣднихъ койкахъ, лежали двое студентовъ и бесѣдовали о томъ, что прежде въ университетѣ занимались болѣе естественными науками, а теперь настали совсѣмъ другія времена: студенты уже менѣе заняты изслѣдованіями и наблюденіями, а болѣе ударяютъ въ практическія науки и болѣе думаютъ о томъ, какъ составить себѣ будущность. Они разсказывали другъ другу разные анекдоты про своихъ професоровъ, которые стали практичны не менѣе студентовъ и для примѣра своимъ слушателямъ хлопочутъ болѣе о теплыхъ мѣстечкахъ, чѣмъ о научномъ усовершенствованіи.—Пароходъ шелъ довольно ровно, по временамъ только какъ бы вздрагивая; а колеса парохода, роя воду, своимъ ровнымъ, однообразнымъ шумомъ вторили такому же ровному журчанію, въ звуки котораго сливались голоса разговаривавшихъ кучекъ и паръ... И что это за кучки, что за пары, что за разговоры: кто про что, кто во что... Не далеко отъ двери каюты, за маленькимъ столикомъ, сидѣли два собесѣдника и пили чай, облокотившись на столикъ. Длиннополые сюртуки и нѣкоторые наружные признаки обличали въ нихъ купеческихъ прикащиковъ.

— Вотъ сидишь это себѣ, думаешь, да ажно чудно станетъ, говорилъ одинъ въ раздумьи.

— Что тебѣ чудно такъ?

— Да что, Сеня: сидишь это словно въ трактирѣ, сидишь себѣ прохлаждаешься, а самъ ѣдешь... Ни лошадей подъ тобой, ни паруса не нужно, ни гребли, а тебя само везетъ.

— Везетъ, братъ... такія нынче времена.

— Времена-то—времена, да смотри, чай, они послѣднія...

— Кто?

— Времена-то.

— Ты это почемъ съ пуда брехать сталъ.

— Почемъ съ пуда!.. не брешу, а люди гуторятъ.

— Вѣрь ты дуракамъ-то!

— Чего дуракамъ... Нѣшто все дураки?

— Знамо дураки—вотъ-те и сказъ.

— Да съ чего имъ дураками быть?...

— А съ чего не быть, да быть... Ты мнѣ, душевный человѣкъ,

вотъ что скажи: съ какой стати времена-то послѣдними станутъ... Ништо такія послѣднія-то времена по писанію?

— Вѣстимо нѣтъ...

— То-то же и оно-то.

— Да и я такъ думаю.

— Ну и думай да чай попивай.

Въ сторонѣ отъ всѣхъ прочихъ пасажировъ, за третьимъ столикомъ сидѣлъ блѣдный молодой человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать, въ красной курткѣ и съ сумочкой черезъ плечо. Передъ нимъ лежала книга, которую онъ читалъ, по видимому, съ большимъ вниманіемъ, иногда улыбаясь, иногда качая головой.

— Подойдемъ вонъ къ тому господину что читаетъ, сказалъ старшій изъ упомянутыхъ нами выше пасажировъ,—онъ читаетъ серьезную книгу, я видѣлъ.

— Это красная-то куртка?

— Да.

— А что она читаетъ?

— Спенсера. Онъ теперь вѣдь въ большомъ ходу у насъ.

Они подошли къ красной курткѣ и заговорили съ ней по поводу книги, которую куртка читала.

— Вы куда же теперь? спросилъ старшій пасажиръ.

— Въ Нижній, по торговымъ дѣламъ отца.

— Вы купецъ?

— Купецъ.

— Что же, вамъ Спенсеръ нравится?

Красная куртка улыбнулась.

— Спенсеръ тятенкѣ не нравится, сказалъ онъ, какъ-то странно глядя на вопрошающихъ.

Тѣ поняли иронію въ его отвѣтѣ.

— Отчего же Спенсеръ не нравится вашему батюшкѣ!

— А Чернышевскій нравится вашей маменькѣ? въ свою очередь спросила куртка.

— Нѣтъ, моя мать стараго закала.

— Ммъ... А мой тятенька—самъ кузнецъ, другихъ закаливаетъ, да при томъ онъ старой вѣры, и я самъ раскольникъ.

Собесѣдники его вытаращили глаза отъ удивленія.

— Вы раскольникъ!.. Не можетъ быть!

— Раскольникъ.

— И читаете Спенсера?

— И читаю Спенсера... Васъ это удивляетъ?

— Нѣтъ... да... какъ-то странно.

— Вы, вѣроятно, думали встрѣтить во мнѣ купеческаго сынка, безобразника, который по трактирамъ зеркала бьетъ, лишь бы его ндраву не препятствовали, да?

— Нѣтъ... Но все какъ-то странно: раскольникъ—и читаете Спенсера.

— Я читаю не только Спенсера, но и Молешота и Ренана... А Ренана и мой батюшка—виноватъ—тятенька любитъ. Да и чтожъ тутъ удивительнаго?

— Удивительно то, какъ это трегубое и сугубое аллилуія можетъ вязаться съ Молешотомъ и Спенсеромъ.

— Привычка и... расчетъ... дѣло комерческое.

— И много между купечествомъ такихъ какъ вы?

— Кажется, есть не мало.

Старшій изъ собесѣдующихъ пасажировъ улыбнулся.

— Вы что улыбаетесь? спросила куртка.

— Такъ... Въ васъ и въ вашихъ словахъ я опять вижу «знаменія времени».

Красная куртка въ свою очередь улыбнулась.

— А вы чему? спросилъ тотъ.

— Словамъ моего батюшки и вашимъ: мой отецъ говоритъ, что «знаменіе времени» деньги.

— А вы?

— Я... Я люблю, видите, Спенсера, а тятенька не любитъ.

— Признаюсь, вы загадочный человѣкъ, и я васъ не понимаю.

— Не читали.

— Кого?

— Меня.

— Какъ васъ?

— Да, меня—и оттого не понимаете.

— Да васъ прочитать-то трудно: вы писаны на незнакомомъ мнѣ языкѣ.

— Нѣтъ, просто на русскомъ, и изданъ, съ дозволенія цензуры, «товариществомъ общественной пользы».

— Такъ позвольте мнѣ прочитать васъ.

— Читайте: обертку и эпиграфъ прочли—развертывайте дальше... Однако, не напиться ли и намъ чаю?

— Пожалуй.

Чай былъ поданъ. Разговоръ продолжался. Красная куртка все болѣе и болѣе заинтерсссовывала нашихъ пасажировъ, которые находили въ ней рѣдкую начитанность и оригинальный взглядъ на вещи. Разговоръ, какъ и слѣдовало ожидать, вертѣлся около современныхъ общественныхъ вопросовъ и личныхъ убѣжденій каждаго изъ бесѣдовавшихъ.

— И вашъ батюшка не преслѣдуетъ вашихъ убѣжденій? спросилъ младшій пасажиръ красную куртку.

— Онъ не знаетъ что ему преслѣдовать.

— Какъ?

— Очень просто: онъ не умѣетъ меня читать... А если иную страничку и прочитаетъ, тотчасъ же пускаетъ въ ходъ красный цензорскій карандашъ.

— Запрещаетъ?

— Перечеркиваетъ: «печатать-де не дозволяется».

— Что-жъ вы?

— Ничего: перечеркнутую страницу я пускаю въ ходъ въ рукописи, или перепечатываю тайно, въ вольной типографіи или на ручномъ типографскомъ станкѣ.

— И вамъ не тяжело постоянно прятаться съ своими убѣжденіями?

— Не легко... Но будто и вы высказываете вашимъ маменькамъ и вашимъ папенькамъ все, что вы думаете?

— Нѣтъ, не все.

— То-то же... А у насъ съ батюшкой есть общая точка соприкосновенія.

— Какая же?

— Политико-экономическая—понятіе о трудѣ и капиталѣ.

— Какія же ваши понятія?

— На этотъ разъ мы оба держимся теорій Дарвина.

— Какой же именно?

— Да обѣихъ вмѣстѣ! во первыхъ — наступай другому на мозоль, чтобъ тебѣ не наступилъ другой, пожирай другаго, чтобъ другой тебя не пожралъ, души, да не задушенъ будешь, не давай никому сморкаться въ твой платокъ.

— А вторая теорія?

— Вторая—родительница первой: борись за существованіе, — и для этого крупные виды должны пожирать виды мелкіе и безсильныя разновидности... Эта теорія примѣняется и государствами.

Старшій изъ пасажировъ не могъ удержаться, чтобъ не воскликнуть:

— Это подлыя, животныя, лакейскія теоріи! И вы живете по нимъ?

— Живемъ... Мы работаемъ и копимъ деньги... И почему-жъ эти теоріи подлы?

— Помилуйте! Это животныя теоріи: животное иначе не можетъ ничего съѣсть, какъ ограбивши другое животное или укравши у него.

— Но это оттого, что животныя не сознаютъ необходимости труда; животныя не работаютъ, пока ихъ не заставятъ.

— Животное иначе не защититъ себя, какъ убивши или ранивши другое въ борьбѣ за существованіе. И человѣкъ долженъ бить, ранить или убивать другихъ, чтобъ существовать?

— Да, бьетъ, ранитъ и убиваетъ, иногда медленно, иногда быстро.

— Бьетъ, ранитъ, убиваетъ!.. Но долженъ ли?

— Долженъ по необходимости, чтобъ существовать.

— По необходимости! Да по необходимости онъ и воруетъ. А честно ли это?

— Нечестно.

— Такъ зачѣмъ же въ понятія XIX вѣка переносить понятія IX или XIII вѣковъ? Ну, чѣмъ вы отличаетесь отъ дикаря, отъ собаки, отъ носорога, слѣдуя этимъ теоріямъ?

— Да мы ничѣмъ и не отличаемся отъ нихъ, а дѣлаемъ то, что дѣлаетъ дикарь, собака, носорогъ, только не такъ грубо, какъ они дѣлаютъ, а подъ благовидными предлогами, политично.

— И вы читаете послѣ этого Спенсера?

— Читаю.

— И согласны съ нимъ?

— Согласенъ.

— Ну, вотъ и поди, и бейся какъ рыба объ ледъ!.. Эхъ, какая тоска! какъ глупо и подло устроена человѣческая жизнь!.. Вѣдь вы сожалѣете о подлыхъ грекахъ, которые охотились на илотовъ, какъ на лисицъ, и презираете ихъ?

— Презираю.

— Вы презираете средне-вѣковаго барона, который захватилъ все сосѣднее населеніе и сосѣднія земли и, укрѣпившись въ своемъ замкѣ, обиралъ всѣхъ и каждаго, кого могъ осилить?

— Да, и его презираю.

— Вы не оправдали бы теперь помѣщиковъ, если бы они опять возвратили крѣпостное право и наложили свою руку на миліоны крестьянъ?

— Не оправдалъ бы... Это было бы варварство, насиліе.

— А развѣ капиталъ не насиліе? Развѣ вы, капиталистъ, не тотъ же негодяй въ замкѣ?

— Ну, вы ходите, я вижу, въ старыхъ сапогахъ Прудона, замѣтила красная куртка, улыбаясь.

— Что-жъ! Лучше ходить въ старыхъ сапогахъ Прудона, чѣмъ съ нагайкой Держиморды.

Въ это время отъ стола играющихъ въ карты донеслись къ собесѣдникамъ фразы:

— Нынче ужъ не тѣ времена!

— Держи карманъ!

— Тѣхъ же щей да пожиже влей.

Красная куртка, лукаво подмигнувъ на играющихъ, тихонько подсказала:

— Слышите?

— Что-жъ! слышу, отвѣчалъ горячо старшій пасажиръ, —эти жидкіе щи....

— Кто? Я?.. Согласенъ, замѣтила куртка,—а мой тятенька щи густые... Видите ли, добавила куртка серьезно,—то, что видѣла во снѣ героиня въ романѣ Чернышевскаго, такъ и останется сномъ.

— Что романъ Чернышевскаго! Это—для насъ уже старье; мы дожили до иныхъ понятій... Можетъ быть, Чернышевскій тоже до-

жилъ до нихъ теперь, можетъ быть онъ ушелъ еще дальше насъ—мы не знаемъ... Онъ объ этомъ молчитъ, и можетъ быть, будетъ несчастнѣе даже Бонивара, шильонскаго узника, и не оставитъ своихъ записокъ... Я говорю о томъ, что я знаю, что я передумалъ... Вѣдь вы согласны, что убивать людей—подло и преступно.

— Подло и преступно, да и невыгодно, не практично.

— А сѣчь людей—тоже варварство?

— Варварство.

— А принудительный трудъ на другаго—варварство?

— Варварство.

— Ну, такъ слушайте же... Было время, когда болѣе сильные и болѣе вліятельные люди имѣли право убивать менѣе сильныхъ и менѣе вліятельныхъ, какъ, напримѣръ, рабовъ, невольниковъ, а родители дѣтей. Не правда ли, это гадко?

— Гадко.

— Вѣдь гадко и то, что существовала прежде кровавая месть, хоть бы по «русской правдѣ»: убьетъ мужъ мужа, то этого убившаго долженъ убить сынъ или братъ убитаго. Умно?

— Глупо, правда.

— Но когда у людей отнимали право убивать рабовъ, у родителей—право убивать дѣтей, согласитесь, былъ ропотъ, и недовольные говорили: «какъ! у насъ отнимать право на жизнь и смерть раба, на жизнь и смерть дѣтей! Что-жъ послѣ этого будетъ? Зачѣмъ же намъ было и пріобрѣтать рабовъ, когда они становятся такими же какъ и мы, господами?... Это несправедливо, это грабежъ»! Но былъ ли это, по нашимъ понятіямъ, дѣйствительно грабежъ?

— Нѣтъ, говорила красная куртка;—что-жъ изъ этого? зачѣмъ вы повторяете старье, что всѣмъ извѣстно?

— А за тѣмъ, чтобъ отъ извѣстныхъ величинъ перейдти къ неизвѣстнымъ. Слушайте дальше. Было время, когда имѣвшіе право сѣчь другихъ—сѣкли этихъ другихъ. Справедливо ли было отнимать у нихъ это право? Развѣ это не былъ грабежъ? Развѣ они не пріобрѣли это право, можетъ быть, такимъ же потомъ и кровью, какъ вы пріобрѣтаете свой капиталъ?—И все-таки у нихъ его отняли.

— Такъ и капиталы слѣдуетъ отнять? спросила куртка.—Кто-жъ

тогда станетъ работать, когда онъ не имѣетъ права располагать результатами своего труда?

— Эхъ! воскликнулъ противникъ,—это возраженіе давно испошлилось... Да вѣдь и рабы были результатомъ труда, и право розги—результатъ труда: одни работали и пріобрѣтали право убивать или сѣчь другихъ, а другіе, можетъ быть и больше работали, только не пріобрѣтали этого права. Такъ и теперь: одни работаютъ и пріобрѣтаютъ право ѣсть сладко и жить въ довольствѣ, а другіе работаютъ и пріобрѣтаютъ право на голодъ или крайнюю нужду.

— Значитъ, или не умѣютъ работать, или работаютъ глупѣе тѣхъ, которые вырабатываютъ себѣ больше.

— Но отъ этого человѣчеству не легче! Въ результатѣ все же выходитъ, что XIX-й вѣкъ превращается въ XIII-й, только вмѣсто замковъ съ голодными подданными, воздвигнуты капиталы и заводы съ голодными рабочими.

— Я противъ этого не спорю, сказала красная куртка задумчиво (если только красныя куртки могутъ задумываться), — но что же дѣлать?

— Проклятое что дѣлать! Надо же человѣчеству *что-нибудь* сдѣлать, чтобы выйдти изъ этого адскаго положенія. Неужели же люди осуждены на вѣчное рабство?

— Можетъ быть.

— Нѣтъ, не можетъ быть! Еслибы это было такъ, то всѣ были бы рабами. А такъ какъ нѣкоторымъ можно быть и не рабами, то, значитъ, можно и всѣмъ быть не рабами, это прямой логическій выводъ, это, наконецъ, математическая истина, вродѣ той, что если двѣ величины порознь—равны третьей, то онѣ всѣ равны между собою.

— Оно такъ-то такъ, возразила куртка,—но полное равенство только и возможно—знаете гдѣ?

— А гдѣ?

— Въ математикѣ... А въ жизни нѣтъ величинъ равныхъ между собою, положительно нѣтъ; это тоже математическая истина.

— Но должно же быть равенство правъ.

— Эхъ, снова возразила красная куртка,—равенство правъ! Пой-

мите вы—въ природѣ нѣтъ абсолютнаго равенства, а потому не можетъ и не должно быть равенства правъ.

— Какъ! вы даже это защищаете!

— Даже *это*—не защищаю, а доказываю. Равенство правъ не мыслимо, хоть и говорятъ, что оно есть, какъ, напримѣръ, равенство передъ закономъ. Все это вздоръ, все это условные знаки, которыхъ никто не примѣняетъ къ дѣлу, да и примѣнить нельзя. Какъ вы примѣните законъ вмѣняемости преступленія хоть бы ко мнѣ и идіоту? Меня будутъ судить такъ, а идіота иначе. Да и какое можетъ быть равенство между мною и идіотомъ, между Бисмаркомъ и лѣнтяемъ ладзарони, считающимъ галокъ на храмѣ Петра?

Когда красная куртка сказала это, старшій изъ пасажировъ, говорившихъ съ этою курткою, обратившись къ младшему своему товарищу, спросилъ:

— Ты все́ слышалъ что мы говорили?

— Все, отвѣчалъ тотъ.

— И видѣлъ то, что я тебѣ хотѣлъ показать?

— Видѣлъ; но все-таки не скажу, чтобъ все было безнадежно.

— Въ чемъ дѣло? вмѣшалась красная куртка.

— Да то, отвѣчалъ старшій пасажиръ,—что мы спорили о томъ, есть ли подъ носомъ у алжирскаго бея шишка или нѣтъ.—Онъ доказывалъ, что есть, а я—что нѣтъ.

— Выражайтесь, пожалуйста, безъ алегорій; я не понимаю васъ, сказала куртка.

— Дѣло въ томъ, что я не вѣрю въ наше время, а онъ вѣритъ. Я этому времени придаю слишкомъ мало цѣны и, чтобы доказать ему, что XIX вѣкъ не далеко ушелъ отъ IX въ основныхъ человѣческихъ понятіяхъ, я случайно наткнулся на васъ и увидѣлъ, что вы не вѣрите даже въ то, во что вѣрили въ XVIII вѣкѣ.

— Извѣрился, отвѣчала куртка, — да и тятенька не велитъ... Однако, позвольте узнать, по крайней мѣрѣ, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить.

— Мы васъ должны просить о томъ же, отвѣчали два другіе собесѣдника.

И они начали знакомиться.

Отчего же авторъ не познакомитъ съ ними своихъ читателей? Да

такъ, изъ осторожности. Такъ какъ они говорили о предметахъ не совсѣмъ скромнаго свойства и говорили, не зная, что ихъ слова могутъ быть подслушаны и переданы по принадлежности, то авторъ и скрылъ ихъ фамиліи, пока они были на пароходѣ.

IV.

Старшій изъ пасажировъ, который доказывалъ, будто Наполеонъ въ Труа разговаривалъ съ капитаномъ Копейкинымъ, назывался Григоріемъ Борисовичемъ Стожаровымъ. Беззубая старушка, гречанка парка, навязала на свой гребень куделю и стала прясть нитку Гришенькиной жизни послѣ полуночи 10 декабря 1835 года. Въ этотъ же день, въ дневникѣ отца Гришеньки, отставнаго штабсъ-капитана Бориса Григорьевича Стожарова, было записано:

«Нынѣ родился у меня сынъ, появленіе коего на свѣтъ было преждевременное, изъ чего я заключаю, что его ожидаетъ отмѣнное счастіе и громкая будущность, ибо всѣ недоноски, яко Наполеонъ и Цезарь, были великими людьми и много славныхъ и памяти достойныхъ дѣлъ совершили. Причиною преждевременнаго рожденія сына моего былъ маловажный, паче же достойный смѣха случай. Хотя Катюша была уже на сносяхъ, однако родовъ ранѣе святокъ не ожидала. Случай же таковъ былъ: Услыхала она утромъ звонъ дорожнаго колокольца, и думая, что это я возвратился изъ города, куда я ѣздилъ въ уѣздный судъ, по дѣлу о перепаханіи моей новины разбойникомъ Харламовымъ,—подбѣжала къ окну. Каково же было ея удивленіе, смѣшанное съ ужасомъ, когда на дворѣ она увидѣла толпу людей съ топорами, а впереди всѣхъ человѣка, ѣдущаго на другомъ человѣкѣ верхомъ, и у сего послѣдняго человѣка висящій на шеѣ почтовый колоколецъ. Она думала встрѣтить меня—и вмѣсто меня узрѣла осѣдланнаго человѣка, у коего подъ бородою, какъ у лошади подъ дугою, звенѣлъ колокольчикъ. И Катюшѣ представилось, что то убійцы, что меня уже нѣтъ въ живыхъ, хотя въ испугѣ своемъ не могла рѣшить, какую роль въ сей страшной трагедіи игралъ колокольчикъ подъ бородою осѣдланнаго человѣка. Сіе

зрѣлище такимъ ужасомъ исполнило Катюшину душу, что она, какъ стояла, такъ и грохнулась объ полъ... Оказалось, что то была продѣлка нашего Ивана Лезаревича, становаго, моего пріятеля и однополчанина. Подъѣзжая къ деревнѣ, онъ поймалъ моихъ мужиковъ на рубкѣ моего лѣса, и потому, въ знакъ наказанія и посмѣянія, осѣдлавъ старосту и подвѣсивъ ему на шею колоколецъ, онъ въѣхалъ на ономъ верхомъ ко мнѣ на дворъ, желая доставить намъ сюрпризъ и развлеченіе въ нашей деревенской скукѣ. Но сей сюрпризъ едва не кончился смертью Катюши. Однако, благодаря Бога, въ ночь она разрѣшилась отъ бремени, и сей смѣшной случай, быть можетъ, послужитъ появленію на свѣтъ великаго человѣка. Давно замѣчено мудрецами, что великія событія бываютъ отъ малыхъ причинъ — Дай-то Господи...»

Маленькому Гришѣ впослѣдствіи втолковали, что онъ будетъ великимъ человѣкомъ. Сначала онъ величіе свое полагалъ въ томъ, что, подобно становому, ѣздилъ верхомъ на деревенскихъ мальчишкахъ, а для поддержанія мнѣнія о своей геройской храбрости, купался подъ мельничными колесами. Чтобы быть похожимъ на Цезаря, Гриша переходитъ въ бродъ рѣчку Гремячку, которую называлъ Рубикономъ. Съ Наполеономъ онъ думалъ сравняться тѣмъ, что выбралъ на гумнѣ самое высокое одонье, которое назвалъ египятскою пирамидою, и, взобравшись на это одонье, декламировалъ къ собиравшимся около него деревенскимъ мальчишкамъ: «Солдаты! сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ.» Потомъ, подрастая и бросая дѣтскія игры съ деревенскими мальчишками, онъ полюбилъ чтеніе и непремѣнно старался выискивать жизнеописанія великихъ людей. Надъ особенно замѣчательными чертами изъ жизни этихъ людей онъ останавливался съ любовью и въ себѣ самомъ старался отыскать подобіе великимъ людямъ.

Поступивъ въ гимназію, онъ учился прекрасно и былъ превосходнымъ товарищемъ. При блестящихъ дарованіяхъ онъ былъ крайне самолюбивъ, но самолюбивъ глубоко скрытно. Онъ не могъ перенести мысли, чтобы товарищи или учителя могли подумать, что онъ чего либо не знаетъ, и потому онъ не только училъ все, что было въ программѣ его курса, но и страстно любилъ чтеніе. Многосторонностью знаній и оригинальностью мнѣній онъ приводилъ въ изумленіе всѣхъ,

съ кѣмъ ему приходилось случайно высказываться. Онъ обыкновенно считалъ себя оскорбленнымъ, когда во время классовъ учитель спрашивалъ его о такихъ обыкновенныхъ предметахъ, которые могли знать и прочіе его товарищи. Аналитическая сторона его способностей развилась въ немъ очень рано Когда учитель геометріи, объясняя воспитанникамъ терминологію своего предмета, говорилъ, напримѣръ, что «аксіома есть истина, которая не требуетъ доказательствъ», Стожаровъ требовалъ логическаго доказательства истины этихъ словъ и часто затруднялъ своимъ вопросомъ учителя. Когда товарищи его твердили, что «два катета больше гипотенузы», Стожаровъ доказывалъ имъ совершенно противное, и тѣмъ ставилъ ихъ въ полное недоумѣніе.

Въ гимназіи же онъ пережилъ нѣсколько мѣсяцевъ глубокаго нравственнаго страданія, когда прочиталъ «записки доктора Крупова», гдѣ этотъ докторъ весьма остроумно доказываетъ, что всѣ люди одержимы сумасшествіемъ, только въ различной степени, и что человѣчество, періодами, страдаетъ извѣстнаго рода повальнымъ безумствомъ, эпидемическою мономаніею. И представлялась ему вся работа человѣчества безумными выходками мономановъ. «Развѣ не мономанъ Наполеонъ (думалъ онъ), который вѣрилъ въ какую-то свою счастливую звѣзду?» И когда ему на экзаменѣ пришлось говорить о Наполеонѣ, онъ долго не хотѣлъ отвѣчать.

— Опредѣлите значеніе его въ исторіи нашего времени, спрашивалъ учитель Стожарова.

Стожаровъ молчалъ.

— Говорите же, настаивали асистенты.

— Развѣ могутъ имѣть органическую связь съ какимъ бы то ни было временемъ дѣйствіе сумасшедшаго? отвѣчалъ Стожаровъ.

— Какого сумасшедшаго? спрашивали съ удивленіемъ учителя.

— Да Нополеона, котораго считаютъ геніемъ... Это былъ сумасшедшій,—мало того, это былъ человѣкъ, одержимый бѣшенствомъ, и его слѣдовало посадить на цѣпь.

— За что же?

— Онъ вѣрилъ въ какое-то свое призваніе, и для этого убивалъ сотни тысячъ людей... Какъ убійцу-мономана, невольнаго въ своихъ

дѣйствіяхъ, его слѣдовало приковать къ стѣнѣ, а его назвали великимъ.

И онъ самъ себѣ казался сумасшедшимъ, и всѣ дѣйствія свои онъ считалъ поступками мономана, слова и дѣла котораго не должны быть вмѣняемы ему ни въ похвалу, ни въ порицаніе, какъ не должны быть вмѣняемы человѣку въ охужденіе ни цвѣтъ его волосъ, ни форма ногтей.

Поступивъ въ университетъ, Стожаровъ продолжалъ работать лихорадочно, хотя никакъ не могъ рѣшиться избрать какую либо специальность. Ни что не удовлетворяло его, все ему хотѣлось чего-то большаго, совершеннѣйшаго. На вопросы, которые задавала ему его неутомимая мысль, онъ не находилъ отвѣта ни въ лекціяхъ професоровъ, ни въ доступныхъ ему книгахъ. Онъ думалъ найти отвѣты на неотвязчивые вопросы въ тѣхъ таинственныхъ книгахъ публичной библіотеки, которыя безусловно считались, по каталогамъ, запрещенными, но когда удалось ему добраться и до этихъ книгъ, жажда его не удовлетворилась. «Все это не то, не то, твердилъ онъ, возвращаясь въ свою квартиру: и этотъ источникъ не напоилъ меня, и въ немъ вода мутная—и я по прежнему хочу пить, я во чтобы то ни стало долженъ удовлетворить эту дьявольскую жажду».

Въ числѣ нѣсколькихъ студентовъ, начавшихъ писать къ выпуску дисертаціи на предложенныя университетамъ темы, или на медали, писалъ и Стожаровъ. Въ этой дисертаціи онъ высказалъ всѣ свои сомнѣнія, наставилъ въ ней такихъ вопросовъ, на которые не могли отвѣчать всѣ факультеты вмѣстѣ, и все это были по выраженію Гейне, «вопросы проклятые».

Послѣ разсмотрѣнія совѣтомъ университета всѣхъ поданныхъ дисертацій, Стожаровъ заговорилъ объ нихъ съ однимъ изъ професоровъ.

— Скажите, пожалуйста, господинъ професоръ, какія дисертаціи удостоились медалей? спросилъ онъ.

Професоръ назвалъ имена студентовъ.

— А вы писали на тему? спросилъ въ свою очередь професоръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Стожаровъ, потому что въ пакетѣ, при которомъ представлена была въ совѣтъ его дисертація, въ которомъ, по заведенному порядку, долженъ быть выставленъ его эпиграфъ и

фамилія автора, именно фамиліи своей Стожаровъ и не выставилъ, понимая, что подъ такою дисертаціей опасно подписывать свое имя.

— А я думалъ, ужъ не ваша ли это дисертація, замѣтилъ професоръ.

— Какая? спросилъ Стожаровъ, въ полной увѣренности, что о его-то дисертаціи и идетъ рѣчь.

— Да съ эпиграфомъ извѣстной фразы Галилея: «и все-таки вертится».

— А что?

— Ее сожгли, отвѣчалъ професоръ.

— Что-жъ, плоха была?

— О, нѣтъ, далеко не плоха: въ ней замѣчательная начитанность, логика такая вѣская и не ломкая, что противъ нея какъ противъ пушки не устоишь, и казуистика ловкая, но...

— За что же ее сожгли?

— Да за то, за что въ прежнія времена сожигали на кострахъ самихъ авторовъ подобныхъ сочиненій.

Стожарова передернули эти слова професора.

— Въ наше время, продолжалъ професоръ, - автора такого сочиненія посадили бы въ крѣпость.

— Кто же авторъ? спросилъ Стожаровъ.

— Въ пакетѣ не оказалось его фамиліи; но я думаю, что авторъ — вы.

— А еслибы и я?

— Въ такомъ случаѣ вы должны молчать объ этомъ, и я бы совѣтовалъ вамъ перемѣнить ваши мнѣнія...

— Мнѣнія не грязное бѣлье, которое можно смѣнить, отвѣчалъ Стожаровъ.

— Ну, такъ я вамъ предрекаю—вы погибнете....

Около этого времени Стожаровъ сблизился съ одною дѣвушкой—и полюбилъ ее. Дѣвушка также горячо къ нему привязалась. Но капризная воля Стожарова не позволила ему установить правильныхъ отношеній къ этой дѣвушкѣ, и онъ какъ-то странно разошелся съ нею, боясь, что эти отношенія уснановятся на общепринятыхъ, рутинныхъ началахъ. Рутину онь считалъ первороднымъ грѣхомъ человѣка. Рутина, по его мнѣнію, а не дерево познанія добра и зла,

была причиною изгнанія Адама изъ рая. Рутина и сѣчетъ человѣка, и моритъ его голодомъ, и подвергаетъ его униженіямъ. Рутина сдѣлала его рабомъ, рутина надѣла ему цѣпи на руки и на ноги. Рутиною жилъ человѣкъ болѣе семи тысячъ лѣтъ и до сихъ поръ бьется изъ-за куска хлѣба, когда этого хлѣба могло быть столь же достаточно для питанія людей, какъ достаточно воздуха для ихъ дыханія.

— Такъ вы дѣйствительно любите меня! спросилъ онъ дѣвушку.

— Дѣйствительно люблю.

— И я васъ люблю много, очень много... Но вы безъ меня можете жить?

— Нѣтъ, не могу.

— А прежде могли жить безъ меня, когда меня не знали?

— Могла, потому именно, что васъ не знала.... Но тогда я не жила.

— Такъ.... Это и мнѣ казалось.... кажется даже.... Не можете ли вы жить безъ пищи и воздуха?

— Странный вопросъ! Конечно не могу.

— И даже не зная еще меня, не могли жить безъ пищи и воздуха, то есть безъ дыханія?

— Да.

— А безъ меня жили?

— Жила.

— Такъ слѣдовательно и можете жить безъ меня.

— Какой вы странный!

— Правда, странный. Но вы меня какого полюбили? Именно страннаго?

— Да страннаго: другаго бы я и не полюбила.

— Помню, помню: вы именно за то и полюбили меня, что я не похожъ на другихъ... А если я стану похожъ на другихъ, вы меня разлюбите?

— Нѣтъ... То уже будете не вы.

— Правда. Такъ этотъ странный человѣкъ васъ спрашиваетъ, въ полной увѣренности, что вы поймете его: есть такіе люди, которымъ не достаетъ пищи и свободы для дыханія?

— Есть.

— А у васъ есть и то и другое?

— Есть... Какой вы странный.

— Да, странный. . но позвольте: имѣете ли вы право ѣсть въ то время, когда другимъ ѣсть нечего?

— Имѣю, хотя...

— Хотя вамъ и жаль ихъ—да?

— Да.

— И вы бы хотѣли помочь имъ?

— Хотѣла бы.

— Чѣмъ же?

— Я не знаю... Я возьму у маменьки...

— А своего у васъ ничего нѣтъ?

— Ничего... Ахъ, какой вы странный!

— Да, странный... Но чего же вы дадите ѣсть тѣмъ, кому ѣсть нечего?

— Я буду работать для нихъ.

— Прекрасно.... но вотъ что оказывается: когда мы женимся, мы тогда должны уже будемъ работать на дѣтей.

— Ахъ, какой вы!... ну чтожъ?

— А то, что мы прежде должны поработать на другихъ.

— Что же дальше?

— Дальше... Мы должны разстаться.

Дѣвушка испугалась, не понимая что съ нимъ.

— До свиданья, сказалъ онъ,—я долженъ идти работать.

Дѣвушка ударилась въ слезы. Онъ крѣпко сжалъ ея руку, сказавъ: «не забывайте меня, а я.... я буду слѣдить за вами» — и ушелъ.

Мать дѣвушки, случайно слышившая этотъ разговоръ молодыхъ людей, восклицала въ удивленіи: «да это какой-то сумасшедшій! И пошелъ работать—на кого же? на хамовъ!... Вотъ какіе нынче молодые люди!... Мой женихъ самъ купилъ пятьдесятъ душъ хамовъ, чтобъ они на меня работали, а этотъ самъ пошелъ на нихъ работать да и Вареньку заставляетъ... ну, времячко! Тьфу, прости Господи»!

По окончаніи курса въ университетѣ со степенью кандидата, Стожаровъ бросился въ Европу—поглядѣть что тамъ, найдетъ ли онъ

тамъ разрѣшеніе своихъ неугомонныхъ вопросовъ и дѣйствительно ли тамъ исторія выработала лучшія отношенія между людьми какъ въ нравственной, такъ и въ матеріальной жизни, чѣмъ тѣ, которыя онъ видѣлъ въ Россіи. Онъ исколесилъ пѣшкомъ почти всю Европу, слушалъ лекціи въ разныхъ университетахъ, приглядывался ко всему, изучалъ все, сравнивалъ, сопоставлялъ, анализировалъ. Но и въ Европѣ онъ видѣлъ почти все то же, что возмущало его въ Россіи: то же неравенство и обидность отношеній между людьми, то же высокомѣріе однихъ и холопство другихъ, ту же скаредность богача и забитость и безправность бѣднаго. На лекціяхъ слышалъ то же, что читалъ въ книгахъ, за то въ книгахъ не находилъ тѣхъ мерзостей, какія видѣлъ самъ, на мѣстѣ, въ жизни.

— Ну что, спрашивали его знакомые по возвращеніи изъ Европы: какое впечатлѣніе произвела на васъ тамошняя жизнь?

— Разумѣется, скверное.

— Чѣмъ же?

— Да тамъ тоже что и у васъ въ Кинешмѣ: городничій деретъ носъ передъ обручникомъ, а обручникъ для него же дѣлаетъ кадки къ огурцамъ и унижается, чтобъ городничій позволилъ ему набить на кадку обручь.

— А въ Лондонѣ?

— Въ Лондонѣ меня чуть не вытолкали въ шею изъ одного кафе за то, что я похвалилъ рѣчь Брайта, произнесенную за рабочихъ.

— А рабочіе что?

— А рабочіе приколотили меня за то, что я не выпилъ за здоровье какого-то пьянаго боксера.

— А Парижъ?

— Да все та же Кинешма: свой исправникъ, свои чиновники, острогъ, оброкъ, лакеи да нищіе, только нищихъ больше, чѣмъ въ Кинешмѣ, и называютъ ихъ не «божьими людьми», а пролетаріями.

Но слыша за границей всеобщую ругань на Россію и на русскихъ, онъ воротился на родину съ такимъ тяжелымъ чувствомъ, что не зналъ за что приняться. Послѣ того что онъ видѣлъ въ Европѣ, Россія показалась ему еще безотраднѣе и безнадежнѣе, и взглянувши попристальнѣе на русскіе города вродѣ Кинешмы, онъ скоро пересталъ говорить, что въ Кинешмѣ и въ Лондонѣ одни и

тѣже порядки, а приглядѣвшись и прислушавшись къ тому, что дѣлалось и говорилось въ Россіи, онъ на нѣкоторое время окончательно упалъ духомъ, и только благодаря живучести своей природы оправился духомъ и пришелъ къ убѣжденію, что надо же во тчо бы то ни стало дѣйствовать, чтобъ было лучше. Но и къ этому убѣжденію онъ пришелъ не раньше, какъ побывавши во всѣхъ концахъ Россіи, прошедши сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы.

Огнемъ была для него литературная дѣятельность, и сквозь этотъ огонь прошелъ онъ въ ту именно пору, когда «Современникъ» былъ въ высшей порѣ развитія своихъ силъ, и когда въ «Русскомъ Словѣ» только что началъ раздаваться рѣзкій голосъ Писарева, Добролюбова только что похоронили. Но когда надъ этою журналистикой встряслась бѣда нежданная,—Стожаровъ изъ огня бросился въ воду, въ самый омутъ. Онъ перебрался въ глушь и тамъ думалъ найти примѣненіе своихъ теорій, которыя, ему казалось, онъ выстрадалъ: но и въ глуши ему сказали почти тоже, что когда-то сказалъ ему професоръ.

Все это до того его мучило, что онъ готовъ былъ опять бѣжать изъ Россіи—и бѣжалъ изъ провинціи опять въ Петербургъ.

— Ну что вы нашли тамъ? спрашивали его друзья.

— Скверно и въ жизни, какъ и въ литературѣ, отвѣчалъ онъ.

Когда перегорѣли эти первыя молодыя силы и порыванья, Стожаровъ понялъ, что дѣло современныхъ «великихъ людей», о которыхъ онъ мечталъ еще съ дѣтства, вслѣдствіе того, что отецъ предрекъ ему величіе, такъ какъ мать родила его недоноскомъ оттого, что становому вздумалось проѣхать верхомъ на ихъ старостѣ,—состоитъ не въ томъ, въ чемъ состояло дѣло тѣхъ великихъ людей, которымъ исторія приписывала величіе иногда по ошибкѣ, иногда же въ силу того, почему для мелкаго воришки закоренѣлый убійца и негодяй кажется великимъ человѣкомъ. Проходя изъ дѣтства къ возмужалости, онъ на дорогѣ столкнулъ съ пьедестала многихъ великихъ людей, которыхъ прежде считалъ таковыми, и въ своей памяти отвелъ имъ самое нужное мѣсто, тотъ бросовый уголокъ, въ которомъ помѣщался старостинъ племянникъ Ларька, угодившій въ Сибирь за конокрадство и убійство. За то на этой же дорогѣ онъ встрѣтилъ дѣйствительно великихъ людей, и понялъ, что величіе

ихъ слѣдуетъ мѣрить не всегда тѣмъ аршиномъ, которымъ мѣрилъ Плутархъ.

Исходной точкой жизни Стожарова съ той поры стала — польза, если и не въ широкихъ размѣрахъ, не въ общечеловѣческихъ видахъ, то хоть самая узенькая, хоть бы такая, которая принесла бы счастіе и спасеніе Ларькѣ, укравшему у его отца пѣгаго иноходца, на которомъ маленькій Гриша иногда переходилъ черезъ Рубиконъ.

Полагаю, что этихъ свѣденій о Стожаровѣ будетъ достаточно на первый разъ.

Я сказалъ, что съ Стожаровымъ находился другой пасажиръ, молодой человѣкъ лѣтъ за двадцать, съ длинными черными волосами. Сначала никто на пароходѣ не зналъ, кто этотъ молодой человѣкъ, хотя Стожаровъ, въ обращеніи съ нимъ, называлъ его «Надей», что всѣхъ приводило въ недоумѣніе, и нѣкоторые изъ пасажировъ предположили даже, что это переряженная дѣвушка, вродѣ дѣвицы Пустовойтовой или Инны Горобецъ въ романѣ Клюшникова «Марево». «Ты, Надя, болатешь вздоръ» или «ты, Надя, еще не видала этого» — говорилъ иногда Стожаровъ этому молодому человѣку. Нѣкоторые даже полагали, что это агенты какой-нибудь революціонной асоціаціи или польскаго жонда. Ѣхавшій на пароходѣ столоначальникъ одной дворянской опеки, рѣшился даже донести своему исправнику, что такъ и такъ, молъ, въ поволжьѣ сѣются ковы и что разъѣзжаетъ-де какая-то Надя въ панталонахъ и сюртукѣ.... Меня самаго заинтересовала эта личность, и за свѣденіями о ней я обратился къ Музѣ, къ моей старой знакомой. Хотя мнѣ и совѣстно сознаться, что я знакомъ съ этой женщиной, знакомство съ которой въ наше время не дѣлаетъ чести порядочному человѣку, однако я все-таки иногда пользуюсь услугами этой женщины. Читатели, вѣроятно, догадываются, что я говорю о той женщинѣ легкаго поведенія, которая находилась въ связи со всѣми сочинителями, начиная отъ слѣпаго и стараго Гомера и кончая безбородыми писателями-мальчишками. Эта греческая старушка — большая сплетница, но за то она все знаетъ, все слышитъ и все видитъ, и для того, чтобы все знать, употребляетъ иногда непозволительныя средства, какъ-то подслушиванье, подглядыванье, похищеніе чужихъ документовъ, карманничество и проч. Иныхъ своихъ любовниковъ она возвеличила

и прославила, другихъ сдѣлала нищими, третьихъ посадила въ остроги, въ крѣпости, гдѣ иногда и посѣщаетъ ихъ тихонько.

— Муза! сказалъ я, обращаясь къ старушкѣ (съ нею всѣ обращаются фамильярно, на ты).

— Что, голубчикъ? отвѣчала она.

— Узнай, пожалуйста, кто этотъ молодой человѣкъ, съ длинными волосами?

— Хорошо, дружечекъ, отвѣчала старушка, вздохнувь; — такъ когда-то бывало спрашивалъ меня старикъ Гомеръ: «Муза, повѣдай мнѣ о томъ-то», «Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ»— это объ Одиссеѣ — и я все бывало разскажу ему, все повѣдаю.... О-о-охо! времена-то ныньче ужъ не тѣ....

Но все-таки старушка побѣжала къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли разговаривавшіе пасажиры, которые приняли ее за монашенку, собиравшую на монастырь; постояла около нихъ и вернулась ко мнѣ съ бумажникомъ, который она утащила изъ кармана младшаго изъ пасажировъ.

— Украла-таки! сказалъ я.

— Взяла на минуточку, голубчикъ... опять положу.

Я развернулъ бумажникъ. Въ немъ находилосъ удостовѣреніе, выданное отъ инспектора одного изъ университетовъ, что студентъ Павелъ Серпороевъ отпущенъ къ роднымъ на вакаціонное время.

— Такъ это студентъ Серпороевъ?

— Да, мой другъ.

Муза стала копаться въ бумажникѣ Серпороева и вынула оттуда листокъ розовой бумажки.— «На̀, прочти это, голубчикъ», сказала она мнѣ, подавая листокъ.

Я прочелъ слѣдующее:

«Хотя ты обѣщалъ писать мнѣ, мой дорогой Павелъ, однако, вотъ уже два мѣсяца, какъ ты уѣхалъ къ роднымъ, и отъ тебя нѣтъ ни одной строчки. Гдѣ ты, что съ тобой, отчего это странное молчаніе — все это такіе вопросы, которые мучатъ меня днемъ и ночью, которые задаются помимо моей воли, стоятъ передо мною какъ страшныя привидѣнія, гдѣ бы я ни была, что бы ни дѣлала, о чемъ бы ни думала. Уже одна разлука съ тобой казалась мнѣ не переживаемою—и я должна была пережить ее, и пережила, удив-

ляясь только живучести человѣка, который не только живетъ подъ обухомъ, подъ обрушившимися на него горами, подъ пытками—но и подъ тяжестью такихъ мукъ, которыя въ состояніи задавить все, что только есть самаго сильнаго на землѣ... А меня эти муки не задавили, я все вынесла, я только похудѣла, сосредоточившись въ себѣ самой и сосредоточенно работая. Но оказалось, что всякая, даже самая тяжелая мука можетъ увеличиваться до безконечности, а за ней слѣдуютъ новыя муки, еще тяжелѣйшія. Вѣдь это все равно что человѣка измученнаго, избитаго, несчастнаго повѣсить, со всѣми муками ожиданій и предварительныхъ приготовленій, зарыть это повѣшенное, умершее тѣло, а потомъ вырыть на пругой день, оживить или полуоживить для того только, чтобъ оно могло чувствовать всю силу страданій, а тамъ снова вдѣвать его шею, уже потертую веревками, во вчерашнюю петлю, снова затягивать эту петлю медленно, медленно, чтобы качалось и корчилось въ конвульсіяхъ повѣшенное тѣло, а тамъ опять вынимать изъ петли и готовить къ петлѣ, и опять вѣшать, и опять вызывать въ тѣлѣ предсмертныя подергиванья... И такъ день за день, часъ за часомъ—да когда же конецъ!

«Но не подумай, мой милый, что я малодушно и сразу отдалась моимъ мукамъ. Я старалась не думать о тебѣ, не вспоминать твоихъ словъ милыхъ, обаятельныхъ, твоихъ ласкъ жгучихъ и мучительныхъ. Всю жизнь моего сердца я силою перетянула въ мою голову, въ мой мозгъ—я работала до отупѣнія, читала до боли глазъ и головы, писала до судорогъ въ пальцахъ, я приготовилась къ экзаменамъ и увѣрена, что выдержу ихъ блистательно; но все мое тѣло думало о тебѣ, мои разбитые нервы съ какой-то болѣзненной дрожью тянулись за тобой—и по ночамъ въ безсонницѣ, меня обступали мои муки, мои думы, мои палачи лютые, и начиналось это вѣшанье и выниманье моей шеи изъ петли, и это зарыванье моего разбитаго тѣла въ могилу, а тамъ новая раскопка могилы, новое захлестыванье петли за шею, новое вздергиванье повѣшеннаго, новая агонія и смерть, а тамъ опять тоже, тоже, тоже!

«Я встрѣчалась съ твоими товарищами и спрашивала о тебѣ—они тоже ничего не знаютъ.

«Скоро начнутся лекціи въ университетѣ. Я жду тебя. Я хочу,

чтобы ты видѣлъ, какъ я буду сдавать мои экзамены, и похвалилъ бы меня. Иди же скорѣй ко мнѣ, не мучь меня больше: право весь запасъ моихъ силъ истощился.

Твоя В.»

Вотъ все, что я могъ узнать о второмъ изъ нашихъ пасажировъ, о младшемъ, именно о студентѣ Серпороевѣ.

— Отчего же Стожаровъ называетъ его «Надей»? спросилъ я Музу.

— Да въ шутку, другъ мой: видишь ли, Стожаровъ не надѣется, чтобы Россія была лучше, пока въ ней остаются многіе старые порядки, старые люди и старые предразсудки, а потому думаетъ, что измѣнить Россію къ лучшему предназначено было молодому поколѣнію, которое онъ и называетъ «надеждою» Россіи. Оттого и Серпороева онъ называетъ «Надей»... О-о-охо! все это такъ было во всѣ времена: такъ, бывало, старикъ Геродотъ называлъ надеждою Греціи маленькаго Фукидида, который, уткнувшись носомъ въ колѣни своего отца, разливался-плакалъ, когда мой милый Геродотинька читалъ свою исторію... И все-то это прошло, все миновалось, а люди все бьются изъ-за того, чтобы было лучше жить на свѣтѣ, чтобы меньше ихъ били, чтобы меньше лилось слезъ... А слезы все льются и старые по прежнему называютъ младшихъ «Наденьками»..... Вотъ и мои соотечественники, греки, плачутъ отъ турецкаго ятагана, и бьются съ турками, а что дальше будетъ, скоро ли перестанутъ люди рѣзаться, скоро ли поумнѣютъ люди — этого даже я не знаю.

Сказавъ это, она взяла изъ рукъ моихъ бумажникъ Серпороева и незамѣтно опять положила его въ карманъ студента.

Третій изъ пасажировъ, котораго мы, по наружнымъ признакамъ, назвали «красной курткой» и который читалъ Спенсера, былъ сынъ богатаго купца раскольника, Василій Парменовичъ Гридневъ. Онъ получилъ образованіе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, много ѣздилъ по Россіи и за-границей по торговымъ дѣламъ отца, много читалъ и передумалъ едвали не больше, чѣмъ многіе изъ передовой молодежи, потому что пріобрѣтенныя имъ знанія и усвоенныя имъ, по лучшимъ современнымъ учителямъ, убѣжденія—встрѣтились

съ другаго рода знаніями и съ другаго рода убѣжденіями старика отца. Въ этой борьбѣ двухъ поколѣній—отживающаго и только что начинающаго жить на Руси, въ сопоставленіи тенденцій «Домостроя» съ доктринами Прудона, Молешота и Дарвина—окрѣпло въ молодомъ Гридневѣ то, что засѣло въ его голову прочно и оперлось на прочный фундаментъ, и пошатнулось то, что росло въ немъ безпочвенно и могло шататься.

— Нѣтъ, батюшка, какъ хотите, а отъ этого я не отступлюсь, говорилъ иногда молодой Гридневъ, отстаивая свои убѣжденія.

— Смотри, Василій, чтобы я отъ тебя не отступился.

— Какъ хотите, батюшка: для васъ дорога Макрида-начетчица, для меня дороги Бокль и Спенсеръ.

— Не груби, Василій!

— Я не грублю вамъ, я только не хочу быть похожимъ на тѣхъ купеческихъ сынковъ, которые вѣрятъ Макридѣ-начетчицѣ, а между тѣмъ проматываютъ отцовскія деньги на цыганокъ, да бьютъ зеркала по трактирамъ, Я веду ваши дѣла хорошо.

— Да, ты не мотъ, а вольнодумецъ.

— Что-жъ мнѣ дѣлать, батюшка, когда я знаю то, чего вы не знаете.

— Что-жъ это ты такое знаешь, чего я не знаю?.. Говори.

— Разомъ всего этого объяснить нельзя, батюшка; а вы перечитайте все, что я перечиталъ, тогда не то скажете.

— Плевать я хотѣлъ на всѣ твои книги! Да и тебѣ бы не знаться съ ними:—пусть бы ужъ дворяне, отъ нечего дѣлать, читали ихъ... А по моему, такъ всѣ эти книги—въ огонь...

— А по-моему, батюшка, такъ всѣ ваши книги—въ огонь...

Отецъ вскочилъ со стула и поднялъ палку.

— Я тебя убью, щенокъ, за такія слова!

— Не убивайте, батюшка, — я лучше такъ уйду отъ васъ: я найду себѣ работу вездѣ, а васъ не стану огорчать.

Старикъ испугался. Сынъ былъ его лучшій совѣтникъ и дѣлецъ.

— То-то же! моя плоть и кровь, да меня же и кусаетъ.

Сынъ молчалъ, собираясь уйдти.

— Оставайся, сказалъ старикъ,—только смотри, чтобъ до матери не дошли твои рѣчи, а то намъ обоимъ будетъ худо.

«Ужъ и что это за сердце золотое у моего Васюшки, говоритъ своимъ пріятельницамъ, богомольнымъ кумушкамъ, мать Гриднева,— ужъ такого сердца я отродясь не видала,—мухи не обидитъ,—не то, что отецъ: тотъ, коли что не по-немъ, такъ и съ Господомъ-Богомъ наровитъ зубъ-за-зубъ, только кулаки сжимаетъ да на кіоту поглядываетъ, словно-бы онъ не проситъ, а грозитъ. А этотъ—ровно дѣвушка красная: нищій придетъ — нищаго наградитъ; прикащикъ провинится—прикащика выгородитъ, и со мной такой ласковый да тихій. Ни буйства за нимъ, ни озорства: живетъ у насъ онъ, словно свѣчечка воскояровая передъ Господомъ-Богомъ въ кіотѣ теплится. Все бы онъ книжки читалъ, только та бѣда, что книжки-то онъ читаетъ все новыя да незнакомыя. А когда мать Макрида придетъ, да заговоритъ о чудесахъ угодниковъ божіихъ, да какъ люди въ скитахъ святою жизнію подвизаются, онъ, Васюшка-то, слушаетъ, слушаетъ это, словно-бы и съ сокрушеніемъ, и съ воздыханіемъ — а тамъ, глядь, и улыбнется тихонько, да такою какою-то усмѣшкою, ровно онъ тебя этою самою усмѣшкою за сердце ущипнетъ али у него у самого сердце отъ боли перевернется...»

— У Гриднева не сынъ, а чертъ, говорятъ кулаки-купчики.

— А что? спрашиваютъ другіе.

— Да тихъ больно и укладчивъ: безъ мыла въ душу влезетъ.

— И то правда: говоритъ съ тобой, словно у тебя въ душѣ побывалъ, да всѣ конурки тамъ высмотрѣлъ, всѣ твои мысли руками перебралъ да перенюхалъ да перещупалъ... Такой окаянный!

— А дѣло знаетъ.

— Что и говорить! — дѣло-то знаетъ, да Бога, говорятъ, не знаетъ. Оттого, когда онъ, таперича, говоритъ съ тобой, да душу твою руками переминаетъ, такъ это у него изъ глазъ точно змѣя выглядываетъ... Вотъ какіе нынѣ купцы-то бываютъ!

V.

Пароходъ, между тѣмъ, двигался все дальше и дальше, вверхъ по Волгѣ, съ приличною русскому пароходу скоростью. Колеса его продолжали ревностно загребать воду, не зная усталости и не требуя за трудъ свой никакого вознагражденія. Машина дышала тяжело, какъ бы силясь сказать глазѣвшимъ на нее мужичкамъ:—что, любо вамъ смотрѣть, какъ я за всѣхъ за васъ работаю на барщинѣ, Кланяйтесь же мнѣ въ ножки: безъ меня вы бы тянули на своихъ плечахъ эту махину до гробовой доски... А мужикъ ее же ругаетъ: «Ишь она, окаянная, какъ пыхтитъ!»

— *Она!* говоритъ Супоня укоризненно,—эхъ ты, мужикъ!

— А что? спрашиваетъ мужикъ.

— А то что не *она* пыхтитъ, а *онъ*.

— Ой-ли?

— То-то же! Кабы не *онъ*—не пошла бы.

— Кто-жъ онъ?

— Самъ дѣдушка.

— Водяной?

— Ка́ко водяной!.. Самъ.... Оттого и пыхтитъ,—умаялся, сердечный.

— Что ты говоришь, паря?

— Дѣло говорю! А то поди-ко на! Окаянная... Дастъ *онъ* тебѣ за это слово.

— Я ево, паря, не ругалъ,—я машину.

— А въ машинѣ кто-жъ сидитъ, коли не онъ? Все онъ!... Времена нынѣ не тѣ: прежде, вонъ, его въ кувшины сажали, а нынѣ на барщинѣ заставляютъ работать...

— Ужъ и подлинно времена!

— Скоро заставятъ его улицы мести, оброкъ платить.

— Что ты, кавалеръ! Вотъ кабы за насъ... А кто-жъ землю будетъ пахать?

— Онъ же, все онъ... машинами, знать... А его въ машину посадятъ, она и будетъ работать... Ужъ нынѣ все машинами...

— Ну времена!.. А что-жъ мы-то будемъ дѣлать, коли все онъ?

— Мы-то? Знамо—воевать да добро наживать.

— Ну ужъ этого, кавалеръ, не моги... Намъ-то для че воевать?

— Сказано, для отечествія.

Мужикъ почесалъ въ затылкѣ. Разглагольствованія Супони о явленіяхъ нашего времени видимо были ему не по сердцу.

— Такъ ты баишь — времена? спросилъ онъ, глядя куда-то въ сторону.

— Времена, сказалъ Супоня, и плюнулъ.

А пароходъ между тѣмъ шелъ все дальше и дальше. По обѣимъ сторонамъ Волги проходили мимо него то высокіе изломы покрытыхъ зеленью горъ, то сѣрожелтые обрывы, то песчанныя отмели лѣвобережья съ тальникомъ, осинникомъ и ветлянникомъ. Картины все скромныя, однообразныя, хотя въ этомъ однообразіи нельзя было не видѣть грандіозной размашистости, съ которою невидимый художникъ набрасывалъ на эти картины то неуклюжіе обрывы, по которымъ можно прослѣдить всѣ наслоенія земной коры, то высокіе курганы, то искривленный и цѣпляющійся за обрывы дубнякъ, то синюю безбрежную даль, такую раскидистую, что вотъ такъ и кажется, будто художникъ-природа, создавая ее, сказалъ всему окружающему: «сторонись дальше все на чемъ можетъ остановиться глазъ человѣческій! Сторонитесь дальше, горы и пригорки, лѣсъ и курганъ и вы, жалкія избенки бѣднаго народа! Я хочу, чтобъ вышла только ширь и даль, небо и земная гладь, такая гладь, чтобы тоска хватала за сердце глядя на нее»... И тоска дѣйствительно хватала за сердце при взглядѣ на эту гладь заволжскую, надъ которой только бѣлый лунь плавалъ въ воздухѣ; расправивъ свои крылья въ видѣ креста надмогильнаго. А там изъ-за пригорковъ выбѣгали по временамъ скромныя деревеньки съ искривленными и закоптѣлыми избенками, съ неуклюжими клѣтями и клѣтушками, съ бѣлоголовыми и босоногими ребятишками, бѣгавшими по берегу рѣки, которая служила имъ и ихъ отцамъ кормилицею и поилицею, а нерѣдко и могилою. Иногда на серединѣ рѣки показывался плотъ, едва замѣтный надъ поверхностію воды и двигавшійся такъ медленно, что, казалось, нужны цѣ-

лые годы, чтобъ онъ дошелъ отъ Ветлуги или Камы до Астрахани, и на этомъ плоту виднѣлись фигуры, не то люди, не то воротовые столбы и кокорникъ. А тамъ опять откуда-нибудь выползала на берегъ, съежившаяся въ междугорьи, сѣрая деревенька, съ сѣрыми, двигавшимися по ней людьми, съ сѣрыми крышами, съ зеленѣющими вокругъ озимями и съ одинокимъ, искривленнымъ крестомъ на отшибѣ, обозначившимъ, что подъ нимъ тлѣютъ кости бурлака, двадцать лѣтъ топтавшаго своими размочалившимися лаптями и исцарапанными объ острые камни ногами безконечный бичевникъ Волги-матушки отъ Астрахани до Рыбинска и на двадцать-первый годъ умершаго подъ тяжелой лямкой и похороненнаго, какъ говорится, безъ попа—безъ савана, безъ воску—безъ ладону, горемыками-товарищами, завернувшими покойника Ванюху въ непутящую рогожину и понесшими вдовѣ Вонюхи и малымъ дѣтушкамъ-сироткамъ паспортъ батюшкинъ, батюшкино благословеніе да въ тряпицѣ десять полтинъ съ полтиною.... И тянутся мимо парохода эти грустныя картины долго, долго, и надрывается сердце глядя на нихъ, и невольно приходятъ на мысль слова, навѣянныя поэту этими самыми картинами:

Эти бѣдныя селенья,
Эта бѣдная природа,
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Иногда задымится вдали пароходная труба.... Дымъ все ближе, ближе.... Видна черная точка съ посящимся надъ нею облачкомъ дыма.... Черная точка увеличивается, очертанія дѣлаются явственнѣе... Точка становится пароходомъ, и видно, какъ неустанные бурлаки новаго времени, пароходныя колеса загребаютъ и пѣнятъ воду.... И проносится пароходъ мимо, всколыхнувъ поверхность рѣки и какъ бы силясь сказать встрѣчному пароходу: «некогда мнѣ, мой другъ, съ тобою поздороваться... Люди гонятъ меня, люди спѣшатъ жить—вѣдь такъ мало дано имъ этого наслажденія, а надо успѣть и то сдѣлать, и другое увидѣть, и падъ третьимъ поплакать... Прощай же, до свиданья»!..

— Фу! да какая же тоска глядѣть на все это! говорилъ Стожа-

ровъ, снова показываясь на палубѣ парохода и оглядывая Волгу съ берегами.

— На что? спрашивалъ Серпороевъ.

— Да вотъ на эти жалкія картины, на эту пустынность, на эту бѣдность.

— Что, вѣрно, Некрасова припомнилъ:

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой,
Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ,
Грустная пѣсня за сердце беретъ.
Лѣсъ ли начнется—сосна да осина:
Не весела ты, родная картина!...

— Нѣтъ, не то.... А вотъ пустынность эта душитъ меня.... Вмѣсто богатыхъ городовъ, которые должны бы встрѣчаться на каждомъ десяткѣ верстъ, вмѣсто богатства и довольства, вмѣсто кипучей дѣятельности, какъ въ любой мѣстности западной Европы, хоть бы на Рейнѣ, я вижу только эти раскиданныя по берегу хижинки, напоминающія шалаши дикихъ, эту глушь, это безлюдье.... Точно мы и не начинали жить.... Отъ города до города сотни верстъ, да и какіе города!... Скучно!

— Времена, все времена—прахъ бы ихъ побралъ! ворчалъ мужичекъ, проходя мимо Стожарова и тоже оглядывая Волгу съ берегами.

— Вотъ и онъ о временахъ толкуетъ, сказалъ Серпороевъ, указывая на мужичка.

— Слышу, отвѣчалъ Стожаровъ;—только онъ ругаетъ ихъ, кажется, за что-то, а самъ того не замѣчаетъ, дуралей, что ходитъ въ сапогахъ и ситцевой рубахѣ и ѣдетъ на пароходѣ, тогда какъ отецъ его навѣрное изъ лаптей и поскони не вылазилъ и по Волгѣ ѣздилъ бичевой.

Проходя далѣе по палубѣ, они увидѣли, что пожилой мужикъ, довольно почтенной наружности, сидя подъ тентою и опершись спиною о стѣнку рубки, читалъ какую-то небольшую книжку. Чтеніе, по видимому, поглощало все его вниманіе.

— Посмотри, замѣтилъ Серпороевъ Стожарову, съ какимъ усердіемъ рыжая борода что-то читаетъ: должно быть сказку о семи Семіонахъ.

— Не думаю.... Скорѣй о чудесахъ Тихона или Митрофанія.

— А любопытно, однако, посмотрѣть.

Они подошли и усѣлись не далеко отъ рыжей бороды. Борода продолжала читать шопотомъ, но такъ, что нѣкоторыя слова можно было разслышать. Эти слова были: «уѣздныя собранія» и «не позже сентября»... «губернскіе гласные», и т. п.

Стожарова сильно заинтересовала рыжая борода, и онъ старался заговорить съ ней. Скоро они свели разговоръ на книгу, которую читала борода.

— Что это у васъ за книга? спросилъ Стожаровъ.

— Да это, батюшка, земское положеніе у меня, отвѣчала борода.

— Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ?

— Оно самое.

— Что же вы читаете?

— Да вотъ купилъ... надоть прочесть все, пообзнакомиться... А безъ того въ собраніи какъ въ темномъ лѣсу.

— Въ какомъ собраніи?

— Да хоть бы въ уѣздномъ, али губернскомъ.

— Вы развѣ гласный?

— Гласный, батюшка, и въ уѣздѣ гласный, и въ губерніи гласный.... Трудненько это, да нечего дѣлать: надо сполнять мірскую волю — тягота-то общая. Оно бы и ничего, пожалуй, когдабъ мы были грамотные, а то... боязно.

— Да вѣдь вы же грамотный, читаете.

— Какая наша грамота? Стыдно и признаться какъ ее, этой грамоты-то, добился я.

— А что?

— Да то, батюшка, что надо-мной стряслась такая пословица, что и сказать нельзя.

— Какая же это пословица?

— Старинная... Слыхали вы, можетъ, присловье: «яйца курицу не учатъ»?

— Слыхалъ.

— То-то и я съ дѣтства его слыхивалъ, отъ родителей—царство имъ небесное—узналъ, и вѣрилъ этому присловью... А нынѣ все выходитъ наоборотъ—времена не тѣ настали: все-то старое ни къ чему стало не пригодно.

— Въ чемъ же дѣло?

— Да то, что нонѣ «яйца курицу учатъ»... Я самъ, родимый, эта курица.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ, сказалъ Стожаровъ, не зная къ чему клонитъ борода.

— Я вамъ растолкую... Вы говорите, я грамотный? Такъ я вамъ на это скажу, что грамота мнѣ съ большимъ стыдомъ далась.

— Что же, вы плохо понимали?

— Видите ли, прожилъ я свой вѣкъ темнымъ человѣкомъ, и дѣла свои велъ безъ грамоты. Богъ меня достаткомъ не обидѣлъ, семья моя рабочая, такъ я и въ торги пускался, и бумажныя дѣла доводилось имѣтъ. А гдѣ бумага, тамъ и рукоприкладство. Въ старину-то мы, бывало, коли рукоприкладство давать, такъ и дашь руку доброму человѣку, онъ за тебя и распишется. Случалось и такъ, что дадутъ тебѣ въ руку перо, и велятъ поставить крестъ подъ бумагой. Ну, съ трудомъ, кое какъ, а поставишь. А что это за рукоприкладство? Твой ли это крестъ, мой ли—кто его узнаетъ? крестъ у всѣхъ одинъ. Вотъ и выискался добрый человѣкъ, научилъ меня подписывать: Парменъ Прокофьевъ Ногинъ. Я и подписывался, и слылъ я за грамотнаго. А какъ вышли эти земскіе порядки и міръ меня выбралъ гласнымъ, я и очутился въ собраніи какъ въ темномъ лѣсу, и всякая-то бумага казалась тебѣ звѣремъ лютымъ, — а законъ, да эти уставы, да положенія еще страшнѣй того... Пришлось на старости лѣтъ за указку садиться. Ну, и сталъ я тогда курицей.

— Какъ же это?

— Да вотъ какъ, слушайте. Есть у меня пареневъ махонькій, Кузя, внучекъ. Вострый такой малецъ. Какъ земскіе-то порядки пошли, открыли это у насъ земскую школу. Учатъ не учителя, а учительницы, барышни. Ужъ такіе мастерицы своего дѣла, что и сказать нельзя. Паренекъ мой ходилъ въ эту самую школу, учился хо-

рошо, читалъ бойко, и писать умѣетъ. Я и заставлялъ его читать при себѣ, такъ всякія книжки, какую ни дай, сразу и уразумѣлъ. И дивился я моему пареньку. Вотъ онъ и говоритъ: дѣдушка! «Что?» говорю. «Дай я тебя поучу, говоритъ, книжки читать». Засмѣялся я—чудно мнѣ стало, какъ это клопъ такой станетъ дѣдушку учить. Даже стыдно стало. «Какъ же ты, говорю, пострѣленокъ учить меня станешь? Не съ указкой же мнѣ сидѣть подъ старость». «У насъ, говоритъ, дѣдушка, безъ указокъ учатъ».—«А какъ же?» говорю. «Пальцемъ», говоритъ. «Ну, говорю, а сѣчь дѣдушку будешь, коли что не уразамѣю?» «Нѣтъ, говоритъ, у насъ не сѣкутъ»... Ну, и начали мы учиться. Посажу я это Кузьку къ себѣ на колѣни, возьметъ онъ азбуку, и показываетъ мнѣ пальчишкомъ-то своимъ, что какъ называется. Я и говорю: «нѣтъ ужъ, Кузя, знать мнѣ несуждено грамотнымъ быть—память слаба становится». — «Нѣтъ, говоритъ, дѣдушка, попробуемъ... А коли выучу тебя, говоритъ, что дашь?»—«Не выучишь, говорю, молодое деревцо легко принимается, а старый пень, какъ ни поливай, на новомъ мѣстѣ не зацвѣтетъ».

Стоитъ паренекъ на своемъ—выучу да выучу. «Учи», говорю.—«А что дашь»? пристаетъ.—«На пряники», говорю, «дамъ».—На пряники мнѣ, говоритъ, и мамка дастъ, а ты что, дѣдушка, дашь»?—«Ну, говорю, что хошь, то и дамъ».—«Отдай меня въ гимназію», говоритъ. Вотъ каковъ пострѣленокъ! Куда захотѣлъ! «А Кузькину мать», говорю, «знаешь?»—«знаю», говоритъ.—«То-то же!» говорю—и пригрозилъ ему.

— За что же, когда мальчикъ хочетъ учиться? спросилъ Стожаровъ.

— Такъ-то, такъ! ученіе свѣтъ, неученіе тьма; да нашему-то брату крестьянину нужна грамота, а не гимназія. Прежде хлѣбъ, а тамъ и медъ, а за медомъ погонишься, въ голодѣ насидишься.

— Ну, такъ какъ же ваше ученіе?

— Такъ и пошло: сидитъ это у меня учитель на колѣняхъ, въ бородѣ моей копается, и учитъ... Стыдно спервоначала было, никого къ себѣ въ свѣтлицу не пускалъ, когда учились, а тамъ привыкъ. Правду говорилъ Кузька: грамота далась мнѣ, и вотъ я теперь самъ читаю положеніе. Вотъ вамъ и пословица!

— Какая пословица?

— Да говорятъ: русская пословица вѣкъ не сломится. А на мнѣ вонъ сломилась.

— Да, правда ваша: не всякая пословица къ дѣлу идетъ.

— И я тожъ говорю теперь: думалъ, что яйца курицу не учатъ, анъ вышло наоборотъ: учатъ! Наши внуки стали насъ учить: вотъ они времена-то!

«И этотъ говоритъ о временахъ», подумалъ Стожаровъ, и улыбнулся. Ему тотчасъ же припомнились «Отцы и Дѣти» Тургенева и цѣлая литература трактатовъ о нихъ. «И тутъ, думалъ онъ, таже исторія, и тутъ отцы и дѣти, и тутъ тѣже нигилисты и ихъ противники, таже борьба молодаго съ старымъ, и у нихъ свои Чернышевскіе, Добролюбовы, Писаревы, свои Тургеневы, даже свои Аскоченскіе и Всеволоды Костомаровы—все тутъ есть, что есть и у насъ, и борьба класицизма съ реализмомъ, и отрицаніе искуства, и предпочтеніе хорошо сшитыхъ сапоговъ Байрону»...

— А какъ идутъ дѣла вашего земства? спросилъ Стожаровъ послѣ этого раздумья.

— Идутъ помаленьку.

— А налогами не тяготитесь?

— Тяжеленько бываетъ, да что дѣлать, коли налоги идутъ на доброе дѣло? Только дай Богъ, чтобы все было на пользу, а ужъ мы поприжмемся.

— Съ дворянами-то ладите ли вы? Не гнутъ ли они на свою сторону?

— Кто-жъ себѣ врагъ? Вѣстимо всякій гнетъ на свой бокъ, безъ этого нельзя. А ладить—отчего не ладить, Да есть и межъ благородными такіе, что наши выгоды блюдутъ, хоть и круто имъ приходится отъ иныхъ дворянъ за это. Вотъ и въ прошломъ году у насъ такой случай былъ.

— Какой случай?

— А вотъ какой. Есть у насъ одинъ гласный, изъ чиновниковъ онъ, а не изъ помѣщиковъ—такъ всякій тебѣ разъ у него война либо съ предсѣдателемъ, либо съ другими дворянами. Въ прошлое-то собраніе такую кашу заварили, что и до сихъ поръ не расхлебаютъ. А все изъ за двухъ только словъ—смѣшно оно даже.

— Изъ-за какихъ же словъ?

— Да все изъ за *узкаго* да изъ-за *русскаго*.

— Какъ это изъ-за *узкаго* «да изъ-за *русскаго?*» Я не понимаю.

— А вотъ какъ, батюшка. Это исторія занятная и смѣху подобная. Этотъ-то гласный изъ чиновниковъ, что наши выгоды блюдетъ, дока говорить—за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Языкъ точно бритва—не рѣжетъ, такъ до чиста брѣетъ, а бываетъ такъ, что и до крови порѣжетъ. Вотъ этимъ-то языкомъ своимъ да несутерпчивостью онъ и не угоди председателю: председатель-то его осаживаетъ, а тотъ свое рѣжетъ. Тотъ говоритъ, замолчи, а этотъ говоритъ—не замолчу. Ну, такъ у нихъ за всегда война и велась. Председатель и говоритъ ему:

— Вы, говоритъ, крестьянъ бунтуете.

— Нѣтъ, говоритъ, не бунтую.

— Нѣтъ, бунтуете! Вы, говоритъ, возстановляете одно сословіе противъ другаго.

— Нѣтъ, говоритъ гласный, я никогда не возстановлялъ одного сословія противъ другаго.

— Вы, говоритъ, председатель, такъ дѣйствуете, что возстановляете.

— Нѣтъ, говоритъ гласный, такъ понимать мои дѣйствія могутъ только *узкіе*, *тупые умы*.

— Ну, ладно. Сказалъ онъ эти слова—и сѣлъ. Мы ничего. Председатель тоже ничего. А говорилъ это гласный не по памяти, а по бумагѣ: раньше, значитъ, у него это заявленіе было написано. Прочитавши заявленіе, онъ и подалъ его председателю, а тотъ велѣлъ пріобщить его къ журналу... Ладно!.. Слушайте же, что изъ этого вышло. Собираемся мы на другой день въ собранье. Сидимъ, ждемъ что будетъ. Председатель и говоритъ гласному что заявленіе-то наканунѣ подалъ:

— Вы, говоритъ, милостивый государь, оскорбили вчера весь русскій народъ.

— Чѣмъ, говоритъ гласный, я оскорбилъ весь русскій народъ?

— А тѣмъ, говоритъ, что вы всѣхъ русскихъ назвали тупыми умами.

— Неправда, говоритъ гласный, никогда я этого не говорилъ.

— Нѣтъ, говорили: все собраніе слышало.

— Какъ же я сказалъ? спрашиваетъ гласный.

— Вы сказали: такъ понимать мои дѣйствія могутъ только *русскіе тупые умы.*

— Я этого не сказалъ, говоритъ гласный.—Я сказалъ—«*узкіе* тупые умы», а не «*русскіе*».

— Нѣтъ, говоритъ предсѣдатель,—вы сказали *русскіе*, а не *узкіе*, это всѣ слышали.

— Я очень хорошо слышалъ, какъ онъ говорилъ, говоритъ другой гласный,—я сидѣлъ позади его, и слышалъ, что онъ сказалъ *узкіе*, а еслибъ онъ сказалъ *русскіе*, я бы остановилъ его.

— Я слышалъ, что онъ сказалъ *русскіе*, говорить третій гласный.

— И я своими собственными ушами слышалъ, что онъ сказалъ *русскіе* тупые умы, говоритъ четвертый гласный.

— А я слышалъ явственно, что онъ сказалъ *узкіе*, говоритъ пятый.

— Ну и пошла исторія. Тотъ говоритъ *узкіе*, этотъ—*русскіе*, просто, я вамъ скажу, ума помраченье! Одинъ говоритъ, что, дескать, такого и слова нѣтъ—«*узкіе умы*», что такъ по-русски и сказать-де нельзя, потому-де, что можно сказать «узкіе сапоги», «узкій ситецъ», а «узкій умъ»—эдакъ-де нельзя сказать. Другой говоритъ, что онъ непремѣнно сказалъ «русскіе тупые умы», а не «узкіе», что-де это оскорбленіе Россіи, русскаго народа, что такъ-де могъ сказать только полякъ и что самый-де гласный этотъ изъ поляковъ, что-де и фамилія его польская... А гласный-то этотъ, я вамъ скажу, чиновникъ-то, изъ поповичей, оттого и фамилія его смахиваетъ на польскую... Ну, такъ вотъ всѣ и заголдили—«русскій», «узкій», «русскій», «узкій»!... И раздѣлилось все собраніе на двѣ части: одна-то часть за «узкихъ», другая—за «русскихъ», и тѣ, что говорили, будто тотъ гласный сказалъ «русскіе тупые умы», написали протестъ, чтобы-де такого вреднаго гласнаго исключить изъ собранія. Соблазнъ вышелъ такой, что и разсказать нельзя! У меня даже, я вамъ скажу, голова кругомъ пошла: сижу да все про себя твержу: «русскіе», «узкіе», «русскіе», «узкіе»—и смѣхъ, и горе! И вспомнилась мнѣ тутъ наша мужицкая сказка: идетъ му-

жикъ въ синемъ кафтанѣ и красныхъ сапогахъ, а ворона летитъ и кричитъ: синь кафтанъ! Мужику послышалось: «скинь кафтанъ»!— онъ взялъ да и скинулъ. Далѣ ворона кричитъ:—красны сапоги! Мужику послышалось—«крадены сапоги», онъ взялъ да и сапоги скинулъ. Такъ-то и намъ послышалось «скинь кафтанъ»—мы взяли да и скинули кафтанъ и сапоги. Онъ-то говоритъ: «узкіе тупые умы», а намъ слышится—«русскіе тупые умы». Вотъ изъ-за этого самаго и вышла вся бѣда.—Когда шумъ-то поутихъ маленько, гласный и говоритъ:

— А посмотрите, господинъ предсѣдатель, мое заявленіе: тамъ ясно написано—«узкіе тупые умы».

А предсѣдатель ему на это (посмотрѣвши въ заявленіе):

— Тутъ-де написано по подчищенному: «узкіе», а видно-де, что было написано: «русскіе».

— Кто же это, говоритъ гласный,—подчистилъ? Я-де вамъ вчера въ руки передалъ мое заявленіе, а тамъ было написано не по подчищенному—«узкіе». Да я-де и не могъ написать «русскіе тупые умы», потому-де, что это самое я въ прошломъ году написалъ шефу жандармовъ, а у него-де вы можете справиться въ канцеляріи — правду ли я говорю.... Такъ кто-жъ это подчистку сдѣлалъ?... Это, говоритъ, подлогъ, преступленіе.

И пошла, и пошла писать! Мнѣ инда моторошно стало, въ ушахъ шумъ: сижу, да все про-себя твержу: «синь кафтанъ», «скинь кафтанъ», «краденны сапоги», «русскіе», «узкіе», «синь кафтанъ», «русски сапоги», «крадены сапоги»!...

— Чѣмъ же это дѣло кончилось? спросилъ Стожаровъ.

— Дошло до губернатора. Губернаторъ ужъ насилу, слышь, размоталъ этотъ клубокъ, а то бы онъ никогда не размотался. «Вы, говоритъ, господа, будете спорить объ «узкихъ» да объ «русскихъ», а смѣтъ и раскладокъ не разсмотрите. Такъ сдѣлайте прежде дѣло, а тамъ и спорьте: «узкіе» и «русскіе» не уйдутъ отъ васъ. Тутъ мнѣ пришла на память побасенка: Въ одномъ городѣ случился пожаръ. Одинъ квартальный и кричитъ другому:—велите, батюшка, подать пожарную кишку. Другой ему на это:—у насъ-де нѣтъ пожарной кишки, а есть пожарный рукавъ. Тотъ говоритъ: «нѣтъ, кишка!» — Этотъ: «нѣтъ, рукавъ!» — «Нѣтъ, кишка!»—«Нѣтъ,

рукавъ!» Пока они такимъ-то манеромъ спорили, городъ весь сгорѣлъ...

А пароходъ шелъ все дальше и дальше, оставляя за собою и высокіе изломы покрытыхъ зеленью горъ, и сѣроватые обрывы, и песчаныя отмели лѣвобережья съ тальникомъ, осинникомъ и ветлянникомъ, и сѣрыя деревеньки съ сѣрыми избенками и сѣрыми людьми, и неподвижно стоящій на серединѣ рѣки плотъ, и торчащій на отшибѣ одинокій крестъ съ лежащими подъ нимъ сухими костями Ванюхи-бурлака.

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе будетъ)

VI.

На пологомъ берегу волжскаго лѣвобережья лежитъ богатое торговое село Варгуны. Оно заселено недавно, въ прошломъ только столѣтіи, выходцами изъ другихъ, центральныхъ губерній, но уже успѣло шагнуть далеко впередъ, благодаря счастливымъ условіямъ мѣстности и предпріимчивости колонистовъ (мы разумѣемъ не нѣмецкихъ колонистовъ, а русскихъ), и въ настоящее время далеко оставило за собою тѣ города нашей метрополіи—старинные, бѣдные, богатые только воспоминаніями старины, которые какъ-бы заснули въ своей неподвижности. Впрочемъ, и неудивительно шагать впереди всего тамъ, гдѣ это *все* спитъ непробудно, какъ въ сказочномъ сонномъ царствѣ, гдѣ даже галки спятъ на колокольняхъ, будучи пробуждаемы къ жизни только звономъ старинныхъ, нѣкогда звонкихъ, но потомъ разбитыхъ временемъ и человѣческою рукою колоколовъ. Варгуны, можетъ быть, и потому стали передовикомъ въ ряду другихъ селеній и городовъ, что, по общему историческому закону, всѣ колоніи идутъ дальше своихъ метрополій, какъ ушла впередъ колонія старой Англіи—Сѣверо-Американская республика, какъ ушла впередъ наша Новороссія, какъ нѣкогда колоніи древней Греціи оставили далеко за собой назади свою метрополію. Варгуны, какъ и все наше заволжье — русская колонія, и оттого заволжье показываетъ признаки жизни болѣе, чѣмъ метрополія, и оттого метрополія нерѣдко завидуетъ своимъ колоніямъ, и ворчитъ на нихъ, какъ ворчатъ старики на живую молодежь, у которой ноги не отходили еще, глаза не отглядѣли и спину не ломитъ.

Вотъ и тутъ повтореніе исторіи отцовъ и дѣтей, думалъ Стожаровъ, который вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими пасажирами сошелъ съ парохода и входилъ въ Варгуны съ пристани, гдѣ остановился пароходъ. Серпороевъ, между тѣмъ, что-то замѣшкался около пароходной конторки, желая отправить въ Петербургъ какое-то письмо.

Въ это время, на возвышенномъ берегу, у пристани, шумѣла

толпа мальчиковъ. Стожаровъ тотчасъ же догадался, что это были школьники.

— Дѣвкины ученики! дѣвкины ученики! кричала одна группа мальчиковъ другой.

— Двухвосткины ученики! двухвосткины ученики! кричала эта другая группа первой.

— Васъ въ школѣ дѣвка шить учитъ, кричала первая группа.

— А вы въ школѣ блины печете, отвѣчала ей другая.

Эти перебранки двухъ группъ заинтересовали Стожарова, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ понять значенія выраженій «дѣвкины ученики» и «двухвосткины ученики». Но онъ догадывался, что въ этой дѣтской шалости проявляется борьба двухъ направленій, но какихъ— онъ не могъ догадаться. Поэтому Стожаровъ остановился, чтобъ прислушаться къ дальнѣйшему спору.

— Вы чѣмъ дышите? спрашивали нѣкоторые изъ мальчиковъ той группы, которую называли «дѣвкиными учениками».

— Носомъ, отвѣчали изъ другой группы.

— Ротомъ, говорили другіе.

— У! у! они дышатъ ротомъ и носомъ! кричали «дѣвкины ученики»;—а мы дышимъ воздухомъ... А изъ чего состоитъ воздухъ? спрашивали они.

— А что такое жезлъ аароновъ? спрашивали въ свою очередь «двухвосткины ученики», которые, по видимому, не могли ничего отвѣчать на вопросъ о воздухѣ и думали поразить своихъ противниковъ богословскимъ вопросомъ.

— Васъ сѣкутъ жезломъ Аарона—вотъ что такое жезлъ аароновъ, отвѣчали «дѣвкины ученики».

Въ это время къ Стожарову подошелъ и Серпороевъ, который шелъ съ пристани вмѣстѣ съ гласнымъ Ногинымъ.

— Ты что тутъ дѣлаешь? спросилъ Серпороевъ товарища.

— Да вотъ смотрю на борьбу двухъ направленій въ молодомъ поколѣніи, отвѣчалъ тотъ.

— Ба! да тутъ и мой Кузька! Ты что тутъ балуешь, пострѣленокъ? спросилъ Ногинъ, подходя къ одному изъ «дѣвкиныхъ учениковъ».

— Я, дѣдушка, ничего, отвѣчалъ мальчикъ.

— То-то ничего... а домой что пойдешь?

— Да вонъ они все задираютъ.

— Кто они?

— Двухвосткины ученики.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, вмѣшался Стожаровъ,—что́ это за «двухвосткины ученики» и почему они называютъ этихъ «дѣвкиными учениками»?

— Да это у насъ, изволите видѣть, двѣ школы: въ одной-то, въ земской школѣ, гдѣ вотъ и мой Кузька учится, учительницей барышня, такъ ихъ и называютъ «дѣвкиными учениками», а другая-то школа казенная. Въ земской-то школѣ ребятишекъ балуютъ, не сѣкутъ, а въ казенной-то посѣкиваютъ. Вотъ когда эти пострѣлята сойдутся—и пошла война: наши-то земскіе хвалятся, что ихъ лучше учатъ, а тѣмъ обидно это—ну и бранятъ ихъ «дѣвкиными учениками».

— Да у нихъ, дѣдушка, ничему не учатъ, вмѣшался Кузя, — они не знаютъ что́ такое воздухъ, что́ такое вода.

— У нихъ, дѣдушка, по казенному-то учатъ, такъ дважды-два выходитъ не четыре, заговорили другіе мальчики, обступая Ногина.

— Да оно по казенному-то, можетъ, и не четыре, замѣтилъ Стожаровъ, улыбаясь.

— Нѣтъ, четыре, и по казенному и по земскому, спорилъ Кузя.

— Ужъ ты мнѣ, пострѣленокъ, все знаешь, замѣтилъ на это Ногинъ ласково.

— Знаю, дѣдушка, а казенные-то ничего не знаютъ; а только ругаются.

— У нихъ, дѣдушка, у земскихъ-то, Богъ сотворилъ міръ не въ шесть дней, говорили въ свою очередь казенные, обступая старика.

— А во сколько?

— Можетъ, въ шесть тысячъ, а можетъ—въ шестьдесятъ тысячъ лѣтъ... это неправда.

— Нѣтъ, правда!

— Нѣтъ, не правда! Это вамъ стриженая дѣвка наговорила, а въ книжкѣ этого нѣтъ.

«Вотъ и тутъ стриженая дѣвка (думалъ Стожаровъ), и тутъ рутинисты бранятъ и эту дѣвку, и все что учится не по ихъ программѣ,

и тутъ, какъ и вездѣ, задоръ и смѣлость выпадаютъ на долю невѣжества, которое знаетъ, какого цвѣта былъ хвостъ у алкивіадовой собаки, а не знаетъ, чѣмъ оно дышетъ и что́ такое воздухъ. И тутъ класицизмъ и реализмъ въ лицѣ Кузи и его противниковъ».

Мальчики, между тѣмъ, продолжали спорить.

— А на сколько колѣнъ была раздѣлена земля израильская? спрашивали казенные.

— На двѣнадцать, отвѣчалъ Кузя; — а вотъ вы не знаете, на сколько уѣздовъ раздѣлена наша губернія.

Казенные дѣйствительно не знали, потому что до этого они еще «не прошли географіи».

— А кто былъ отецъ Ганнибала? спрашивали въ свою очередь казенные.

Озадаченные этимъ вопросомъ, земскіе не нашлись сразу, потому что въ ихъ школѣ обращали преимущественное вниманіе на реальныя, практическія познанія, тогда какъ въ казенной школѣ преобладалъ класицизмъ и знаніе древностей. Но Кузя, ободряемый присутствіемъ дѣдушки, нашелся скорѣе другихъ.

— На что намъ отецъ Ганнибала, сказалъ онъ, — его по батюшкѣ никто не называетъ. А вотъ вы не знаете кто у насъ предсѣдатель земской управы, и кто мировой судья, и какая въ нашей губерніи торговля, и какая почва, и что́ такое акція.

— Ай да Кузя! невольно замѣтилъ Стожаровъ,—а ты знаешь что такое акція, и кто предсѣдатель управы, и что́ такое гласный?

— Знаю, дяденька, бойко отвѣчалъ мальчикъ,—акцію я видѣлъ у дѣдушки, и предсѣдателя знаю какъ зовутъ, а гласный — вотъ дѣдушка гласный.

— А отца Ганнибала не хочешь знать?

— Не хочу... А они учатся только тому, что никому не нужно...

Стожарову и радостно, и грустно было смотрѣть на эту молодежь, которая напомнила ему его собственное дѣтство, когда онъ переходилъ черезъ Рубиконъ или, стоя на копнѣ сѣна, воображалъ, что на него, какъ на Наполеона, дѣйствительно смотрятъ сорокъ вѣковъ. Что-то выработаютъ, думалъ онъ, эти молодыя силы, которыхъ ожидаетъ суровая борьба въ жизни, неудачи, разочарованье? Или въ двадцать-тридцать лѣтъ жизнь выработаетъ лучшія формы, и будетъ

легче жить, легче дышаться? Нѣтъ. думалъ онъ, слишкомъ поздно началась эта выработка лучшаго, слишкомъ мало еще сдѣлано для этого лучшаго, чтобъ можно было думать, что въ двадцать-тридцать лѣтъ воздухъ очистится, когда еще и не начинали чистить конюшни царя Авгія, заражающія воздухъ. А гдѣ Геркулесъ, который взялъ бы на себя эту работу, гдѣ предвѣстники того, что будетъ лучше? Бѣдная Россія...

— Ты что замечтался? спросилъ его Серпороевъ.

— Такъ, Надя.

— Нѣтъ, не такъ—я тебя знаю.

— Да грустно стало глядѣть на эту молодую жизнь, которой также не выбиться изъ тисковъ, какъ и мы не выбились.

— Выбьемся: мы на томъ давно порѣшили.

— Нѣтъ, какъ морскіе октоподы будутъ цѣпляться за васъ и за нихъ неблагопріятныя историческія условія, въ которыхъ мы пеленались и выросли, и будутъ они биться какъ рыба объ ледъ, и скоро состарятся не отъ лѣтъ, а отъ заботъ и нужды, отъ этихъ же самыхъ историческихъ условій, и когда, къ старости, станутъ подводить итоги жизни, то увидятъ, что и въ гробъ они должны лечь съ недоимкой.

Въ это время мальчики закричали: «Вонъ Варвара Григорьевна!» и опрометью бросились туда, гдѣ они увидѣли эту Варвару Григорьевну.

Стожаровъ и Серпороевъ поглядѣли по тому направленію, куда побѣжали мальчики, и увидѣли дѣвушку, которая проходила черезъ улицу. Она была одѣта въ что-то темное, а въ рукахъ держала папку по видимому съ нотами.

Мальчики съ восторгомъ окружили ее, безпрестанно и въ перегонку болтая:

— Варвара Григорьевна! кто былъ отецъ у Ганнибала?

— Варвара Григорьевна! казенные не знаютъ, какая у насъ почва, на сколько уѣздовъ раздѣлена наша губернія.

— Варвара Григорьевна! казенные говорятъ, что они дышатъ носомъ, а не воздухомъ.

— А въ васъ, кажется, хвастовство развивается, замѣтила дѣвушка, улыбаясь.

— Нѣтъ, Варвара Григорьевна, болталъ Кузя,—они на насъ нападаютъ, а сами не знаютъ ничего—только и хвалятся Ганнибаломъ да колѣнами іудейскими.

— Что-жъ вы нейдете домой? говорила дѣвушка.

— Мы, Варвара Григорьевна, пойдемъ въ луга собирать вамъ бабочекъ, жучковъ, цвѣты и всякую травку, а вы намъ скажете, какъ все это зовутъ и для чего оно, говорили мальчики, прыгая около учительницы

И мальчики и дѣвушка скрылись за угломъ.

— Кто эта Варвара Григорьевна? спросилъ Стожаровъ гласнаго.

— Да это-жъ и есть ихняя учительница,—души въ ней не чаютъ ребятенки, отвѣчалъ старикъ.

— Что-жъ она, здѣшняя или пріѣзжая?

— Пріѣзжая.

— И давно она здѣсь?

— Года два будетъ какъ пріѣхала.

— А любятъ ее здѣсь?

— Спачала-то крутенько ей было—косо на нее смотрѣлъ народъ, и на смѣхъ ее поднимали, и языки ребята па улицѣ показывали, и стрижкой обзывали—урекали все, что, знать, не за доброе дѣло ей косу урѣзали. У пасъ, у мужиковъ, знамо дѣло, коли у дѣвки косу обрѣзали, значитъ вела себя не чисто, житье ей было у насъ желтое, не приведи Богъ. А тамъ взъѣлись на нее наши дьячки, за то больше, что хлѣбъ у нихъ отнимала, мальчонковъ учить къ себѣ брала. И стали дьячки ей пакостить, мальчишекъ на нее напущали, ворота дегтемъ мазали, на заборѣ, у ея воротъ, мѣломъ всякую скверну писали, такъ что срамъ было мимо пройти. Натерпѣлась таки голубушка, а на своемъ поставила, и подъ конецъ все обошлось къ благополучію, только извелась ни на что, бѣдная.

— Хорошо благополучіе! говорилъ Стожаровъ какъ бы самъ съ собой,—поставить-то она поставила на своемъ, а здоровья-то не воротитъ, коли извелась, какъ вы говорите. Э! и не мало у насъ такихъ, надломленныхъ, а иныя и совсѣмъ погибли. А кто виноватъ? Наше историческое лакействованіе и тупоголовіе. Развѣ не тѣ же варгунинскіе дьячки накинулись на русскую дѣвушку, когда она хотѣла промѣнять постель наложницы и домъ терпимости на учи-

лище? Развѣ не эти же самые варгунинскіе дьячки, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, да и по всей Россіи, поднимали на смѣхъ женщину, когда она требовала себѣ работы, чтобъ не быть поставленной въ необходимость тѣломъ своимъ заработывать себѣ кусокъ хлѣба. Развѣ литературные ребята не показывали ей языка на улицѣ и не упрекали стрижкой, какъ будто желаніе найти честную работу доказывало, что она ведетъ себя «не чисто»? Наши литературные дьячки марали у этихъ бѣдныхъ женщинъ не ворота, а честь, и не дегтемъ, а типографскими чернилами, и вмѣсто того, чтобы писать на заборахъ «всякую скверну», писали ее на страницахъ журналовъ, на столбцахъ газетъ...

— А я на это смотрю болѣе извинительно, замѣтилъ Серпороевъ.— Явленія эти—общій историческій законъ, и дьячки, пишущіе на заборахъ, такая же историческая необходимость, или вѣрнѣе—такой же естественный законъ, какъ и то, что у ребенка съ болью рѣжутся зубы.

— Оно правда, коли хотите, вставилъ свое слово гласный.—безъ враговъ ни человѣкъ не проживетъ, ни дѣло не сдѣлается.

— Оттого что жизнь безъ борьбы не мыслима, добавилъ Серпороевъ.

— Да безъ подлецовъ-то она должна быть мыслима, голубчикъ Надя, говорилъ Стожаровъ по прежнему задумчиво,—по твоему и карманникъ, и всякій мелкій воришка—историческая необходимость.

— А что-жъ! оно и то правда.

— Э! Надя! полно говоритъ не умно.

— Какъ?

— Не умно... Я не хочу сказать—глупо. Почему-жъ ты думаешь, что подлецы—историческая необходимость!

— А оттого, что они до сихъ поръ были и будутъ — значитъ, они историческая необходимость или такой же законъ природы, какъ и то, что бываютъ ясные дни и пасмурные какъ бываютъ умные люди и дураки.

— Все же это, другъ мой, не законъ, а явленіе, которое можетъ быть и не быть.

— По моему, напротивъ, когда явленіе обще и постоянно, то оно возводится въ законъ.

— Нѣтъ, Надя, что можетъ быть и можетъ не быть, то уже не законъ. Если до сихъ поръ женщину варгунинскіе дьячки позорятъ за то, что она ищетъ работы, то скоро придетъ то время, когда ее будутъ позорить за то, что она ничего не сдѣлала.

— Въ нашемъ-то быту, у мужиковъ, оно такъ и бываетъ, снова вмѣшался старикъ гласный,—коли дѣвка не умѣетъ работать, такъ ее и за-мужъ не возьмутъ.

— У васъ-то такъ, да у насъ не такъ, отвѣчалъ Стожаровъ:— у насъ, коли мужчина бѣденъ, такъ продаетъ себя богатой невѣстѣ, а коли невѣста да хорошенькая, такъ продастъ себя богатому и старому мужчинѣ. У насъ кто нибудь изъ двухъ становится паразитомъ— или мужъ, или жена.

Въ это время они проходили мимо кабака, около котораго собрался народъ, и въ толпѣ раздавались пьяные голоса.

— Къ дьяволу ее окаянную, чтобъ ей пусто было, говорилъ пьяный голосъ.

— Не давай, паря, руки—дѣло не чисто, говорилъ другой.

— А для че и не дать, дурова ты голова, говорилъ третій,—чугунка—желѣзна дорога—знатная, братъ, штука, сама и возитъ и носитъ.

— Ну ее ко псу, чугунку-ту вашу.

— Не давай, паря, руки, закабалятъ господамъ.

— Ой ли?

— Право закабалятъ.

— Слышь ты, робя, двѣ копѣйки съ десятины содрать наровятъ.

— Полтину сдерутъ.

Старикъ Ногинъ и его спутники подошли къ мужикамъ. Поздоровались. Многіе мужики знали близко гласнаго.

— Объ чемъ, братцы, шумите? спросилъ Ногинъ.

— Да все объ чугункѣ, дядя Парменъ Прокофьичъ.

— А что?

— Да провалъ бы ее побралъ: не хотимъ руки давать.

— Не давай, братцы, говорили пьяные голоса.

— Не дадимъ, ѣдятъ ее собаки, чугунку-ту вашу.

— Да въ чемъ, братцы, дѣло? спрашивалъ Ногинъ въ недоумѣніи.

— Чать слышалъ, дядя, къ намъ чугунку хотятъ вести.

— Слышалъ—дѣло хорошее.

Мужики стали чесаться въ затылкѣ. Ногину они вѣрили.

— Да съ насъ, дядя, деньги брать будутъ, а намъ дать нечего, говорили мужики.

— За что деньги?

— На чугунку эту, а денегъ у насъ нѣту—и недоимокъ-то по горло.

— Кто-жъ вамъ сказалъ, что деньги надо давать?

— А Иванъ Алексѣичъ.

— Онъ и баитъ: не давай, паря, руки. Пиши, что чугунки, говоритъ, намъ не надыть.

— Въ разоръ, говоритъ, разоритъ васъ чугунка эта.

— На работу, баитъ, сгонятъ, какъ на барщину.

— Вонъ, слышь, говоритъ: гдѣ чугунка, тамъ и голодъ—проведете, баитъ, чугунку, и у васъ будетъ голодъ.

— Скотъ, баитъ, весь поколѣетъ отъ чугунки.

— Работать, баитъ, никто не станетъ—всѣ уйдутъ на чугунку.

— Бабы наши, слышь, срамницами станутъ.

— А я ужъ свою, дядя, билъ за чугунку-ту.

— Кого?

— Молодуху-то.

— Да за что, паря?

— Чтобъ не срамила, не ходила на чугунку.

— Земля, слышь, отъ чугунки отощаетъ.

Подвыпившіе мужики были, какъ видно, въ азартѣ. Какой-то Иванъ Алексѣичъ, сосѣдній помѣщикъ, противникъ предполагаемой къ заволжью желѣзной дороги, натолковалъ крестьянамъ, что чугунка будетъ для нихъ гибелью, что на постройку чугунки будутъ брать съ мужиковъ деньги, что эта чугунка закрѣпоститъ ихъ снова, а бабы перестанутъ работать, что, наконецъ, послѣдствіемъ желѣзной дороги будутъ неурожаи, бѣгство бабъ отъ мужей, усиленіе рекрутчины и нашествіе непріятеля.

— Языцы, слышь, придутъ по чугункѣ и насъ въ полонъ возьмутъ.

— Нѣмцы все въ руки заберутъ.

— Шалишь, кричалъ рыжій мужикъ съ всклокоченной бородой, — я своей Аксюткѣ всѣ ребра переломалъ, какъ про чугунку прослышалъ: пущай не балуетъ баба съ нѣмцами.

— Изведемъ, братцы, нѣмцевъ.

Шумъ, на минуту утихшій при приближеніи старика Ногина, опять возобновился.

Старикъ Ногинъ, справедливо полагая, что съ пьяными мужиками было бы безполезно толковать, оставилъ ихъ и пошелъ съ своими спутниками дальше.

— Что это за исторія? спросилъ Стожаровъ, — за что мужики бабъ бьютъ?

— За чугунку, батюшка. Да и нѣмцевъ грозятъ извести. Сами слышали и, чать, догадались.

— Да, догадываюсь изъ какого болота гнилью потянуло.

— Вотъ такъ оно и вездѣ: значитъ, и тутъ явились свои дьячки, что по заборамъ пишутъ, прибавилъ Серпороевъ.

— Такъ по твоему и это законъ исторической необходимости?

— Законъ: дарвиновская борьба за существованіе. Вѣдь ты же вчера подсмѣивался надъ «Дѣломъ», что литературная партія, поддерживающая его, хотя и отощала какъ тощая фараонова корова, однако, подобно этой коровѣ, хотѣла бы пожрать другую партію, тучную корову, да только ни силы не хватаетъ, ни знаній, ни умишка. А все изъ за чего? изъ за существованія. Такъ и этотъ Иванъ Лексѣичъ мутитъ мужиковъ по закону Дарвина, что́ дѣлаютъ и варгунинскіе дьячки, занимаясь сочиненіемъ памфлетовъ на заборахъ.

— Да полно, Надя, повторять старыя и общія мѣста. Я все это давно знаю: знаю почему варгунинскіе дьячки мажутъ дегтемъ ворота въ квартирѣ честной дѣвушки, знаю почему нищенствующая духомъ партія «Дѣла», пишетъ дегтемъ свои рецензіи на талантливѣйшія литературныя явленія нашего времени, а сама печатаетъ такія вещи, которыхъ никто не читаетъ, все знаю, Надя, да отъ этого никому не легче. А какъ сдѣлать, чтобъ дьячки не пачкали дегтемъ то, что не слѣдуетъ пачкать?

— Этого нельзя сдѣлать.

— Нѣтъ, не говори этого, Надя, задача нашего времени именно

въ томъ и заключается, чтобы доказать, что то, что мы, по своему невѣжеству, считали законами исторической необходимости, не болѣе какъ налипшая на насъ и на нашу мысль вѣковѣчная пыль, что все это — кандалы, въ которые мы сами себя заковали. Я глубоко убѣжденъ, что человѣчество добьется до того, что въ немъ не будетъ подлецовъ, какъ теперь въ Европѣ нѣтъ людоѣдовъ, что дьячки перестанутъ писать на заборахъ, что воровать будетъ не выгодно и не для чего, и въ литературѣ не будетъ неприличной ругани изъ-за того, что я пишу въ одномъ журналѣ, а не въ другомъ.

— Этого не будетъ.

— Нѣтъ, Надя, клянусь тебѣ всемогуществомъ человѣческой мысли, что будетъ.

— Но это такъ не скоро.

— Не спорю, Надя, не скоро, но будетъ: придетъ пора, когда Супоня перестанетъ говорить, что безъ войны жить нельзя, когда за военныя доблести будутъ сажать въ острогъ, а дьячки, писавшіе дегтемъ на заборахъ, готовы будутъ слизать этотъ деготь, да будетъ уже поздно.

— Но какъ этого добиться?

— Добьемся.

— Я не вѣрю тебѣ, не вѣрю ни въ твои слова, ни въ твою вѣру: вѣра нашего времени, какъ и моя, не должна идти дальше того, гдѣ наука и опытъ не сказали своего послѣдняго слова. Да и тутъ я боюсь вѣрить, потому что и наука ошибается, и опыты насъ обманываютъ. Вѣдь наука же говорила когда-то, что солнце вертится вокругъ земли. Да и мало ли было принятыхъ наукою нелѣпостей? Сама же наука сталкиваетъ съ пьедестала то, чему она прежде покланялась какъ истинѣ.

— Надя! Надя! ты говоришь какъ гимназистъ пятаго класса, который, при переходѣ въ шестой классъ, теряетъ вѣру во все, даже въ то, что ему слѣдуетъ учиться и даже въ то, что дважды два четыре.

— Пожалуй и такъ: наше поколѣніе пошло дальше васъ и вашихъ нигилистовъ, дальше Базаровыхъ, Кирсановыхъ и Лопуховыхъ. Ваши нигилисты не вѣрили авторитету западной науки, а вѣрили Зайцеву, Ткачеву, Шелгунову и какому-то Гдб., а мы *даже*

Ткачеву и Шелгунову не вѣримъ: это — охриплые жрецы того каменнаго идола, которому они сами, изъ усердія, носъ отшибли. Они теперь запѣли другіе кондаки и каноны, да ихъ ужъ никто не слушаетъ: ихъ пѣсенка спѣта, какъ ни была нескладна эта пѣсенка. Все это уже стало старымъ и негоднымъ тряпьемъ для молодаго русскаго поколѣнія, и оно съ лѣнивой усмѣшкой перелистываетъ всю эту ветошь, хотя печатавшуюся въ 68 и 67 году.

— Ну, Надя, я не ожидалъ, чтобъ молодое поколѣніе выходило изъ себя.

— Я не выхожу изъ себя: если молодое поколѣніе ставитъ философовъ отживающаго нигилизма на одну доску съ Лазаремъ Барановичемъ, то это не значитъ, что оно выходитъ изъ себя. Ну, скажи откровенно, кто въ нашей литературѣ больше всѣхъ *ругался*, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, кто всегда выходилъ изъ себя? «Домашняя бесѣда» да ваши литературные нигилисты.

— Почему же *наши*? спросилъ Стожаровъ.

— Потому что ты самъ участвовалъ въ ихъ журналѣ.

— Ну что-жъ, участвовалъ, когда въ журналѣ все групировалось около Писарева, а потомъ, когда Писаревъ ушелъ оттуда, и я ихъ покинулъ.

— Вотъ такъ ихъ покинуло и все молодое поколѣніе, отвѣчалъ Серпороевъ и, встряхнувъ своими длинными, черными волосами, добавилъ какъ бы нехотя:—ваше время нашему времени не указъ.

— *Кого* же вы слушаете, *чему* вы вѣруете, *кого* и *что* вы читаете? *Что* не старье и не ветошь для васъ, для самаго молодаго поколѣнія? спросилъ Стожаровъ, насмѣшливо глядя въ глаза своему спутнику.

— Мы что читаемъ, и кого слушаемъ, и чему вѣримъ?

— Да, желалъ бы я знать.

— Изволь. Мы читаемъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, судебные уставы да европейскіе *учебники*, и слушаемъ Ногина гласнаго, когда онъ толкуетъ своимъ избирателямъ о томъ, что пора вносить земскіе сборы.

— Только-то?

— Только-то.

— А во что вы вѣруете?

— Въ себя да въ свои силы.

— Ну, плоха же ваша вѣра: она не лучше фетишизма, нигилизма, зайцевизма, шелгунизма, аскоченства и секты скопцовъ и прыгуновъ.

— Не думаю, отвѣчалъ, нѣсколько обиженнымъ тономъ, Серпороевъ,—это вы и ваши товарищи по перу принадлежали къ литературному скопчеству.

— Полно, Надя! что намъ спорить? Я не о томъ началъ говорить. И безъ того слишкомъ много скорбныхъ явленій въ жизни, чтобъ еще прибавлять число ихъ, такъ—сказать, расколомъ въ лучшихъ вѣрованіяхъ лучшихъ людей Россіи, расколомъ въ ихъ дружной работѣ на общую пользу. Пусть ворчитъ брюзгливая старость и умственное безсиліе, а у насъ слишкомъ святы наши цѣли и слишкомъ много впереди дѣла, чтобъ лѣвой рукой ломать то, что создаетъ правая.

— Мы ломаемъ только-то, что негодно и вредно. Это ломаемъ мы и правой, и лѣвой рукой.

— А что-жъ вы создаете?

— Мы *учимся* создавать, готовимъ матеріалы, подготовляемъ почву.

— Э! Надя моя милая! и мы тоже думали.

— Что-жъ вы выдумали?

— А вотъ что: мы тоже *учимся*, какъ и вы, только у насъ есть уже опредѣленная программа. Не знаю, учитесь ли вы тому же.

— А чему бы, напримѣръ?

— Во первыхъ, учитесь ли вы тому, чтобъ сдѣлать мужика не голоднымъ?

— Учимся.

— Во вторыхъ, учитесь ли вы тому, чтобъ не было кругомъ насъ вотъ этой нищеты (онъ указалъ на развалившуюся избушку), чтобъ кругомъ насъ не лились слезы несчастныхъ—учитесь?

— Учимся и этому. Вотъ наши цѣли: мы хотимъ, чтобъ Карпъ не билъ Сидора, чтобъ и у Сидора были такія же одонья хлѣба, какъ и у Карпа, Чтобъ Сидора за Карпа не сѣкли на сходкѣ, чтобъ Сидора не отдавали въ рекруты не въ очередь, чтобъ Карпъ не покупалъ коты Авдотьѣ на деньги, заработанныя

Сидоромъ, что собаки Карпа не кусали за ляшки Сидора, чтобъ Карпъ не билъ баклуши, когда Сидоръ заработался до чахотки, чтобъ кормить Карпа, и его жену, и его свояченицу, и его золовку, и его батрака, и его собакъ, которыя Сидору же покусали ляшки.

— Такъ, такъ, Надя, говорилъ Стожаровъ ласково,—еслибъ молодое поколѣніе не этому училось, я бы его и не любилъ.

Въ это время Стожаровъ и Серпороевъ подошли къ дому гласнаго Ногина, который, въ началѣ ихъ послѣдняго спора, указавъ имъ издали на свое жилище и попросивъ зайти къ нему, поспѣшилъ впередъ, чтобы, какъ онъ выражался, встрѣтить дорогихъ гостей «не распояской».

VII.

Въ Варгунахъ продолжало слышаться шипѣнье парохода, который все еще стоялъ у пристани и распускалъ по берегу бѣловатые клубы дыму и паровъ. Слышалось гроханье дровъ о палубу, доносились съ берега щебетанье и перебранки торговокъ, которыя показывали такую продовольственную ревность, что, казалось, готовы были закормить и опоить всѣхъ проходившихъ мимо нихъ пасажировъ и что еслибъ этихъ торговокъ посадить предсѣдателями тѣхъ земскихъ управъ, гдѣ въ прошломъ году голодалъ народъ, то голодныхъ бы не было и въ поминѣ.

Вправо отъ Варгуновъ, берегъ Волги, болѣе высокій, чѣмъ влѣво отъ этого села, образовалъ большую ложбину, въ которой весною обыкновенно играютъ быстрые ручьи мутной воды, а лѣтомъ выползаетъ изъ земли высокая трава. Бока ложбины поросли кустарникомъ, а отъ вершины ея тянулся небольшой лѣсокъ, изъ котораго по временамъ доносилось карканье воронъ и частое постукиванье дятла о сухую кору старой, загнивающей березы. Всѣ окрестныя картины, которыя можно было окинуть глазомъ, не были на столько привлекательны, чтобъ вниманіе могло на нихъ особо остановиться: ни рѣзкихъ изломовъ въ береговыхъ очертаніяхъ горъ, ни

далекой живописной перспективы, ни темной зелени лѣса—только и видна была несовсѣмъ голубая и несовсѣмъ сѣрая поверхность Волги да за плоскою горою голубое небо.

Такія картины способны скорѣе нагнать тоску или грустное раздумье, чѣмъ другое чувство, которое толкаетъ человѣка къ лихорадочной дѣятельности при видѣ иныхъ картинъ природы, иныхъ изломовъ горъ и береговъ.

По ложбинѣ и по лѣсу съ карканьемъ вороны и однообразнымъ постукиваніемъ дятла перемежаются другіе звуки, какъ отголоски жизни, которая одинаково заявляетъ свои требованія какъ при этой однообразной обстановкѣ, такъ и при другихъ, роскошныхъ картинахъ природы. По ложбинѣ и по лѣсу раздаются веселые дѣтскіе голоса, и въ дѣтскихъ возгласахъ не трудно различить фразы:

— Варвара Григорьевна! мы вамъ поймали живую медвѣдку.

— Варвара Григорьевна! не велите Крапову мучить бабочку.

— Варвара Григорьевна! казенные ученики поймали ежа и выдергиваютъ у него колючки.

— Нѣтъ, они сѣкутъ его розгами.

Молодая учительница, къ которой обращались эти возгласы, сидѣла подъ развѣсистымъ дубомъ на разостланномъ пледѣ. Рядомъ съ ней лежала на травѣ, опершись локтями на пледъ учительницы и обхвативъ ладонями подбородокъ, другая дѣвушка, которая отъ времени до времени заглядывала въ развернутую передъ ней книгу или продолжала задумчиво глядѣть внизъ, на лежащую передъ ея глазами ложбину и на дымчато-голубую поверхность Волги. На лицѣ первой, болѣзненно блѣдномъ и истомленномъ, лежало какое-то тихое спокойствіе, даже по видимому апатія, еслибъ большіе сѣрые глаза не обнаруживали, что въ этомъ болѣзненномъ существѣ много внутренней силы, и если жизнь, которая, какъ видно, не ласково задѣла ее своею тяжелою рукою и надломила нѣсколько ея упругую волю, то запасъ внутренней силы еще не тронутъ и эти глаза упрямо могутъ глядѣть въ лице самой суровой жизненной правдѣ. Другая дѣвушка, какъ видно, только еще начинала жить, хотя все ея смѣлое личико выражало, что существо это жадно ищетъ жизни, но только еще само не знаетъ, на что потратится и живая мысль, и избытокъ воспріимчивости и до болѣзненности отзывчивое сердце.

— Варя, говорила задумчиво эта послѣдняя дѣвушка, ты слышишь, какъ природа старѣется?

— Нѣтъ, не слышу, отвѣчала первая.

— Вслушайся, милая, вдумайся—и ты услышишь. Я слышу и сердцемъ, и ушами, какъ она старѣется—вотъ каждая травка, каждый листъ на деревѣ — все слышу, и мое сердце сжимается при этихъ звукахъ.

— Чтожъ, душа моя, значитъ ты слышишь, какъ старушка-природа кашляетъ? спросила учительница, улыбаясь.

— Не смѣйся, Варя. Кашля природы я не слышу, а старческіе звуки, звуки отходящей жизни слышу, ясно слышу. Развѣ это тѣ звуки, которые мы съ тобой слышали здѣсь весной? Развѣ тотъ шелестъ листьевъ, развѣ такъ старчески, лихорадочно лепетали тогда листья осины, какъ теперь—слышишь? А этотъ сухой шорохъ травы? А это карканье скучающей вороны?

— Правда твоя, Мариночка, осень близка.

— То-то же, Варя! я слышу шопотъ какого-то разбитаго, надтреснувшаго голоса въ природѣ, точно у моей бабушки. Мнѣ плакать хочется.

— Объ чемъ, дурочка?

— Сама не знаю.... Этотъ старческій шопотъ листьевъ, это усталое стуканье дятла.... что онъ не улетѣлъ съ другими птицами туда, гдѣ такъ хорошо, такъ полно жизни?

Молодая учительница, какъ бы не слушая своей подруги, тихо продекламировала:

И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.

— А ты слышишь, Марина?

— Слышу, какъ пароходъ шипитъ.... И онъ тоже улетаетъ туда, гдѣ лучше, гдѣ больше жизни.

И Марина, припавъ къ колѣнямъ учительницы, заплакала.

— Объ чемъ ты, бѣдненькая?

Та молчала и продолжала всхлипывать.

— Бѣдное, бѣдное дитя! сказала учительница съ участіемъ: ждутъ тебя въ жизни и великія радости, и великое горе.

А дѣтскіе голоса продолжали раздаваться по лѣсу. Звуки въ при-

родѣ, и безъ того однообразной, дѣйствительно отдавались чѣмъ-то мертвеннымъ, отживающимъ, точно и въ самомъ дѣлѣ наступала ея старость, хотя спокойная, тихая, безболѣзненная. Небо точно отошло дальше отъ земли и увело съ собою солнце, которое хотя и продолжало грѣть изъ далекой синевы, однако уже не оживляло земли, а только сушило и поблекшую траву, и желтѣющіе листья, и сѣроватыя осыпи ложбины. Высоко въ воздухѣ тянулась вереница гусей, которые тоже кажется улетали туда гдѣ лучше, гдѣ не было старческой сухоты въ природѣ. Гдѣ-то въ сторонѣ полевой сверчокъ тянулъ свою однообразную пѣсню, отъ которой тоже вѣяло отживающимъ лѣтомъ.

— Хоть бы убѣжать куда-нибудь отъ этой тоски, отъ этой пѣсни, отъ этихъ мѣстъ — можетъ быть легче-бъ стало, говорила Марина, не поднимая головы.

— Куда же бѣжать и зачѣмъ?

— Я не знаю. Только такъ я не могу жить.

— И я когда-то говорила тоже и тоже чувствовала.... И—бѣжала.... сюда.... въ Варгуны....

Марина подняла голову и быстро взглянула въ лице подругѣ.

— И что-жъ, Варя? спросила она, затаивъ дыханье.

— Ничего, какъ видишь—счастлива....

Не въ голосѣ, не въ словахъ, а гдѣ-то тамъ глубоко, въ груди говорившей эти слова слышалось что-то другое, не то что говорилось, и точно тамъ въ груди надо было искать другаго смысла сказанныхъ словъ. Марина угадала это.

— Такъ и тебѣ, Варя, тяжело тебѣ, свободной, дѣйствующей? спросила она робко.

— Да, мнѣ, свободной, дѣйствующей—не.... совсѣмъ хорошо....

И та и другая замолчали, какъ будто къ чему прислушиваясь со вниманіемъ, не то къ монотонной, наводящей тоску пѣснѣ полеваго сверчка, не то къ мѣрному постукиванью дятла, не то къ другимъ болѣе тонкимъ звукамъ отживающаго лѣта.

— Я не могу читать этихъ книгъ. Они съ ума меня сведутъ, говорила Марина, отталкивая лежащую около нея книгу.

— Почему же?

— Это проклятыя книги! злыя, подлыя....

— Которыя именно?... Что съ тобой? Какія именно книги злыя и подлыя?

— Вотъ всѣ эти.... Онѣ только рисуютъ передъ вами счастье, заманиваютъ васъ, заставляютъ желать счастья, а не даютъ его: ни одна изъ этихъ подлыхъ книгъ не дастъ счастья.... Я брошу ихъ читать.... Я лучше хочу быть дикаркой, нашей Офроськой, которая мечтаетъ какъ о счастьѣ, когда я подарю ей мое лиловое старенькое платье.

— А ты, дурочка, думала, что книги дадутъ счастье?

— Думала, и имѣю полное право думать, горячилась Марина.

— Напрасно: счастье даютъ намъ не книги, а жизнь, да мы сами его должны выискать.

— Жизнь! жизнь!... Отчегожъ ни тебѣ, ни мнѣ не дала его эта глупая жизнь?

— Не умѣли искать.

— Э! Варя! Варя!... я и писателей всѣхъ ненавижу.

— За что же такая немилость?

— Они всѣ подлецы или идіоты.

— Марина! что ты! помилуй—ты ужъ, кажется, начала превращаться въ Офроську.

— Милая Варя! прости меня.... А все же писатели подлецы—виновата.... не честные, не добросовѣстные люди. Они сами хорошо убѣждены, что мы, женщины, не выбьемся изъ неволи, не будемъ никогда дѣйствовать, а увѣряютъ, что можемъ. Они этимъ завлекаютъ только насъ, мучатъ насъ, а сами ничего не могутъ сдѣлать для насъ. Согласись, Варенька, что это подло. Зачѣмъ ужъ и увѣрять насъ? Ужъ говорили бы прямо, что ничего для насъ нельзя сдѣлать, а то только дразнятъ обѣщаньями. Мнѣ при этомъ даже гадкая мысль приходитъ въ голову.

— Какая?

— Они пишутъ такъ затѣмъ, чтобъ завлечь насъ читать свои подлыя, пустыя книжонки, чтобъ товаръ ихъ скорѣе покупался... Ахъ, Варя! вѣдь это все равно что въ гостинномъ дворѣ зазываютъ покупателей, или вонъ тамъ на пристани торговки кричатъ: «пироги горячи! купи, баринъ»! А пироги вовсе не горячи.

— Нѣтъ, Мариночка, я съ тобой не согласна, говорила учитель-

ница, взявъ съ земли книгу и закрывая ее: въ тебѣ говоритъ возбужденная, но неудовлетворенная жажда жизни. Въ этомъ возбужденіи ты говоришь противъ себя, противъ твоего сердца. Тяжко было бы человѣчеству, еслибъ у него не было этихъ подлыхъ—какъ ты называешь книжекъ. Человѣчество осуждено было бы на вѣчное рабство и на вѣчное невѣжество, когда-бъ у него въ распоряженіи не было печатнаго или писаннаго слова, хотя бы слово это было и не совсѣмъ свободно, хотя бы насиліе и налагало на него свою тяжелую руку. Печатное слово—это такая сила, которая побѣдитъ міръ. Печатное слово—единственный защитникъ правыхъ, обижаемыхъ, слабыхъ и бѣдныхъ. Печатное слово—это новая стихія, при помощи которой только и можетъ устроиться міръ и рай сойдетъ на землю.

— Варя моя милая! говорила Марина, снова закрывая лице руками;—но это же слово приноситъ на землю и адъ со всѣми его ужасами.

— Какимъ образомъ?

— Да вѣдь я же говорила, что слово и книга только даютъ понять счастье, а самаго счастья не даютъ. Эти писатели только обманываютъ и насъ и себя. Всѣ лучшіе изъ нихъ—жалкіе, бѣдные, хотя и честные мечтатели. Они даютъ то, чего сами не имѣютъ, что сами желали бы имѣть. Повѣрь мнѣ, Варя, ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть счастливъ.

— Отчего же ты такъ думаешь, милая?

— Оттого, что иначе не умѣю думать. Они, эти писатели, сами желали бы получить то, что сулятъ міру—и свободу, и счастье, и абсолютную правду, и равенство, и дренажированье слезныхъ железокъ...

— Что? что? Какъ ты говоришь?

— Дренажированье слезныхъ железокъ.... ну, какъ бы тебѣ сказать проще? ну, просто, какъ говорятъ поэты: они хотятъ осушить слезы всего человѣчества, а такъ какъ этихъ слезъ столько же льется, сколько воды находится въ бѣлорусскихъ болотахъ, то эту воду и хотѣли бы писатели дренажировать.

— Понимаю. Ты выражаешься, точно членъ вольнаго экономическаго общества.

Марина засмѣялась самымъ наивнымъ, самымъ дѣтскимъ смѣхомъ, откинула назадъ волосы и вскочила на ноги.

— На чемъ бишь я остановилась, Варя? спросила она весело.

— На дренажѣ глазъ человѣчества.

Марина опять засмѣялась.

— Какая ты злая, Варюша. Ну, да хорошо. А только я все-таки говорю, что ненавижу и писателей, и ихъ книги.

— Бѣдненькіе! они будутъ плакать...

— Варя! душечка! не смѣйся надо мной... Я говорю серьезно. Развѣ они не дразнили насъ «женскимъ вопросомъ», «женскимъ трудомъ», даже теперь «женскимъ университетомъ» стали глаза колоть.

— И что-жъ изъ этого?

— Да то, милая, что они только болтаютъ, а ничего не сдѣлали. Надъ нами же смѣются, насъ же корятъ, когда мы вздумаемъ учиться и искать работы. Я все это въ этихъ же книжкахъ читала.

При послѣднихъ словахъ Марины по лицу учительницы прошла тѣнь и темныя брови ея какъ бы придвинулись ближе одна къ другой, а глаза стали и больше и свѣтлѣе.

— Что-жъ, можетъ быть они и правы, что корятъ насъ за трудъ, за желанье дѣйствовать самостоятельно, за дерзкую рѣшимость не поддчиняться деспотизму семьи, мужа, мужчины. Можетъ быть и я сдѣлала ошибку, что пошла въ учительницы, а не въ ключницы къ человѣку, котораго назвала бы мужемъ.

— И ты сожалѣешь объ этомъ, бѣдненькая? спросила Марина какимъ-то испуганнымъ голосомъ.

— Не знаю, милая... Я ничего не знаю.

— Ахъ, что же я могу знать, когда ты ничего не знаешь! воскликнула Марина съ отчаяньемъ въ голосѣ.

— Я знаю только то, что дожила «до сомнѣнія». Прежде мнѣ все казалось яснымъ, опредѣленнымъ, а теперь я во всемъ сомнѣваюсь—и тяжело это сомнѣнье.

— Въ чемъ же, Варя?

— Да хоть бы въ томъ, что можетъ быть и правы тѣ, которые и въ литературѣ и въ жизни бросаютъ въ женщину грязью

за то, что она ищетъ свободы, равноправности и возможности дѣйствовать. Можетъ быть правы даже наши дьячки, которые пачкали дегтемъ ворота, гдѣ я живу.

— Почему же? Ахъ, еслибъ ты знала, какъ это мучитъ меня.

И она начала обнимать и цѣловать учительницу.

— Теперь эти противные дьячки не смѣютъ и глазъ на тебя поднять, говорила она, ласкаясь.

— А можетъ быть, они и правы были.

— Что ты! что ты, Варя!

— Ты слыхала о «положительной философіи» Огюста Конта? спросила учительница.

— Слыхала, но не читала.

— Онъ признается однимъ изъ величайшихъ геніевъ въ человѣчествѣ.

— Ну, чтожъ изъ этого?

— А то, что и онъ говоритъ о роли женщины въ человѣчествѣ тоже, что говорятъ наши дьячки, пачкающіе заборы.

— Не можетъ быть! Въ отношеніи къ женщинѣ французы вообще самый дикій и грубый народъ, хоть ихъ и называютъ ошибочно образцомъ вѣжливости и деликатности въ обращеніи съ женщиной. Я вѣдь помню, Варя, что и Прудонъ отводитъ женщинѣ мѣсто только въ кухнѣ и у корыта съ бѣльемъ... Ахъ, да! такъ что же, Огюстъ Контъ?

— Вотъ что говоритъ онъ (я помню наизусть его слова): «Роль женщины состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать на мужчину облагораживающимъ образомъ, употребляя для этого его душевныя страсти, и воспитывать дѣтей, которыя до четырнадцати лѣтъ, когда начинается собственно-научное образованіе, находятся въ полномъ попеченіи матери».

— Но вѣдь ты же, Варя, и воспитываешь дѣтей, даже учишь ихъ, перебила ее Марина.

— Не своихъ, а чужихъ.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ больше чести.

— Такъ-то, такъ, только слушай дальше: «Чтобъ женщина могла удобнѣе исполнять эти обязанности, она рѣшительно устранена отъ всякихъ другихъ. Ей нѣтъ надобности трудиться для своего пропи-

танія: она пользуется содержаніемъ отъ своего мужа или отъ родственниковъ мужескаго пола; если же ихъ нѣтъ отъ государства».

— Ну ужъ! сказала Марина и надула губки;—значитъ, намъ всегда надо жить подачкой—и платье проси, и ботинки проси у папаши да у мужа, а книжекъ они намъ вовсе не дадутъ, какъ мнѣ сначала не давали.

— Но вѣдь это говоритъ Огюстъ Контъ, замѣтила учительница, улыбаясь, а его и Милль и Льюисъ называютъ новѣйшимъ свѣтиломъ человѣчества.

— Противный! снова заговорила Марина, топнувъ ножкой.—Вѣдь я же тебѣ говорила, Варя, что всѣ писатели—гадкіе, противные, а книги ихъ—подлыя. Оно и правда.

— Но какъ тебѣ это понравится? говорила учительница, любуясь капризами своей младшей подруги.

— Что такое, Варя? спросила Марина съ сіяющимъ лицомъ.

— Да все слова того же Конта. «Она, т. е. женщина, говоритъ онъ, не должна имѣть никакой управляющей власти даже въ домашнемъ быту, ни собственности. Ея законныя права на наслѣдство остаются за ней единственно для того, чтобъ ея чувству долга могъ представиться случай удовлетворить себя добровольной уступкой ихъ. *Приданаго не должно быть, чтобъ руки женщины нельзя было искать по корыстнымъ побужденіямъ*».

— Ахъ, это хорошо, говорила Марина весело;—такъ онъ все-таки милый, этотъ Огюстъ Контъ. Но, можетъ быть, у него жена была глупенькая.

— Не думаю. Его возлюбленную Клотильду, въ которую онъ влюбился—первый разъ въ жизни—на 46 году, называютъ «замѣчательною женщиной». Ну, какъ же, послѣ этого, душа моя, винить наши литературные огарки, что они чадятъ на женщину, когда такое свѣтило человѣчества, какъ Контъ, даетъ въ ея распоряженіе только дѣтскую и дѣтскія пеленки, но отнюдь не школу, въ которую я сунулась наперекоръ нашимъ варгунинскимъ Контамъ.

— Всѣ они, эти мужчины, противные! Я всѣхъ ихъ ненавижу! болтала Марина скороговоркой;—они всѣ варвары, людоѣды, деспоты.

— И твой отецъ? шутливо замѣтила учительница.

— Нѣтъ, папаша славный. Только онъ не мужчина.

— Почему же?

— Мужчина у насъ мамаша, а онъ только и распоряжается въ дѣтской, и то тихонько отъ мамаши. Она у насъ такой Прудонъ, что даже папашѣ дастъ читать книги по своему выбору.

Сказавъ это, Марина вспыхнула, и прибавила съ досадой: «Какая я злая! какая гадкая сплетница!»

Между тѣмъ пароходъ, стоявшій на пристани, отсвиставъ положенное число сигналовъ и отзвонивъ въ колокольчикъ столько, сколько слѣдовало, пересталъ шипѣть, и скоро пробѣжалъ мимо ложбины, на которой сидѣла учительница съ Мариной. Скоро исчезъ и дымный хвостъ, какъ бы нехотя оторвавшійся отъ пароходной трубы, и только на поверхности Волги видна была зыбь, постоянно улегавшаяся.

— Улетѣлъ, сказала Марина задумчиво,—и хоть бы меня взялъ съ собою.

— Да, улетѣлъ, и даже дыму своего на долго намъ не оставилъ: все разлетѣлось—и дымъ и паръ... Да, это похоже...

— Что похоже, Варя? спросила Марина.

— Сила, которая толкнула пароходъ и повела его куда-то, сказалась только дымомъ и паромъ... Но и дымъ и паръ исчезли, сдѣлавъ свое дѣло, и слѣда не оставили... А куда они толкнули пароходъ, что съ нимъ будетъ тамъ, куда они его толкнули, не станетъ ли онъ на мель, не разобьется ли,—имъ, дыму и пару, этой силѣ, которая толкнула его, и горя мало... Они исчезли безъ слѣда... Такъ и онъ... такъ и та сила, которая меня толкнула—гдѣ она?.. тоже исчезла безъ слѣда, и ей горя мало что со мной. Какъ этотъ самолетскій пароходъ, я быстро мчалась впередъ, и много было на этомъ пароходѣ пасажировъ, и лоцманъ, казалось, былъ на немъ, и капитанъ, тоже думалось мнѣ, хорошій морякъ. И впереди казалось такъ много жизни, честнаго труда и такъ много счастья. И везъ этотъ пароходъ цѣлый грузъ вѣрованій, надеждъ... Ты знаешь, Марина, кто я? вдругъ, какъ бы очнувшись, спросила учительница свою подругу.

Этотъ вопросъ, такъ неожиданно и прямо поставленный, озадачилъ молодую дѣвушку, и она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на учительницу. Послѣдняя повторила вопросъ.

— Говори же, кто я, настаивала она.

— Я... не знаю, Варя... ты... я не знаю какъ сказать. . ты— новая женщина, отвѣчала та запинаясь.

— А! понимаю: старая исторія, хотя новая пѣсня — «новые люди» — «новыя женщины».

— Чтожъ, Варя?

— Ничего... Das ist eine alte Geschichte, говорилъ одинъ капризный нѣмецъ, который тоже всю жизнь искалъ «новыхъ нѣмцевъ» и «новыхъ нѣмокъ», и, не найдя, самъ ихъ сдѣлалъ... Теперь эти сдѣланные имъ «новые нѣмцы» хотятъ весь міръ покорить, да чуть ли ужъ и не покорили... Нѣтъ, душа моя, я не «новая женщина», а старая: «новыя» еще не родились.

— Когда же онѣ народятся?

— Не знаю... Думаю, что не скоро. «Новые люди», и въ томъ числѣ «новыя женщины» народятся только тогда, когда «живые возстанутъ противъ умершихъ», чего такъ боится одинъ французъ, геніальный сумасшедшій.

— Варя! съ какимъ-то дѣтскимъ испугомъ спрашивала ее молодая дѣвушка, —что съ тобой? что ты говоришь? Ты какая-то странная. Я не пойму тебя: какіе живые возстанутъ противъ умершихъ»?

— Такъ и понимай буквально: когда «живые возстанутъ противъ умершихъ», то есть, когда я возстану противъ тѣни моей матери и моего отца, когда всѣ живые возстанутъ противъ всѣхъ мертвецовъ, когда начнется общій бунтъ не противъ государей, не противъ правительствъ (все это вздоръ), а противъ мертвецовъ, когда мы возстанемъ на нихъ, на ихъ память, на ихъ гробы и тѣни, на все то что они оставили намъ по себѣ, на то что они говорили, на то что они сдѣлали, на все что осталось послѣ нихъ и на землѣ, и въ памяти нашей, и въ книгахъ написанныхъ ими, и въ ихъ завѣщаніяхъ духовныхъ.

Когда она говорила эти слова, лице ея, и безъ того блѣдное, покрылось еще большею, болѣзненною, мертвою блѣдностью. Большіе свѣтлые глаза какъ бы полиняли и точно отодвинулись одинъ отъ другаго, и она говорила каждое слово, какъ бы прибивая его къ чему-то плотно, крѣпко, чтобъ слово, какъ гвоздь, не проскользнуло мимо цѣли, а впилось бы въ предметъ, въѣлось въ него. Са-

мые звуки голоса ея, пониженнаго на цѣлую ноту, какъ бы обрывались и падали: что-то горькое слышалось въ этомъ голосѣ.

Марина, слушая ее, тоже поблѣднѣла и какъ-то растерянно глядѣла ей въ глаза.

— Варя! Варя! мнѣ страшно... Я не узнаю тебя, говорила она испуганно.

— Да; думаю, и онъ не узналъ бы меня, отвѣчала учительница какимъ-то страннымъ шопотомъ.

— Кто онъ, Варя?

— Тотъ, который всему этому научилъ меня, кто разомъ и создалъ меня и разрушилъ. Онъ говорилъ, что намъ, чтобы быть счастливыми, надо возстать противъ мертвыхъ, что мертвецы отняли наше счастье, мертвецы заѣдаютъ нашу жизнь, и мы должны пойдти противъ нашего прошедшаго, противъ всего того, чему учили насъ съ дѣтства, что мы вычитали въ книгахъ. Онъ говорилъ, что надо вытравить изъ насъ молоко нашихъ матерей, которое вошло въ наши соки, въ нашу кровь, въ наши кости. Онъ говорилъ, что мы должны забыть наше дѣтство и на колыбельныя пѣсни матери смотрѣть какъ на ея проклятіе, которое испортило всю нашу жизнь. Онъ говорилъ, что отъ родителей мы наслѣдовали наши ошибки, и ошибки эти держатъ насъ въ неволѣ, въ невѣжествѣ, въ бѣдности, держатъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ и будутъ держать до тѣхъ поръ, пока мы не возстанемъ противъ мертвыхъ, противъ исторіи, противъ нашихъ понятій, чтобы создать и новую жизнь, и новыхъ людей, и новыя понятія.—Тогда только, увѣрялъ онъ, перестанутъ литься человѣческія слезы.

— Кто же онъ такой, Варя? Учитель твой? спросила Марина съ дѣтскимъ любопытствомъ.

— Учитель... Да, учитель... мой убійца.

— Гдѣ же онъ?

— Не знаю... Какъ дымъ и пары того парохода, что сейчасъ ушелъ, онъ исчезъ, а мнѣ сказалъ; «иди, иди, иди!» Я и пошла. Я помчалась на всѣхъ парахъ, какъ пароходъ, и...

Она остановилась.

— Что же *и?* спрашивала ее Марина.

— Ничего, я такъ... Я говорю глупости, сказала учительница, какъ бы спохватившись и оглядываясь кругомъ.

Марина, однако, была блѣдна и съ боязнью глядѣла на нее.

— Ты нездорова, Варенька? говорила она, ласкаясь.

— Нѣтъ, ничего, отвѣчала та,— однако ты не сказала мнѣ кто я?

— Ну, будетъ объ этомъ? Ты опять...

— Нѣтъ, я покойна... Кто же я?

— Бунтовщица, сказала Марина улыбаясь, — бунтуешь противъ мертвыхъ.

— И противъ живыхъ варгунинскихъ дьячковъ, прибавь къ этому. Нѣтъ, душа моя, я не бунтовщица, а то, что ты сейчасъ видѣла.

— Гдѣ?

— На Волгѣ.

— Кто же ты, Варя?

— Я—самолетскій пароходъ: пары толкнули меня впередъ, и я долго неслась съ полнымъ грузомъ надеждъ и стремленій, пока въ Варгунахъ не сѣла на мель. А гдѣ пары, которые дали мнѣ ходъ, не знаю: можетъ быть въ Англіи, а можетъ быть и въ могилѣ.

Она говорила это не то шутя, не то скорбно. Между тѣмъ изъ лѣсу выбѣжали дѣти и прервали ихъ разговоръ. Каждый изъ мальчиковъ несъ что нибудь на показъ своей любимой учительницѣ. Всѣ образцы мѣстной флоры были въ рукахъ этихъ юныхъ деревенскихъ натуралистовъ и каждый изъ нихъ старался показать наставницѣ какую нибудь найденную имъ диковинку. У другихъ мальчугановъ, въ рукахъ и въ шапкахъ, была разнообразная колекція насѣкомыхъ. Кузя Ногинъ отыскалъ гдѣ-то на ветлѣ старое гнѣздо ремеза и былъ счастливъ своей находкой, такъ какъ гнѣздо ремезиное, по народному преданію, служитъ какимъ-то чарующимъ талисманомъ отъ всѣхъ болѣзней. Вася Латаевъ притащилъ огромнаго двурогаго жука и говорилъ, что онъ такъ золъ, какъ «казенный ученикъ», потому что жукъ ущипнулъ его за палецъ. Мальчики разсказали, что они имѣли въ лѣсу баталію съ казенными учениками и обратили ихъ въ бѣгство за то, что «казенные» разложили тамъ костеръ и медленнымъ огнемъ жгли на немъ живыхъ лягушекъ.

При этомъ наставница объяснила своимъ питомцамъ названія и свойства каждой принесенной ими травки и каждаго найденнаго на-

сѣкомаго. Любознательный Кузя Ногинъ не упустилъ случая, при этой импровизированной лекціи изъ естественной исторіи, обратиться къ учительницѣ съ вопросомъ, который, по видимому, не давалъ ему покоя, особенно же при постоянныхъ ученыхъ диспутахъ съ казенными учениками.

— А что, Варвара Григорьевна, нужнѣе знать, спросилъ онъ— колѣна іудейскія, ганнибалова отца или «попову собаку» (такъ онъ называлъ одну мохнатую, чернооранжевую личинку ночной бабочки).

— Колѣна іудейскія и отецъ Ганнибала сами по себѣ, а «попова собака» сама по себѣ, отвѣчала она улыбаясь;—не мѣшаетъ знать и то, и другое.

— А что важнѣе—десятичныя дроби или персидскія войны? спросилъ онъ снова.

— Что? что? десятичныя дроби или персидскія войны? Какія ты глупости спрашиваешь.

И наставница и Марина разсмѣялись. Любознательный Кузя самъ устыдился своего вопроса.

— Вотъ онъ говоритъ (и Кузя указалъ на другаго мальчика, выше его ростомъ), что дроби важнѣе персидскихъ войнъ, потому что безъ персидскихъ войнъ можно прожить, а безъ дробей нельзя.

— Пусть будетъ по вашему, сказала учительница.

— И пшеница важнѣе греческаго языка, какъ бы про себя замѣтилъ Кузя, —изъ пшеницы дѣлаютъ муку и булки и пшеницей торгуютъ, а изъ греческаго и латинскаго языка ничего не выйдетъ.

— Да ты что-то сегодня въ философскомъ настроеніи, замѣтила шутя учительница,—вѣрно, подрался съ казенными.

— Подрался... Они все смѣются надъ нами.

Вообще наставницѣ не легко было удовлетворять любознательность всѣхъ своихъ воспитанниковъ, которые иногда обращались къ ней съ такими вопросами, что отвѣчать на нихъ обстоятельно не было никакой возможности. Любознательность мальчиковъ поддерживалась тѣмъ соревнованіемъ, которое возбуждалось въ нихъ отъ постоянныхъ диспутовъ съ «казенными», и эти диспуты были такого рода, что земскимъ школьникамъ приходилось во что бы то ни стало отстаивать преимущества реальныхъ знаній передъ прочими. Иногда диспуты доходили до того, что казенные кричали, «ваша земская

школа—свинья»! Тогда раздраженные земскіе называли, въ свою очередь, ихъ «ганнибилова отца свиньей», и начиналась драка. Вотъ почему мальчики забрасывали вопросами свою наставницу, которая называла свои экскурсіи съ воспитанниками по лѣсу ученіемъ въ «дѣтскомъ саду», и не могла не сознать, что ея роль труднѣе роли г-жи Люгебиль, устроившей въ Петербургѣ «дѣтскій садъ». Тамъ дѣти гораздо развитѣе и подготовленнѣе, чѣмъ въ Варгунахъ, гдѣ деревенскимъ мальчикамъ приходилось объяснять самыя обыкновенныя вещи, и объясненія эти были весьма трудны: надо было выбивать изъ голобы ученика ошибочныя понятія и предразсудки и вкладывать новыя, что требовало и времени и не малыхъ усилій.

VIII.

Старикъ Ногинъ встрѣтилъ своихъ гостей, Стожарова и Серпороева, у воротъ своего дома. Онъ радушно просилъ их войти въ свѣтлицу, гдѣ онъ бывало поучался грамотѣ отъ своего маленькаго внучка Кузи. И дворъ и домъ Ногина изобличали и зажиточность и умѣлую домовитость хозяина. Вездѣ довольство, простое, крестьянское довольство, и порядокъ. Чистый, просторный дворъ, хорошіе и прочные анбары и клѣти, высокіе заборы и навѣсы для хозяйственныхъ принадлежностей. Все кругомъ смотрѣло исправностью, потому что за всѣмъ дозорилъ глазъ хозяина: и новыя прочныя телеги, и колеса на нихъ прочныя, съ шинами и толстыми ободьями, и оси прочныя, такія что, кажется, и излому не знаютъ, и дуги росписныя, и тоже прочныя, вѣковыя.

И домъ у Ногина знатный, теплый, просторный, не то что избенка сосѣда-горемыки, у котораго и воробьи зимой не ночуютъ подъ крышей, потому что холодно, а крыша жидкая, дырявая, и дождями насквозь пробитая и вѣтрами изсушенная, у котораго и голуби не сидятъ на наличникахъ, потому что наличники эти пообломаны, а летятъ эти голуби и воробьи къ старику Ногину, у котораго и на дворѣ есть что поклевать голодной птицѣ, и подъ теплой

крышей можно укрыться въ непогодь, и за прочными, широкими наличниками можно дѣтенышей вывести. Въ свѣтлицѣ и чистый полъ усыпанъ песочкомъ, и широкій столъ накрытъ цвѣтною скатертью, и видны въ свѣтлицѣ слѣды грамотности—и синяя чернильница съ намоченными въ ней перьями, и нѣсколько книжекъ, должно быть учебники Кузи, и масивный псалтырь съ шелковой закладкой, и нѣсколько номеровъ «Друга Народа», и «красное яичко» Погодина, и недавно купленное положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, а на стѣнѣ, въ рамкахъ, фотографическія карточки «братьевъ-славянъ» Палацкаго и Ригра.

Стожаровъ и Серпороевъ были удивлены, увидѣвъ эти карточки у мужика въ избѣ, даже у такого зажиточнаго мужика, какъ Ногинъ.

— Вы знаете этихъ господъ? спросилъ Стожаровъ, показывая на карточки.

— Знать не знаю, батюшка, а слышалъ объ нихъ много. Какъ не слыхать о братьяхъ-славянахъ! Тоже, чать, съ родни намъ, русскимъ, маленько, да только, слышь, въ загонѣ у нѣмцевъ, по пословицѣ: бѣдные родичи въ наймахъ у поповича, сказалъ старикъ шутливо.

— Гдѣ же вы ихъ достали? спросилъ Серпороевъ.

— Сынъ изъ Москвы привезъ— самъ ихъ видѣлъ.

Скоро на столѣ появился шипящій самоваръ, и молодуха-сноха проворно, но безъ суеты, стала угощать гостей чаемъ, тогда какъ другая сноха готовила для нихъ и печеное, и вареное, и жареное. Старику хотѣлось угодить пріѣзжимъ, въ одномъ изъ которыхъ онъ видѣлъ серьезнаго наблюдателя и крестьянскаго житья-бытья и новыхъ порядковъ земства. Какъ представителю и крестьянства и земства, ему предстояла роль явиться выразителемъ и того и другаго передъ людьми, которые, какъ видно, успѣли уже присмотрѣться и къ крестьянскимъ, и къ земскимъ порядкамъ въ другихъ губерніяхъ, знаютъ у кого и на какомъ пальцѣ мозоль и кто на какое ухо тугонекъ. Не даромъ гладко стриженый изъ нихъ, у котораго голова была словно точеная, частенько вынималъ изъ кармана записную книжку и записывалъ въ ней—и сколько мужикъ соли дастъ за зиму своей скотинкѣ, и сколько сохъ идетъ въ общественную запашку, и восколько лѣтъ передѣлъ земли бываетъ, и что съ души приходится

въ земскій сборъ и въ казенный. А коли къ слову придется, такъ тотчасъ, словно иописанному скажетъ, сколько мужику остается къ лѣту отъ зимняго извоза и сколько онъ лаптей изобьетъ, отправляясь на заработки, что проѣстъ и что семьѣ принесетъ.

«А точеная-то голова, какъ видно, не клиномъ уродилась», думалъ про себя старикъ: «изъ молодыхъ да ранній».

Старикъ не могъ не замѣтить, что «точеная голова», какъ онъ въ умѣ своемъ называлъ Стожарова, особенно напирала на вопросы объ общественныхъ запашкахъ: нѣтъ—нѣтъ, да и свернетъ на мірскую запашку или на мірскіе капиталы. Когда старикъ поинтересовался узнать, почему его гость все гнетъ па мірскую сторону, Стожаровъ сказалъ, указывая на избенку сосѣда-горемыки:

— Это по вашему изба?

— Какая изба! отвѣчалъ Ногинъ,—только слава, что изба, а въ ней и мыши не живутъ.

— А у васъ живутъ? спросила точеная голова.

— Живутъ аспидовы.. полны закрома.

— Значитъ, есть что жрать... А черные тараканы водятся?

— Водятся, батюшка.

— То-то же, а у сосѣда, вѣрно, и таракановъ нѣтъ — всѣ къ вамъ перебрались. А отчего? Оттого, что тамъ ѣсть нечего, а у васъ есть что.

— Знамо, говорилъ старикъ въ раздумьи,—не даромъ примѣта есть насчетъ таракановъ.

— Такъ коли вы жили бы міромъ, и пахали міромъ, и деньгу дѣлили по міру, такъ и у вашего сосѣда были бы таракапы, замѣтила точеная голова.

— Какъ же это, батюшка,—чтобъ и моя деньга была мірская, и изба моя мірская?

— Мірская, какъ церковь... Міръ—сильный человѣкъ и могъ бы быть богатымъ человѣкомъ, коли бы захотѣлъ.

Старикъ задумался при этихъ словахъ, и гости свели разговоръ на другое.

Когда Ногинъ жаловался, что у нихъ нынѣшнимъ лѣтомъ жнецы брали за десятину цѣлковыхъ до двадцати, такъ что, по выраженію

старика, «мужики стали дороже господъ», гости значительно переглянулись и улыбнулись.

— Да мужики и всегда были бы дороже господъ, коли бы захотѣли, замѣтила точеная голова какъ бы не-хотя.

— А кто цѣну на насъ набивать-то будетъ? спросилъ Ногинъ.

— Цѣну спросъ набиваетъ, да пустой рынокъ: вышелъ мужикъ на базаръ наниматься—дешевъ сталъ, а не вышелъ—дорогъ.

— А коли мужикъ ѣсть хочетъ, да на шеѣ недоимка—какъ не выйдешь на базаръ?

— А стачка на что? спросилъ Серпороевъ.

— Стачка, батюшка, на землѣ лежитъ, да «не буду» кричитъ.

— А нѣмая стачка?

— Нѣмаго кто-жъ и услышитъ?

— Да нынѣшнимъ лѣтомъ, вы же сами говорите, безъ стачки стачка вышла. Такъ и всегда: уприсъ рабочій, постой на своемъ хоть одинъ базарный день, еслибъ ему даже пришлось и голодать, тогда не устоитъ наемщикъ, дастъ цѣну, какую ни заломи жнецъ—вѣдь хлѣбъ-то въ полѣ ждать не станетъ, высыплется изъ колосьевъ на землю, или поляжетъ, и въ зобъ къ птицѣ пойдетъ зерно, а не въ амбары, говорилъ настойчиво Стожаровъ;—вотъ вамъ и нѣмая стачка, безъ стачки стачка. А я вамъ все-таки говорю, что только міромъ будетъ силенъ мужикъ и міромъ осилитъ всякую силу.

«Къ чему это гнетъ точеная голова (думалъ про себя старикъ), и понять не могу.»

А точеная голова, какъ бы лавируя разговоромъ и уклоняясь отъ прямаго слова, свела рѣчь на земство и на его распорядки

— А что, Парменъ Прокофьичъ, закинулъ онъ снова удочку,—разжевалъ ли мужикъ что такое земство?

— Какъ, батюшка, не разжевать — разжевалъ. На этотъ счетъ мужикъ дока.

— Что-жъ онъ говоритъ?

— Да говоритъ, къ примѣру, что старые порядки на асигнаціи ходили, а земскіе порядки на серебро пошли.—Вотъ что говоритъ мужикъ.

— Какъ же это?

— Мужикъ по глупости говоритъ, что съ новыми порядками и

начальниковъ прибыло, и повинностей прибыло: все, говоритъ, нашему брату на̀ кости.

— За то помѣщики съ костей долой, замѣтилъ Серпороевъ.

— Помѣщики-то съ костей, а посредники да гласные, слышь, на̀ кости—оно и выходитъ вдвое: козла изъ огорода выгнали, а капустка все-таки не наша, слышь.

— А какъ онъ смотритъ на гласныхъ? спросилъ Стожаровъ.

— Косо смотритъ.

— Отчего-жъ? Вѣдь крестьяне сами ихъ избираютъ:

— Выбирать-то выбираютъ, да насчетъ этого самаго выбора вотъ что крикуны говорятъ:

Кума! а, кума!
Выбирай сама:
На какой веревкѣ тея повѣсить?
На мочальной аль пеньковой?

— Однако у васъ не безъ сатириковъ, замѣтилъ Стожаровъ, и зашагалъ быстрыми шагами по свѣтлицѣ: такъ такъ и говорятъ? спросилъ онъ, останавливаясь.

— Такъ и говорятъ.

Стожаровъ вынулъ было изъ кармана записную книжку, но, какъ бы спохватившись, опять спряталъ ее въ карманъ и машинально остановился передъ портретами Рига и Палацкаго.

— Да, любопытно, очень любопытно, говорилъ онъ,—такъ земскіе порядки «на серебро ходятъ»? Одинъ помѣщикъ съ костей, а «новые помѣщики» на̀ кости?

— Значитъ есть и «новые помѣщики» у мужиковъ, какъ у насъ есть «новые люди», замѣтилъ смѣясь Серпороевъ.

— Должно быть что такъ, говорилъ Стожаровъ задумчиво, продолжая стоять передъ Ригомъ и Палацкимъ: козла выгнали изъ огорода, а капустка все-таки не наша. .

— За то выборное начало.

— Да, кума, кума—выбирай сама.

Старикъ Ногинъ въ это время выкладывалъ что-то на счетахъ.

— Выходитъ, что мужики говорятъ правду: повинностей-то прибавилось не мало, сказалъ онъ, отодвигая счеты.

— Однако, возразилъ Стожаровъ, крестьянинъ не можетъ же не

сознавать, что, при новыхъ порядкахъ, по крайней мѣрѣ личность его болѣе обезпечена да и имущество тоже, какъ ни тяжелы поборы.

— Это что и говорить: мужикъ самъ видитъ, что спина его отъ тычковъ отвыкаетъ маленько, а коли и берутъ съ него много, такъ берутъ, по крайности, по закону. Да у насъ что! У насъ сторона богатая—хлѣба и мужику довольно, и птицѣ вдоволь поклевать: есть что продать, есть на что купить, есть чѣмъ и земству угодить. А вотъ я бывалъ за Волгой, гдѣ земля-то хуже родитъ, такъ тамъ тяжеленько. Зналъ я тамъ одного недоимочнаго мужика, такъ говоритъ: «колибъ у меня была корова, повелъ бы на базаръ продать да недоимку заплатилъ, а жену и дѣтей не поведешь на базаръ— потому, продавать нонѣ людей не велѣно». Вотъ послѣ этого и кори земство, будто у него мосты дурны да по дорогамъ проѣзду нѣтъ: не по мостамъ мы ѣздимъ да не по дорогамъ, а по мужичьимъ спинамъ да ребрамъ. Спина у мужика худа и ребра счетомъ считай— оттого и тряско по нимъ ѣздить. А затянись-ко у мужика спина сальцемъ да нарости жирокъ на ребрахъ, такъ и ѣзда будетъ куды какъ ровная да гладкая, словно по чугункѣ. Вотъ и чугунка, пожалуй, мужичьи спины маленько задѣнетъ.

Въ это время къ окну свѣтлицы, у котораго сидѣлъ Серпороевъ, подошелъ молодой крестьянскій парень, еще, какъ видно, не вышедшій изъ отроческихъ лѣтъ. За плечами у него была небольшая котомка изъ холщевой сумки, перевязанной веревкой. Въ рукахъ толстая палка. На ногахъ лапти, сильно потертые и загрязненные, а черезъ плечо перекинутъ сѣрый зипунъ. Лице парня было не по лѣтамъ серьезно и худо, а небольшіе каріе глаза глядѣли зорко и смѣло.

— Дома Парменъ Прокофьичъ? спросилъ парень, не снимая шапки.

— А ты къ нему по какому дѣлу, молодецъ? спросилъ Ногинъ, подходя къ окну.

— Ему самому и дѣло мое скажу, отвѣчалъ парень не трогаясь съ мѣста.

— Я и есть Парменъ Прокофьевъ.

Парень снялъ шапку, встряхнулъ волосами и опять ее надѣлъ.

— Я къ вамъ, батюшка Парменъ Прокофьичъ: поговорить мнѣ съ вами надоть, сказалъ онъ, и поглядѣлъ на Серпороева.

— Подь въ свѣтлицу, тутъ и поговоримъ.

Парень вошелъ и поклонился сначала Ногину, а потомъ его гостямъ.

— За какимъ-такимъ дѣломъ я тебѣ понадобился, молодецъ? спросилъ Ногинъ.

— Дѣло мое небольшое, Парменъ Прокофьичъ... Купецъ Гридневъ мнѣ сказывалъ, что ваши ребята въ Москву поѣдутъ. Такъ онъ послалъ меня къ вашей милости.

— А который Гридневъ, старый аль молодой?

— Молодой, Василій Парменычъ.

— А!.. Мои ребята точно въ Москву ѣдутъ.

— Такъ Василій Парменычъ велѣлъ мнѣ съ ними до Москвы съѣхать.

— А по какому дѣлу тебѣ онъ въ Москву велѣлъ ѣхать.

— Не онъ велѣлъ—я самъ ѣду.

— По рукомеслу какому, аль въ наймы?

Парень замялся было, но, посмотрѣвъ на Стожарова и Серпороева, смѣло сказалъ:

— Я иду въ Москву учиться разнымъ наукамъ.

— А какимъ такимъ наукамъ?

— Разнымъ... Наукъ-то много.

— Грамотѣ, значитъ.

— Нѣтъ, грамоту я знаю.

— Что-жъ? Арихметикѣ, что-ль?

— И ее я знаю.

— Чему-жъ еще? спросилъ старикъ, все болѣе и болѣе удивляясь.

Стожаровъ и Серпороевъ также смотрѣли на парня съ удивленіемъ.

— Али Ломоносовымъ захотѣлъ быть? спросилъ старикъ, припоминая, что онъ слышалъ о крестьянскомъ мальчикѣ, о которомъ толкуютъ въ Россіи около полутораста лѣтъ, какъ о необычайномъ явленіи.

— Нѣтъ, Парменъ Прокофьичъ, теперь у насъ въ Россіи Ломоносовымъ никого не удивишь, хоть бы ты и въ обозѣ съ рыбою пріѣхалъ въ Москву учиться... Теперь такихъ много: крестьянскій сынъ ужъ и въ гимназіи сидитъ, и университетскія лекціи слушаетъ. Не я первый, не я и послѣдній.

Стожаровъ и Серпороевъ съ любопытствомъ подошли къ парню. Въ голосѣ, которымъ говорилъ этотъ деревенскій малый, и въ словахъ его слышалась увѣренность, а смѣлость, съ которою онъ держалъ себя, давала понять, что этотъ дѣтина выработалъ себѣ и то, и другое упорною волею и не легкою борьбою съ обстоятельствами. Такая смѣлость въ парнѣ могла явиться только или вслѣдствіе того, что ему было слишкомъ худо жить и, какъ онъ себя не веди, хуже не будетъ, а слѣдовательно ему уже терять нечего, или вслѣдствіе увѣренности, что всякую бѣду руками развести можно.

— У кого вы учились? спросилъ его Стожаровъ.

— Сперва у бабушки-начетницы, да Макриды странницы, а потомъ моимъ учителемъ было матернее да бабушкино проклятье.

— Такъ вы изъ раскольничьяго семейства?

— Да, родился я въ старой вѣрѣ и меня маленькаго лѣстовкой сѣкли, когда я не трегубилъ алилуйи.

— Что-жъ вы намѣрены теперь съ собой дѣлать?

— Въ скитъ я не хочу идти и Макридинымъ архиреемъ не буду, а хочу искать правды не тамъ, гдѣ ее наши отцы искали.

Ногинъ попросилъ своего страннаго гостя присѣсть отдохнуть, такъ какъ онъ, вѣроятно, усталъ съ дороги. Парень поставилъ свою палку у порога, отвязалъ котомку и, поглядывая на свои лапти, сказалъ, горько улыбаясь:

— Вотъ въ этихъ-то лаптяхъ я и буду правду искать.

— Что-жъ, замѣтилъ Стожаровъ, — въ сапогахъ-то ее давно ищутъ, да что-то не находятъ, а быть можетъ, правда сама въ лаптяхъ ходитъ.

— Нѣтъ, господа, сказалъ со своей стороны старикъ Ногинъ, — правда, поди, босикомъ и нагишомъ бѣгаетъ. Самъ Христосъ босикомъ ходилъ.

— Тепло было ходить по святой землѣ, а у насъ, на грѣшной сторонѣ, иную пору и въ валенкахъ холодно, говорилъ парень, укладывая свою котомку въ уголъ.

Затѣмъ онъ сѣлъ на близъ-стоявшій стулъ и рукавомъ рубахи обтеръ свое блѣдное лицо, по которому катились капли пота.

— Что, паренекъ, усталъ чать? говорилъ старикъ ласково.

— Усталъ, дядюшка: сегодня много прошелъ.

*

— А издалека ты самъ?

— Съ Тарлыка.

— Путина не малая. А какъ зовутъ тебя?

— Матвѣемъ Таволгинымъ.

Ни Стожаровъ, ни Серпороевъ никакъ не могли сразу понять къ какой категоріи людей современной Россіи принадлежитъ эта загадочная личность. Они видѣли только, что характеръ юноши вырабатывался хотя и подъ тяжелыми условіями жизни, однако условія эти были далеко не тѣ, среди которыхъ они сами проходили жизнь и научались думать. Вотъ уже вторую загадочную личность встрѣчаютъ они, и не могутъ дать себѣ отчета, что это за люди,—исключенія ли это изъ общаго правила, возможныя во всякомъ обществѣ, разновидности ли того закала людей, къ которымъ принадлежали они сами, или просто аномальныя явленія. Молодой Гридневъ и этотъ парень окончательно сбивали ихъ съ толку. Оба выросшіе въ самой, по видимому, сердцевинѣ Россіи и въ такомъ обществѣ, которое менѣе всего податливо въ дѣлѣ анализа, они въ своихъ отношеніяхъ къ общепринятымъ, ходячимъ понятіямъ доходили чуть ли не до ригоризма. Обоихъ, какъ видно, въ дѣтствѣ сѣкли лѣстовкой за сугубую алилуію, надъ обоими, вмѣсто колыбельной пѣсни матери, раздавалось гнусавое распѣванье псалмовъ Макриды странницы, оба долго дышали затхлымъ воздухомъ раскольничьихъ моленъ—и вотъ у обоихъ нетерпѣливое и раздражительное отношенье къ тому, надъ чѣмъ отцы ихъ и особенно матери дрожали какъ надъ своими желѣзными сундуками. Таволгинъ представлялся еще болѣе загадочнымъ субъектомъ. Крестьянскій мальчикъ, выросшій гдѣ-то въ глуши и порывающійся съ своими оборванными лаптями дойти до правды, по видимому считаетъ тотъ путь къ знанію, которымъ шелъ Ломоносовъ, не подходящимъ къ нему и какъ бы чутьемъ угадываетъ, что для Ломоносовыхъ время прошло. Съ проклятіемъ матери и бабушки онъ идетъ куда-то, и по видимому онъ идетъ не наобумъ, не куда глаза глядятъ, какъ прежде ходили неуживчивыя натуры—въ разбой, такъ въ разбой, на Волгу, въ лѣсъ, въ скитъ, — такъ въ самую трущобу скитную, чтобъ потомъ выйти или атаманомъ разбойниковъ, или коноводомъ раскола и вожакомъ народныхъ массъ во время внутреннихъ смутъ государства.

Этотъ парень идти въ скитъ не хочетъ и раскольничьимъ архіереемъ быть не желаетъ. Что же такое засѣло ему въ голову, что ведетъ его изъ трущобы на свѣтъ божій, на просторъ? Жажда знаній, жажда дѣятельности, какъ во всякой богатой порывчатой натурѣ, или просто желанье вырваться изъ омута, изъ тарлыцкаго заволжскаго захолустья, изъ скитскихъ трущобъ? Нѣтъ, что-то другое засѣло въ голову этому выродку старины и, какъ видно, не мало онъ думалъ надъ тѣмъ, на что рѣшился, и не мало выстрадалъ, чтобъ рѣшиться. Онъ знаетъ, онъ слыхалъ отъ кого-то, что крестьянскій сынъ и въ гимназіи сидитъ, какъ свой человѣкъ, и въ университетъ пронесли лапти крестьянскаго сына, и это ему кажется дѣломъ обыкновеннымъ. «Не я первый, не я послѣдній», говоритъ онъ.

А какія отношенія этого загадочнаго парня къ Гридневу, который еще такъ недавно поразилъ Стожарова и Серпороева чѣмъ то такимъ, чего они до него не видѣли? Гридневъ, саркастически отзывающійся о самыхъ, по видимому, лучшихъ пріобрѣтеніяхъ ума человѣческаго, недовѣрчиво относящійся къ добытымъ наукою истинамъ — этотъ Гридневъ толкаетъ парня по дорогѣ, съ которой, по видимому, самъ своротилъ въ сторону.

Всѣ эти мысли и вопросы невольно вставали въ умѣ Стожарова по мѣрѣ того, какъ онъ слушалъ и вглядывался въ Таволгина.

— Что же вы знаете? спросилъ онъ сидѣвшаго передъ нимъ парня.

— Я знаю, что я ничего не знаю, сказалъ тотъ, не глядя на собесѣдника.

— Нѣтъ, этотъ отвѣтъ доказываетъ, напротивъ, что вы что́-то знаете, замѣтилъ Серпороевъ, подходя къ нему ближе и глядя на него съ нетерпѣливымъ любопытствомъ.

— Я знаю все, что знаетъ Макрида странница: сонъ богородицы, стихи о пустынѣ, хожденіе богородицы по мукамъ и лондонскій сборникъ Кельсіева, который я вслухъ читалъ и бабушкѣ, и Макридѣ.

— А гдѣ вы достали этотъ сборникъ? спросили его.

— А гдѣ вы доставали «Колоколъ»? спросилъ онъ въ свою очередь.

И Стожаровъ, и Серпороевъ невольно отступили отъ страннаго лапотника. Имъ пришло въ голову, что ихъ дурачитъ какой нибудь студентъ, надѣвшій на себя лапти, сѣрый зипунъ и пестрядинную ру-

баху, или—что подъ этимъ костюмомъ скрывается ихъ же братъ—мертвоборецъ, то-есть одинъ изъ живыхъ, который, по теоріи Огюста Конта, «возсталъ противъ умершихъ», какъ и они возстали.

— Кто же вы? спросилъ Стожаровъ съ недовѣріемъ.

— Крестьянинъ Матвѣй Таволгинъ, отвѣчалъ тотъ спокойно.

— А знаетъ ли Макрида-странница то что вы знаете, какъ знаете вы то что она знаетъ? спросилъ Стожаровъ, тоже играя словами и поддѣлываясь подъ тонъ собесѣдника.

— Да, она знаетъ *что* я знаю, и за то-то меня и прокляли мать и бабка, отвѣчалъ онъ.

Старикъ Ногинъ, молча слушавшій этотъ странный и не вполнѣ понятный для него разговоръ, громко вздыхалъ и какъ бы про себя шепталъ: «Ну времена настали! И не думалъ, что доживу до этого... Знать пришла пора намъ старикамъ ложиться въ могилу, а то, мотри, заживо отпоютъ.»

Со своей стороны Стожаровъ, глядя на молодаго крестьянина и съ лихорадочнымъ любопытствомъ слушая его рѣзкіе отвѣты, думалъ съ какимъ-то тяжелымъ, подавляющимъ чувствомъ: «Не ужели же и это жертва времени, какъ тотъ странный больной, котораго я видѣлъ въ домѣ умалишенныхъ? Чѣмъ же это кончится? Ужъ и безъ того слишкомъ много жертвъ, а что выйдетъ изъ этого—никто не знаетъ. Не легко же, вѣрно, живется людямъ, когда жизнь съѣдаетъ такія, по видимому, кряжевыя натуры. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ сойдешь съ ума, когда условія жизни, хуже чѣмъ въ старину кнутья, бьютъ человѣка все по нервамъ, да по нервамъ, когда проклятыя нравственныя встряски не хуже помогаютъ сотрясенію мозга, какъ и битье обухомъ по головѣ. И неужели же даже изъ *этого* ничего не выйдетъ?»

Одинъ студентъ Серпороевъ думалъ увѣренно, глядя на молодаго крестьянина: «Въ воздухѣ пахнетъ... Въ воздухѣ пахнетъ... И въ Кинешмѣ, я чую, вѣетъ *нашъ* духъ, и въ Варгунахъ вѣетъ, и на Тарлыкѣ вѣетъ... Посмотримъ, какія *они* мѣры примутъ противъ того, что въ воздухѣ носится... Посмотримъ!»

Въ тоже время и молодой крестьянинъ, глядя на свои обшмыганные лаптишки, думалъ: «Сторонитесь, сапоги! Лапти идутъ... Лаптей много идетъ, сапогамъ мѣста не будетъ...»

Въ это время въ свѣтлицу влетѣлъ маленькій Кузя и еще за порогомъ кричалъ: «Дѣдушка! дѣдушка! а какихъ ты мнѣ книжекъ привезъ изъ губерніи?»

— Фу ты пропасть: ребятенки ужъ и пряниковъ не просятъ, а все имъ книжки подай... Ну, времена! сказалъ старикъ, глядя, какъ его внучекъ, испуганный гостями, убѣгалъ изъ свѣтлицы.

IX.

Почти за восемнадцать лѣтъ до того дня, когда мы встрѣчаемся въ Варгунахъ съ Стожаровымъ, Серпороевымъ и Таволгинымъ, на рѣчкѣ Тарлыкѣ стояла деревенька, почти вся заросшая лѣсомъ. Въ бѣдной избенкѣ, въ которой жила благочестивая старица Гликерія съ дочерью Маврушею, народился маленькій раскольникъ отъ матери Мавры и отца Кирика, раздавленнаго на Волгѣ бѣляною за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія сына. Молитвовалъ маленькаго раскольника и крестилъ въ новой кадочкѣ странникъ Варсанофій, проходившій на Уралъ изъ Австріи, изъ Бѣлой Криницы. Маленькому раскольнику дали имя Матвѣя.

Отъ самаго ранняго дѣтства у маленькаго Матюши оставалось воспоминаніе, какъ мать и бабушка часто вспоминали отца Варсанофія, который говорилъ, что гдѣ-то въ чужихъ земляхъ уже народился антихристъ и кладетъ свою печать съ «числомъ звѣринымъ» на людскія правыя рученьки, пониже плечь широкіихъ, а повыше локтей, и что для прикрытія печати антихристовой люди, особенно женщины, которыя охотнѣе мужчинъ предаются антихристу, выдумали особое одѣяніе: ходятъ съ голыми плечами и голыми локтями, а только «число звѣрино» прикрываютъ широкимъ лентіемъ, въ видѣ коротенькихъ рукавовъ. Еще помнилъ маленькій Матюша, что надъ его колыбелью, которую замѣняло старое лукошко изъ подъ курицы-насѣдки, раздавалась не колыбельная пѣсня, а пѣсня объ «алилуевой женѣ», и что наводила на него страшную тоску эта пѣсня даже впослѣдствіи, когда маленькій раскольникъ начиналъ уже бѣгать. Въ

долгіе зимніе вечера, когда избенку заносило снѣгомъ, старая, слѣпая бабушка, сидя за веретеномъ и вздыхая о томъ, что пришли послѣднія времена, пѣла бывало дребезжащимъ, разбитымъ голосомъ:

Какъ родился Христосъ въ Виѳлеемѣ,
Какъ крестился нашъ спасъ въ Іорданѣ,
Антихристы-жиды его замѣчали,
Замѣчали его, устигали;
Злой смерти его предать хотѣли.
И кидался Христосъ во келью,
Къ алилуевой женѣ милосердой.
Алилуева жена печку топитъ,
На рукахъ своего младенца держитъ.
Какъ возговоритъ къ ней Христосъ владыка:
Охъ ты гой еси, алилуева жена милосерда,
Кидай ты свое дѣтище въ печь, во пламя,
Примай меня, царя небеснаго, на бѣлыя руки.

И страшно становится маленькому Мотѣ отъ словъ и отъ голоса этой пѣсни, и боится онъ даже прижаться къ своей матери, которая представляется ему «алилуевой женой», и думаетъ Мотя, что вотъ-вотъ его бросятъ «въ печь, во пламя» и готовъ онъ бѣжать изъ избенки въ лѣсъ, въ поле... А веретено все жужжитъ, а страшныя слова все дребезжатъ въ старомъ, пересыхающемъ горлѣ сѣдой бабушки, которой слѣпые глаза безсмысленно смотрятъ куда-то въ невидимую даль, вѣроятно въ далекое прошлое, можетъ быть, такое же безотрадное, какъ и настоящее.

— Мавра! кто тамъ воетъ подъ окошкомъ? вдругъ спрашиваетъ старуха, прерывая свою страшную пѣсню.

— Вѣтеръ воетъ, матушка, а може и нечистый духъ, прости Господи: страшно ему окаянному войти въ святую горенку—онъ и воетъ, отвѣчаетъ Мавра, крестясь.

И еще страшнѣе становится въ святой бѣдной горенкѣ, когда умолкаетъ разбитый голосъ старухи. Слышно, какъ нечистый духъ стучитъ костлявою, промерзшею рукою въ дверь сѣней или шелеститъ камышевою ставнею у окошка, и воетъ, воетъ... Вотъ треснуло что-то въ самой горенкѣ, и ужасъ охватываетъ маленькаго раскольника, и готовъ онъ закричать, и кричать боится.... Опять трескъ... Это трещитъ лучина... А вѣтеръ все воетъ, все воетъ.

Старуха вздыхаетъ безсильнымъ вздохомъ, качаетъ задумчиво сѣдою головой, и снова изъ ея старческаго, много говорившаго на своемъ вѣку и много кашлявшаго горла выходятъ протяжные, тоскливые звуки и безнадежныя слова «стиха пустынножительскаго»:

О прекрасная пустыня,
Любимая моя другиня!
Пришли тебя зажигати,
Со мною тебя, мати, разлучати.
Огню ты, мати, предавшися,
Ты со мною нынѣ растаешися,
Душевное мое спасеніе,
Плотское мое оскорбленіе.

И кажется маленькому Мотѣ, напряженно слушающему эту пѣсню и силящемуся понять ея страшныя слова, что «мати пустыня» такая же старая, высокая, страшная, старуха, какъ старица Гликерія, только еще старше ея, еще страшнѣе. И рисуется въ пылкомъ, болѣзненно настроенномъ соображеніи мальчика, какъ жгутъ эту страшную, косматую старуху «пустыню», и жаль ему этой пустыни, потому что бабушка называетъ ее «прекрасною пустынею», «любимою другинею», и хотѣлось бы, чтобъ скорѣй «приходили» эти невѣдомые люди, о коихъ говоритъ старуха въ пѣснѣ, и взяли бы страшную пустыню.

А тамъ опять слышится хриплый вопросъ старухи:

— Мавра! который годъ, какъ Карпушеньку посудиной раздавило?

— Пятый годокъ, матушка, пошелъ, отвѣчаетъ Мавра;—вотъ и Мотѣ ужъ пять годковъ минуло.

— А я все забываю... Память слаба стала—о-о-хо-хо! вздыхаетъ старуха и крестится: а ему все нѣтъ угомону—все воетъ, все плачетъ, словно душа грѣшная въ рай просится.

Мавра тоже крестится и плачетъ, и Мотя плачетъ, потому что ему кажется будто какая-то «душа» плачетъ подъ окномъ и въ теплую горенку просится. А Маврѣ кажется, что это стонетъ подъ окномъ душенька ея мужа Карпа, задавленнаго на Волгѣ бѣляною безъ покаянія.

Помнилъ Мотя и другіе долгіе вечера, когда въ ихъ избенку приходила Макрида-странница и приносила съ собой бережно запрятан-

ныя подъ понявой, точно зловредный и всеубивающій ядъ, какія-то старинныя, засаленныя книжки. Садилась Макрида въ переднемъ углу подъ образами, и жалобно, протяжно читала въ книжкѣ что-то глубоко поражавшее воображеніе Моти и по видимому болѣзненно дѣйствовавшее даже на его бабушку и на мать. Долго читался «какой-то стихъ преболѣзненнаго воспоминанія», слово за словомъ выходило изъ устъ Макриды, и изъ словъ выростали какія-то страшныя картины, и точно мракомъ наполнялась избушка, и лучина будто притухала, и точно издали откуда въ избушку неслись таинственные образы:

По грѣхамъ нашимъ, на нашу страну
Попусти Богъ такову бѣду:
Облакъ темный всюду осѣни,
Небо и воздухъ мракомъ потемни,
Солнце съ небеси скры своя лучи
И луна въ нощи свѣтлость помрачи,
Но и звѣзды вся потемниша зракъ
И дневный свѣтъ приложися въ мракъ.
Тогда твари вся ужаснушася,
Но и бездны вся содрогнушася,
Егда адскій звѣрь ея разрѣши,
Отъ заклепъ твердыхъ нагло изскочи,
О коль яростно испусти свой ядъ
Въ каѳолическій красный вертоградъ!
Зѣло злобно врагъ тогда возревѣ,
Коѳоликовъ родъ мучити повелѣ,
Святыхъ пастырей вскорѣ истреби,
Увы жалости! огнемъ попали.
Четы икановъ уловляхуся,
Злымъ наказаніемъ умерщвляхуся,
Всюду вѣрніи закалаеми,
Аки класове пожинаеми.
Тогда вѣрніи горцѣ плакаху,
Зѣло жалостно Богу взываху.

Заунывное чтеніе тянется мучительно долго. И молятся одинокіе молельщики въ избушкѣ, и слышны только вздохи трехъ женщинъ,

да гнусавый речитативъ Макриды-странницы, которая покачиваясь изъ стороны въ сторону, молитъ кого-то невѣдомаго о томъ, чтобъ онъ сократилъ «время лютости», чтобъ защитилъ кого-то «отъ мучительства злаго», отъ «адскаго змія» — и этотъ змій, кажется, уже близко, близко. И читаетъ Макрида странница, какъ «лютый звѣрь вся древесія попалилъ» и весь садъ-вертоградъ погубилъ, и охаетъ она, покачиваясь въ переднемъ углу, и охаютъ вслѣдъ за нею слушательницы:

«Охъ, увы, увы! благочестіе!
Увы древнее правовѣріе!
Кто лучи твоя вскорѣ потемни!
Кто блистанія тако измѣни?
Десятрожный звѣрь сіе погуби,
Седмиглавый змій тако учини».

Оханья становятся тѣмъ страшнѣе, что мальчику видится «десяторожный звѣрь», и рисуетъ его воображеніе «седмиглаваго змія» и всѣ тѣ ужасы, о которыхъ читаетъ Макрида. И видитъ онъ, какъ «церкви божія разрушаются», какъ пастыри «поплѣнилися», «жаломъ змія умертвилися». И слышитъ онъ горестный плачь людской, и сокрушеніе и въ «еретичествѣ потопленіе». И видитъ онъ, какъ какіе-то люди по дубравамъ и полямъ скитаются, «отъ звѣрей лютыхъ уловляются», изъ «отечества изгоняются».

И стонутъ, и плачутъ молельщики, и все страшнѣе становится мальчику. А Макрида все читаетъ, все покачивается и точно звѣрь завываетъ—причитываетъ:

Окрылись, душе, крилы твердости,
Растерзай, душе, мрежи прелести,
Ты пари, душе, въ части темныя,
Отъ мірскихъ суетъ удаленныя.

Не выноситъ больше напуганное дѣтское воображеніе, когда Макрида, припавъ головой къ столу, восклицаетъ:

Изливай, душе, рѣки слезныя!...

Мальчикъ вскрикиваетъ и бросается къ матери, а бабушка стучитъ костылемъ и хрипло говоритъ:

— Мотька! нишкни! а то десяторожный звѣрь тебя съѣстъ.

Въ такой суровой и невеселой обстановкѣ росъ и развивался ма-

ленькій Мотя Таволгинъ. Въ избенкѣ своей онъ видѣлъ только пасмурныя лица матери и слѣпой бабушки. Весь дѣтскій поэтическій міръ его наполненъ былъ страшными видѣніями въ родѣ блуждающей грѣшной души, или «алилуевой жены», которая бросила въ огонь своего младенца, или какой-то невѣдомой ему «пустыни», о которой вздыхала слѣпая бабушка и которую приходили какіе-то злые люди жечь, или, наконецъ, въ видѣ «десятирожнаго звѣря» и «седмиглаваго змія». Міровозрѣніе его сначала не шло дальше міровозрѣнія «стиха о голубиной книгѣ», по которому Ерусалимъ градъ всѣмъ городамъ отецъ, Океанъ-море всѣмъ морямъ отецъ, Іорданъ-рѣка всѣмъ рѣкамъ мати, китъ рыба всѣмъ рыбамъ отецъ, когда китъ-рыба восколыбнется, весь бѣлый свѣтъ восколышется. Онъ зналъ только, что звѣрь индрикъ всѣмъ звѣрямъ отецъ, что живетъ онъ во святой горѣ и дѣтей плодитъ во святой горѣ, и когда индрикъ-звѣрь возиграется, всѣ святыя горы восколыхаются. Еще онъ зналъ, что какая-то стратимъ-птица всѣмъ птицамъ мать, и что живетъ она на Синемъ морѣ, и дѣтей плодитъ на Синемъ морѣ, и когда стратимъ-птица вострепенется, все Сине моря восколышется.

Когда сильно развитое воображеніе мальчика заставляло его обращаться съ вопросами къ матери или къ бабушкѣ о томъ, что такое, напримѣръ, солнышко ясное или отчего мѣсяцъ такой скучный и блѣдный, и что такое вѣтеръ, ему отвѣчали, что солнце красное отъ лица божія, зори ясныя отъ ризъ божіихъ, младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей божіихъ, ночи темныя отъ думъ божіихъ, буенъ вѣтеръ отъ воздыханьица, дробенъ дождикъ отъ слезъ его, народъ божій отъ Адамія.

Не зналъ Мотя дѣтскихъ игръ и дѣтскихъ радостей, да для игръ не было у него и сверстниковъ, потому что избенка ихъ стояла на отшибѣ, гдѣ-то на юру подъ лѣсомъ, и Мотя одинъ лѣтомъ бѣгалъ около избушки, и когда сталъ болѣе понимать слышанное имъ отъ матери и бабушки, то ближайшій лѣсокъ представлялся ему «прекрасною пустынею», которую онъ прежде считалъ страшною старухою, и эту пустыню населяло его свободное отъ всякихъ практическихъ знаній жизни воображеніе то старцами пустынниками, то «алилуевыми женами», то «десяторожными звѣрями», то «зміями седмиглавыми». Дѣтскія игры его состояли въ пустынножительскомъ под-

вижничествѣ, и маленькій Мотя рылъ себѣ на полянкѣ норку и заползалъ въ нее, считая эту норку кельей пустынника, а полянку скитомъ суровымъ, и ждалъ онъ, сидя въ своей норкѣ, гдѣ онъ «спасался», что придетъ къ нему «алилуева жена» и онъ не велитъ ей бросать въ огонь своего ребенка.

— Мотя! спроситъ бывало его мать, когда мальчикъ возвращался въ избенку: ты гдѣ пропадалъ?

—Въ старца Варсанофія игралъ, мама, отвѣчаетъ бывало мальчикъ.

— А хочешь быть старцемъ-пустынножителемъ? спроситъ бабушка Гликерія, гладя внука по головѣ.

— Хочу быть старцемъ, отвѣчаетъ ребенокъ.

— Будетъ подвижникомъ малецъ, сподоби только его, Господи, скажетъ старуха, а мать жалостно посмотритъ на свое единое дѣтище.

Гордые виды на подвижничество Моти заставили бабушку позаботиться о томъ, чтобы научить внучка четью-пѣтью церковному и уставному писанію, чтобы могъ онъ и святыя книги списывать и киноварью заставки разрисовывать. Для этого отдали Мотю въ науку къ сестрѣ Аполинаріи, которая была великая начетница и святыхъ книгъ писательница. И быстро пошло ученіе Моти: грамота ему въ науку пошла, и скоро Мотя сталъ книгочіемъ и писателемъ изряднымъ.

Старикъ Гридневъ, ради церковнаго строенія наѣзжавшій иногда къ сестрѣ Аполинаріи, замѣтилъ тамъ Мотю, видѣлъ его работу, обратилъ вниманіе на бойкость и смышленость мальчика и взялъ его къ себѣ, обѣщая матери и бабушкѣ, что изъ Матвѣя выйдетъ свѣточь вѣры правыя.

Домъ старика и богача Гриднева столько же отличался благочестіемъ и богатствомъ духовнымъ, сколько его сундуки славились богатствомъ матеріальнымъ. Матвѣй Таволгинъ въ этомъ домѣ былъ общимъ любимцемъ, но особенно полюбился онъ молодому Гридневу за живость ума и способность передразнивать Макриду-странницу. Матвѣй Таволгинъ самъ не замѣтилъ, когда проявилась въ немъ эта способность, однако это обстоятельство помогло сближенію съ молодымъ Гредневымъ, и между ними заключенъ былъ тайный союзъ. Мотя жилъ въ комнатѣ молодаго Гриднева въ качествѣ казачка, прислуживалъ ему во всемъ, ѣздилъ съ нимъ, когда Василій куда-либо отправлялся по дѣламъ отца и вообще былъ съ нимъ неразлученъ.

Старуха Гриднева любила слушать, когда Мотя, сидя около ея постели и подгорюнившись, пѣлъ ей ужасоподобный стихъ о «плачѣ души», и пѣлъ такъ, что Гридниха надрываясь плакала и повторяла за Мотей:

Вечо́ръ я со другомъ сидѣла,
Поутру мое тѣло водой моютъ,
Водой моютъ, во гробъ кладутъ,
Мою душу на судъ ведутъ...

Любила она слушать и другой стихъ о томъ, какъ по морю по синему по хвалынскому, тамъ шли, пробѣгали черезъ корабли, и во тѣхъ во корабликахъ святые ангелы сидятъ, а на встрѣчу имъ самъ Исусъ Христосъ; сталъ онъ у ангеловъ выспрашивать и выпытывать: святые ангелы, архангелы, гдѣ вы хаживали, гдѣ гуливали, что слышивали, что виживали?

— И гдѣ это, Мотюшка, ты евтимъ святымъ стихамъ научился? спрашиваетъ бывало Гридниха.

— Отъ Бога мнѣ сіе, матушка, говоритъ Мотя, а самому, между тѣмъ, хочется урваться въ комнату молодаго Гриднева, чтобы тамъ у него наслушаться другихъ, любимыхъ имъ стиховъ, которые ему читалъ тихонько молодой Гридневъ, и потомъ въ умѣ своемъ декламировать:

Волга! Волга! весной многоводною,
Ты не такъ затопляешь поля,
Какъ великою скорбью народною
Переполнена наша земля...

Безпокойное, до болѣзненности раздраженное раскольничьимъ мистицизмомъ воображеніе мальчика создавало для него цѣлый новый міръ и новую дѣятельность, но уже не на основаніи раскольничьей мистической литературы, а на основаніи литературы иного сорта, съ которою его тайно знакомилъ молодой Гридневъ, и Мотя, какъ прежде въ тарлыцкомъ лѣсу искалъ сподвижничества, вырывалъ себѣ скитокъ маленькій и ждалъ «алилуевой жены», такъ теперь мечталъ объ иномъ подвижничествѣ, думалъ о томъ, какъ онъ сдѣлается мученикомъ слова, и, вмѣсто «алилуевой жены», ждалъ, что придетъ къ нему другая жена, и онъ скажетъ ей: «зачѣмъ ты бросаешь въ тюрьмы дѣтей своихъ, зачѣмъ надѣваешь на нихъ цѣпи, изнуряешь ихъ непосильною работой, убиваешь ссылкою»?

А тутъ, между тѣмъ, его зоветъ къ себѣ старикъ Гридневъ, который сидитъ съ попомъ, оба подвыпивши, и Гридневъ велитъ Мотѣ пѣть стихъ «въ угоду батюшкѣ». И Мотя поетъ раскольничій стихъ, любимый старикомъ:

Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,
Съ попами, дьяками хлѣбъ-соли не водитъ,
Къ Богу съ покаяніемъ часто прибѣгаетъ:
Стой-ка съ покояніемъ передъ святымъ Спасомъ,
Обрадованъ будешь архангельскимъ гласомъ,
Лягъ-ка съ рабой Божіей, съ Христовой любовью,
Причаститъ тя ангелъ Христовою кровью.

— Это бѣсъ во образѣ отрока, говоритъ попъ, вслушиваясь въ пѣніе Моти;—о такомъ кощунствѣ я донесу владыкѣ.

— А наплевать мнѣ и на твой доносъ, и на тебя, отвѣчаетъ старикъ Гридневъ.

И вырвется оттуда Мотя къ Молодому Гридневу, и долго сидятъ они по ночамъ, и тихонько отъ всѣхъ читаютъ тайно закупаемыя Василіемъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ книги, о которыхъ ничего не знаетъ старикъ, и долго послѣ такого чтенія не спится Мотѣ, а на утро онъ пристаетъ къ Гридневу:

— Учите меня, Василій Парменовичъ, — я хочу учиться, я хочу учиться, я хочу все знать.

— Учись, читай—въ книгахъ все есть... А какъ послужишь у насъ въ прикащикахъ, заработаешь денегъ, тогда ступай хоть въ университетъ.

— А что развѣ въ университетъ мужичатъ принимаютъ?

— Принимаютъ, лишь бы экзаменъ выдержалъ.

— Когда-жъ я буду прикащикомъ? Когда у меня будутъ деньги?

— Скоро. Только учись. А въ университетѣ и сорокалѣтніе учатся.

И Матвѣй, такъ-сказать, глотаетъ книги, и жадно всему учится. Время между тѣмъ идетъ. Старикъ Гридневъ уже думаетъ давать Матвѣю порученія по торговымъ дѣламъ, но старуха Гридниха не можетъ съ нимъ разстаться.

— Я тебя никуда не пущу, Матвѣй, говоритъ старуха;—кто-жъ мнѣ безъ тебя будетъ читать святыя книги; кто мнѣ будетъ пѣть стихъ о «грѣшной душѣ», или «какъ шелъ старецъ по дорожкѣ»?

Не вытерпѣлъ Матвѣй. У него отнимали его счастье, его жизнь, его завѣтныя мечты.

— Да эту ерунду вамъ и мать Макрида прочитаетъ, проговорилъ онъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, блѣдный и едва держась на ногахъ.

— Что! что! ты что сказалъ, окаянный? Богохульствуешь?... Парменъ! а, Парменъ! кричала старуха, задыхаясь! поди сюда! погляди на бѣса полуденнаго, на аспида и василиска...

Понялъ Матвѣй, что сказалъ лишнее, да было уже поздно: назадъ слова не возьмешь—такъ тому и быть!

Вошелъ старикъ. Матвѣй стоялъ блѣдный, безмолвный.

— Отогрѣли мы съ тобой, Парменъ, змѣю за пазухой... Вотъ онъ змѣй десяторожный—глумится надъ святыми книгами, говоритъ, что все это ерунда.

Изумился старикъ Гридневъ. Посмотрѣлъ на Матвѣя и спрашиваетъ:

— Ты что сказалъ? Повтори.

Отпираться отъ своихъ словъ казалось молодому упрямцу и пошло и глупо. Онъ подумалъ немного, и сказалъ:

— Я сказалъ, что лучше хочу дѣло дѣлать, чѣмъ пѣть ерунду объ «алилуевой женѣ».

— Ерунду?.. Такъ это по твоему ерунда? сказалъ онъ, указывая на одну старую раскольничью рукопись, лежавшую у постели старухи.

— Ерунда.

— Такъ всѣ наши старыя книги ерунда?

— Да, вредная ерунда.

— Такъ я тебя убью, гадюка, коли онъ не убиваетъ! вскричала старуха, бросаясь на него съ палкой, и упала на полъ.

Таволгинъ бѣжалъ безъ оглядки, и бѣжалъ не только изъ спальни Гриднихи, но и изъ самаго дому Гриднева. Онъ сразу понялъ, что тамъ ему уже оставаться нельзя было—все прорвалось разомъ, все разоблачилось. А старикъ Гридневъ не могъ забывать обидъ: онъ готовъ былъ бы за обиду убить своего любимаго сына. Въ экстазѣ своего безумнаго упрямства онъ самъ иногда говорилъ себѣ: «Еслибъ, упаси Богъ, меня самъ Парменъ Гридневъ обидѣлъ, я-бъ и его убилъ какъ собаку».

Таволгинъ зналъ эту деспотическую волю—и бѣжалъ на Тарлыкъ, продавъ въ городѣ свое приказчичье одѣяніе и купивъ крестьянское.

Тяжело было ему возвращаться въ убогую кануру, въ которой онъ родился, а еще тяжеле было думать, что всѣ его мечты объ ученьѣ, объ университетѣ, о сподвижничествѣ во имя идеи свободы, добра и правды разомъ рухнули... «У собаки есть надежда, у кошки есть надежда, у этой грязи есть надежда, что она высохнетъ, у Волги есть надежда, что она до моря добѣжитъ, море увидитъ—а у меня нѣтъ никакой надежды, ни на что, ни на кого, ни даже на себя», думалъ онъ, пробираясь вдоль берега Волги, чтобы идти на родину.

Въ первое время имъ овладѣло такое глубокое отчаянье, что онъ хотѣлъ было съ крутаго берега броситься въ Волгу, но случайно наступилъ ногою на кость, поднялъ эту кость и задумался:

«Вотъ и я такимъ же буду, и всякій будетъ наступать на мою кость, какъ я наступилъ на эту... Будь это человѣкъ или собака, да будь они живы, они не дали бы наступить на себя, и собака бы укусила того, кто на нее наступилъ бы. А теперь я наступилъ на нее, и она не кусаетъ меня... А если это человѣкъ, онъ оттолкнулъ бы мою ногу, а теперь нѣтъ, не толкнетъ, не сможетъ... Я не хочу, чтобъ на меня наступала всякая нога, хоть бы то была нога Гриднева! Я не хочу, чтобъ и рука его до меня дотрогивалась... Я не хочу валяться вотъ такой костью, я хочу жить—и буду жить».

Тяжелая встрѣча ожидала его дома, а еще болѣе тяжелы были его проводы изъ дому, потому что онъ долго не могъ тамъ оставаться. Молодой Гридневъ, узнавъ о несчастіи своего любимца, поспѣшилъ выслать ему денегъ и написалъ утѣшительное письмо, обѣщая пристроить его или въ Москвѣ, или въ Петербургѣ.

Но Таволгинъ хотѣлъ одного—учиться. Жажда ученья стала его неотходнымъ мучителемъ и не давала ему покоя ни днемъ ни ночью.

— Матвѣй! ты что пересталъ молиться? говорила слѣпая старуха бабушка, ощупывая сухою рукою его лице, ощущая подъ пальцами впадины на его щекахъ, осязая ввалившіеся глаза;—ты не молишься, и дьяволъ сушитъ твое тѣло, высасываетъ кровь изъ сердца, съѣдаетъ твои молодыя щеки... Молись вслухъ, голосно...

—Молюсь тихо, не голосно, отвѣчалъ Матвѣй, не зная что сказать.

Но Матвѣй не могъ долго держать въ тайнѣ свою исторію съ старикомъ Гридневымъ. Вѣсти объ отступничествѣ молодаго раскольника

дошли до Тарлыка, и онъ, зная, что его ждетъ домашній адъ, рѣшился и изъ дому бѣжать.

— Проклятъ! проклятъ! проклятъ! хрипѣла старуха, стараясь схватить его, но не видя гдѣ онъ стоитъ, махала въ воздухѣ своими сухими руками, какъ бы загребая этотъ воздухъ или стараясь уловить что-то невидимое, какъ какую либо нечистую силу.

— Не проклинай его, матушка, говорила со стономъ Мавра,— не онъ виноватъ, а виновата моя утроба—она его породила... Прокляни мою утробу, матушка, а его не проклинай.

— Проклята буди и утроба твоя, и чадо твое, металась старуха, цѣпляясь за столъ, за стѣны, и потомъ опустилась въ изнеможеніи на полъ.

— Мать моя, не кляни его—кляни злыхъ людей, что его испортили, стонала Мавра.

— Кляну, кляну и ихъ, кляну и очи ихъ, и уста ихъ, и руки ихъ, и ноги ихъ, и души ихъ проклятыя кляну, и дѣтей ихъ, и матерей ихъ, и могилы отцовъ ихъ кляну! Чтобъ могилы ихъ звѣри лютые разрыли! Чтобъ ихъ кости птицы разнесли по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ!..

Такъ бѣсновалась старуха, силясь подняться съ полу, и опять падала, и вновь силилась встать. Мавра старалась ее поднять, но старуха и ее отталкивала.

— Подай мнѣ сюда твое отродье! Я вырву у него его проклятый языкъ и отдамъ псу смердящему, хрипѣла старуха.

И Мавра, и Матвѣй молчали.

— Гдѣ онъ окаянный? продолжала говорить слѣпая почти шопотомъ,—нагни ко мнѣ его проклятую голову.

Та молчала. Матвѣй стоялъ блѣдный какъ полотно.

— Гдѣ онъ? Гдѣ аспидъ?

— Я тутъ, глухо сказалъ Матвѣй.

Услышавъ его голосъ, старуха рванулась на полу, быстро на четвере励ькахъ подползла къ внуку и цѣплялась ему за ноги. Матвѣй оттолкнулъ ее ногой. Мать кинулась къ нему и обхватила его руками—онъ и ее оттолкнулъ.

— Прочь, бѣсноватыя! Вы погубили меня, сказалъ онъ съ силою, и рванулся было къ двери.

— Такъ будь же и отъ матери проклятъ, еретикъ окаянный! вскричала Мавра.

— Не выпускай его, Мавра! Запирай двери, да запали избу — всѣ сгоримъ тутъ... Можетъ, Богъ проститъ наши души окаянныя.

И старуха поднялась съ полу и ощупью пошла къ двери, которая была отворена.

А на дворѣ въ это время такъ жарко свѣтило солнце и такая спокойная жизнь отражалась и на зеленой рощицѣ, гдѣ маленькій Мотя устраивалъ себѣ скитокъ и ждалъ въ немъ «алилуевой жены», и на яблонѣ, посаженной Мотею подъ окномъ избенки.

Когда старуха шла къ двери, въ нее влетѣлъ бѣлый голубь и, усѣвшись на плечѣ у слѣпой, носикомъ своимъ тянулся ко рту старухи, которая кормила его зернами изъ своего рта.

— А! и ты лѣзешь ко мнѣ, чтобъ я тебя кормила, окаянный! Я и его выкормила, змѣю подколодную... Такъ и ты такой же будешь?..

Въ бѣшеномъ порывѣ слѣпая схватила сидѣвшаго у нея на плечѣ и тянувшагося къ ея рту голубя и разорвала его на двое. Разорванная птица билась на полу въ смертной агоніи.

Матвѣй выбѣжалъ изъ этого ужаснаго дома и остановился потомъ въ недоумѣніи: куда идти?... что́ дѣлать? Весь міръ казался ему такою страшною пустыней, населенною такими страшными чудовищами, что даже при одномъ воспоминаніи объ нихъ волосы становились стоймя на головѣ, и звѣри дубравные казались кроткими голубями, которыхъ разрывали чудовища-люди.

Вслѣдъ за нимъ изъ избенки выбѣжала Мавра и бросилась сыну въ ноги.

— Прости меня, дитятко мое горькое, не я тебя кляла-проклинала, а горышко мое лютое помутило головушку бѣдную, и сердечушко мое не вѣдало, что говорили уста мои окаянныя, тебя проклинаючи. Прости меня, соколикъ ясный! не губи ты душеньку свою, а я беру назадъ свое проклятье, и замолю мои слова грѣшныя.

Матвѣй молча поднялъ мать и собирался идти.

— Куда ты, цвѣтикъ мой лазоревый? Погоди, я погляжу на тебя, говорила Мавра.

— Прощай, матушка, говорилъ въ свою очередь Матвѣй,—не поминай меня лихомъ.

Мать обхватывала его руками и причитала:

— На кого-жъ ты меня горькую покидаешь, для чего ты меня въ могилу темную безъ поры безъ времени посылаешь? Кто безъ тебя закроетъ глаза мои мертвые, кто по душѣ моей грѣшной помолится! Дитятко мое горемычное, ягодка моя садовая!..

— Прощай, матушка, повторилъ Матвѣй, направляясь къ степи.

Мать опрометью бросилась въ избу и вскорѣ воротилась оттуда съ зипуномъ, котомкой и шапкой. Затѣмъ, догнавъ сына, она упала ничкомъ на земь, какъ бы на молитву, и горько плакала. Взявъ щепоть земли, она завернула ее въ тряпочку, навязала къ себѣ на крестъ и потомъ, снявъ съ себя этотъ крестъ, надѣла его на сына.

— Возьми съ собою... Это крестъ святой и родная землица... Маленькими ногами ты бѣгалъ по ней... Возьми ее, Мотя,—съ нею тосковать не будешь.

Она надѣла на него крестъ и перекрестила.

Оглянулся Матвѣй на родимую избушку и увидѣлъ: у дверей стояла слѣпая старуха и грозила кому-то клюкой въ воздухъ. Что-то было страшное и фантастическое въ этой далекой фигурѣ: поднятыя кверху руки, изъ которыхъ одна грозила клюкой чему-то невидимому, сѣдые растрепавшіеся волосы и страшное, страшное, искаженное гнѣвомъ и старостью лице...

Матвѣй отвернулся, взялъ котомку и пошелъ по направленію къ западу. Мать стояла какъ вкопаная, пока не очнулась.

Д. Мордовцевъ.

(*Продолженіе будетъ*)

X.

Стономъ стонетъ земское училище въ Варгунахъ. Всѣ мальчики собрались въ классы, но классы еще не начинались. Надо было чѣмъ нибудь занять незанятое время, потому что молодость больше всего боится бездѣйствія и неподвижности, и о ней, какъ и о природѣ, можно сказать: horror vacui.

Школьники затѣяли игры. Весьма справедливо замѣчаютъ, что въ дѣтскихъ играхъ отчасти выражаются потребности и направленіе общества въ данное время. Въ Римѣ дѣти играли въ патриціевъ, рабовъ и гладіаторовъ. Въ средніе вѣка, во времена инквизиціи и во времена рыцарства, дѣти или жгли на кострахъ еретиковъ-куколъ, или ломали на турнирахъ палочки, воображая, что ломаютъ копья. Въ Россіи дѣти очень долго любили играть въ разбойниковъ, а одно время игра въ солдатики вытѣснила всякія другія игры. Этою игрою развлекались даже большіе.

Въ варгунинскомъ земскомъ училищѣ школьники играли «въ земство», «въ мировыхъ судей» и «въ сочинителей». Игравшіе въ земство составили нѣчто въ родѣ сходки и одинъ изъ мальчиковъ ораторствовалъ, призывая другихъ строить въ классѣ желѣзную дорогу. Игравшіе въ мировыхъ судей разбирали одну претензію гласнымъ порядкомъ, причемъ мироваго судью обвиняли въ томъ, что онъ потворствуетъ обвиняемому Андрюшкѣ Ряполову за то, что этотъ послѣдній далъ мировому судьѣ взятку—подарилъ чижика. «Сочинитель», неизвѣстно почему, сидя за учительскимъ столикомъ и марая тетрадку, по временамъ закатывалъ глаза подъ лобъ и что-то, по видимому, декламировалъ.

— Отдуемте мироваго судью, говорили нѣкоторые мальчики.

— Пускай онъ отдастъ Ряполову чижика, а потомъ судитъ, кричали другіе.

— Судья! судья! отдай чижика!

Когда «сочинитель» всталъ, чтобы пройдти по классу, одинъ «земскій» подставилъ ему ногу и сочинитель упалъ на полъ. «Сочинитель» бросился на «земскаго» и также повалилъ его на полъ.

Кузя Ногинъ, между тѣмъ, громогласно объявилъ всѣмъ, что къ нимъ пріѣхали «настоящіе сочинители, которые книжки печатаютъ».

Одинъ изъ мальчиковъ старался изобразить изъ себя учительницу, Варвару Григорьевну. Собравъ со столовъ цѣлую кучу книгъ и положивъ ихъ передъ собою, онъ сѣлъ около двери и поглядывалъ на всѣхъ задумчиво, грустно, иногда встряхивая головою, какъ-бы длинныя пряди волосъ падали ему на лицо и мѣшали читать.

— Дѣти! дѣти! полно вамъ шалить, говорилъ онъ;—теперь не то время настало—крестьянскія дѣти должны показать, что въ нихъ сила и надежда Россіи, а все остальное гніетъ, и на него нѣтъ надежды...

Рѣчь оратора-учительницы была прервана тѣмъ, что у него на головѣ очутился бумажный колпакъ, а книги его посыпались на полъ.

Наконецъ одинъ изъ мальчиковъ, вбѣжавъ въ классъ, закричалъ: «идетъ! идетъ!» —и вся ватага шалуновъ бросилась по мѣстамъ, и скорѣе всѣхъ уткнулся носомъ въ книгу «мировой судья», которому хотѣлось въ одно и тоже время быть и «мировымъ судьей», и незаконнымъ владѣльцемъ чужаго чижика.

Вошла учительница. Она была все такая же блѣдная и такая же задумчивая, какою мы ее видѣли наканунѣ, въ ложбинѣ на берегу Волги. Видно даже было по глазамъ, что она сейчасъ только плакала, потому что, входя въ классъ, не успѣла даже спрятать платка, которымъ утирала слезы. Мальчики замѣтили это и еще больше присмирѣли. Они привыкли видѣть свою учительницу грустною и, по видимому, тоскующею о чемъ-то, и въ это время она была еще добрѣе съ ними, казалась еще болѣе внимательною.

— Варвара Григорьевна, о чемъ вы плачете? спрашивалъ ее Кузя Ногинъ, подходя къ ней и самъ едва удерживая слезы;—вамъ кого жаль?

Этого вопроса не могла вынести дѣвушка и, закрывъ лице руками, заплакала.

«Кого мнѣ жаль? Боже мой! (думала она). Да мнѣ жаль моего прошлаго, моей потраченной жизни, моихъ разбитыхъ надеждъ. Кого жаль? о чемъ я плачу! Я плачу о самой себѣ, плачу о бѣдной женщинѣ...».

Она положила голову на столъ и, ничего не помня, что̀ около

нея, плакала, горько плакала. Нѣкоторые изъ мальчиковъ также утирали слезы, а другіе бросились къ ней и силились поднять ея голову.

— Не плачьте, Варвара Григорьевна! мы васъ любимъ, мы не будемъ шалить, стараясь заглянуть ей въ глаза, упрашивалъ маленькій Ногинъ.

Даже «мировой судья» въ душѣ своей рѣшился возвратить чижика Ряполову, лишь бы Варвара Григорьевна не плакала.

Но она скоро овладѣла собой, подняла голову, откинула отъ лица волосы и ласково, съ улыбкой посмотрѣла на всѣхъ. Дѣти также повеселѣли.

— Теперь давайте учиться... У меня голова болѣла, а теперь ничего, сказала учительница и принялась за свое педагогическое дѣло.

Ученье шло живо, весело. Учительница умѣла заставить своихъ слушателей быть внимательными, благодаря хорошему методу преподаванія, умѣла возбудить въ нихъ соревнованье—и классъ казался такимъ же оживленнымъ, какъ и тогда, когда мальчики играли «въ земство», «въ мировыхъ судей» и «въ сочинителей», только теперь учительница совмѣщала въ себѣ одной и «земство», и «мировой институтъ», и литературу, и все вниманіе мальчиковъ было приковано къ ней одной.

Она писала что-то на доскѣ, окруженная толпою своихъ маленькихъ питомцевъ, которые цѣплялись ей за платье, хватали за руки и вообще показывали живѣйшее любопытство къ тому, что она писала и объясняла, когда въ классную комнату вошелъ старикъ Ногинъ.

— Позвольте намъ, матушка-барышня Варвара Григорьевна, послушать вашего ученья и полюбоваться, какъ вы тутъ съ ними управляетесь, сказалъ онъ, кланяясь учительницѣ.

Кузя, увидавъ дѣдушку, бросился было къ нему, чтобъ уцѣпиться за кушакъ, но счелъ болѣе благоразумнымъ остановиться и потупиться.

— Съ кѣмъ вы, Парменъ Прокофьичъ? спросила учительница.

— Два пріѣзжіе барина хотятъ полюбоваться вашей школой — много наслышаны... Такъ не откажите, матушка-барышня.

— Очень рада, Парменъ Прокофьичъ... Только у меня такой базаръ тутъ...

— Ничего, ничего, Варвара Григорьевна: оставайтесь такъ съ дѣтишками—это-то намъ и любо, и глядѣть на васъ съ ними весело, такъ что самъ бы, кажись, на старости въ школу пошелъ.

Кузя не вытерпѣлъ и уцѣпился за кушакъ дѣдушки. Потомъ бросился къ учительницѣ.

— Варвара Григорьевна! это къ намъ сочинители идутъ, лепеталъ онъ, увиваясь около нея.

— Какіе сочинители?

Старикъ Ногинъ вышелъ и тотчасъ же появился на порогѣ съ Стожаровымъ и Серпороевымъ.

— Позвольте надѣяться, сударыня, что вы извините насъ за наше, можетъ быть безтактное посѣщеніе вашей школы. Мы не изъ пустаго любопытства врываемся къ вамъ непрошенными гостями, хотя для васъ наше посѣщеніе и можетъ показаться безцѣльнымъ. Я вамъ долженъ объяснить, сударыня...

Стожаровъ видимо путался и не зналъ что сказать. Лице его то вспыхивало, то блѣднѣло. Лице учительницы также покрыто было мертвою блѣдностью, и чтобы не упасть, она ухватилась рукою за столъ.

— Я изучаю экономическое состояніе народа.... его бытъ...

Голосъ Стожарова дрожалъ, языкъ не слушался.

— Земское дѣло.... надежда Россіи... ваша школа считается счастливымъ исключеніемъ... Я... Стожаровъ...

Дѣвушка, по видимому, овладѣла собой раньше, чѣмъ Стожаровъ, и сказала не безъ волненья.

— Очень пріятно... Мы, кажется, были съ вами знакомы когда-то, но вы меня не узнали, господинъ Стожаровъ... Я Бармитинова, бывшая ваша ученица.

— Варвара Григорьевна! сказалъ съ усиліемъ Стожаровъ,—какъ вы... измѣнились...

— Да время много прошло...

Ни Серпороевъ, ни старикъ Ногинъ ничего не понимали что происходило между Стожаровымъ и учительницей, да и они говорили такъ безсвязно, такъ были взволнованы, что видно было только ихъ сму-

щеніе и то, что они когда-то были знакомы и что учительница была ученицей Стожарова.

Дѣйствительно, это была та Варенька Бармитинова, въ семействѣ которой, въ Петербургѣ, Стожаровъ бывалъ еще студентомъ. Это была та самая Варенька, которой, на ея признаніе въ любви къ Стожарову, этотъ послѣдній, хотя тоже любилъ ее горячо, отвѣчалъ, что она можетъ жить безъ него, что только безъ пищи и воздуха она не можетъ существовать, а безъ него, безъ Стожарова, можетъ, что есть люди, которымъ не достаетъ пищи и воздуха, и что когда есть такіе несчастные, то они, Стожаровъ и Варенька, не имѣютъ права любить другъ друга, особенно когда другимъ ѣсть нечего, что наконецъ они, Стожаровъ и Варенька, не имѣютъ даже права ѣсть, когда голодаютъ другіе и когда ни Стожаровъ, ни Варенька ничего не сдѣлали для того, чтобы накормить этихъ голодныхъ,— и въ заключеніе просилъ ее поработать и на себя и на другихъ, а потомъ уже подумать и о любви.

Десять лѣтъ влюбленные не видѣлись. Всѣ эти десять лѣтъ Стожаровъ мыкался по бѣлу свѣту, слушалъ лекціи въ разныхъ университетахъ Европы, работалъ въ заграничныхъ журналахъ русскихъ эмигрантовъ, помогая имъ, какъ ему казалось, «съ другаго берега» очищать въ Россіи гниль и плѣсень, которая мѣшала русскому развитію, писалъ въ «Колоколѣ» жгучіе памфлеты противъ внутреннихъ враговъ своего отечества, противъ обскурантизма и татарщины въ общественномъ быту и строѣ своей родины, потомъ сознавая, что работать для Россіи можно только въ Россіи, онъ сказалъ Герцену, Бакунину и Огареву, что они уже «отзвонили», а потому имъ пора и «съ колокольни долой», — и воротился въ Россію, съ горькимъ сознаніемъ, что хотя Лондонъ и Парижъ лучше Кинешмы, однако и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, какъ и въ Кинешмѣ, одинаково плачутъ обиженные, одинаково голодаютъ голодные и едва ли не въ равной степени сила матеріальная и подлость душатъ силу интелектуальную и честность съ свободой совѣсти. Въ Россіи онъ тоже работалъ чѣмъ могъ, (не топоромъ, не иголкой, не рубанкомъ, не сохой даже и не плугомъ, а все тѣмъ же, даннымъ ему природою орудіемъ мысли и труда, свободнымъ человѣческимъ словомъ) и пока могъ, а когда оказалось это невозможнымъ, опять

сталъ мыкаться по свѣту, но уже по Россіи, сознавая, что это мыканье будетъ не безъ пользы для Россіи и для него самаго. Потомъ опять работалъ перомъ, когда стало можно, а тамъ опять мыкаться.

И вотъ онъ, въ одно изъ своихъ мыканій, сталкивается съ дѣвушкою, которую любилъ и, казалось ему, продолжалъ любить, и которую онъ оттолкнулъ отъ себя во имя созданнаго имъ афоризма, что «двумъ подло пользоваться счастьемъ, когда другіе двадцать несчастливы».

Варенька, хотя не мыкалась подобно Стожарову, однако прошла слишкомъ много тяжкихъ испытаній, такъ много, что со стороны природы и людей казалось бы подлостью взваливать на слабую спину женщины такую непосильную ношу, какую выносила эта дѣвушка, опять таки въ силу принятаго ею на вѣру отъ дорогаго ей человѣка афоризма, что «подло ѣсть, когда другіе голодаютъ», и что «подло быть счастливымъ, когда въ массѣ сомнительно счастливыхъ, насчитывается *до тысячи процентовъ* несомнѣнно несчастливыхъ». Желая выполнить завѣтъ любимаго ею человѣка, она тоже махнула рукой на свое личное счастье и пошла на тяжкій трудъ, чтобъ этотъ тысячный процентъ несчастныхъ уменьшить хотя до девяти сотъ девяноста девяти—все же однимъ меньше, все же она можетъ сказать любимому человѣку, что и она «не безполезный поденщикъ во имя счастья человѣчества».

Такимъ образомъ, черезъ десять лѣтъ послѣ разлуки съ Стожаровымъ, мы встрѣчаемъ эту дѣвушку учительницей земской школы въ Варгунахъ.

Стожаровъ, обѣщавшій, при разлукѣ, «слѣдить за нею», какъ онъ выразился, скоро потерялъ ее изъ виду, потому что ни изъ Лондона, ни изъ Гейдельберга, ни изъ Парижа, ни изъ Женевы даже, гдѣ бродилъ Стожаровъ цѣлые годы, несовсѣмъ удобно было слѣдить за тѣмъ что дѣлалось не только въ Варгунахъ, но и въ Петербургѣ. Воротившись же въ Россію и не найдя своей Вареньки въ Петербургѣ, онъ постарался выкинуть ее изъ головы, хотя не могъ выкинуть «изъ подъ лѣваго подреберья», какъ онъ выражался.

Встрѣча ихъ въ Варгунахъ была тѣмъ болѣе поразительна, что была больше чѣмъ неожиданна. Вотъ почему Стожаровъ на первое

время лишился употребленья языка, потому что чувствовалъ, что у него, при видѣ Бармитиновой, стало что-то не ладно не только подъ лѣвымъ подреберьемъ, но и подъ черепомъ, гдѣ, по видимому, сидѣвшій на тронѣ самодержецъ, какъ ему казалось, до сихъ поръ охулки на руку не клалъ, управляя своимъ царствомъ даже деспотически строго. Не менѣе его была смущена и Бармитинова. Въ присутствіи Ногина и Серпороева, подъ взглядами любопытныхъ дѣтскихъ глазъ имъ приходилось говорить о предметахъ лично до нихъ не относящихся, толковать объ общественныхъ, земскихъ и педагогическихъ вопросахъ, которые, въ данный моментъ, хотѣлось бы имъ отодвинуть на самый дальній планъ перспективы ихъ личной мысли. Приходилось притворяться.

— И вы много измѣнились, Григорій Борисовичъ, говорила Бармитинова: какой вѣтеръ занесъ васъ изъ Европы въ наши киргизскіе Варгуны?

— Вѣтры земскіе, общественные, народные, какъ хотите назовите, отвѣчалъ онъ: о вашей школѣ такъ много говорятъ, что я хотѣлъ лично убѣдиться въ предположеніи, что «рука женщины спасетъ отечество».

— А развѣ рука мужчины губитъ его? спросила Бармитинова улыбаясь.

— Нѣтъ, и не губитъ совсѣмъ и не спасаетъ совсѣмъ... Какъ вы рѣшились на это благородное дѣло, Варвара Григорьевна?

— Такъ, продолжала съ улыбкой Бармитинова,—мой внутренній голосъ говорилъ мнѣ: «Встань, возьми одръ твой и работай. Если другой голоденъ, ты не должна ѣсть; если другой несчастливъ, то и ты не имѣешь права быть счастливою»... И вотъ я работаю, и по возможности, на выработанныя деньги кормлю голодныхъ.

— Такъ вамъ говорилъ это вашъ внутренній голосъ? спросилъ Стожаровъ, пристально глядя ей въ глаза.

— Да, мой внутренній голосъ.

— И онъ продолжаетъ вамъ говорить это?

— Н-да, отвѣчала Бармитинова медленно и нерѣшительно,—продолжаетъ, но онъ становится менѣе громкимъ и повелительнымъ.

— Отчего же?

— Мой учитель говорилъ мнѣ когда-то...

— Какъ учитель? спросилъ Стожаровъ съ недоумѣніемъ.

— Одинъ суровый молодой человѣкъ, котораго любимою фразою было: создайте мнѣ умную женщину—и я пересоздамъ человѣчество.

Стожаровъ покраснѣлъ, потому что это была когда-то *его* любимая фраза.

— Такъ что вамъ говорилъ вашъ учитель? спросилъ онъ съ видимымъ волненіемъ.

— Мой юный философъ, по теоріи Декарта и Фурье, говорилъ: «пускай отнынѣ человѣкомъ управляетъ *абсолютное сомнѣніе* и *абсолютное удаленіе*—le doute absolu et l'écart absolu. Чтобы человѣчество было счастливо, свободно, богато, чтобы оно, наконецъ, поумнѣло и пересоздалось, пусть оно отвергнетъ все, что выработалъ до сихъ поръ міръ, исторія, человѣчество, наука, философія, всѣ ученые и всѣ публицисты—это первое. Второе—пусть человѣкъ начнетъ идти не тою дорогою, которою всѣ шли до сихъ поръ, пусть все отброситъ—и тогда онъ самъ себѣ выработаетъ и свое счастье, и свои общественные порядки, не похожіе на старые, при которыхъ человѣчество было такъ несчастливо, что до сихъ поръ не выбилось изъ бѣдности».

Стожаровъ слушалъ ее внимательно, и мрачная тѣнь легла на лице его. И Серпороевъ и Ногинъ также слушали ее. Мальчики сидѣли смирно, стараясь вникнуть въ смыслъ словъ своей любимицы.

— Будьте такъ добры — продолжайте, мы васъ слушаемъ, сказалъ Стожаровъ спокойно.

— Вотъ я и пошла не той дорогой, по которой до сихъ поръ шла женщина.

— И что же?

— Какъ видите, иду... Я этимъ исполнила только первую заповѣдь моего учителя: пошла проселкомъ, или скорѣе—безъ дороги.

— А вторая заповѣдь?

— Вторую только теперь думаю исполнять, и также, кажется, должна буду усомниться въ словахъ самаго учителя, какъ онъ заповѣдалъ мнѣ абсолютно усомниться въ истинѣ и въ пользѣ всего, что до сихъ поръ и сказало и сдѣлало человѣчество, въ томъ числѣ и мой уважаемый учитель.

Стожаровъ молчалъ, потупя голову, и ничего не возражалъ. Сер-

пороева также поразили слова дѣвушки, но онъ не могъ спокойно выслушать ея послѣднихъ словъ и заговорилъ въ сильномъ волненіи и скороговоркой:

— Я вполнѣ раздѣляю ваши убѣжденія.... Вы изъ *нашихъ*.... извините, я не то хотѣлъ сказать.... По моему мнѣнію и по мнѣнію всего нашего поколѣнія, «живые должны возстать противъ умершихъ»...

— Надя! не говори чужихъ фразъ, сказалъ Стожаровъ какъ-то желчно, раздражительно.

Бармитинова быстро на него взглянула, и въ ея взглядѣ выразился вопросъ и недоумѣніе. Стожаровъ понялъ ее.

— Я называю моего друга Надей, Надеждой—это шутка, пояснилъ онъ ей,—молодое поколѣніе я называю «надеждой» Россіи—оттого и моего молодаго друга называю Надей.

— Я не чужія фразы повторяю, говорилъ Серпороевъ съ горячностью.

— По крайней мѣрѣ послѣдняя фраза—чужая.

— Положимъ, такъ. Но окончаніе фразы (я ее не кончилъ)—мое, *наше*.... Вотъ эта фраза: «живые должны возстать не только противъ мертвыхъ, но и противъ живыхъ»...

— Какъ это?

— Вотъ какъ Варвара Григорьевна возстаетъ противъ твоихъ заповѣдей, потому что, вѣроятно, выработала свои. Это-то и есть абсолютное сомнѣніе.

Не отвѣчая своему другу, Стожаровъ только смотрѣлъ вопросительно на дѣвушку.

— Послѣ, сказала та тихо: не теперь.... не здѣсь....

Между тѣмъ, во время этого разговора, Кузя Ногинъ подобрался къ своему дѣдушкѣ, который сидѣлъ поодаль, и уцѣпившись за его поясъ, тихонько нашептывалъ:

— Онъ ее не возьметъ у насъ, дѣдушка?

— Хто?

— Сочинитель вонъ энтотъ.

— Кого возьметъ, дурачекъ?

— Варвару Григорьевну возьметъ.

— Зачѣмъ ее брать?

— Онъ ее возьметъ.... Онъ учитель.... Вонъ онъ какой....

И мальчикъ сердито смотрѣлъ на Стожарова.

— Не балуй, Кузька—подь учись....

— Экзаменуйте же моихъ учениковъ, господинъ литераторъ-ревизоръ, говорила Бармитинова, обращаясь къ Стожарову съ улыбкой.

— Нѣтъ, если позволите, я надѣюсь въ другое время познакомиться съ вашей школой и съ ея успѣхами, а теперь, въ качествѣ вашего бывшаго учителя, хотя не официально, я хотѣлъ бы ближе познакомиться съ вами и съ успѣхами, которыхъ вы, кажется, сдѣлали не мало.

— Напротивъ, я ушла назадъ, по вашей теоріи.

— Въ чемъ же?

— Послѣ, послѣ....

— И вы не скучаете вашимъ дѣломъ? спросилъ онъ, желая перемѣнить разговоръ.

— Спросите вотъ этотъ маятникъ, скучалъ ли бы онъ, еслибъ былъ живымъ человѣкомъ? спросила она въ свою очередь.

Что-то острое шевельнулось въ сердцѣ Стожарова, и онъ нагнулъ голову.

— Я одно скажу вамъ, процѣдилъ онъ сквозь зубы, не поднимая головы,—я начинаю вѣрить въ будущее русской женщины.

— А я, напротивъ, начинаю терять эту вѣру, сказала она.

— Почему же?

— Сами увидите, если соблаговолите познакомиться со мной.

— Однако, я мѣшаю вамъ заниматься съ дѣтьми, сказалъ онъ, какъ бы очнувшись и оглядывая кругомъ класную комнату.

Нѣсколько мальчиковъ обступило старика Ногина, и нѣкоторые изъ нихъ показывали ему свои книги и тетрадки.

— Вотъ это, дѣдушка, качество предмета, а это признакъ предмета, говорилъ Кузя, во что-то тыча пальцемъ;—такъ говоритъ Варвара Григорьевна....

— А казенные ученики этого не знаютъ, говорилъ другой мальчикъ.

Серпороевъ подсѣлъ къ тому мальчику, котораго называли «мировымъ судьей», и оба о чемъ-то толковали.

— Русскіе должны прежде всего знать Россію—какіе въ ней города, рѣки, какая земля, почва, что́ растетъ на ней, и какіе во-

дятся звѣри и птицы, говорилъ «мировой судья», какъ по писаному, причемъ онъ косо поглядывалъ на Ряполова, у котораго выманилъ «чижика», ставшаго теперь его мученіемъ.

— Если вамъ не скучно будетъ присутствовать при нашихъ занятіяхъ, я начну урокъ, сказала дѣвушка, обращаясь къ своимъ гостямъ;—угодно послушать?

— Мы васъ не смѣли просить объ этомъ, отвѣчалъ Серпороевъ.

— Въ такомъ случаѣ мы начнемъ... Что́ у насъ сегодня? обратилась она къ ученикамъ.

— Диктовка, а потомъ географія, отвѣчали мальчики.

— Изъ чего вы хотите, чтобы я диктовала вамъ, снова спросила она.

— «Исторію кусочка хлѣба», говорили одни.

— «О великихъ людяхъ», предлагали другіе.

При словахъ «великіе люди», въ памяти Стожарова встала картина далекаго дѣтства, когда онъ на людское величіе глядѣлъ дѣтски-наивными глазами Плутарха, и такъ много казалось ему въ мірѣ великихъ людей. Со временемъ многое, что казалось ему великимъ, умалилось до крайней малости, а дѣйствительное величіе находилось въ другихъ сферахъ и въ другихъ формахъ, и далеко не въ тѣхъ, въ какихъ его старались представить.

Началась диктовка «Исторіи кусочка хлѣба». Мальчики писали весело, охотно, переспрашивая иногда учительницу о томъ, чего недослышали или не понимали. Написанное въ большей части оказалось правильнымъ. Тогда начался граматическій и логическій разборъ написаннаго, и урокъ казался весьма оживленнымъ.

Старикъ Ногинъ съ умиленіемъ смотрѣлъ и на учительницу, и на учениковъ.

— Вамъ не скучно у насъ? спросила его Бармитинова.

— Помилуйте, сударыня, Варвара Григорьевна: да у васъ сидишь, словно въ божьемъ храмѣ стоишь—все бы слушалъ. Богъ далъ счастье нашимъ внукамъ, что нонѣ родились: имъ и умирать не надыть. А мы-то, грѣшные, въ каку годину смутную росли — вспомнишь какъ—и вѣрить не хочется. Наши господа говорили, бывало, да и въ книжкахъ писали, что мужику грамота—пагуба, что грамотный мужикъ только-де фальшивые пачпорты пишетъ... Эхъ!

молодость наша сѣрая—не тѣмъ будь помянута!.. А вотъ нашимъ внукамъ, спасибо, легко будетъ жить.

— А ихъ внукамъ еще будетъ легче, только мы этого не увидимъ, замѣтилъ Серпороевъ.

— Дай-то Богъ: можетъ, и насъ правнуки-то добромъ вспомянутъ.

— Нѣтъ, Парменъ Прокофьичъ, едвали это будетъ, опять возразилъ Серпороевъ,—мы своихъ дѣдовъ не добромъ вспоминаемъ, и насъ не добромъ вспомнятъ.

— Ну, инъ будь божья воля... А ужъ я теперь на земскомъ собраньи весь свой старый голосъ надорву—какъ за храмы божіи, такъ за школы буду стоять: пущай на чемъ иномъ прочемъ урѣзываютъ, скопидомничаютъ, а на школы клади тысячи, десятки тысячъ—все мало! Пущай себѣ оспу прививаютъ насильно, а я скажу: привей грамоту, хоша насильно, да привей — свѣтъ увидишь. Отъ оспы лице будетъ шадровито, а безъ грамоты—душа шадровита,—вотъ что!

Старикъ видимо былъ тронутъ. Заговоривъ, онъ не могъ остановить своей старческой говорливости.

— На-кось! на обѣды да на всякую болѣсть тысячи бросаютъ. А ты дай на школу — христово дѣло сдѣлаешь: слѣпому глаза откроешь, говорилъ старикъ и, обращаясь къ учительницѣ, прибавилъ,—а вамъ, барышня-матушка, земной поклонъ, а вы на нашихъ глупыхъ дьячковъ не смотрите—за васъ ангелы на томъ свѣтѣ молятся.

— Благодарю васъ, Парменъ Прокофьичъ.

— Не на чемъ, барышня: не я говорю, а моими глупыми устами добро глаголетъ, что вы нашимъ дѣтишкамъ дѣлаете.

Стожаровъ находился въ какомъ-то странномъ нравственномъ состояніи. Нежданная встрѣча, нежданныя рѣчи Бармитиновой, которую онъ вспоминалъ какъ болѣе или менѣе избалованную барышню, хотя умненькую,—безвѣстность о томъ, какъ провела эта дѣвушка десять лѣтъ, въ которыя они не видѣлись—все это перепутало его мысли, поднимало въ головѣ его цѣлый рядъ предположеній и догадокъ, и ни на чемъ онъ не могъ остановиться. Одно онъ сознавалъ, что много въ его глазахъ выросла эта дѣвушка, но, черезъ какія мѣдныя трубы она прошла, чтобъ изъ барышни выработаться въ чело-

вѣка—онъ не могъ знать и не умѣлъ отгадать... Чего-то жаль и больно ему стало, и онъ готовъ былъ даже думать, что ему жаль прошлаго, того прошлаго, когда онъ не видѣлъ, что въ любимой имъ дѣвушкѣ скрыты такія богатыя силы, и бросилъ ее на самоличную борьбу съ жизнью, когда рука объ руку съ ней, съ этой дѣвушкой, онъ самъ могъ быть вдесятеро сильнѣе. Онъ даже боялся, что молодыя его фантазіи о назначеніи женщины, можетъ быть, ошибочны, и онъ напрасно заставляетъ страдать честное существо, толкая его на черную работу, выводя на такую дорогу, кочковатую, ухабистую, на которой и у самаго сильнаго мужчины подкашивались нерѣдко ноги и кружилась голова.

— Надѣюсь, вы навѣстите меня и внѣ школы, сказала Бармитинова Стожарову, провожая своихъ гостей.

— Когда позволите быть у васъ? спросилъ онъ.

— Я всегда рада васъ видѣть, отвѣчала она;—вы создали меня такою, какою видите,—вините себя, если я *неудалась*, прибавила она, грустно улыбаясь.

— Вы... рѣдкая дѣвушка, сказалъ Стожаровъ, стараясь подыскать выраженіе, котораго, по видимому, не подыскалъ.

— Благодарю... Вы ушли дальше Гамлета, говорила она, глядя ему въ глаза.

— Почему же?

— Онъ выражалъ свое мнѣніе объ Офеліи вопросительно; «Офелія? ты честная дѣвушка?» А вы прямо утверждаете, не зная меня.

— Нѣтъ, я васъ знаю, потому что понимаю.

— Позволяю себѣ сомнѣваться въ этомъ: вы отвыкли понимать меня, какъ я отъ васъ отвыкла... Я не знаю кто вы.

— Узнавайте, спрашивайте.

— Хорошо, сказала она шутя, — когда вы придете ко мнѣ, я васъ встрѣчу современнымъ вопросомъ.

— Какой же это севременный вопросъ?

— Гамлетъ! ты честный мужчина?—вотъ «современный женскій вопросъ».

— Почему же такой долженъ быть современный женскій вопросъ?

— А потому, что прошло уже то время, когда только мужчины имѣли право спрашивать дѣвушку:—«Офелія, честная ли ты дѣ-

вушка?» Теперь настали другія времена, и женщина имѣетъ болѣе правъ спрашивать мужчину:—«Гамлетъ, честный ли ты мужчина?»

— Да, это хорошо, вставилъ свое слово Серпороевъ, который, по видимому, не слушалъ ихъ.

— Но что вы разумѣете подъ словомъ «честный мужчина»? спросилъ Стожаровъ.

— Тоже, что и подъ словомъ «честная дѣвушка»: что безчестно для дѣвушки, то должно быть безчестно и для мужчины.

— Да, вы правы, сказалъ Стожаровъ задумчиво.

— Такъ до свиданья, бородатая Офелія, сказала Бармитинова уже совсѣмъ весело,—я васъ буду ждать... И васъ рада буду видѣть у себя, прибавила она, обращаясь къ Серпороеву.

Тотъ поклонился.

Когда гости вышли, Кузя Ногинъ подбѣжалъ къ учительницѣ и, заглядывая ей въ глаза, спрашивалъ:

— Это былъ вашъ учитель?

— Да, учитель.

— Такъ онъ больше вашего знаетъ?

— Да, больше.

Мальчикъ задумался.

— Нѣтъ, сказалъ онъ нерѣшительно,—это неправда.

Бармитинова улыбнулась, но ничего не отвѣчала. Въ ея воображеніи разомъ почему-то промелькнула бѣлокурая, немножко золотушная Гретхенъ.... «Любитъ? не любитъ?... Любитъ? не любитъ?»... Но тутъ же сейчасъ губы ея стали шептать: «ахъ, пестро! Ахъ, не пестро! Ахъ, пестро»!

XI.

Вечеромъ этого самаго дня, Бармитинова и ея молоденькій другъ Марина сидѣли въ маленькомъ палисадникѣ, который находился при квартирѣ Бармитиновой. На скамейкѣ и на травѣ валялось нѣсколько книгъ и газетъ. Вечеръ былъ августовскій, жаркій, тихій. На небѣ ни облачка.

— Какая ты сегодня хорошенькая, Варя, говорила Марина, глядя на нее и играя концомъ ея пояса: и глаза такіе свѣтлые. Я давно тебя не видѣла такою веселою.

— Что-жъ, очень можетъ быть — я рада, отвѣчала Бармитинова весело.

— А почему ты рада? Что мнѣ не скажешь?

— Я рада, что у меня.... книга пропала....

— Книга пропала? какая книга?

— Книга.... по которой я.... училась, отвѣчала Бармитинова какъ-то загадачно.

— Чему-жъ тутъ радоваться, Варя, что пропала книга? И какая книга? Какъ она называется?

Бармитинова, вмѣсто отвѣта, продекламировала:

Пропала книга! Ужъ была
Совсѣмъ готова—вдругъ пропала!
Богъ съ ней, когда идеѣ зла
Она потворствовать желала!
Читать маранье праздныхъ дуръ
И дураковъ мы недосужны.
Не нужно намъ плохихъ брошюръ,
Намъ нуженъ хлѣбъ, намъ деньги нужны!
Но можетъ быть она была
Честна.... а такъ рѣзка, смѣла....
Двѣ три страницы роковыя....
О, если такъ, ее мнѣ жаль!
И можетъ быть мою печаль
Со мной раздѣлитъ вся Россія.

Она остановилась и задумалась.

— Что съ тобой, Варя? Ты говоришь какими-то загадками.... Сказала, что у нея пропала книга, по которой она училась, а потомъ читаетъ стихи изъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ тоже говорится, что «пропала книга».... Ты зачѣмъ меня мистифируешь, Варя? приставала къ ней Марина.

— Я тебя не мистифирую.... я сегодня же видѣла эту книгу, и нашла, что она пропала.... И сегодня же, можетъ быть, увижу ее

опять.... Я цѣлыхъ десять лѣтъ думала, что она цѣла, а сегодня увидѣла, что она пропала.

— Да не дразни же меня, Варя! Вѣдь я ужъ не маленькая, говорила Марина недовольнымъ тономъ;—ты вѣдь всегда любишь, какъ Гейне, выражаться «языкомъ пророковъ».

— Хорошо, Мариночка, я тебѣ скажу просто: я сегодня видѣла книгу, по которой я десять лѣтъ училась и которой десять лѣтъ не видѣла. Книга эта называется «Григорій Борисовичъ Стожаровъ».

— Что-жъ это такое? Я эту фамилію слышала отъ тебя... Такъ это въ самомъ дѣлѣ книга или человѣкъ?

— Была книга, а теперь человѣкъ, отвѣчала Бармитинова.

Марина совсѣмъ надулась.

— Ну, ну! не сердись, моя маленькая. Я тебѣ все скажу.... Сюда пріѣхалъ одинъ господинъ, съ которымъ я была дружна десять лѣтъ назадъ и который имѣлъ роковое вліяніе на всю мою жизнь. Подъ его вліяніемъ я отказалась отъ общества, отъ замужества, отъ семейныхъ радостей. Подъ его неотразимой логикой (тогда она казалась мнѣ неотразимою) я стала женщиной-дѣятелемъ, то-есть современнымъ монахомъ или если хочешь—«рыцаремъ ордена женскаго труда и женской независимости и равноправности съ мужчиной». Такіе монахи-рыцари, какъ тебѣ извѣстно, существовали вездѣ, какъ крайнее выраженіе увлеченія извѣстной идеей. Были монахи и рыцари идеи христіанства, которые отказывались отъ міра, отъ жизни, отъ семейныхъ радостей, чтобы или служить идеѣ словомъ, или ратовать за нее мечомъ. Отсюда отшельники ѳиваидскіе, печерскіе, афонскіе, а послѣ—крестоносцы, меченосцы, тампліеры и проч. Время подобнаго рыцарства прошло. Теперь настало время соціальныхъ движеній—и вотъ опять явились монахи и въ рыцари пошли или такія женщины, какъ я, которыя, отрицая семью, проповѣдывали свободу женщины и женскій трудъ, и пошли въ артели переплетчицъ, наборщицъ, переводчицъ, телеграфистокъ, въ акушерки, въ доктора, какъ Суслова и Кашеварова, въ учительницы, какъ я, нашедшая свой монастырь и свою Ѳиваиду въ земской школѣ въ Варгунахъ. Современные рыцари—это тоже отрицатели старыхъ порядковъ, тѣ, которые «возстали противъ мертвыхъ» и къ которымъ принадлежалъ мой учитель, моя книга—Стожаровъ. Поняла теперь?

— Начинаю понимать, отвѣчала Марина, и глаза ея блестѣли усиленнымъ, лихорадочнымъ блескомъ.

Она порывисто бросилась на шею къ Бармитиновой: «Говори! говори, Варя! я хочу тебя слушать», шептала она въ волненіи.

— Я почти все сказала.

— Нѣтъ, не все—только начала, и говори же!

— Такъ вотъ, подъ вліяніемъ Стожарова, я поставила вверхъ дномъ всю мою жизнь, я отреклась отъ всѣхъ моихъ прежнихъ вѣрованій: изъ Іерусалима я пошла въ Ѳиваиду—въ Варгуны.

— И онъ теперь здѣсь, этотъ Стожаровъ?

— Здѣсь, сегодня былъ у меня въ школѣ.

— Онъ къ тебѣ пріѣхалъ сюда?

— Не думаю.... А можетъ быть.

И лице Бармитиновой покрылось слабымъ румянцемъ.

— Почему же ты говоришь, Варя, что книга пропала, когда, напротивъ, книга нашлась?

— Нѣтъ, книга пропала, а кажется.... нашелся человѣкъ.

— И ты рада?

— Рада.... Рада и потому, что, кажется, помучу его такъ же, какъ онъ меня мучилъ.

— Чѣмъ, Варя?

— А вотъ чѣмъ: я его заставлю молиться на себя, то-есть на меня.

— Какъ это Варя? Я тебя не понимаю.... Ты все шутишь со мной.

— Нѣтъ, Мариночка, я вовсе не шучу. Онъ всегда проповѣдывалъ, что надо быть послѣдовательнымъ, что человѣкъ измѣняющій своимъ убѣжденіямъ, своему знамени, своему слову—подлецъ.

— Что-жъ, Варя, развѣ ты не того же мнѣнія?

— Того же, и вотъ на этомъ самомъ основаніи я его заставлю молиться на себя по три раза въ день.

— Да какъ же это, говори, Варя, не мучь меня.... Развѣ онъ такъ тебя любитъ?

— Да.... по крайней мѣрѣ онъ говорилъ, что я лучшая дѣвушка, какую онъ когда-либо зналъ, и вѣроятно, лучшаго друга онъ не найдетъ никогда. Но онъ же сказалъ, что прежде чѣмъ намъ же-

ниться, мы должны поработать на другихъ, и что мы не имѣемъ права быть счастливыми до тѣхъ поръ, пока не накормимъ много голодныхъ, пока не дадимъ свободу многимъ заключеннымъ. А иначе, онъ говорилъ, мы будемъ жалкіе и подлые люди... Я исполнила его волю.

— И что-жъ? Теперь женитесь?

— Нѣтъ, не женимся.... Я ему только напомню, что непослѣдовательность и отступничество отъ своихъ убѣжденій—подлость.

— А развѣ онъ отступился отъ своихъ убѣжденій.

— Не знаю. Можетъ быть и нѣтъ, такъ тѣмъ лучше. Когда онъ меня обращалъ въ свою религію, то есть звалъ меня или въ современный скитъ или въ орденъ рыцарей женскаго самостоятельнаго труда, его религіей былъ «позитивизмъ» Огюста Конта и философія Стюарта Милля.

— Что-жъ изъ этого, Варя?

— А то, что я велю ему быть вѣрнымъ своему учителю. Огюстъ Контъ говоритъ, что молитва современнаго человѣка должна относиться къ людямъ же, то есть люди должны поклоняться человѣчеству «въ лицѣ его достойныхъ индивидуальныхъ представителей». Эти люди, которымъ современный человѣкъ долженъ молиться, могутъ быть «живые или умершіе, но во всякомъ случаѣ женщины», потому что женщины, по мнѣнію Конта, «какъ sexe aimant, воплощаютъ въ себѣ самый лучшій атрибутъ человѣческой природы, атрибутъ, который долженъ регулировать всю нашу жизнь», и что даже все человѣчество символически представляется въ лицѣ женщины.

— Что-жъ, Варя, это очень любезно со стороны такого великаго генія, какимъ его называютъ Милль и Льюисъ, замѣтила шутя Марина;—хоть этотъ же Контъ говоритъ, что женщина не должна даже имѣть собственности, а можетъ жить только подачкой отъ мужчины.

— Правда, правда.

— Но вѣдь это дико, Варя... Въ такомъ случаѣ, послѣ этого мы, женщины, должны молиться на мужчинъ, а они всѣ такіе противные, злые, деспоты, не даютъ женщинѣ свободы, а сочинители такъ просто лгунишки: обѣщаютъ намъ и счастье и свободу, а сами не имѣютъ ни того, ни другаго. Вѣдь это, Варя, все равно что

обѣщать шкуру не убитаго медвѣдя. А ты согласна съ противнымъ Контомъ, Варя?

— Постой. Дай досказать, — не забѣгай впередъ.

— Виновата, Варюшечка, — я всегда такая, За это меня и мамаша бранитъ: говоритъ, всю жизнь буду торопиться и рвать платья. А вчера я пришла отъ тебя такая разстроенная, что разбила у мамаши любимую чашку, а папашѣ нечаянно бороду подожгла, когда давала ему огня закурить папиросу. Потомъ весь вечеръ ревѣла... Ахъ, виновата, милая, сказала она, спохватившись; — я все перебиваю тебя... Теперь молчу... Говори же...

И она рукой зажала свой ротъ, а между тѣмъ, глаза ясно говорили, что ей смерть хочется болтать.

— Контъ говоритъ, продолжала Бармитинова, поглядывая на калитку, ведущую на дворъ, что если у мужчины нѣтъ на лице обожаемой женщины, то онъ долженъ обожать хоть умершую, хоть даже просто историческую женщину.

— А я, Варя, знаешь кого такъ обожала.... Рахметова изъ «Что дѣлать».

— А теперь кого же?

— Никого... Всѣ противные... Только болтаютъ, а никто дѣла не дѣлаетъ, а женщина страдаетъ...

Она опять спохватилась, что заболталась, и зажала ротъ рукою.

— Такъ Контъ говоритъ, снова продолжала Бармитинова, видимо занятая другою мыслью, что мужчины должны молиться каждый своей женщинѣ, и каждый можетъ сочинять свою молитву. «Молитва можетъ быть перемѣшена отрывками изъ лучшихъ поэтовъ»...

Марина опять не утерпѣла...

— Я бы изъ Некрасова, вклеила она, и опять зажала ротъ, стараясь удержаться отъ смѣху.

— Такіе обряды Контъ совершалъ въ память своей Клотильды, говоритъ Милль, продолжала Бармитинова; — эти молитвенные обряды должны занимать ежедневно два часа «при вставаньи, въ серединѣ рабочихъ часовъ и передъ сномъ. Первая молитва, совершаемая наколѣняхъ — самая продолжительная, вторая — самая краткая, и вечерняя должна быть доводима до того самаго момента, когда сонъ

сомкнетъ наши глаза, такъ чтобъ ея вліяніе могло отразиться на нашихъ грезахъ».

— Ну, вотъ и я всегда такъ, вставила свое слово Марина;—когда мнѣ мамаша велитъ прочесть всѣ молитвы, я непремѣнно засыпаю. И этому Конту твой Стожаровъ поклонялся? Такъ онъ просто дурачекъ... А я, напротивъ, ненавижу этого Конта, какъ всѣхъ французовъ... Что-жъ ты, Варя, скажешь своему Стожарову?

— Я ему скажу, что Контъ требуетъ *вѣчнаго постоянства* въ чувствѣ: разъ полюбилъ—и баста. Умеръ предметъ страсти—тогда должно быть «вѣчное вдовство»—le veuvage éternel, потому что тотъ, кто пережилъ любимое существо, «долженъ непрерывно воздавать почитаніе тому, который, хотя объективно и умеръ, но живетъ еще субъективно».

— Что-жъ, это хорошо, Варя...

Въ это время на дворѣ послышался голосъ Стожарова, который кого-то спрашивалъ. Бармитинова вспыхнула. За нею вспыхнула и Марина...

— Противный сочинитель, пробормотала она, и, въ одно мгновенье поцѣловавъ Бармитинову, взбѣжала на крылечко, ведущее въ квартиру учительницы.

— Куда ты? кричала ей вслѣдъ Бармитинова.

— Домой—поджигать папашѣ другую половину бороды... Мамаша велѣла, прибавила она, исчезая за дверью.

Бармитинова осталась одна. Сердце ея какъ бы остановилось на минуту, но потомъ опять заколотилось съ утроенною силой, а на языкѣ вертѣлась неотвязчивая фраза:

Пропала книга! Ужъ была
Совсѣмъ готова—вдругъ пропала!

Въ тоже мгновенье отворилась калитка палисадника и на порогѣ показалась фигура Стожарова. Бармитинова встала и пошла къ нему на встрѣчу.

— Здравствуйте, Гамлетъ, сказала она улыбаясь и подавая ему руку.

— Здравствуйте, Офелія, отвѣчалъ онъ, видимо смущенный.

Она провела его къ скамейкѣ и просила садиться. Онъ повиновался какъ будто машинально, но молчалъ. Хозяйка чувствовала на

себѣ всю тягость обязанности—начать разговоръ, но это-то начало и затрудняло ее. Мысль ея перенеслась за десять лѣтъ назадъ, когда слово Стожарова было для нея закономъ, когда суровый студентъ читалъ ей строгія наставленія за всякое неудачно сказанное слово, за все что носило на себѣ печать «рутины», какъ онъ выражался, и это убійственное слово отнимало у нея всякую смѣлость, и она не знала какъ начать. Онъ понялъ, кажется, ея затруднительное положеніе и сказалъ съ улыбкой:

— Начнемте съ того, на чемъ кончили десять лѣтъ назадъ.

Бармитинова вспомнила одну изъ его послѣднихъ фразъ: «кто не работалъ для другихъ, кто не сдѣлалъ десять другихъ счастливыми— тотъ подлецъ», и она спросила его, желая держаться пока на томъ неопредѣленномъ, шутливомъ тонѣ, какимъ привѣтствовала его при встрѣчѣ:

— Гамлетъ, честная ли дѣвушка Офелія?..

— Нѣтъ, пусть Офелія спроситъ, честенъ ли Гамлетъ, отвѣчалъ онъ, но потомъ вдругъ заговорилъ искреннимъ, сердечнымъ тономъ: Варвара Григорьевна! скажите мнѣ откровенно, имѣю ли я право принимать участіе въ вашей судьбѣ я имѣю ли право спрашивать что было съ вами въ продолженіи этихъ десяти лѣтъ?

— Имѣете, если сами не скажете, что потеряли это право... Вы создали меня такою, какою видите... Этого ли вы желали отъ русской дѣвушки и оправдала ли я ваши ожиданія? И желаете ли вы прочесть исторію послѣднихъ десяти лѣтъ моей жизни, мой скорбный листъ?

Острой болью отозвались въ сердцѣ Стожарова послѣднія слова дѣвушки и ему стало стыдно за себя, за то, что его юношескія доктрины, въ которыя онъ самъ вѣровалъ, принесли столько страданій существу, которое, можетъ быть, прошло бы по землѣ счастливо, беззаботно, безъ тяжелаго раздумья, еслибъ не встрѣтилось съ нимъ. Но вѣдь и онъ страдалъ во имя этихъ же доктринъ, вѣдь и въ его жизни лучшіе годы съѣдены этимъ же раздумьемъ, исканіемъ современнаго философскаго камня — прочнаго человѣческаго счастья и человѣческой свободы. А онъ не жалѣетъ о томъ, что не жилъ беззаботно, что не хотѣлъ брать у жизни только то, что она давала, какъ это дѣлаютъ маленькія натуры, а хотѣлъ взять *что*

ему нужно, и искалъ. упорно искалъ заколдованнаго камня, и если не нашелъ самаго камня, то, отыскивая его, нашелъ не мало полезныхъ металловъ. Такъ долженъ ли онъ винить себя за то, что онъ, отнявъ у дѣвушки счастье лягушки или паразита, далъ ей одинъ процентъ человѣческаго счастья и, пожалуй, девяносто девять процентовъ человѣческихъ страданій?

— Это мимолетное раздумье слѣдовало тотчасъ за острой болью въ сердцѣ, и Стожаровъ рѣшилъ, что онъ правъ, потому что дѣйствовалъ честно, потому что, казалось ему, сдѣлалъ паразита способнымъ понимать и человѣческое горе, и человѣческое счастье.

— Скорбный листъ... Зачѣмъ же скорбный листъ? говорилъ онъ медленно, какъ бы вслушиваясь и вникая въ значенье произносимыхъ имъ словъ: скорбный листъ ведется только у постели больнаго... А вы... вы были больны десять лѣтъ назадъ.

Она молчала. Совѣсть Стожарова между тѣмъ не молчала и задала ему новый вопросъ: «Да имѣлъ ли я въ самомъ дѣлѣ право отнимать у нея то, что называютъ блаженнымъ невѣденіемъ!.. Но развѣ невѣденіе блаженно? Оно глупо и пошло... Мало того, невѣденіе—подлость». И на эти вопросы совѣсти его разсудокъ отвѣчалъ: «Да, имѣлъ право, даже больше—это была моя обязанность какъ честнаго человѣка».

— Такъ вы много страдали? спросилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ.

— Да... много.

— И вы жалѣете о томъ, что пошли той дорогой, которой идете, а не остались на той, на которой стояли неподвижно, полныя блаженнаго невѣденія?

— Нѣтъ, я не жалѣю о блаженномъ невѣденіи, отвѣчала она, не поднимая головы;—да и блаженно ли оно, полно?

Въ глазахъ Стожарова блеснуло что-то сильное и гордое.

— Вы отвѣчаете на мою мысль, сказалъ онъ.

— Какъ? Какими словами?

— Я того мнѣнія, что невѣденіе—не блаженно: невѣденіе—это большое зло въ человѣчествѣ.

— Да, вы правы, сказала дѣвушка: и я не желала бы возврата къ невѣденію... Оно глупо и жалко, я это поняла только тогда, когда мы разстались съ вами, сказала дѣвушка.

— Да?.. Въ такомъ случаѣ вы должны были быть счастливы тѣмъ, что мы разстались.

— Нѣтъ, тогда я не чувствовала счастья. Но я помнила ваши слова, и они спасли меня.

— Такъ вы не вините меня за прошлое?

— За что же? Напротивъ, я жалѣю, что вы не руководили меня съ самаго дѣтства: почва была бы воспріимчивѣе и брошенное вами доброе сѣмя все бы взошло, а то иныя сѣмена упали на засохшую уже почву, да на камни и выклеваны птицами. Но что вы дѣлали эти десять лѣтъ? спросила она, глядя ему въ глаза.

— Тесалъ камни для зданія будущности, въ которомъ, впрочемъ жить не буду.

— Отчего же?

— Не доживу. Медленно строится это зданіе. Притомъ, до сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ, откуда начать его строить, сверху или снизу. Люди традиціи утверждаютъ, что надо начинать его строить сверху, съ крыши, и оставить совсѣмъ безъ основанія.

— Какъ же оно будетъ держаться?

— На воздухѣ.

— Такъ отчего-жъ вамъ самимъ не построить этого зданія, безъ помощи людей традиціи?

— Да мы такъ и порѣшили: мы построимъ свое зданіе, начавъ его съ фундамента, куда положилъ цѣльный, грубый гранитъ—народъ. А они тамъ какъ хотятъ съ своимъ зданіемъ: рано ли, поздно ли, къ намъ же придутъ погрѣться и укрыться отъ дождя, когда ихъ гнилое зданіе рухнетъ. Только долго это—вотъ что скучно.

— А знаете что? спросила вдругъ Бармитинова.

— Не знаю, Варвара Григорьевна, пока не скажете.

— Я вѣдь видѣла какъ вы камни тесали.

— А! понимаю, сказалъ онъ: вы читали, вѣрно, то что я печаталъ.

— Да, читала.

— Ну это вы видѣли, значитъ, только пыль отъ тесанья камней да негодные осколки: годные-то камни не всѣмъ показываются.

Дѣвушка задумалась. Ее видимо занимала какая-то мысль, но она не высказывала ее. Взглядъ ея сѣрыхъ лучистыхъ глазъ скользилъ

иногда какъ бы украдкой то по лицу собесѣдника, то по точеной его головѣ, которую онъ обнажилъ, говоря съ дѣвушкой. Взглядъ этотъ видимо изучалъ давно знакомое, но почти забытое лице, и старался разгадать значеніе каждой складки и морщинки на этомъ лицѣ, значеніе нѣсколько кривой улыбки и значеніе всѣхъ тѣней и полутѣней, пробѣгавшихъ по этому лицу. Стожаровъ же, большею частью, если не задумывался, смотрѣлъ прямо въ лице дѣвушки и какъ будто спрашивалъ свою память: «то ли это лице, которое было тогда, и были ли тогда на этомъ лицѣ эти тѣни и полутѣни, въ которыхъ теперь такъ много глубокаго, таинственнаго смысла«?

— А знали ли вы, что это я писалъ то, что вы читали? спросилъ онъ.

— Знала. Другого васъ нѣтъ. Вообще я слѣдила за вами.

Наконецъ она рѣшилась на что-то: это сказалъ блескъ ея глазъ, сразу потемнѣвшихъ.

— А вы слѣдили за мной, какъ обѣщали? спросила она.

Да, слѣдилъ, пока это было можно.... Мнѣ писали, что вы бросили свѣтъ и его пустыя, вредныя приличія, отказались отъ выѣздовъ, которыми наполнена вся жизнь пошлыхъ и безполезныхъ женщинъ, и стали учиться. Зналъ я, что вы вынесли черезъ это много тяжелыхъ сценъ отъ матери, много гадкихъ сплетень отъ прежнихъ знакомыхъ, но вы поставили на своемъ, и я былъ за васъ покоенъ. Потомъ я оставилъ Россію. Что было дальше, я не знаю.

— Дальше начались еще худшія муки, но вмѣстѣ съ тѣмъ я уже начинала сознавать, что побѣда останется на моей сторонѣ, говорила дѣвушка, какъ бы припоминая далекій, смутный сонъ... Мать моя скоро умерла, и это было большимъ ударомъ въ моей жизни. Я осталась одна. Мои опекуны и родственники хотѣли опять втянуть меня въ омутъ пошлой свѣтской жизни, но я выдержала и эту борьбу. Мнѣ говорили, что я должна танцовать, а я отвѣчала, что это удовольствіе дикарей, и если бы я была бушменка, я бы танцовала, а для человѣка образованнаго я считаю это занятіе неприличнымъ и что допускаю пляску только между пьяными. Мнѣ говорили, что я должна наряжаться, а я отвѣчала, что наряды считаю воровствомъ, и притомъ воровствомъ самымъ подлымъ, потому что на наряды воруются деньги, зарабатываемыя бѣднымъ человѣчествомъ

съ помощью пота и крови. Меня хотѣли выдать замужъ за богатаго кавалергарда, а я сказала жениху, что если онъ своими руками выработаетъ въ мѣсяцъ хоть пятьдесятъ рублей, тогда я позволю ему свататься. Онъ не могъ выработать ничего. Но какъ я ему понравилась, то онъ цѣлый мѣсяцъ сидѣлъ надъ переводами, потому что ничего другаго не умѣлъ дѣлать, а переводъ все-таки оказался безграмотнымъ, за него ему ничего не дали въ артели переводчицъ—и я отказала своему претенденту отъ дому.

— Мнѣ объ этомъ писали въ Гейдельбергъ, перебилъ ее Стожаровъ, и я радовался за васъ.

— Потомъ я стала совершеннолѣтняя, продолжала Бармитинова: опека надо мной кончилась, и я могла располагать и собой, и своимъ имуществомъ. Я продала всѣ лишнія платья, всѣ золотыя и серебряныя украшенья, вещицы, бездѣлушки, и тѣмъ дала нѣсколькимъ бѣднымъ дѣвушкамъ возможность учиться. Но я все еще продолжала жить не своимъ трудомъ, а тѣмъ, что мнѣ досталось отъ матери. Это меня страшно мучило. Я не могла сказать себѣ самой, что не только сама себя кормлю, но даю ѣсть и другимъ голоднымъ. Я понимала, что я пока ничѣмъ не доказала, что я выше того кавалергарда, который не могъ заработать пяти рублей въ мѣсяцъ. Я стала искать себѣ работы... О, сколько нравственныхъ пытокъ я вынесла за это время, сколько униженій! И тутъ только я поняла, какъ тяжело бѣднымъ людямъ дается каждая корка хлѣба, каждый лохмотъ, которымъ они прикрываютъ свое тѣло. Я тутъ только пришла къ убѣжденью, что тѣхъ людей, которые тратятъ на пустяки деньги, не ихъ руками заработанныя, а доставшіяся имъ отъ другихъ, хотя бы отъ родителей, слѣдуетъ сажать въ острогъ, ссылать въ Сибирь, клеймить общественнымъ позоромъ. Въ этихъ убѣжденіяхъ я дошла до крайности, до фанатической нетерпимости. Я страшно страдала. Но вѣдь я знала, что, не найдя работы, я все же не буду голодна, потому что я искала работы съ полнымъ кошелькомъ денегъ въ карманѣ и съ кучей кредитныхъ билетовъ въ моемъ старомъ бюро. Но каково же было тѣмъ, которые, не найдя работы, не должны ѣсть, которымъ даже не въ чемъ выйти, чтобъ искать работы!... Тутъ только я вполнѣ оцѣнила ваши святыя слова, мой добрый учитель.

Она протянула Стожарову руку. Тотъ молча поцѣловалъ ее.

— Это первая женская рука, которую я цѣлую въ жизни, сказалъ онъ;—это первая честная рука, которую я знаю.

— О, теперь много такихъ рукъ, отвѣчала Бармитинова; —наше время начинаетъ смывать грязь съ женской руки.

— Но еще долго не смоетъ, замѣтилъ Стожаровъ,—грязь, которая налипала на эту руку вѣками, вѣками и смоется.... Прежде пусть исчезнутъ всѣ руки, до сихъ поръ ничего не дѣлавшія, кромѣ какъ плохо игравшія плохіе вальсы да кадрили, да вышивавшія пастушковъ съ собачками, пусть могильный червь съѣстъ всѣ мозги въ головахъ, какъ въ женскихъ, такъ и въ мужскихъ, которыя никогда не задумывались надъ горькой участью людей голодныхъ, холодныхъ и обиженныхъ; пусть истлѣютъ ихъ сердца, бившіяся только вслѣдствіе животныхъ побужденій ихъ животной природы и никогда не болѣвшія за другихъ—тогда только вновь народившіяся поколѣнія будутъ имѣть право сказать, что смывается вѣковая грязь и съ человѣческихъ рукъ, и съ человѣческихъ мозговъ, и съ человѣческихъ сердецъ, и тогда только люди найдутъ дорогу къ счастью и свободѣ.

Когда онъ говорилъ это, лице его было блѣдно и поблѣднѣвшія губы судорожно подергивались. Видно было, что не разъ приходилось ему произносить эти современныя заклинанья, и всякій разъ онъ произносилъ ихъ съ болью, съ раздраженіемъ. Гладко стриженые волосы на точеной головѣ какъ бы шевелились сами собой, а глаза глядѣли куда-то вдаль, какъ бы посылая заклинанье далекому, невидимому врагу.

— Полно.... Успокойтесь, Григорій Борисовичъ, говорила ласково дѣвушка.—Я рада, что могу васъ видѣть, что вы все такой же, какимъ я васъ давно уважала.

Стожаровъ силился улыбнуться.

— Простите меня.... Я забылъ, что я не въ Женевѣ, гдѣ я спорилъ до обмороковъ, когда мнѣ доказывали, что Россія никогда не будетъ человѣчною страною, что русскій народъ никогда не будетъ счастливъ.... Теперь мнѣ нечего падать въ обморокъ: я съ вами, и вы лучшее доказательство того, что русская женщина еще не погибла совсѣмъ и что Россія не безнадежно больной человѣкъ.

Наконецъ, онъ совсѣмъ овладѣлъ собой и весело прибавилъ: «А что еслибъ старинные люди увидѣли насъ въ эту минуту и узнали, что это говорятъ почти женихъ и невѣста, не видавшіеся десять лѣтъ, — вѣдь они назвали бы насъ помѣшанными, а полиція приняла бы насъ за заговорщиковъ»...

— Не бойтесь полиціи, прервала его Бармитинова:—нашъ становой ко мнѣ неравнодушенъ.

— Ну, такъ я въ опасности тѣмъ болѣе, потому что я его соперникъ.... А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, только у насъ въ Россіи можно встрѣтить, чтобы женихъ съ невѣстой, послѣ десятилѣтней разлуки, говорили объ общественныхъ язвахъ, о спасеніи народа.

— Правда.... Но вѣдь язвы-то эти слишкомъ больно мучатъ насъ: намъ, русскимъ, не до любви пока.... Однако—спохватилась дѣвушка—что-жъ я васъ чаемъ не напою? Вѣдь у насъ въ Варгунахъ тоже чай пьютъ, даже крестьяне.

— Вижу, вижу, какъ вы шагаете впередъ осмимильными шагами.

Въ это время въ палисадникъ вбѣжалъ, весь запыхавшійся и раскраснѣвшійся Кузя Ногинъ и, увидѣвъ «сочинителя», остановился какъ вкопаный.

— Ты что, мой милый? тебѣ меня нужно? спросила Бармитинова.

Мальчикъ переминался съ ноги на ногу и видимо не рѣшался заговорить при «сочинителѣ».

— Что же, говори... Ужъ не поспорилъ ли о чемъ съ казенными?

— Нѣтъ, съ дѣдушкой, отвѣчалъ мальчикъ.

— О чемъ же? спрашивала дѣвушка ласково.

— О потопѣ да о радугѣ.

— Ну, что же? Изъ-за чего споръ?

Мальчикъ взглянулъ косо на «сочинителя».

— Варвара Григорьевна! заговорилъ онъ, — была радуга до потопа?

— Была, отвѣчала Бармитинова.

— А дѣдушка говоритъ, что не была... Онъ говоритъ, что Богъ ее создалъ послѣ потопа и сказалъ, что вотъ вамъ радуга—не бойтесь больше потопа.

— А ты что на это отвѣчалъ дѣдушкѣ?

— Я самъ сдѣлалъ радугу, маленькую только.... Взялъ въ ротъ воды, сталъ спиной къ солнцу, и брызнулъ—радуга и вышла... А

дѣдушка все не вѣритъ... говоритъ, что и ковчегъ теперь видно на Араратѣ.

— Нѣтъ, дѣдушка ошибается: я вамъ это объясняла, въ классѣ.... Замѣчаете, дѣти учатъ стариковъ, сказала она Стожарову, улыбаясь.

Мальчикъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ объясненій, повернулся и убѣжалъ. Слышно было, какъ онъ бормоталъ, бѣгомъ убѣгая по улицѣ: «дѣдушка ошибается... Варвара Григорьевна говоритъ: дѣдушка ошибается... Дѣти учатъ стариковъ»...

— Слышите, бормочетъ: «дѣти учатъ стариковъ»... Какой славный ребенокъ, а все благодаря вамъ, сказалъ Стожаровъ.

Не успѣлъ онъ кончить, какъ на крыльцо, ведущее въ палисадникъ изъ квартиры Бармитиновой, стремглавъ вылетѣла Марина и запыхавшись кричала, не видя, что у хозяйки гость:

— Варя! Варя! не говорила ли я тебѣ, что всѣ сочинители противные хвастунишки...

Увидѣвъ Стожарова, она точно окаменѣла на мѣстѣ, а потомъ присѣла, вся сконфуженная и раскраснѣвшаяся.

— Ну, иди сюда... Что случилось?... Иди же, сказаннаго не воротишь, говорила смѣясь Бармитинова.

Марина робко сошла съ крыльца.

— А вотъ и сочинитель на лице, продолжали Бармитинова;—рекомендую—Григорій Борисовичъ Стожаровъ, а это моя Марина, только не Мнишекъ—заклятой врагъ сочинителей.

— Чѣмъ же они провинились передъ вами, мадемуазель? спрашивалъ Стожаровъ ласково и обращаясь къ Маринѣ какъ къ ребенку.

Марина поглядѣла на Бармитинову и ничего не отвѣчала.

— Что же случилось? спрашивала Бармитинова;—ты влетѣла точно на пожаръ... Или еще чашку разбила?

— Нѣтъ, Варя, отвѣчала она съ какой-то неловкостью,—сейчасъ папаша получилъ «Отечественныя Записки» за іюль, и тамъ я прочла стихи какой-то Ольги Лепко... Женщина, Варя! (и лице Марины просіяло, глаза заискрились).

— Что-жъ изъ того, что «женщина»?

— Да какъ же, Варя? Стихи называются «женскій вопросъ». Я ихъ сейчасъ же почти всѣ выучила наизусть... И вообрази, Варя,

тамъ говорится, что бѣдный ребенокъ, «женскій вопросъ», былъ брошенъ на улицѣ, плакалъ, плакалъ! Никто не хотѣлъ взять ребенка, всѣ отворачивались отъ него... Его поднялъ какой-то публицистъ и свезъ въ «литературный пріютъ»... Литераторы (и Марина косо посмотрѣла на Стожарова) сначала лелѣяли ребенка на рукахъ, но часто водили въ баню, гдѣ его часто чесали, стригли, мыли, а изъ бани онъ возвращался «въ кровь исцарапанный чьей-то рукой»... А потомъ ребенокъ умеръ, понимаешь, Варя, умеръ!... Ольга Лепко говоритъ:

Жажда простора его доканала.
—Душно мнѣ! воздуху, воздуху мало!—
Мальчикъ кричалъ передъ смертью своей,
Тихо кончаясь въ объятьяхъ друзей.
Скоро друзья о малюткѣ забыли.
И—не видать никого на могилѣ.

Вотъ *они* какіе, Варя, заключила она едва переводя духъ и косясь на Стожарова.

— Нѣтъ, мадемуазель, вы ошибаетесь: не *они* а *онѣ*, сказалъ Стожаровъ улыбаясь: еслибъ *онѣ* были похожи на *они*, или еслибъ *онѣ* были все равно что *они* (а это по правиламъ граматики невозможно), то бѣдный ребенокъ, можетъ быть, еще и не умеръ бы, какъ не умеръ его старшій братецъ—«мужской вопросъ»... Не такъ ли, Варвара Григорьевна?...

XII.

Прошло нѣсколько дней послѣ посѣщенія Стожаровымъ и Серпороевымъ земской школы. Стожаровъ отлучился изъ Варгуновъ, чтобы посѣтить нѣкоторыя окрестныя деревни для опредѣленія «крестьянскаго бюджета», равно для опредѣленія размѣра крестьянскихъ заработковъ, и сопоставленія ихъ съ размѣрами казенныхъ и земскихъ сборовъ, и въ тоже время хотѣлъ завернуть въ губернскій городъ, чтобы захватить тамъ, для своихъ соображеній, отчеты земскихъ управъ, и оттуда опять воротиться въ Варгуны.

День былъ пасмурный, такой, какіе бываютъ иногда, когда безсильное лѣто тщетно мѣняется своими растраченными силами съ осенью, которая все болѣе и болѣе, какъ брюзгливая, но характерная старуха, забираетъ въ свои руки хозяйство дома и на всѣхъ наводитъ томящую тоску и уныніе. Солнце выглянетъ изъ облаковъ, пошлетъ свою теплоту и на широкое поле, и на поблеклую зелень лѣса и на смурую Волгу, и опять спрячется, и безсильная теплота его не живитъ уже ни поля, ни поблеклой зелени лѣса, ни смурой поверхности Волги. Зашелеститъ не смѣлый, какой-то порывчатый вѣтерокъ соломенною, дырявою крышею мужика-горемыки, и стихнетъ, и опять зашуркаетъ соломой, какъ бы говоря голосомъ человѣческимъ: «подожди, бѣдная избенка, я нанесу на тебя дождя и холода, я промочу тебя до матицы, заморожу морозомъ цѣпкимъ, побѣлю тебя сѣдиною снѣжною и засыплю вьюгою—мятелями»... Уцѣпится черная, крикливая ворона своими цѣпкими, чешуйчатыми лапками за конекъ высокаго дома, прокаркаетъ какъ бы на вѣтеръ и какъ бы клича, чтобъ воротилось убѣгающее лѣто, и неугомонный вѣтерокъ подобьетъ ей холоду подъ крылья, и ворона летитъ на крестъ колокольни, и каркаетъ тамъ, глядя куда-то далеко, какъ бы выискивая съ высоты своими зоркими глазами, куда-то прячется тепло и солнце, куда-то дѣвалось приволье весны съ свѣжею зеленью и каркающимъ въ зелени вороньемъ, съ тепломъ и молодыми воронятами.

Бармитинова сидитъ одна въ своей квартирѣ, и глаза ея падаютъ то на развернутую передъ ней книгу, то на сѣрое небо, клочокъ котораго виднѣется въ окнѣ и своею смуростью наводитъ пущую тоску на сердце.

«У этихъ людей дѣло прежде чувства, другіе ближе себя, *не я* ближе чѣмъ *я*, чужая рубашка ближе къ ихъ тѣлу», говорила про себя дѣвушка, отрываясь глазами и мыслью и отъ книги и отъ клочка смураго неба.

«Чужая рубашка ближе къ тѣлу—развѣ, впрочемъ, не такой долженъ быть девизъ современнаго человѣка»? хотѣлось думать ей это, но почему-то думалось другое, и губы ея шептали: «бѣдныя, бѣдныя женщины! у насъ никогда не достанетъ этой черствости сердца,

этой великости въ самозабвеніи, которое дастъ такую великость самому дѣлу мужчины»...

А вѣтерокъ все силится запѣть свою осеннюю пѣсенку, чтобы навести большую тоску на людей съ слабою волею, не имѣющихъ внутри себя своего собственнаго лѣта, своего жаркаго солнца и зелени въ живой мысли, въ порывистомъ на дѣло сердцѣ. А солнце все украдкой выглядываетъ узъ-за тучъ, и опять прячется, а ворона все каркаетъ на брюзгливую осень, Волга все хмурится и съ ворчаньемъ бьется о сыпучіе берега.

На дворѣ зазвучалъ мелодическій голосъ Марины, и Бармитинова стала ожидать ее. Марина вошла тихо, съ какою-то несвойственною ей солидностью. Глаза ея видимо были заплаканы, улыбка не освѣщала ея живаго личика.

— Ты что, Мариночка, такая пасмурная, точно это сѣронѣмецкое небо? спросила ее Бармитинова.

— Я вчера и сегодня много плакала, милая, отвѣчала та грустно.

— Что, развѣ прочитала что нибудь о женскомъ уневерситетѣ или завидуешь Кашеваровой, или можетъ быть, цѣлый сервизъ разбила?

— Нѣтъ, Варя, я о Митѣ плакала.

— А что, развѣ умеръ, бѣдный? спросила Бармитинова съ участіемъ.

— Да ужъ лучше бы, кажется, умеръ, чѣмъ такъ мучиться...

— Что нибудь получили объ немъ?

— Нѣтъ... А вчера папаша разбиралъ его книги и бумаги, и нашелъ Митины записки, вродѣ исповѣди передъ самимъ собой... Ахъ Варя, Варя! я чуть сама не помѣшалась, когда папаша читалъ его исповѣдь

— Какая же это исповѣдь, дружочекъ?

— Я сама не знаю что это такое--какія-то записки о себѣ самомъ, о томъ что онъ видѣлъ, что думалъ, какъ страдалъ... Такъ вотъ и видятся, такъ и чувствуется, какъ онъ терялъ разсудокъ, какъ онъ самъ бралъ свой мозгъ руками и бросалъ—ему чудилось—подъ колеса вагона.

— Такъ это онъ писалъ ужъ во время помѣшательства, или до помѣшательства?

— Да въ запискахъ, кажется, находится весь процесъ его постепеннаго помѣшательства... Тутъ есть и то, какъ онъ леталъ, какъ прилетала къ нему птица.

— Такъ и это есть?

— Есть, Варя... Во всѣхъ его словахъ, однако, такъ много правды, что я бы, кажется, или убила сама себя, или съ ума бы тоже сошла, еслибъ такъ все чувствовала, какъ онъ чувствовалъ... Точно горячій свинецъ его слова ложатся на сердце... Нѣтъ, Варя, онъ не сумасшедшій, онъ слишкомъ несчастливъ только, онъ слишкомъ болѣзненно все чувствовалъ... Знаешь, Варя, онъ говоритъ, что самъ вынималъ изъ себя сердце и топталъ его ногами, а оно билось, а потомъ эта птица его клевала...

— Но вѣдь ужъ въ самыхъ этихъ словахъ видна его помѣшанность, ненормальность разсудка и воли, говорила Бармитинова, вставая и привлекая съ себѣ Марину; садись около меня, милая,—ты такъ встревожена, ты такъ воспріимчива—вся въ брата.

Марина сѣла, но по временамъ вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Вонъ какая ты, бѣдненькая! говорила къ ней ласково Бармитинова, обнимая вздрагивавшую дѣвушку,—воспріимчивость-то у тебя съ братомъ, видно, одинаковая.

— Нѣтъ, Варя, я понимаю его, Митю.... Вотъ ты не слышишь отсюда, какъ на кладбищѣ могилу кому-то копаютъ, а я слышу шорохъ лопаты и звукъ отъ паденья земли въ могилу....

— Что ты, Мариночка,—опомнись, ты разстроена.

— Нѣтъ, я видѣла сегодня, какъ тамъ рыли могилу—и теперь все это слышу.... Что-жъ мнѣ дѣлать!... Я понимаю и Митю, какъ онъ бросалъ свою голову на рельсы, подъ колеса вагоновъ.

Бармитинова обняла ее и привлекла къ себѣ...- «Полно, полно» шептала она,—«ты опасная дѣвочка—твоя нервность заразительна». Марина съ жаромъ отвѣчала на ласки Бармитиновой и расплакалась какъ ребенокъ.

— Вотъ они, говорила она сквозь слезы, вынимая изъ кармана сшитые въ тетрадку листики почтовой бумаги и показывая ихъ Бармитиновой;—я взяла показать тебѣ, Варя... Папаша хочетъ послать ихъ доктору, а я не хочу... жаль... Мы вѣдь съ Митей были такъ дружны, онъ такъ любилъ меня, переписывался со мной и всегда

называлъ меня товарищемъ по каѳедрѣ въ будущемъ женскомъ университетѣ.

Бармитинова взяла тетрадку и долго, молча, перелистывала ее»... Какъ тутъ не сойти съ ума, говорила она, задумчиво покачивая головой,—когда онъ не спалъ по нѣсколько ночей сряду и работалъ до галюцинацій, до обмороковъ? Вотъ онъ тутъ пишетъ, что остановилъ часы, чтобъ они не напоминали ему о времени и чтобъ ему хоть ошибкой могло казаться, что «время остановилось и что ему не придется его мѣрять ни днями, ни ночами».

— Нѣтъ, Варя, это еще не все, съ своей стороны говорила Марина;—мнѣ онъ самъ признавался, что еще студентомъ онъ иногда отдавалъ всѣ свои деньги бѣднымъ товарищамъ, а потомъ голодалъ по нѣскольку дней, чтобъ самому испытать то, что испытываютъ многіе.

— Это бы еще ничего, замѣчала Бармитинова, перелистывая тетрадку, но у него, какъ видно, до болѣзненности была развита фантазія, и онъ, можетъ быть, дѣйствительно видѣлъ то, чего другіе не видятъ, и чувствовалъ то, чего менѣе впечатлительное сердце не можетъ чувствовать... Вотъ и ты отчасти такая—вся въ брата. Я понимаю великихъ фантастовъ въ исторіи человѣчества: на основаніи своихъ галюцинацій они дѣлали великія дѣла, ставили вверхъ дномъ и разрушали все, что до нихъ созидали тысячи и миліоны людей. Всѣ великіе люди, всѣ геніи, по нашему обыденному аршину — галюцинаторы, сумасшедшіе люди: эти сумасшедшіе дѣйствительно видѣли то, чего никто другой не видѣлъ. Развѣ не въ припадкахъ падучей болѣзни и не въ галюцинаціи Магометъ видѣлъ то, на чемъ основалъ цѣлую религію, послѣдователей которой едва ли не больше, чѣмъ послѣдователей Христа?

— Да, Варя! онъ былъ, дѣйствительно, припадочный.

— А Лютеръ, заработавшійся въ монастырской кельи надъ переводомъ библіи тоже до обмороковъ, развѣ не въ галюцинаціи бросалъ черпилицей въ черта, и все-таки весь средній міръ и его вѣрованія и его порядки, при своемъ сумасшествіи, перевернулъ на изнанку, хоть и, смѣшно сказать—бросалъ въ черта черпилицей.

— Чернильное пятно, говорятъ, и теперь показываютъ на стѣнѣ.

— Показываютъ—оно цѣло. А Лойола развѣ не такой же былъ

фантастъ и галюцинаторъ? Развѣ своимъ сумасшествіемъ онъ не задержалъ на цѣлыя столѣтія паденіе римской церкви. А развѣ Колумбъ не такой же былъ сумасшедшій, который видѣлъ то, что другіе не видѣли—за тысячи верстъ разглядѣлъ землю, о которой никто до него не зналъ, и упрямо шелъ ее отыскивать.

— Бѣдный, бѣдный Митя! говорила Марина, внимательно слушая свою подругу;—зачѣмъ же онъ погибъ?

— А затѣмъ, что видѣлъ и чувствовалъ то, чего мы своими слѣпыми глазами и грубымъ сердцемъ ни видѣть, ни чувствовать не можемъ. Геніальность всегда граничитъ съ сумасшествіемъ или съ фанатизмомъ. Исторія указываетъ на многихъ великихъ людей, которые или начали свои великія дѣла съ сумасшествія, или кончили сумасшествіемъ.

— Бѣдные! какъ ихъ жаль, почти шопотомъ говорила Марина;—вѣдь и Гейне, больной, говорятъ съ ума сошелъ, и Гоголь умеръ почти сумасшедшимъ, даже о Писаревѣ я читала, что и онъ, послѣ университета, одно время былъ сумасшедшимъ.

— Правда, и Огюстъ Контъ сходилъ съ ума лѣтъ въ тридцать... Для великихъ силъ, для великихъ умовъ и великихъ чувствъ узка, какъ видно, человѣческая рамка, и великія силы ломаютъ эту рамку, выходятъ за предѣлы человѣческой возможности, и нерѣдко погибаютъ сами, или все человѣчество заставляютъ плясать по своей дудкѣ.

— Такъ великіе люди всѣ сумасшедшіе, Варя?

— Всѣ сумасшедшіе съ нашей мѣщанской точки зрѣнія.

— Какъ это странно.

— Да, для мѣщанскаго ума странно.

— А развѣ, Варя, есть мѣщанскій умъ и купеческій?

— Мѣщанскій есть, а купеческаго и дворянскаго нѣтъ.

— Что-жъ это за мѣщанскій умъ?

— Знаешь мѣщанское счастье?

— Знаю—узенькое, пошленькое, тошненькое....

— Вѣрно.... ну, и умъ мѣщанскій—это умишко узенькій, пошленькій, тошненькій, всегда благонамѣренный и всегда осторожный, какъ у нашего судебнаго слѣдователя.

Марина разсмѣялась.

— Меня, однако, интересуетъ эта тетрадка, сказала Бармитинова, не выпуская ее изъ рукъ; — я бы хотѣла ее прочитать. Ты мнѣ позволишь оставить ее у себя на время, Мариночка?

— Нѣтъ, милая, я боюсь, чтобъ ее мамаша не спросила. А если хочешь, прочти ее при мнѣ вслухъ, и я опять охотно послушаю, хоть, можетъ быть, и разревусь.

— Ну, такъ отлично: я буду читать ее вслухъ, а ты слушай. Или ты читай.

— Нѣтъ, читай ты, Варя.

— Я не знаю, гдѣ у нея и начало, говорила Бармитинова, развертывая тетрадку.

— Не это ли, показывала Марина.

Бармитинова, сѣвъ въ глубину дивана, начала читать:

«Сяжу ли я съ открытыми глазами, закрою ли ихъ — передо мной все книги, книги, книги. И огромные фоліанты, и маленькіе томики, книги въ старинныхъ съ золотомъ переплетахъ и въ сухой, пожелтѣвшей кожѣ встаютъ передо мною и не даютъ мнѣ покоя, не даютъ забыться ни сномъ, ни думой. И вижу я въ этихъ книгахъ давно умершихъ людей, мысль которыхъ осталась здѣсь, на землѣ, тогда какъ самихъ мертвецовъ давно положили въ могилы, и давно кости этихъ мертвецовъ гніютъ по кладбищамъ всего міра — и въ монастырскихъ склепахъ, и въ обширной могилѣ миліоновъ умершихъ, на кладбищѣ Лашеза, и по уединеннымъ, всѣми забытымъ кладбищамъ давно не существующихъ городовъ, и въ уединенныхъ, никому невѣдомыхъ могилахъ, и у насъ, на скромномъ волковомъ кладбищѣ, на смоленскомъ.

«Вотъ что осталось послѣ этихъ людей, жившихъ сердцемъ и мыслью, страдавшихъ, бившихся за счастье человѣчества.... Ихъ мысль и чувство приковали къ пожелтѣвшимъ отъ времени листкамъ бумаги, ихъ сердце заковали въ кожаные переплеты и поставили на полки въ публичной библіотекѣ, и вотъ я сейчасъ былъ тамъ, и мнѣ съ полокъ снимали мертвецовъ, и я дерзко заглядывалъ имъ въ глаза, которые уже не блеснутъ живою мыслью, я тревожилъ ихъ мозгъ, ихъ сердце, я качалъ иногда укоризненно головой, читая то, что, можетъ быть, они писали своею кровью, я смѣялся надъ ихъ устарѣлыми идеями, и они не могли мнѣ ничего отвѣ-

чать—они лежатъ въ гробахъ, а сердцемъ ихъ и мыслью распоряжаются дежурные въ публичной библіотекѣ. Таскаютъ солдаты, какъ дрова, на своихъ плечахъ, ставятъ на полки, номеруютъ, вносятъ въ каталоги.

«Приходитъ писарь изъ комисаріата, и вижу, записываетъ на требовательномъ билетѣ: «Сочиненія Добролюбова».

«Вотъ и онъ, думаю, хочетъ своей писарской рукой трепать давно истлѣвшее сердце покойника, рыться у него подъ черепомъ, давить своею грубою рукою самыя больныя язвы умершаго....

«Что-жъ! пусть читаетъ, поучается.... Пусть слушаетъ, какъ тотъ изъ могилы говоритъ: «воздуху, воздуху, воздуху больше»! А воздуху мало, а легкія все болятъ, а кругомъ поголовная спячка, воздухъ все тяжеле и тяжеле становится—и онъ задохся, не вынесъ, бросилъ на полки публичной библіотеки часть своего сердца, часть своихъ думъ, и ушелъ въ могилу....

«А вотъ юноша набралъ цѣлую гору книгъ, занялъ половину стола, и сидитъ не разгибаясь надъ этими книгами цѣлые дни и вечера, пока не ударитъ звонокъ, и матовый свѣтъ лампы падаетъ на матово-блѣдное наклоненное лице юноши, и блѣдно, сухо это молодое лице, какъ блѣдны эти бѣлые, сухіе листы книгъ, которыя онъ читаетъ неустанно, изъ которыхъ выписываетъ.... И кашляетъ этотъ юноша по временамъ.... Дни проходятъ, я все замѣчаю за нимъ—лице его все матовѣе становится....

«Скоро, думается мнѣ, и твое сердце поставятъ на полку, запишутъ въ каталогъ, и будетъ твое сердце съ полки на полку таскать и солдатъ, и дежурный, и писарь, и студентъ, а ты будешь лежать на волковомъ и не будетъ освѣщать тебя матовый свѣтъ лампы, и не будешь ты вздрагивать при звонѣ этого колокольчика.

«А вотъ и дѣвушка пришла сюда, гдѣ на полкахъ стоятъ человѣческія сердца и головы.... Что тебя загнало сюда, на это кладбище человѣческой мысли? нужда, голодъ, боязнь паденія?

«Работай—вонъ и писарь работаетъ.... Такое время настало.

«А блѣдный юноша все кашляетъ надъ горою книгъ, а объемъ записаннаго имъ все увеличивается.... Скоро, скоро поставятъ тебя на полку, за проволочную рѣшетку.... А можетъ быть и не поставятъ—не успѣешь оставить на почетномъ кладбищѣ твою голову и

часть твоего сердца, а попадешь на волковское.... Работай же скорѣй—не успѣешь! Пусть надрывается твоя молодая грудь—вѣдь и у нихъ у всѣхъ надрывалась, и у меня надрывается.

«Тамъ, въ публичной библіотекѣ, сегодня меня мучили грезы наяву... Тихо, тихо кругомъ, только слышенъ шелестъ листовъ, шарканье ногъ по половикамъ, кашель блѣднаго юноши, иногда шопотъ да глухой громъ экипажей на невскомъ, звонки вагоновъ... А тутъ тихо, какъ прилично на почетномъ кладбищѣ... Зачѣмъ это дежурный такъ звякаетъ мѣдными марками по прилавку? Зачѣмъ нарушать тишину святаго мѣста, великаго кладбища?..

«Заработался я сегодня тамъ, на общечеловѣческомъ кладбищѣ... Смѣшно и жалко!—тоже хочу скорѣе попасть въ шкапъ, на полку, за проволочную рѣшетку, чтобъ и меня таскалъ по столу писарь, чтобы и надо мной кашлялъ блѣдный юноша, чтобы и надъ моимъ сердцемъ сидѣла наклоненная головка той дѣвушки, что прошуршала платьемъ, уходя въ женское отдѣленіе...

«Я забылся надъ книгой — и слышу голоса съ полокъ, словно тихій шопотъ мертвецовъ изъ могилъ:—«зачѣмъ вы выставили на показъ наши сердца и головы? Какое вамъ дѣло до того, какъ мы думали, что мы чувствовали, какъ мы страдали и какъ страдалось въ наше время? Наше время прошло и не воротится, какъ и мы не воротимся къ вамъ... Вы не можете и не хотите думать нашей думой, страдать нашимъ страданьемъ... Вы смѣетесь надъ нами—вы много новаго узнали, чего не знали мы. Намъ стыдно передъ вами—мы не могли васъ сдѣлать счастливыми, какъ ни бились, и вы въ правѣ презирать насъ, смѣяться надъ нами, проклинать насъ... Мы ваши отцы, дѣды, предки—вы въ правѣ не уважать насъ: мы жили въ иное время, у насъ были иныя птицы, и наши птицы пѣли иныя пѣсни... Но вѣдь и мы работали, и мы хотѣли и себѣ и вамъ счастья, но мы жили въ худшее время: насъ за слово на кострахъ жгли, въ цѣпяхъ морили, а мы все-таки работали, все искали счастья, добра, свободы. Не смѣйтесь же надъ нами: вы живете въ иное время, и васъ не жгутъ за слово, вамъ даютъ только предостереженія, а насъ безъ предостереженья хватали и сажали...

«Опять дежурный библіотекарь, словно лавочникъ, неосторожно бросаетъ на прилавокъ мѣдную марку, и я вздрагиваю, и блѣдный

юноша вздрагиваетъ, и солдатъ, что заснулъ у двери, просыпается... Его голову не поставятъ на полку, надъ нимъ не будутъ черезъ сотни лѣтъ смѣяться другіе солдаты, не будутъ трогать его сердца ни студентскія, ни писарскія, ни библіотекарскія руки...

«Снова тихо кругомъ, снова я забываюсь надъ книгой, и снова шопотъ на полкахъ:—«Не трогайте меня, снимите меня съ полки, выпустите изъ-за проволочной рѣшетки, отпустите меня на мое кладбище, къ моимъ костямъ... Они давно высохли подъ плитой, на кладбищѣ въ невской лаврѣ... Отпустите меня, не заглядывайте въ мое сердце, подъ мой черепъ... Мнѣ стыдно, мнѣ хотѣлось бы сжечь мою печатную память обо мнѣ, о моихъ дѣлахъ... Я писалъ не по убѣжденію, я лгалъ, доносилъ на честныхъ людей — изъ-за куска хлѣба, а потомъ изъ-за креста, изъ-за ленты... Зачѣмъ же вы меня выставили на позоръ, на оскорбленья, на поруганье? Меня простили современники—всѣ, умирая, простили—меня церковь простила, она за меня, за мою память молилась, а вы приковали меня къ позорному столбу, вы плюете на меня, вы будете вѣчно плевать на меня... Отпустите меня, сожгите мою память, пусть она не будетъ «вѣчною памятью» позора... Я былъ голоденъ, когда написалъ первое подлое слово, мои ноги зябли въ моей холодной конурѣ, мои пальцы примерзали къ карандашу, которымъ я писалъ мое первое подлое слово... Меня не накормили, меня не отогрѣли богатые и сильные, они только сказали:—напиши злое, нечестное слово—и будешь сытъ, мы истопимъ твою печь, накормимъ твоихъ дѣтей.... И я написалъ злое, нечестное слово... Ваше время лучше, у васъ больше тепла и свѣта...

«Больше!.. Гдѣ же больше?.. Опять звякаетъ дежурный своею маркою... И на кладбищѣ нѣтъ покоя, и на кладбищѣ не даютъ прислушаться къ тому что́ говорятъ мертвецы... Это звяканье помѣшало мнѣ дослушать что́ говорилъ шопотъ съ полки... Я пожалуюсь Бычкову на дежурнаго...»

— Кто этотъ Бычковъ, Варя? спросила вдругъ Марина, прерывая чтеніе Бармитиновой.

— Не знаю, милая: должно быть начальникъ публичной библіотеки.

— Ну, читай дальше.

Бармитинова провела рукой по глазамъ, точно силясь стряхнуть съ себя какія-то грезы, и продолжала чтеніе.

«Марки чаще и чаще звякаютъ о прилавокъ, посѣтители одинъ за другимъ расходятся, а съ невскаго все доносится глухой гулъ отъ экипажей...

«Я читаю, и меня опять мучатъ грезы, опять обступаютъ меня тѣни умершихъ, и я слышу стоны на полкахъ:—Вы скоро уйдете отсюда, а насъ оставите во мракѣ, на всю ночь, въ этомъ великомъ склепѣ... Мы устали стоять здѣсь — дайте и намъ воздуха, которымъ вы дышите, дайте и намъ свободы, которой вы наслаждаетесь... Мы жили въ другое время, мы не знали свободы, а все же работали для васъ... Мы дали вамъ все что вы имѣете—и знанія, и свободу слова и печать. Мы освободили илотовъ отъ греческой неволи, мы освободили негровъ, когда наши враги, люди власти, продавали ихъ какъ убойную скотину. Мы ратовали противъ невѣжества среднихъ вѣковъ, противъ деспотизма новаго времени. Мы провели для васъ желѣзныя дороги, дали вамъ телеграфы, научили васъ отстаивать свою свободу словомъ... Все это мы сдѣлали, все мы вамъ отдали, и въ могилу взяли съ собой только саваны, а вы и могилы наши разрушаете, говорите, что мы ничего не сдѣлали для васъ, что вамъ все такъ же приходится плакать и голодать, какъ при насъ люди плакали и голодали... Зачѣмъ же вы приходите сюда — смѣяться надъ нами? Это мы сдѣлали для васъ домъ науки, мы наполнили его всѣмъ тѣмъ, что̀ лучшаго оставило вамъ послѣ себя человѣчество... Что же лучшаго у васъ есть, какъ не то, что̀ мы вамъ оставили? Уничтожьте все, что мы для васъ сдѣлали, сожгите всѣ книги, разрушьте всѣ наши зданія, наши фабрики, наши дороги, и, народивъ дѣтей, не учите ихъ тому, чему мы васъ учили, и они будутъ дикими звѣрями, они будутъ питаться другъ другомъ, они, если вы ихъ не научите языку, который вы отъ насъ наслѣдовали, будутъ выть по-звѣриному... Мы работали для васъ, мы не спали ночей, мы голодали — и вамъ теперь легче живется, и вы умнѣе насъ, а ваши дѣти будутъ умнѣе васъ... Что же у васъ есть лучше того, что мы вамъ оставили?..—Опять звяканье контрмарокъ!..

«Лучше того, *что* вы намъ оставили, у насъ будетъ то, *чего* мы сами добьемся... А добьемся ли?

«Добьемся!..

«Вотъ другая дѣвушка уходитъ. Какое прекрасное, невинное, задумчивое лице. Что она читала? Надъ чѣмъ работала? И ее выгнала сюда нужда, боязнь голода, зависимости? А съ кѣмъ она пойдетъ отсюда въ эту темень? Бѣдная, беззащитная красота! Красота, какъ великій капиталъ, требуетъ крѣпкой охраны, прочныхъ замковъ. Красота, какъ золото—великій соблазнъ, и слабовольный человѣкъ, при видѣ брошеннаго золота, и не желая сдѣлать преступленіе, сдѣлаетъ его, какъ и при видѣ красоты онъ близокъ къ преступленію...

«Работайте бѣдныя, прекрасныя и обиженныя природою женщины! Не спите ночи, не желайте красоты—она-то и держала васъ въ рабствѣ, въ невѣжествѣ, въ цѣпяхъ... Васъ такъ мало на этихъ полкахъ, тогда какъ дѣти ваши, братья, мужья—тутъ, на этихъ полкахъ... Работайте, работайте...

«Утромъ я работалъ въ томъ отдѣленіи, гдѣ бюстъ Вольтера и портретъ кота царевича Алексѣя Михайловича. Зачѣмъ онъ сюда попалъ? Этотъ котъ мнѣ мѣшалъ работать. Такъ и чудилось мнѣ, что онъ говоритъ:—Какъ ничтожна человѣческая слава!.. Нѣтъ у васъ для памяти потомства портретовъ лучшихъ вашихъ дѣятелей, а мой портретъ вы храните, и будете долго хранить, и будете долго унижать моимъ портретомъ память великихъ людей, которыхъ вы забудете, а меня не забудете...

«А отчего нѣтъ портретовъ мышей, которыхъ съѣдалъ этотъ котъ? А портреты наставниковъ Алексѣя Михайловича цѣлы?.. Смѣшно!.. Новгородцы долго хранили палицу Перуна и этой палицей сами себя убивали. Жалкіе, жалкіе люди!»

— Какой это котъ, Варя? спрашивала Марина, прерывая чтеніе подруги.

— Котъ маленькаго царевича Алексѣя Михайловича,—вѣроятно, портретъ его хранится въ публичной библіотекѣ, отвѣчала Бармитинова.

— Смѣшно... Чѣмъ занимаются ученые люди... Вотъ и я сниму портретъ со своего Дарвина.

— Съ какого Дарвина?

— Мой котъ... Его папаша назвалъ Дарвиномъ, потому что онъ пожираетъ мышей въ борьбѣ за существованіе.

Бармитинова улыбнулась на это и продолжала читать.

«Я перестану ходить въ публичную библіотеку. Тамъ меня начинаютъ мучить грезы и видѣнія. Но грезы ли это? Не я ли самъ, не моя ли мысль выводитъ изъ гробовъ всѣ эти тѣни? Я начинаю недовѣрять моему собственному воображенію, потому что оно способно убить мой разсудокъ.

«Когда я зажалъ уши, чтобъ не слышать шопота съ полокъ, чтобъ жалобы мертвецовъ не мѣшали мнѣ работать и думать, ко мнѣ на плечо кто-то положилъ руку. Я вздрогнулъ, оглянулся, но никого не было. Я опять сталъ думать, и слышу шопотъ у моего уха:

— «Зачѣмъ вы меня забыли, когда помните кота Алексѣя Михайловича?

— «А кто ты?

— «Я слѣпой Иринархъ Введенскій.

— «Но ты давно умеръ.

— «Да, давно умеръ, но не такъ давно, чтобы можно было меня забыть, а вы меня забыли.

— «Зачѣмъ же ты пришелъ сюда?

— «Я хочу знать, что сталось съ моими учениками, гдѣ мои ученики.

— «А кто твои ученики?

«Онъ сталъ мнѣ ихъ называть по именамъ.

— «Этотъ въ Сибири, говорю я.

— «Какой былъ даровитый юноша, какъ я много ждалъ отъ него... А этотъ?

— «Умеръ гдѣ-то.

— «А этотъ!

— «Умеръ здѣсь, въ Петербургѣ.

— «Всѣ умерли?..

— «Нѣтъ, живутъ нѣкоторые, но замолчали... Теперь народились новыя силы и новаго слова отъ нихъ ждетъ Россія.

— «А меня забыли и моихъ учениковъ забываете?

— «Забываемъ... Мы помнимъ только то, что дѣйствуетъ: мерт-

вецовъ мы забываемъ — намъ некогда помнить то, что далеко отъ насъ.

— «А что сдѣлали ваши новыя силы?

— «Спроси у народа, спроси у страны, прислушайся твоимъ мертвымъ ухомъ ко вздоху народа, ко вздоху всей страны—такъ ли онъ глубокъ и тяжелъ, какъ былъ прежде?

— «Мое мертвое ухо слышитъ глубокіе вздохи...

«Опять брякакье мѣдной контрмарки — мои грезы отлетѣли отъ меня...

«И снова тихо кругомъ, и снова я слышу только шорохъ бумаги, изрѣдка вздохъ, скрипъ пера.... А тамъ опять шопотъ на полкахъ: «работайте, работайте, неустанно работайте! Не вѣрьте отживающимъ поколѣніямъ, которыя говорятъ, что вредна ваша работа, что безполезно ваше надрыванье груди надъ этою работою, что сидя надъ бумагою и книгою, не осушите вы слезъ, невидимыхъ вамъ, которыя льются у людей и во мракѣ ночи, и при блескѣ солнца, что не заглушить вамъ глубокаго вздоха чужой боли и чужаго горя.... Не вѣрьте — и работайте: осушатся этою работою людскія слезы, заглушатся глубокіе вздохи чужой боли и чужаго горя... Пускай кругомъ васъ царствуетъ и злоба, и равнодушіе, и глубокій сонъ людской, пусть ненавидятъ васъ за вашу работу, смѣются надъ вами, преслѣдуютъ васъ,—а вы все работайте, не разгибаясь работайте!... Работою вы побѣдите міръ»...

«И мы работаемъ подъ этотъ шопотъ, и блѣдный юноша не разгибаясь работаетъ, и писарь работаетъ, и офицеръ работаетъ, и дѣвушка работаетъ.... А чуткое ухо старается прислушаться къ звукамъ другой жизни—и слышится веселый смѣхъ людской, доносятся отголоски животной жизни человѣка не работающаго, не думающаго, и отголоски эти заглушаются людскими стонами и хочется спросить—чего больше? людскаго смѣха или людскихъ стоновъ»?...

Бармитинова прервала чтеніе и сидѣла неподвижно, задумчиво Марина сидѣла съ ней рядомъ, прижавшись головой къ ея плечу и какъ бы продолжая слушать умолкнувшее чтеніе.

— Да, это болѣзнь нашего времени, это же его и сила, сказала Бармитинова, точно отвѣчая на свою собственную мысль; — и не

ужели же умственный трудъ не побѣдитъ міръ? Не ужели же слово человѣческое не спасетъ всего человѣчества?

— Какъ страшно, Варя! А если и я съ ума сойду?

— Не бойся. Я не думаю, чтобъ тебя ожидали такія же страданія, какія довели твоего брата до настоящаго его нравственнаго состоянія.

— Бѣдный Митя!

Бармитинова встала, подошла къ окну, какъ бы желая отогнать отъ себя давившую ее мысль, но ни смурое небо, ни грязно-сѣрая поверхность Волги не могли дать живительныхъ впечатлѣній.

— Нѣтъ, лучше опять читать, сказала она, отворачиваясь отъ окна: — ни тамъ, ни тутъ не весело.

— И мнѣ, Варя, скучно.

Слезы брызнули изъ глазъ дѣвушки, и она, припавъ головой къ груди Бармитиновой, говорила: «Отчего же такъ гадко жить людямъ? И отъ кого это зависитъ, Варя, чтобъ было лучше?

— Отъ людей же, милая... Ну полно, перестань плакать...

— Читай, читай, Варя, тогда я, можетъ быть, буду думать о Митѣ, когда онъ еще не былъ.... больной.

Бармитинова опять сѣла въ уголъ дивана, и положивъ къ себѣ на колѣни голову Марины и гладя рукою ея волосы, начала снова читать.

«Работать, работать, работать!.. Какое злое, безсмыслонное слово... Развѣ люди мало работали, развѣ не вся жизнь человѣчества—безконечная, седмидневная барщина! А что оно выработало, чѣмъ себя обезпечило отъ случайностей нужды, голода? Хочетъ заработать оброкъ какому-то невидимому, жестокому помѣщику,—а оброкъ все не заработанъ, а недоимка все растетъ, а барщина все прибавляется.

«Развѣ мало поработало человѣчество на своемъ вѣку съ тѣхъ поръ, какъ оно очутилось въ рукахъ у помѣщика—нужды и насилія? Развѣ египтяне не миліоны рабочихъ головъ положили въ основаніе своихъ пирамидъ, развѣ не вырывали они въ пустынѣ глубокихъ морей и не наполняли ихъ водою по прихоти своихъ повелителей? Развѣ не гибли тысячами эти вѣчные рабочіе, а чего добились? Добились того, что еще крѣпче желѣзныя цѣпи въѣдались въ ихъ рабочія руки и ноги. Развѣ въ Вавилонѣ мало работали? А что

стало изъ ихъ работы, занесенной пескомъ вмѣстѣ съ сухими костями рабочихъ? А мало ли работали римляне, и что вышло изъ ихъ работы?

«И муравьи работаютъ все лѣто неустанно, а добились ли они своею работою хоть того, чтобъ человѣкъ и звѣрь не давили ихъ своею ногою?

« И Гудова швея работала неустанно, работала надъ безконечною работою до слѣпоты, и теперь продолжаетъ работать ея дочь, и внука, миліоны швей работаютъ, и слѣпнутъ, не заработавъ себѣ даже покойной постели на случай смертной болѣзни. И работаетъ мужикъ отъ зари до зари, и печется на солнцѣ его разбитая работою спина, и коченѣютъ руки, когда онъ въ безконечную зимнюю ночь тащится за обозомъ и помогаетъ везти чужой хлѣбъ своей заработавшейся пѣгашкѣ, работаетъ много, не покладая рукъ, и все не выбьется изъ недоимки, умираетъ въ числѣ недоимочныхъ и дѣтей рождаетъ недоимочныхъ. А дѣти, и внуки, и правнуки въ свою очередь будутъ работать, работать, работать...

«Но есть и такіе, которые не работаютъ, но на которыхъ работаютъ эти миліоны... И неужели одни будутъ вѣчно работать на другихъ, какъ до сихъ поръ работали?

«И мы всѣ работаемъ, и этотъ блѣдный юноша работаетъ, и эта дѣвушка работаетъ—красота работаетъ на безобразіе, геній работаетъ на идіота, миліоны работаютъ на сотни...

«Но когда же благодарною будетъ наша безконечная работа?

«Работа... Подлое слово, позорное слово, и глубоко обиженъ ею этимологическій, логическій и историческій смыслъ: изъ одного корня съ *рабомъ* выросла *работа*...

«Неужели же и *наша* работа безполезна, и работа блѣднаго юноши безполезна»?

Бармитинова остановилась. «Марина спала у нея на колѣняхъ.

— Бѣдная дѣвочка... Наплакалась, заснула...

Д. Мордовцевъ.

(*Продолженіе будетъ*)

XIII.

Бармитинова не желала потревожить сонъ своей любимицы, и потому, переставъ читать, продолжала сидѣть неподвижно, иногда поглядывая на клочокъ сѣраго неба, виднѣвшагося въ окнѣ.

Чтеніе, само собою разумѣется, не могло подѣйствовать на нее успокоительно, а, напротивъ, настроивало воображеніе такъ безотрадно, что ей самой хотѣлось плакать. Въ ея головѣ засѣлъ гвоздемъ послѣдній вопросъ сумасшедшаго: «неужели же и наша работа безполезна»? и какъ отъ кошмара, она хотѣла отдѣлаться отъ этого вопроса, но онъ засѣлъ гдѣ-то тамъ, глубоко, въ нервахъ, въ мозгу, и ей хотѣлось отвѣчать отрицаніемъ на этотъ безотрадный вопросъ, но сомнѣніе брало верхъ, и вопросъ снова мучилъ ее, мучилъ, какъ горячечная греза. «Можетъ быть, Стожаровъ разрѣшилъ бы этотъ вопросъ», думалось ей; но Стожарова не было съ ней, и ей хотѣлось бы убѣжать отъ этого вопроса или найти отвѣтъ на него въ ея прежнихъ вѣрованіяхъ.

Ей стало страшно. Ей вдругъ представилось, что въ этотъ ужасный, нервный вѣкъ, когда до такой напряженности дошла человѣческая мысль, такъ легко сойти съ ума, и что ее самое можетъ вдругъ покинуть воля и разсудокъ, что Стожаровъ найдетъ ее безумною... Какъ гальваническій токъ пробѣжала по ней эта мысль—и она вздрогнула.

Марина проснулась.

— Гдѣ я? Что со мной? говорила дѣвушка съ испугомъ.

— Ты у меня, у Вари, на колѣняхъ... Ты уснула, бѣдненькая дѣвочка.

— Да, Варя... А мнѣ казалось, я слушаю... Я видѣла брата...

— Во снѣ?

— Нѣтъ, кажется, на яву... Онъ приходилъ сюда и говорилъ: «работайте, работайте»... А когда ты, Варя, сказала ему, что наша работа безполезна, онъ сказалъ: «надо знать, *какая* работа»... А потомъ онъ улетѣлъ, какъ птица.

— Ты все это, милая, во снѣ видѣла.

— Такъ развѣ не все равно что во снѣ, что на яву? Вѣдь я же видѣла.

— По моему, не все равно.

— А по моему все равно.... Когда я о чемъ нибудь плачу во снѣ, такъ я плачу и послѣ, когда проснусь—непремѣнно доплачу. За это меня мамаша всегда бранитъ. Вчера я видѣла во снѣ, что тебя противный Стожаровъ увезъ съ собой. Я проснулась—и ну плакать. «Ты о чемъ»? спрашиваетъ мамаша, а я не могу удержаться—плачу, плачу. «Вѣрно во снѣ что нибудь видѣла», говоритъ мамаша: «вотъ полоумная»! А у меня слезы такъ и льются. «Уѣхала, говорю, и не пріѣдетъ». А когда выплакалась, легче стало.

— Какой ты, Мариночка, ребенокъ... Видно, что у тебя не было дѣйствительнаго горя.

— Какъ не было, Варя? Мало я плачу! Да развѣ не все равно, какое-бъ ни было горе—боль вѣдь одна и слезы тѣ же.

— Ты права, впрочемъ... Дѣйствительно ли твой братъ говорилъ въ публичной библіотекѣ съ умершимъ Иринархомъ Введенскимъ или нѣтъ, дѣйствительно ли къ нему летаетъ какая-то птица или нѣтъ—для него все равно: *онъ* убѣжденъ, что говорилъ съ Введенскимъ, *онъ* видитъ птицу, *онъ* летаетъ, а этого достаточно было, чтобъ страдать и сойти съ ума.

Между тѣмъ вѣтеръ на дворѣ крѣпчалъ все болѣе и болѣе, поверхность Волги изъ сѣрой превращалась въ бурую съ бѣловатыми гривами валовъ, и тучи гнало по небу отъ южной поволины горизонта къ сѣверной съ такою быстротою, какъ будто они старались скорѣе и безъ оглядки перебѣжать это смурое небо, такое печальное и непривѣтливое, чтобъ скрыться за такими же смурыми и непривѣтливыми горами. Растерявшіяся галки метались по небу и противъ вѣтра и за вѣтромъ, какъ будто и для нихъ была нелюба эта картина и они выискивали голубаго клочка неба и теплой затиши, и теплаго солнца. Но не находилось ни голубаго неба, ни теплой затиши, ни теплаго солнца—все было унесено вѣтромъ за смурыя горы праваго заволжья, и осталась только мутная Волга съ бѣловатыми гривами валовъ, да тучи, гнавшіяся одна за другою.

— Слышишь, Варя, пѣніе? Вѣрно хоронить несутъ покойника, говорила Марина, подходя къ окну.

— Нѣтъ, не слышу, милая... Кого же теперь станутъ хоронить.

— Я слышу... Какое странное пѣніе...

Бармитинова тоже подошла къ окну и прислушивалась. Издали откуда-то дѣйствительно слышалось пѣніе, которое-то наносилось вѣтромъ, то относилось вдаль и какъ бы смолкало.

— Чтобы это было такое, я понять не могу... И я слышу пѣніе, но это не пѣсня.

— Это хоронятъ лѣто, Варя... Слышишь, вѣтеръ плачетъ, -- и ему жаль теплаго лѣта.

— Полно, Мариночка! Не давай волю твоей разнузданной фантазіи—ты вся въ братца.

— Что-жъ, Варя—развѣ ты не слышишь сама?

— Слышу, да только не то что ты...

— А что-жъ ты слышишь?

Въ порывахъ вѣтра человѣческіе голоса становились все явственнѣе и явственнѣе. Звуки приближались и становились отчетливѣе. Бармитинова открыла окно на улицу и перегнулась черезъ подоконникъ.

— Вонъ кто поетъ... Я вижу ихъ.

— Кто же, Варя?

— Калѣки перехожіе.

— Какіе калѣки?

— Нищіе... А какое торжественное пѣніе... Слушай, Мариночка.

По улицѣ дѣйствительно шли калѣки перехожіе, которыхъ теперь рѣдко можно встрѣтить въ городахъ. Впереди выступалъ мальчикъ лѣтъ десяти, съ открытою головою, съ которой бѣлые волосы безпорядочными прядями падали на его дѣтское, загорѣлое, миловидное личико. Въ одной рукѣ онъ держалъ старую, измятую шляпу, а въ другой длинную палку, которая была длиннѣе всего его дѣтскаго тѣла. На изорванной рубашенкѣ крестъ—на крестѣ висѣла сумка, а босыя ноги были грязны и черны какъ та земля, по которой онѣ ступали. За мальчикомъ, положивъ руку на его плечо, шелъ слѣпой нищій, по видимому весь сосредоточенный на мысли, которая его занимала и присутствіе которой отражалось на его лбу, высокомъ, за-

горѣломъ и морщинистомъ. Голова его также не была ничѣмъ прикрыта и растрепавшіеся волосы свободно повиновались вѣтру, который бросалъ ихъ то на слѣпые и безжизненные глаза калѣки, то на виски, то на затылокъ. Грудь его также была перекрещена бѣлыми суконными тесьмами, на которыхъ висѣли сумки. За этимъ вторымъ калѣкой шелъ третій, положивъ одну руку на его плечо, а другою опираясь на длинную палку. Вся мысль этого послѣдняго, по видимому, сосредоточена была на спинѣ слѣпаго товарища, потому что глаза его никуда не глядѣли, между тѣмъ какъ лице выражало глубокое вниманіе, съ которымъ онъ слѣдилъ за пѣніемъ товарища и вторилъ ему сильными, грудными нотами.

Ихъ-то пѣніе принято было Мариною за похоронные напѣвы, потому что въ самой мелодіи и манерѣ пѣнья слышалось что-то солидное и торжественное.

И вотъ въ растворенное окно несется странная, тоскливая, но имѣющая свою прелесть нищенская кантата, и широкая грудь послѣдняго калѣки явственно выговариваетъ:

А есть у богата брата два лютые пса,
Подъ стольемъ они, лютые псы, похаживаютъ,
Обронныя крошечки собирываютъ,
Къ убогому Лазарю принашиваютъ,
Убогаго Лазаря тѣми крохами пропитываютъ,
Во гноищѣ его раночки зализываютъ...

Какъ колокольчикъ звучитъ свѣжій голосокъ маленькаго нищаго и выговариваетъ тѣже печальныя слова...

— Вотъ мы всѣ такъ утѣшаемъ себя, какъ эти нищіе, говоритъ Бармитинова, грустно улыбаясь.

— Чѣмъ мы утѣшаемъ себя, Варя? спрашиваетъ Марина, не отрывая глазъ отъ группы калѣкъ перехожихъ.

— За неимѣніемъ своего куска, нищіе рисуютъ передъ богатыми картину блаженства, которое ожидаетъ нищаго на томъ свѣтѣ... Тяжела была бы и безотрадна жизнь такихъ какъ они горемыкъ, еслибъ они не услаждали себя созданіями собственной фантазіи: у нихъ нѣтъ хлѣба, за то у нихъ есть будущее, у нихъ нѣтъ ни кола, ни двора, за то въ ихъ распоряженіи цѣлый рай, и сидятъ они въ томъ раю рядомъ съ «Обраміемъ», и вмѣсто тѣхъ корокъ и обронныхъ кро-

шекъ, которыми ихъ питали лютые псы, ѣдятъ они яства сахарныя. Только богатые не прельщаются, кажется, картиною рая, которую рисуютъ нищіе, и ни одинъ богачъ не пошелъ охотно въ нищіе... Такъ и мы себя утѣшаемъ пѣснью о Лазарѣ.

— Какою пѣснью, Варя?

— Мало ли у насъ пѣсенъ! Утѣшаемъ мы себя и пѣснью о «женскомъ трудѣ», какъ калѣки перехожіе утѣшаются пѣснью о богатомъ и убогомъ Лазарѣ.

— Ахъ, да, Варя, твоя правда.

— Утѣшаемъ мы себя и пѣснью о свободѣ слова, и пѣснью о поднятіи уровня народнаго образованія... Нѣтъ у дѣятелей слова ни кола, ни двора, за то весь міръ въ ихъ распоряженіи, нѣтъ у нихъ ценза, за то въ ихъ распоряженіи богатая фантазія, рѣзкое слово, наука, искуство. Вмѣсто власти, вмѣсто чиновъ, у нихъ есть перо и чернилица, и этимъ перомъ и чернилицей они надѣются завоевать весь міръ, они предписываютъ уже законы міру. Ихъ могучаго слова боятся богатые и сильные, какъ слушающій Лазаря мужикъ боится ада. Да, современный адъ не тотъ уже, что былъ прежде, и онъ страшнѣе того ада, о которомъ поютъ калѣки перехожіе. Этого ада боится даже Наполеонъ, котораго папа не могъ бы запугать ни чистилищемъ, ни самымъ адомъ. Да, новый адъ страшнѣе ада древняго.

— Какой же новый адъ, Варя?

— Печатное слово, которое является представителемъ и науки, и общественнаго мнѣнія.

А калѣки перехожіе стояли между тѣмъ посреди улицы, противъ оконъ Бармитиновой, и пѣли:

Охочъ былъ богачъ Лазарь пиры пировать,
Охочъ былъ богачъ Лазарь торгомъ торговать,
Охочъ былъ богачъ Лазарь проклажатися,
Охочъ былъ богачъ Лазарь похвалятися...

— Варя! позови ихъ сюда—послушаемъ что они поютъ, чтó говорятъ, говорила Марина, заинтересованная калѣками перехожими.

— Я сама думала объ этомъ.

Бармитинова знàкомъ подозвала маленькаго нищаго, который, оставивъ слѣпыхъ, подбѣжалъ къ окну. Слѣпые остались среди улицы,

какъ растерянные. Рука передняго слѣпца, лежавшая на плечѣ мальчика, осталась протянутою и какъ бы искали чего-то въ воздухѣ. Второй слѣпецъ стоялъ рядомъ съ нимъ, держась рукою за суму товарища.

— Послушай, милый, позови ихъ сюда... Вы у насъ отдохнете, говорила Бармитинова маленькому повадырю.

Повадырь бросился къ слѣпцамъ и провелъ ихъ на дворъ къ Бармитиновой. Со двора ихъ провели въ комнату. Маленькій повадырь поставилъ ихъ такъ у порога, что слѣпцы могли помолиться по направленію къ переднему углу. Они видимо прислушивались своимъ чуткимъ слухомъ, который замѣнялъ имъ зрѣніе, и съ помощью одного слуха какъ бы старались оріентироваться въ невѣдомой для нихъ мѣстности.

— Господи Исусе христе сыне божій, помилуй насъ! Миръ дому сему, сказали они скороговоркой, въ одинъ голосъ.

— Здравствуйте, добрые люди, отвѣчала Бармитинова.

— Спаси васъ господь на добромъ словѣ, сказали нищіе, видимо ободренные тѣмъ, что услышали женскій, ласковый голосъ.

— Садитесь у меня, отдохните.

— Спасибо вамъ, матушка... Наши ноги ходьбою да стойбою живутъ и насъ слѣпыхъ калѣкъ кормятъ.

— Присядьте, вы устали, много ходили.

— До царствія небеснаго, матушка, дорога не близкая: ногамъ не устать—и въ царствіи не бывать... Хоша бы желѣзные на насъ лапотки были, и тѣ бы, ходячи къ царствію небесному, притопталися... А нашимъ грѣшнымъ ногамъ, матушка, не до устали...

Тѣмъ не менѣе, Бармитинова пододвинула къ нимъ стулья, и усадила ихъ. Маленькій повадырь стоялъ около старшаго изъ калѣкъ и глаза его съ величайшимъ любопытствомъ останавливались на всемъ, что находилось въ комнатѣ—и на портретахъ, которые висѣли на стѣнахъ, и на книгахъ, разбросанныхъ по столу, и на раскрытомъ ройялѣ и на бездѣлушкахъ, разставленныхъ на этажеркѣ. Марина также съ большимъ любопытствомъ поглядывала на нищихъ и на цыпочкахъ подходила къ нимъ то съ той, то съ другой стороны, заглядывая въ ихъ слѣпые глаза и перенося потомъ свое любопытство на мальчика.

— Какой онъ маленькій и худенькій, говорила Марина жалостно... И ты, мальчикъ, не боишься собакъ? спрашивала она его.

— А у меня палка... Дядя Липатъ мнѣ выстругалъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Собакъ бояться, матушка, и по міру не ходить, сказалъ старшій калѣка наставительно: а собаки, знамо, нашей братьи, нищимъ, недруги... Собака умна, знаетъ кто съ нея оброкъ беретъ, того и не жалуетъ: иную краюху собака бы, може, съѣла, а пришелъ нищій—нищему отдали: потому нашего брата собака и не любитъ — хлѣбъ уже, значитъ, отбиваемъ...

Больно было Бармитиновой слышать эти слова, потому что она понимала и глубокій, обидный для человѣчества смыслъ ихъ, и глубокую, хоть можетъ быть невольную, но горькую иронію надъ людскими порядками.

— Меня въ воскресенье собака за лытку укусила и калачъ отняла, заговорилъ мальчикъ, припоминая трагическое происшествіе, какъ у него собака выброшенный подъ окномъ хлѣбъ отнимала—а калачъ былъ бѣлый.

— И ты плакалъ?

— Плакалъ... больно было... А мнѣ за то дали копѣечку.

Слѣпые сидѣли молча, опустивъ головы. Они не знали, чего отъ нихъ хотятъ господа, а сидѣть, какъ въ гостяхъ, имъ казалось неловкимъ и стѣснительнымъ. Бармитинова тоже не знала какъ начать съ ними разговоръ и какъ перейти къ тому, что ее интересовало, а потому и рѣшилась заговорить о пѣніи.

— Вы пѣли, кажется, про Лазаря? спросила она.

— Про Лазаря, кормилицы.

— А кто васъ училъ этому пѣнію?

— Учили насъ, матушка, наши очи темныя, да думы горькія... У нужды, матушка, кормилица, и голосъ звонокъ, и слово складное: нужда и безъ очей видитъ, и безъ ушей слышитъ.

— А вы отъ роду слѣпые?

— Отъ роду, кормилица: не знаемъ мы отъ рожденія какой-такой лазоревый и алый цвѣтъ, какое оно солнце красное, каковы онѣ ночи темныя; не видали мы, матушка, ни лѣсу зеленаго, ни неба голубова... Не знаемъ мы, сударыня, каково оно млеко матернее бѣ-

лое, что вскормило насъ на житье тяжкое... А матери-то, сказываютъ, и у насъ были.

— А этотъ мальчикъ родня вамъ?

— Чужой, кормилица... Породнила насъ нужда горькая да доля сиротская: нихто не бралъ мальца на прокормъ, ну и взяли мы его къ себѣ, и сѣрою корочкою вскормили да водою студенною вспоили. И сталъ намъ малецъ замѣсто глазъ нашихъ незрячихъ: водитъ онъ насъ малыми ногами до устали, глядитъ за насъ зрячими глазами на божье небо да на церкви святыя, и коли сказалъ, что-де «церковь» мы молимся, коли сказалъ «господа», мы кланяемся, коли видитъ тучи грозныя—мы хоронимся. А допрежь сего, какъ былъ онъ еще поменѣ, мы носили его въ сумѣ за плечами, и изъ сумы онъ намъ дорогу показывалъ... Ину пору такъ и уснетъ въ сумѣ.

Жаль стало Маринѣ мальчика, для котораго нищенская сума была колыбелью, и она сунула ему въ руку серебряную монету, которую отыскала у себя въ карманѣ. Она не могла себѣ представить, какъ это можно было вырастить ребенка въ сумѣ; чтобы въ этой сумѣ онъ и спалъ, и игралъ свои дѣтскія игры. Но какія дѣтскія игры могутъ быть у маленькаго нищаго, для котораго весь міръ — дырявая сума, а вмѣсто игрушекъ и лакомствъ—подаянныя корки?

— А родомъ вы откуда? Издалека? спросила Бармитинова.

— Издалека, родимая. Пять разъ за дорогу приставалъ нашъ малецъ да прихварывалъ, ну и несемъ его на рукахъ, пока рѣзвы ноженьки служить ему отказываются. А глазами-то смотри, да дорогу намъ показывай... Ину пору уснетъ—знамо, дитя малое—жаль станетъ, не будимъ его, а сами средь дороги и останемся, ступить боимся: такъ бывало положимъ его къ сторонѣ, сядемъ около него и ждемъ, покуль проснется, или силишки наберется... Сухоты-то намъ не мало съ нашими глазами зрячими.

А малецъ сидитъ, какъ будто и не объ немъ рѣчь, да босыми ногами болтаетъ, благо ноги не достаютъ до полу.

— А сторона у васъ убогая, должно быть? спрашиваютъ нищихъ.

— Убогая, кормилица, не то что ваша. Земля скудная, да и той мало; такъ мужику и нечѣмъ взяться... Бьется, бьется осень да зиму, а къ веснѣ и по міру итти такъ въ пору... Хлѣбушка нѣтъ, кору всю на деревѣ словно зайцы подгрызутъ, а тамъ и начнетъ

пухнуть народъ, и мретъ старый и малый. Подъ ино окошко подойдешь за христовымъ подаяніемъ, такъ тебѣ и скажутъ: «може вамъ богъ подастъ, а намъ не даетъ—не погнѣвайтесь»... Какой тутъ гнѣвъ, коли народъ пухнетъ съ голоду? Вотъ и прослышали мы про вашу сторону богатую, и пришли кормиться... Награди васъ господь, народъ у васъ милостивый—собаками не травитъ нищую братію.

— А развѣ есть такіе, что и травятъ?

— Всяко бываетъ... Съ голоду человѣкъ чего не дѣлаетъ!... Сытая мать дѣтище собой кормитъ, а голодная своимъ дѣтищемъ кормится—и такіе случаи, матушка, бывали.

— Тетка Арина Акульку съѣла, вдругъ залепеталъ маленькій нищій, по видимому, вовсе не слушавшій разговора, а болѣе занятой разсматриваніемъ монеты, которую ему Марина подарила.

— Ты что говоришь, милый? спросила удивленная Бармитинова—что тетка Арина съѣла?

— Акульку съѣла, отвѣчалъ хладнокровно мальчикъ.

— Какую Акульку? Что это за Акулька?

Мальчикъ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, а потомъ, болтая босыми ногами, прибавилъ хладнокровно:

— Акульку... Только волосы остались...

И Бармитинова и Марина, догадываясь о значеніи словъ мальчика, съ ужасомъ вскочили съ своихъ мѣстъ:

— Мы съ Акулькой купались... А меня тетка Арина не ѣла, продолжалъ мальчикъ, болтая ногами.

— Что онъ говоритъ? Можно ли это!

— Былъ такой грѣхъ, сударыня, отвѣчалъ одинъ изъ калѣкъ, не поднимая опущенной головы: какъ настали эти у насъ голода, поѣли все что богъ послалъ—и скотинку палую, и мякину, и кору толченую, такъ была это у насъ вдова горемышная съ малыми ребятишками: идти-то на сторону кормиться не смогла, а дѣти съ голоду пухнутъ—ну, и скормила своими-жъ дѣтьми, свою дѣвочку лишнюю... У бѣдныхъ-то, матушка, женское племя лишнее, а мальчики-то пригодятся.

— Это ужасно! Это невозможно! вскричали въ одинъ голосъ Бармитинова и Марина.

Они слышали, что голодъ доводитъ людей до ужасныхъ престу-

пленій. Они читали даже въ газетахъ, что были случаи, подобные сейчасъ ими слышанному. Но они не хотѣли вѣрить этому. А теперь они слышатъ эти ужасы отъ очевидцевъ, и имъ становится страшно за человѣчество... Когда же кончится это!..

Между тѣмъ, маленькій нищій, сидя на стулѣ, болтаетъ ногами, какъ будто все то страшное, что случилось на его глазахъ, было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ...

— Я Акульку никогда не билъ, говорилъ онъ, запуская руку въ свою суму и вытаскивая оттуда бубликъ: мы съ Акулькой двухъ галчонковъ съѣли...

Эти слова мальчика, говорившаго, по видимому, такъ беззаботно, какъ будто рѣчь шла о палкѣ, которую выстругалъ для него дядя Липатъ, наводили еще большій ужасъ на дѣвушекъ. Бармитинова ходила по комнатѣ съ какимъ-то отчаяньемъ, и не знала даже продолжать ли ей говорить съ людьми, лишенными, по видимому, всякихъ человѣческихъ чувствъ... Гдѣ же, думалось ей, эта пресловутая справедливость и разумность законовъ природы, которые всѣмъ заправляютъ съ такой обидной, съ такой злобной неравноправностью? Что же дѣлаетъ эта сила, которая управляетъ паромъ, электричествомъ и съумѣла направить громы Юпитера, по своему усмотрѣнію, то въ водосточныя трубы, то въ помойныя ямы? Куда потрачены результаты, добытые наукою, адепты которой тѣшатся лишь похвальбою, да превозносятъ свои великія открытія, какъ Качъ превозноситъ свои подстаканники?

Намъ надо накормить своихъ гостей и напоить ихъ чаемъ, говорила Варя, приходя въ себя отъ волненія.

Она позвала свою старушку хозяйку и просила ее приготовить для нихъ угощенье.

— Доброе дѣло, барышня, говорила старушка: на томъ свѣтѣ тебѣ за это будетъ райское угощенье.

Хозяйка пригласила нищихъ на свою половину, и они встали, крестясь и благословляя хозяевъ. Мальчикъ, подойдя къ раскрытому роялю, дотронулся рукою до клавишь и отскочилъ съ испугомъ, когда клавиши издали звукъ. Слѣпые также вздрогнули. Мальчикъ бросился къ нимъ и уцѣпился за одного изъ своихъ стариковъ.

— Ой, дядя Липатъ! она живая, говорилъ онъ, оглядываясь на рояль.

Марина разсмѣялась, подошла къ роялю и взяла нѣсколько акордовъ.

— Это музыка, говорилъ мальчикъ улыбаясь: а я думалъ она живая.

— Гусли царя Давида, сказалъ одинъ изъ слѣпцовъ наставительно.

Нищіе вышли и дѣвушки остались однѣ.

— Ну что, рада гостямъ? спросила Бармитинова свою подругу,— не трусишь?

— Немножко, Варя.

— То-то же... А еще хочешь быть дѣятелемъ.

— Хочу, Варя.

— А нищихъ боишься — хорошъ дѣятель! Вотъ мы всѣ такія женщины.

— Чтожъ намъ дѣлать, Варя, чтобъ ничего не бояться?

— Отгадай сама...

Марина задумалась.

Въ это время изъ другой половины квартиры Бармитиновой, куда ушли нищіе, раздалось пѣніе:

Середи было теплаго лѣта,
На канунѣ вознесенія христова,
Расплакалась нищая братья:
«Гой еси христосъ царь небесный!
На кого-то ты насъ оставляешь?
На кого-то ты насъ покидаешь?
Кто насъ поить-кормить станетъ?
Одѣвати станетъ, обувати,
Отъ темныя ночи охраняти?»

— Это ужъ, навѣрное, Кузминишна заставила ихъ пѣть — до смерти любитъ все божественское, говорила Бармитинова улыбаясь и прислушиваясь къ пѣнію калѣкъ перехожихъ,—затѣмъ она и позвала ихъ къ себѣ угощать.

— А что они поютъ теперь, все про Лазаря?

— Нѣтъ, это что-то другое... Слышишь, это они ужъ о себѣ поютъ, о «нищей братьи».

Дѣвушки пріотворили дверь своей комнаты и стали прислушиваться. Черезъ растворенную дверь доносилось до нихъ пѣніе нищихъ. Грудныя ноты молчаливаго слѣпца покрывали собой все тріо, но въ этомъ пѣніи отчетливо вырѣзывались слова, произносимыя дѣтскимъ голосомъ маленькаго нищаго:

«Не плачьте, моя меньшая братья,
Нищіе люди, убоги!
Будете вы сыты и пьяны,
Будете обуты, одѣты,
Будете тепломъ да обогрѣны:
Ужъ я дамъ вамъ гору золотую,
Ужъ я дамъ вамъ рѣку медовую.
Я даю вамъ сады съ виноградомъ,
Я даю вить вамъ манну небесну...»

— Опять самоуслажденіе. Опять богатая фантазія нищаго! говорила Бармитинова грустно;—все тоже что и у насъ—мы утѣшаемъ себя женскимъ вопросомъ, а они тѣмъ, что ихъ самъ христосъ обуетъ, одѣнетъ и накормитъ, мало того—дастъ имъ гору золотую, рѣку медовую, сады съ виноградомъ и манну небесную.... Мечтая объ этомъ, они выносливѣе грызутъ сухую корку, а иногда древесную кору...

А калѣки перехожіе все поютъ, а дѣтскій голосокъ отчетливо, голосно выговариваетъ:

«Не давай имъ горы золотыя,
Не давай имъ рѣки медовыя,
Не давай имъ садовъ съ виноградомъ,
Не давай имъ и манны небесной:
Горы-то имъ будетъ не раздѣлити,
Съ рѣкой-то имъ будетъ не совладати,
Винограду-ту имъ будетъ не ошшипати,
Манны-то имъ будетъ не пожрати...
Надъ горою-ту будетъ убивство,
А надъ рѣкою-ту будетъ кроволитье.
Какъ узнаютъ то другіе, богатые,
Да и сильные люди, могущіе,
Отоймутъ у ихъ гору золотую,

Отоймутъ у ихъ рѣку да медовую,
Отоймутъ у ихъ сады да съ виноградомъ,
Отоймутъ у ихъ да манну небесну...»

— Слышишь? продолжала Бармитинова; вездѣ одно и тоже, вездѣ два лагеря—или нищая братья, или богатые.

Въ это время изъ той комнаты, гдѣ пѣли нищіе, вышла въ сѣни хозяйка Кузьминишна, и ея морщинистое, сжавшееся лице разливалось слезами.

— Матушка барышня, какъ поютъ! ужъ какъ жалостливо поютъ божьи люди!.... Всю душеньку мою надорвали, сердечушко слезами надсадили, говорила она, суетясь безъ толку и не зная что ей дѣлать.

А калѣки перехожіе продолжаютъ пѣть:

Дай ты имъ слово христово,
Будутъ они по миру ходити.

— Слышишь Мариночка?

— Слышу, Варя.

— Вмѣсто всего, что имѣютъ другіе люди, имъ дается только слово — и словомъ они должны быть и обуты, и одѣты, словомъ должны быть и сильны... У насъ въ распоряженіи тоже только одно свободное слово, и словомъ мы должны дѣйствовать и самоуслаждать себя надеждою, что этимъ словомъ мы побѣдимъ міръ, какъ нищіе самоуслаждаютъ себя вѣрою, что имъ однимъ принадлежитъ рай.

— Такъ зачѣмъ же мы учимся, Варюша? Изъ чего мы бьемся? Гдѣ же прогресъ, о которомъ такъ много кричатъ, когда онъ не можетъ измѣнить сквернаго на лучшее, когда вѣчно одна часть людей должна бѣдствовать?

Марина говорила это съ одушевленіемъ. Большіе глаза ея загорѣлись опаснымъ огнемъ, а на щекахъ вспыхнулъ румянецъ досады. Это уже былъ не ребенокъ, а женщина, человѣкъ, въ которомъ проснулись затаенныя силы. Бармитинова съ улыбкой любовалась ею.

— Варя! Варя! не мучь меня, не смѣйся надо мною! говорила она съ страстнымъ увлеченьемъ;—неужели же ты серьезно говоришь, что наука также безсильна измѣнить обидный для насъ порядокъ вещей, какъ и эти калѣки перехожіе? Такъ скажи ради бога, зачѣмъ же тогда наука, чего добиваются ученые, зачѣмъ литература

преслѣдуетъ свои честныя цѣли, когда все безполезно? Зачѣмъ же все это, зачѣмъ!

— Зачѣмъ наука?..- Для самоуслажденія, отвѣчала Бармитинова, продолжая лукаво улыбаться.

— Какъ для самоуслажденія? горячилась Марина, готовая заплакать.

— Для самоуслажденія, снова отвѣчала Бармитинова съ обиднымъ хладнокровіемъ,—развѣ наука и литература не тысячи лѣтъ повторяютъ одно и тоже, что рабство унижаетъ человѣчество? А рабство существуетъ, хотя и въ болѣе мягкихъ формахъ, чѣмъ прежде, но за то въ болѣе обидныхъ. Развѣ не тысячи лѣтъ человѣческое слово гремитъ противъ насилія? А насиліе растетъ гигантскими шагами: насиліе труда, насиліе мелкихъ капиталовъ крупными, и т. п. Развѣ наука и служеніе слову не въ презрѣніи у тѣхъ, о которыхъ поютъ калѣки перехожіе? Развѣ наука, искуство, литература не продолжаютъ оставаться достояніемъ преимущественно бѣдныхъ, то-есть не самыхъ бѣдныхъ, не мужиковъ, которымъ даже и учиться-то и некогда и не на что, а достояніемъ средняго класса, который живетъ наукою и искуствами, какъ ремесломъ, какъ нищій живетъ своимъ Лазаремъ?

Марина не могла дольше выносить этого спора. Она схватила Бармитинову за обѣ руки и, глядя ей прямо въ глаза, говорила чуть не плача:

— А развѣ не наука дала людямъ образованіе? Развѣ не наука создала для нихъ всѣ удобства — желѣзныя дороги, телеграфы... А, да мало ли что дала имъ наука!

— Чтожъ, это не мѣшаетъ имъ презирать науку... Наука—это плебей, мужикъ, Аксютка, украшающая барынѣ голову.. Наука—рабъ: какъ въ Римѣ патриціи учились у рабовъ, такъ и теперь—наука и литература достояніе рабовъ и калѣкъ перехожихъ. Наука—это портной, сапожникъ, кузнецъ, поэтъ, драматургъ, поваръ, конюхъ, историкъ, садовникъ, натуралистъ, астрономъ, прачка—однимъ словомъ, все работающее, трудящееся для услажденья барина, который долженъ только пользоваться услугами сапожника, астронома, повара, поэта, а самъ ничего не дѣлаетъ, а только управ-

ляетъ поваромъ, прачкой, историкомъ, конюхомъ, поэтомъ.... Его назначеніе—управлять.

Марина изъ женщины опять превратилась въ ребенка: она зарыдала и бросилась на шею къ Бармитиновой.

— Перестань! перестань, моя маленькая! Я шучу, говорила Бармитинова, поднимая голову Марины и держа ее за подбородокъ. Но та продолжала рыдать безутѣшно.

— Я не хочу быть конюхомъ.... Я не хочу быть кузнецомъ, выплакивала она эти горькія для нея обиды;—я не хочу быть сапожникомъ, а хочу все-таки учиться....

XIV.

Въ тотъ самый моментъ, когда Марина, поддерживаемая за подбородокъ Бармитиновой, голосно выплакивала, что она не хочетъ быть ни сапожникомъ, ни кузнецомъ, ни конюхомъ, въ сѣняхъ показался молодой Гридневъ. Представившаяяся ему картина, особенно же горькія слезы незнакомой ему дѣвушки и произносимыя ею странныя слова, что она не желаетъ быть конюхомъ, изумили его до такой степени, что онъ совершенно растерялся. Изумленіе его увеличивалось еще и тѣмъ, что въ тоже время онъ слышалъ какое-то странное пѣніе, которое могло раздаваться только развѣ на торжкахъ, на ярмаркахъ, да на церковныхъ папертяхъ по глухимъ селамъ... «Убогій Лазарь», «манна небесная», а тутъ же рядомъ, въ отворенную дверь неслись какія-то плаксивыя причитанья старческаго голоса: «Соколики мои..... люди божьи..... грѣхи наши тяжкіе.... охъ, матушка заступница!...

«Барышня не желаетъ быть конюхомъ.... Что съ ней? Кто ее принуждаетъ идти въ конюхи? И зачѣмъ тутъ кузнецы да конюхи, когда эта земская школа? Зачѣмъ тутъ нищіе? Зачѣмъ тутъ Лазарь?»

Эти вопросы какъ бы врасплохъ захватили Гриднева, и онъ, въ первые моменты не могъ опомниться. Онъ остановился въ дверяхъ какъ вкопанный, не смѣя прервать непонятной для него сцены, на которую онъ наткнулся, ни возвратиться назадъ.

Наконецъ, Бармитинова замѣтила его, и когда онъ съ какой-то нерѣшительностью поклонился ей, не зная, двигаться ли ему дальше или оставаться на мѣстѣ, поворотила къ нему заплаканное лице Марины, которую продолжала держать за подбородокъ. Марина вспыхнула, увидѣвъ Гриднева, котораго она не знала и, высвободившись изъ рукъ Бармитиновой, вся переконфуженная и красная до кончиковъ ушей, убѣжала въ другую комнату.

— Прошу пожаловать, говорила Бармитинова смущенному Гридневу, хотя и сама чувствовала смущенье послѣ сцены, невольнымъ свидѣтелемъ которой сдѣлался посторонній человѣкъ.

Гридневъ вошелъ въ комнату. Бармитинова знала его, потому что онъ, наѣзжая иногда въ Варгуны для покупки хлѣба, былъ представленъ ей на одномъ изъ концертовъ, который Бармитинова, съ немалыми усиліями, устраивала въ Варгунахъ въ пользу бѣднѣйшихъ изъ своихъ учениковъ и ученицъ.

— Извините меня, Варвара Григорьевна, говорилъ все еще смущенный Гридневъ,—я можетъ быть не во время.... Но обо мнѣ некому было доложить вамъ и я осмѣлился войти безъ докладу.

— Помилуйте.... Какіе доклады здѣсь, въ Варгунахъ,... я очень рада, говорила она, тоже не совсѣмъ еще оправившись отъ смущенья.

— Если позволите, я приду въ другой разъ... Я помѣшалъ вамъ.

— Нѣтъ, нисколько, говорила Бармитинова и не могла удержаться отъ улыбки;—вы ничему не помѣшали, развѣ только капризу моей юной пріятельницы....

И Бармитинова совсѣмъ разсмѣялась.

— Вы, вѣроятно, слышали, что мой юный другъ не желаетъ быть ни конюхомъ, ни кузнецомъ, и васъ это удивило, сказала она весело.

— Да, я слышалъ что-то подобное.

— Такъ не удивляйтесь, пожалуйста. Дѣло въ томъ, что мой юный другъ.... но позвольте васъ познакомить съ нею.... Марина! Мариночка! говорила она, подходя къ двери, въ которую исчезла Марина,—иди же сюда.

Марина не выходила.

— Дѣло въ томъ, продолжала Бармитинова, что я сказала ей давно избитую истину, и это привело ее въ отчаянье.

— Какая истина, замѣтилъ какъ-то условно Гридневъ,—отъ иной дѣйствительно можно прійти въ отчаянье.

— Истина, которую я сказала, очень старая и избитая истина. Я говорила, что наука всегда была демократична, что наука плебей, крѣпостной крестьянинъ, который находится въ услуженіи у невѣжества-помѣщика, ничего не дѣлающаго.

— Да, это истина старая, избитая, но не многіе ей вѣрятъ, говорилъ Гридневъ съ какою-то едва замѣтною улыбкою.

— Такъ вотъ и мой другъ не хочетъ ей вѣрить, и оскорбляется тѣмъ, что я сказала: наука-чернорабочій, поденьщикъ, конюхъ, поваръ, кузнецъ, астрономъ, историкъ и проч., а невѣжество—баринъ, который пользуется оброкомъ, приносимымъ ему наукою.

Гридневъ продолжалъ смотрѣть на нее съ тою же улыбкою.

— Рѣзко, но справедливо, сказалъ онъ... Впрочемъ, вы говорите почти тоже, что я третьяго дня только прочелъ въ Казани, въ «Independance belge». Недавно, одинъ професоръ въ Женевѣ, говоря рѣчь, при одномъ официальномъ торжествѣ, выразился: «on accuse notre académie d'être aristocratique; je nie ce fait: la science est *toujours* démocratique; ce n'est que l'ignorance qui est aristocratique».

Въ это самое время въ дверяхъ показалась Марина. На глазахъ ея еще замѣтны были слѣды недавней заплаканности, но глаза эти смотрѣли смѣло и весело. Растрепавшіеся волосы, которыхъ у нея на головѣ былъ цѣлый лѣсъ, приведены были въ возможный порядокъ, хотя коса, вѣсившая, по видимому, нѣсколько фунтовъ и прикрѣпленная къ затылку разными шпильками, грозила паденіемъ. Марина выступила нѣсколько робко и присѣла нѣсколько по институтски, хотя она въ институтѣ никогда не воспитывалась, а пріобрѣла институтскіе реверансы отъ матери, старой институтки.

Гридневъ всталъ и церемонно отрекомендовалъ самъ себя.

— Купецъ Гридневъ, сказалъ онъ, дѣлая нѣсколько замѣтное удареніе на словѣ «купецъ».

— Рекомендую.... Марина Константиновна Канадѣева, въ свою очередь сказала Бармитинова,—такъ вотъ, Марина Константиновна

большая поклонница науки и знаній вообще, но не хочетъ быть ни конюхомъ, ни кузнецомъ, прибавила она, обращаясь къ Маринѣ, которая усаживалась нѣсколько въ сторонѣ, поближе къ роялю.

Усѣвшись у рояля, Марина съ недовѣрчивостью и украдкою взглядывала иногда на Гриднева, какъ бы говоря сама съ собою: «Купецъ.... Какой онъ купецъ?... Купцы толстые, въ длинныхъ сюртукахъ... А этотъ худенькій, блѣдный, и говоритъ по французски. Варя опять меня мистифируетъ»... И она недовѣрчиво взглядывала на Бармитинову, потомъ опять на страннаго купца, и глаза ея капризно сверкнули: «Ужъ не сочинитель ли и этотъ»? — выразилось въ ея огромныхъ глазахъ.

А Гридневъ, поглядывая на нее, думалъ: «Вотъ гдѣ волоокая Гера.... Ишь буркалы-то какіе.... До безобразія велики... И какъ это захолустные Варгуны могли выростить такіе замѣчательные глаза»?

— Впрочемъ, я едва-ли не раздѣляю мнѣніе Марины Константиновны насчетъ значенія науки, сказалъ онъ, обращаясь въ одно время и къ Бармитиновой, и къ Маринѣ.

Глаза послѣдней снова сверкнули, только уже не капризно. Однако она ничего не сказала, а лишь повернулась на стулѣ. Ей все еще подозрѣвалось, что передъ нею сидитъ «противный сочинитель», хотя она очень часто слышала фамилію богатаго купца-раскольника Гриднева, равно какъ и то, что у него образованный и «ученый» сынъ.

— Какое же ваше мнѣніе? спросила Бармитинова, предполагая видѣть въ отвѣтѣ Гриднева простую любезность.

— Я думаю, что если до сихъ поръ наука была, какъ вы выражаетесь, плебеемъ, рабомъ, чернорабочимъ у барина, то въ будущемъ только она и будетъ господиномъ, а все остальное будетъ ей служить.

— Какимъ же образомъ она пріобрѣтетъ эту силу, которой не могла добиться въ продолженіи тысячелѣтій, и продолжаетъ оставаться въ зависимости отъ того, чему она служитъ и что она же возвышаетъ?

— Эту силу она пріобрѣтетъ въ соединеніи съ другой силой, которая начинаетъ уже покорять себѣ царства, но можетъ совсѣмъ по-

корить только съ помощью науки, отвѣчалъ Гридневъ серьезно, но и задумчиво.

При этомъ отвѣтѣ Марина снова повернулась на стулѣ, но уже прямо лицомъ къ Гридневу. Вниманіе, съ которымъ она собиралась слушать его, сдѣлало ея глаза еще большими, и еще болѣе свѣтлыми. «Да, я теперь только понимаю что значитъ волоокая Гера», подумалъ Гридневъ, увидѣвъ эти несоразмѣрно большіе и красивые глаза.

— Какая же это другая сила, которая начинаетъ покорять царства? спросила Бармитинова съ недоумѣніемъ,—свобода?

— Что свобода! сказалъ Гридневъ съ какимъ-то презрѣніемъ, не по лѣтамъ брюзгливо: свобода—тоже устарѣлое, истрепанное слово... Ее всегда задушить можно, да и всякій толкуетъ ее по своему: и Наполеонъ говоритъ, что онъ воюетъ съ арабами и разстрѣливаетъ цѣлые отряды ихъ съ помощью ружей Шаспо тоже во имя свободы. Свобода — такой чулокъ, который можно надѣть на всякую ногу, и на ногу мирмидона, и на ногу циклона Полифима.

— Какая же это сила, наконецъ? спросила Бармитинова, заинтересованная словами молодаго купца,—цивилизація?

— Цивилизація, говорилъ Гридневъ задумчиво,—это тоже палка о двухъ концахъ.... Нѣмцы потому и бьютъ славянъ однимъ концомъ этой палки, что другой конецъ ея они раньше славянъ захватили въ руки, а славяне тянутся за ней—да не достанутъ... Во всякомъ государствѣ высшіе классы цивилизованнѣе массы народа, оттого народъ и пляшетъ по ихъ дудкѣ.

Марина даже встала со стула отъ нетерпѣнія и подошла къ Гридневу. «Нѣтъ, это и не купецъ, и не сочинитель», думала она.

— Я ужъ теперь совсѣмъ недоумѣваю, о какой силѣ говорите вы, сказала Бармитинова.

— Деньги, отвѣчалъ онъ,—капиталъ—вотъ это сила.

«Купецъ»... подумала Марина... «Сочинители не такіе»...

— Это слово тоже старое, историческое, сказала Бармитинова, невольно пародируя своего собесѣдника, — это также палка о двухъ концахъ, и до сихъ поръ палка эта большею частью обѣими концами попадала въ руки невѣжества.

— Я согласенъ съ вами до нѣкоторой степени... Но таково зна-

ченіе капитала, когда мы будемъ относиться къ нему заднимъ числомъ... Теперь не то: семь тысячъ лѣтъ капиталъ былъ «матеріей», а только съ XIX-го вѣка онъ сталъ «силой».

— «Stoff und Kraft»? спросила Бармитинова, играя словами и намекая на извѣстное сочиненіе.

Гридневъ понялъ игру словъ и отвѣчалъ: Нѣтъ, не совсѣмъ такъ. Не «матерія» и «сила» въ сущности, а коли хотите «матерія» и «духъ», «идея». Теперь капиталъ—идея, и притомъ идея глубокая.

— Отчего же могъ онъ такъ измѣниться именно въ XIX вѣкѣ? Почему грубая матерія превратилась въ идею, какъ вы говорите? спросила Бармитинова.

— Благодаря конюхамъ да кузнецамъ, отвѣчалъ Гридневъ, и взглянулъ съ улыбкой на Марину.

— То есть наукѣ? спросила Бармитинова.

— Да, наукѣ... политической экономіи, если хотите, а въ сущности благодаря всей массѣ пріобрѣтенныхъ человѣчествомъ знаній. Вы знаете, что въ Европѣ основались новыя могущественныя монархіи?

— Какія? Пруссія? Италія?

— Нѣтъ, это старыя, отживающія монархіи—ихъ время прошло, хотя онѣ еще стоятъ... А есть новыя монархіи.

«Ну, все теперь новое, подумала Марина: есть «новые люди», «новыя женщины», Варенька говорила, что Гейне создалъ «новыхъ нѣмцевъ» и «новыхъ нѣмокъ», которыя будто бы покорятъ весь міръ. А этотъ купецъ говоритъ теперь, что есть «новыя монархіи»... Странно».

— Какія же это новыя монархіи? спрашивала Бармитинова,—гдѣ онѣ? въ Европѣ?

— Есть и въ Европѣ, и въ Америкѣ... На всемъ земномъ шарѣ, Бармитинова начинала думать, что Гридневъ шутитъ.

— Такъ назовите мнѣ хоть одну изъ нихъ, сказала она.

— Извольте. Вы помните изъ исторіи, какъ основывались первыя государства въ мірѣ.

— Кажется, помню... Ассирія, Вавилонія...

— Именно такъ: Ассирія, Вавилонія, и т. д. Вы изволите, конечно, помнить, что до основанія этихъ государствъ первобытные

народы жили патріархально, родами, колѣнами, племенами. Старшій въ родѣ былъ глава и властитель рода. Всѣ были большею частью пастухи и звѣроловы.

— И Нимвродъ былъ звѣроловъ, первый изъ царей, вмѣшалась Марина.

— Именно, звѣролововъ намъ и нужно, обратился къ ней Гридневъ.—Нимвродъ былъ однимъ изъ самыхъ искусныхъ звѣролововъ, и ему удалось покорить себѣ другихъ менѣе искусныхъ звѣролововъ расширить владѣнія своего рода и сдѣлаться царемъ. Государство, такимъ образомъ, было основано. Другой звѣроловъ, съ помощью такихъ же точно пріемовъ, основалъ другое государство... Съ тѣхъ поръ и началось существованіе Ассиріи и Вавилоніи, какъ государствъ политическихъ. Много было потомъ подобныхъ же политическихъ государствъ—греческія государства, Египетъ, Римъ, Карѳагенъ. Всѣ они получали начало оттого, что нѣсколько мелкихъ гражданскихъ единицъ соединялись, насиліемъ или охотой, въ одно крупное политическое тѣло, которое и называлось государствомъ, монархіей, царствомъ, республикой, какъ угодно назовите. Государства возникали, развивались, крѣпли, достигали апогея могущества и славы, воевали съ другими государствами и народами, наконецъ, падали или будучи покоряемы другими свѣжими народами, или просто падая вслѣдствіе зачатковъ внутренняго гражданскаго и политическаго разложенія... Такія же государства были и въ средніе вѣка, и въ новые. Такія же государства существуютъ и теперь. Все это такъ?

— Такъ, отвѣчала Бармитинова, которую начинало удивлять это изложеніе системы образованія и паденія государствъ, что̀ ей давно, извѣстно, было изъ учебниковъ.... гдѣ же ваши государства—новыя?

— Къ нимъ-то я и подошелъ теперь.

— А мы ихъ все-таки не видимъ.

— Виноватъ, Варвара Григорьевна, но мнѣ необходимо было сдѣлать это отступленіе, которое могло вамъ показаться просто педантическимъ разглагольствованіемъ...

— Нѣтъ, это цѣлый ученый трактать, сказала она шутя.

— Что-жъ дѣлать, мнѣ хотѣлось, защитить честь кузнецовъ и конюховъ, которые такъ возмутили Марину Константиновну.

— Нѣтъ, меня кузнецы не возмущаютъ, а назвать Гумбольта или

Дарвина конюхомъ—обидно, сказала Марина, рѣшившись въ первый разъ сказать такую длинную фразу при постороннемъ мужчинѣ.

— Я объ этомъ и говорю, отвѣчалъ онъ.

— А вы все-таки не сказали намъ о новыхъ государствахъ.

— Виноватъ, виноватъ, простите.... Я говорилъ вамъ о томъ, какъ образовались политическія государства.... Нынѣ также образуются государства, только не политическія.

— Какія же эти новыя государства! Не мучьте насъ.

— Нынѣ возникаютъ также государства финансовыя, государства капиталовъ, артели, союзы, товарищества на акціяхъ, на паяхъ. Только основаніе ихъ кладутъ уже не звѣроловы, а кузнецы, портные, сапожники, однимъ словомъ наука въ союзѣ съ капиталомъ, съ акціонерными компаніями, товариществами и проч. Какъ и политическія государства, эти новыя государства основываются на одинаковыхъ началахъ: какой нибудь финансовый звѣроловъ Нимродъ, въ родѣ Ротшильда, Перейры или Беринга, къ своей крупной финансовой единицѣ присоединяетъ, на правахъ товарищества, менѣе крупныя финансовыя единицы въ видѣ акціонеровъ, пайщиковъ; къ этому союзу примыкаютъ тысячи другихъ мелкихъ капиталовъ; область союза расширяется и, такимъ образомъ, финансовое государство основано. Начало такихъ государствъ уже положено.

— Значитъ, это государства Ротшильдовъ, Перейръ и Беринговъ?

— Да, пока такъ почти... Но люди нашего времени ушли много дальше звѣроловов. Рядомъ съ этими крупными государствами основываются мелкія — именно компаніи на акціяхъ, артели, товарищества, союзы просто рабочихъ силъ — и дѣлаются противовѣсомъ крупнымъ государствамъ.... Нѣкогда, властители государствъ были деспоты, которые казнили своихъ подданныхъ по личному произволу. Такіе же деспоты и финансовые государи, которые устанавливаютъ курсъ, цѣнность денегъ, товаровъ, и по произволу могутъ сдѣлать нищими или заставить умереть съ голоду цѣлыя тысячи народа.

— Да, вы правы... Я понимаю вашу идею.... Я понимаю ваши новыя государства, сказала Бармитинова:—но вѣдь деньги—это еще болѣе безчеловѣчный деспотъ, чѣмъ восточные цари.

— Совершенно согласенъ съ вами... Но тутъ-то и является спа-

сителемъ наука: она говоритъ, что весь шаръ земной долженъ сплотиться въ акціонерныя компаніи, въ товарищества, хотя бы члены товарищества и не вносили въ общую кассу денегъ, а только бы слагались въ союзъ, какъ рабочія руки, какъ думающія головы и. т. п. Всякій трудъ, всякое предпріятіе должно совершиться артелью, товариществомъ, союзомъ, компаніею, все, положительно все должно сдѣлаться частями союзовъ, артелей, товариществъ... Этому поможетъ наука: тогда деспоты-капиталисты невозможны, тогда будетъ немыслимо ни насиліе, ни лишеніе свободы... Тогда даже невозможна будетъ бѣдность на землѣ.

Бармитинова вздохнула.

— Вы что вздыхаете, Варвара Григорьевна, спросилъ Гридневъ, котораго разговоръ такъ оживилъ, что онъ казался совершенно не тѣмъ человѣкомъ, какимъ онъ явился къ Бармитиновой.

— Я вздыхаю потому, что вы рисуете передо мной тотъ прекрасный островъ, на который плавалъ нѣкогда, въ воображеніи конечно, Томасъ Муръ.

— Такъ по вашему мнѣнію, я рисую островъ Утопію?

— Да, къ сожалѣнію, вы гуляете по берегамъ острова Утопіи.

— Такъ Утопія—островъ, Варя? спросила вдругъ Марина.

— Да, островъ, милая.

— А я не знала... Я не читала этого: я думала, это просто извѣстное понятіе о чемъ-нибудь несбыточномъ, какъ напримѣръ «женскій вопросъ».

— И вы увѣрены, что ваши фантазіи сбудутся? спросила Бармитинова, обращаясь къ Гридневу.

— Сбудутся, я въ этомъ убѣжденъ. Въ этомъ меня убѣждаетъ наука: а что добыто наукой, то прочно, прочнѣе всякаго капитала. Это уже не фантазіи, а научныя истины.

— Если даже и такъ, замѣтила Бармитинова, то все же искусные звѣроловы, какъ и всегда, будутъ притѣснять и покорять подъ свою власть менѣе искусныхъ звѣролововъ.

— Такъ было, но такъ не будетъ.

— Когда же?

— Когда будетъ больше такихъ женщинъ, какъ вы.

Бармитинова улыбнулась грустно.

— Вы говорите комплименты.

— Нѣтъ Варвара Григорьевна, я гражданинъ новаго государства, а у насъ комплименты считаются или лакействомъ, или нравственнымъ воровствомъ.

— Какъ?

— Комплиментомъ воруется расположеніе того, кому говорится комплиментъ... А за воровство у насъ изгоняютъ изъ государства.

Марина слушала этотъ споръ съ большимъ вниманіемъ. Хотя она молчала, но видно, что въ ней боролись разнородныя чувства, и вся эта борьба отражалась на ея оживленномъ лицѣ, которое ничего еще не умѣло скрыть, чтобы ни происходило въ сердцѣ, въ мозгу, въ каждомъ нервѣ этого ртутнаго темперамента, и выдавало ея чувства то внезапнымъ вспыхиваньемъ щекъ, то такой же вспышкой въ глазахъ, то движеніемъ бровей, губъ; а больше всего говорили объ этой внутренней борьбѣ ея глаза. Вся подвижная и стремительная, она иногда видимо принуждала себя сидѣть неподвижно нѣсколько секундъ, но это ей было тяжело, и она выдавала себя то рѣзкимъ подергиваніемъ плеча, то нервнымъ сжиманьемъ рукъ, то неожиданными поворотами головы. Она постоянно вставала и то подходила къ Гридневу, какъ бы намѣреваясь остановить его, то порывалась къ Бармитиновой, то брала съ рояля ноты и нетерпѣливо шуршала ими.

Она боролась между выборомъ двухъ рѣшеній — молчать ли ей на все что не скажетъ Гридневъ, или вмѣшаться въ споръ, потому что афоризмы Гриднева вызывали въ ея умѣ сотни возраженій, но она боялась вступить въ борьбу.

Наконецъ, она не осилила себя и, какъ выражалась объ ней Бармитинова, «разсыпала жемчугъ па серебряное блюдо» — заговорила и задвигалась съ свойственною ей ртутностью.

Когда Гридневъ сказалъ, что въ ихъ новомъ государствѣ, за комплименты, какъ за воровство, изгоняютъ, она, вскочивъ со стула, вспыхнула и возразила запальчиво:

— А за грубость и грабежъ не изгоняютъ изъ вашего новаго государства?

Озадаченный этимъ неожиданнымъ вопросомъ, и притомъ съ той стороны, откуда онъ всего менѣе ожидалъ нападенія, Гридневъ съ

разу не нашелся что отвѣчать и смотрѣлъ на Марину съ удивленіемъ. Бармитинова тоже глядѣла на нее съ улыбкой. «Ну, теперь посыплется жемчугъ на серебряное блюдо», подумала она.

— За какой грабежъ? спросилъ Гридневъ послѣ минутнаго молчанья.

— А, развѣ капиталъ не грабежъ? въ свою очередь спросила Марина и ухватилась рукою за спинку стула, какъ бы намѣреваясь защищаться отъ нападенія.

— Нѣтъ, Марина Константиновна, капиталъ не грабежъ.... Капиталъ пріобрѣтается умомъ и трудомъ, а не грабежомъ.

— Умомъ и трудомъ! возражала Марина съ горячностью,—а развѣ бояре и помѣщики не трудомъ и не умомъ наживали свои богатства и пріобрѣтали власть?

— Не всегда, Марина Константиновна, отвѣчалъ Гридневъ, и при этомъ улыбался, глядя на нее;—ихъ богатства большею частью или жалованныя, или полученныя по наслѣдству.

— А вы развѣ не по наслѣдству отъ своего батюшки получите ваши богатства? Развѣ не всѣ купцы, какъ и помѣщики, наслѣдуютъ сундуки своихъ отцовъ!... Ужъ пожалуйста не защищайте ни капиталистовъ, ни купцовъ—они все тѣже бояре, которыхъ вы топчите въ грязь, когда у самихъ ноги въ грязи по колѣни... И вы, купцы, и бояре—все тѣже помѣщики! горячилась Марина.

— Нѣтъ, не тѣже, Марина Константиновна;—бояре высосали соки изъ народа, и въ этихъ-то сокахъ блаженствовали.

— Ахъ, боже мой! вскричала Марина, и даже руками всплеснула такъ трагически, что Бармитинова захохотала;—а вы въ чьихъ сокахъ блаженствуете? Развѣ вы не изъ народа тоже вытянули эти соки? Изъ народа! изъ народа! Вы сосете еще злобнѣе, чѣмъ вампиры и чѣмъ это дѣлали прежде помѣщики... Вы пользуетесь всякимъ случаемъ, чтобъ сосать народъ: у людей голодъ, народъ стонетъ отъ бѣдности, народъ пухнетъ отъ голоду и мретъ, голодныя матери ѣдятъ своихъ дѣтей, такъ что остаются отъ дѣтей только волосы—а вы скупаете хлѣбъ у этого народа, когда ему нужны до зарѣзу деньги и перепродаете этотъ хлѣбъ вдесятеро дороже или отправляете его за границу, когда дома намъ ѣсть нечего... Господи! воскликнула она съ какимъ-то дѣтскимъ отчаяньемъ въ голосѣ: кто же больше сосетъ

страну, какъ не вы? Гдѣ же настоящія тучи—сосатели народа, какъ не въ капиталистахъ, въ этихъ сундучникахъ?

Марина окончательно выходила изъ себя. Изумленный Гридневъ всталъ со стула и смотрѣлъ на Марину, не сводя съ нея глазъ. А Бармитинова только любовалась своею любимицей и губы ея невольно шептали: «ну, посыпался жемчугъ»...

— Въ сундучникахъ? спрашивалъ Гридневъ съ изумленіемъ,—это что за слово?

— Сундучники!.. Всѣ купцы, всѣ капиталисты сундучники, сосатели! говорила Марина съ сверкающими глазами, а потомъ, бросившись къ Бармитиновой, наивно сказала,—Ахъ, Варя! Варя! сколько я имъ дерзостей наговорила!... Мнѣ даже стыдно»...

— Что-жъ, милая, это ничего, отвѣчала Бармитинова съ улыбкой! въ ихъ новомъ государствѣ дерзости предпочитаются любезностямъ, потому что за любезность тебя выгнали бы изъ ихъ новаго государства, а за дерзость тебя примутъ въ гражданки новаго государства, сказала она, обращаясь къ Гридневу.

Марина не успокоилась сразу. Видя, что Гридневъ, озадаченный потокомъ ея словъ, ничего не отвѣчаетъ, а только смотритъ на нее съ улыбкой, и принимая эту улыбку за насмѣшку, она еще болѣе взволновалась, такъ что, по своему обыкновенію, могла кончить взрывомъ слезъ, къ чему такъ привыкла Бармитинова, видя въ ней капризнаго ребенка.

— Варя! говорила она, держась за Бармитинову, какъ за прикрытіе,—слушай, что я еще наговорю имъ... Мы недавно съ папашей говорили о купцахъ и капиталистахъ... Ахъ, Варя, это такіе деспоты, такіе Тамерланы!

— Тамерланы? спрашивалъ Гридневъ, раскрывая глаза отъ удивленія.

— Да! Тамерланы, Тохтамыши, Мамаи, Аттилы!—вотъ кто такіе купцы.

— Помилуйте, Марина Константиновна!

— Нѣтъ, не помилую... Не хвалитесь вашими новыми государствами—они хуже старыхъ! Ваши новые государи...

— Въ нашихъ государствахъ нѣтъ государей, прервалъ онъ ее,—есть директоры и президенты компаній.

— Тѣмъ хуже! Ваши новые звѣроловы—Нимвроды, ваши директоры—Ротшильды, Перейры и Беринги болѣе жестокіе деспоты, чѣмъ гуннскіе цари: они одними курсами, то повышеніемъ, то пониженіемъ ихъ, могутъ довести до нищеты весь міръ... Вѣдь они дѣлаютъ это, признайтесь?

— Согласенъ, дѣлаютъ, но...

— Такъ чего же вамъ еще?.. Вы бросаете камнями въ помѣщиковъ за то, что они имѣли крестьянъ, что это была ихъ «живая собственность», какъ говорилъ Герценъ... Правда, это скверно; но этого ужъ нѣтъ... Притомъ, то было въ обычаѣ, по закону. А купцы всѣхъ забираютъ въ крѣпостное право неволей, морятъ голодомъ—вѣдь это хуже и болѣе жестоко... Постойте! постойте! сказала она вдругъ, какъ бы спохватившись.

— Что вамъ угодно?

— Вотъ что...

Она остановилась и съ нерѣшительностью посмотрѣла на Бармитинову.

— Ахъ, Варя! я не знаю...

— Чего не знаю?

— Какъ выразиться, Варя... Ну, все равно, какъ нибудь... Скажите, господинъ Гридневъ, обратилась она къ нему, какъ бы атакуя его—какое мученье больше—когда человѣка унижаютъ силою, или когда онъ поставленъ въ такое безвыходное состояніе, что долженъ самъ унизиться?

— Я не совсѣмъ понимаю васъ, сказалъ Гридневъ.

— Ахъ, Варя! я вѣдь говорила, что не съумѣю выразиться— и въ голосѣ ея уже дрожали слезы. Она готова была расплакаться.

— Ну, ну, не приходи въ отчаянье; подумай—и скажешь, говорила Бармитинова ласково.

— Нѣтъ не скажу... Я ужъ знаю, что не скажу... Я такая противная!

— Напротивъ, я увѣренъ, что вы съумѣете, сказалъ Гридневъ,— вы такъ хорошо били купцовъ и звѣролововъ.

Марина обдумывала фразу.

— Вотъ что, сказала она: кому стыднѣе и горче—бывшему ли крѣпостному, который приходилъ къ своему барину и просилъ у него

шубы на зиму, будучи увѣренъ, что онъ имѣетъ право просить этой шубы, или свободному человѣку, хоть бы бѣдному чиновнику, котораго нужда заставила бы прійти къ вамъ и просить у васъ шубы христа-ради?

— Да, послѣднему хуже.

— То-то же!.. а капиталъ всѣхъ бѣдныхъ ставитъ въ такое унизительное положеніе... Ахъ, Варя, Варя! какъ много сквернаго на свѣтѣ, говорила Марина съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ.

— Такъ вы за монополію бояръ и за крѣпостничество, Марина Константиновна? спросилъ Гридневъ.

— Нѣтъ, не за *монополію* бояръ и не за крѣпостничество, а противъ *коалиціи* купцовъ, противъ новыхъ Тамерлановъ и Аттилъ; противъ новыхъ Нимвродовъ, которые изъ звѣролововъ дѣлаются царями.... Въ купцахъ возникаетъ новое зло нашего вѣка: въ нихъ воскресаетъ покойное крѣпостное право, только въ болѣе ужасной формѣ. Помѣщики жили пóтомъ своихъ крестьянъ.... фи Варя! какъ я гадко сказала, вдругъ обратилась она къ Бармитиновой,—ну, все равно, лишь бы выразить мысль той фразой, какая попалась подъ руку...

Она замялась.

— Чтó я говорила, Варя? спросила она наивно.

— Вы изволили сказать, что помѣщики жили пóтомъ своихъ крестьянъ, отвѣчалъ ей Гридневъ.

— Ахъ, да! я выразилась грязно, не красиво, но вѣрно, спохватилась Марина;—такъ помѣщики пили потъ своихъ крестьянъ.... ахъ это еще грязнѣе!... ну все равно... а купцы пьютъ и потъ, и кровь. *Не порицайте же другъ друга, вы всѣ одного поля ягодки!*

— Браво, Мариночка! Иди, я тебя поцѣлую за это, сказала Бармитинова, и Марина бросилась къ ней цѣловаться.

— Вотъ какъ мы васъ отдѣлали, говорила шутя Бармитинова Гридневу.

А Марина, цѣлуя ее, шептала: «А что, Варя, онъ разсердится на меня за это»? Но потомъ, вспомнивъ, что ей давно пора домой, заторопилась и спѣшила уходить.

— Куда ты? спрашивала Бармитинова.

— Меня мамаша побранитъ... бѣда, просто бѣда!... Я заставила ее ждать меня обѣдать.

И, поцѣловавъ Бармитинову, она церемонно присѣла передъ Гридневымъ, и исчезла.

— Какая милая дѣвушка, сказалъ Гридневъ, когда Марина скрылась за дверью.

— Да, я ее очень люблю, такая богатая головка... Только что-то ждетъ ее въ жизни?

— Она не сестра того Канадѣева, который съ ума сошелъ? спросилъ Гридневъ.

— Да, сестра... Такъ жаль это бѣдное семейство.

— А я къ вамъ по дѣлу, Варвара Григорьевна,—заговорился, а о дѣлѣ не сказалъ.

— Что вамъ угодно?

— Могу ли я васъ просить принять въ вашу школу одного мальчика—сиротку? Онъ изъ крестьянъ, но такой даровитый мальчикъ. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ дарованіе заглохло отъ недостатка образованія. Я самъ буду платить за него, а васъ бы попросилъ особенно иногда заняться съ нимъ, подготовить къ гимназіи...

— Очень рада...

Въ это время въ комнату вбѣжала хозяйка Кузьминишна, вся сіяющая радостью, хотя сухое, какъ сушеная груша, лице ея все было заплакано.

— Божьи люди, матушка барышня, хотятъ поблагодарить васъ за хлѣбъ за соль, шепелявила она старческой скороговоркой.

— Что-жъ, Кузьминишна, пусть войдутъ.

Калѣки перехожіе уже стояли въ дверяхъ и, не дожидаясь приглашенія, затянули божественную кантату:

Человѣцы божіи,
Придите послушайте,
Мы про чудную - чуду сказуемъ,
Про Агликова сына, про Василія,
Про святителю Николу Чудотворцу.

Пѣніе тянулось очень долго, а Кузьминишна стояла у дверей пригорюнившись и, слушая калѣкъ перехожихъ, горько плакала ..

XV.

Весь этотъ день, по уходѣ Гриднева и калѣкъ перехожихъ, Бармитинова провела въ тяжеломъ, какомъ-то безотрадномъ раздумьѣ. Въ послѣднее время, ея тихая жизнь въ Варгунахъ, гдѣ она считала себя заживо погребенною на пользу другихъ и во имя идеи добра, была возмущена и новыми встрѣчами, и приливомъ новыхъ, давно неиспытываемыхъ ею ощущеній. «Погребеніе себя заживо на пользу другихъ—неужели это разумный актъ воли челевѣческой»? думалось ей. И неужели погребенный можетъ приносить пользу?... Странно... Непонятно... Только одна безсмысленная сила можетъ толкнуть живаго человѣка въ могилу и сказать ему: ты будешь служить пищею другимъ существамъ, червямъ, которые столь же необходимы въ разумной экономіи природы, какъ и ты, существо думающее и чувствующее... Странно, непонятно»...

Память ея воспроизводила передъ нею мельчайшія подробности послѣднихъ дней, все что она видѣла, слышала, чувствовала. Пережитыя ею ощущенія переживались вновь съ поразительною живостью, а все что говорилось ею и другими вставало передъ нею въ живыхъ образахъ, а навѣянныя на нее мысли и вопросы жизни настойчиво требовали разрѣшенія, отвѣта, отказа или согласія. То вставалъ передъ ней человѣкъ, мыслью о которомъ она жила цѣлыя десять лѣтъ, и казалось ей, что подъ его логикой, какъ стекло подъ тяжелымъ обухомъ, разбивалась ея собственная логика, а логика эта по видимому была не хрупкая, далеко неломкая, логика выстраданная, добытыя какъ результатъ цѣлой жизни, провѣренная какъ строгія математическія истины. То проходили передъ нею сцены, созданныя ея воображеніемъ на основаніи разсказа калѣкъ перехожихъ о томъ, какъ люди голодаютъ, какъ мать въ бѣшенствѣ голода съѣдаетъ свое собственное дѣтище,—сцены, возможность которыхъ отвергаетъ и разсудокъ, и сердце, но которыя были, есть и, можетъ быть, будутъ еще, которыя, наконецъ, встаютъ въ воображеніи живыми, исполненными страшнаго драматизма и мучатъ какъ кошмаръ. То выступали пе-

редъ ней въ какихъ-то неопредѣленныхъ образахъ картины и лица изъ того, что говорилъ Гриднєвъ: то дикіе звѣроловы, въ видѣ Нимвродовъ, Тамерлановъ, Аттилъ, то акціонерные цари, въ видѣ Ротшильдовъ, Берингвовъ, въ мантіяхъ изъ кредитныхъ билетовъ и акцій, то купцы и перекупщики, думающіе только о своемъ собственномъ счастьѣ, о томъ какъ набить свои сундуки золотомъ, кредитными билетами и акціями и которымъ до другихъ дѣла нѣтъ»...

Вообще впечатлѣнія послѣднихъ дней давили Бармитинову и не давали ей ни отвлечься чѣмъ либо постороннимъ, ни заняться какою либо работою, какъ это она дѣлала до сего времени. Пасмурность полуосенняго дня, сѣрыя тучи, видимо одерживавшія побѣду надъ обезсиленнымъ солнцемъ, вѣтеръ, напѣвавшій скучныя пѣсни и мутной рябью съ бѣлесоватыми валами безобразившій Волгу, по берегу которой такъ любила гулять Бармитинова—все это удерживало ее дома, тогда какъ въ другое время она уходила далеко отъ Варгунъ и непосредственнымъ соприкосновеніемъ съ природой возстановляла свои силы и давала трезвое, нетревожное направленіе своимъ мыслямъ. Классовъ въ этотъ день также не было, потому что это былъ праздничный день, и потому никакое внѣшнее отвлеченіе не могло вывести ее изъ мечтательной, но тяжелой созерцательности, и ей казалось, что въ это самое время ей всего тяжелѣе было оставаться самой съ собой.

Она сѣла играть, но клавиши ройяля какъ бы за одно съ ея думами и съ ея нервами вызывали передъ ней только тѣ образы, которые были съ нею неотходно десять лѣтъ, съ которыми она сжилась, но которые не могли подѣйствовать успокоительно, и смурые образы ея невеселаго прошлаго не могли превратить въ образы свѣтлые, радостные. Въ звукахъ ройяля выражалось только то, что пережито, передумано и перечувствовано въ эти десять лѣтъ, а она устала уже и отъ этихъ думъ и отъ этихъ ощущеній. Ей казалось, что она стояла уже на рубежѣ другой жизни, что думы ея должны принять другое направленіе, что и звуки ройяля должны говорить не то, что говорили до сихъ поръ, и потому ей не хотѣлось оглядываться назадъ, поворачивать голову къ прошлому, когда въ будущемъ виднѣлось что-то другое, не похожее на прошлое, но что именно—она не могла

разглядѣть и не могла создать сама образа этого будущаго, за неимѣніемъ руководящихъ данныхъ.

Она брала книгу, чтобы отдаться чтенію, которое до сихъ поръ во многомъ замѣняло ей отсутствіе жизни; но мысль ея невольно повторяла:

Пропала книга! Ужъ была
Совсѣмъ готова—вдругъ пропала!

То вдругъ представлялся ей Стожаровъ въ видѣ этой пропавшей книги, и видѣла она двухъ Стожаровыхъ: одинъ, котораго она ближе знала и который казался ей своимъ, съ образомъ котораго она сжилась въ продолженіи десяти лѣтъ, былъ студентъ, такой серьезный, съ такимъ блѣднымъ, строгимъ лицомъ, на которомъ, кажется, могла появляться только скорбная улыбка, и который говорилъ: «иди, заработай себѣ право на счастье суровымъ трудомъ, долгимъ, безропотнымъ служеніемъ на пользу другихъ; иди—и пусть сердце твое не знаетъ радостей, пусть голосъ твой никогда не звучитъ веселымъ беззаботнымъ смѣхомъ, пока я не приду и не скажу тебѣ, что ты исполнила свою задачу жизни, не развѣяла на вѣтеръ твои богатыя силы, чтобы приготовить себѣ скучную, томительную, брюзгливую старость, полную сожалѣній о безполезно потраченныхъ силахъ, полную ужаса отъ сознанія, что и эта безполезная, пустая жизнь должна скоро прекратиться безслѣднымъ уничтоженіемъ и тебя и памяти о твоемъ безсполезномъ существованій». Другой Стожаровъ былъ не тотъ, котораго она знала прежде—и образъ не тотъ, и рѣчь не та, хотя и этотъ образъ и эта рѣчь воспроизводили что-то далекое, давно любимое, что-то похожее на того суроваго студента, памятью о которомъ жила Бармитинова въ теченіе десяти лѣтъ. Этотъ второй Стожаровъ былъ какъ будто чужимъ ей, хотя въ немъ просвѣчивало давно знакомое ей лице и въ голосѣ его звучали тѣ же ноты, отъ которыхъ и прежде сердце ея усиленно билось и которыя звучали ей только въ воображеніи въ продолженіи десяти лѣтъ. Тоже суровое, но только болѣе мужественное лице, та же кривая улыбка, тотъ же строгій, рѣдко ласкающій взглядъ, но только на лицѣ этомъ болѣе густыя тѣни налегли, болѣе рѣзкости и опредѣленности въ очертаніяхъ этого лица, хотя менѣе рѣзкости и суровости въ словѣ, въ приговорѣ...

То вдругъ на мгновенье ее охватывала безотчетная радость, и, вдумываясь въ источникъ этой радости, она невольно мечтала: «Все прошло и не воротится больше, и темныя тѣни моей жизни отошли далеко, далеко, а съ этими тѣнями миновала и томительная неизвѣстность... Я видѣла мое солнышко, и тѣни ночи не закроютъ его больше отъ моихъ глазъ»...

Но тутъ же ей слышался знакомый голосъ, которому она такъ привыкла повиноваться: «Въ наши дни, когда вокругъ такъ много страданій, когда скорбныхъ явленій въ жизни не въ мѣру много, любовь — преступленье, и отдавать любви хотя малѣйшую частицу силъ, нужныхъ для борьбы съ драконами, грифонами, минотаврами и другими чудовищами нашего вѣка — подло, недостойно человѣческаго призванія».

Она сидѣла задумчиво, забившись въ уголъ дивана, и очнулась только тогда, когда на порогѣ показался Кузя Ногинъ. Мальчикъ былъ чѣмъ-то огорченъ, глядѣлъ изъ подлобья, и надутыя губы изобличали крайнее недовольство существующимъ порядкомъ вещей.

— Ты что, милый? спросила Бармитинова,—иди ко мнѣ.

Мальчикъ переминался и сосредоточенно глядѣлъ въ свой картузъ, козырекъ котораго онъ мялъ немилосердно.

— Говори же—ты чего боишься?

Мальчикъ молчалъ, пыхтѣлъ и окончательно сломалъ козырекъ. Дѣвушка подошла къ нему.

— Тебя обидѣлъ кто нибудь? спрашивала она,—вѣрно опять казенные ученики?

— Нѣтъ, они пошли рыбу удить, отвѣчалъ наконецъ мальчикъ.

— Кто же обидѣлъ тебя?

— Дѣдушка.

— А! За что же онъ обидѣлъ тебя, милый?

— За ухо обидѣлъ.

Дѣвушка улыбнулась.

— Такъ вѣрно ты провинился чѣмъ нибудь передъ дѣдушкой: онъ даромъ не накажетъ... Чѣмъ же ты провинился—говори.

— Звѣздами провинился, отвѣчалъ онъ, еще болѣе надувая губы.

— Какъ звѣздами? Какими звѣздами?

— Звѣздами, Варвара Григорьевна,—планетами провинился.

— Я не понимаю тебя... Говори яснѣе.

— Дѣдушка говоритъ, что звѣзды попадаютъ, а я говорю нѣтъ.

— Какъ попадаютъ? Куда попадаютъ звѣзды?

— На землю... Дѣдушка говоритъ, что при концѣ свѣта всѣ звѣзды упадутъ на землю, какъ листья съ дерева. А я говорю, что звѣзды не упадутъ—они больше земли.

— Такъ за это тебя дѣдушка и наказалъ, бѣдный мальчикъ?

— За это—и Кузя началъ опять плакать, и сквозь слезы проговаривалъ: вы намъ не говорили, что звѣзды попадаютъ на землю... Вѣдь вы намъ не говорили этого, Варвара Григорьевна? спросилъ онъ вдругъ, заглядывая ей въ лице.

— Не говорила.

— Ну, такъ дѣдушка вретъ.

— Ахъ, какой ты! не говори такъ дерзко.

— Что-жъ, Варвара Григорьевна! дѣдушка вретъ: звѣзды никогда не попадаютъ на землю—они больше земли, а онъ говоритъ, что они какъ листья съ дерева упадутъ.

— Не говори, что дѣдушка вретъ: это не хорошо, это очень дурно такъ говорить... Дѣдушка говоритъ правду.

— А я! спросилъ мальчикъ съ удивленіемъ.

— И ты говоришь правду.

Мальчикъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Такъ звѣзды упадутъ на землю? спросилъ онъ.

— Упадутъ... Но это надо понимать иносказательно.

— А что такое иносказательно? снова спросилъ онъ.

Положеніе учительницы было довольно не ловкое: надо было объяснить мальчику что такое значитъ иносказаніе и въ то же время лавировать между двумя увѣреніями, что звѣзды и упадутъ на землю и не упадутъ, что паденіе ихъ надо понимать алегорически и что паденіе это невозможно по законамъ тяготѣнія. Какъ бы то ни было, Кузя остался доволенъ объясненіями учительницы, и убѣгая отъ нея, толковалъ самъ съ собой, надѣвая картузъ: «Я это растолкую дѣдушкѣ... Звѣзды упадутъ иносказательно, а козырекъ сломался»...

Оставшись одна, Бармитинова опять было забилась въ уголъ ди-

вана, но увидѣвъ на столикѣ тетрадку, оставленную Мариною, взяла ее и стала перелистывать.

Глаза дѣвушки остановились на одной страницѣ, которая приковала ея вниманіе. Пробѣгая ее, она грустно качала головой и говорила вслухъ сама съ собой: «бѣдный, бѣдный!... Вотъ начало его помѣшательства, и какое странное помѣшательство»!

На страницѣ этой Канадѣевъ писалъ, видимо дрожащею рукою и съ порывистою скоростью, какъ бы боясь забыть то, о чемъ онъ хотѣлъ писать.

«Я начинаю вѣрить видѣніямъ, а я отвергалъ ихъ какъ созданія больнаго мозга и разнузданной до болѣзненности фантазіи. Нѣтъ, если это и дѣйствительно созданіе больной воли и разстроенныхъ нервовъ, но ужъ вовсе не безпричинныя созданія: ихъ не можетъ отвергать разсудокъ, потому что они не отвергаются чувствами... Мои видѣнія я вижу глазами, голосъ ихъ, рѣчь ихъ я слышу моимъ напряженнымъ слухомъ, форма видѣній и ихъ плотность даже я осязаю... Это не видѣнія, не призраки, а такія же существа какъ я, живой, думающій, говорящій и чувствующій, такіе же предметы, какъ этотъ столъ, на которомъ я пишу, на которомъ сейчасъ лежала моя усталая, горячая голова.

«Видѣнія есть—и они такія же явленія природы и ея таинственныхъ силъ и законовъ, какъ вотъ эта тускло горящая передо мною свѣча, какъ этотъ однообразно тикающій маятникъ часовъ, какъ вотъ этотъ ноющій въ трубѣ полуночный вѣтеръ. Но видѣнія эти бываютъ только тогда, когда человѣкъ способенъ принять ихъ своими физическими чувствами, когда человѣкъ имѣетъ волю видѣть ихъ. Глухой не слышитъ звуковъ,—для него звуки не явленія природы, для слѣпыхъ глазъ непонятны оттѣнки цвѣтовъ, голосъ человѣческій не можетъ звучать въ безвоздушномъ пространствѣ... Не всякому дана и способность воспринимать видѣнія. Мнѣ она дана — другимъ не дана.

«Я жду моихъ видѣній—и видѣнія придутъ ко мнѣ, какъ приходили вчерашнюю ночь.

«Вчера ко мнѣ прилетала моя птица... Она прилетала и прежде, но я тогда не былъ способенъ видѣть ее, слышать ее. Она прилетала ко мнѣ еще тогда, въ публичной библіотетѣ, но я не умѣлъ

видѣть ее: я только слышалъ вѣяніе ея крыльевъ, а мнѣ казалось, что то былъ шопотъ книгъ на полкахъ, тихій говоръ мертвыхъ, когда-то думавшихъ надъ этими книгами, страдавшихъ надъ этими книгами, страдавшихъ надъ ними, писавшихъ эти книги.

«Вчера я думалъ, много думалъ о судьбѣ Россіи, о мѣстѣ, занимаемомъ ею въ роду государствъ земнаго шара, о значеніи ея въ славянскомъ мірѣ, о ея будущности—и ко мнѣ прилетала моя птица, шумя крыльями. Отъ вѣянья этихъ крыльевъ, какъ отъ вѣянья тихаго весенняго вѣтерка, шевелились мои волосы и сами собой тихо колебались легкія бумаги на моемъ письменномъ столѣ.

— «Ты о чемъ думаешь? говорила птица, шумя крыльями за моею спиною.

— «Я думаю о Россіи, и о многомъ думаю я, и нѣтъ конца моимъ думамъ, отвѣчалъ я.

— «Зачѣмъ же тебѣ думать объ ней, когда не твоимъ слабымъ силамъ помочь ей? спрашиваетъ она.

— «Правда, силы мои слабы и не этимъ слабымъ единичнымъ силамъ дать полное счастье Россіи, но тогда вынь изъ-подъ этого черепа мозгъ, чтобъ не думать мнѣ объ ней, вынь изъ-подъ этихъ реберъ сердце, чтобъ нечему было болѣть за Россію, нечѣмъ было мнѣ любить ее и ея народъ.

«И слышалъ я только шумъ крыльевъ птицы, и видѣлъ, какъ отъ вѣянья крыльевъ сама собой перелистывалась книга, лежавшая у меня на столѣ. Шумъ постоянно увеличивался, тихое вѣянье превращалось въ вѣтеръ, и вѣтромъ этимъ задуло свѣчу, горѣвшую у меня на столѣ. Мнѣ стало страшно во пракѣ, и холодно, но тѣло мое, казалось, становилось легче и легче, и я, чувствовалось мнѣ, летѣлъ куда-то, не видя ни моего стола, ни моей комнаты, не слыша тиканья маятника моихъ часовъ, ни шороха бумаги на моемъ столѣ...

«Я дѣйствительно летѣлъ.... Внизу, далеко подъ моими ногами брезжились огоньки, и взглядываясь въ нихъ, я узналъ, что то были огни фонарей, какъ святящіяся точки, расходившіяся по разнымъ линіямъ, начиная отъ свѣтлаго центра и исчезая у конца радіусовъ неправильной окружности... Я пролеталъ надъ Петербургомъ, я оставлялъ его за собою, и онъ скоро исчезъ во мракѣ съ его свѣтлыми точками, а подъ моими ногами уже невидно было ничего, и только

надо мною искрились звѣзды, не имѣя силы своимъ слабымъ свѣтомъ освѣтить темную землю.... Я ничего не слышалъ кромѣ шума крыльевъ птицы.... Мнѣ стало страшно, мнѣ стало жаль чего-то, мнѣ стало жаль и земли, и Россіи, и Петербурга....

— «Куда мы летимъ? спросилъ я.

— «Я покажу тебѣ то, о чемъ ты думаешь, отвѣчала она.

— «О чемъ я думаю, того показать нельзя: думы мои не могутъ получить ни опредѣленныхъ формъ, ни опредѣленныхъ образовъ.

— «Никакія думы не могутъ быть внѣ формы и внѣ образовъ: безъ формъ и образовъ немыслимы созданія ни рукъ, ни мысли человѣческой.

«И подъ нами, и надъ нами, и за нами была ночь безпросвѣтная, тьма непроглядная, только вдали передъ нами оттѣнялась отъ земли свѣтлая полоса: мы летѣли на встрѣчу утру и утро шло на встрѣчу намъ. И глубоко подъ нами начали выдѣляться очертанія земли, и предметы становились явственнѣе, и видны были очертанія деревень, такихъ жалкихъ, такихъ бѣдныхъ, и надъ сѣрыми избушками вился уже дымокъ, и изъ этихъ сѣрыхъ избушекъ выползали такія же сѣрыя существа, и нѣкоторыя изъ нихъ, глядя на востокъ, крестились.

— «Вотъ что люблю я — все, что виднѣется подо мною, дорого мнѣ, говорилъ я, — всему этому, дорогому мнѣ, я хотѣлъ бы счастья, но нѣтъ у меня силы дать это счастье всему, что я люблю.

— «Данное счастье—не полное счастье, только взятое счастье—полное и прочное счастье, говорила птица.

«Мы летѣли дальше и выше, и видѣлъ я, какъ выкатывалось солнце изъ-за горизонта, и когда выкатилось оно, передо мною явственно открылась цѣлая половина земнаго шара, освѣщенная утреннимъ солнцемъ.

— «Видишь ты всю эту картину разомъ? спросила птица.

— «Вижу, отвѣчалъ я, и сердце мое колотилось какимъ-то великимъ, никогда неиспытаннымъ мною чувствомъ.

— «Явственно ли очерчивается передъ твоими глазами вся Россія; отъ пролива Беринга до Кракова и отъ Вайгача до Арарата?

— «Явственно... Я вижу и города ея, и рѣки ея, и озера, лѣса

и горы... Я вижу милiоны живыхъ существъ, двигающихся на этомъ необъятномъ пространствѣ.

— «Вотъ что ты любишь, говорила она... А видишь ли ты—

Въ убранствѣ и блескѣ весь западный край,
Мораву, и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай?

Видишь ли ты Прагу?

— «Я все вижу, отвѣчалъ я, не удивляясь даже, что птица говоритъ стихами Хомякова.

— «Ты все это любишь, все это дорого тебѣ, обо всемъ этомъ болитъ твое сердце.

— «Все люблю, обо всемъ болитъ мое сердце... но это, близкое, дороже мнѣ чѣмъ то, далекое.

«И сталъ я плакать, глядя на все это дорогое мнѣ и близкое, и капали съ моего лица слезы въ необъятное пространство, надъ которымъ носились мы, и видѣлъ я мои собственныя слезы, какъ блестѣли они подобно брильянтамъ, подъ лучами солнца.... Но долетали ли мои слезы до земли—я этого не видѣлъ... Я все плакалъ, и плакалъ горько давно накипѣвшими слезами: за слезами я уже не видѣлъ потомъ ни Россіи съ ея городами, степями широкими и лѣсами темными, исчезла изъ вида и Прага и синія рѣки славянскія... А я все плакалъ, все плакалъ, припавъ головою къ ладонямъ.

— «Не слезы нужны твои тому, что тебѣ дорого—слезъ и безъ того много пролито на всемъ этомъ необъятномъ пространствѣ, которое ты видѣлъ: нужны руки работающія, головы мыслящія, сердце любящее... Любовь безъ дѣлъ—мертва, говорила птица.

«Я пересталъ плакать. Я смотрѣлъ на землю, но то, что я видѣлъ на ней, и о чемъ я плакалъ, я уже не видѣлъ.

«Мы спускались, казалось, ниже къ землѣ, но земли я не видѣлъ.

— «Гдѣ же земля? спрашивалъ я: гдѣ Россія моя милая?

— «Смотри и увидишь.

«Я смотрѣлъ и видѣлъ то, что я люблю, нашу дорогую Россію.... Вдали стоялъ «колоссъ на глиняныхъ ногахъ», а у ногъ его клубились волны моря.

— «Вотъ то, что ты любишь, говорила птица.

— «Да, это сѣверный колоссъ на глиняныхъ ногахъ.

«И видѣлъ я громадное тѣло гиганта, заслонившее собою цѣлую половину земнаго полушарія. Но гигантъ стоялъ твердо, устойчиво на своихъ глиняныхъ ногахъ: эти ноги омывались волнами бурнаго моря; волны яростно хлестали въ подножіе гиганта, поднимались выше и выше, но безсильныя—опять возвращались въ море, и опять поднимались, опять набѣгали на громадныя ступени гиганта, и не могли размочить глины, не могли поколебать устоя гиганта.

«И сталъ я ближе вглядываться въ лицо громаднаго колосса, и видѣлъ, что глаза его закрыты.... Колоссъ спалъ... А безсильныя волны продолжали набѣгать на него и разбивались въ брызги какъ о гранитный утесъ. На плечахъ и на шеѣ у гиганта копошились люди, и казались эти люди пигмеями въ сравненіи съ гигантомъ, и взбирались эти люди на лице гиганта, старались поднять его громадныя вѣки и рѣсницы, чтобъ разбудить его, заглянуть ему въ глаза .. А гигантъ все спалъ... Другіе пигмеи, мирмидоны и лилипуты старались связать руки спящаго гиганта, старались отнять у него изъ рукъ огромную дубину, на которую онъ, сонный, опирался, но сонные пальцы крѣпко держали палицу, и мирмидоны продолжали лазить по необъятному тѣлу гиганта, забивались къ нему въ уши, путались въ волосахъ, старались проникнуть въ самое сердце.... Но и громадное сердце гиганта спало и билось медленно, медленно...

— «Что же значитъ, что у гиганта глиняныя ноги? спрашивалъ я.

— «Гигантъ, отвѣчала птица, — это необъятное всеславянское тѣло... Голова, сердце, туловище и руки—это Россія, отъ пролива Беринга до Кракова и отъ Вайгача до Арарата, а ноги—остальной славянскій міръ — болгары, сербы, хорутане, чехи... Ноги гиганта только кажутся глиняными, потому что враги славянства слишкомъ много славянской крови пролили на эти ноги, и засохла эта кровь отъ времени, и потеряли онѣ свой цвѣтъ, и оттого глиной кажутся гигантскія ноги, запятнанныя кровью...

«И вглядывался я ближе въ гиганта, и казалось мнѣ, что на ногахъ у него ржавыя оковы.

— «А что на ногахъ у гиганта? спрашиваю я.

— «Оковы, залитыя славянскою кровью, отвѣчала она.

— «А кто надѣлъ оковы на эти огромныя ноги?

— «Турки, нѣмцы и всѣ враги славянства — они надѣли оковы на ноги великана.

— «Отчего же, спрашивалъ я, гигантъ не освободитъ своихъ ногъ отъ оковъ турецкихъ и отъ путъ нѣмецкихъ?

— «Гигантъ спитъ, и не чувствуетъ, что его ноги въ цѣпяхъ, не слышитъ, что ноги эти обливаются славянскою кровью.... А проснись онъ, и оковы порвутся на его ногахъ какъ гнилыя нитки, какъ та паутина, которую разрываетъ желтый шершень.

— «Отчегожъ никто не разбудитъ гиганта? спрашивалъ я.

— «Будили, но гигантъ не просыпался, или съ просонокъ сбрасывалъ въ море тѣхъ, которые будили его.

— «А кто будилъ его? спрашиваю.

— «Тѣ, надъ которыми смѣются въ Россіи, которыхъ называютъ мечтателями.... Но ихъ такъ немного.

— «Отчего же не будятъ его?

— «Будятъ.... Но онъ, просыпаясь на мгновенья, равнодушно смотритъ на свои ноги, не признавая ихъ своими: это, говоритъ, не мои ноги—мои въ лаптяхъ....

«И стало смѣшно мнѣ, и уже не хотѣлось мнѣ плакать.... Мнѣ припомнился тотъ хохолъ, который купилъ себѣ на ярмаркѣ новые чоботы, и уснулъ, раскинувъ ноги на дорогу, а съ него, съ соннаго, кто-то снялъ чоботы, и когда проѣзжали чумаки и разбудили хохла, предостерегая его, что проѣдутъ по его ногамъ, онъ, не узнавая съ просонокъ своихъ босыхъ ногъ, говорилъ: «проѣзжайте по ногамъ—это не мои: мои въ новыхъ чоботахъ».

«И картина моего видѣнія измѣнилась....

«Не видѣлъ я колосса на глиняныхъ ногахъ, а пролетали мы подъ жаркимъ солнцемъ юга, и глядѣлъ я съ высоты на Лабу, Мораву и дальнюю Саву, на синій, гремящій Дунай, и вдали виднѣлся мнѣ въ убранствѣ и блескѣ весь западный край.... И растилались подъ моими ногами прекрасныя страны, но нивы ихъ были не вспаханы и не убраны, жалкія стада бродили безъ призора, и такъ мало было этихъ стадъ. И слышалось мнѣ звяканье цѣпей, и доносились до меня людскіе тяжелые вздохи....

— «На комъ это звякаютъ цѣпи? спрашивалъ я,—или это жалкія стада ходятъ въ желѣзныхъ путахъ?

— «Нѣтъ, отвѣчала мнѣ птица,—не стада-то ходятъ въ желѣзныхъ путахъ, а то цѣпи звякаютъ на людскихъ ногахъ, то турецкое и нѣмецкое желѣзо перетираетъ бѣлую кость человѣческую.

«И стало мнѣ страшно летать надъ этими прекрасными странами, освѣщенными жаркимъ солнцемъ юга. И спрашивалъ я:

— «Чья же бѣлая кость перетирается турецкимъ и нѣмецкимъ желѣзомъ?

— «Бѣлая кость славянская перетирается желѣзомъ, отвѣчала она;—глухое звяканье ржавыхъ цѣпей—то на ногахъ болгарскихъ, а звонкія цѣпи — то новое желѣзо нѣмецкое на сербскихъ, хорутанскихъ и чешскихъ ногахъ.

«И снова плакалъ я горько, слушая музыку ржавыхъ и новыхъ цѣпей, и опускался ниже къ этимъ несчастнымъ странамъ, чтобы видѣть ихъ, чтобы поплакать надъ ними, и жгучія слезы катились по моему лицу, и падали эти слезы и въ Лабу, въ Мораву, и въ дальнюю Саву, въ гремящій и синій Дунай.

«И долго носились мы надъ несчастными славянскими землями, и много слышалъ я стоновъ, и долго слушалъ я какъ звякали цѣпи.

«Потомъ услышалъ я голосъ незнакомой мнѣ пѣсни, и столько было мелодіи и силы въ этомъ пѣніи, столько чарующей прелести, но словъ пѣсни я не слышалъ.

— «Отчего же словъ я не слышу? спрашивалъ я.

— «Вслушайся, и услышишь.

«Я вслушивался. Пѣсня пѣлась на знакомомъ мнѣ языкѣ, но не на русскомъ,

«Охъ, бѣдствія несчастнаго народа! (пѣлъ незнакомый голосъ). Каждый его ненавидитъ, каждый презираетъ, каждый отъ себя его гонитъ, а онъ стонетъ въ несчастіяхъ. Милый Боже! ужели правда, что ты за грѣхи стараго дѣда караешь сына? Много же твоего гнѣва навлекли отцы на наши головы, когда насъ такъ устроили!... Вотъ надъ одними бѣшенствуетъ блудный турокъ, крадетъ имѣнье и цѣлуетъ дѣвушекъ, а потомъ, чтобы извести весь народъ, дѣлаетъ изъ дѣтей нашихъ янычаръ. Вотъ другихъ гонитъ модьяръ, степной кочевникъ, оскорбляетъ нашу честь, бьетъ народъ. Вотъ третьихъ

ученый нѣмецъ, отъ рожденія старый обманщикъ, хочетъ всюду насъ придавить, и чтобы его орелъ-птица болѣе развернула свои черныя крылья, сгоняетъ нашихъ граничаръ. Только для себя не имѣемъ мы силы, только для себя не имѣемъ славы: знамена наши разодраны, разорены всѣ твердыни... И ты палъ, славный Дубровникъ, алмазъ-камень на морскомъ берегу, теперь *рабство* написано на твоемъ знамени, пѣвцы твои замолчали. Но какъ у змѣя, разсѣченнаго натрое, всякая часть бьется, ползетъ, извивается, пока не умретъ, чтобы соединиться съ головою — такъ и народъ нашъ бѣжитъ за *слогою:* увидѣлъ онъ денницу, засіяла ему уже заря, пробилъ роковой часъ—впередъ, впередъ безъ отдыху!...

«Ударяй, ударяй, о страшное море, въ берега славянскіе, пока на этихъ берегахъ живетъ притѣснитель! Далмація, соколиное гнѣздо! вотъ я вижу все твое приморье, задаръ, чудный шебеникъ до Склиша, все до славнаго Дубровника, моей отчизны. Отовсюду повисъ надъ нимъ мракъ, а сквозь него горная вила такъ вопитъ, что гора трясется, и говоритъ, бѣдная: «Здѣсь сошлись два брата, лица у обоихъ одинаковыя, черныя очи, усы до плечъ, могучія груди, сильная рука, та же душа, тотъ же прекрасный языкъ, а когда бы подружились—чудо! Одинъ хорватъ, а другой сербъ, другъ друга не хотятъ они знать. Познайте другъ друга, познайте, несчастные, пока вамъ удобное время... Вы—братья, дѣти матери одной, одно васъ кормило молоко. Что васъ нынѣ раздѣляетъ? вѣра? Но Божья вѣра не должна производить раздора. Законъ?—но вы всѣ подъ чужеземцемъ... Соединитесь же, обнимитесь братья... Въ тотъ часъ поблѣднѣетъ притѣснитель... Когда бы славяне были согласны, то это былъ бы наисильнѣйшій народъ (¹)»...

«И слушалъ я эту пѣсню, и надеждою билось мое сердце, что вотъ-вотъ проснется гигантъ и распадутся цѣпи на его окровавленныхъ ногахъ, и стоны не будутъ больше раздаваться ни на Лабѣ, ни на Моравѣ, ни на дальней Савѣ.

— «Кто это поетъ? спрашивалъ я.

(¹) Стихотвореніе одного изъ южныхъ славянъ, графа Медо-Пучича. Сербія, В. Ламанскаго, стр. 19—20.

— «Это поетъ одинъ изъ тѣхъ, что плачутъ и своими и чужими слезами, что болятъ и своимъ и народнымъ сердцемъ, отвѣчала птица.

— «А имя его?

— «Славянинъ графъ Медо-Пучичъ, отвѣчала она, шумя крыльями и унося меня на дальній западъ.

«И летѣли мы низко, низко надъ землею, и слышалъ я другой голосъ, какъ стонъ изъ могилы... «Сто разъ я говорилъ, а теперь ужъ кричу къ вамъ, о разъединенные славяне! Будемте цѣлымъ, а не частицами, будемте *всѣмъ*, или *ничѣмъ*»!... стоналъ кто-то.

— «Кто это стонетъ? спрашивалъ я, прислушиваясь къ словамъ.

— «Мертвецъ стонетъ, отвѣчала она.

— «Гдѣ же онъ?

— «Въ могилѣ... Это стонетъ славянскій пророкъ, это Колларъ.

— «А слышитъ ли его спящій гигантъ?

— «Слышитъ... Но глубокъ его сонъ»....

На этомъ мѣстѣ чтеніе Бармитиновой было прервано приходомъ Кузьминишны, которая объявила, что барышнѣ давно пора кушать. Бармитинова очнулась какъ отъ глубокаго сна.

Д. Мордовцевъ.

(*Продолженіе будетъ*)

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Во тьмѣ ночной, съ подругой милой,
Мы мчались волей ярыхъ волнъ,
И буря выла съ страшной силой,
Кидая бѣшено нашъ челнъ.

И островокъ мы повстрѣчали,
Проглянулъ мѣсяцъ золотой;
Тамъ будто съ берега насъ звали
И голосъ слышался родной.

Душа рвалась туда... Но вскорѣ
Исчезъ изъ виду островокъ,
И буря насъ кружила въ морѣ,
И былъ ужъ онъ далекъ, далекъ....

Александръ Пушистый.

XVI

Наступившій затѣмъ вечеръ засталъ Бармитинову все въ томъ же нравственномъ состояніи, въ какомъ она находилась весь этотъ день. Къ разнообразнымъ впечатлѣніямъ, которыя какъ бы давили ее своею тяжестью весь день, прибавилось еще какое-то ощущеніе боли въ сердцѣ, точно она чувствовала, что вмѣстѣ съ сумасшедшимъ Канадѣевымъ и она летаетъ надъ землею и боится упасть въ пропасть; точно она въ самомъ дѣлѣ слышитъ, какъ люди стонутъ въ неволѣ и какъ на ихъ закованныхъ и потертыхъ до кости ногахъ трется желѣзо объ желѣзо. Она чувствовала, что нервы ея сильно возбуждены чтеніемъ, но она все-таки хотѣла продолжать это чтеніе.

Кузьминишна, видя ея задумчивость, увивалась около нея, какъ около калѣкъ перехожихъ, и съ старческой болтливостью, охая и вздыхая, пересказывала ей всѣ мудреныя истины и аскетическіе афоризмы, которые она узнала отъ нищихъ и на которые смотрѣла, какъ на вдохновеніе свыше. Но Бармитинова не слушала ее. Болѣзненныя бредни сумасшедшаго возбуждали въ ея умѣ цѣлый рядъ вопросовъ такого безотраднаго свойства, что весь міръ казался ей поставленнымъ въ безвыходное положеніе, изъ котораго не могъ вывести его ни умъ человѣческій, ни наука, ни вся колективная дѣятельность человѣчества. Ея личное страданіе исчезло, какъ капля въ морѣ, въ страданіяхъ миліоновъ такихъ же какъ она существъ, и думающихъ честно и чувствующихъ глубоко, но при всемъ томъ, хотя эта капля ея личныхъ страданій тонула въ морѣ страданій массъ, ей не было легче отъ того и она болѣла сердцемъ и за себя, и за эти массы. Ей казалось, что все человѣчество въ различной степени страдаетъ органическимъ недостаткомъ, который мѣшаетъ ему быть счастливымъ, мало того — мѣшаетъ ему быть сытымъ и одѣтымъ, огражденнымъ отъ обидъ и оскорбленій. Или мало пищи даетъ земля, что не всѣ люди на ней могутъ быть сыты? думалось ей. Гдѣ же тѣ завоеванія ума человѣческаго, которыми такъ гордится человѣкъ девятнадцатаго вѣка, когда въ этомъ девятнадцатомъ вѣкѣ такъ же трудно достается человѣку кусокъ хлѣба, какъ онъ доста-

вался и въ десятомъ? Что же дѣлала наука, гордая своими побѣдами, когда она не могла завоевать человѣку право ѣсть, когда онъ хочетъ?

Эти вопросы вызвали передъ ней образъ Стожарова, который, казалось, говорилъ: «Подлое, подлое человѣчество! Какое оно имѣетъ право ѣсть, когда одна половина его бьется изъ-за куска хлѣба и не можетъ добыть его? Какое оно имѣетъ право быть счастливымъ, когда въ средѣ его есть несчастные? Какое имѣетъ право Европа ходить безъ цѣпей, когда она не могла или не хотѣла снять цѣпи съ ногъ болгарина или серба, когда въ ея глазахъ продолжаетъ свирѣпствовать блудный турокъ и на Дунаѣ, и на Кандіи, и продолжаетъ ковать цѣпи и на серба, и на грека»?

И жаль ей стало этого Стожарова, какъ и всѣхъ тѣхъ, которые, жертвуя своимъ личнымъ счастьемъ, покоемъ и довольствомъ для счастья, покоя и довольства другихъ, бьются во имя идеи добра и правды, а добро и правда все въ загонѣ, и счастье человѣческое по прежнему продолжаетъ быть философскимъ камнемъ, только одному представляется оно въ видѣ куска хлѣба, другому—въ видѣ безнедоимочной уплаты податей, третьему—въ видѣ отсутствія турецкаго насилія. И жаль ей было и себя, и всѣхъ «людей безсонныхъ», какъ ихъ называетъ Хомяковъ, которые всю жизнь свою и всѣ свои радости убиваютъ на отысканіе философскаго камня, а философскій камень все не отысканъ, и для многихъ все продолжаетъ оставаться недосягаемымъ то кусокъ хлѣба, то безнедоимочная уплата податей, то отсутствіе турецкаго насилія, хоть эти же «безсонные люди» дали человѣчеству и желѣзныя дороги, и телеграфы, и нарѣзныя пушки, да только не дали—ни достаточно хлѣба, ни достаточно свободы.

Между тѣмъ, какъ ни старалась она заслонить свое личное горе размашистою, грубо набросанною ея воображеніемъ картиною общечеловѣческаго горя, личное брало верхъ надъ общимъ, субъективное побѣждало объективное, свои собственныя слезы оказались горче слезъ славянскихъ и греческихъ, и эти слезы закапали сквозь бѣлые, длинные пальцы, которыми дѣвушка, наклонившись надъ столомъ, закрыла свое печальное лице. Бармитинова плакала... Ей вспомнилось ея дѣтство, годы ученья, первыя наслажденія развивающейся и окрѣпающей мысли, первое ознакомленіе съ произведеніями ума человѣ-

ческаго и, наконецъ, знакомство съ Стожаровымъ. Вспомнилась ей его суровая, жесткая фраза о женщинѣ: «я презираю женщину, потому что она не помогаетъ мужчинѣ бороться противъ золъ, которыми заполонено человѣчество... Женщина — это вѣчный торгашъ на рынкѣ невольниковъ: или набиваетъ на себя цѣну и продаетъ себя пока молода, или продаетъ на этомъ же рынкѣ болѣе молодыхъ женщинъ, когда сама состарѣется...» И горько плакалось ей при воспоминаніи объ этой жестокой фразѣ молодаго ригориста. Ей казалось, что онъ и теперь презираетъ женщину за ея отсталость, за ея пошлость, за непродуктивность ни ея мысли, ни ея безполезныхъ рукъ. Ей страшно было, что онъ и ее презираетъ вмѣстѣ съ прочими, оттого и уѣхалъ отъ нея для какихъ-то земскихъ дѣлъ.

И горячія слезы пробивались сквозь ея бѣлые, длинные пальцы и падали на столъ, за которымъ въ послѣдніе два года такъ много и думалось и плакалось. Все тѣло ея вздрагивало отъ этого плача безотраднаго, а губы шептали: «гдѣ же выходъ? гдѣ же счастье? гдѣ спасенье для женщины, когда ее и изъ спальной выгоняютъ, какъ наложницу, въ которой не нуждаются?..»

Въ это время въ сѣняхъ послышались шаги, и голосъ, который дѣвушка узнала бы въ сотнѣ другихъ голосовъ, спросилъ:

— Можно взойдти?

— Можно, можно, быстро отвѣчала она, поднимая голову и стараясь, конечно тщетно, уничтожить на вспыхнувшемъ лицѣ слѣды слезъ.

То былъ голосъ Стожарова. Въ одно мгновенье на порогѣ показалась его точеная голова.

— Я являюсь, чтобы дать вамъ отчетъ въ моихъ наблюденіяхъ надъ земскими школами, говорилъ онъ, — вы однѣ умѣли повести дѣло хорошо, а въ другихъ мѣстахъ земскія школы идутъ хуже, чѣмъ худо.

— Я очень рада, сказала Бармитинова весело, но стараясь такъ стать къ свѣту, чтобы Стожаровъ не видѣлъ ея заплаканнаго лица и покраснѣвшихъ глазъ.

Но Стожаровъ увидѣлъ...

— Что это? сказалъ онъ ласково, держа дѣвушку за руку, — ве-

*

ликій Песталоцци плачетъ? Что съ вами? Объ чемъ плачетъ великій Песталоцци?

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвушка, пряча глаза,—это плачетъ не Песталоцци, а новая женщина.

— Новая женщина... прекрасно сказано; вы, дѣйствительно, новая женщина, какихъ у насъ еще мало... Я къ неновымъ женщинамъ присмотрѣлся... брръ!.. Но объ чемъ вы плачете! Такія женщины, какъ вы, не плачутъ по пустому, и не розовое платье съ бантиками выдавило эти слезы изъ вашихъ глазъ, а что нибудь очень ѣдкое, отчего вѣроятно и мужчина заплачетъ... Что же такое?

Бармитинова не находила отвѣта. Ей было и стыдно и радостно. Добрый голосъ Стожарова звучалъ точно голосъ старой няни, которая когда-то такъ любила маленькую Варю и которая своей лаской вызывала у Вари такія обильныя слезы, но только не жгучія, не горькія слезы, а такія, послѣ которыхъ такъ сладко спалось и такъ весело было потомъ проснуться. И турецкія цѣпи на ногахъ у грековъ, и нѣмецкій ошейникъ на славянахъ, и человѣческое безхлѣбье, и тоскующая пѣсня Медо-Пучича, которую слышалъ безумный Канадѣевъ, и замогильный стонъ Коллара—все это прозвучало въ добромъ голосѣ Стожарова, но уже не вызывало въ сердцѣ дѣвушки ѣдкихъ болей, а только вызвало новыя обильныя слезы, какъ вызывала ихъ когда-то ласка няни.... Дѣвушка опять заплакала и опять закрыла глаза длинными, бѣлыми пальцами. У Стожарова и сердце и голосъ какъ будто упали...

— Варвара Григорьевна! Варенька! что съ вами, говорилъ онъ упавшимъ голосомъ,—объ чемъ эти слезы?

Дѣвушка продолжала плакать.

— Или я долженъ уйдти? спрашивалъ Стожаровъ въ недоумѣніи.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила дѣвушка,—это... ничего... это... нервы... женщина плачетъ... Вѣдь и новыя женщины умѣютъ плакать такъ же, какъ неновыя...

Она силилась улыбнуться. Она отняла руки отъ лица, взглянула въ лице Стожарова, который стоялъ блѣдный и безмолвный, и опять заплакала.

— Но смѣю ли я спрашивать о причинѣ этихъ слезъ? говорилъ Стожаровъ какъ-то растерянно.

— Смѣете... Я вамъ сама скажу... Дайте только выплакаться...

— Но я не хочу, чтобъ вы плакали... Я не могу видѣть вашихъ слезъ—онѣ падаютъ мнѣ на совѣсть... на мозгъ...

— Вы въ нихъ не виноваты... Виновата мать, которая родила меня, виновата голова моя, научившаяся думать, виновато все, но не вы.

Говоря это, она подошла къ нему и взяла его за обѣ руки...

— Тогда я не умѣла *такъ* плакать, какъ теперь плачу, когда еще не знала васъ, говорила она,—но тогда я не умѣла и думать *такъ*, какъ теперь, и *такъ* чувствовать.

— Объ чемъ же вы плакали, говорите мнѣ.

— Я плакала... обо *всемъ*.... Иначе я не умѣю выразиться.

— Я понимаю васъ, сказалъ Стожаровъ,—и я когда-то плакалъ обо *всемъ*, когда былъ моложе.... Я плакалъ, когда думалъ, что есть голодные на свѣтѣ, плакалъ и тогда, когда слышалъ какъ цѣпи звенятъ у кого либо на ногахъ, однимъ словомъ плакалъ оттого, что, какъ говорятъ поэты, весь міръ хотѣлъ обнять, накормить, напоить, одѣть и осчастливить.

— А теперь? спросила Бармитинова съ лукавой улыбкой, махая платкомъ на свое заплаканное лице.

— Теперь?.. Теперь у меня нервы стали разумнѣе и живутъ въ ладу съ мозгомъ.... Теперь я не плачу, сказалъ Стожаровъ задумчиво.

— И міръ не хотите обнимать?

— Нѣтъ, въ немъ слишкомъ много дураковъ и негодяевъ, и потому я съ цѣлымъ міромъ ужъ не обнимаюсь, боясь обнять и негодяя, и того, кому не нужны мои объятья.

— Такъ вы зачерствѣли?

— Зачерствѣлъ... Теперь, когда я вижу голоднаго, я просто даю ему кусокъ хлѣба, а на цѣпи я поливаю кислоты, чтобъ желѣзо скорѣй ржавѣло и распадалось.

— А когда видите слезы, вотъ какъ мои, напримѣръ?

— Я узнаю причину слезъ, и, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствую, но не плачу... А вы часто плачете? вдругъ спросилъ онъ, глядя прямо въ глаза дѣвушкѣ.

— Иногда плачу.

— И обо мнѣ плакали?

— Плакала.

— Когда? Въ началѣ нашей разлуки, или послѣ?

— И въ началѣ плакала, и послѣ плакала.

— И вамъ не стыдно это говорить мнѣ?

— Не стыдно.

— Вы меня любите?

— Люблю.

— И больше никого не любили?

— Никого.

— Почему же?

— Потому что считаю подлостью мѣнять чувства, какъ и убѣжденія.

— Отлично. Экзаменъ конченъ. Я вамъ ставлю пять съ плюсомъ.

— Очень вамъ благодарна, господинъ профессоръ, сказала дѣвушка, ласково глядя на Стожарова;—но позвольте и васъ проэкзаменовать. Я не признаю превосходства мужчины передъ женщиной. и должна узнать, стоите ли вы того, чтобы экзаменовать меня.

— Узнавайте, сказалъ Стожаровъ и наклонилъ голову въ знакъ покорности.

— Вы обо мнѣ плакали? спросила Бармитинова.

— Плакалъ.

Дѣвушка вспыхнула.

— И не хотѣли придти ко мнѣ? спросила она, между тѣмъ какъ голосъ ея начиналъ обрываться.

— Хотѣлъ, но не позволялъ себѣ.

— И вамъ не стыдно говорить, что вы плакали обо мнѣ?

— Теперь не стыдно, потому что теперь я не плачу, а тогда не было стыдно потому, что плакалъ.

— И вы любите меня?

— Люблю.

— И никого больше меня не любили?

— Нѣтъ, любилъ и люблю.

Румянецъ мгновенно сбѣжалъ съ лица дѣвушки.

— Кого же? спросила она чуть слышно.

— Дѣло, которому я отдалъ всю мою жизнь, и которому хочу отдать все, что есть у меня самаго дорогаго.

— Что же это такое, что для васъ дороже всего, кромѣ дѣла? спросила она

— Вы... Въ васъ я нашелъ доказательство того, что я не ошибался въ женщинѣ: она еще можетъ встать и выйдти изъ униженія.

— Такъ вы меня хотите бросить въ воду, какъ тотъ сумасшедшій царь, который бросилъ перстень въ море, или какъ Стенька Разинъ, который бросилъ въ Волгу свою возлюбленную? спросила Бармитинова весело.

— Нѣтъ, я брошу васъ въ пасть чудовища, какъ нѣкогда бросили въ море пророка Іону, и, какъ онъ, вы выйдете изъ пасти чудовища невредимою, и какъ онъ, станете провозвѣстникомъ начала новой жизни для женщины.

— Какое же это чудовище? спросила дѣвушка съ любопытствомъ, — ужъ конечно не китъ?

— Не китъ, но страшнѣе кита... Вы его видѣли, но испугались, потому что меня не было съ вами .. А вмѣстѣ со мной вы не испугаетесь этого чудовища.

— Я начинаю догадываться, сказала она, и яркая краска опять разлилась по ея лицу.

Стожаровъ, который въ началѣ этого разговора сѣлъ на диванъ рядомъ съ дѣвушкой, снова всталъ и началъ ходить большими шагами по комнатѣ и по видимому не обращалъ никакого вниманія ни на картины, которыя висѣли по стѣнамъ, ни на письменный столъ, на которомъ лежали книги и разныя бездѣлушки, украшающія письменный столъ женщины (женскихъ письменныхъ столовъ такъ же мало на свѣтѣ, какъ мужскихъ корсетовъ), ни на рояль, на которомъ лежали развернутыя ноты, ни на самую обитательницу этой комнаты. Между тѣмъ Бармитинова слѣдила за нимъ глазами, но не прерывала его молчанья.

— Хотите ли вы быть моей женой? вдругъ спросилъ онъ, останавливаясь передъ дѣвушкой.

Она ничего не отвѣчала, только грудь ея сильно поднималась; она сама слышала какъ билось ея сердце такъ сильно, что, казалось ей, и онъ могъ слышать это біенье.

— Хотите ли вы раздѣлить со мною жизнь? снова спросилъ онъ.

— Не знаю... Можетъ быть, я не имѣю на это правъ, отвѣчала она медленно, не поднимая головы.

— Отчего же? спросилъ онъ тревожно.

— Я сомнѣваюсь, имѣю ли я право быть счастливой, когда другіе несчастливы... Не будетъ ли это подло, говорила она съ разстановкой.

Стожаровъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Тотъ, кто носилъ въ сердцѣ и въ мысли десять лѣтъ эти слова, кто по словамъ этимъ расположилъ всю свою жизнь—имѣетъ право быть счастливымъ, сказалъ онъ серьезно, но ласково,—такъ вы пойдете со мной куда я васъ поведу?

— Пойду, хоть въ пасть чудовища... Если я шла за вами десять лѣтъ не видя васъ, то съ вами вмѣстѣ я пойду безстрашно, и уже не буду плакать, сказала она стыдливо.

— И будете помогать мнѣ, будете работать со мной?

— Буду... Я уже забыла свое барство, и умѣю быть усерднымъ работникомъ.

— Наше дѣло будетъ новое... не легкое, сказалъ Стожаровъ.

— Я готова на все... Какое же это новое дѣло? спросила она.

— Я васъ познакомлю съ нимъ, но только не теперь.

— Отчего же? я хочу теперь знать, говорила она настойчиво,—говорите мнѣ, какое это дѣло?

— Вы знакомы съ главными стремленіями современнаго общества? Знаете соціальныя доктрины?

— Кажется знаю, отвѣчала она задумчиво,—знаю и то, что эти порыванья современнаго общества все еще не дали ему ни счастья, ни покоя, ни обезпеченнаго куска хлѣба, ни свободы.

— Къ сожалѣнью, правда, сказалъ онъ грустно,—но люди искали счастья не тамъ, гдѣ его нужно искать.

— И вы его искали? спросила она.

— Искалъ... И въ Европѣ искалъ, и въ Россіи искалъ... Шатался я вездѣ, все испытывалъ, ко всему присматривался, былъ я и членомъ рабочихъ асоціацій въ западной Европѣ, былъ и въ средѣ людей, которые считаютъ кровавыя революціи единственнымъ путемъ къ обновленію застоявшагося и вреднаго порядка вещей...

жилъ и въ русскихъ комунахъ. Но все это не то, что нужно человѣчеству: все это—напрасныя порыванья къ несознанному идеалу. Комуна, какова она у насъ въ Россіи, годится только для бѣдняка-студента, для гимназиста, для бѣдной, желающей работать, а не продавать свое тѣло, дѣвушки-гимназистки, учительницы, сигналистки, телеграфистки. Она годна, пожалуй, и для горемыки чиновника, но это—не народная форма общины и народъ ее не пойметъ. Вы хорошо помните романъ Чернышевскаго «Что дѣлать»? спросилъ вдругъ Стожаровъ, какъ бы вспоминая что-то.

— Да, помню... Этотъ романъ многихъ дѣвушекъ спасъ отъ паденія и, мнѣ кажется, неправы тѣ, которые считаютъ его безнравственнымъ, отвѣчала она,—весь выводъ его—похвала труду и если другіе вывели дурное заключеніе изъ чтенія этого романа и погибли, какъ стараются это доказать противники Чернышевскаго, такъ это потому, что эти другіе — глупы, и погибли бы, еслибъ даже и не читали Чернышевскаго.

— Это ваше мнѣніе?

— Да, мое... Я сама училась жить и думать по «Что дѣлать», и, какъ видите, не пошла «дорогой обычною».

— Я согласенъ съ вами, сказалъ Стожаровъ, — но, признаюсь вамъ, я заглянулъ дальше той черты, гдѣ кончается ученіе Чернышевскаго, и нахожу, что идеалы его узки и односторонни... Онъ очертилъ для своихъ идеаловъ очень ограниченный кружокъ и доктрины его, въ примѣненіи къ жизни, не пошли дальше устройства магазиновъ и швейныхъ. Такіе магазины я видѣлъ, и всѣ они очень неудачно вели свои дѣла и—лопнули.

— Отчего же?

— Оттого, что устройство этихъ магазиновъ сочинено въ кабинетѣ, а не взято изъ жизни... Надо было дѣйствительно потереться по швейнымъ, да видѣть всю изнанку этого дѣла, чтобъ создавать рабочія асоціаціи для женщинъ... Да притомъ—не модные магазины нужны русскому народу... Я знаю что́ ему нужно, и мы съ вами начнемъ это дѣло.

— А если и вы также увлекаетесь, какъ увлекался Чернышевскій? Что если и ваши идеалы, какъ идеалы Чернышевскаго, черезъ пять лѣтъ окажутся и устарѣлыми, и узкими, и однобокими? Да и

можете ли вы безопасно проводить въ народъ ваши новыя доктрины, которыхъ я, признаюсь, не понимаю еще? Что если васъ, какъ подстрекателя народа и подозрительнаго господина, схватитъ нашъ варгунинскій становой, претендентъ на мою руку и сердце? спрашивала Бармитинова.

— Э! не говорите мнѣ этого! Не относитесь такъ легко къ тому, что выстрадалъ я годами тяжелыхъ сомнѣній, годами мучительной борьбы и съ людскою глупостью, и съ людскою злобою, говорилъ онъ, по видимому, глубоко огорченный ея недовѣріемъ;—не заговоры я составляю и не революцій ищу я, потому что и то, и другое считаю непростительными ошибками людей... А! какое подлое, звѣриное ученіе, которому такъ долго вѣрили люди девятнадцатаго вѣка!

— Какое ученіе? спросила она,—какое звѣриное ученіе?

— Развѣ вы не знаете? сказалъ онъ, и глаза его засверкали,—говорятъ, что только то зданіе прочно, цементъ котораго замѣшанъ кровью человѣческой. Развѣ это не звѣриная доктрина? Звѣриная! положительно звѣриная! Моя доктрина инаго рода: все, что забрызгано человѣческой кровью—погибнетъ безслѣдно. Все, что сдѣлано тайно, заговоромъ—подло. Заговоръ—даже противъ моихъ злѣйшихъ враговъ, даже противъ враговъ человѣчества—подлость, воровство. Вѣдь вы не рѣшитесь украсть у человѣка ничего, даже той вещи, которую онъ укралъ у васъ? несогласитесь?

— Да, не соглашусь... Я скорѣе обличу вора, а не перекраду украденнаго.

— Такъ говоритъ и моя доктрина; и я готовъ проповѣдывать ее и на площадяхъ, и въ церкви, и меня не сочтутъ ни подстрекателемъ народа, ни заговорщикомъ, говорилъ Стожаровъ съ болѣе и болѣе возрастающею силою.

— Ахъ, Григорій Борисовичъ! возражала дѣвушка,—я не сомнѣваюсь въ честности вашихъ доктринъ; но..

— Что же *но?* Доканчивайте, не мучьте меня! говорилъ Стожаровъ съ какою-то неудержимою страстностью въ голосѣ.—Для меня это вопросъ жизни и смерти... Неужели отъ васъ я встрѣчу то же возмутительное возраженіе, которое бросали мнѣ въ глаза брюссельскіе коноводы рабочихъ асоціацій: «вы идете дальше отца Анфан-

тена, но упадете ближе его». . Проклятое возраженіе! Говорите же вы, досказывайте, что кроется подъ вашимъ *но?*

— Успокойтесь, пожалуйста, Григорій Борисовичъ! говорила дѣвушка ласково, взявъ его за руку, — не волнуйтесь, не падайте духомъ... Я не скажу вамъ того, что вы слышали отъ брюссельскихъ коноводовъ... Я рѣшаюсь только спросить васъ: увѣрены ли вы, что ваши честныя доктрины, ложно понятыя массою, не сдѣлаются чѣмъ-то въ родѣ палицы Перуна, которою глупые новгородцы сами себя убивали?

— Но помилуйте вы меня! отвѣчалъ Стожаровъ съ тѣмъ же увлеченіемъ,—мои доктрины слишкомъ просты, чтобъ ихъ можно было перетолковать... Я хочу только, чтобъ у всѣхъ былъ кусокъ хлѣба... Что-жъ тутъ непонятнаго?

— Да, это понятно. Но какъ это сдѣлать?

— Я хочу доказать и докажу, продолжалъ онъ, не слушая возраженія, — что примѣненіе людьми дарвиновской теоріи о пожираніи мелкихъ особей крупными такъ же возмутительно, какъ проповѣдыванье людоѣдства въ Европѣ .. Понятно вамъ это?

— Понятно, однако...

— Я хочу, продолжалъ онъ,—чтобы результаты, добытые наукою и кровью миліоновъ людей, не обращались на головы этихъ же бѣдныхъ людей...

— Я слушаю васъ, я не возражаю вамъ, говорила дѣвушка покорно.

— Нѣтъ, вы говорите мнѣ о палицѣ Перуна...

— Я сказала, можетъ быть, неосторожно, потому что не знаю вашего ученія; но вы можете быть увѣрены, что я съумѣю быть вашимъ прозелитомъ, какъ была имъ десять лѣтъ.

— Десять лѣтъ! сказалъ онъ въ какомъ-то раздумьѣ; — въ эти десять лѣтъ тяжелой, внутренней борьбы и тяжелыми муками сердца я выстрадалъ мои настоящія вѣрованія .. Десять лѣтъ я, буквально бродилъ по міру, выискивалъ, не найду ли уголка, гдѣ бы человѣку жилось хорошо, гдѣ бы рядомъ съ развратомъ избытка не томился голодомъ и неизвѣстностью о завтрашнемъ днѣ горемыка-пролетарій, гдѣ бы сила не давила все слабое и беззащитное, гдѣ бы не лились слезы забитаго и загнаннаго. Въ десять лѣтъ я иско-

лесилъ всю Россію и всю Европу, выискивая этого счастливаго уголка, и не нашелъ его. Десять лѣтъ я изучалъ всѣ соціальныя теоріи, всѣ трактаты честныхъ тружениковъ человѣчества о возможности лучшаго устройства человѣческихъ обществъ, изучалъ я всевозможныя системы экономистовъ, перебывалъ во всѣхъ общинахъ западной Европы, во всѣхъ асоціаціяхъ, приглядывался къ устройству артелей, жилъ и голодалъ въ нашихъ петербургскихъ комунахъ,—и отовсюду выносилъ тяжелое убѣжденіе въ томъ, что—или наука безполезно трудится надъ выработкой истинной теоріи добыванія человѣческаго счастья, потому что счастье это — логическій абсурдъ, или земля слишкомъ тѣсна и слишкомъ бѣдна, чтобы накормить досыта живущихъ на ней людей и одѣть дрожащее отъ холода тѣло этихъ несчастныхъ. Но при такомъ страшномъ, унизительномъ для человѣчества убѣжденіи я не могъ долго оставаться: это было не убѣжденіе, а ужасъ возможности такого убѣжденія, и я отвергалъ его всецѣло и сердцемъ моимъ, и мыслью моею... И я опять бродилъ по свѣту, опять искалъ выхода, не для себя, а для тѣхъ, для кого дѣйствительно не было выхода изъ этого ада, который люди сами устроили себѣ на землѣ, которою *они же* распоряжаются.

Онъ замолчалъ и какъ бы забылъ, что говоритъ не самъ съ собой.

— И что-жъ, нашли этотъ выходъ? спросила дѣвушка тихо и робко.

Стожаровъ какъ бы очнулся отъ тяжелаго забытья и выпрямился.

— Какъ странно все это, сказалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ Бармитиновой.

— Что странно? спросила она, боясь даже этимъ вопросомъ встревожить своего собесѣдника, потому что не могла не видѣть той болѣзненной возбужденности, въ которой онъ находился.

— Странно, что нашему вѣку выпало на долю выносить на своихъ плечахъ ошибки нашихъ отцовъ и вытаскивать изъ пропасти всѣхъ, кого эти ошибки толкнули въ эту пропасть, сказалъ онъ съ бо́льшимъ противъ прежняго спокойствіемъ.—Впрочемъ, что-жъ тутъ страннаго? Это такъ естественно, что человѣкъ всегда хватается за больное мѣсто. Вѣдь ужъ положительно невозможно, чтобы дѣла продолжали идти дальше также скверно, какъ шли до сихъ поръ.

Всему есть мѣра. Мы должны во что бы то ни стало добиться, чтобы дѣла шли лучше.

Онъ снова остановился и задумался. Бармитинова не прерывала этого молчанія.

— Что это однако, сказалъ онъ вдругъ спохватившись, —я пришелъ къ вамъ свататься, а между тѣмъ говорю рѣчь, которую приличнѣе было бы сказать къ брюссельскимъ рабочимъ, моимъ старымъ пріятелямъ. Простите меня, добрая Варвара Григорьевна: вы видите, что человѣкъ, долго носившій въ себѣ завѣтныя убѣжденія, становится какимъ-то мономаномъ. Я думаю, я кажусь вамъ страннымъ?..

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвушка съ полной откровенностью, —такимъ я знала васъ давно и такимъ опять нашла, когда уже думала, что совсѣмъ потеряла. Напротивъ, я рада, что вы все тотъ же.

— Тотъ же! сказалъ Стожаровъ съ грустною улыбкою; —вглядитесь въ мою голову, на ней слишкомъ много серебра... Эти десять лѣтъ прошли не даромъ. Скоро совсѣмъ побѣлѣетъ эта безпокойная, удалая головушка.

— Что-жъ, отвѣчала дѣвушка, —вы будете еще красивѣе... Впрочемъ, и меня время сильно задѣло своимъ размашистымъ крыломъ. Развѣ я прежняя? спрашивала она, стыдливо опуская глаза, въ которыхъ было свѣта больше, чѣмъ въ прежнее время.

— Прежняя... Только лучше прежней... Что-то глубокое, бездонное въ глазахъ, чего я теперь понять не умѣю... А прежде понималъ.

— Я вижу, старый студентъ льститъ... Развѣ вы не видите, что я стала старою дѣвой? сказала дѣвушка весело.

— А вамъ сколько теперь лѣтъ? спросилъ Стожаровъ.

— Двадцать пять.

— О! такъ я передъ вами Маѳусаилъ.

— Да и я не моложе Сары.

— Однако мы женимся? спросилъ вдругъ Стожаровъ, взявъ дѣвушку за руку.

— Женимся, отвѣчала дѣвушка, довѣрчиво глядя ему въ глаза.

— Когда же?

— Ахъ, да! вдругъ спохватилась она,—а что же будетъ съ моей школой, что будетъ съ моими Телемаками?

— О Телемакахъ мы поговоримъ послѣ... Теперь весь вопросъ въ Пенелопѣ и въ Одиссеѣ: Одиссей воротился къ своей Пенелопѣ и она можетъ на время отложить окончаніе своей ткани.

— Но мнѣ такъ жаль будетъ разстаться со школой, гдѣ и думалось такъ много, и плакалось много.

— Я вамъ дамъ другую школу, вмѣсто свадебной корзинки, сказалъ Стожаровъ, — можете тамъ думать сколько угодно, но только не плакать.

— Гдѣ же эта школа?

— Въ новомъ государствѣ, которое мы съ вами должны основать.

— Какъ! новое государство? И мы будемъ въ немъ Ромуломъ и Ремомъ?

— Нѣтъ, мы скорѣе будемъ волчицей, которая воспитаетъ наше новое государство.

— А варвары не разрушатъ наше государство?

— Нѣтъ, мы просвѣтимъ всѣхъ варваровъ, и они станутъ нашими союзниками.

Бармитиновой и радостно и грустно было слушать эти рѣчи человѣка, памяти о которомъ она не измѣняла въ теченіе десяти лѣтъ, которому посвящены были лучшія движенія ея сердца, самыя высокія и благородныя побужденія ея ума, котораго она любила, наконецъ, тѣмъ сосредоточеннѣе, чѣмъ болѣе сосредоточивалась въ себѣ самой, чѣмъ полнѣе было ея самозаключеніе и отчужденіе отъ всѣхъ радостей жизни, хотя нерѣдко пошлыхъ и недостойныхъ человѣка, но все же пополняющихъ и пустоту времени, и пустоту сердца. А ея сердце и ея мысль были полны только имъ, памятью о немъ и завѣщаннымъ имъ дѣломъ. И вотъ, послѣ десяти-лѣтней разлуки, онъ остается все тѣмъ же холоднымъ и сдержаннымъ и, какъ тогда, у него на первомъ планѣ его фантазіи, а не она, не ея привязанность. Хоть бы одно ласковое слово, хоть бы одно сердечное движеніе—для нея собственно, а не для какого-то призрака, которымъ онъ жилъ цѣлыя десять лѣтъ... Какой-то червякъ возился въ ея сердцѣ...

— Вы какъ попали сюда, въ эту глушь? спросила она, взгля-

нувъ ему въ глаза, какъ бы разсѣянно перенося свой взглядъ отъ одного угла комнаты до другаго и на дорогѣ нечаянно встрѣчая два глаза Стожарова. — Вы кого собственно искали — меня, или хорошую земскую школу?

— Хорошую земскую школу, а не васъ, отвѣчалъ онъ серьезно, желая поймать на дорогѣ взглядъ дѣвушки, скользнувшій по его лицу какимъ-то будто холоднымъ свѣтомъ и вновь убѣжавшій вдаль.

— И случайно наткнулись на меня? спросила она, продолжая прятать глаза, боясь, чтобы Стожаровъ въ глубинѣ ихъ не прочиталъ что-либо недозволенное для него.

— Нѣтъ, не случайно, отвѣчалъ онъ, — меня привела къ вамъ волшебница Медея.

— Но вѣдь я не овца, господинъ Язонъ, возразила она и вскинула на него свои большіе глаза, — на мнѣ нѣтъ золотой шерсти.

— А все же меня привела къ вамъ волшебница Медея.

— Гдѣ вы ее встрѣтили?

— Въ разныхъ русскихъ газетахъ... Она теперь вооружена перомъ и сторожитъ сокровища русскаго народа, а безобразныя чудовища прокалываетъ этимъ орудіемъ насквозь. Она и на васъ мнѣ указала перомъ.

— Какъ на чудовище?

— Нѣтъ, какъ на золотое руно, отвѣчалъ Стожаровъ, вскидывая головой, какъ бы на ней были большіе волосы.

— Я не понимаю васъ, сказала дѣвушка, опять задумываясь; — вы говорите загадками, точно сивилла.

— Что-жъ дѣлать! Привыкъ къ этому языку по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, замѣтилъ онъ съ улыбкою.

— Кто же эта Медея — я все-таки не понимаю, сказала дѣвушка почти съ раздраженіемъ.

— Современное ея имя — «благодѣтельная гласность», отвѣчалъ Стожаровъ; — эта госпожа повѣдала, что въ Варгунахъ есть золотое руно — это ваша земская школа и вы, — я и пріѣхалъ взглянуть на школу и на васъ. А не будь въ Варгунахъ образцовой земской школы, Язонъ и не пріѣхалъ бы въ эту Колхиду.

— И ко мнѣ не пріѣхали бы? спросила дѣвушка, стараясь сдержать дыханіе.

— И къ вамъ не пріѣхалъ бы, потому что не будь вы тѣмъ, что вы теперь, вы были бы обыкновенною «барышнею», какими хоть прудъ пруди, какими у насъ, какъ гатью, запружено всякое движеніе мысли и общественнаго развитія, — а къ такой барышнѣ я бы не поѣхалъ.

— То было бы ужъ, конечно, не золотое руно? спросила дѣвушка, и глаза ея перенеслись изъ угла на серьезное лице Стожарова и какъ бы принесли изъ этого угла теплые лучи свѣта и бросили ихъ на темный обликъ Стожарова и на его точеную голову.

— Нѣтъ, то была бы просто... паршивая овца, сказалъ онъ съ усиліемъ.

Дѣвушка засмѣялась и блѣдное лице ея освѣтилось, какъ будто на него навели маленькій рефракторъ.

Стожаровъ оглянулся и увидѣлъ, какъ черезъ порогъ переступала Кузьминишна съ чайнымъ приборомъ и набожно шептала, но такъ, что шопотъ ея былъ слышенъ: «о-о-хо-хо! кабы-то старыя времена воротились, може-бъ такихъ божьихъ людей поболѣ было, а то ишь ты на! новыя все времена, пусто бы имъ было!..»

Кузьминишна была большая меломанка и калѣки перехожіе своимъ пѣньемъ растревожили ея старчески дремавшіе нервы на цѣлый день.

XVII.

Стоитъ тихое, теплое, ясное сентябрьское утро, какія бываютъ только въ началѣ осени, когда, послѣ нѣсколькихъ смурыхъ дней, солнце какъ бы само радуется, что ему удалось еще хоть разъ выглянуть изъ-за сѣрыхъ сплошныхъ тучъ на землю и посмотрѣть еще хоть разъ и на увядающую, чахнущую зелень, которую оно когда-то растило, лелѣяло, да только все-таки не уберегло отъ старости, и на людей, которые копошатся на землѣ со своими радостями и печалями, со своими нуждами и заботами, со своими маленькими человѣческими грѣшками и такими же меленькими человѣческими добродѣтельками,—посмотрѣть и на эту Волгу, кому матушку родимую, кому мачиху сварливую, съ ея желтыми берегами и

сыпучими песками, съ ея тальникомъ, ветляникомъ и осинникомъ, что дрожитъ какъ сердце пугливое,—посмотрѣть и на степь широкую, размашистую, надъ которой когда-то плавалъ лунь сивый, расправляя свои широкія крылья, въ видѣ креста надмогильнаго.

Радостно бываетъ людямъ въ такой полулѣтній, полуосенній день, хотя и самое чувство радости выражается въ такіе дни какъ-то неопредѣленно, незаконченно, и радость эта какъ бы не въ силахъ подавить другое чувство, съ такими неопредѣленными и незаконченными ощущеніями, за которыми могутъ брызнуть слезы.

На варгунинской пристани опять стоитъ пароходъ, отправляющійся вверхъ по Волгѣ, и своимъ присутствіемъ оживляетъ и пристань, и весь прилежащій къ ней берегъ. Видно, что приходъ парохода разбудилъ мирно и тихо работавшій человѣческій муравейникъ, и люди спѣшатъ жить, торопятся ускорить біеніе пульса и сердца, чтобы успѣть и нарадоваться, и настрадаться, и въ волю потомъ наплакаться, когда всѣ эти лихорадочные дни останутся далеко назади, а пульсу и сердцу останется биться такъ недолго, чтобъ потомъ совсѣмъ замолкнуть.

Съ такими чувствами и мыслями стояла у самаго спуска къ пристани Бармитинова, кого-то поджидая, а около нея Марина, стоя на колѣняхъ, поднимала съ земли камешки и бросала ихъ въ Волгу, приговаривая: «одна умная женщина броситъ въ воду камень, а десять глупыхъ мужчинъ бросятся за нимъ, чтобъ вытащить»...

Съ другой стороны къ пристани подходили Стожаровъ и Серпороевъ. У обоихъ было по пледу, по дорожному мѣшку и по зонтику. Серпороевъ спокойно смотрѣлъ на суетню пристани, тогда какъ на блѣдномъ лицѣ Стожарова отражалось какое-то не то грустное, не то раздражительное раздумье. Суетня этой пристани и все живое на ней и около нея представлялось исполненнымъ глубокаго, но безотраднаго смысла.

Родная природа... Теплое, благотворное солнце... Зеркальная поверхность Волги, отражающая глубокое, бирюзовое небо... Радостно плещущая на солнышкѣ рыбка, наслаждающаяся жизнью (думалъ Стожаровъ, глядя куда-то вдаль, тогда какъ лице его нервно подергивалось)... Ахъ, вы, художники! Все бы вамъ искуство для искуства... Все-то у васъ наслаждается жизнью... То-то наслаждается!..

Улыбка разцвѣтаетъ на всѣхъ лицахъ подъ этимъ живительнымъ солнцемъ... Только разцвѣтаетъ!.. А вглядѣлись бы вы поближе во все это улыбающееся въ природѣ, вдумались бы попристальнѣе вашимъ размягченнымъ отъ идеализаціи мозгомъ въ смыслъ этой жизни—не то бы сказали... А они только и пишутъ про природу да любовь, да художественно очерчиваютъ характеры, и эту развалившуюся избушку, и эту изрытую водоройнами и грязную до безобразія пристань изобразятъ художественно... Вонъ и баба улыбается художественно, гармонично съ природой, протягивая руку съ булкой, чтобъ эту булку купилъ неосторожный пасажиръ: это нужда улыбается, битье изъ-за копѣйки растягиваетъ мускулы лица въ художественную улыбку... Взявъ булку, пасажиръ бросилъ бабѣ пятакъ: надула баба пасажира,—надулъ пасажиръ бабу... Булка не стоитъ пятака,—пятакъ не стоитъ булки: бабу надулъ мучникъ-купецъ — далъ ей муки не за ту цѣну, какой она стоила, бабу надулъ печникъ, слѣпивъ ей печь не за ту цѣну, какой печь стоила, бабу надули на дровахъ, а баба надула пасажира своей булкой, а онъ надулъ ее своимъ пятакомъ, потому что пятакъ этотъ не дастъ бабѣ того, чего бы она желала достать на пятакъ... Круговой обманъ, вынужденный этою улыбающеюся жизнью, подлость, узаконенная и этимъ благотворнымъ солнцемъ, и историческою необходимостью... Вонъ и носильщикъ спѣшитъ жить, торопится ускорить біеніе пульса и сердца, и вотъ на свою потертую спину взвалилъ ящикъ, который способенъ раздавить его, еслибъ носильщика не поддерживала упругая энергія нужды, что вотъ-де, во что бы то ни стало надо на цѣлую полтину въ день наломать себѣ бока, натрудить спину, намозолить закорявѣвшія руки... Вонъ и нищенка наслаждается жизнью, художественно испытываетъ на себѣ благотворное вліяніе природы, пережевывая кусокъ черстваго калача, который ей дали христа-ради послѣ того, какъ кусокъ этотъ художественно испестрили мухи, наслаждаясь жизнью подъ лучами благотворнаго солнца... Вонъ и группа жнецовъ и косарей такъ живописно расположилась подъ обрывомъ, гдѣ, пережевывая здоровыми челюстями ломти грубаго хлѣба и запивая его водой изъ Волги, косари и жнецы боятся вполнѣ утолять свой здоровый голодъ, чтобы не проѣсть заработанныхъ денегъ, которыми они должны утолить не менѣе здоровый го-

лодъ оставшагося дома семейства... И благотворное солнце печетъ ихъ открытыя, запыленныя маковки, грубитъ и безъ того грубыя, коричнево-сѣрыя лица и грубыя, потертыя, какъ ихъ измочаленные лапти, здоровыя руки, желтитъ и безъ того желтыя, всклоченныя, художественно нечесанныя и никогда не глаженныя бороды, которыя чешутся только буйными вѣтрами, да гладятся иногда старостиными, такими же буйными, несутеричивыми руками. Вонъ и та молодуха, что воетъ словно собака выжлятникъ, припавъ безталанной головой къ полѣнницѣ дровъ — тоже воетъ художественно и наслаждается жизнью, потому что жнецы сказали ей, что мужъ ея, ушедшій на заработки, косилъ двѣнадцать дёнъ чужую нивушку, а на тринадцатый денекъ ему на той нивушкѣ смертушка приключилася... Вонъ и рыбка радостно плещется на солнышкѣ, наслаждается жизнью, художественно выныряя на зеркальную поверхность Волги, тогда какъ эта рыбка, можетъ, три дня голодала, а теперь изо всѣхъ рыбьихъ силокъ и со всею рыбьею смышленостью и хитростью хочетъ поймать летающую надъ водой козявку, которая тоже другой денекъ голодаетъ, тогда какъ всего житія козявкина десять—пятнадцать денечковъ, а можетъ и менѣе... Вонъ и бѣлоглазая галка наслаждается жизнью, отгоняя такую же какъ и она сама, только робкую и слабенькую, бѣлоглазую же галушку отъ кучки лошадинаго помета, освѣщеннаго теплымъ солнышкомъ благодатнаго неба, и эта послѣдняя, безталанная галушка, оттертая отъ роскошнаго пира жизни, попрыгиваетъ на своихъ сухихъ костяныхъ ножкахъ вокругъ да около пирующаго богача-галки и такъ завистливо смотритъ на нее, точно хочетъ выговорить своими маленькими костяными губками: «бываютъ же на свѣтѣ такія счастливицы, у которыхъ впереди цѣлый комъ лошадинаго помета, а у меня ни помета, ни сердечнаго покоя—ничего, ничего кромѣ нужды безотходной да горя нерасхлебнаго... Эхъ, какое обидное неравенство правъ и богатствъ, какая невыносимая тоска у меня на сердцѣ!...» Все-то бьется изъ-за куска хлѣба, или изъ-за кома лошадинаго помета, и вездѣ-то нужда какъ у человѣка, такъ и у птицы, и вездѣ-то трудъ непосильный, неблагодарный...

Такъ думалъ и чувствовалъ Стожаровъ, подходя съ своимъ товарищемъ къ пристани и видя въ суетнѣ всего живаго свой собствен-

ный смыслъ и своеобразное, нерадостное значеніе... «Художники все! психологи! ворчалъ про себя Стожаровъ: имъ бы только описать прелесть природы, изобразить микроскопическую тонину чувствъ и ощущеній, а нѣтъ чтобы посмотрѣть, что ѣстъ вонъ та рыжая борода и во что обошелся ему ломоть этого хлѣба, испеченнаго еще въ каменный періодъ и добытаго изъ земли съ такимъ же трудомъ, съ какимъ добываются только комья золота въ Сибири... Эхъ, много же ты двинула человѣчество впередъ, паршивая наука»!.. Онъ самъ сознавалъ, что безобразно богохульствуетъ, браня науку, когда не она тутъ виновата, но не могъ удержаться, потому что умъ его былъ не въ мѣру возбужденъ излишнимъ анализомъ скорбныхъ явленій и упрямая голова готова была даже корить природу, зачѣмъ она не дастъ законовъ поумнѣе да помягче для человѣка.

— Вотъ идетъ противный сочинитель, сказала вдругъ Марина, замѣтивъ Стожарова и переставъ бросать въ Волгу камешки.

При этомъ имени Бармитинова встрепенулась и вытянулась, какъ будто по спинѣ у нея провели концомъ холоднаго желѣза.

— Гдѣ? спросила она.

— Вонъ на яру пыль поднимаетъ своими сапожищами, точно моя корова Запава Путятишна.

— Ты за что его не любишь, Мариночка? спросила Бармитинова, вглядываясь въ небрежную, нѣсколько сутуловатую фигуру Стожарова.

— За то, что онъ сочинитель, а всѣ сочинители хвастаются тѣмъ, что стоятъ за женщинъ, только женщинамъ отъ этого не легче.

Какъ мячикъ, пущенный искусной рукой, скатился съ крутаго берега Кузя Ногинъ и очутился передъ Бармитиновой.

— Я, Варвара Григорьевна, равновѣсіе и центростроительную силу училъ на заборѣ, говорилъ онъ запыхавшись.

— Какъ на заборѣ? спросила Бармитинова, не понимая что болтаетъ мальчикъ.

— На заборѣ, Варвара Григорьевна... Я ходилъ по забору и нагибался, и центръ тяжести у меня измѣнялся.... Я только разъ упалъ.

— Что-жъ, все понялъ?

— Все... Теперь я знаю отчего моя бабушка съ палкой ходитъ, говорилъ онъ весело.

— А отчего, замѣтила шутя Марина,—чтобъ грозить тебѣ палкой когда ты шалишь.

— Нѣтъ, она гнется впередъ, и палкой подпираетъ центръ тяжести, а я и дѣдушка ходимъ безъ палки.

Къ нимъ приблизились Стожаровъ и Серпороевъ, изъ которыхъ первый вовсе не пылилъ ногами подобно принадлежащей Маринѣ коровѣ подъ именемъ Запавы Путятишны, а напротивъ, пылилъ Серпороевъ, который имѣлъ привычку ходить, какъ бы скользя ногами по паркету. Бармитинова, глядя на серьезное, хотя спокойное по наружности лице Стожарова, сдѣлалась еще грустнѣе, хотя силилась побѣдить себя. Марина, видя ее грустною, не скрывала уже своей непріязненности къ «противному сочинителю» и часто, безъ всякаго повода, отворачивалась отъ него, а иногда нетерпѣливо и капризно подергивала плечомъ, какъ это дѣлаютъ избалованныя дѣти. Кузя Ногинъ подбѣжалъ къ нимъ, какъ къ давно знакомымъ, и заболталъ о томъ, что онъ «училъ равновѣсіе на заборѣ», что у его бабушки центръ тяжести не тамъ гдѣ у дѣдушки. Серпороева онъ схватилъ за пледъ и увѣрялъ, что это шаль, что такую шаль онъ видѣлъ на женѣ судебнаго слѣдователя.

— А сочинять меня научите, когда я пріѣду къ вамъ въ Петербургъ? приставалъ онъ къ Серпороеву.

— Научу, отвѣчалъ тотъ, забавляясь живостью мальчика.

— И книжки печатать научите?

— Научу.

— А какъ ихъ печатаютъ? А какъ сочиняютъ? и т. д.

Серпороевъ съ трудомъ могъ удовлетворить его неугомонное любопытство.

— А что выше—сочинитель или губернаторъ? спросилъ онъ наконецъ, такъ что Бармитинова принуждена была сказать ему, чтобъ онъ пересталъ говорить глупости.

— А вамъ выпалъ хорошій день для дороги, замѣтила она, обращаясь къ Стожарову.

— Да, Варвара Григорьевна, отвѣчалъ онъ! —но какой-то день выпадетъ на мой возвратъ сюда?

Она грустно улыбнулась. Марина капризно отвернулась и тихонько пробормотала: «у, противный»!..

— А вы въ Петербургъ? спросила Бармитинова Серпороева.

— Въ Петербургъ... Лекціи ужъ, вѣроятно, начались, а я тутъ заболтался въ поволжьѣ, отвѣчалъ онъ.

Стожаровъ, замѣтивъ, что Марина поглядываетъ на него непріязненно, вздумалъ подразнить ее.

— А въ какомъ положеніи теперь женскій вопросъ? спросилъ онъ ее.

Марина вспыхнула. Глаза ея сверкнули и расширились, и она поглядѣла на него какъ кошка, готовая броситься на воробья.

— А вашъ мужской вопросъ въ какомъ положеніи? отвѣчала она вопросомъ, и при этомъ голосъ ея дрожалъ и губы дрожали.

— Такого вопроса нѣтъ, сказалъ Стожаровъ,—есть только женскій.

— Такъ вамъ лучше знать въ какомъ онъ положеніи, возразила Марина,—вы его сами убивали.

— Чѣмъ мы его убивали? спросилъ Стожаровъ.

— Вашими насмѣшками... Это подло.

Серпороевъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту дѣвушку, которую видѣлъ въ первый разъ.

— Что-жъ, сказалъ онъ, обращаясь какъ бы къ Стожарову,—когда нѣтъ мужскаго вопроса, такъ не должно быть и женскаго, въ противномъ случаѣ это будетъ дико.

— По моему не дико, замѣтила Бармитинова,—есть вопросы разные—восточный, славянскій, которые слѣдуетъ рѣшить... Для мужчинъ ужъ все рѣшено, оттого и нѣтъ мужскаго вопроса, а въ вопросѣ о женщинахъ еще ничто не рѣшено: слѣдуетъ ли ихъ держать въ заперти и на цѣпяхъ, какъ дикихъ звѣрей, или выпустить на свободу, дозволить ли имъ учиться, какъ дозволено крестьянскимъ мальчикамъ, или женщины не должны ничего знать, кромѣ спеціальности мыть дѣтскія пеленки и штопать мужскіе чулки—все это вопросы... Имѣютъ ли право женщины стричь волосы и ходить безъ желѣзныхъ обручей, имѣютъ ли онѣ право не прокалывать ушей для серегъ и кто имъ дозволилъ не прокалывать носы свои, чтобъ вдѣ-

вать туда кольца, какія вдѣваются медвѣдямъ и дикимъ женщинамъ,— все вѣдь это вопросы, все это части великаго женскаго вопроса.

— Ахъ, Варя, какая ты умная! умнѣе всѣхъ мужчинъ, болтала радостно Марина и бросилась цѣловать ее.

Кузя также сіялъ отъ радости, что его учительница такая умная.

Съ парохода кто-то кланялся Стожарову, но въ толпѣ нельзя было различить кто это. Кузя, который видѣлъ лучше всѣхъ, рѣшилъ, что это тотъ богатый купецъ, у котораго красная куртка и «змѣючіе глаза», какъ онъ выражался. Оказалось, что это былъ молодой Гридневъ.

— Чей товаръ! кричалъ суетливый бешметъ къ рыжей бородѣ, которая шла по берегу, впереди нагруженныхъ телѣгъ.

— Гридневскій, отвѣчала рыжая борода.

Въ это время пароходный звонокъ быстро зазвенѣлъ, какъ бы захлебываясь отъ скорости. Бармитинова вся вздрогнула при этомъ звукѣ и вопросительно посмотрѣла на Стожарова.

— Пойдемте на пароходъ, сказалъ Стожаровъ,—а иначе мы можемъ опоздать... Пароходъ, какъ и исторія, не ждетъ тѣхъ, которые не поспѣваютъ.

— Не бойтесь, замѣтилъ шутя Серпороевъ,—у насъ въ Россіи и пароходъ и исторія медленно поспѣшаютъ... Тише ѣдешь....

— Да! чертъ знаетъ когда доѣдешь, прервалъ его Стожаровъ.

На пароходѣ ихъ встрѣтилъ молодой Гридневъ, который отдавалъ разныя приказанія своимъ прикащикамъ и въ тоже время торговался съ капитаномъ другаго парохода, буксирнаго, относительно транспортированія партіи пшеницы и сала къ петербургскому порту по послѣднему рейсу. Приказанія прикащикамъ онъ отдавалъ быстро, хотя тихимъ, ласковымъ голосомъ и какъ бы заикаясь, а письменные приказы давалъ на клочкахъ бумаги, которые тутъ же вырывалъ изъ своей записной книжки. Слышались—рубли, пуды, сало, пшеница, дорого, Балаково, Самара, Марсель, Лондонъ, переводъ, курсъ, варранты, коносаменты, лажъ, ажіотажъ, рубль на рубль...

— А вы все хлопочете о рубляхъ, сказалъ ему Стожаровъ, здороваясь какъ со старымъ знакомымъ.

— Да, о рубляхъ, о чемъ же больше? отвѣчалъ Гридневъ, пересыпая изъ горсти въ горсть зерна пшеницы, которую ему показы-

валъ прикащикъ.—Кто о дѣлахъ земства, о народномъ образованіи, о свободѣ, о счастьи человѣчества, о Боклѣ и Спенсерѣ,—а мы о рубляхъ... Въ рубляхъ теперь все—и счастье человѣчества, и Бокль, и Спенсеръ, и свобода, и народное образованіе, и земскія дѣла... А пшеница не дурна, заключилъ онъ, обращаясь къ прикащику и высыпая ему горсть пшеницы на черствую ладонь.—А пансіонера-то моего вы ужъ пожалуйста не оставьте, Варвара Григорьевна, говорилъ онъ Бармитиновой, вторично съ ней раскланиваясь.

— Куда вы теперь? спросилъ его Серпороевъ, которому Гридневъ, какъ казалось, очень понравился трезвостью своей головы и разнообразной кипучей дѣятельностью.

— Въ Москву—Петербургъ, отвѣчалъ тотъ, записывая что-то въ своей книжкѣ,—а оттуда заверну по дорогѣ въ Гамбургъ, въ Амстердамъ, въ Лондонъ...

— По дорогѣ! воскликнулъ наивно Кузя Ногинъ, который тутъ же вертѣлся и вслушивался съ любопытствомъ во всякое слово. — Развѣ Лондонъ по дорогѣ въ Москву? Лондонъ—столица Англіи, а Гамбургъ—вольный городъ...

— Браво! сказалъ Серпороевъ,—вотъ такъ земскій ученикъ.

Всѣ съ удивленіемъ и съ улыбкой посмотрѣли на живаго мальчика, а Стожаровъ и Гридневъ молча поклонились Бармитиновой, которая вспыхнула и погрозила Кузѣ пальцемъ, но любовно и ласково. Марина вспыхнула еще больше Бармитиновой и проворчала себѣ подъ носъ: «ну ужъ, противные!..»

— У меня все по дорогѣ, мой милый, сказалъ Гридневъ Кузѣ, а потомъ, обращаясь къ Стожарову, добавилъ:—мой старикъ ребячится—не хочетъ имѣть прямыхъ сношеній съ лондонскими банкирами и заграничными торговыми домами, такъ я ѣду самъ устроить это дѣло.

— Но вѣдь вы хотѣли въ Нижній? замѣтилъ Серпороевъ.

— Въ Нижнемъ я ужъ былъ нѣсколько дней назадъ.

Пароходъ между тѣмъ продолжалъ пополняться пасажирами все больше и больше. Разводимые пары шумѣли все неистовѣе, какъ будто шипѣньемъ хотѣли показать, что тѣсно имъ подъ ярмомъ, которое надѣлала на нихъ рука человѣческая, что хочется имъ вырваться на свободу, которую отняли у нихъ люди для своихъ нуждъ,

а себѣ все-таки не добились свободы.—Кузя приглядывался къ парамъ и къ отверстію, изъ котораго они выходили, и казалось ему, что тамъ, внутри парохода, тяжело дышетъ что-то живое, сильное, таинственное, что задыхается оно въ жаркихъ котлахъ и въ разгоряченныхъ трубахъ, и жаль ему стало этой невидимой силы.

—. Задыхается онъ тамъ, Варвара Григорьевна? спросилъ мальчикъ, подходя къ Бармитиновой и показывая на пароходную трубу.

— Кто задыхается?

— Паръ задыхается... Ему нечѣмъ дышать.

Бармитинова улыбнулась, но не вполнѣ поняла мальчика. За то поняла его Марина, которой тоже казалось и слышалось, что внутри парохода сидитъ живое существо, и стонетъ оно, и не стало у него въ груди воздуха для дыханья, и стало ей жаль этого скованнаго Прометея, и радовалась она, когда тонкая струя паровъ, съ шипомъ и свистомъ вырываясь на свободу, исчезала въ воздухѣ... «Вырвался, вырвался», думала Марина, и вздрагивала при мысли, что онъ «весь вырвется», и пароходъ взлетитъ на воздухъ, и она сама погибнетъ безслѣдно, и будетъ о ней плакать папаша... «Нѣтъ, не вырвется», думала она снова: «человѣкъ хитрѣе его»...

— Тебѣ жаль его, Кузя? спрашивала она мальчика, показывая на трубу.

— Жаль, барышня... Выпустить бы его, отвѣчалъ мальчикъ.

Они понимали другъ друга съ полслова.

Бармитинова, между тѣмъ, думала свою думу. Не о парѣ думала она, не о томъ, что эту великую силу люди лишили свободы для своей свободы, запрягли въ желѣзный хомутъ, сковали желѣзными обручами, вдавили въ желѣзные котлы и гоняютъ изъ котла въ котелъ, изъ трубы въ трубу,—а думала она о томъ, что эта таинственная сила опять уноситъ съ собой то, что ей дорого, что она ждала десять лѣтъ, что выстрадала она, казалось ей, цѣлыми годами тоски и одиночества.

— Боюсь я покидать тебя, Варя, шепнулъ ей Стожаровъ: — дрогнуло мое сердце...

А ея сердце дрогнуло еще больше,—но она ничего не сказала.... «Прежде дѣло, а тамъ... сердце», подумала она, «прочнѣе будетъ счастье»...

XVIII.

Въ это время раздался послѣдній пароходный сигналъ. Всѣ бросились — кто на пароходъ, кто на берегъ. Между тѣмъ, маленькій Кузя, воспользовавшись общей суматохой, перелѣзъ на самый бортъ парохода, около колесъ, который уже начали вертѣться, пробирался по карнизу борта и перебранивался со своими врагами, казенными учениками, стоявшими на берегу.

— Кузька! упадешь, кричали мальчики.

— Не упаду... А вы бы упали... Вы знаете что я дѣлаю? болталъ онъ, пробираясь по карнизу.

— А что?

— Законы равновѣсія дѣлаю .. Законы тяготѣнія .. А вы объ нихъ не слыхали .. У! у! у!..

Въ одно мгновеніе послышался крикъ испуга на берегу и на пароходѣ, и раздался всплескъ воды, какъ бы кто бросилъ въ нее тяжелый камень. Надъ водой всплылъ намокшій картузъ, показались барахтающіяся дѣтскія руки, волосы съ какой-то головы, хотя самой головы не было видно, и тотчасъ же и руки и волосы скрылись подъ водою...

«Упалъ, упалъ въ воду!» слышались голоса... «Утонулъ»...

«Кто утонулъ? Кто упалъ?» — «Мальчикъ упалъ!...»

Въ это же мгновенье отъ толпы отдѣлилась высокая фигура парня, который вскочилъ на скамейку, стоявшую у борта, нагнулся какъ бы разсматривая, гдѣ ему лучше и вѣрнѣе утонуть, и со всего размаху кинулся въ Волгу, подъ самыя колеса парохода.

На берегу и на пароходѣ снова раздался крикъ ужаса: «Упалъ! другой упалъ!..»

На пароходѣ послышалась команда: «задній ходъ!.. Стой!»

Стожаровъ видѣлъ кто упалъ въ воду. Это былъ Кузя Ногинъ. Стожаровъ успѣлъ узнать и того, кто бросился потомъ въ воду. Это былъ Матвѣй Таволгинъ. Стожаровъ стремительно подбѣжалъ къ борту парохода и перегнулся черезъ бортъ. За нимъ стремительно бросилась Бармитинова. Нѣсколько мгновеній Стожаровъ стоялъ въ

нерѣшимости, глядя на воду, и всѣ глядѣли внизъ, на воду; но поверхность воды была безотвѣтна... «Утонули! утонули!» слышался ропотъ толпы. Поверхность воды сравнивалась...

Стожаровъ лихорадочно сбросилъ съ себя пальто и, прежде чѣмъ толпа могла опомниться, прежде чѣмъ Бармитинова поняла что онъ дѣлаетъ, онъ судорожно сжалъ ея руку и, сказавъ отрывисто: «двѣ жизни, двѣ большихъ силы погибло... прощай, не забывай меня, Варя...»—бросился въ воду. Снова крикъ ужаса въ толпѣ: «Третій упалъ! утонулъ!..» Бармитинова безъ чувствъ повалилась на палубу парохода.

Пропалъ и третій... Поверхность Волги снова сравнялась и унесла даже пѣну, которая образовалась отъ паденія въ воду Стожарова...

На пароходѣ и на берегу мертвое, зловѣщее молчаніе. Такое молчаніе въ людяхъ бываетъ только тогда, когда люди или ждутъ страшнаго несчастья—что вотъ-вотъ оно грянетъ на нихъ — или когда это несчастье только-что разразилось надъ ними и они еще не успѣли опомниться, придти въ себя, чтобъ понять всю силу удара или почувствовать всю глубину своего несчастья.

Въ этомъ зловѣщемъ молчаньи всѣ глядѣли, боясь дышать и шелохнуться, на гладкую поверхность воды, подъ которою исчезли три живыхъ существа и которая струилась тихо и спокойно, точно не сдѣлала никакого ужаснаго преступленія противъ законовъ жизни... Только пароходъ шипѣлъ какъ-то глухо, нерѣшительно, какъ бы не зная что ему дѣлать, да изъ воды выходило дыханье человѣческое въ видѣ пузырей, да солнце свѣтило своимъ ровнымъ, безучастнымъ свѣтомъ, какъ бы желая сказать, что въ этотъ самый моментъ оно видитъ на землѣ и не такія несчастья противъ законовъ жизни, какія видимъ мы своимъ близорукимъ человѣческимъ глазомъ.

Но вотъ, много ниже парохода, изъ воды показалась мокрая, всклоченная голова.

«Вотъ онъ!» раздались голоса на берегу и на пароходѣ.

«Это не онъ», говорили другіе голоса.

Это былъ Матвѣй Таволгинъ, который, подержавшись нѣсколько секундъ на водѣ, тяжело дыша и какъ бы вздрагивая, опять скрылся подъ водою.

Съ парохода и съ берега спускались лодки, бросались канаты, доски...

Изъ-подъ воды вынырнула другая голова...

«Вотъ онъ!» снова раздались голоса.

«Нѣтъ, и это не онъ», отвѣчали другіе голоса.

Это былъ дѣйствительно не онъ, не тотъ, который утонулъ. Это была точеная голова Стожарова.

— Я близорукъ... Подъ водой не вижу, говорилъ Стожаровъ, снова исчезая подъ водой.

— Лодки скорѣй! Неводъ бросайте... ниже.... ниже! кричалъ Гриднев, вскакивая въ лодку. — Ищите баграми, да легче, осторожнѣе!..

Въ воду опускались багры и напрасно искали утопленника. Снимая шапки и крестясь, въ воду забросили неводъ...

Но изъ подъ воды никто не показывался... И страшною, безжалостною казалась эта вода, страшными и злыми казались люди, которые боролись съ ея безсмысленными силами, и такое же страшное, безучастное, безжалостное свѣтилось надъ всею этою картиною солнце, которое какъ бы говорило: «жалкіе, жалкіе люди!.. Я вижу какъ пропадаютъ миліоны людей, какъ льется рѣками кровь человѣческая, какъ исчезаютъ цѣлые міры у меня на глазахъ — и мнѣ все равно... А вы бьетесь изъ-за того, что пропалъ атомъ изъ этой вселенной, утонулъ червякъ, прекратилось одно дыханье... Бросьте все это, жалкіе, голодные люди!..»

«Всѣ трое утонули», слышались голоса:—«ахъ, какое горе, какое великое горе!..»

Но въ это мгновенье на поверхности воды показалась мокрая, всклоченная голова. Это была голова Таволгина.

— Мотя! ты утонешь, какъ-то рѣзко, испуганно крикнулъ Гриднев,—хватайся за багоръ...

Таволгинъ ничего не отвѣчалъ, только слышно было его тяжелое дыханье да всплески воды. Руки его были подъ водой и онъ какъ будто силился что-то приподнять изъ воды... и приподнялъ. То была маленькая голова утопленника...

«Вытащилъ! вытащилъ!.. Помогите ему, онъ самъ тонетъ!» кричали голоса.

Изъ-подъ воды показалась и точеная голова Стожарова.

«Нашли!.. Вытащили!..» кричали голоса, заглушая хриплое шипѣнье парохода.

Изъ лодки подхватили утопавшихъ. За бортъ лодки укрѣпился и Стожаровъ, весь синій, страшный, страшно похудѣвшій. Всѣ трое были уже въ лодкѣ—два живыхъ и одинъ мертвый. Трупъ мальчика тотчасъ же взяли на руки матросы и начали трясти его какъ мѣшокъ, изъ котораго высыпаютъ овесъ.

«Не кладите на земь—не оживетъ, умретъ... Кладите на простыню... Давайте простыню... Давай рогожу!..» слышались разнообразные голоса.

На днѣ лодки, которая причалила къ берегу, лежали Стожаровъ и Таволгинъ, оба едва дышащіе, посинѣлые отъ холода. Маленькій, худенькій, легонькій трупъ Кузи снесли бережно на берегъ и бережно положили на простыню, которую держали четыре здоровыхъ матроса. Затѣмъ вывели изъ лодки Стожарова и Таволгина, которые шли шатаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ. Около нихъ и около утопленника, котораго мѣрно и ровно качали по простынѣ, столпилось все что было на берегу, а баба, которая выла подъ полѣницей, стала выть еще больше около маленькаго трупа. Пароходъ зашипѣлъ какъ-то рѣшительно и дѣлалъ по водѣ вольтъ, чтобы подойти къ пристани и взять матросовъ и пасажировъ. У самаго борта парохода стояла Бармитинова, которая было упала въ обморокъ, когда увидѣла паденіе въ воду Стожарова, но теперь пришла въ себя и стояла такая блѣдная и сосредоточенная на одномъ пунктѣ: пунктъ этотъ былъ—маленькое качавшееся на простынѣ тѣло и безмолвно стоявшій около него Стожаровъ. Около нея стояла Марина, такая же блѣдная, испуганная, дрожащая точно осиновъ листъ.

А солнце между тѣмъ по прежнему продолжало безучастно смотрѣть и на качавшійся на простынѣ маленькій трупъ, и на воющую около него бабу, и на Волгу, которая еще такъ недавно сдѣлала преступленіе, но продолжала по прежнему спокойно и по прежнему безсмысленно катить свои холодныя воды.

Въ то время когда пароходъ, сдѣлавъ оборотъ, присталъ къ конторкѣ и находившіеся на берегу пасажиры, вмѣстѣ съ матросами, передавшими трупъ маленькаго утопленника другимъ качальщикамъ,

снова перебрались на палубу парохода, на спускѣ, ведущемъ къ Волгѣ, показалась женщина, которая стремительно бѣжала къ пристани, между тѣмъ какъ ноги ея по видимому подкашивались подъ ней, а руки были протянуты впередъ, какъ будто она старалась схватить ими какой-то призракъ, быстро отъ нея убѣгавшій.

Въ толпѣ послышались голоса: «мать! мать!»—и всѣ головы оборотились къ женщинѣ, бѣжавшей съ протянутыми впередъ руками.

Увидѣвъ на бѣлой простынѣ мѣрно покачиваемое тѣло маленькаго утопленника, женщина еще стремительнѣе ринулась впередъ, еще болѣе вытянула руки—и какъ снопъ повалилась на землю...

«Упала! упала!» раздались голоса, и нѣкоторые изъ стоявшихъ около трупа бросились поднимать упавшую.

На спускѣ, ведущемъ къ Волгѣ, показалось другое лице, которое такъ же стремительно бѣжало, какъ и та женщина, которая упала. Это былъ старикъ, растрепанная голова котораго не была ничѣмъ прикрыта, а правая рука какъ-то судорожно творила крестное знаменіе.

Онъ видѣлъ, какъ на бѣлой простынѣ покачивалось маленькое мертвое тѣло, какъ народъ смотрѣлъ на это покачиванье, видѣлъ, какъ маленькіе товарищи того, котораго качали, молча смотрѣли въ мертвое лице утопленника, иногда обращавшееся къ нимъ, видѣлъ, какъ упала бѣжавшая передъ нимъ женщина, но... онъ не упалъ, а только еще судорожнѣе сталъ креститься и еще стремительнѣе двигалъ своими старыми ногами.

Пароходъ между тѣмъ, давъ сигнальный свистокъ, отчалилъ отъ варгунинской пристани, оставивъ тамъ и мѣрно покачиваемое на бѣлой простынѣ мертвое тѣло маленькаго утопленника, и столпившійся около него народъ, и лежавшую на землѣ женщину, которую называли матерью утопленника, и бѣжавшаго поглядѣть на трупъ старика, и Бармитинову съ Мариной, которыя стояли у конторки и съ заплаканными глазами провожали постепенно удалявшійся отъ нихъ пароходъ съ длиннымъ дымнымъ хвостомъ. На палубѣ парохода не видно уже было ни Гриднева со свитою прикащиковъ, ни Стожарова, ни Таволгина; виднѣлась только темная фигура тучной Макриды-странницы, сидѣвшей на лавочкѣ, да безпорядочно сновали по пароходу другіе пасажиры, изъ которыхъ каждый думалъ о малень-

комъ утопленникѣ, пока другіе интересы не вытѣснили изъ ихъ памяти его блѣдное, посинѣвшее лице и его мокрые свѣтлорусые волосы, трепавшіеся на бѣлой простынѣ.

Въ каютѣ парохода Гридневъ и Серпороевъ хлопотали около промокшихъ и продрогшихъ Стожарова и Таволгина. Пароходные служители натирали ихъ виномъ съ уксусомъ, чтобы предотвратить дурныя послѣдствія ихъ невольнаго купанья въ сентябрьской водѣ. Таволгинъ казался очень истомленнымъ и сосредоточенно молчалъ, пока его натирали. На груди у него болтался мѣдный крестъ и тутъ же было привязано что-то мягкое, завернутое въ тряпицу.

— Что это у тебя, Мотя? спросилъ Гридневъ, ощупывая эту подвѣску,—должно быть талисманъ?

— Талисманъ, отвѣчалъ Таволгинъ, и судорожно схватился за подвѣску, желая ее оторвать отъ креста.

— Ты что дѣлаешь съ ней? Срываешь?

— Крѣпко уцѣпилась проклятая, говорилъ Таволгинъ, силясь зубами перегрызть таинственную подвѣску, — не пускаетъ отъ себя, хочетъ душить меня и на чужой сторонѣ.

— Да что это такое? Что не говоришь? спрашивалъ Гридневъ.

— Это земля... тарлыцкій черноземъ съ суглинкомъ, отвѣчалъ тотъ, перегрызая подвѣску.

— Какой суглинокъ? допытывался удивленный Гридневъ.

— Тарлыцкій... съ Тарлыка... родная землица...

— Зачѣмъ она тебѣ, Мотя?

— Мать привѣсила... чтобъ и въ могилу пойдти съ тарлыцкимъ суглинкомъ... чтобъ не тосковать...

— А! понимаю, сказалъ Гридневъ.—Материнее благословеніе, на вѣки не рушимое...

— Да, не рушимое.. на вѣки... А я его рушу...

И онъ, оторвавъ подвѣску, развязывалъ ее дрожащими руками.

— Вотъ она... Земля еси... А они еще смѣются... Черноземъ съ суглинкомъ .. Только пшеницу родитъ, гирку родитъ, саксонку родитъ, перородъ родитъ, самарку родитъ... а людей.. не родитъ... Звѣрей родитъ, говорилъ онъ какъ будто въ забытьи, разсматривая землю, которая мокрымъ комочкомъ лежала у него на ладони.

— Земля хорошая, жирная, родитъ такую пшеницу, что въ Лон-

донѣ не налюбуются, а въ Америкѣ завидуютъ ей... Мука хорошая изъ нея выходитъ, булки превосходныя и англійскіе лорды ѣдятъ эти булки изъ тарлыцкой пшеницы, и Спенсеръ ихъ ѣстъ, и Дарвинъ и Льюисъ кушаютъ продукты этой землицы, говорилъ Гридневъ, разсматривая землю и какъ-то странно улыбаясь.

— Земля-то хорошая, тучная, замѣтилъ Стожаровъ, молчавшій до того времени. Да вотъ, онъ говоритъ, что хорошую гирку родитъ эта земля, только хорошихъ людей не родитъ... А та земля, что гирки не родитъ, родитъ хорошихъ людей—вотъ вамъ и задача.

— За то рубли родитъ, отвѣчалъ шутя Гридневъ.

— Вамъ бы все рубли только, эхъ вы! отозвался Стожаровъ и, махнувъ рукой, отвернулся.

— А что рубли? Рубли хорошіе люди, снова замѣтилъ Гридневъ.

— Э! Хорошіе!.. Эти рубли всегда родили знаете что? спросилъ Стожаровъ, быстро поворачиваясь на своей койкѣ.

— А что? благосостояніе и свободу?

— Нѣтъ, палку да цѣпь... Вотъ что родятъ ваши рубли... Это историческіе палачи человѣчества и его тюремщики... У кого деньги да сила, у того въ рукахъ палка и цѣпь, у того и ключи отъ тюрьмы.

— Помилуйте! это старая, избитая истина, но все же истина историческая, что торговля возвышала всѣ государства... Финикія, Карѳагенъ, Венеціанская республика, теперь Англія, Америка, говорилъ Гридневъ, садясь между Стожаровымъ и Таволгинымъ.

— Э, все это изъ Кайданихи... лакейскія понятія... Торговля, свобода, благосостояніе... все это фразы, которыми до сихъ поръ морочили людей, потому что люди были глупы... Это палачъ хвалитъ мягкость, шелковистость своего кнута... Это тюремщикъ восхваляетъ свободу тюрьмы и мелодическій, малиновый звонъ цѣпей... Приближается то время, когда вашей пресловутой торговли совсѣмъ не будетъ, и люди будутъ вспоминать о ней, какъ о временахъ рабства, людоѣдства...

Стожаровъ говорилъ злобно, желчно, что бывало съ нимъ всегда, когда затрогивались его кровныя, мучительныя для него самого убѣжденія.

— Что же будетъ, если торговли не будетъ? спрашивалъ изумленный Гридневъ.

— А будетъ то, чего вы не понимаете и понять не можете, отвѣчалъ Стожаровъ —А вотъ онъ пойметъ, сказалъ онъ, показывая на Таволгина, который продолжалъ разсматривать землю, лежавшую у него на ладони.

— Говорите, можетъ быть и я пойму, настаивалъ Гридневъ.

— Не поймете... Родитесь въ другой разъ, да не на сундукѣ съ деньгами, подышите свободой, а не окисью металловъ, тогда, можетъ быть, поймете, отвѣчалъ Стожаровъ, по прежнему рѣзко.

Гридневъ вскочилъ и сталъ тревожно ходить по каютѣ А Таволгинъ все глядѣлъ на землю, лежавшую у него на ладони.

— Ты родишь гирку... и Макриду родила, и меня родила... а счастья и свободы не умѣешь родить... Посѣять некому, взростить некому, собрать некому... Проклятый суглинокъ!.. Чтобъ не тосковалъ... Чтобъ эта земляная насыпь давила меня вездѣ, чтобъ эта цѣпь терла мои ноги до бѣлой кости и вдали отъ Тарлыка, вдали отъ родины... Родина... жалкое, жалкое слово... И у звѣря есть родина—берлога... И у змѣи есть родина - нора... И у меня есть родина—Тарлыкъ .. Да, задрожитъ сердце злобой, тебя вспоминая, говорилъ Таволгинъ самъ съ собою.

— Онъ бредитъ?.. У него жаръ? безпокойно спрашивалъ Гридневъ.

— Не жаръ, отвѣчалъ Стожаровъ. — Правду онъ говоритъ, а вамъ всякая правда кажется бредомъ больнаго...

Таволгинъ приподнялся съ койки и, отворивъ окошко каюты, швырнулъ въ Волгу землю, лежавшую на его ладони.

— Плыви на родимую сторону, родимая землица, говорилъ онъ, заглядывая въ окошко,—да не отравляй никого... Рыба отравится моею родною землицей... рыба околѣетъ... а я.. я не околѣю... Я буду жить... я хочу жить...

Гридневъ продолжалъ тревожно ходить по каютѣ, поглядывая то на Стожарова, то на Таволгина, который снова легъ на койку и закрылъ лице руками. Серпороевъ также лежалъ съ закрытыми глазами. А пароходъ шелъ все дальше, по временамъ вздрагивая и какъ бы наклоняясь на бокъ, а вода шумѣла, загребаемая колесами, которыя работали неустанно, точно тѣ «люди безсонные», о которыхъ

говоритъ Хомяковъ, хотя ни пароходныя колеса, ни «безсонные люди» ни отъ кого не получаютъ и не желаютъ получать ни рублей и никакой другой вещественной платы за свою неустанную работу, за свои безсонныя ночи, за то, наконецъ, что они спящихъ людей везутъ на себѣ впередъ, везутъ въ невѣдомую страну счастья, котораго сами не имѣютъ.

Сверху между тѣмъ доносились въ каюту неясные, смѣшанные звуки—и нестройное топанье десятковъ ногъ по палубѣ, и визгливое, рѣжущее поскрипыванье рулевой цѣпи, которою управляется пароходъ («и тутъ цѣпь правитъ», думалось Стожарову, при поскрипываньи рулевой цѣпи, — «все цѣпь, вездѣ цѣпь»), и тяжелое дыханье машины, которая своими поршнями, колесами, шестернями да рычагами отбывала человѣческую барщину, и сигнальные свистки молчаливаго, загорѣлаго капитана-нѣмца...

Подъ эти звуки, подъ шумъ пароходныхъ колесъ и плесканье воды подъ колесами, подъ это рѣжущее поскрипыванье рулевой цѣпи и подъ это тяжелое дыханіе запыхавшейся машины каждый изъ пасажировъ думалъ свою думу и прислушивался къ ощущеньямъ своего сердца.

Стожарову подъ эти звуки представлялась громадная цѣпь, заржавѣвшая отъ времени, которая обвивала весь шаръ земной, и встряхивалась эта цѣпь чьею-то невидимою, но сильною рукою, и звенѣла глухо какимъ-то старымъ, ржавымъ, хриплымъ звяканьемъ .. А къ кольцамъ этой ржавой цѣпи тянутся другія мелкія, менѣе ржавыя цѣпи, и звякаютъ эти новыя цѣпи звонче и веселѣе, чѣмъ та старая цѣпь... Веселое звяканье цѣпей!.. Очень веселое... И ходитъ на этихъ цѣпяхъ все что живетъ и движется на землѣ -и онъ, Стожаровъ, ходитъ на этой звонкой цѣпи, какъ пароходъ на рулевой, и пароходъ ходитъ на одной изъ этихъ звонкихъ цѣпей, и Гридневъ на ней ходитъ, и тотъ брюссельскій пріятель Стожарова, блѣдногубый ткачъ Мишель, что зарѣзалъ своего жестокаго фабриканта—все ходитъ на этой цѣпи, какъ тотъ «котъ ученый» гдѣ-то тамъ «у лукоморья», гдѣ «цѣпь златая» на зеленомъ дубѣ и гдѣ «котъ ученый все ходитъ по цѣпи кругомъ»... И Варя ходитъ на этой цѣпи, и тотъ живой мальчикъ, Кузя... Нѣтъ, теперь ужъ онъ

не ходитъ—сорвался съ цѣпи убѣжалъ... теперь на бѣлой простынѣ качается...

Серпороеву подъ эти звуки представлялась обширная аудиторія съ скамьями амфитеатромъ... Изъ этихъ скамей глядитъ много, много живыхъ, обращенныхъ на одно лице глазъ, и всѣ эти молодыя лица полны жизни, полны думъ и отваги... А тотъ, на котораго глядятъ они, все читаетъ, все читаетъ, и слово, читаемое имъ, брызжетъ ключемъ какъ живая вода, и падаетъ эта живая вода на молодыя сердца, на молодую мысль, и оживаетъ мысль и сердце, и рвется мысль и сердце на свободу, въ жизнь, въ пылъ жизненной борьбы... И вырвалась мысль и сердце на волю... И вмѣсто живой воды, эта жизнь брызжетъ на молодую мысль и на молодыя сердца мертвой водой, не такъ какъ въ сказкѣ, гдѣ прежде брызжутъ мертвой, а потомъ живой водой, а въ жизни —наоборотъ: сначала брызнутъ живой водой, а потомъ мертвой... И умираютъ молодыя сердца и молодая мысль... Но Серпороевъ все видитъ эту аудиторію амфитеатромъ, все прислушивается къ всплескамъ живой воды, и не слышитъ какъ плещутся пароходныя колеса въ Волгѣ, какъ задыхается отъ тяжелой работы машина, какъ визжитъ и позвякиваетъ рулевая цѣпь... Лекціи давно начались, аудиторія давно полна... Какъ медленно вертятся пароходныя колеса, какъ лѣниво загребаютъ они воду, какъ безконечно длинна Волга отъ Астрахани и Саратова до Нижняго... «А Валя ждетъ меня, Валя тоскуетъ по мнѣ, и я тоскую по Валѣ»... А пароходъ все вздрагиваетъ, а рулевая цѣпь все взвизгиваетъ да позвякиваетъ... «Когда-то экзамены? Когда-то я кончу курсъ, окунусь въ дѣятельную, кипучую жизнь, стану дѣятелемъ?»...—«Не торопись окунуться въ меня, шепчетъ невидимое чудовище изъ омута жизни,—въ моемъ омутѣ мертвая вода... въ моемъ омутѣ ждетъ тебя тяжкій трудъ, на который способны только великія, избранныя натуры... А ты способенъ ли? Сознаешь ли въ себѣ силу богатыря Вернигоры?...»—«Сознаю», думаетъ Серпороевъ, и проситъ жизни, проситъ чтобъ къ нему ближе пододвинули его могилу...

Таволгину, лежавшему съ закрытыми глазами, представлялись другія картины и сцены, то тяжелыя, давящія и безотрадныя, то полныя чарующей, все захватывающей силы и неотразимаго обая

нія... Мелькаетъ передъ нимъ страшный образъ слѣпой бабушки, съ поднятою къ небу клюкою въ костлявой рукѣ... Слышится воющій подъ окномъ вѣтеръ... Чудовищный образъ «пустыни», съ дубравными звѣрями и «Алилуева жена» съ младенцемъ на рукахъ... Все это туманныя, гнетущія воспоминанія дѣтства... Старый Гридневъ, змѣиный хрипъ старой Гридихи, бросающейся на Мотю, чтобъ задушить его—Тарлыкъ... Горсть родной земли, что умѣетъ родить пшеницу, а не умѣетъ родить ни хорошихъ людей, ни людскаго счастья... А впереди невѣдомыя, но обаятельныя страны, цѣлый міръ знаній... Наука со всѣми ея, неизвѣданными имъ, чудесами, силами и чарами... Голова Таволгина горитъ... Онъ боится, что его опять увезутъ на Тарлыкъ, заставятъ киноварью писать виньетки къ раскольничьимъ книгамъ. Онъ горячечно рвется впередъ, готовъ броситься подъ колеса парохода, чтобъ помогать имъ быстрѣе загребать волжскую воду; лишь-бы уйти отъ Макриды-странницы... А Макрида сидитъ на палубѣ, и знаетъ, видѣла своими заплывшими жиромъ глазами, какъ «безбожный Мотька» бросался въ Волгу душу человѣческую спасать, а свою душеньку на вѣки погубилъ, видѣла какъ молодой Гридневъ, по милосердію своему, окаяннаго Мотьку въ господскія каюты увелъ, за то де, что окаянный Мотька душу христіанскую отъ потопленія спасалъ... И дрожитъ у Мотьки живучее, кипучее, непокойное сердце, и, подобно Серпороеву, онъ ищетъ броситься головой въ омутъ жизни, проситъ, чтобъ поближе къ нему придвинули его могилу темную...

И Гридневъ, ошеломленный словами Стожарова, тоже много и тревожно думалъ подъ визгливое и рѣжущее поскрипыванье рулевой цѣпи, подъ нестройное топанье ногъ на палубѣ и подъ тяжелое дыханье машины, отбывавшей человѣческую барщину. Онъ думалъ, что прочно установились его понятія о жизни, что понятны ему дѣла и думы и побужденія человѣческія; что знаетъ онъ къ чему ведетъ человѣчество наука; онъ видѣлъ Европу и ея порядки, много читалъ, много передумалъ... Онъ видѣлъ, казалось ему, какую роль долженъ играть капиталъ въ будущей исторіи человѣчества, каково значеніе торговли... Онъ считалъ себя человѣкомъ умнымъ, современнымъ, которому тѣсно жить въ Россіи, который жаждетъ другихъ порядковъ... И вдругъ какой-то налетный проходимецъ говоритъ ему, что

онъ глупъ, что онъ даже не можетъ понять того, что ему этотъ проходимецъ намѣренъ сказать... Какое обидное положеніе!... Что онъ? Откуда онъ? откуда такой языкъ? Такихъ людей и такого языка онъ не встрѣчалъ ни въ литературѣ, ни въ жизни. Кто-жъ онъ такой?... И онъ, кажется, не одинъ? Гдѣ-жъ народились эти новыя силы и что они внесутъ въ жизнь, что создадутъ, что разрушатъ?

— Почему же вы думаете, что я не пойму васъ? настойчиво спрашивалъ Гридневъ, подходя снова къ Стожарову и садясь къ нему на койку.

— Потому же, почему васъ не понимаетъ вашъ батюшка, отвѣчалъ Стожаровъ.

— Но вѣдь между мной и моимъ отцомъ большая разница, возразилъ Гридневъ, который начиналъ уже раздражаться, чувствуя, что онъ остается далеко назади у этого проходимца.

— Такая же, какая между мной и вами, хладнокровно говорилъ Стожаровъ, все еще прислушиваясь къ визгливому поскрипыванью рулевой цѣпи.

— Не можетъ быть! горячился Гридневъ.

— Очень можетъ быть.

— Но вѣдь и вы и я идемъ за вѣкомъ.

— Да... Но только не рядомъ: вы—за вѣкомъ, а я—передъ вѣкомъ, процѣдилъ Стожаровъ.

— Вы, кажется, рисуетесь, говорилъ Гридневъ недовольнымъ голосомъ, не имѣя уже силъ скрыть свое раздраженье.

— Ну, такъ не смотрите на меня, если я, по вашему мнѣнію, рисуюсь.

— Но почему же вы такъ говорите?

— Потому что мы разной съ вами вѣры: вы—старой (я не говорю раскольникъ, а просто старовѣръ, и такими какъ вы старовѣрами полна не только Россія, но и Германія, Франція, Англія и Америка), я—новой вѣры.

— Какая же ваша вѣра? горячился Гридневъ.

— Православная, отвѣчалъ Стожаровъ.

Гридневъ весь вспыхнулъ, но успѣлъ пересилить себя, и только закусилъ губу.

—Вы говорите какъ новѣйшій оракулъ, сказалъ онъ,—но мнѣ ка-

жется, что предсказаніямъ дѣвицы Ленорманъ могутъ вѣрить только бабы, а я не думаю, чтобъ вы принимали меня за бабу.

— Нѣтъ, я принимаю васъ за мечтательную уѣздную барышню, отвѣчалъ Стожаровъ съ улыбкой.

— Почему же? спрашивалъ Гридневъ, подозрѣвая, не подсмѣиваются ли надъ нимъ.

— Уѣздная барышня вѣритъ въ силу и обаяніе аксельбантъ, въ усы и шпоры, а вы вѣрите въ силу капитала, въ обаяніе рубля и торговли, говорилъ Стожаровъ, играя своей записной книжной, въ которую онъ вписалъ что-то и держалъ потомъ въ рукахъ. — Какая же разница между вами и уѣздной барышней?

Слова Стожарова не могли не поразить Гриднева. Вотъ уже нѣсколько разъ въ послѣднее время онъ слышитъ такіе отзывы о значеніи капитала; теперь разрушаютъ его понятія о значеніи торговли въ исторіи человѣчества,—и онъ не могъ не задуматься надъ словами Стожарова, отъ которыхъ вѣяло чѣмъ-то такимъ, чего онъ прежде не слыхалъ. Что же это такое? Что это за люди, которые говорятъ такъ?

— Но вѣдь я могу купить васъ и вашу свободу, говорилъ Гридневъ,—вотъ гдѣ сила капитала.

— Эхъ! да вѣдь и собака можетъ укусить меня, и воръ можетъ украсть у меня вотъ эти сапоги или вотъ этотъ платокъ,—а развѣ въ этой силѣ надежда человѣчества? Нѣтъ, въ чемъ нибудь другомъ надо искать спасенія, а не въ капиталѣ и не въ торговлѣ.

Гридневъ былъ окончательно сбитъ и озадаченъ.

— Ну, такъ я лучше хочу быть собакой и кусать другихъ, только чтобъ другіе меня не кусали и не лишали свободы, возражалъ онъ весь красный и сверкая глазами.

— Однако, выгодно ли это? А если собаку посадятъ на цѣпь? Да притомъ, вы не можете купить не только меня, потому что на это недостанетъ нетолько всѣхъ вашихъ капиталовъ, но если вы и себя заложите, и батюшку, и матушку, то и тогда не купите меня, да и не меня, а и свою судомойку не купите, потому что теперь торговля людьми ограничена въ Европѣ... Теперь ни покупать, ни продавать людей нельзя, а скоро и *ничего* нельзя будетъ ни продавать, ни покупать.

— Какъ! это безумные афоризмы, и я не думаю, чтобъ вы сами вѣрили тому, что говорите, защищался Гридневъ, чувствуя, что подъ его ногами исчезаетъ почва.

— Нѣтъ, это не безумные афоризмы, и я глубоко вѣрю тому, что говорю. Я глубоко убѣжденъ, что придетъ время, когда торговля чѣмъ бы то ни было будетъ также запрещена, какъ теперь мало по малу начинаютъ запрещать азартныя и всякія, даже комерческія игры, потому что и торговля игра въ принципѣ.

— Въ принципѣ?

— Да, въ принципѣ... Вдумайтесь, вглядитесь повнимательнѣе въ нравственныя и экономическія основанія купли и продажи, и вы, если вы честный человѣкъ или просто человѣкъ съ логикой, убѣдитесь, что основанія купли и продажи, какъ и основанія азартной игры, какъ и основанія грабежа, одни и тѣже, что все это наслѣдіе, оставшееся человѣчеству отъ дикихъ его предковъ.

— Но политическая экономія санктируетъ законы торговли, слѣдовательно законы эти освящены не обычаемъ, такъ какъ обычай можетъ быть дикъ, а наукой, возражалъ Гридневъ.

— Э! не говорите мнѣ о политической экономіи какъ наукѣ!.. И собакъ учатъ плясать — это тоже будетъ наука... Политическая экономія излагаетъ только процесъ болѣзни въ общественной жизни человѣчества и подмѣчаетъ симптомы этой болѣзни... На Адама Смита, на Мальтуса, Сея, Рикардо, Бастіа, Рошера, на Кобдена Брайта и на Стюарта Милля я смотрю какъ на геніальныхъ психіатровъ человѣчества...

Стожаровъ, говоря это, былъ блѣденъ какъ полотно. Споръ задѣвалъ его глубокія, выстраданныя, цѣлыми годами наболѣвшія убѣжденія, и онъ, не разбирая ничего, опять начиналъ бросать грязью и булыжниками во все, что подвертывалось ему въ спорѣ, во все, что считается даже неприкосновеннымъ какъ святыня.

Лице Гриднева было тоже необыкновенно блѣдно.

— Вы говорите фразы, возражалъ онъ, — дикія фразы! Гдѣ же въ торговлѣ грабежъ, когда это — простая и добровольная мѣна продуктовъ или товаровъ на знаки или мѣна труда на деньги.

— Мѣна! да еще добровольная!.. То-то вы складно умѣете говорить старыя, жалкія слова, да имъ скоро никто не станетъ вѣрить.

Добровольная купля—это тоже что добровольная война, добровольный арестъ, добровольная тюрьма, это тоже что веселая тоска, квадратный кругъ, свѣтлый мракъ, это тоже, наконецъ, что сапоги въ смятку, носъ на прыщѣ, нога на мозоли...

— Довольно нелѣпыхъ сравненій,—говорите дѣло, остановилъ его Гридневъ.

— Дѣло? Извольте. Вы что обыкновенно покупаете?

— Хлѣбъ, сало, сѣмя...

— Нѣтъ, нѣтъ! Говорите языкомъ теоріи... Вы что покупаете?

— Что мнѣ нужно или чего у меня нѣтъ.

— Такъ. А что продаете?

— Что мнѣ не нужно или что у меня лишнее.

— Такъ... Понимаете ли вы теперь всю глубину безнравственности того дѣйствія, которое называютъ продажей, то есть вообще торговлей? спросилъ Стожаровъ, подпимаясь на койкѣ. — Вы сами сказали себѣ приговоръ.

— Какой? я не понимаю.

— Такъ понимайте же. Вы покупаете то, что вамъ нужно, а продаете то, что другому нужно, а вамъ не нужно. Отчего же то, что вамъ не нужно, вы не отдаете нуждающемуся даромъ, а хотите взять съ нуждающагося барышъ? Но это впрочемъ другой вопросъ—нравственный, а не экономическій. А вотъ и экономическій: вы, обыкновенно, купивъ товаръ, ищете продать его тому, кто наиболѣе въ немъ нуждается. Вы не продадите его тому, кто въ немъ мало нуждается, а тому кому непремѣнно нужно имѣть этотъ товаръ. Вы, слѣдовательно, ищете случая заставить, принудить нуждающагося купить то, что вамъ лично не нужно. Тутъ уже въ принципѣ—чистое насиліе, грабежъ, а иногда—обманъ, когда вы продаете товаръ по цѣнѣ, не соотвѣтствующей его внутренней стоимости... Скажите же, положа руку на сердце,—честныя ли это дѣйствія, не только какъ дѣйствія, но и въ самомъ принципѣ? Когда я захотѣлъ бы купить у васъ вотъ эту цѣпочку (Стожаровъ показалъ на цѣпочку отъ часовъ, висѣвшую на груди Гриднева), вѣдь вы бы непремѣнно старались продать ее мнѣ по возможности дороже, то есть взять съ меня то, чего бы я не хотѣлъ вамъ дать. Согласитесь, вѣдь это безнравственное дѣйствіе—не правда ли? Вѣдь это не честное же-

ланіе — взять у меня то, чего я не хотѣлъ бы вамъ дать и даю только по нуждѣ. Вѣдь это хуже, чѣмъ обыграть меня въ карты. Ростовщичество считается теперь подлостью, грабежемъ, вообще безнравственнымъ дѣломъ, которое преслѣдуется закономъ. А торговля — тоже ростовщичество, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, но она считается у насъ пока дѣломъ честнымъ... Я говорю «пока»: скоро купцовъ не будетъ, и слово это останется въ историческомъ словарѣ академіи наукъ.

XIX.

Блѣдный и безмолвный сидѣлъ Гридневъ, слушая невеселыя рѣчи Стожарова, такія рѣчи, какихъ онъ ни отъ кого до сихъ поръ не слыхалъ. Всѣ его задушевныя вѣрованія въ великое значеніе торговли, въ будущую силу акцій, въ союзъ капитала съ наукою, союзъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ измѣнить лице земнаго шара, дать людямъ тщетно искомое ими счастье и измѣнить всѣ человѣческія отношенія, союзъ, который долженъ былъ все человѣчество превратить въ одну семью, всѣ члены которой одинаково будутъ довольны и сыты, одинаково богаты и счастливы, одинаково свободны и ничѣмъ не обижаемы — все это разбивалось въ дребезги словами Стожарова, какъ пересохшій комъ глины тяжелымъ обухомъ .. Зачѣмъ же онъ работаетъ, если Стожаровъ правъ? Для чего копить рубли и миліоны рублей, когда самое копленіе ихъ, на счетъ благосостоянія другихъ людей, рисуютъ теперь передъ нимъ какъ дѣло безчестное, безнравственное? А онъ еще сегодня называлъ себя «купцомъ» съ большею гордостью, чѣмъ бы могъ назвать себя княземъ и владыкою людей... Купецъ, негоціантъ, комерсантъ, банкиръ — всѣ эти слова будутъ стоять въ систематическомъ и историческомъ словарѣ будущей общечеловѣческой академіи рядомъ съ словами «добрый молодецъ» въ разбойничьихъ пѣсняхъ его роднаго поволжья, рядомъ съ словами: «понизовая вольница», Стенька Разинъ, атаманъ Замѣтаевъ, Пугачовъ... Вѣдь и слова «фискалъ», «мытарь», «ярыжка», означали нѣкогда почетныя званія и должности: «мытари» соби-

рали «мыто»—казенную подать и пошлины, «фискалы» завѣдывали «фискомъ»—государственною казною, были чѣмъ-то въ родѣ лордовъ казначейства, «ярыжки» были чиновники... А теперь всѣ эти слова позорны, имѣютъ предосудительное значеніе... Тоже будетъ, если вѣрить Стожарову, и съ словами и съ понятіями купецъ, банкиръ, негоціантъ... Купецъ, копилка, скопидомъ...

«Зачѣмъ же копленіе денегъ я поставилъ цѣлью моей жизни, когда не въ деньгахъ счастье и свобода человѣчества, когда наши потомки будутъ презирать насъ за нашу дѣятельность и исторія будетъ клеймить насъ позоромъ, какъ клеймитъ Омара, сожегшаго, для высокихъ, по его мнѣнію, цѣлей, александрійскую библіотеку, какъ клеймитъ римскихъ императоровъ, поѣдавшихъ соловьиные языки и верблюжьи пятки?» думалъ Гридневъ, слушая Стожарова.

«Но нѣтъ, онъ говоритъ безумные афоризмы, онъ такъ же помѣшанъ на всемъ новомъ и будущемъ, какъ Макрида-странница и мои родители помѣшаны на прошедшемъ и на всемъ старомъ отжившемъ... А если онъ правъ? Если за него станетъ будущее, какъ за насъ стоитъ прошедшее?.. Будущее умнѣе и правѣе прошедшаго, *все* будущее честнѣе *всего* прошедшаго... Въ будущемъ еще можетъ быть счастье человѣчества, а въ прошедшемъ его не было... Да, будущее сильнѣе прошедшаго, какъ живое сильнѣе мертваго... Онъ можетъ быть и правъ... и я негодяй, я «добрый молодецъ», я можетъ быть грабитель... Однимъ словомъ—я купецъ!..»

Тяжело было для него сомнѣніе въ его завѣтныхъ вѣрованіяхъ, а это сомнѣніе брошено въ его голову и въ его воспріимчивое сердце словами Стожарова. Если это вѣрованіе и не поколебалось, то на него уже была накинута тѣнь, а въ основаніе вѣрованія подсыпаны черви, которые и должны его подтачивать, пока червоточина не проберется до самой сердцевины, не подъѣстъ корни и молодыя поросли...

Онъ оглянулся и увидѣлъ за собой Таволгина. Матвѣй, выбросивъ за окно каюты горсть родной земли, долго лежалъ съ закрытыми глазами, отдаваясь своимъ бреднямъ и разъѣдающимъ думамъ. Рѣзкія слова Стожарова вывели его изъ забытья, и онъ сталъ вслушиваться въ ихъ смыслъ, который такъ же рѣзалъ его по сердцу, какъ и проклятія слѣпой бабушки... Что это такое? Неужели этотъ

учитъ Гриднева и Гридневъ молчитъ, когда онъ не молчалъ даже передъ отцомъ? Что жъ, развѣ этотъ ушелъ еще дальше, чѣмъ молодой Гридневъ? Ничьи слова такъ глубоко не потрясали молодаго раскольника, какъ слова Стожарова, потому что до сихъ поръ онъ никого не видалъ кромѣ Гриднева, который по своему научилъ его и думать и чувствовать, который одинъ помогалъ его развитію и у котораго онъ въ первый разъ прочелъ книги, возбудившія въ немъ ненависть къ расколу и жажду знаній. Теперь онъ видѣлъ передъ собой человѣка, у котораго, по его мнѣнію, пятка стояла тамъ, гдѣ лежала голова Гриднева, и онъ слушалъ его почти съ такимъ же ужасомъ, съ какимъ, въ дѣтствѣ, слушалъ страшное чтеніе Макриды о седьмиглавомъ зміѣ и десятирожномъ звѣрѣ, хотя тамъ отъ ужаса маленькій Мотя желалъ бы бѣжать, лишь бы не слушать чтеніе Макриды, тогда какъ теперь ужасъ, возбуждаемый словами Стожарова, приковывалъ все его вниманіе и тянулъ его къ Стожарову, какъ страшные глаза удава тянутъ въ пасть этого чудовища врасплохъ застигнутую птичку.

— Ты что, Мотя? спросилъ Гридневъ, увидѣвъ его за собою.

Матвѣй молчалъ и съ какой-то боязнью глядѣлъ на Стожарова.

— Мотя! ты, вѣрно, боленъ? Ты такой блѣдный... Что съ тобой? продолжалъ Гридневъ.

— Я боюсь, отвѣчалъ тотъ, продолжая глядѣть на Стожарова.

— Чего боишься?

— Его проклянутъ, отвѣчалъ онъ.

— Кого? Кто проклянетъ?

— Вотъ его проклянутъ, какъ меня прокляла бабушка, сказалъ онъ, и указалъ на Стожарова.

— За что меня проклянутъ? спросилъ Стожаровъ съ удивленіемъ.

— Я посмѣялся надъ старыми раскольничьими книгами, и меня прокляли за это, отвѣчалъ Матвѣй. — А вы смѣетесь надъ всѣмъ... Вы все бросаете въ Волгу, какъ я бросилъ родимую землю.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Стожаровъ съ улыбкой, — я не надъ *всѣмъ* смѣюсь... не *все* бросаю въ Волгу... Я — не Базаровъ... Базаровъ слишкомъ глупъ... нѣтъ, узокъ... ограниченъ... Вы знаете Базарова?

— Знаю, кажется... Это тотъ, что все лягушекъ рѣзалъ и все отрицалъ?

— Да. Вы его читали?

— Василій Парменычъ читалъ мнѣ его.

— Такъ я не надъ всѣмъ смѣюсь, сказалъ Стожаровъ, — а напротивъ, надъ многимъ плачу, хотя слезы мои не похожи на слезы другихъ людей... Я не Базаровъ—я *ничего* не отрицаю...

— Какъ ничего! спросилъ удивленный Гридневъ.

— Положительно *ничего*... Я *все* утверждаю... Только невѣжество и сомнѣніе *все* отрицаютъ... А знаніе и увѣренность, напротивъ, *все* утверждаютъ, отвѣчалъ онъ, глядя на Таволгина, котораго лице по прежнему было блѣдно и тревожно.

— Но вы отрицаете торговлю, возражалъ Гридневъ.

— Нѣтъ, не отрицаю... Я напротивъ, положительно утверждаю, что торговля—дѣло безнравственное, безчестное... Гдѣ же тутъ отрицаніе?

— Но такъ утверждалъ и Базаровъ, снова возражалъ Гридневъ,— такъ утверждаютъ всѣ нигилисты.

— Нѣтъ, не такъ... Вчитайтесь, вдумайтесь въ то, что писано—и вы не то скажете, отвѣчалъ Стожаровъ какъ-то лѣниво.

— Я ничего не скажу другаго кромѣ того, что говорилъ до сихъ поръ... Вы, какъ бы вамъ сказать .. вы тотъ же нигилистъ, какъ и Базаровъ, только... пережареный... передержаный... Такъ, такъ, слово найдено: вы передержаный нигилистъ, горячился Гридневъ.

— Ничего, слово хорошее, только не ко мнѣ оно относится, отвѣчалъ Стожаровъ по прежнему лѣниво.

— Кто же вы? И въ какомъ отношеніи стоите вы къ нигилизму?

— Мы... перешагнули черезъ него.. ушли дальше нигилизма...

— Но вы все-таки продуктъ нигилизма?

— Знаніе не можетъ быть продуктомъ невѣжества...

— Развѣ нигилизмъ и невѣжество синонимы?

— Нѣтъ... Я только хочу сказать, что утвержденіе не можетъ быть продуктомъ отрицанія, потому что одно изъ другаго не вытекаетъ... А я утверждаю.

— Но вѣдь и Макрида утверждаетъ... И моя матушка утвер-

ждаетъ, что градъ Іерусалимъ стоитъ на пупѣ земли. Значитъ, и они ушли дальше нигилистовъ?

— Нѣтъ. Я утверждаю то, чего отрицать нельзя. Мои утвержденія исходятъ изъ математическихъ истинъ.

— На основаніи какихъ же математическихъ истинъ вы утверждаете, что торговля—дѣло безнравственное? спросилъ Гридневъ.

— Просто на основаніи первыхъ правилъ ариѳметики.

— Странно... Вы, кажется, шутите, и съ вами нельзя говорить.

Гридневъ говорилъ съ раздраженіемъ. Онъ всталъ и направился къ выходу изъ каюты. Таволгинъ, стоявшій молча, схватилъ его за руку.

— Не уходите, говорилъ онъ отрывисто.

— Ты что? Чего тебѣ надо? спросилъ изумленный Гридневъ.

— Не уходите... Послушайте его.

— Кого?

— Его, Таволгинъ указалъ на Стожарова. — Онъ или дьяволъ, или святой человѣкъ.

— Дьяволъ .. Но теперь люди стали умнѣе дьявола.

— Да, только люди за то и злѣе дьявола... А онъ, Таволгинъ опять указалъ на Стожарова,—добрый, онъ бросился въ Волгу... не даромъ же... дьяволъ вѣдь не кинется спасать душу.

Таволгинъ говорилъ торопливо, тревожно. Гридневъ остановился. Стожаровъ подошелъ къ нимъ и, поглядѣвъ пристально на Таволгина, обратился къ Гридневу.

— И вамъ не стыдно душить такой добрый народъ? спросилъ онъ Гриднева.

Гридневъ опять вспыхнулъ.

— Ради того, что вамъ дорого на землѣ, что для васъ свято— не сердитесь на меня, говорилъ Стожаровъ ласково, и взялъ Гриднева за руку, — въ васъ много хорошаго... Я знаю все, что вы сдѣлали для этого юноши... Вы благородный человѣкъ... Выслушайте меня...

— Такъ вы не шутите? спросилъ Гридневъ.

— Э! до шутокъ ли мнѣ!.. Эти шутки съѣдаютъ мою жизнь, какъ окись желѣзо... Я не нахожу нигдѣ покоя съ моими шутка-

ми .. Я боюсь что вы не поймете моихъ страданій, и осудите меня.

Голосъ Стожарова звучалъ какой-то тоскливой, скорбной нотой. Такая же скорбная тѣнь легла на лице его. Гридневъ видѣлъ, что такъ не шутятъ люди.

— Мнѣ жаль васъ, хоть я не вполнѣ понимаю ваши страданія, сказалъ онъ.

— А народа вамъ не жаль? спросилъ Стожаровъ.

— Какого народа?

— Русскаго... какого хотите, только бѣднаго, голоднаго, обижаемаго вами.

— Но чѣмъ я его обижаю?

— Вашими понятіями и вашими дѣйствіями... Сколько прошлый годъ принесъ вамъ барышей на хлѣбѣ? Скажите мнѣ, припомните.

Гридневъ задумался.

— Мы съ отцемъ заработали въ этотъ годъ на хлѣбѣ двѣсти тысячъ, сказалъ онъ, подумавъ.

— Двѣсти тысячъ! Это ужасно!.. Это—нѣсколько сотъ убійствъ? воскликнулъ Стожаровъ, всплеснувъ руками.

— Какихъ убійствъ? Вы въ бреду... Вы больны... Вы простудились, бросаясь въ Волгу спасать утопающаго, и вотъ у васъ теперь горячка... Вамъ нуженъ докторъ, говорилъ Гридневъ.

— Бредъ... горячка... докторъ... Да, у меня бредъ, у меня горячка, когда я вижу около себя честнаго человѣка, умнаго, развитаго, а этотъ человѣкъ безъ всякой жалости убилъ нѣсколько сотъ людей и... даже не понимаетъ своего звѣрства... Не сердитесь на меня, думайте, что мои слова—бредъ больнаго, говорилъ Стожаровъ.

— Да я такъ и смотрю на васъ.

— Ну, и смотрите, только выслушайте... больные скорѣй скажутъ правду, чѣмъ здоровые.... А умирающіе почти никогда не лгутъ...

— Но могутъ бредить.... горячечные даже дерутся, замѣтилъ Гридневъ съ улыбкой.

— На двѣсти тысячъ рублей ограбить бѣдный народъ въ одинъ годъ—вѣдь это своего рода Пугачовщина! говорилъ Стожаровъ, какъ

бы не замѣчая Гриднева и не слушая его возраженія. — Вы куда отправили свой хлѣбъ?

— Въ Англію, отвѣчалъ Гридневъ.

— Въ Англію! А вѣдь въ Россіи въ это время голодный народъ ѣлъ древесную кору и... «молотыя избы!»

— Какъ «молотыя избы?»

— Да «молотыя избы». вмѣсто хлѣба... Развѣ вы не читали?

— Не читалъ.

— Напрасно... Можетъ быть, вмѣсто Англіи, вы бы отправили часть своего хлѣба туда, гдѣ народъ ѣлъ молотыя избы.

— Мнѣ это было бы невыгодно... Я имѣю дѣло съ заграничными рынками, возразилъ Гридневъ.

— Да! съ заграничными рынками!.. А на дорогѣ къ заграничнымъ рынкамъ давите своими обозами голодный народъ, грызущій кору да избы, потому что вамъ это... выгодно!..

— Кто-жъ самому себѣ врагъ?

— Кто?.. Честный человѣкъ! А всякій подлецъ—другъ самому себѣ.

— А вы себѣ врагъ?

— Врагъ, отвѣчалъ Стожаровъ.

— Что-жъ вы себя не бьете, или въ острогъ не сажаете?

— Бью, и очень больно, когда сознаю свои вины... А можетъ быть и въ острогъ себя посажу, когда... Стожаровъ остановился.

— Что когда?.. Когда посадятъ? спросилъ Гридневъ съ ироніей въ голосѣ.

— Нѣтъ, сажаютъ въ острогъ и негодяевъ, и честныхъ людей, противъ ихъ воли—это не то... А я бы самъ себя посадилъ, если бы....

Стожаровъ опять остановился.

— Что если бы? спросилъ Гридневъ.—Если бы украли что, или убили кого?

— Да, еслибъ сдѣлался похожимъ на васъ... сталъ бы со спины народа сдирать по двѣсти тысячъ рублей въ годъ... торговать бы сталъ, наживаться...

Гридневъ засмѣялся.

— На васъ нельзя сердиться, сказалъ онъ,—вы мономанъ.

— Да, я мономанъ... Я помѣшался на добрѣ, на счастьѣ человѣчества, на томъ, чтобъ кормить голодныхъ... А вы... вы холодный, разсудительный, расчетливый убійца... Бросьте ваше проклятое ромесло: не заводите вашихъ конторъ ни въ Лондонѣ, ни въ Амстердамѣ—тамъ и безъ васъ много этихъ разбойничьихъ притоновъ, откуда атаманы шаекъ разсылаютъ своихъ добрыхъ молодцевъ по всѣмъ большимъ дорогамъ, по рынкамъ, по биржамъ и пристанямъ, чтобъ грабить народъ... Вѣрьте мнѣ, что настанутъ другія времена — и не будетъ вамъ мѣста между людьми... А если ужъ вы такъ въѣлись въ ваше ремесло, если ни на что больше неспособны, то заводите ваши конторы въ нашихъ голодныхъ губерніяхъ—все же меньше убьете народу.

Въ дверяхъ каюты показалась темная, широкая фигура. Это была фигура Макриды-странницы, которая, крестясь, пыхтя и шепча какія-то таинственныя слова, проползла мимо дверки, ведущей въ женское отдѣленіе, и загородила собой дверь, ведущую въ отдѣленіе пасажировъ мужчинъ. Ожирѣвшее лице ея, казалось, облито было деревяннымъ масломъ. Мышиные глазки зорко и пытливо перебѣгали съ предмета на предметъ, какъ бы боясь, что всякій, увидѣвъ эти глазки, наплюетъ въ нихъ. Тонкія, злыя губы, которымъ всего приличнѣе было бы шептать проклятья, шептали какія-то молитвенныя слова.

Пароходный служитель, выскочивъ изъ служительской каютки, старался заслонить отъ ея глазъ каюту, какъ бы опасаясь, чтобы такая посѣтительница злымъ глазомъ своимъ не навела болѣсти на его пасажировъ...

— Это, матушка, муская каюта, говорилъ онъ, семеня ногами.

— Для меня, родненькій, все едино—что мужчина, что женщина, отвѣчала Макрида.

— Да господа не одѣмши, продолжалъ служитель.

— Я, мой родненькій, господъ не вижу... вижу единыя души христіанскія, снова отвѣчала Макрида.

— Да вонъ иной, матушка, въ рубашкѣ, иной, може, и тово-съ, не въ порядкѣ... такъ женскому полу конфузно...

— Я, мой родненькій, плоцкими моими очами ничего не вижу—ни тебя не вижу, ни муской плоти не вижу... А вижу я моими ду-

ховными очами единыя души христіанскія, безъ рубашки и безъ плоти, мой родненькій, продолжала Макрида, запуская въ каюту свои заплывшія жиромъ духовыя очи.

—А какъ же вы, матушка, сюда дверь-то нашли, коли ничего не видите? спрашивалъ смѣло служитель, ободряемый улыбками пасажировъ.

— Духовными очами нашла, отвѣчала Макрида.

— А ногами какими сюда затесалась — тоже, чай, духовными? вдругъ спросилъ сильно выпившій баринъ, подходя къ ней.

— Духовными, батюшка голубчикъ, духовными, отвѣчала она, нисколько не оробѣвъ, но только стараясь прятать отъ барина свои духовныя очи,—у меня ничего плоцково нѣту, голубчикъ— все духовное.

— А меня видишь плотскими, безстыжими глазами своими? спросилъ снова выпившій баринъ съ запальчивостью.

— Не вижу, мой родненькій, не вижу... У меня все духовное...

— И пузо духовное?.. Ишь отростила!..

— Пузо у меня нѣтъ, батюшка... Чрево...

— Тоже, чай духовное?

Макрида начала пятиться назадъ... «Отпусти ему, Господи, не вѣдитъ бо», шептала она.

— А ты видишь вотъ это духовными очами?.. Кулакъ видишь?

Онъ поднялъ кулакъ. Макрида пятилась. Служитель двусмысленно ухмылялся, глядя на кулакъ, какъ на стараго знакомаго, съ которымъ нѣкогда хлѣбъ соль важивали... Другіе пасажиры нетерпѣливо пожимали плечами...

— Ну, ну! я шучу, сказалъ баринъ, смѣясь пьянымъ смѣхомъ.— А у тебя душа, чай, ужъ въ пятки ушла?

Служитель не выдержалъ такой веселой сцены и прыснулъ, уткнувъ носъ въ полотенце, которое было перекинуто у него черезъ плечо.

— Пятки-то у тебя, чай, тоже духовныя? допытывался пьяный, довольный своими остротами.

Въ это время другой служитель подалъ ему на подносѣ водку.

— А водку видишь духовными очами? приставалъ пьяный.

Онъ взялъ рюмку, выпилъ, крякнулъ и махнувъ рукой, вышелъ изъ каюты, бормоча: «А дураки то ее слушаютъ, развѣсивъ уши.»

Послѣ его выхода Макрида пріободрилась и, поводя мышиными глазками по каютѣ, пододвинулась впередъ.

— Истинно бо, глаголетъ писаніе, говорила она какъ бы сама съ собою,—вѣдай себѣ человѣче, на комъ худое платье—то пьяница, или нагъ ходитъ — то пьяница, кричитъ кто или вопитъ—то пьяница, кто убился или самъ ногу, или руку переломилъ, или голову сломилъ—то пьяница, кто душегубство сотворилъ—то пьяница, кто въ грязи увалялся или убился, кто до смерти самъ зарѣзался —то пьяница, негоденъ Богу и человѣкомъ пьяница, только единому дьяволу... О-о-охо! немощи наши!

Она вошла въ каюту и направилась къ Гридневу, котораго давно высмотрѣла.

— Здравствуйте, батюшка Василій Парменычъ, говорила она, кланяясь Гридневу.—Какъ васъ господь Богъ милуетъ?

— Спасибо, матушка. Я здоровъ.

— Слава господу, слава его святымъ угодникамъ... А какъ драгоцѣнное здравіе родителей вашихъ?

— И они здоровы.

— Благодареніе создателю... Святой жизни родители ваши... За то и на землѣ господь имъ далъ богатства тлѣнныя, и въ будущей жизни уготованы для нихъ богатства нетлѣнныя...

Гриднева покоробило при этихъ словахъ, потому что они тотчасъ же напомнили ему разговоръ со Стожаровымъ, и ему стало стыдно. «Уготовать-то уготовали, да какъ!» думалось ему, и глаза его не могли подняться на Стожарова, который отошелъ отъ него и сѣлъ около Серпороева, съ любопытствомъ разглядывавшаго Макриду. Таволгинъ тоже отошелъ въ сторону и глядѣлъ въ окно каюты на Волгу. Ему вспомнились давнишнія посѣщенія Макридою ихъ хижины, ея чтенія, завыванья вѣтра около ихъ избенки, разсказы матери объ отцѣ, задавленномъ бѣляною на этой самой Волгѣ... «Неужели и моей могилой будетъ эта страшная рѣка?» думалось ему... «А Стожаровъ правъ... Вездѣ-то слезы людскія, голодъ, холодъ... Вездѣ-то неправда, и вездѣ-то люди другъ дружку поѣдаютъ...»

Мышиные глазки Макриды выглядѣли и Таволгина.

— Здравствуй, Мотюшка, сказала она.

— Здравствуйте, отвѣчалъ Матвѣй отрывисто.

— Видѣла я, батюшка, какъ ты душу христіанскую спасалъ...

Богъ тебѣ проститъ за это единую четь седьмицы твоихъ прегрѣшеній, сказала она набожно.

— А сколько это выйдетъ — единая четь седьмицы? спросилъ вдругъ Матвѣй, оборачиваясь къ Макридѣ.

— Единая четь седьмицы?.. Не вѣдаю, батюшка: не всѣ словеса писанія открыты нашему разуму, отвѣчала она, и глаза ея попрятались куда-то, точно мыши по норкамъ.

Макрида въ душѣ ненавидѣла Таволгина, но боялась высказать это, видя, что молодой Гридневъ принимаетъ въ немъ участіе. Она отъ старой Гриднихи узнала, какое окаянство учинилъ въ ихъ домѣ змѣенышъ Мотька, знала, что онъ отшатнулся отъ старой вѣры, сообщила объ этомъ роднымъ Матвѣя, которые и прокляли его. Она могла догадаться, что такой какъ Мотька змѣенышъ, не побоявшійся стараго и грознаго Гриднева, можетъ сильно ужалить ее, немощную рабу божію, и потому она, льстясь къ молодому Гридневу, котораго тоже подозрѣвала въ отщепенствѣ, увивалась и около его любимца.

— А вы Мотюшку, знать, къ себѣ въ прикащички берете, Василій Парменычъ? спросила она Гриднева, и глаза ея, точно мыши, опять выюркнули изъ норокъ и забѣгали по каютѣ.

— Нѣтъ, онъ ѣдетъ вотъ съ ними.

Гридневъ указалъ на Стожарова и Серпороева.

— Тоже, видно, по торговлѣ? спросила она снова.

— Нѣтъ, учиться... Они его въ университетъ везутъ.

— О-о-хо-хо! Куда Мотюшка залетѣлъ... Прилучается ласточка къ орлиному гнѣздышку, говорила она, качая головой.

— Что-жъ, въ орлы выйдетъ, высоко летать станетъ, отвѣчалъ шутя Гридневъ.

— И насъ сѣрыхъ утицъ бить будетъ, и наши перушки по чисту полю пуститъ.

— Зачѣмъ же?

— Какъ, батюшка, зачѣмъ? Ужъ такова орлу линія.

Глаза ея злобно сверкнули, и опять словно мыши, попрятались по норкамъ.

— А коли сѣрыхъ утицъ орелъ не бьетъ, такъ стервятинкой, батюшка, кормится, добавила она скромно, и вздохнула.

— А вы теперь куда ѣдете? спросилъ ее Гридневъ.

— По свѣту мычусь да грѣхи мои тяжкіе занашиваю, словно ризу ветхую треплю... Истреплется риза грѣховная, легче въ могилу будетъ ложиться.

Она замолчала и какъ-то нерѣшительно топталась на мѣстѣ. Ее занимала какая-то тайная мысль.

— Мотюшка! а, Мотюшка! снова говорила она.

— Что вы?

— Матернее-то благословеніе везешь въ гнѣздышко орлиное?

— Везу.

— А бабушкино?

— И оно со мной.

— То-то же. Орломъ-то станешь, налетай на Тарлыкъ Могилу-то материну да бабкину люди покажутъ.

За дверью каюты послышался голосъ пьянаго пасажира, который декламировалъ:

Замерзаютъ быстры рѣки,
Лѣзутъ въ шубы человѣки.

Макрида встрепенулась и заметалась, словно гусь на гололедицѣ. Пьяный отворилъ дверь и разставилъ руки, увидѣвъ опять Макриду.

— А! ты здѣсь! сказалъ онъ.

— Здѣсь, кормилецъ, сказала она робко.

— А я думалъ, что тебя черти взяли. Аль такихъ и они не берутъ?

Макрида перекрестилась.

— А покажи мнѣ, гдѣ у тебя духовныя очи? спрашивалъ пьяный.

— Они невидимы, родимый.

— То-то! А то я бъ тебѣ ихъ выкололъ. Человѣкъ! водки...

Пьяный сѣлъ къ столу. Макрида невидимо скрылась.

— А! улепетнула духовными ногами... Такъ-то лучше... Въ Москвѣ вамъ шлюхамъ водъ, а у насъ на Волгѣ не водъ..

Пьяный весело посмотрѣлъ на остальныхъ пасажировъ.

Стожаровъ, Серпороевъ, Гридневъ и Таволгинъ вышли на палубу.

На палубѣ, между тѣмъ, уже ораторствовала Макрида въ кругу собравшихся около нея толстогрудыхъ и глуполицыхъ бабъ и космато-бородатыхъ мужиковъ, кои поглупѣе, и шевеля коротенькими, толстыми, точно покусанными пчелами пальцами на своемъ широкомъ животѣ, закованномъ въ желѣзный обручь, вѣщала:

«И вхожу я, мать моя, въ оную келію и на встрѣчу мнѣ нѣкій вьюношъ съ лентіемъ на плечѣ, зѣло благообразенъ, и рѣче ми оный вьюношъ: «Зачѣмъ, мати Макрида, входишь ты въ сію келію? Въ евтой самой кельи мужескъ полъ, овіи токмо въ рубашкахъ, овіи же въ единыхъ точію штанахъ». И отвѣщаю я тому вьюношу: «для меня все едино, что мужескъ полъ, что женскъ, потому-де плоцкими моими очами я ничего не вижу, ни мужеской плоти не вижу, а гляжу я де духовными очами и вижу-де единыя души человѣческія безъ рубашки и безъ плоти». И поклонися мнѣ тотъ вьюношъ и отыде на страну. И гляжу я, мать моя, духовными очами въ оную келью, и вижу все мужескій полъ, овіи въ одеждахъ, овіи токмо въ рубашкахъ, овіи же точію въ единыхъ брюкахъ, гляжу, касатки мои, и ничего не вижу, а вижу токмо единыя души человѣческія».

— Вретъ чернохвостая лисица, замѣтилъ про себя пѣговолосый мужичонка, слушавшій Макриду,—штаны видитъ, а человѣка не видитъ.

Сказалъ, сплюнулъ и отошелъ. Макрида продолжала:

«И бысть мнѣ, касатушки мои, видѣніе дивное и ужасу подобное. Подходитъ это ко мнѣ дьяволъ во образѣ пьяницы ...»

Бабы ахнули и начали креститься. Пѣговолосый мужичонка опять подошелъ.

«У дьявола того глаза огненные, а изъ роту, мать моя, пышетъ сѣра горящая и жупелъ съ винищемъ... По сѣрному-то духу, мать моя, я и узнала, что это дьяволъ, врагъ рода человѣческаго. Но я, касатка моя, не испужалась. И вопрошаетъ меня дьяволъ: — А какъ ты, голубушка, сюда затесалась? И отвѣщаю я, говорю:—Духовными ногами, говорю, пришла... У меня, говорю, ничево плоцково нѣту, а все духовное. — А меня, говоритъ дьяволъ, какими очами видишь?—Духовными, говорю.—Счастливъ, говоритъ дьяволъ, твой богъ, Макрида, что у тебя духовныя очи, а то-бъ я тебѣ, говоритъ, давно ихъ исткнулъ.—Аминь, аминь, говорю я, разсыпься, а сама крещусь... Онъ и разсыпался. Остался одинъ токмо вьюношъ съ лентіемъ на плечѣ.»

— Это половой-то съ полотенцемъ на плечѣ, замѣтилъ Таволгинъ Гридневу, которые слышали, какъ за пароходной трубой разглагольствовала Макрида.

— Да и лентіе-то у этого вьюноши очень грязное, со своей стороны замѣтилъ Гридневъ.

— Все вретъ чернохвостая, проговорилъ снова пѣговолосый мужичонка, слушавшій Макриду.

— Нонѣ, слышь, только бабамъ дьяволы показываются, замѣтилъ другой голосъ.

— Знамо, времена не тѣ нонѣ... Нонѣ воля, земщина... Ину пору и дьяволу бока намнемъ, оттого и носа мужикамъ не кажетъ.

— Вѣстимо времена... все времена...

— Это што и говорить... нонѣ тово...

— Што тово?

— Да ничево.

— То-то ..

— Эхъ, жисть мужицкая!

— А коли-бъ у меня не были духовныя очи, онъ бы мнѣ, окаянный, выкололъ мои глазыньки, говорила между тѣмъ Макрида, заканчивая свою повѣсть о видѣніи въ мужской каютѣ.

— А у меня, мать Макрида, какіе глаза? спрашивала курносая, веснущатая бабенка съ телячьими глазами.

— У тебя, касатка моя, плоцкіи глаза, отвѣчала Макрида.

— Такъ мнѣ бы онъ выкололъ?

— Выкололъ бы, мать моя.

— А у меня, матушка, какіе? спрашивала другая молодуха, острая и смѣшливая.

— У тебя безстыжіе, замѣтилъ пѣговолосый мужичонка и отошелъ.

— И у тебя плоцкіи, выколетъ и тебѣ, отвѣчала наставительно Макрида.

Стожаровъ, слушая все это, какъ-то отчаянно махнулъ рукой, и проходя къ самому носу парохода, твердилъ задумчиво: «Бѣдный, бѣдный народъ! До чего тебя изуродовали, до чего довела тебя твоя горькая доля... Долго намъ еще придется возиться съ тобой, и долго будетъ жать тебя голодъ да холодъ, да нужда въ три погибели.»

Д. Мордовцевъ.

(*Продолженіе будетъ*)

XX.

Далеко, очень далеко отъ широкаго поволжскаго раздолья, гдѣ теперь мыкается Стожаровъ и гдѣ онъ съ такимъ отчаяньемъ махнулъ рукой на горькую долю русскаго человѣка, лежитъ родина Григорія Борисовича.

На пологомъ возвышеніи, заросшемъ липами и старыми ветлами, стоитъ небольшой деревянный, почернѣвшій отъ времени домъ, съ такимъ же почернѣвшимъ фронтончикомъ на четырехъ деревянныхъ колоннахъ, изъ-за которыхъ виднѣются окна, какъ бы безмолвно стерегущія и старыя липы съ ветлами, и покатый спускъ къ рѣчкѣ Гремячкѣ, съ берегами, обросшими по мѣстамъ темнымъ ольховникомъ и зеленою, вѣчно перешептывающеюся съ высокимъ тростникомъ осокою и водяною мельницею, колеса которой, видимыя изъ оконъ дома, казалось пересыпали, особенно при яркомъ солнцѣ, полные ковши брильянтовъ, и темнозеленую полосу лѣса подъ противоположною мѣловою горою, и эту мѣловую гору, и синюю безконечную даль надъ горою.

На старомъ, почернѣвшемъ домѣ, и на бокахъ и на крышѣ, видны бѣлыя заплаты, которыя какъ-то странно, но красиво бросаются въ глаза изъ-за пожелтѣвшей зелени старыхъ липъ, точно свѣтлые шевроны на рукавѣ стараго солдата, который донашиваетъ ихъ до могилы. На старыхъ ветлахъ, изъ-за рѣдкой, поблеклой зелени, выдѣляются точно темные комья, такія же какъ домъ старыя грачевыя и вороньи гнѣзда, въ которыя давно когда-то забиралась маленькая рука Гриши Стожарова, росшаго среди шума лѣса и птичьяго говора. Каждую весну старыя ветлы оживаютъ, покрываются зеленью, гнѣзда наполняются птицами, а лѣсъ и вся окрестность стономъ стонетъ отъ птичьяго говора, только русой головки Гриши уже не видно среди этой зелени, не видно его маленькой руки, продирающейся въ грачевыя гнѣзда, не слышно его звонкаго голоса среди птичьяго говора и весенняго неугомона. Гриша учится, Гриша рѣдко наѣзжаетъ въ Оболонье, а тамъ и совсѣмъ не стало видно Гриши, который совсѣмъ забылъ Оболонье, забылъ птичій говоръ и весенній

неугомонъ природы, забылъ старыя липы и ветлы съ грачевыми и вороньими гнѣздами, забылъ свою любимую рѣчку Гремячку, гдѣ онъ бывало, пробираясь межъ темнымъ ольховникомъ, прислушивался, какъ зеленая осока перешептывается съ высокими, скрыпучими камышами. Забылъ онъ и мельничныя колеса, которыя на его глазахъ полными ковшами пересыпали брильянты въ рѣку. Забылъ Гриша и стариковъ своихъ, которые въ немъ души не чаяли. Гриша сталъ Григоріемъ Борисовичемъ Стожаровымъ. У Стожарова въ душѣ начался свой говоръ и неугомонъ. Стожаровъ забылъ тихое Оболонье и бродитъ по Россіи и по Европѣ, отыскивая счастье человѣческое, подобно тому какъ одинъ древній чудакъ, все вслѣдствіе того же неугомона, искалъ человѣка днемъ при свѣтѣ фонаря.

Почернѣла отъ времени и мельница на Гремячкѣ, а нѣсколько разъ возобновлявшіяся колеса все продолжали вертѣться и шумѣть, все пересыпали брильянты изъ одного мѣста въ другое. Шумъ колесъ доносился до стараго дома. На зарѣ слышно даже было, какъ по укатанной плотинѣ гремѣли крестьянскія телѣги, отправлявшіяся въ поле.

Въ старомъ домѣ, гдѣ родился Стожаровъ, также все постарѣло— и люди и предметы. Тихо было всегда въ этомъ домѣ, потому что, послѣ дѣтства Гриши, уже никогда въ немъ не слышно было живительнаго дѣтскаго лепета и бѣганья. Старики Стожаровы жили скромно и уединенно, такъ что только изрѣдка обычная тишина дома нарушалась наѣздомъ кой какихъ сосѣдей, но и эта, какъ бы нечаянно забравшаяся въ старый домъ шумливая жизнь, скоро опять улетала изъ стараго дома. И стѣны дома, и мебель, и литографіи на стѣнахъ—все обветшало и какъ бы обезцвѣтѣло. Обветшали и обезцвѣтѣли и лица стариковъ. Обветшалъ и бой стѣнныхъ часовъ, нѣкогда звонкій, голосистый, веселый, а теперь тихій, медленный, точно задумчивый и нерѣшительный, какъ походка стариковъ, все думающихъ о своемъ бродячемъ сынѣ, все прислушивающихся къ внѣшнимъ звукамъ, не нанесутъ ли эти звуки знакомаго голоса ихъ любимаго, единственнаго сына.

А сына все нѣтъ, все нѣтъ. Наносятся внѣшніе звуки въ тихій, старый домъ, но то или звуки неугомонной весны, или завыванья снѣжной зимы съ мятелями, или шумливое, однообразное битье во-

ды объ мельничныя колеса, а знакомаго голоса все не наноситъ въ старый домъ внѣшняя заоконная жизнь, проходящая мимо стараго дома и его старыхъ тоскующихъ по сынѣ обитателей, хотя задѣваетъ и этотъ домъ и его обитателей.

Въ окна стараго дома заглядываетъ утреннее сентябрьское солнце, которое поднялось уже довольно высоко, такъ что свѣтъ его, врывавшійся въ тихія комнаты черезъ позеленѣвшія стекла, съ обветшалыхъ стѣнъ перешелъ уже на старый, давно потертый крашеный полъ и лежалъ на немъ длинными паралелограммами. Эти свѣтлые паралелограммы бросало солнце и въ угольную комнату стараго дома, въ которой находились старики Стожаровы.

У письменнаго стола, на которомъ лежатъ бумаги, нѣсколько книгъ, въ порядкѣ сложенныхъ, и счеты, сидитъ Борисъ Григорьевичъ, и сквозь очки, положенныя не на переносицу, а на середину сухаго, нѣсколько орлинаго носа, внимательно читаетъ газету, отодвинувъ ее на такое растояніе отъ глазъ, что, казалось, не читалъ что тамъ написано, а только разсматривалъ цвѣтъ бумаги. Морщинистое лице старика сосредоточено, по видимому, на томъ, что онъ видѣлъ на бумагѣ сквозь свои очки, и свѣтлорусыя, нависшія брови иногда хмурились, какъ будто бумага, разсматриваемая имъ, передавала не то, что хотѣлось бы видѣть на ней старику. Бѣлый лобъ гораздо покойнѣе всего лица, а правая рука иногда какъ бы не хотя мяла поля газеты, но не рвала ихъ потому, что они слишкомъ тонки и беззащитны. Бѣлая, гладко обстриженная голова по видимому уже давно потеряла всѣ наружные признаки, по которымъ можно было бы судить — черные ли были на ней волосы въ молодости, русые ли или совершенно свѣтлые. Изжелта бѣлые усы упрямо торчатъ внизъ, какъ торчали они сорокъ лѣтъ назадъ, тогда еще не бѣлые, а только обожженные порохомъ, когда Стожаровъ и обѣдалъ и спалъ на пушечномъ лафетѣ и когда спорилъ объ закладъ съ товарищами по турецкой компаніи, что повѣситъ свой любимый кисетъ съ табакомъ на вратахъ Цареграда, какъ Олегъ повѣсилъ тамъ свой боевой щитъ—и проигралъ закладъ.

Въ сторонѣ отъ него, въ старомъ, высокомъ и глубокомъ кожаномъ креслѣ, вся облитая лучами солнца, сидитъ старушка и вяжетъ, не замѣчая, какъ старый котъ катаетъ по комнатѣ ея клу-

бокъ, то перебрасывая его изъ цѣпкой лапки въ другую, то подкрадываясь къ нему со всѣми предосторожностями, предписываемыми кошачьими законами на предметъ изловленія мышей и зазѣвавшихся воробьевъ. Голова старушки ничѣмъ не покрыта, но бѣлизна волосъ заставила бы подумать, что старушка въ чепчикѣ—такъ бѣлы эти мягкіе волосы. Носъ старушки также вооруженъ очками, круглыми и большими какъ двѣ лупы, но она не смотритъ въ эти очки, а только по временамъ сѣрые, нѣкогда бойкіе и свѣтлые, а теперь полинявшіе глаза, не стѣсняясь присутствіемъ на носу очковъ, взглядываютъ то на читающаго старика, то на окно, въ которое виднѣются и старыя липы съ ветлами, и темный ольховникъ съ камышемъ и рѣзучей осокой у берега Гремячки, и мельница съ неугомонными колесами и дорога, теряющаяся въ синей дали. Губы старушки иногда шепчутъ какія то слова, и въ этихъ словахъ слышится то имя Гриши, то счетъ какихъ-то дней, мѣсяцевъ, лѣтъ...

Шуршанье газетнаго листа заставляетъ кота припадать къ полу, принимать нужныя предосторожности, какъ бы въ ожиданіи приближающагося непріятеля; но потомъ опять все вниманіе отдается клубку, и опять идутъ военные маневры по полу...

Подъ окномъ раздается строкотанье сороки—и котъ и старушка вздрагиваютъ, но только послѣдняя, вздохнувъ, шепчетъ съ неудовольствіемъ—«лгунья», и опять погружается въ счетъ петель, дней, мѣсяцевъ, лѣтъ...

Строкотанье сороки опять сбиваетъ ее со счету...

— Поганая сорока! ужъ не болтала бы попусту, лгунья эдакая! шепчетъ старушка, и опять считаетъ.

Котъ прислушивается; но рѣчь не къ нему относится, и онъ опять весь отдается клубку и своимъ, ему одному извѣстнымъ, думамъ.

— Вотъ скоро и осень на дворѣ, а его все нѣтъ, снова говоритъ старушка, уже громко, и, минуя очки, взглядываетъ на окно, а потомъ на старика.

Брови старика хмурятся, газетный листъ рѣзко шумитъ въ его костлявой рукѣ, бѣлые усы падаютъ какъ будто еще ниже; но старикъ молчитъ.

Въ окно глядятъ липы и ветлы, и темный ольховникъ, и шумливый камышъ надъ рѣкою и синяя даль, и солнце, которое какъ бы хочетъ сказать старушкѣ: «Вы *его* не видите, а я вижу его точеную голову, вѣчно занятую, вѣчно думающую... *онъ* видимъ былъ для меня и тогда, когда бродилъ далеко отъ родины, когда разстилалось надъ нимъ голубое небо юга, и сердце его болѣло не за васъ, старые, забытые люди, а за весь несчастный міръ божій... Зачѣмъ же вы только объ немъ думаете, когда передъ вами цѣлый міръ, и эта проходящая мимо васъ жизнь, и эта незанимающая васъ зелень, и эта синяя даль!..»

— А у меня ужъ и четвертая дюжина шерстяныхъ чулокъ для него готова на зиму, а онъ все не ѣдетъ, опять заговариваетъ старушка, стараясь вызвать на разговоръ старика, и посматриваетъ на него искоса.

Старикъ тоже отводитъ глаза отъ газеты и черезъ плечо смотритъ на старушку.

— Вѣдь онъ у насъ, матушка, не о четырехъ ногахъ; что ты ему четыре дюжины однихъ шерстяныхъ чулковъ навязала, говоритъ старикъ, и снова смотритъ сквозь очки на газету.

— Кто-жъ говоритъ, что о четырехъ...

Котъ, по видимому обрадованный началомъ разговора, бросилъ клубокъ и сталъ тереться у подола платья старушки. Даже какъ будто на него наводило тоску это тоскливое ожиданіе сына.

Опять тихо въ комнатѣ. Опять шуршитъ газетная бумага, да съ губъ старушки срывается шопотъ—счетъ ли петель, или счетъ дней, мѣсяцевъ и лѣтъ, проведенныхъ ею въ ожиданіи любимаго сына. А липы да ветлы все глядятъ въ окно, у котораго сидитъ старушка, темный ольховникъ стоитъ не шелохнется, синяя даль все синѣе и синѣе становится, а проѣзжая дорога тянется какъ будто все дальше и дальше... Но никого не видно на этой дорогѣ.

А сорока все строкочетъ подъ окномъ, и только пущую тоску наводитъ на старушку.

— А еще вѣщуньей называется, подлая пустомеля! ворчитъ старушка, и черезъ очки, словно черезъ заборъ въ чужой огородъ, смотритъ и на сороку, и на старыя липы, и на синюю даль, и на дорогу, на которой никого не видно.

— Ты съ кѣмъ ругаешься? спрашиваетъ старикъ.

— Да вотъ сорока... все попусту мелетъ... только сердце надрываетъ.

Старушка вздохнула, а брови старика опять нахмурились, бѣлые усы точно еще болѣе упали книзу.

— Вотъ какіе нынче молодые люди, сыновья-то какіе... и знать не хотятъ родителей, снова заговариваетъ старушка.—Нѣтъ, мы не такія были въ молодости.

Старикъ круто поворачивается.

— А что вы въ молодости дѣлали, позвольте спросить? заговорилъ онъ.—Танцовали да амуровъ вышивали?

— Все-жъ лучше, чѣмъ забывать старуху мать да отца.—Амуры амурами, а родителей помнили.

— Не одни родители у него, матушка, на умѣ... У него дѣло.

Старику хотѣлось вѣрить, что сынъ забываетъ ихъ для великаго дѣла, оттого такъ и говорилъ; а между тѣмъ у самаго щемило на сердцѣ: все ему хотѣлось посмотрѣть на Григорія, пожить съ нимъ, посмотрѣть поближе на его дѣятельность.

— Нынче не тѣ времена, матушка...

— Ужъ хоть бы ты глазъ мнѣ не кололъ своими временами! говорила старушка съ сердцемъ.—Дались ему эти времена...Точно мы сами не жили... Вѣдь, чай, тоже были времена и тогда.

— Времена временамъ розь, матушка! Въ наши-то времена молодежь пила, плясала да воевала, на лафетахъ и жила и спала, а ваша сестра танцовала да амуровъ вышивала. Теперь не то.

— Что-жъ, теперь ужъ, по вашему, никто и не танцуетъ и не пьетъ, и военныхъ теперь никого нѣтъ? Ужъ будто и амуровъ теперь барышни не вышиваютъ?

— Вышивать-то вышиваютъ, матушка, которыя поглупѣе.

— А умныя-то что дѣлаютъ?

— Учатся, работаютъ, поступаютъ на должности, докторами дѣлаются...

— Учились и въ наше время не хуже теперешняго... А что докторами-то не были, такъ это женщинѣ, а особливо дѣвушкѣ, неприлично... Да и мужчины все тѣже остались.

— Тѣ же да не тѣ же, матушка... Мы вонъ думали все о пушкахъ, да о туркахъ, да на лошадяхъ гарцовали...

Старикъ закашлялся. Онъ вспомнилъ, какъ онъ, молодымъ офицеромъ, гарцовалъ на сѣромъ въ яблокахъ передъ окнами Катюши, полнолицей и ясноглазой дѣвушки, которая теперь поглядывала на него черезъ очки своими потухшими глазами.

— А теперь что же? волновалась сморщенная, выцвѣтшая и сгорбившаяся Катюша.

— Теперь, матушка, молодежь думаетъ не о лошадяхъ, а о народѣ, заботится, какъ бы его просвѣтить.

— Хамовъ какъ ни просвѣщай, они все хамами останутся.

Ужъ слишкомъ доѣла старушку тоска о сынѣ, оттого она и выражается старчески сердито о хамахъ; а въ сущности хамы знали ее какъ добрую, сердобольную старушку. Накипѣвшая на сердцѣ боль требовала исхода. Горе волновало ее до забвенія справедливости, до забвенія даже чулка, который она вязала для своего сына съ священной добросовѣстностью, и она спускала петли, путалась въ счетѣ, грозила въ окно пальцемъ сорокѣ «лгуньѣ», погрозилась даже на воробья, весело чирикавшаго подъ окномъ. Подбородокъ ея, заострившійся отъ старости, ея губы, ввалившіяся отъ беззубья, дрожали какъ въ лихорадкѣ, голова и руки также дрожали.

— Нынѣшняя молодежь, матушка, пишетъ, литературой занимается, рабочій вопросъ, вонъ, разработываетъ, женскій вопросъ, народныя школы, земство, политика, братья славяне... Много дѣла нынѣшней молодежи...

— Все лихія болѣсти выдумываютъ, ворчала старушка, вполнѣ, впрочемъ, увѣренная, что изъ всей молодежи только одинъ ея Гриша не выдумываетъ лихихъ болѣстей, а забылъ мать просто по молодости, по неопытности.

— Намъ, матушка, стыдно вспомнить наши времена, продолжалъ старикъ увлекаясь: —вино да карты, женщины да лошади, на мужика смотрѣли какъ на соху или на борону, за гончую по два тягла давали... А теперь вонъ почитай.

И старикъ ткнулъ пальцемъ въ газету.

— Еще читать меня заставишь, учиться... будетъ, поучилась, начиталась въ молодости...

— Тутъ Григорій пишетъ, потому и говорю.

— Гриша?... Ахъ, ты господи!... Покажи, покажи...

И старушка сползла съ кресла, запуталась въ вязаньѣ, спотыкнулась на клубокъ, прижала хвостъ коту, обругала его, подошла къ столу и поправила очки.

— Покажи, гдѣ Гриша...

Старикъ показалъ пальцемъ на подпись.

— Такъ, такъ... Григорій Стожаровъ... Батюшка мой, голубчикъ!

И старушка набожно поцѣловала то мѣсто, гдѣ было напечатано «Григорій Стожаровъ».

— Что-жъ онъ пишетъ, Борюшка? о чемъ?

— Пишетъ, что не любитъ свою старуху мать, что никогда къ ней не пріѣдетъ, что теперь, слышь, не такія времена, чтобъ матерей любить...

Старикъ засмѣялся и черезъ очки поглядѣлъ на жену. Старушка взяла его за ухо.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, старый лгýнъ! Не лги, не лги!

И старикъ и старушка закашлялись. Котъ встрепенулся и отчаянно началъ прыгать по стульямъ и по окнамъ.

— Григорій пишетъ еще, чтобъ ты ему чулокъ не вязала, продолжалъ старикъ тѣшиться.

— Полно, полно врать-то, Борюшка! Утѣшь ты меня... Что-жъ онъ и въ правду что-ли о славянахъ тамъ о вашихъ пишетъ, или о мужикахъ?

— О мужикахъ, Катюша, да о земскихъ дѣлахъ... Остро такъ пишетъ.

— Еще-бъ не остро... Не въ кого ему дуракомъ-то быть, развѣ въ мать простушку да необразованную.

Старушка поднесла газету къ губамъ и снова поцѣловала подпись сына.

— Какъ мелко-то напечатано... Глазки бы онъ свои, голубчикъ, не испортилъ... Онъ и маленькимъ близорукъ немножко былъ — какую-то тамъ звѣзду на небѣ все не могъ усмотрѣть.

Старушка бережно положила газету на столъ и снова помѣстилась въ своемъ кожаномъ креслѣ. Увлекаемый общимъ весельемъ котъ

взобрался ей на колѣни и все старался своимъ пушистымъ хвостомъ сбить очки съ носа старушки.

И солнце, казалось, веселѣе и привѣтливѣе заглядывало въ комнату, и синяя даль казалась привѣтливою, оживали и старыя липы подъ окнами, и темный ольховникъ, и порыжѣвшій камышъ съ зеленою осокою надъ рѣчкой—все оживало и улыбалось полинялому, но повеселѣвшему взгляду старушки, и даже сорока казалась не обманщицей, а наивною болтуньей. отъ которой вовсе не зависѣлъ пріѣздъ дорогаго сына.

— Вотъ бы пріѣхалъ къ намъ, пожилъ съ нами, посмотрѣлъ бы на своихъ бывшихъ мужиковъ, коли онъ ихъ такъ любитъ, занялся бы хозяйствомъ... Вонъ ты ужъ старъ... гдѣ тебѣ за всѣмъ усмотрѣть?

— Усмотрю.

— Ну, служить бы сталъ ..

— Гдѣ, матушка, ты ему мѣсто припасла?

— Ну, въ земствѣ тамъ, что-ли, посредникомъ, мировымъ судьей..

— А ты его, матушка, сама чай въ короли бы прочила? спросилъ старикъ улыбаясь.

— Отчего-жъ и не въ короли? не глупѣй бы былъ другихъ нѣмецкихъ да турецкихъ.

Старикъ самъ готовъ былъ прочить сына въ короли и въ полководцы, и въ законодатели; но молчалъ объ этомъ.

— Нѣтъ, матушка, не захочетъ онъ ни по земству служить, ни въ мировые судьи не пойдетъ.

— Отчего-жъ бы и не пойдти?

— Не такой онъ вижу я это... Что-то другое онъ замышляетъ.

— Что-жъ это можетъ быть такое, Борюшка?

— Ужъ это, матушка, его дѣло... Дурнаго онъ не выдумаетъ.

Старикъ догадывался, хотя смутно, на основаніи того что онъ зналъ о сынѣ, что Григорій ищетъ чего-то другаго, чего ему не можетъ дать ни земство, ни мировые судьи. Не ради должности мироваго судьи, которую онъ могъ всегда получить, потому что имѣлъ и цензъ и образованіе, исколесилъ онъ всю Россію и Европу, не ради того, чтобъ разбирать подравшихся да проворовавшихся мужиковъ (на что станетъ и всякаго судебнаго слѣдователя и всякаго честна-

го становаго) учился онъ почти до тридцати пяти лѣтъ и работалъ на ліонскихъ, брюссельскихъ и бирмингемскихъ фабрикахъ и заводахъ заурядъ съ простыми поденьщиками, жилъ по годамъ въ рабочихъ асоціаціяхъ Германіи и Англіи, пахалъ землю въ Мекленбургѣ вмѣстѣ съ мекленбургскими таглеперами... нѣтъ, старикъ чуялъ, что сынъ его дальше пошелъ чѣмъ шли знакомые ему дѣятели, что онъ выискивалъ другихъ путей для отысканья счастья человѣческаго.

— Все-таки пріѣхалъ бы къ намъ, разсказалъ бы все, говорила старушка задумчиво.

— Можетъ и пріѣдетъ.

Старикъ не вѣритъ самъ въ возможность того, что говоритъ; но упорно ждетъ сына, ждетъ еще упорнѣе жены, потому что даже съ ней не раздѣляетъ своихъ тайныхъ думъ, своихъ ожиданій и мучительныхъ сомнѣній.

Опять тихо въ старомъ домѣ. Опять далекое солнце, слѣдившее за ихъ сыномъ въ годины блужданій его по бѣлому свѣту, какъ бы хочетъ сказать старикамъ: «Зачѣмъ такъ ограничены ваши желанія, бѣдные, забытые люди? Зачѣмъ только его, вашего сына, ждете вы, зачѣмъ въ него одного положили вы вашу жизнь, ваши думы? Вѣдь міръ такъ великъ: желайте большаго, и большее дастся вамъ. Кто многаго ищетъ, многое находитъ. А кто ищетъ малое, единое—тотъ и это малое, единое теряетъ»...

А старики не слушаютъ солнца и думаютъ только о сынѣ, потому что старикамъ не о чемъ больше думать, потому что старость всегда бѣдна, всегда, какъ нищій, носится съ одной сумой, да и эту послѣднюю суму теряетъ или ее отнимаетъ жизнь и люди.

— Пора бы ужъ и жениться ему, снова заговариваетъ старушка, поглядывая то на старика, то на синюю даль, въ которой теряется проѣзжая дорога. Мы бы ему хорошую невѣсту нашли.. Я бы его дѣтокъ няньчила.

— Не тѣ нынче времена, матушка, чтобы жениться, снова возражаетъ старикъ, а самъ въ душѣ желаетъ того же, что и жена, только признаться не хочетъ.

— Опять ты съ своими временами! Все у него времена!.. Да развѣ ужъ въ эти времена никому и не жениться? волновалась старушка.

— Отчего не жениться людямъ празднымъ. А они—воины вѣка, матушка.

— Такъ что-жъ, по твоему, воинамъ и болтаться весь вѣкъ бобылями?

— И пусть болтаются... Они на войнѣ, а на войнѣ жена руки свяжетъ, а дѣтки—свяжутъ и руки и ноги.

— Господи ты мой! воскликнула старушка въ отчаяньи, такъ что испугала кота;—что-жъ это за времена такія проклятыя! Не люби мать, не почитай родителей, не женись... Да такъ и родъ людской переведется.

— Кто Богу служитъ—не женись, кто вѣку служитъ—также не женись. Вотъ какъ, мать моя.

Старушка всплеснула руками.

— Да откуда ты, мой голубчикъ, всего этого набрался, скажи на милость?

— Отъ Григорья.

— Точно Григорій съ нимъ вмѣстѣ въ лошадки игралъ и учился вмѣстѣ, какъ послушаешь.

— Не вмѣстѣ я учился съ нимъ, а учился у него, Катюша... Вотъ что!

— Да ты, я вижу, Борюшка, совсѣмъ съума спятилъ! Ужъ не хочешь ли въ другой разъ въ молодежь записаться?

— Записался бы, Катюша, да насъ съ тобой молодежь не возьметъ... Ей насъ не нужно.

Старушка только вздохнула. Какъ бѣсъ шевельнулась въ ней память молодости, и въ умѣ ея невольно сложилась фраза: «а когда-то и я нужна была молодежи... Полнолицая, ясноглазая Катя... Ахъ, какъ давно, какъ давно это было!...»

— Ну, крась волосы, отпусти бороду, коли хочешь записаться въ молодежь, ворчала старушка,—а я ужъ одна свой вѣкъ доживу... Гдѣ намъ отсталымъ! Это вы все передовые люди...

— Что-жъ, матушка, и впрямь досадно, что не во время родился.

— Такъ, такъ! ропщи теперь на Бога, старый грѣховодникъ.

— И буду роптать... Потому даромъ мы небо коптили, ничего не дѣлали.

— Что-жъ, кайся теперь, что и на мнѣ женился.

— Я не каюсь, матушка, а жаль только, что на своемъ вѣку мы ничего не сдѣлали... Въ наше время всѣ только собакъ гоняли, и вонъ теперь за насъ и отдувайся наши дѣти. Такъ то, Катюша.

— А что жъ бы ты сдѣлалъ? Какія такія дѣла творить бы сталъ?...

— Да много, матушка, дѣла... Вонъ народъ голодаетъ, грубъ, безграмотенъ, тамъ вонъ славяне упрекаютъ насъ, что мы ничего для нихъ не сдѣлали... А мы собакъ гоняли да на мужикахъ съ колокольцами ѣздили.

— Ахъ ты господи! вотъ присталъ!.. Ну, и поди цѣлуйся съ своими мужиками да съ славянами... Всѣ эти мужчины, и старый и малый, всѣ на одну стать — непутные какіе-то, все бы имъ до старости вѣтрогонничать... легковѣрные какіе-то: всему-то вѣрятъ, всему-то радуются, старое время ни во что ставятъ, а все только «наше время», да «наше время» — будто только и свѣта что въ окнѣ, а свое время забыли.

— Да вспомнить-то его, Катюша, нечѣмъ, кромѣ худаго.

— А теперь скажешь хорошо?

— Хорошо, Катя.

Старушка даже перевернулась въ креслѣ, спустила петлю, дала шлепка ластившемуся къ ней коту, проворчавъ: «ты тоже, чай передовой... за наше время... все-бъ тебѣ по крышамъ лазить!» и стала тревожно глядѣть въ окно.

— Хоть бы однимъ глазкомъ изъ могилы поглядѣть послѣ, что-то сдѣлаютъ наши дѣти, наши внуки, продолжалъ старикъ, котораго годы какъ бы вовсе не состарили, хотя и разбили его древнее тѣло.

— Ну и поглядишь, когда меня похоронишь, отвѣчала старушка, не глядя на мужа.

— Поглядѣть бы, продолжалъ старикъ, — какъ это вотъ черезъ наше Оболонье пройдетъ желѣзная дорога... вагоны эти, локомотивы... дымъ... Станцію тутъ у насъ бы, вонъ тамъ гдѣ гумна ..

— Разоритъ насъ эта желѣзная дорога, продолжала старушка.

— Славяне по ней поѣдутъ, продолжалъ свое старикъ.

— Хоть бы провалились всѣ эти славяне!.. Въ наше время никакихъ этихъ славянъ не было, а лучше жилось—дѣти родителей почитали, твердила свое старушка.

Женщина почти всегда и вездѣ была консервативна, особенно пожилая и старуха. Въ молодости ей все равно, къ какому бы лагерю ни принадлежать, подъ какимъ бы знаменемъ ни стоять, лишь бы ее любили, поклонялись ея красотѣ, и она всегда охотнѣе шла за тѣмъ знаменемъ, подъ которымъ могла найдти больше поклонниковъ. Съ лѣтами, жизнь, попримявшая ее, поистрепавшая ея красоту, какъ бы выбрасываетъ ее за бортъ корабля жизни, тогда какъ мужчина и въ старости дѣйствуетъ, принимаетъ участіе въ общечеловѣческой работѣ, и оттого менѣе окисляется. Женщина же непремѣнно окисляется и враждебно относится ко всему живому, потому что между этими живыми ей одной нѣтъ мѣста, одна, одна тамъ лишняя. Оттого мужчина бываетъ молодъ и въ семьдесятъ лѣтъ, тогда какъ старуха—никогда.

Такъ было, впрочемъ, до сихъ поръ. А что будетъ дальше, то будетъ, безъ сомнѣнія, лучше.

— Мужикъ нашъ будетъ богатъ, мечталъ старикъ.

— Опять хамы!.. Ну времячко!..

Старушка отъ волненья оборвала нитку.

— Нѣмцы насъ не будутъ презирать, продолжалъ мечтать старикъ.

— Ну, чего еще? Женишься въ другой разъ на славянкѣ... Тошно даже слушать тебя.

— По желѣзной дорогѣ къ намъ пріѣдетъ Григорій, говорилъ старикъ.

— Вотъ одно умное слово сказалъ... Да когда это будетъ?

— Когда ты, матушка, сорокъ сороковъ дюжинъ чулокъ успѣешь навязать.

При этихъ словахъ старушка опять впала въ раздумье. Ей въ самомъ дѣлѣ представилась желѣзная дорога, идущая черезъ Оболонье, хотя она никогда не видала что такое желѣзная дорога, что такое рельсы, вагоны. Ей видѣлось только выглядывающее изъ вагона дорогое лице, и изъ непроглядной, синей дали она узнавала это лице между тысячами лицъ, различала своими старческими гла-

зами каждую морщинку на этомъ лицѣ... И вотъ оно все ближе, ближе... Вагоны останавливаются тамъ, у самыхъ гуменниковъ, позади избы Савелья, и изъ вагона выходитъ Гриша, такой блѣдный, такой задумчивый... А старушка тутъ же, у самаго вагона—доплелась таки старыми, развинченными ногами до Гриши, и Гриша узнаетъ свою старуху мать, не глядитъ даже на отца, а только на нее глядитъ и проливаетъ радостныя слезы... «Какъ я давно не видалъ васъ, маменька», говоритъ онъ, и обнимаетъ ее, ведетъ подъ руки, а съ старикомъ отцомъ даже забылъ поздороваться—такъ обрадовался матери!

— Я бы въ Воронежъ тогда съѣздила, говоритъ старушка, очнувшись отъ своихъ грезъ.

— Когда это, матушка? спрашиваетъ старикъ...

— Да когда у насъ желѣзная-то дорога будетъ.

— А!.. Всякому свое... Кому дѣло, а ей Воронежъ.

— А тебѣ бы чего? снова вскидывается старушка на мужа.... Къ славянамъ бы своимъ, чай, поѣхалъ?

— Отчего-жъ и не поѣхать, коли можно?

— То-то можно! Да къ лицу ли тебѣ славяне-то придутся?

— Къ лицу, матушка.

— А мнѣ сдается, какъ къ коровѣ сѣдло.

И опять тихо въ старомъ домѣ. Все тѣже липы да старыя ветлы глядятъ въ позеленѣлыя отъ времени и непогодъ окна, все тоже слышится осторожное, нерѣшительное постукиванье маятника, тоже сентябрьское солнце рисуетъ на крашеномъ, потертомъ полу свѣтлые четырехугольники, которые уже изъ паралелограммовъ обратились въ квадраты, тоже ожиданье радости томитъ старыхъ, забытыхъ жизнью людей.

А въ сторонѣ отъ нихъ жизнь бьетъ кипучимъ ключемъ... Какъ изъ омута какого бездоннаго она поднимаетъ вопросъ за вопросомъ, да вопросы все жизненные, неотложные, проклятые вопросы, какъ ихъ называетъ Гейне, вопросы прямые и рѣзкіе до цинизма... И люди спѣшатъ рѣшить эти вопросы, чтобъ до могилы ничего не осталось нерѣшеннымъ, и въ числѣ этихъ людей мыкается тотъ, кого ждутъ въ Оболоньѣ старые, забытые люди...

XXI.

Въ комнату, въ которой сидѣли и тосковали о сынѣ старики Стожаровы, вошло или вѣрнѣе вкатилось еще одно очень старое существо, не шаркающее, а такъ сказать шамкающее ногами. Существо это, впрочемъ, шамкало и языкомъ, какъ шамкало ногами. Это была очень старая, очень сухая и очень маленькая старушонка. Лице ея, пересѣченное морщинами въ такихъ направленіяхъ, въ какихъ едва ли можетъ быть пересѣченъ до невозможности старый человѣческій образъ, выражало положительную доброту, которой старость придавала какое-то умиляющее спокойствіе. Глаза старушонки слабо выглядывали изъ-подъ какихъ-то навѣсовъ, образовавшихся изъ складокъ повисшей подъ бровями старой, пересохшей кожи. Маленькая, узенькая голова ея почти совершенно лишена была естественнаго прикрытія, хотя тѣмъ не менѣе жиденькіе волосенки, кое-гдѣ пощаженные всесокрушающимъ временемъ, не были сѣды, а казались только выцвѣтшими и принадлежащими какъ будто другой человѣческой головѣ, не той, на которую они случайно попали. При всемъ томъ, движенья этого, по видимому не въ мѣру зажившагося на землѣ, существа были довольно живы и юрки, какъ и самое шамканье ногъ и языка было быстро не по лѣтамъ, только казалось, что шамкая по полу довольно быстро, существо это всегда готово было упасть и не ушибиться—такъ сухо и безплотно казалось это перестарѣвшееся тѣло. Одѣто оно было въ темное ситцевое платье, сверху котораго еще надѣта была черная ваточная кацавейка.

Это была старая няня Аверьяниха, выносившая на рукахъ Гришу Стожарова и еще не болѣе какъ двадцать пять лѣтъ назадъ умѣвшая лазить по деревьямъ, когда ея питомецъ забирался слишкомъ высоко на какую нибудь старую липу, увлекаемый жаждою достать вороньи яйца.

Аверьяниха, неслышно вкатившись своимъ безплотнымъ тѣломъ въ комнату, дѣлала своими костлявыми, такими же какъ и все ея тѣло безплотными руками какіе-то телеграфическіе знаки Стожаровой. Стожаровъ, сидѣвшій спиной къ входной двери, не видѣлъ этихъ

знаковъ. Аверьяниха показывала рукой на окно, а потомъ какъ бы на потолокъ, и при этомъ въ лицѣ ея выражалась какъ будто радость, но въ такихъ формахъ, въ какихъ могла развѣ проявиться радость на застывшемъ лицѣ мертвеца, лежащаго въ гробу, еслибъ только лежащія въ гробу лица могли когда либо проявлять что-нибудь похожее на радость.

Старушка Стожарова встрепенулась и съ несвойственной ея лѣтамъ живостью подбѣжала къ Аверьянихѣ.

— Что? спросила она, шопотомъ, между тѣмъ какъ руки ея тряслись и не могли сложиться ни на груди, ни у пояса.

— Пыль, матушка Катерина Митревна, въ свою очередь отвѣчала шамкающимъ шопотомъ Аверьяниха.

Стожарова точно окаменѣла на мѣстѣ, только голова ея затряслась и заходила изъ стороны въ сторону.

— Охъ, держи меня... темно, простонала она.

— У меня у самой, матушка, подкатилось, бармотала Аверьяниха, силясь поддержать барыню.—Какъ увидала это пыль—голубушку, руки и ноги подкосились... А она-то, матушка, пыль-то, клубомъ, клубомъ...

— Веди меня... показывай, говорила Стожарова, все еще какъ бы внѣ сознанія.

— Такъ и валитъ, такъ и валитъ, матушка, клубомъ пыль-то. А мое сердечушко такъ и закатилось...

— Охъ, это онъ...

Старика Стожарова тоже будто что подняло на ноги.

— Кто онъ? спросилъ онъ порывисто.

— А она-то клубомъ, клубомъ, матушка.

— Да кто она? спросилъ уже съ сердцемъ старикъ, недоумѣвая что сталось съ обѣими старухами.

— Пыль, батюшка баринъ, такъ и клубится, такъ и клубится.

— Что-жъ что пыль?

— А ничего, родной мой...

Старикъ начиналъ догадываться въ чемъ дѣло, но старался скрыть свою безмѣрную радость, которая на первыхъ порахъ проявилась какимъ-то испугомъ.

— Вѣрно Григорій ѣдетъ? спросилъ онъ, и въ старческомъ голосѣ оказалась какъ бы трещина.

— Пыль, батюшка баринъ, по дорогѣ... Сама видѣла съ подвалки.

— Пойдемъ... покажи, снова проговорила старуха Стожарова съ усиліемъ.

Аверьяниха повела ее къ выходу. Оставшись одинъ, Борисъ Григорьевичъ заметался. Онъ хотѣлъ отворить свой письменный столъ, но руки его тряслись и не попадали на ключъ. Ощупавъ ключъ, онъ вертѣлъ его не въ ту сторону, въ которую слѣдовало, и съ дрожью въ голосѣ шепталъ: «Вотъ и онъ пожаловалъ... вспомнилъ пенатовъ... А глупыя старухи совсѣмъ растерялись...» И онъ силился засмѣяться, но смѣхъ выходилъ беззвучный. Дрожащія руки, наконецъ, отперли столъ, и ухватились за лежавшую въ немъ зрительную трубу. «Посмотримъ, посмотримъ» шепталъ онъ, и поспѣшилъ вслѣдъ за растерявшейся женой и старой нянькой. «Посмотримъ, кто то раньше увидитъ».

Старикъ совсѣмъ растерялся, хотя положительно не хотѣлъ этого показывать «глупымъ старухамъ». Старухъ онъ нагналъ на узенькой лѣстницѣ, ведущей на чердакъ стараго дома, откуда Аверьяниха, какъ съ обсерваціоннаго пункта, отчасти по приказанію барыни, отчасти по влеченію своего собственнаго стараго, но все еще бившагося сердца, сторожила каждый день пріѣздъ своего вскормленника. Старухи помогали одна другой взбираться на лѣстницу и взаимно другъ другу мѣшали.

— Ну-ка, ну-ка, правду ли говоритъ казанская татарская княжна Суюмбека, говорилъ онъ, слѣдуя за старухами.

— Какая татарская княжна? спрашивала его жена.

— Суюмбека, матушка.. Она вѣдь съ высокой башни наблюдала, какъ Грозный Казань бралъ.

— Охъ, Борюшка! тебѣ бы все шутки, а у меня въ глазахъ потемнѣло.

Наконецъ, они были на чердакѣ у слуховаго окна, и глядѣли вдаль на дорогу.

— Ну, что видите? спрашивалъ старикъ.

— Пыль, Борюшка, по дорогѣ, отвѣчала Стожарова.

— Ишь какъ клубится голубушка, говорила Аверьяниха, приглядываясь въ даль своими старыми глазами.

— Дайте я посмотрю на Грознаго, осударь Иванъ Васильича.

Старикъ наводилъ свою зрительную трубу по указанному направленію, но дрожащія руки отказывались служить ему. Труба ходила ходенемъ и показывала то кустъ неклена, то мельничное колесо, то собаку, стоящую на мельничной плотинѣ и лающую на вѣтеръ, то клочекъ голубаго неба...

— Покажи мнѣ его голубчика, приставала старуха жена.

— Постой, Катюша... Дай самому взглянуть, отвѣчалъ онъ.

Пыль поднималась все ближе и ближе къ спуску на мельницу, а дрожащія отъ волненія руки старика все не могли навести фокусъ трубы на искомый предметъ.

— Вотъ онъ съ горки спускается, голубчикъ, бормотала Аверьяниха, у которой зрѣніе, не смотря на старость, было лучше, чѣмъ у господъ.

— А видишь ты его самого, Аверьяновна? спрашивала Стожарова.

— Нѣтъ, матушка, будто колеса вижу, а его золотаго не вижу.

Наконецъ, старикъ навелъ свою трубу. «Не можетъ быть, шепталъ онъ,—не туда направилъ... нѣтъ, такъ, такъ...»

— Видишь, Борюшка? Что видишь? Говори, не мучь меня, спрашивала, нагибаясь къ его плечу, взволнованная мать.

— Вижу, матушка.

— Его? Сокровище наше?

— Нѣтъ, снопы.

У старухъ и руки опустились. Съ горки, дѣйствительно, спускалась телѣга съ снопами. У старика также точно что порвалось въ сердцѣ; но онъ и тутъ побѣдилъ себя.

— А можетъ онъ, нашъ золотой, ужъ проѣхалъ, а снопы послѣ подоспѣли, утѣшала ихъ и себя Аверьяновна.

— Нѣтъ, Аверьяновна, не быть этому... не видѣть ужъ мнѣ моего солнышка, говорила опечаленная мать.

— Что-й то, матушка! какіе еще ваши годы: поживете, увидите, настаивала Аверьяниха.

— Эхъ ты, княжна татарская! говорилъ Стожаровъ, обмануло тебя твое сердце.

— Чѣмъ, батюшка, обмануло?

— Да вотъ, снопы приняла за Григорія.

— На все Господь, батюшка баринъ, отвѣчала покорно старая няня.

— Оно-то такъ, а все-таки ты прозѣваешь, и не увидишь, какъ Григорій Казань возьметъ въ полонъ.

— Помилуй Богъ отъ такой бѣды, набожно сказала няня.

Старикъ махнулъ рукой и пошелъ съ чердака. За нимъ поплелись и опечаленныя старушки. «Экое горе, шептала Аверьяниха:—снопы, а не баринъ нашъ золотой.»

И опять въ старомъ домѣ потянулась прежняя однообразная жизнь, полная тоски и ожиданій. Каждый день Аверьяниха лазила на чердакъ и наблюдала оттуда всѣхъ проѣзжавшихъ по большой дорогѣ; но уже не рѣшалась тревожить господъ изъ-за всякаго встававшаго въ отдаленіи облачка пыли, а только въ раздумьи шептала сама съ собой: «а може и это снопы, а не онъ, золотой нашъ». Старушка Стожарова начала новую дюжину чулокъ для своего любимца, и каждый день сквозь окно бранилась съ сорокой, то грозя ей пальцемъ, то называя ее лгуньей, пустомелей и неблагодарной птицей. Въ неблагодарности она упрекала сороку за то, что бросала ей иногда за окно кусокъ говядины, въ надеждѣ, что сорока-вѣщунья напророчитъ ей пріѣздъ сына; но неблагодарная сорока уносила говядину, снова появлялась подъ окномъ, снова строкотала, а молодой Стожаровъ все не пріѣзжалъ. Старикъ Стожаровъ продолжалъ читать газеты и тѣ немногія книги, которыя у него имѣлись, въ томъ числѣ книгу доктора Бока «Будьте здоровы», а по временамъ вносилъ свои наблюденія въ дневникъ, который онъ велъ съ первой холеры, то-есть съ тридцатаго года, и изъ котораго можно было видѣть, какимъ метаморфозамъ подвергало время убѣжденія этого человѣка, у котораго былъ природный свѣтлый умъ и довольно наблюдательности. Въ иной день онъ отправлялся на деревню къ мужикамъ потолковать о работахъ, и непремѣнно заводилъ разговоръ о новыхъ временахъ, о новыхъ помѣщичьихъ, земскихъ и крестьянскихъ порядкахъ.

На ту пору воротились оболоньевскіе мужики Лодыга и Артемка изъ Петербурга, куда они ходили искать своего счастія, подобно тому какъ ихъ молодой баринъ искалъ этого счастья, впрочемъ не

своего личнаго, а вообще человѣческаго счастья по Европѣ и по всей Россіи. Лодыга и Артемка пробыли въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ и воротились теперь—одинъ съ небольшимъ запасомъ деньжонокъ и горькой опытности, другой—съ большимъ запасомъ столичной лакейской цивилизаціи и развращенности. И того и другаго тянуло въ Петербургъ недовольство существовавшимъ порядкомъ вещей, и хотя тотъ и другой искали счастья, но Артемка видѣлъ его далеко не въ томъ, въ чемъ находилъ его Лодыга. И того и другаго на родинѣ глодала нужда, и того и другаго давили не ласковыя обстоятельства и безталанливость, которыя давили и другихъ мужиковъ; но другіе смирялись передъ нуждой и несли на своихъ плечахъ столько тяжести, сколько могли поднять и протащить до перваго упаду. А Лодыгу и Артемку эта непосильная тягота выдавила изъ обычной колеи и они рѣшились на то, на что обыкновенно рѣшаются сказочные горемыки—пошли искать черта, чтобы продать ему свою душу. Характеры обоихъ мужиковъ были разные, но одинаково нетерпчивые: если Лодыгу называли огнивнымъ кремнемъ, то Артемку положительно можно было назвать порохомъ.

По поводу прихода Лодыги и Артемки, старикъ Стожаровъ засталъ на деревнѣ большую суматоху. Оба пришлецы были героями дня, только Лодыгу разиня ротъ слушали мужики и по временамъ охали, а Артемка былъ фокусомъ вниманія бабъ и дѣвокъ.

Увидѣвъ стараго барина, Лодыга подошелъ къ нему и снялъ шапку. Старикъ обрадовался, узнавъ одного изъ своихъ прежнихъ забіякъ, котораго впрочемъ любилъ за смышленость.

— Здорово, Лаврентій, сказалъ старикъ, вглядываясь въ загорѣвшее лице Лодыги.—Давно ли прибылъ къ намъ?

— Утрѣсь только Богъ привелъ... Не успѣлъ еще поклониться и вашей милости, баринъ.

— А Артемій не съ тобой?

— Съ нами, сударь... И Артемка домой захотѣлъ.

Подошелъ и Артемка. За ними надвинулись къ барину всѣ оболоньевскіе мужики, бабы, дѣвки и ребятишки.

— Ну что, Лаврентій, хорошо ли житье на сторонѣ? спрашивалъ старикъ.

— Хорошо, баринъ, тамъ, гдѣ насъ нѣтъ, а еще того лучше, гдѣ людей нѣтъ, отвѣчалъ Лодыга, тряхнувъ косматою головой.

— Отчего жъ такъ?

— Гдѣ люди, баринъ, тамъ и нужда, а нужда то въ Питерѣ не по крышамъ ходитъ, а по людямъ.

— Такъ ты, значитъ, не радъ, что ходилъ?

— Не отъ радости ходилъ, а отъ бездолья... А радость-то въ Питерѣ и на фунты не продаютъ—дорога оченно.

— Это точно что такова товару и въ милютинскихъ лавкахъ не найдешь... Арбузъ еще можно купить, а радость не купишь, замѣтилъ съ своей стороны Артемка, охорашиваясь и поглядывая на бабъ.

— А тычки тамъ почемъ на базарѣ ходятъ? спросилъ одинъ оболоньевскій острякъ.

— Тычковъ, братъ, нонѣ нигдѣ не продаютъ и даромъ не даютъ. Евтотъ товаръ выводится, потому времена не тѣ, отвѣчалъ Артемка.

— А у насъ на тычки урожай, по старому.

— Однако заработали ли вы что-нибудь? спросилъ Стожаровъ. Или съ пустыми руками воротились?

— Нѣту, баринъ, како съ пустыми! Что было на рукахъ мозолей, такъ изъ Питера принесли на кажинный мозоль по десятку... Не было, кажись, мозолей на спинѣ, такъ въ Питерѣ нажили... Диви бы сердце—кажись, сердцемъ ни воду не таскалъ, ни дрова не рубилъ—а и на сердцѣ мозоли, да такіе болючіе, баринъ, говорилъ Лодыга. Тяжела она, денежка мѣдная, что крещеному народу достается, а кажись въ ней и вѣсу не сколько... У насъ что—наша сторона благодатная, а тамъ чего мы наглядѣлись, такъ инда сердце кровью обливается.

— Что-жъ вы тамъ видѣли? спросилъ Стожаровъ.

— Всего видѣли, баринъ, и наслышались вдоволь... Что нашего брата рабочаго приходитъ туда кажинный годъ, что мретъ его тамъ— и сказать нельзя. Везутъ это туда нашего брата вагонами—полны вагоны, а назадъ-то воротится малая часть—все съѣстъ нужда да голодъ, да болѣзни разныя... Кажись изо всей Россіи слезы туда, какъ рѣки въ море, стекаются...

— Не однѣ, дядя Лавренъ, мужицкія, а и господскихъ не мало, замѣтилъ Артемка.

— Оно и то правда, да наши-то злезы, парень, покрупнѣе господскихъ и потяжеле ихъ будутъ.

Старикъ Стожаровъ, сидя на завалинкѣ, молча слушалъ жалобы Лодыги на крестьянскую нужду. Онъ и прежде подмѣтилъ эту черту за Лодыгой, а теперь она, кажется, высказывалась въ немъ еще рѣзче, потому что, дѣйствительно, мужикъ потерся на сторонѣ и видѣлъ много такой нужды, о какой въ ихъ мѣстности и понятія не имѣли. Въ Петербургѣ Лодыга видѣлъ рабочій людъ изъ самыхъ бѣдныхъ мѣстностей Россіи. Отъ этого наплывающаго каждый годъ въ столицу народа Лодыга узналъ, каково живется въ другихъ мѣстахъ, бѣдныхъ, безземельныхъ. Онъ видѣлъ, какъ гнилыя горячки косили рабочій народъ сотнями, потому что этотъ народъ образомъ жизни своей поставленъ въ такія условія, которыя даютъ менѣе возможности уберечь себя отъ этихъ болѣзней: чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба, онъ нерѣдко вынужденъ работать даже въ ущербъ своему здоровью.

Вотъ отчего Лодыга положительно увѣрялъ, что мужицкія слезы покрупнѣе и потяжеле барскихъ.

— Не говори этого, Лаврентій, замѣтилъ Стожаровъ на послѣднія слова Лодыги,—крупны и тяжелы тоже и господскія слезы.

— Оно правда, батюшка Борисъ Григорьичъ, — бываютъ и господскія крупненьки, что и говорить, да счетъ-то не ровенъ: на сотню другую мужицкихъ, може одна господская приходится.

Артемка при этомъ не утерпѣлъ, чтобъ не потѣшить бабъ и дѣвокъ. Обративъ къ нимъ свое веселое, загорѣлое лице и скорчивъ гримасу, онъ шопотомъ сказалъ имъ: «Мужицка-то слезища во какая» (онъ сжалъ свой кулакъ и приложилъ къ щекѣ); «а барская-то слезинка воненькая» (онъ показалъ на кончикъ ногтя). Бабы и дѣвки захихикали и потупились.

— Теперь-то чѣмъ мужику не житье? Теперь онъ вольный, замѣтилъ добродушно старикъ Стожаровъ.

— Что воля, батюшка Борисъ Григорьичъ! И песъ воленъ бѣгать по улицѣ и брехать на кого душенька забажаетъ, а что тутъ

проку?.. Все передъ кускомъ-то хвостомъ виляетъ, снова возразилъ кремень Лодыга.

Артемка сталъ показывать пальцемъ какъ собака хвостомъ виляетъ, и снова насмѣшилъ бабъ и дѣвокъ.

— Странно, говорилъ старикъ Стожаровъ задумчиво, какъ будто около него и не было крестьянъ,—и мой Григорій тоже пишетъ въ своихъ статьяхъ... Такъ всѣмъ не хорошо, говоришь ты, Лаврентій? спросилъ онъ, обращаясь къ Лодыгѣ.

— Не знаю, баринъ. Може кому и хорошо жить на свѣтѣ, а я говорю что видѣлъ самъ да отъ людей слышалъ... Нашему брату мужику маятно жить.

— Чѣмъ же вы недовольны?

— Мы, батюшка Борисъ Григорьичъ, всѣмъ довольны, и вашей милостью довольны.

— Это что и говорить, замѣтили другіе мужики, у насъ баринъ добрый.

— Да я вамъ теперь не баринъ, возразилъ старикъ, вы сами по себѣ, а я самъ по себѣ... И у васъ земство, и у насъ земство, и у васъ посредникъ, и у насъ посредникъ.

— Оно точно—все какъ слѣдоватъ, снова началъ Лодыга,—да не того мы отъ земства чаяли... Выбирайте, слышь, гласныхъ, они-де будутъ ваши антиресы блюсти. «Какіе—молъ такіе антиресы?»—«Да чтобъ меньше, говоритъ, налоговъ было». Вотъ мы и выбрали. А налоговъ-то больше — вотъ по самую какъ есть шейку завалили налогами.

— Ужъ такъ-то, милый, блюдутъ, что и-и-и! отозвался какой-то другой мужикъ.

— Знамо, блюдетъ котъ сало, такъ и ноги масляны, замѣтилъ оболоньевскій острякъ, по прозвищу Куликъ.

Старикъ Стожаровъ въ душѣ самъ сознавалъ, что положеніе крестьянина туго идетъ къ улучшенію, что выбившись изъ барщины, онъ все еще долженъ тяжкимъ трудомъ завоевывать себѣ право на существованіе, а существованіе все-таки незавидное, воля все-таки не вытянула его изъ нужды. Съ реформами потребностей явилось больше, повинности стали сложнѣе: мужикъ плати и на содержаніе крестьянскихъ учрежденій, содержи и посредниковъ, и земскія

управы, и мировыхъ судей; а у мужика остались все тѣже двѣ руки и двѣ ноги, да въ добавокъ десять глотокъ, которыя онъ долженъ заткнуть хлѣбомъ.

Стожаровъ заговорилъ о новыхъ судьяхъ.

— Оно-то такъ, батюшка Борисъ Григорьичъ,—новый судъ дѣло хорошее—и разбойника не выпуститъ на волю за грѣшныя денежки, какъ выпускалъ старый судъ, и праваго въ обиду не дастъ; да намъ-то, баринъ, круто приходится, говорилъ Лодыга.

— Чѣмъ-же?

— Судья-то тебя судитъ, а ты-то его и корми, и обувай, и одѣвай.

— А какъ же, дядя Лавренъ, возразилъ Артемка, — конь тебя возитъ, ты и корми за это коня; кто же даромъ служить будетъ?

Артемка, однако, соскучившись серьезнымъ разговоромъ, отошелъ къ бабамъ и началъ имъ плести про Питеръ.

— Сидишь это въ трактирѣ, чаи распиваешь, а тебѣ какой нина-есть паренекъ газету читаетъ... Пьешь это и слушаешь.

— Объ чемъ же, Артемушка, читаютъ?

— Обо всемъ—и объ Напаліонѣ, и объ Гусевомъ переулкѣ, просвѣщеніе тамъ всякое... теперича безъ евтово нельза... образованіе такое.

— А много тамъ трактировъ, дядя Артемъ? спросилъ одинъ парень.

— Много! Въ кажинномъ тебѣ домѣ трактиръ, харчевня, кофейня, кандитерска—это господскіе кабаки, клубы тамъ разные, тоже на маперъ кабаковъ—вездѣ водка...

— Ой ли! Такъ, поди, дядя всѣ спились?

— Безъ евтово, парень, нельза—образованіе такое пошло...

— И бабы пьютъ? спросила одна баба, охотница до выпивки.

— Тамъ бабъ нѣту, тетка: все барышни да мамзели.

— Ой ли! А хто-жъ родитъ ребятъ?

— Мамзели родятъ... А отчего мамзели родятъ?—Оттого что ѣсть хотятъ... Идетъ это по прешпекту мамзель голодная—тамъ всѣ мамзели голодныя, потому дорого все—на встрѣчу ей кавалеръ: «хочешь, говоритъ, мамзель, ѣсть?»—«хочу, говоритъ, кавалеръ—давно не ѣла.»—«А родить, говоритъ, хочешь?»—«Не хочу», го-

ворить... Кавалеръ и уйдетъ, а мамзель голодаетъ... Голодаетъ день, голодаетъ другой, опять идетъ по прошпекту, и опять ей кавалеръ попадается: «хочешь, говоритъ, мамзель, ѣсть?» — «хочу», говоритъ. — «А родить согласна?» говоритъ. — «Согласна...» Ну, поѣстъ — и родитъ.

Бабы и дѣвки пришли въ ужасъ отъ того, что имъ наплелъ Артемка.

— А хто-жъ, Артемушка, дѣтей тамъ кормитъ? спросила одна сердобольная молодуха.

— Птица кормитъ.

— Что ты врешь! Не слушайте его, бабы, онъ вретъ.

— Инъ не слушайте, коли вру.

— Говори, говори, дядя Артемъ, приставали парни.

— Есть тамъ большущій пребольшущій домъ — все Оболонье помѣстится въ немъ, а на домѣ тамъ птица... Сидитъ это птица, распустила крылья, а утробу свою разрываютъ, а маленьки пичушки кровь ея пьютъ — тѣмъ и питаются.

— Кто-жъ евти пичушки, дядя?

— Мамзельскія дѣти.

— Ну, городокъ! говорили бабы.

— А кабаковъ-то, кабаковъ-то что! дивились парни.

— Что кабаки! кабаки плевое дѣло... образованіе тамъ главное — вотъ что...

Бабы и парни рѣшительно не понимали къ чему Артемка рѣчь клонитъ.

— Тамъ всѣ грамотные, продолжалъ Артемка, — коли ты не грамотный, тебѣ въ глаза наплюютъ.

— Что ты?

— Пра! Грамота теперича первое дѣло.

— А ты нонѣ ужъ рази грамотный, дядя Артемъ? спрашивали его.

— А безъ грамоты, ты думаешь, я бы произошелъ все?

— Хто жъ тебя научилъ?

— Господа научили и книжекъ надавали.

— Чудное это дѣло, говорила одна старая женщина, слушая Артемку, — грамотѣ учатъ эти господа, книжки даютъ, а коли дѣвка съ

голоду помираетъ да честь забываетъ, такъ ей куска хлѣба не дадутъ господа.

— Эхъ ты, тетка Маланья! отозвался Артемка,—господа господамъ розь... тѣ что насъ мужиковъ грамотѣ учатъ, сами ину пору голодаютъ, а тѣ что за мамзелями гоняются—книжекъ не читаютъ, а просто съ жиру бѣсятся.

— А что толку-то въ грамотѣ, рази она мужику хлѣбъ дастъ? опять спросила тетка Маланья.

— Знамо дастъ! Кто ученъ, тотъ уменъ, а умный человѣкъ не токмо хлѣба, но и богатство наживетъ. А коли будемъ богаты, намъ всѣмъ будетъ хорошо.

— И мамзелямъ хорошо будетъ? спросили другія бабы.

— И мамзелямъ, и вамъ хорошо будетъ, смѣясь отвѣчалъ Артемка.

— Жди!

— Чаво жди! сказано будетъ—и будетъ. И Артемкѣ хорошо будетъ, и теткѣ Маланьѣ не худо.

— А когда оно будетъ?

— Когда всѣ будутъ грамотные.

— И тетка Маланья? спросилъ одинъ паренекъ.

— И тетка Маланья, отвѣчалъ Артемка, лукаво подмигивая бабѣ.

Тетка Маланья плюнула и отошла.

— Пришла свинья изъ Питера, вся истыкана, сказала она, и вызвала общій хохотъ.

Другая часть оболоньевцевъ, скучившаяся около стараго барина, также толковала о современныхъ вопросахъ, но только разсматривала ихъ не съ той точки зрѣнія, на которую поставилъ своихъ слушателей Артемка.

Бываютъ такіе періоды въ исторіи человѣческихъ обществъ, когда во всякую жизнь, по видимому самую изолированную, невольно врываются вопросы самаго жгучаго свойства, и о чемъ бы ни заходи рѣчь, вопросы эти такъ или иначе зададутся сами собой и всякаго втянутъ въ ихъ разрѣшеніе.

Періоды эти бываютъ въ переходныя эпохи гражданскихъ обществъ, и въ такой именно періодъ живемъ мы и невольно подчиняемся без-

покойнымъ требованіямъ времени. Въ такія эпохи, литературное произведеніе, не касающееся общественныхъ жгучихъ вопросовъ современности, останется незамѣченнымъ. Одно и тоже настроеніе охватываетъ разомъ всѣ классы общества, одинаково не даетъ спать и Наполеону и Артемкѣ. Тетка Маланья, заговоривъ о томъ, что сегодня у нея хлѣбы перекисли, отъ дрожжей непремѣнно перейдетъ къ общественнымъ вопросамъ, волнующимъ Оболонье и ея окрестности, и фактъ перекисанья хлѣбовъ непремѣнно поставитъ въ зависимость отъ общественныхъ явленій, потому что по настоянію мироваго посредника всѣ крестьяне были заняты молотьбою для пополненія общественныхъ запасныхъ магазиновъ, и бабы, работавшія вмѣстѣ съ мужиками, не успѣли заготовить ни хорошаго хмѣлю, ни хорошихъ дрожжей.

Оттого тетка Маланья такъ была въ этотъ день «грустно настроена», такъ устала отъ «мучительныхъ думъ» по неудавшимся хлѣбамъ, что первло слушала вранье Артемки; накидывалась на него и даже выразила безчеловѣчное желанье, чтобы всѣмъ толстымъ животы были распороты.

Изъ стараго дома пришелъ мальчикъ звать барина. Старикъ тотчасъ же поднялся и ушелъ. Крестьяне остались продолжать свои толки о томъ, что каждаго занимало.

XXII.

Дома старикъ Стожаровъ засталъ какого-то молодаго человѣка. Онъ былъ одѣтъ довольно порядочно, хотя загорѣвшее лице и загрубѣлыя руки его изобличали, что онъ или долго палился подъ солнцемъ, какъ только могутъ палиться крестьяне, привыкшіе и къ томительному жару и къ трескучему морозу, или исполнялъ такую грубую работу, которая не соотвѣтствовала его костюму. Онъ сидѣлъ на крыльцѣ положивъ голову на руки, и когда, при появленіи старика, поднялъ эту голову, глаза его сверкнули какимъ-то страннымъ огнемъ, хотя глаза были по видимому изъ такихъ, которые называются стоячими и которые рѣдко отражаютъ то, что дѣ-

лается внутри человѣка. Волосы были черны какъ смоль, и хотя острижены были гладко, однако показывали, что до нихъ давно не касались ни гребенка, ни щетка. Рѣденькая, такая же смоленая, какъ и голова, бородка и широкія скулы напоминали обликъ не русскій, не европейскій. Такіе облики встрѣчаются только на востокѣ да иногда въ южной Россіи и въ Поволжьѣ.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? спросилъ Стожаровъ.

— Карамановъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Прошу пожаловать въ комнату.

Карамановъ слегка поклонился. Старикъ вошелъ въ домъ, Карамановъ за нимъ.

— Вы не родственникъ Льва Семеновича Караманова? спросилъ старикъ.

Молодой человѣкъ вскинулъ на старика свои стоячіе глаза и минуту медлилъ.

— Да, къ несчастью я сынъ этого негодяя, отвѣчалъ онъ.

Въ глазахъ старика выразилось недоумѣніе и что-то похожее на испугъ. Онъ слишкомъ ясно разслышалъ слово «негодяй», что не могъ не повѣрить своему старому слуху. Стожаровъ зналъ, впрочемъ, Караманова съ несовсѣмъ хорошей стороны и пожалуй самъ думалъ объ немъ какъ о негодяѣ, но слышать такой жесткій отзывъ сына объ отцѣ—ему казалось невѣроятнымъ. Онъ былъ не подготовленъ къ этому. Онъ былъ захваченъ въ расплохъ. Онъ положительно не зналъ что ему думать и что сказать.

— Что же... угодно вамъ? спросилъ старикъ, отступая отъ Караманова.

— Мнѣ всѣ говорили, что вы честный человѣкъ... Это такое рѣдкое явленіе между людьми, что я пришелъ посмотрѣть на васъ, отвѣчалъ Карамановъ, не спуская съ старика своихъ стоячихъ, какъ бы застывшихъ въ орбитахъ глазъ.

Старикъ молчалъ.

— Я зналъ вашего сына, продолжалъ Карамановъ.

— Какъ, вы знали Григорія? спросилъ старикъ, оживленный однимъ напоминаньемъ о любимомъ сынѣ.

— Да, я знаю его.

— Гдѣ же вы его видѣли? интересовался старикъ.

— Въ Петербургѣ... Я жилъ съ нимъ... Мы работали съ нимъ вмѣстѣ... А гдѣ онъ теперь?

— Я самъ не знаю, отвѣчалъ старикъ грустно. Онъ надѣялся отъ Караманова узнать что-либо о сынѣ.—Такъ и вы его давно не видѣли? спросилъ онъ.

— Больше года.

— Больше года... Это такъ недавно... А я его больше десяти лѣтъ не вижу, сказалъ старикъ еще болѣе грустно.

— Онъ скоро долженъ быть у васъ, сказалъ Карамановъ увѣренно.

— Но какъ вы это можете знать? живо спросилъ старикъ, видя въ словахъ Караманова смутную надежду на то, на что онъ самъ не надѣялся.

— Мнѣ писали... Онъ кончаетъ свою работу и пріѣдетъ къ вамъ, отвѣчалъ Карамановъ.

— Какую работу?.. Я ничего не знаю... Я только читалъ коe-что въ журналахъ и въ газетахъ что писалъ мой Григорій, говорилъ старикъ взволнованнымъ голосомъ... Какая его работа?

Карамановъ улыбнулся какъ-то странно, одной стороной губъ, какъ улыбаются собаки, не рѣшившіе еще въ умѣ своемъ, кусать ли имъ того, кто стоитъ передъ ними, или вилять хвостомъ.

— Мы оба взяли съ нимъ по очень трудной работѣ, сказалъ онъ, продолжая улыбаться по-собачьи и перенося свой застывшій взглядъ отъ Стожарова на окно, за которымъ виднѣлись старыя липы и ветлы.—Мы оба съ вашимъ сыномъ ищемъ ринезмовъ въ языкѣ современнаго человѣчества.

— Какихъ ринезмовъ? спросилъ старикъ съ удивленіемъ.

— Юсовъ, которые Востоковъ открылъ въ славянскихъ языкахъ...

— Юсовъ!... Извините, батюшка, я ничего не понимаю, говорилъ старикъ, теряясь отъ загадочныхъ словъ незнакомца, который выдавалъ себя за человѣка, близкаго его дорогому сыну.

— Мы съ Григорьемъ Борисовичемъ задали себѣ по задачѣ: онъ—найдти между людьми прочное счастье, личное и общественное, и узнать на какой почвѣ можетъ произрастать этотъ рѣдкій

плодъ и можетъ ли даже расти... Вотъ онъ и ищетъ, сказалъ Карамановъ, и собачья улыбка сбѣжала съ его спокойнаго лица.

Старикъ задумался. Затерянность его не уменьшалась, а увеличалась, кажется; но онъ все-таки искалъ нитку Аріадны, которая вывела бы его изъ этого лабиринта недоумѣній.

— А вы? спросилъ онъ Караманова: —вы что ищете?

— Я положилъ себѣ найдти честнаго человѣка, отвѣчалъ Карамановъ. — А не найду, такъ хоть узнаю, какимъ молокомъ слѣдуетъ кормить дѣтей, чтобъ изъ нихъ выростали честные люди... только не молокомъ женщинъ...

— И что-жъ, нашли? спрашивалъ старикъ, начинавшій уже опасаться, не съ больнымъ ли онъ имѣетъ дѣло.

— Нѣтъ, не нашелъ, отвѣчалъ Карамановъ. — Женское молоко, значитъ, не имѣетъ тѣхъ элементовъ, которые влили бы честность въ кровь и въ мозгъ человѣка...

Старикъ начиналъ думать, что его дурачитъ молодой человѣкъ. «Нынѣшніе молодые люди издѣваются надъ старостью», думалъ онъ.— Можетъ быть и Григорій вышелъ такимъ же разбойникомъ...» Старику стало и грустно и горько. Въ немъ заговорило чувство болѣе живое, чѣмъ скорбь, и болѣе глубокое, чѣмъ досада.

— По вашему, молодой человѣкъ, выходитъ, что у меня или мать, или кормилица была не женщина, а какое-нибудь животное, потому что вамъ сказали, будто я честный человѣкъ, сказалъ старикъ послѣ нѣкотораго раздумья: —а честь, по вашему, даетъ не молоко женщины.

— Поэтому я и пришелъ убѣдиться лично, дѣйствительно ли вы честный человѣкъ, отвѣчалъ Карамановъ спокойно.

Старикъ вынесъ и эти слова. Онъ надѣялся узнать что-нибудь о сынѣ.

— А сынъ мой честный человѣкъ? спросилъ онъ.

— Сынъ вашъ больше умный человѣкъ, чѣмъ честный, но онъ положительно не подлецъ...

— Я не понимаю васъ, сказалъ старикъ.

— Послѣ поймете... Вашъ сынъ вамъ скажетъ кто я и кто онъ.

Старикъ опять задумался. Онъ готовъ былъ слушать даже дерзо-

сти, лишь-бы узнать что-либо о сынѣ. Слова незнакомца казались ему заносчивостью молодости.

— Въ одной старой книжкѣ есть слѣдующій разсказъ, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, не глядя на незнакомца. — Нѣкто сказалъ философу Эмпедоклу: «пятьдесятъ лѣтъ живу я на свѣтѣ, тридцать лѣтъ ищу вездѣ умныхъ людей, и нигдѣ не нахожу ихъ.» — «Другъ мой!» отвѣчалъ ему философъ: «умныхъ находятъ только умные.»

— Какой же выводъ изъ этого допотопнаго анекдота? спросилъ Карамановъ.

— А тотъ, молодой человѣкъ, что честныхъ тоже находятъ только честные, отвѣчалъ старикъ съ улыбкой.

Карамановъ засмѣялся.

— Это хорошо, сказалъ онъ.—Но вѣдь не все similia similibus... Свинья скорѣй находитъ гдѣ растутъ трюфели, чѣмъ человѣкъ.

— За то свинья и не берется розыскивать честныхъ людей, а знаетъ только гдѣ трюфели и гдѣ помойная яма, возразилъ старикъ.

— Это положительно честная черта, сказалъ Карамановъ. — Вы ругаете человѣка прямо въ глаза—это честно. А мой отецъ говоритъ, что когда ты рѣжешь человѣка и онъ уже хрипитъ у тебя подъ ножемъ, ты и тогда не говори ему правду, а скажи: «какъ мнѣ жаль тебя, бѣдный... Успокой, господи, твою душу въ селеніи праведныхъ.»

Старикъ начиналъ сердиться.

— Такъ вы пожаловали ко мнѣ за тѣмъ, чтобы узнать, какимъ молокомъ меня выкормили—женскимъ или животнымъ? спросилъ онъ съ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Нѣтъ, я пришелъ къ вамъ искать работы, отвѣчалъ Карамановъ.

— Какой работы?

— Какая у васъ есть... Конечно крестьянская.

— Я опять не понимаю васъ, сказалъ старикъ.

— И не зачѣмъ... Вамъ сынъ вашъ растолкуетъ меня.

— Зачѣмъ же Григорія приплетать сюда, батюшка?

— Вашъ сынъ сказалъ мнѣ, что я всегда найду у его отца пріютъ... А я пріюта не хочу—я ищу работы.

— А что же вашъ батюшка не далъ вамъ работы?

— Батюшка махнулъ на меня рукой, а я на него обѣими... Батюшка училъ меня грабить на большой дорогѣ.

— Хоть убей меня, я ничего не понимаю, говорилъ старикъ съ отчаяньемъ.

— И не трудитесь.

— Такъ что-жъ вы не ищете себѣ другихъ занятій, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ?

— Искалъ, да честной работы нигдѣ не нашелъ... Вездѣ надо быть безчестнымъ, чтобъ ужиться... Вездѣ надо поддѣлываться, а я не хочу и не умѣю.

Старикъ не находилъ словъ. Въ головѣ у него стучало, сердце сильно билось. Онъ опустился на первый попавшійся стулъ.

— Что-жъ вы, молодой человѣкъ, службою не займетесь,—сказалъ онъ, не зная, продолжать ли ему этотъ разговоръ.

— Службой!... Моя совѣсть не собачій хвостъ, чтобы ею вилять передъ начальникомъ.

— А литература?

— Я не индѣйка, чтобы вѣчно прятать голову, когда грозитъ опасность, а выставлять наружу только свой хвостъ.

— Ну, хоть бы по земскимъ учрежденіямъ, продолжалъ старикъ.

— Пусть другіе лазятъ по чужимъ карманамъ, отвѣчалъ Карамановъ попрежнему спокойно.

Старикъ съ сердцемъ плюнулъ. Ему казалось, что онъ видитъ передъ собой какое-то чудовище.

— Такъ чего-жъ вы хотите? спросилъ онъ, все болѣе и болѣе раздражаясь.

— Пахать землю.

— Что-жъ, вы хотите снять у меня участокъ?

— Нѣтъ. На съемъ нужны деньги, а у меня нѣтъ ни гроша; есть только двѣ руки да двѣ ноги.

Старикъ хотѣлъ было сказать ему: «у тебя, молодой человѣкъ, не двѣ, а четыре ноги», но удержался, вспомнивъ, что его послалъ къ нему Григорій.

— Такъ оцѣните мои руки и мои ноги—головы тутъ не нужно, продолжалъ Карамановъ.

— Какъ же ихъ цѣнить?

— Да такъ же, какъ вы цѣните поденьщика... Почемъ теперь мужикъ работаетъ въ день?

— Теперь цѣны высокія.

— Ну, тѣмъ лучше для меня, и тѣмъ хуже для васъ... Такъ вы меня берете?

— Какъ же это—я не соображу.

— Что-жъ тутъ соображать? Дѣло ясное. Хотите меня взять въ батраки?

— Но вѣдь вы, молодой человѣкъ, дворянинъ, сынъ богатаго помѣщика... Какъ же вамъ идти въ батраки?

— Вы, я вижу, не можете отрѣшиться отъ старинныхъ предразсудковъ. Васъ пугаетъ то, что я дворянинъ. Эка важность! Кто знаетъ, можетъ быть ваши оболоньевскіе мужики—прямые потомки древнихъ дворянъ, а вотъ вы все же, не стыдясь, заставляли ихъ пахать вашу землю и молотить.

— Но отчего бы вамъ не избрать другаго занятія, болѣе благороднаго? говорилъ старикъ.

— А развѣ хлѣбопашество подлое занятіе? Чѣмъ оно неблагородно?

— Такъ-то такъ,—всякое занятіе благородно, отвѣчалъ старикъ.

— Ну, нѣтъ, не всякое занятіе благородно, снова возразило чудовище,—благородныхъ-то очень мало... Тамъ, гдѣ неблагородныя условія жизни, гдѣ неблагородныя отношенія людей между собою, тамъ и занятіе неблагородно. Чтобы, кажется, могло быть честнѣе занятія литературой, наукой? Тутъ—прямое служеніе идеѣ правды, добра и общечеловѣческой пользѣ; служеніе наукѣ и свободному слову—святое служеніе, казалось бы. А выходитъ наоборотъ. По мнѣнію, напримѣръ, «Русскаго Вѣстника», всякій, кто участвуетъ въ «Дѣлѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», во «Всемірномъ Трудѣ», въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Искрѣ», въ «Голосѣ»,—вредный человѣкъ. Такъ?

— Такъ, отвѣчалъ старикъ, совершенно сбитый съ толку «чудовищемъ».

— По мнѣнію же «Дѣла», всякій, кто пишетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», во «Всемірномъ Тру-

дѣ», въ «Голосѣ», въ «Вѣстникѣ Европы»—больше чѣмъ подлецъ и преступникъ, больше чѣмъ злодѣй, хуже чѣмъ воръ, глупѣе чѣмъ идіотъ... «Вѣстникъ Европы» видитъ негодяевъ и идіотовъ въ другихъ журналахъ. «Искра» спеціально занималась стараніемъ убѣдить всю читающую Россію, что русская литература—навозъ. Другіе говорятъ, что навозъ—именно и есть покойная «Искра» и что всѣ писатели воруютъ четвертаки... Такъ гдѣ же тутъ честное занятіе, когда сама литература разоблачаетъ свою продажность?

— Старикъ невольно сознавалъ, что собесѣдникъ его правъ, но по странному свойству человѣческой натуры недовѣрчиво относиться ко всему новому, непривычному, собесѣдникъ этотъ казался ему еще болѣе безобразнымъ чудовищемъ.

— Такъ, такъ, говорилъ старикъ, и уже начиналъ со страхомъ смотрѣть на Караманова.

— А что можетъ быть честнѣе занятія, какъ служба отечеству? продолжалъ Карамановъ, упорно глядя на старика своими стоячими глазами;—такъ нѣтъ, и тутъ исподлили святое дѣло. Честно только пахать землю. Если мой сосѣдъ Карпъ будетъ пахать черноземъ, а я суглинокъ, если у Карпа уродится, а у меня не уродится хлѣбъ, я не назову за это Карпа подлецомъ. А когда я писалъ въ журналѣ Шульгина, меня журналъ Хана называлъ разбойникомъ; когда же сталъ писать въ журналѣ Хана, то журналъ Шульгина назвалъ меня самоубійцею... Такъ вы меня берете въ свои батраки? вдругъ спросилъ онъ, спохватившись, что съ старикомъ и не слѣдовало такъ распространяться.

Вопросъ снова поставилъ старика въ затруднительное положеніе. Такое упорство въ понятіяхъ и такая эксцентричность не казались ему нормальными. Онъ сознавалъ, что молодой человѣкъ чѣмъ-то боленъ. Но чѣмъ? Болѣзнью воли? Болѣзнью разсудка? Но нѣтъ, его логика не имѣетъ ничего фальшиваго, только во всемъ какое-то требованіе крайности. Чѣмъ же онъ боленъ? Старику вдругъ пришло на мысль, что современные люди всѣ немножко больны, ненормальны, все равно какъ боленъ его сынъ, какъ боленъ этотъ Карамановъ, и что они «больны временемъ», какъ бываютъ иные больны чахоткой, гемороемъ, а эти больны тѣми идеями вѣка, которыя носятся въ атмосферѣ и невидимо проникаютъ во всѣ умы.

— Вы, молодой человѣкъ, больны, сказалъ онъ, глядя въ стоячіе глаза Караманова.

Карамановъ улыбнулся.

— Чѣмъ? спросилъ онъ, и стоячіе глаза какъ будто помутились какой-то новой мыслью.

— Вы больны... временемъ, отвѣчалъ старикъ съ разстановкою.

— Какъ временемъ?

— Такъ просто—новымъ временемъ...

— Это журналомъ-то Киркора? нѣтъ, благодарю покорно! «Новымъ Временемъ» и «Вѣстью» боленъ мой почтенный родитель, крупный землевладѣлецъ. А я здоровъ.

— Нѣтъ, вы больны, настаивалъ старикъ, — больны нашимъ временемъ.

— Ну, «Наше Время» умерло, отвѣчалъ Карамановъ съ лѣнивою усмѣшкою.

— Вы, молодой человѣкъ, говорите остроты, я вижу, замѣтилъ старикъ съ неудовольствіемъ.

— Я не виноватъ. Вы вызвали меня на каламбуры; а я пришелъ говорить о дѣлѣ. Такъ хотите нанять меня?

— Нѣтъ, вы лучше такъ у меня поживите... Можетъ, скоро пріѣдетъ Григорій... Вы поговорите съ нимъ... Можетъ, онъ вамъ что присовѣтуетъ... А покамѣстъ живите у меня, говорилъ старикъ нерѣшительно.

— На чужой счетъ я жить не стану... Я даже отъ отца не бралъ денегъ, когда былъ студентомъ, хоть я его прямой наслѣдникъ, а половина имѣнія—моя, отъ матери... Я ему и теперь заплатилъ за столъ и за квартиру.

Слушая эти слова, старикъ мысленно повторялъ: «боленъ временемъ... боленъ временемъ...»

— Такъ, какъ же быть? говорилъ онъ, не смѣя глядѣть въ стоячіе глаза Караманова.

— Очень просто: наймите меня, и я сейчасъ же отправлюсь съ вашими мужиками паръ парить или молотить.

Настойчивость Караманова доказывала, что сопротивленіе невозможно, и старикъ готовъ былъ убѣдиться въ справедливости требованій страннаго молодаго человѣка. Онъ готовъ былъ думать, что

это духъ времени проявляется въ такихъ необыкновенныхъ формахъ, тѣмъ болѣе, что и въ литературѣ, эхо которой иногда доходило до старика въ видѣ нѣкоторыхъ повременныхъ изданій, онъ замѣчалъ тѣ же странные признаки и такія же удивительныя требованія, какія предъявлялъ ему молодой Карамановъ. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ своего сына онъ видѣлъ тоже что-то похожее на то, что онъ теперь слышалъ отъ сидѣвшаго передъ нимъ «чудовища». Если это было, по его мнѣнію, озорство, то озорство повальное, эпидемическое. Старикъ видѣлъ необходимость покориться, тѣмъ болѣе, что за спиной этого чудовища, ему казалось, стоялъ его Григорій и грустные глаза сына говорили старику: «Отецъ, уступи требованіямъ времени—оно всесильно, а требованія его—законъ природы... Не борись съ могучей волной этого времени: эта волна—девятый валъ, страшный валъ, роковой силы котораго такъ боятся матросы... Уступи, отецъ, а то захлеснетъ тебя этотъ валъ и выброситъ за бортъ твоей утлой лодки-душегубки, въ которой, подобно тебѣ, разъѣзжаютъ по свирѣпому океану жизни всѣ отставшіе отъ великаго корабля современнаго человѣчества... Покорись, отецъ, требованіямъ вѣка, новыя идеи *всегда* вытѣсняютъ старыя идеи, какъ новое поколѣніе, по неизменнымъ законамъ жизни и смерти, *всегда* вытѣсняютъ поколѣніе старое, отживающее...»

— Я обижу Григорія, если приму васъ на такихъ условіяхъ, сказалъ старикъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ, сынъ вашъ увидитъ, что вы понимаете требованія вѣка, и ему не стыдно будетъ сказать, что вы его отецъ, тогда какъ мнѣ стыдно носить одну фамилію съ негодяемъ Карамановымъ.

— Ну, будь по вашему, сказалъ старикъ съ тяжелымъ вздохомъ.

— Такъ назначайте цѣну, настаивалъ Карамановъ.

— Я плачу лѣтнику тридцать рублей, а годовому рабочему пятьдесятъ, садовнику восемьдесятъ...

— Садовникомъ я не могу быть, а простымъ чернорабочимъ могу... такъ пятьдесятъ рублей?

— Да, это обыкновенная цѣна.

— Такъ я согласенъ, сказалъ Карамановъ вставая. — Вотъ мой паспортъ.

Карамановъ вынулъ изъ кармана бумагу и подалъ ее Стожарову. Это былъ его кандидатскій дипломъ.

— Зачѣмъ же это? говорилъ старикъ, разсматривая дипломъ.— Такъ вы кандидатъ правъ?

— Да, я кандидатъ науки, которая научаетъ какъ строить тюрьмы. На какую же работу вы меня опредѣлите? спросилъ онъ потомъ.

— Выбирайте сами, отвѣчалъ старикъ, уже окончательно покорившійся «требованіямъ вѣка» и сыну, который выглядывалъ изъ-за спины Караманова.

— Такъ я пойду къ прикащику — онъ назначитъ мнѣ работу, сказалъ Карамановъ и всталъ, чтобы идти.

— Куда же вы? откушайте вмѣстѣ съ нами... Теперь самая обѣденная пора.

— А развѣ ваша прислуга и ваши рабочіе вмѣстѣ съ вами обѣдаютъ? спросилъ Карамановъ.

Старика удивилъ этотъ вопросъ... «Нѣтъ... но...» Онъ не зналъ что отвѣчать.

— Если ваши люди обѣдаютъ отдѣльно отъ васъ, то я пойду къ нимъ — тамъ мое мѣсто, сказалъ Карамановъ, намѣреваясь уйдти.

— Какъ же это?.. Негодится... неловко... Нѣтъ, откушайте съ нами...

Старикъ всталъ, подошелъ къ Караманову и взялъ его за руку.

— Вы меня, старика, совсѣмъ сбили съ толку... Я не пущу васъ, говорилъ онъ;— что же скажутъ люди, что скажетъ Григорій, что я его друга послалъ обѣдать на кухню.

— Сынъ вашъ поблагодаритъ васъ за это, отвѣчалъ Карамановъ.

— Да какъ же это... Я не могу, говорилъ старикъ, котораго эта исторія совсѣмъ утомила и разбила морально.

— А коли не можете, такъ позовите обѣдать съ собой всю вашу прислугу, тогда и я съ вами останусь.

— Что же это такое будетъ?.. Такъ развѣ и сынъ мой будетъ обѣдать на кухнѣ?

— Можетъ быть, если за послѣдніе полтара года доразвился до этого.

— Ну, дѣлайте какъ хотите, сказалъ старикъ, и махнулъ рукой.

Карамановъ поклонился и пошелъ къ двери. Но потомъ остановился.

— Я забылъ спросить васъ, сказалъ онъ,—на вашихъ харчахъ нанимаются у васъ рабочіе или на своихъ?

— На моихъ.

— Ну, такъ я прямо пойду на кухню... Я сегодня еще не ѣлъ ничего.

Молодой человѣкъ вышелъ, а старикъ такъ и остался на мѣстѣ съ растопыренными руками.

Карамановъ прошелъ прямо на кухню. Тамъ уже никого не было изъ рабочихъ, а оставалась одна стряпка Грушка, которая, стирая со стола, ворчала на кого-то... «Ишъ, проклятыя!.. Не долго вамъ локать мое молоко... Вонъ какъ солнышко-то низко ходитъ... Зимой-то всѣ околѣсте... Ишъ—ишъ, мерзавки»!..

Стряпка Грушка ссорилась съ мухами, которыя были ея смертельными врагами... «Не досадно было-бъ, коли-бъ только воровали, а то ишъ ты, все загадятъ, заплюютъ, да и сами-то потонутъ въ молокѣ да въ маслѣ, а вонъ Аверьяниха все пилитъ, мухъ-де господамъ не подавай къ столу... А какъ ихъ не подашь, коли сами въ блюдо садятся?» ворчала она.

— Здравствуй, тетка, сказалъ Карамановъ, входя въ кухню.

— Здравствуйте... Вамъ кого? спросила Грушка.

— Тебя, тетка... Прошу любить да жаловать.

Грушка ни какъ не могла понять зачѣмъ она ему понадобилась.

— Вы къ барину? спросила она его.

— Нѣтъ, теперь къ тебѣ.

— По что, кормилецъ?

— Да вотъ я нанялся къ вашему барину, отвѣчалъ онъ.

— Въ лакеи что-ль?

— Нѣтъ, въ рабочіе.

— А! въ работники, значитъ... А я думала, въ лакеи—вонъ одежа-то у васъ барская.

— Износу эту, куплю мужичью.

— Это можно... Вонъ у насъ умеръ одинъ мужичокъ, такъ послѣ него продаютъ дешево.

— Ладно, куплю... А давно ваши ребята пообѣдали?

— Давно, кормилецъ.

— Такъ, чай, не все поѣли.

— Гдѣ все поѣсть? Въ печи остатки.

— Такъ покорми меня, тетушка: я смерть какъ ѣсть хочу.

— Изволь, кормилецъ.

Грушка бросилась къ печи, потомъ къ столу, потомъ къ полкамъ, обругала своихъ враговъ, мухъ: «ишъ, окаянныя! все бы имъ воровать чужое добро, а нѣтъ чтобъ самимъ добыть», потомъ снова кинулась къ печи, къ столу, достала ложки, ножикъ, поставила миску, соль... Карамановъ сѣлъ на лавку и машинально слѣдилъ своими стоячими, будто усталыми глазами за движеніями стряпки. «Вотъ гдѣ теперь потечетъ моя жизнь», думалъ онъ: «вести бесѣду съ этою теткой, жить жизнью, сердцемъ и мыслью батрака, войдти въ батрацкіе интересы, отрѣшиться отъ всего міра, который внѣ батрачества, убить въ себѣ потребности, которыя развиваютъ въ человѣкѣ образованіе, богатство, знанія, изъ крупнаго землевладѣльца, кандидата правъ и литератора выродиться въ поденьщика и узкими интересами поденьщика заглушить въ себѣ всѣ высокіе человѣческіе интересы, однимъ словомъ буквально влѣзть въ шкуру народа, чтобъ понять этотъ народъ и слиться съ нимъ, отдать свое барское, бѣлое, изнѣженное тѣло посконной рубахѣ и сермягѣ, облечь узкую, дворянскую ногу въ онучу и лапоть, чтобъ на себѣ самомъ почувствовать всю прелесть онучи и силу лаптя—вотъ мое призваніе... А они назовутъ это юродствомъ, факирствомъ! Пусть называютъ... Я не Рахметовъ, который спалъ на гвоздяхъ для измѣренія величія своей силы и для закала своего тѣла и своего духа до великой могучести... Я не буду спать на гвоздяхъ, потому что это, по малой мѣрѣ, не логично и пахнетъ веригами и монашескимъ безцѣльнымъ самобичеваньемъ... Я буду работать и думать съ народомъ, чтобъ научиться спасти этотъ народъ... Да тамъ вездѣ подлость, гдѣ дѣйствовали Рахметовы... Тамъ не было у нихъ почвы, а мы должны почву приготовить»...

— А вы чьехъ будете? спросила его стряпка.

— Мы были карамановскіе, а теперь ничьи, отвѣчалъ Карамановъ.

— А! карамановски... Знаю... Баринъ-то у васъ лихъ, сказывали.

— Дьяволъ... А вашъ?

— Нашъ-то?.. Нашъ ничаво.

— А ты чья была, тетка?

— Ихня, стожаровска.

Обѣдъ былъ готовъ, и Карамановъ принялся за ѣду.

— Вотъ и видно лакея, замѣтила стряпка.

— А что, тетка?

— Не помолясь ѣшь.

— Точно, тетка, это по лакейски.

— То-то я вижу, что вы не мужикъ.

— Хочу быть мужикомъ.

— Экъ добра захотѣлъ... Аль надоѣло тарелки барски лизать?

— Да, тетка, надоѣло лакействовать.

Въ это время въ кухню вбѣжалъ казачокъ и, остановившись у порога, съ изумленіемъ смотрѣлъ на «чуднаго барина», который, какъ онъ успѣлъ узнать отъ господъ, «изъ баръ пошелъ въ мужики». Грушка накинулась на него.

— Ты чаво зенки-то выпучилъ? спросила она ворчливо, потому что не любила казачка наравнѣ съ мухами. Казачокъ имѣлъ обыкновеніе пугать ее, влетая въ кухню съ приказаніями, точно на пожаръ, и заставляя ее иногда ронять изъ рукъ горшки, проливать молоко, обжигаться при пробѣ кушанья, и проч. и проч.

— Самъ баринъ идетъ, отвѣчалъ казачокъ, продолжая безсмысленными отъ изумленія и отчасти испуганными глазами смотрѣть на Караманова.

— Что ты мелешь со сна? Куды онъ идетъ? спрашивала Грушка не менѣе изумленная.

— Сюды идетъ... къ нимъ...

Казачокъ показалъ глазами на Караманова, который усердно насыщался батрацкими щами.

Въ дверяхъ показался старикъ Стожаровъ. Появленіе его произвело и на Грушку и на казачка необыкновенный эфектъ, потому

что старикъ никогда не бывалъ въ кухнѣ, и настоящій его приходъ показался и стряпкѣ и казачку чѣмъ-то сверхъестественнымъ, чему могло равняться развѣ только то, если-бъ стоящая на Гремячкѣ мельница сама сошла съ своего мѣста и явилась въ кухню молоть свою бѣлую муку и толочь свое желтое пшено. Казачокъ отскочилъ въ сторону и такимъ взглядомъ глядѣлъ на стряпку, какъ бы хотѣлъ сказать: «Ты говорила, что потолокъ не провалится—а вотъ и провалился»... Стряпка отошла въ другую сторону, и, придерживая лѣвой рукой локоть правой руки, которою въ то же время поддерживала свой жирный подбородокъ, стояла пригорюнившись, какъ бы желая выразить своимъ тяжелымъ вздохомъ таковой упрекъ мухамъ непосѣстнымъ: «ну, вотъ теперь самъ баринъ увидитъ, каково мнѣ маяться-то съ вами, аспиды .. Баринъ самъ увидитъ, что заѣли вы мою головушку бѣдную... моченьки моей нѣтъ съ вами... Ишъ, ишъ, проклятыя! такъ къ мискѣ-то и лезутъ, словно бы имъ я щи-то припасала»...

— Какъ это вамъ нестыдно, Аркадій Львовичъ! Что вы дѣлаете! говорилъ старикъ Стожаровъ, останавливаясь на порогѣ.

— Щи ѣмъ, отвѣчалъ Карамановъ,—очень вкусныя... неугодно ли попробовать?

Еще болѣе глубокое изумленіе выразилось на лицахъ казачка и тряпки. Мельница дѣйствительно сошла съ своего мѣста и явилась въ кухню молоть свою бѣлую муку и толочь свое желтое пшено. Даже мухи не привлекали вниманія стряпки, которая стояла съ разинутымъ ртомъ, изобличавшимъ такую сильную степень изумленія, что оно чуть ли уже не граничило съ столбнякомъ... «Такъ это баринъ», думала она, довольная впрочемъ тѣмъ, что похвалили ея щи: «что ужъ это нынче дѣлается съ господами, и ума не приложу я...»

— Въ самомъ дѣлѣ должно быть послѣднія времена приходятъ, говорилъ старикъ, разводя руками.

— Да, послѣднія времена... только для старыхъ порядковъ, отвѣчалъ Карамановъ:—ветхій міръ долженъ обновиться и должна на этой бѣдной землѣ произрасти новая жизнь... А вѣдь все, подчиняющееся закону роста, растетъ не сверху внизъ, а снизу вверхъ... снизу, понимаете?...»

XXIII.

Аркадій Львовичъ Карамановъ, казавшійся старику Стожарову «чудовищемъ», былъ сынъ богатаго помѣщика Караманова, имѣніе котораго находилось въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Стожаровыхъ.

Развитіе Аркадія совершалось между двумя положительно несовмѣстными нравственными вліяніями. Съ одной стороны отецъ, для котораго абсолютно не существовали никакія нравственныя правила, съ другой стороны—вліяніе учителя, одного изъ студентовъ московскаго университета, въ продолженіи четырехъ лѣтъ пріѣзжавшаго на каникулы въ имѣніе Караманова, въ село Кологривы, къ отцу своему, кологривскому священнику Конвоксову, и, по приглашенію Караманова, учившаго его сына Аркадія.

Въ основаніи ученія Конвоксова лежали два нравственные принципа—правда и честь. Подъ эти два принципа онъ подводилъ всю жизнь съ ея явленіями и требованіями. Всѣ науки, всѣ знанія, по ученію его, имѣли исходной точкой абсолютную правду, а всѣ явленія жизни и человѣческія отношенія должны стремиться къ выраженію абсолютной честности. Въ правдѣ и чести, по этому ученію, совмѣщалось все—и польза, и добро, и наслажденіе, и свобода. Онъ училъ Аркадія не дозволять даже раждаться въ себѣ мысли, которую нельзя было бы высказать громко, при всѣхъ. Наконецъ, онъ даже и принципъ чести подводилъ подъ принципъ правды—гдѣ правда, тамъ и честь, и такимъ образомъ все счастье человѣчества, его свободу, его развитіе и матеріальное богатство онъ училъ искать—только въ правдѣ.

Вотъ нѣкоторые изъ афоризмовъ Аркадія, усвоенные имъ подъ вліяніемъ Конвоксова.

Если бы люди не лгали, то никогда бы не плакали, развѣ только отъ физическихъ болей, да и то несравненно меньше, чѣмъ они плачутъ вь настоящее время.

Если бы люди не лгали, то никогда не были бы голодны и бѣдность на землѣ не существовала бы: богатый потому богатъ, что онъ лгалъ передъ богатымъ и бѣднымъ, добиваясь ихъ общаго добра, а

бѣдный потому бѣденъ, что лгалъ передъ богатымъ и бѣднымъ, а равно передъ собой, предаваясь лѣни, не заботясь о томъ, о чемъ долженъ заботиться человѣкъ.

Если бы люди не лгали, то была бы на землѣ абсолютная свобода: люди, которые лишили другихъ свободы, были лгуны, да и тѣ, которые лишились свободы, лишились ее помощью лжи... Турецкіе султаны всегда лгали, называя себя сынами солнца и братьями луны, и этой ложью закабалили въ неволю миліоны людей, а эти миліоны въ свою очередь лгали, показывая видъ, что вѣрятъ, будто ихъ султаны—сыны солнца и братья луны.

Если бы люди не лгали, то никогда не лилась бы даромъ ихъ кровь рѣкою, никогда не было бы войнъ: если бы Наполеонъ I не лгалъ передъ императоромъ Александромъ I, то ужасы 12-го года были бы невозможны и Москва не была бы сожжена; если бы Александръ Македонскій не лгалъ, называя себя сыномъ Юпитера Аммона, то онъ не облилъ бы кровью всю Азію и южную Европу.

Если бы мужчины не лгали, то женщина никогда не была бы рабою: ложью и лестью мужчина сдѣлалъ изъ нея паразита.

Если бы женщины не лгали, то никогда не были бы такими жалкими и безполезными существами: желая нравиться и вліять на мужчину, женщина лжетъ и дѣломъ, и словомъ, дажи всѣмъ тѣломъ своимъ лжетъ, и оттого несчастна.

Если бы папа не лгалъ, онъ не держалъ бы въ нравственномъ рабствѣ цѣлую половину міра.

Если бы купцы не лгали, они не обирали бы бѣдныхъ.

Если бы убійца не лгалъ, онъ никогда не былъ бы убійцею.

Если бы воръ не лгалъ, онъ не былъ бы воромъ.

Если бы Карамановъ, отецъ Аркадія, не лгалъ, онъ давно бы сидѣлъ въ острогѣ.

Если бы, вообще, люди не лгали, они были бы абсолютно честны, а слѣдовательно и безгранично счастливы.

А какъ во власти человѣка лгать и не лгать, то отъ человѣчества зависитъ его безграничное блаженство на землѣ.

По всему этому видно, что Конвоксовъ былъ большой чудакъ, но Аркадій безмѣрно любилъ этого чудака и быстро, въ одно лѣто,

усвоилъ всѣ его афоризмы, потому что они были такъ просты, такъ односложны, и такъ тожественны между собою.

Когда бывало Карамановъ-отецъ говорилъ съ своими крестьянами и увѣрялъ ихъ, что онъ заботится о ихъ благосостояніи, Аркадій не стѣсняясь говорилъ отцу въ глаза при крестьянахъ: «ты лжешь, папаша», или обращаясь къ крестьянамъ, говорилъ: «не вѣрьте папашѣ: онъ васъ не любитъ—онъ злой», и когда отецъ наказывалъ мальчика за эти проступки, упрямый Аркадій никогда не просилъ прощенья, а даже подъ розгами повторялъ: «я сказалъ правду... ты злой, ты лгунъ!»

Доктрины Конвоксова, безъ сомнѣнія, не такъ бы глубоко въѣлись въ характеръ Аркадія, если-бъ мальчикъ съ самаго дѣтства не получилъ отвращенія къ безчестнымъ и жестокимъ поступкамъ отца, который умѣлъ оправдать самую крайнюю подлость своихъ дѣйствій и безнравственную парадоксальность понятій о чести. Карамановъ-отецъ держался того правила, что каждый долженъ заботиться только о себѣ, и чтобы человѣку было хорошо, онъ можетъ позволять себѣ все, всякую подлость въ отношеніи къ другому, всякую ложь, даже воровство и убійство, а для равновѣсія должны всѣ *такъ* заботиться о себѣ, то-есть должны все оправдывать и все позволять себѣ, и тогда, по закону конкуренціи, долженъ выиграть тотъ, кто всѣхъ умнѣе, хитрѣе, подлѣе и дѣятельнѣе. По его словамъ, если бы всѣ люди были одинаково безнравственны—тогда все человѣчество было бы одинаково счастливо и подлецовъ бы не было. Однимъ словомъ, доктрины его были положительнымъ отрицаніемъ доктринъ Конвоксова и его нравственныхъ началъ, которыя, можетъ быть по закону контрастовъ, даже еще до вліянія на Аркадія ученій Конвоксова, сами собой развивались въ его сынѣ. «Если я украду у тебя платокъ изъ кармана, то и ты непремѣнно долженъ украсть у меня—и тогда нравственное равновѣсіе не нарушится»—вотъ девизъ Караманова-отца. Но какъ бы по странной игрѣ природы, по какому-то капризу случая, въ сынѣ развивались діаметрально противоположныя понятія и подъ вліяніемъ Конвоксова стали такъ сказать невытравимы въ немъ на всю жизнь.

Аркадій до того свыкся съ крайними понятіями, внушенными ему отчасти природою, отчасти учителемъ, что отецъ иначе не смотрѣлъ

на него какъ на нравственнаго урода и притомъ самаго опаснаго. Онъ даже боялся своего сына, который самымъ наивнымъ образомъ разоблачалъ передъ всѣми не только его неблаговидные поступки, но даже тайныя, тщательно скрываемыя, нечистыя побужденія сердца.

Пріѣзжаетъ, напримѣръ, къ нимъ однажды сестра Караманова-отца, старая дѣва, на долю которой досталось большое имѣніе. Отецъ Аркадія, который имѣлъ виды на ея богатство, всегда въ ней заискивалъ, и на этотъ разъ пенялъ сестрѣ, что она у него рѣдко бываетъ, что онъ такъ радъ ее видѣть.

— А развѣ ты ее теперь любишь, папа? спросилъ Аркадій отца.

Отецъ испугался, справедливо опасаясь, что сынъ его выдастъ.

— Да, люблю, отвѣчалъ отецъ.

— Когда ты ее полюбилъ? снова спросилъ Аркадій.

— Я всегда ее любилъ, отвѣчалъ отецъ, чувствуя приближеніе скандала.

— Не вѣрьте ему, танте, сказалъ Аркадій, обращаясь къ теткѣ.

— Почему же, дружокъ? спросила она.

— Потому, милая танте, что въ понедѣльникъ онъ называлъ васъ старой потаскушей и желалъ, чтобъ вы скорѣй умерли...

Скандалъ вышелъ полный, а любителя правды жестоко высѣкли.

Въ другой разъ пріѣхалъ въ Кологривы купецъ для закупки шерсти. Онъ уже сторговалъ большую партію этого товара у Караманова, какъ вошелъ Аркадій.

— Не покупайте у него шерсти, обратился онъ къ купцу.

Купца удивили слова мальчика.

— Не слушайте его, вмѣшался отецъ: онъ у меня идіотикъ—бсгомъ убитый.

— А онъ лгунъ, продолжалъ Аркадій, не слушая отца и попрежнему обращаясь къ купцу.

— Что вы говорите!

— Я говорю правду... Не покупайте шерсти... Она въ серединѣ не мытая...

— Вонъ отсюда, негодяй! ты лжешь, закричалъ отецъ.

— Нѣтъ, ты лжешь... Ты вчера говорилъ старостѣ: «какъ мы ловко купчишку паршиваго на шерсти надуемъ.»

Героя правды схватили за шиворотъ и выволокли въ другую комнату. Но и «паршивый» купчишка всталъ, чтобы осмотрѣть шерсть. Шерсть дѣйствительно оказалась не вся мытая.

Матери Аркадій лишился въ раннемъ дѣтствѣ и потому, не любя отца, онъ весь сосредоточился въ своемъ собственномъ дѣтскомъ мірѣ, богатомъ фантазіями. Ложь, которую онъ постоянно видѣлъ въ домѣ, до того опротивѣла ему, что онъ возненавидѣлъ все, въ чемъ видѣлъ хотя мельчайшую тѣнь неправды, притворства, умалчиванья. Когда онъ былъ еще болѣе маленькимъ мальчикомъ и когда отецъ еще смотрѣлъ на него какъ на невиннаго ребенка, Аркадій нерѣдко говорилъ отцу: «Сегодня я тебя не люблю... ты гадкій, злой». Въ другой разъ мальчикъ ласково обращался къ отцу: «ты сегодня, папка, хорошій, и я люблю тебя, а вчера ты былъ противный». Или о себѣ самомъ: «Сегодня я былъ гадкій, злой, точно ты, папка».

Не только старикъ Стожаровъ, но и отецъ Аркадія смотрѣлъ на сына какъ на чудовище. А маленькое чудовище только тѣмъ и было странно, что говорило всѣмъ правду, какъ оно ее понимало.

Въ гимназіи товарищи и любили, и боялись Караманова. Сначала смотрѣли на него какъ на сплетника, шпіона, фискала, и много колотили его; а потомъ, когда увидѣли, что онъ и себя постоянно выдавалъ, бить перестали, но удалялись отъ него. Онъ прямо говорилъ учителю: «оставьте меня безъ обѣда—я сегодня не знаю урока, я лѣнился.»

Онъ разоблачалъ и учителей. Учитель словесности читалъ своимъ ученикамъ, конечно тайно отъ начальства, извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, еще бывшее тогда въ большой модѣ. Когда вошелъ въ классъ директоръ, и учитель на вопросъ его, чѣмъ они теперь заняты, отвѣчалъ, что онъ объяснялъ имъ старинные риторическіе термины, именно фигуру умолчанія, Карамановъ возразилъ:

— Нѣтъ, Николай Гавриловичъ, вы намъ этого не объясняли.

Учитель и директоръ смѣшались. Товарищи съ улыбкой взглянули на Караманова, потому что знали его слабость.

— Какъ такъ? спросилъ директоръ.

— Николай Гавриловичъ читалъ намъ письмо Бѣлинскаго... Онъ, вѣрно, ошибся.

«Дуракъ!» порѣшили товарищи. А скандалъ все-таки вышелъ. Но Карамановъ былъ далеко не дуракъ. Знанія его были таковы, что имъ удивлялись всѣ товарищи, хотя Карамановъ по видимому не особенно прилежно готовилъ уроки, за то читалъ запоемъ. Изобличенный имъ учитель, Николай Гавриловичъ, сталъ впослѣдствіи лучшимъ другомъ Караманова и называлъ его «абсолютно цѣльнымъ характеромъ», хотя и предрекалъ ему, что онъ добромъ не кончитъ: «изъ такихъ, говаривалъ онъ, какъ Карамановъ, выходятъ или свѣтила земли или величайшіе злодѣи».

Потомъ, подъ вліяніемъ Конвоксова, окончательно укрѣпилось въ Карамановѣ то, что было заброшено въ него своевольною природою и причудливымъ складомъ обстоятельствъ.

Въ университетѣ товарищи называли его новымъ Колумбомъ, который долженъ открыть новый свѣтъ съ невѣдомыми людьми. Въ университетѣ же онъ окончательно разошелся съ отцомъ, отказался получать отъ него содержаніе и началъ жить своимъ собственнымъ трудомъ. «Все что вы имѣете (писалъ онъ къ отцу) нажито вами и вашими предками безчестно, а потому я отказываюсь отъ присылаемыхъ мнѣ вами субсидій, хотя не отказываюсь отъ правъ наслѣдника. Все нажитое вами добро я возвращу тѣмъ, у кого оно было награблено».

И только послѣ этого началась его тяжелая, трудовая жизнь, полная страшныхъ разочарованій и неустанной борьбы съ тѣмъ, что онъ называлъ ложью жизни. Эту ложь онъ находилъ и во взаимныхъ отношеніяхъ людей, и въ наукѣ, въ искуствѣ, въ литературѣ, во всемъ, на что только обращалъ свой такъ-сказать разъѣдающій анализъ. Въ концѣ концовъ онъ, по естественнымъ законамъ развитія, бросилъ все гдѣ видѣлъ фальшь (а онъ видѣлъ ее вездѣ) и обратился къ народности, «къ корню». Онъ пришелъ

къ убѣжденію, что съ корня надо начать обновленіе человѣчества и его ветхихъ, неудачныхъ, обидныхъ порядковъ.

— Такъ вы надѣетесь, что ваши ученія о народности обновятъ силы народа, вочеловѣчатъ его и сдѣлаютъ счастливымъ? спрашивалъ онъ одного изъ поборниковъ народности.

— Да, мы надѣемся, отвѣчалъ тотъ;—по крайней мѣрѣ мы не нашли другихъ пріемовъ, болѣе цѣлесообразныхъ.

— А я думаю, что васъ народъ меньше знаетъ, чѣмъ вашихъ противниковъ.

— Почему же? Напротивъ.

— Нѣтъ... Посмотрите что дѣлается у насъ, за кѣмъ идетъ молодежь... Конечно не за вами.

— Но мы съ народомъ, а народъ съ нами, возражалъ поборникъ нородности.

— Ошибаетесь: народъ идетъ туда же, куда и молодежь... А отчего? спрашивалъ Карамановъ.

— Оттого что вожаки молодежи потворствуютъ ея слабостямъ, какъ и слабостямъ народа... Мы бы также могли повести за собою народъ, но считаемъ это безчестнымъ, отвѣчалъ поборникъ народности.

— Нѣтъ народъ не пойдетъ за вами.

— Почему же?

— Потому что вы—въ бархатномъ халатѣ, потому что вы говорите съ народомъ изъ роскошнаго кабинета.

— Но вѣдь и свободное слово къ народу, какъ и слово божіе, должно быть проповѣдуемо въ церкви съ амвона, и проповѣдующій его облекается въ золотую ризу.

— Нѣтъ, возражалъ Карамановъ, вы снимите съ себя бархатный халатъ, надѣньте сермягу, да ступайте на базаръ, на площадь, на рынокъ — тамъ въ особенности въ васъ нуждается народъ. Киньте ваши роскошные кабинеты, отказывайтесь отъ привычныхъ удобствъ, идите въ народъ, раздѣляйте его жизнь, его труды, сливайтесь съ нимъ, изучайте его потребности, его нужды, а тамъ развивайте, образуйте и ведите его къ счастью, къ другой жизни.

— Вы увлекаетесь, господинъ Карамановъ.

— Къ сожалѣнію нѣтъ, хотя я такой же какъ и вы богатый помѣщикъ... виноватъ, не помѣщикъ, потому что такого слова, къ счастью, уже нѣтъ, а крупный землевладѣлецъ, но надѣну лапти, сермягу — и пойду въ народъ.

— Что-жъ вы тамъ будете дѣлать?

— Пахать, косить... Въ кабакѣ, на пашнѣ, на торжкѣ, — тамъ я буду учить народъ.

Карамановъ говорилъ это въ то время, когда уже рѣшился «слиться съ народомъ», когда испробовалъ всѣ пріемы общественной дѣятельности и нашелъ вездѣ ложь и незнаніе народныхъ нуждъ. Онъ было поступилъ на службу въ какой-то департаментъ, но тотчасъ же бросилъ эту службу, говоря, что онъ никакъ не можетъ принудить свою руку каждый день повторять въ оффиціальныхъ бумагахъ одну и ту же лживую фразу: «имѣю честь покорнѣйше просить», «имѣю честь сообщить» и т. п. Какая тутъ честь просить кого-нибудь, да еще покорнѣйше?», говорилъ онъ, уходя изъ департамента.

Сдѣлавшись сотрудникомъ одного журнала, онъ требовалъ отъ редакціи, чтобъ она разоблачала анонимы, псевдонимы и иниціалы своихъ сотрудниковъ, — и когда ему было отказано въ этомъ, онъ сказалъ редактору:

— Вы не доносчикъ?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы пишете доносы, да еще безыменные?

— На кого? когда? спросилъ удивленный редакторъ.

— На всѣ другіе журналы, на общество, на писателей... Критикъ, не подписавшій своего имени, — доносчикъ, всякій анонимъ и псевдонимъ — доносчикъ, клеветникъ, потому что не разоблачаетъ своего имени изъ боязни за свою шкуру.

— Но разоблаченіе имени автора бываетъ иногда неудобно, замѣтилъ редакторъ.

— Да и доносчику неудобно объявлять свое имя...

Редакторъ пожалъ плечами, а Карамановъ, увидѣвъ, какъ онъ говорилъ, въ литературѣ «ту же фальшь что и въ жизни, взаимную между журналами ругань изъ-за подписчиковъ, ругань, на которую особенно падки журналы, падающіе въ общественномъ мнѣніи

и писатели безсильные, дюжинные, никѣмъ не читаемые и бездарные пачкуны», оставилъ и литературное поприще, говоря: «рано еще намъ писать... надо учить народъ и самимъ учиться».

*

* *

Съ Григорьемъ Стожаровымъ Карамановъ познакомился года за три до начала нашего разсказа, и одинаковость взгляда на безобразіе большинства современныхъ общественныхъ явленій и человѣческихъ отношеній сблизила ихъ весьма тѣсно, хотя Карамановъ и признавалъ въ Стожаровѣ только «однобокаго человѣка», какъ онъ выражался.

— Почему же я однобокій человѣкъ? спрашивалъ его Стожаровъ во время одной изъ ихъ продолжительныхъ бесѣдъ.

— Потому что я вижу въ васъ только однобокую честность, отвѣчалъ Карамановъ.

— Я не понимаю васъ, говорилъ Стожаровъ,—что за однобокая честность?

— Честность на половину, пасивная честность... Когда вы уживаетесь въ этомъ безобразномъ обществѣ, хотя и ратуете противъ

его дикихъ порядковъ — вы уже не полный человѣкъ и честность ваша не полная.

Результатомъ этого разговора, особенно когда Карамановъ сообщилъ Стожарову свои планы, было то, что Стожаровъ сказалъ съ грустью: «ноша, которую вы берете на себя, можетъ быть только вамъ по плечу, а моихъ силъ едва ли бы хватило на это.. Впрочемъ, и не безполезно ли брать на себя такую страшную тяжесть, подъ которой можно подломиться»...

— А подломлюсь—значитъ такъ тому и быть... Надо же когда нибудь начинать, отвѣчалъ Карамановъ.

XXIV.

Въ смурый сентябрьскій день, по гладко укатанной дорогѣ, ровной трусцой бѣжитъ тройка деревенскихъ замухрястыхъ лошаденокъ, запряженная въ дряблую телѣжонку. Телѣжонка переплетена веревками и уложена сѣномъ. На облучкѣ сидитъ такой же, какъ и лошаденка, замухрястый мужиченка и помахиваетъ обдерганнымъ мочальнымъ кнутикомъ на лошадокъ, то называя ихъ «другами любезными», то «подлецами». Изъ телѣжонки выглядываетъ такое же смурое какъ день лице съ нахлобученною на глаза шапкою и пристально приглядывается къ сѣрой дали, изъ которой мало-по-малу выступали предметы, видимо поглощавшіе все вниманіе проѣзжаго. Виднѣлся полуобнаженный отъ зелени лѣсъ, сѣрая мельничная крыша, бѣлесоватая полоса посѣрѣвшей подъ сѣрымъ небомъ узенькой рѣчки, сѣрыя избы съ почернѣвшими соломенными крышами и сѣрый, стоящій на отшибѣ господскій домъ съ бѣлыми полосами заплатъ, напоминавшими бѣлые шевроны на рукѣ стараго солдата.

Это было Оболонье, къ которому бѣжала тройка замухрястыхъ лошаденокъ по гладко укатанной дорожкѣ. Смурое лице, глядѣвшее на Оболонье, было лице Стожарова-сына, который, подобно Одиссею, послѣ долгихъ странствій, возвращался на родину, съ чувствомъ болѣзненнаго сжиманія сердца при видѣ этого маленькаго, заброшеннаго мірка, который когда-то казался ему такимъ обширнымъ, пол-

нымъ такой роскошной и поэтической жизни. Лошадки все болѣе и болѣе ускоряютъ свою ровную трусцу, возбуждаемые мочальнымъ кнутикомъ и близостью жилья, съ доброй мѣрой овса въ перспективѣ. Вотъ уже подъ колесами мѣловая почва горы, которая маленькому Гришѣ казалась Атлантомъ, поддерживавшимъ небо на своихъ могучихъ плечахъ. Вотъ подъ горою начало перелѣска, за которымъ начинается лѣсъ съ его обдерганными деревьями и дуплястыми пнями, подъ корнями которыхъ водились когда-то потатуйки. И въ сыромъ, осеннемъ воздухѣ, подъ стукъ колесъ, слышится Стожарову однообразное тутуканье потатуйкъ, хотя потатуйки давно уже отпѣли свои весеннія пѣсни, а монотонное тутуканье ихъ вызывалось только памятью Стожарова, перенесшею его въ дѣтство, въ міръ глупыхъ, узенькихъ, но такихъ радужныхъ дѣтскихъ мечтаній. Вотъ вправо изъ-за корявагo дубняка и изъ за переплетеннаго старымъ, увядшимъ хмѣлемъ липняка виднѣется стеклянная полоса озера Рыбнаго, съ которымъ такъ много связано дѣтскихъ воспоминаній: память Стожарова подобно волшебнику, вызывающему тѣни умершихъ, вызываетъ стараго, бѣлоголоваго, сгорбившагося Назарьича, который, сидя на своей лодчонкѣ-душегубкѣ, ѣдетъ по Рыбному съ закинутою на ухо лесою блесны, которою онъ ловитъ жадныхъ, остромордыхъ и зубастыхъ щукъ, тогда какъ изъ лѣсу несутся звуки какой-то заунывной, долгой, точно тоскующей пѣсни. Это дурачокъ Гавря деретъ лыки и поетъ, долго, безконечно поетъ и такъ жалобно, что маленькій Гриша нерѣдко плакалъ подъ эту пѣсню... И Стожарову слышится пѣсня Гаври, которая давно умолкла, давно схоронили и того, кто ее пѣлъ, а въ памяти Стожарова все еще звучитъ эта пѣсня, звучитъ въ продолженіи двадцати лѣтъ гдѣ-то тамъ далеко въ мозгу, подъ черепомъ, и вызываетъ по временамъ и дурачка Гаврю, и бѣловолосаго стараго Назарьича, и зеркальную поверхность Рыбнаго, потонувшаго въ зелени, въ рѣзучей осокѣ и шумливыхъ, безпокойныхъ камышахъ... Вотъ уже не видно и Рыбнаго, а къ телѣгѣ, на которой сидитъ Стожаровъ, приближается старый, раскидистый дубъ съ поросшими у корня темножелтыми грибами-трутняками, но уже не слышно надъ этимъ старымъ дубомъ рѣзкаго крика кобчика, крика, который тоже засѣлъ въ памяти Стожарова, какъ засѣло въ ней все, что прошло по ней отъ

дѣтства—и жалкій Гавря съ его надрывающею сердце пѣснью, и потонувшее въ зелени Рыбное, и все Оболонье съ знакомыми лицами мужиковъ; и лица брюссельскихъ рабочихъ, и роскошныя картины юга, и падающія отъ колоннъ храма Петра въ Римѣ длинныя тѣни и пѣсня венеціанскаго гондольера, и грохотъ парижскихъ улицъ, и причудливая тѣнь отъ могильнаго памятника Прудона, и шумъ колеса оболоньевской мельницы—все засѣло въ памяти Стожарова, и все въ ней поднималось какъ живое, какъ будто только вчера или сегодня видѣнное и слышанное. И тутъ же, въ сѣромъ туманѣ, вставалъ блѣдный, грустный, такой милый обликъ Вари, и подъ скрипъ колесъ телѣжонки звучалъ и тогда, когда жалкій Гавря пѣлъ надъ Рыбнымъ свою безконечную пѣсню, и тогда когда венеціанскій гондольеръ пѣлъ свою баркаролу, звучалъ и тогда даже, когда Стожаровъ работалъ въ Ліонѣ на фабрикѣ и подъ шумъ машинныхъ колесъ думалъ о Россіи, о Варѣ, объ Оболоньѣ и о жалкомъ Гаврѣ, сдиравшемъ лыки себѣ на лапти. Все это—и мусоръ, и перлы, и слезы, и рѣжущее горе, и мимолетныя радости, и колыбельную пѣсню матери, и похоронное слово надъ темной могилой Добролюбова, и рѣзкій крикъ кобчика надъ старымъ дубомъ — все это разомъ вмѣщала въ себѣ память и не ошибалась въ размѣщеньи этихъ воспоминаній въ глубокомъ, широкомъ и памятливомъ сердцѣ Стожарова.

Вотъ и знакомая плотина, обсаженная плакучими вербами, гибкія вѣтви которыхъ мокнутъ въ водѣ, какъ будто въ ней хотятъ утопить свое, невѣдомое человѣку горе... Вотъ и Гремячка, такая тихая и скромная выше плотины, и такая шумливая подъ мельничными колесами, такая живая, дѣятельная, потому что тамъ она работаетъ, заставляетъ двигаться неугомонное колесо, кормитъ все Оболонье своею неустанною работою... А тамъ уже виднѣется и старый домъ съ колонками и бѣлыми заплатами на крышѣ и на бокахъ, напоминающими солдатскіе шевроны, и старыя липы съ ветлами, унизанными темными грачевыми гнѣздами, въ которыхъ, въ теченіе десяти лѣтъ, смѣнялись десятки поколѣній крикливыхъ грачей... Невидно только старой собаки Гривки, которая бы, подобно Одиссееву аргусу, встрѣтила своего хозяина безсильнымъ виляньемъ хвоста, какъ старый, издыхающій на кучѣ навоза аргусъ встрѣ-

тилъ Одиссея, досыта намыкавшагося по бѣлу свѣту... Старой собаки давно нѣтъ—она не дождалась своего хозяина.

Вотъ и весь дѣтскій міръ Стожарова —такой маленькій, бѣдный, съ такою простою, хотя милою для сердца обстановкою. Но когда-то этотъ мірокъ казался такимъ широкимъ, богатымъ и такимъ полнымъ счастья, что кажется, не выбрось Стожарова прихотливая судьба изъ Оболонья, не занеси его въ шумливый Петербургъ, а тамъ—за моря и за океаны, за тридевять земель, на роскошныя земли юга, въ богатые и шумные города Европы — мірокъ Стожарова казался бы ему полнѣе всего великаго, видѣннаго имъ міра, и счастье его въ этомъ узенькомъ міркѣ было бы полнѣе, законченнѣе, какъ полно и законченно было оно въ дѣтствѣ, когда концомъ міра казалась мѣловая гора, упиравшаяся въ самое небо.

«Неужели же мы въ себѣ самихъ носимъ наше счастье и разсыпаемъ его на нашъ собственный міръ, созданный нами же и живучестью нашего же собственнаго богатаго сердца? (думалъ Стожаровъ). Вѣдь мнѣ, полудикому мальчику, этотъ жалкенькій мірокъ казался такимъ полнымъ и такое полное счастье я черпалъ изъ него такъ-сказать пригоршнями, такое законченное счастье, что полнѣе и законченнѣе его я уже не находилъ нигдѣ, вдали отъ этого бѣднаго Оболонья, впродолженіе десятилѣтней бродячести по свѣту, по югу и сѣверу, по родинѣ и по чужбинѣ... Вѣрно только глупость можетъ быть полно и законченно счастлива...»

Мельница шумно работаетъ и хлопотливыя колеса переливаютъ холодную воду своими широкими ковшами. Воробьи, чуя приближеніе голодной зимы, подобно западно-европейскимъ рабочимъ, снуютъ по плотинѣ цѣлыми воробьиными асоціаціями, и куда полетятъ два три воробья, туда летитъ и вся голодная асоціація, такая же безсильная передъ хворостиной мельника и засыпки, какъ безсильны западныя асоціаціи передъ капиталомъ и фабрикантомъ подкрѣпляемымъ, вмѣсто хворостины, полисменами и стрѣлковыми ротами. У мельницы копошится народъ. Согнутыя въ три погибели человѣческія спины таскаютъ тяжелые мѣшки съ мукой, чтобы кормить голодныхъ людей, которымъ, какъ и голоднымъ воробьямъ, грозитъ хворостина въ видѣ нужды, безденежья, безздоровья и бездомья.

Проѣзжаетъ мимо мельницы Стожаровъ и вглядывается, не бро-

сится ли въ глаза знакомое лице, видѣнное имъ въ дѣтствѣ. Хочется ему своими глазами провѣрить дѣйствіе времени на лица человѣческія, на ихъ выраженіе, хочется ему знать, какія тѣни навело это время, дѣйствіе котораго онъ испыталъ на себѣ, на своемъ лицѣ, на своей спинѣ, на волосахъ своихъ уже серебрившихся серебромъ сѣдины, наконецъ на своемъ мозгу и даже тамъ, глубоко, на сердцѣ, — какія тѣни это время навело на знакомыя ему лица, съ которыми онъ росъ вмѣстѣ или которыя далеко обогнали его годами и ростомъ.... Но знакомыхъ лицъ онъ не видѣлъ, а то, что видѣлъ, только напоминало ему что-то несовсѣмъ незнакомое, такъ какъ дѣйствіе времени на лица было сильнѣе даже самой памяти, берегшей въ своемъ запасѣ только тѣ лица, которыя были знакомы тогда давно, а не видоизмѣненіе ихъ подъ дѣйствіемъ времени, заботъ, нуждъ, болѣзней и радостей... Казалось бы, что вонъ тамъ, у толчеи, стоитъ Поля, внучка Назарыча... Такъ нѣтъ, едва ли это она: то была стройная, красивая дѣвушка, у которой русая коса, доходившая до колѣнныхъ сгибовъ, ломила своей тяжестью граціозно склоненную на бокъ молодую голову, а бѣлое съ здоровымъ загарцемъ лице освѣщалось живыми прекрасными глазами; у толчеи же стояла какая-то баба, по видимому съ лицомъ Поли, но не то было это лице — грубое и корявое съ худобой и болѣзненною темнотою цвѣта кожи, и не та была эта коса, что была у Поли, а какіе-то жалкіе волосенки, выбивавшіеся всклокоченными и безцвѣтными прядями изъ подъ безобразной головной повязки... Нѣтъ, это не Поля, а ея видоизмѣненіе, жалкое, грубое, неизящное.... Казалось бы, что вонъ тамъ, на мельничномъ жорновѣ, сидитъ Павлуша Извоевъ, красивый парень, нѣкогда достававшій Гришѣ орлиныя яйца съ самыхъ высокихъ деревьевъ оболоньевскаго лѣса, и самый звонкій голосъ въ деревенскомъ хороводѣ... Такъ нѣтъ, едва ли это онъ: у того было смѣлое, веселое лице, а лице этого, осунувшееся и отупѣвшее отъ времени, горя и заботъ, изрѣзано морщинами, и смѣлость его смѣнилась какою-то запуганностью, веселость—горькою озабоченностью.... Нѣтъ, это не Павлуша, а его видоизмѣненіе, постарѣвшее, робкое, некрасивое.

Вмѣсто Поли и Павлуши выступаютъ иныя молодыя лица и своими ногами беззаботно затираютъ даже слѣды ногъ, оставленные на

землѣ людьми отживающими, уступающими имъ свое мѣсто и право голоса въ хороводѣ жизни...

— Никакъ молодой баринъ ѣдетъ, слышатся голоса около мельницы.

— Онъ и есть... Ахъ, матки мои! возглашаютъ бабы.

— Нѣтъ, не онъ, говоритъ робко Поля (это была она)... Смурый больно да худящій...

— Гдѣ ему быть! говоритъ Павлуша (это тоже былъ онъ).... Нашъ баринъ за синими морями.

— И съ бородой, матка, словно бы купецъ...

— Что борода... Нонѣ такія времена—нонѣ и цари заморски съ бородами живутъ.

Всѣ останавливаются, смотрятъ на проѣзжаго. Не узнаютъ. Онъ да не онъ... Время и его зацѣпило... Узнаютъ... Онъ, онъ!.. Есть что-то въ лицѣ человѣческомъ, чего и время стереть не въ состояніи... Узнали... Шапки снимаютъ—и онъ снимаетъ...

— Онъ, мой красавецъ, говоритъ Поля, и вздыхаетъ, и отворачивается: не узнаетъ онъ меня, дурнущую...

— Онъ, соколъ нашъ, говоритъ Павлуша, и поднимается съ жорнова.

По плотинѣ идетъ молодой мужикъ съ калмыковатымъ лицомъ и съ странными, какъ бы стоячими глазами. На плечѣ у него длинный холщевой мѣшокъ, наполненный мукою. Смуглое лице, какъ смоль черные волосы, загорѣлыя руки, синяя рубаха и штаны—все покрыто мукою. Даже на длинныхъ рѣсницахъ осѣлась мука точно иней. Раздававшіеся около мельницы голоса о томъ, что ѣдетъ баринъ, заставили этого мужика пріостановиться съ своею тяжелою ношею.

— Да, это Стожаровъ, говоритъ мужикъ съ мѣшкомъ на плечѣ, и лице его принимаетъ странное выраженіе.

Телѣжонка Стожарова приближается. Ямщикъ помахиваетъ мочальнымъ кнутикомъ. Стожаровъ слышитъ нѣкоторые изъ возгласовъ; но знакомыхъ голосовъ не узнаетъ.

— Здравствуйте, Стожаровъ, говоритъ мужикъ съ мѣшкомъ на плечѣ.

Стожаровъ приподнимается въ телѣжонкѣ. Все лице его выражаетъ изумленіе.

— Здравствуйте, Стожаровъ! вы не узнаете меня? снова говоритъ мужикъ съ мѣшкомъ на плечѣ.

Стожаровъ дѣйствительно не узнаетъ лица; но узнаетъ голосъ... Голосъ знакомый, недавно, кажется, имъ слышанный... Это голосъ Караманова... Но гдѣ мужикъ взялъ голосъ Караманова?..,

— Карамановъ! Это вы? вскрикиваетъ Стожаровъ съ удивленіемъ.

— Да, это я, отвѣчаетъ мужикъ, ставя мѣшокъ на плотину.

— Что вы здѣсь дѣлаете? спрашиваетъ Стожаровъ еще съ большимъ удивленіемъ.

— Мелю вашу пшеницу.

— Какъ! Зачѣмъ! Что это значитъ?

— Это ваша мука; а я вашъ батракъ.

Это былъ Карамановъ. Стожаровъ смотрѣлъ на него долго и пристально, и что-то радостное и гордое загорѣлось у него въ глазахъ. Это истомленное лице и глубоко запавшіе глаза, которые выражали что-то такое, что напомнило ему другія лица, видѣнныя имъ во время мыканья по Европѣ, этотъ странный для богатаго землевладѣльца нарядъ, на которомъ видны были слѣды грубой и тяжелой работы, эти нѣкогда нѣжныя, теперь загрубѣлыя руки, это добровольное самоизгнаніе человѣка молодаго, образованнаго, богатаго, это не въ мѣру крайнее и не въ мѣру тяжкое примѣненіе еще не признанныхъ міромъ теорій—все это казалось Стожарову болѣе, чѣмъ причудами необузданной фантазіи его молодаго друга... Нѣтъ, такъ не шалитъ молодость, такъ не оригинальничаетъ... Это не шалость.

— Такъ это примѣненіе вашихъ теорій? спросилъ Стожаровъ съ какимъ-то усиленнымъ біеніемъ сердца.

— Да, это начало дѣла, отвѣчалъ Карамановъ.

— И давно вы начали?

— Нынѣшнимъ лѣтомъ.

— Что-жъ, тяжело?

Карамановъ какъ-то странно улыбнулся.

— Говорятъ, тяжело, когда выправляютъ вывихнутую руку..,

Колумбу, говорятъ, тяжело было, когда онъ отчаявался увидѣть землю, отвѣчалъ Карамановъ.

Стожаровъ вышелъ изъ телѣги. Его окружили оболоньевскіе мужики и бабы. Тутъ былъ и Павелъ Извоевъ, только Поля стояла въ сторонѣ и какъ-бы украдкой поглядывала на молодаго барина. Всѣ поздравляли Стожарова съ пріѣздомъ, спрашивали, какъ жилось на чужой сторонѣ, надолго ли онъ пріѣхалъ къ старикамъ. Стожаровъ ласково говорилъ со всѣми, узнавалъ многихъ, шутилъ, вспоминалъ нѣкоторые случаи изъ своего дѣтства.

— Однако прощайте, братцы... пора къ старикамъ, говорилъ онъ, направляясь по плотинѣ.—А вы со мной? спросилъ онъ Караманова.

— Нѣтъ, мнѣ нельзя... Мѣшка три осталось еще смолоть, отвѣчалъ тотъ, снова взваливая мѣшокъ на спину.

— Помилуйте, Аркадій Львовичъ! Развѣ вы не можете передать вашего дѣла кому-нибудь другому?

— Не могу... Нанялся-продался... Впрочемъ, вы увидите меня въ кухнѣ, во время обѣда.

— Въ какой кухнѣ?

— Въ вашей... Я тамъ буду обѣдать.

Мужики какъ-то странно смотрѣли и на Стожарова, и на Караманова. Къ послѣднему они уже нѣсколько привыкли и полюбили его. Они оказывали ему большое почтеніе, предупреждали его желанія, и любили слушать, когда онъ говорилъ съ ними о предметахъ, которыхъ крестьянское міровоззрѣніе не заключало въ узкой области своихъ знаній. Часто мужики оставляли свои работы и собирались слушать Караманова, котораго продолжали называть «чужимъ бариномъ», и расходились не охотно, когда онъ напоминалъ имъ о томъ, что они должны были работать. При всемъ томъ они не могли составить себѣ опредѣленнаго понятія объ этомъ человѣкѣ, не могли понять побужденій, руководившихъ имъ, хотя видѣли, что это не барскій капризъ, что барченокъ не отъ жиру бѣсится, а какое-то глубокое горе побудило его дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ. Дѣйствія его они истолковывали тѣмъ, что онъ наложилъ на себя смиреніе изъ набожности, что страдаетъ онъ за грѣхи

своего отца, о которомъ оболоньевскіе крестьяне имѣли не совсѣмъ лестное понятіе. Они смотрѣли на него отчасти какъ на «блаженнаго», какъ на такую личность, какія въ народѣ слывутъ подъ названіемъ «божьихъ людей». Они часто приходили къ нему за совѣтами и всегда оставались довольны его рѣшеніями. Свободное время Карамановъ проводилъ на деревнѣ, гдѣ или толковалъ съ мужиками, или училъ дѣтей грамотѣ. Дѣти его очень любили и называли «добрымъ учителемъ».

— На долго-ли вы сюда? спросилъ Карамановъ.

— Думаю, надолго... Съ вашей помощью мнѣ будетъ легче начать мое дѣло, отвѣчалъ Стожаровъ задумчиво.

— Какое?

— Какія дѣлались въ старину... Вспомните, какъ основывался Римъ, Карѳагенъ...

— Что-жъ, разрѣжете на полоски шкуру вола, обведете оболоньевскія усадьбы и опашете ихъ плугомъ?

— Нѣтъ, мы обойдемся и безъ шкуры вола... У насъ межи обозначены—на то есть землемѣры, планы, уставныя грамоты.

— А Дидона будетъ въ вашемъ Карѳагенѣ?

— Будетъ, отвѣчалъ Стожаровъ, нѣсколько краснѣя.

— Однако прощайте, сказалъ Карамановъ, отправляясь въ мельницу за новымъ мѣшкомъ.

— До свиданья... Когда же мы увидимся?

— Когда хотите... Вы свободны, а я работаю.

Стожаровъ догналъ Караманова, крѣпко пожалъ ему руку и простился съ мужиками.

— А что, Павелъ, разоряешь орлиныя гнѣзда? обратился онъ къ Извоеву.

— Не до орловъ, баринъ... Вороны заклевали, отвѣчалъ Павелъ.

— Ничего, мы всѣхъ воронъ распугаемъ.

Стожаровъ снова помѣстился въ свою телѣжонку. Мочальный кнутикъ взмахнулъ, мужичонка-ямщикъ назвалъ своихъ лошаденокъ «другами любезными» и «подлецами», причмокнулъ губами, и телѣжка двинулась.

— Должно сродственникъ твой, заговорилъ ямщикъ, какъ бы обращаясь къ лошадямъ.

— Кто? спросилъ Стожаровъ.

— Да что съ тобой говорилъ...

— Нѣтъ, не родня.

— А не мужикъ онъ, вижу.

— Да, не мужикъ: онъ богатый помѣщикъ.

— Ой ли! Прогулялъ рази добро-то свое?

— Нѣтъ, не прогулялъ... Это Карамановъ—знаешь Кологривы?

— Какъ не знать?.. И барина знаю.

— Такъ это его сынъ.

— Аль въ опалѣ у родителя-то?

— Нѣтъ, самъ бросилъ свое богатство.

— Что ты! Кому-жъ отдалъ?

— Никому.

— Что-жъ онъ тутотка дѣлаетъ?

— Онъ нанялся въ работники къ моему отцу, и вотъ теперь работаетъ на мельницѣ.

Мужичонка задумался, и обозвалъ своихъ лошадей подлецами.

— Онъ, должно, маленько умомъ сшибся, замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, не сшибся.

— Съ придурью, значитъ.

— И не съ придурью. Онъ умнѣе насъ съ тобой.

Мужикъ почесалъ въ затылкѣ и сердито сталъ хлестать своихъ лошаденокъ.

— А что, если-бъ всѣ господа стали работать, какъ этотъ, спросилъ Стожаровъ.

— Полагать надо, баринъ, что работа ихъ была бы пустая... Да и то сказать, баринъ: коли бы всѣ пошли въ мужики, кто-бъ тогда распоряжаться-то нами сталъ?... Безъ начальства нельзя.

— А если бы всѣ помѣщики и всѣ богатые отдали бѣднымъ въ раздѣлъ свои земли и свои деньги? Какъ ты думаешь, хорошо бы было?

Мужичокъ ухмыльнулся.

— Чаво не хорошо... Всѣмъ бы, поди, достало... но, но! други любезные! въ горку!

— А вотъ онъ такой—все отдастъ въ дѣлежку, продолжалъ Стожаровъ, желая попытать ямщика.

— Хто отдастъ?

— Да вонъ тотъ, что на мельницѣ работаетъ.

— Неужто вправду?

— Вправду.

— То-то добрый баринъ будетъ... А все дуракомъ назовутъ.

— Кто назоветъ?

— Мужики и назовутъ, отвѣчалъ ямщикъ.—Но-но-но! близко...

Стожаровъ задумался надъ этими приговорами мужичка... «Какое глубокое нравственное паденіе народа (думалъ онъ)... Всякій смѣлый шагъ кажется ему дерзостью, безумствомъ... Кротъ не нуждается въ солнечномъ свѣтѣ»...

Но думать было некогда. Передъ глазами стоялъ старый домъ, осѣненный липами и ветлами. Ворота, въ ожиданіи пріѣзда дорогаго гостя, уже второй годъ раскрыты настежъ. По двору гуляютъ куры, индѣйки, цыцарки и юное поколѣніе собакъ, которыхъ отцы и матери, дѣды и бабки, современники молодаго Стожарова и соучастники его игръ, давно покончили свое земное странствіе и остались только въ воспоминаніи старой Аверьянихи, которая къ хроникѣ своего вскормленника, молодаго барина, приплетала и хронику здоровыхъ собакъ, вспоминая, какъ ея золотой барченокъ ѣздилъ верхомъ на Какваскѣ, ходилъ за зайцами вмѣстѣ съ Юркой, не любилъ Догоняя и т. п.

Телѣга въѣхала на дворъ и остановилась у крыльца. Не успѣлъ Стожаровъ приподняться, какъ на крыльцѣ показался казачокъ, растерянно глянулъ на пріѣхавшаго, растерянно что-то сообразилъ и также растерянно бросился обратно въ домъ. Стожаровъ только теперь пристально взглянулъ на домъ, въ которомъ онъ родился, и какое-то грустное чувство шевельнулось въ немъ. Его родной домъ глядѣлъ такимъ дряблымъ, такимъ маленькимъ и жалкимъ въ сравненіи съ тѣми зданіями, которыя онъ видѣлъ на своемъ вѣку, въ которыхъ онъ жилъ, обдумывая свое будущее, какъ ему казалось, великое дѣло. Позеленѣвшія отъ времени стекла въ окнахъ, позеле-

пѣвшая отъ старости крыша, облупившаяся штукатурка стараго фундамента, маленькія, почернѣвшія колонки, поддерживавшія фронтонъ дома и казавшіяся когда-то маленькому Стожарову громадными колонами той храмины, которую разрушилъ Самсонъ—все это такъ умалилось, одряблѣло, осунилось. Стожарову разомъ представилось, что онъ, порывы котораго не знали границъ, долженъ заживо похоронить себя въ этомъ одряблѣвшемъ домикѣ, въ маленькомъ захолустьѣ, вдали отъ того великаго движенія, которое чувствовалось имъ и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ... И ему стало страшно и жаль того, что осталось у него назади... Мірокъ, въ которомъ онъ очутился, вдругъ показался ему могилой, видѣнный имъ горизонтъ казался такимъ узкимъ... Но великое дѣло требуетъ жертвъ, къ великимъ подвигамъ великіе люди подготовляются уединеніемъ, временнымъ замуровываньемъ себя въ стѣну, укрѣпленіемъ силъ своего духа вдали отъ тлетворнаго и разъѣдающаго вѣянья обыденной, ходячей жизненной пошлости и общественной измельченности... Развѣ тотъ, доктринами котораго живетъ человѣчество вотъ уже около двухъ тысячъ лѣтъ, не жертвовалъ собой во имя великаго дѣла, для исполненія котораго онъ явился между людьми? Развѣ не хоронилъ онъ себя заживо въ пустынѣ, готовясь на міровой подвигъ, когда вдали отъ него, въ тогдашнихъ Лондонахъ, Парижахъ и Петербургахъ, шла такая кипучая жизнь, совершалось по видимому такое великое движеніе? Нѣтъ, онъ отвернулся отъ этой кипучей жизни, схоронилъ себя какъ бы въ могилѣ, самъ посѣялъ себя въ землю какъ зерно великаго сѣмени—и потомъ вышелъ на свѣтъ божій, вынесъ съ собою великое слово, что созрѣло у него въ пустынѣ, и этимъ словомъ опрокинулъ всѣ порядки міра... И весь міръ пошелъ за нимъ, за тѣмъ, который ушелъ отъ міра... А развѣ не такими же подвигами временнаго удаленія отъ міра подготовили себя къ борьбѣ съ этимъ міромъ всѣ великіе борцы человѣчества? Только великими жертвами творятся великія дѣла...

Всѣ эти мысли разомъ охватили Стожарова, когда онъ входилъ на крыльце своего роднаго дома...

На крыльцѣ снова выскочилъ казачокъ, съ такимъ видомъ, точно онъ помѣшался отъ изумленія и радости.

— Ты знаешь меня? спросилъ Стожаровъ изумленнаго казачка.

— Знаю-съ.

— Отецъ и мать здоровы?

— Здоровы-съ... Васъ ужъ очень ждали...

Изъ сѣней послышалось оханье и шарканье ногъ. Стожаровъ догадался, что это родители летятъ къ нему на встрѣчу, со всею легкостью семидесятилѣтнихъ ногъ. Переступивъ черезъ порогъ, онъ увидѣлъ слѣдующую сцену въ растворенную дверь залы: старуха мать, какъ видно, раньше отца успѣвшая броситься къ сыну, не осилила огромнаго пространства, которое, какъ ей казалось, раздѣляло ея съ сыномъ, и, пройдя форсированнымъ маршемъ гостиную и залу, въ концѣ послѣдней комнаты почувствовала, что старыя ноги подъ ней подкашиваются. Чтобы не упасть, она ухватилась за косякъ. Въ глазахъ у нея помутилось. Между тѣмъ отецъ, который все еще умѣлъ владѣть собою, хотя и растерялся, хотя и поспѣшилъ на встрѣчу къ сыну не совсѣмъ мужественными и благоразумными шагами, однако, увидѣвъ старуху-жену «на привалѣ», какъ онъ выражался по военному, у зальнаго косяка, поспѣшилъ къ ней на помощь, не забывъ сказать: «что, братъ, пошатнулася, за версюшку ухватилася?» Поддержавъ старуху, онъ помогъ ей перебраться черезъ порогъ и великодушно бросилъ ея старое тѣло въ объятія сына.

— Гришенька! сокровушко мое! бормотала старуха, осѣдая къ полу, точно радость свиданья накинула ей на плечи пудовыя гири и онѣ тянули ее своей тяжестью къ землѣ, къ гробу.

— Здравствуйте, маменька, говорилъ Стожаровъ, чувствуя, что ему приходилось поддерживать ту, которая когда-то его носила на рукахъ.

— Гришенька! Гришенька!

Старуха начала повторяться. Въ ея лексиконѣ оказался самый ничтожный запасъ словъ, и она начала выражаться языкомъ Спарты... «Гришенька... Сокровушка» —и больше ничего: другихъ словъ она не знала, и только повторяла зады.

Стожаровъ понялъ, что отъ матери ждать больше нечего, и обратился къ отцу, который мужественно ждалъ очереди, переминаясь на мѣстѣ.

— Здравствуй, отецъ, сказалъ Стожаровъ, глядя на старика черезъ плечо матери.

— Здравствуй, Григорій.

Старикъ подошелъ, и, взявъ дрожащими руками точеную голову сына, поцѣловалъ его въ лобъ.

Въ это мгновенье, въ заднемъ отдѣленіи сѣней послышался глухой стукъ какъ бы отъ паденія человѣческаго тѣла. Всѣ вздрогнули. Казачокъ, глядѣвшій какъ старые господа встрѣчали молодаго барина и удивлявшійся, зачѣмъ это молодой баринъ обстригъ себѣ голову «по рекрутски, точно лобовой», а бороду отростилъ «словно прасолъ Кондратуха», бросился туда, гдѣ послышался странный стукъ, и съ испугомъ воротился оттуда.

— Убилась... до смерти убилась, бормоталъ онъ;—кровь течетъ...

Всѣ поглядѣли на него съ изумленіемъ.

— Кто убился? спросилъ старикъ.

— Бабушка Аверьяновна... съ подвалки...

— Какъ! упала?

— Упала-съ... тамъ кровь...

Испуганный старикъ поспѣшилъ по указанію казачка.

— Такъ и есть... не дождалась, бѣдная, говорилъ старикъ дрожащимъ голосомъ.

Подошли и молодой Стожаровъ съ матерью. На полу, внизу лѣстницы, ведущей на чердакъ, лежало мертвое тѣло старой няни Аверьянихи. Изъ праваго виска старухи сочилась кровь. Она лежала навзничъ, съ раскиданными руками. Худое, пересохшое отъ лѣтъ и морщинистое какъ сушеная груша лице старушки было серьезнѣе обыкновеннаго.

Она умерла на своемъ постѣ. Сторожа каждодневно своего вскормленника въ слуховое окно чердака и ожидая встрѣтить его въ богатомъ тарантасѣ, а не въ жалкой телѣжонкѣ, она не замѣтила, какъ ея «золотой» очутился на дворѣ. Догадавшись, что она проглядѣла, старушка бросилась внизъ, чтобъ удостовѣриться въ пріѣздѣ «золотаго» и предувѣдомить о томъ свою «барыньку», но на крутой лѣстницѣ оступилась своими нетвердыми ногами, ударилась вискомъ о что-то острое— и старой жизни какъ не бывало...

Не ожидалъ Стожаровъ, что на порогѣ роднаго дома онъ будетъ глядѣть въ лице мертвецу, кто бы ни былъ этотъ мертвецъ. А онъ теперь глядѣлъ въ мертвое лице и думалъ: «Какая странная, роко-

вая встрѣча... Неужели отъ одного нашего приближенія должны вымирать старые люди, какъ вымираютъ дикія индѣйскія племена отъ соприкосновенія съ европейской цивилизаціей? Неужели такъ же вымрутъ и старые, отжившіе порядки?... Нѣтъ, людскіе порядки крѣпче и долговѣчнѣе самихъ людей, которые ихъ устанавливали... Что сдѣлано человѣкомъ, то живетъ дольше, чѣмъ самъ человѣкъ... Домъ долговѣчнѣе плотника... книга долговѣчнѣе своего автора..Странно...»

Мысли эти какъ-то мгновенно, точно гальваническій токъ прошли по мозгу Стожарова при видѣ мертваго, серьезнаго лица, встрѣтившаго его на порогѣ роднаго дома.

Онъ думалъ, что еще можно помочь умершей... Но помощь была уже безполезна: надо было думать о живыхъ, а не о мертвыхъ... Будущее всегда сильнѣе прошедшаго...

Д. Мордовцевъ.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ*)

СОСѢДКИ.

Двѣ красотки въ сосѣдствѣ со мною:
Справа—падшая жертва нужды,
Слѣва—знатная дама съ семьею,
Единица примѣрной четы.

Та открыто любви предается,
Изъ-за хлѣба торгуя стыдомъ,
Но чужаго добра не коснется
И обманъ почитаетъ грѣхомъ.

Эта-жъ важная свѣтская дама,
Домъ картежный открывъ на паяхъ,
Грабитъ деньги открыто и прямо
Съ шулерами въ преступныхъ связяхъ.

Ту—надежда есть—можно исправить,
Съ честной жизнью, съ семьей примирить,
Убѣжденьемъ горячимъ заставить
Добродѣтель и трудъ полюбить.

Но другую — исправитъ могила:
Послѣ долгихъ мучительныхъ думъ,
Въ сталь цинизма она закалила
Убѣжденія, чувства и умъ.

П. Мартьяновъ.

XXV.

Небольшая, полуосвѣщенная комната полна тѣней, которыя, скрадывая настоящія очертанія предметовъ, придаютъ имъ очертанія неясныя, фантастическія. Защищенный ширмочками слабый свѣтъ ночной лампадки, поставленной на небольшомъ столикѣ въ отдаленномъ углу комнаты, напрасно силится оживить находящіеся въ комнатѣ предметы и человѣческія лица — борьба свѣта съ мракомъ оказывается далеко неровною, и предметы остаются погруженными въ полумракѣ, живыя лица кажутся блѣдными, мертвыми, какъ будто застывшими.

На низкой постели, приставленной къ наименѣе освѣщенной стѣнѣ, неясно очерчиваются формы человѣческаго тѣла, какъ бы случайно брошеннаго и застывшаго, а на бѣлой подушкѣ выдѣляется мертвое лице, худоба котораго кажется поразительною отъ того, что впадины глазъ и щекъ слишкомъ глубоки и лицевыя угловатости бросаютъ слишкомъ рѣзкія, такія же угловатыя тѣни. Только сильно развитой лобъ кажется не мертвымъ, но спокойнымъ и думающимъ. Мертвое лице по видимому молодо, но какъ-то страшно, до старческой морщиноватости изнурено, изможжено и какъ бы изъѣдено страданіями. Одна рука брошена вдоль тѣла, другая какъ-то свалилась съ кровати и въ висячемъ положеніи какъ бы застыла, какъ застыло мертвое лице и все худое, изстрадавшееся тѣло.

Слабый свѣтъ лампадки какъ бы силится заглянуть въ лице мертвецу, но тѣни отгоняютъ его отъ темнаго угла и все гуще и гуще ложатся на мертвое лице и на всю вытянутую на кровати фигуру.

У изголовья кровати, въ глубокомъ креслѣ, виднѣется другая человѣческая фигура, вся погруженная въ тѣнь и неподвижная, какъ то мертвое тѣло, которое лежало на кровати. Широкія, осунувшіяся впередъ плечи, сѣдая голова, низко опущенная на грудь, и сложенныя на груди руки — все это выступаетъ изъ мрака въ неясныхъ очертаніяхъ и какъ бы постепенно стушевывается, отходитъ

по временамъ дальше и дальше, особенно когда свѣтъ лампадки тускнѣлъ и какъ бы притухалъ.

Изъ глубины другаго кресла, поставленнаго у противоположнаго конца кровати, виднѣется еще одно лице, такое по видимому молодое и прекрасное, но глубоко задумчивое и глубоко печальное.

Полумракъ, господствующій въ комнатѣ, не позволяетъ узнать кто эти лица и что̀ свело ихъ у постели, на которой лежало мертвое тѣло.

Въ комнатѣ такъ тихо, что слышенъ малѣйшій порывъ вѣтра за окномъ и сонное тявканье собаки. По временамъ слышно какъ мышь скребетъ въ подпольѣ и какъ бы сама прислушивается къ этимъ единственнымъ звукамъ, нарушающимъ мертвую тишину комнаты.

Но вотъ свѣтъ лампадки какъ бы вздрагиваетъ и освѣщаетъ новое лице, показавшееся на порогѣ. Задрожавшій отъ лампадки свѣтъ заставляетъ вздрогнуть и тѣни на лицѣ мертваго, и кажется, что это не тѣни дрогнули, а дрогнули и шевельнулись мускулы на мертвомъ лицѣ, поднялись брови покойника, дрогнули блѣдныя, мертвыя губы, и худыя, ввалившіяся щеки еще болѣе ввалились. Это дрожанье свѣта заставляетъ приподняться изъ глубины креселъ и ту сѣдую голову, которая была такъ низко опущена на грудь, и другую молодую головку, глубоко задумчивую и глубоко печальную.

Вошедшая неслышными шагами подходитъ къ постели и останавливается.

— Что? спрашиваетъ она тихо:—давно уснулъ?

— Только что забылся, отвѣчаетъ сѣдая голова.

— Вы бы пошли отдохнули, говоритъ пришедшая, — а я посижу здѣсь.

— Ступай, папа, усни немножко, а мы съ Варей останемся, говоритъ та, которая сидѣла у ногъ больнаго, въ полумракѣ казавшагося мертвымъ.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ тотъ, къ которому относились эти слова,—я боюсь васъ оставить... Вамъ будетъ страшно съ нимъ.

Опять молчаніе и тишина. Та, которая вошла, также садится въ тѣнь. Снова въ эту тихую комнату долетаютъ только неясные внѣшніе звуки—неровные порывы вѣтра да сонное, издалека доносящее-

ся тявканье собаки. Свѣтъ какъ бы снова притухаетъ и въ комнатѣ становится еще темнѣе.

Больной тяжело вздыхаетъ и открываетъ глаза, которые смотрятъ куда-то далеко, очень далеко, какъ будто предметы, на которые они смотрятъ, находятся внѣ комнаты больнаго, внѣ этихъ стѣнъ, и предметы эти видимы только ему одному.

Больной начинаетъ шептать какъ въ полуснѣ, но достаточно ясно для того, чтобы сидящіе около него могли слышать его болѣзненный шопотъ.

— Зачѣмъ онъ все виситъ и качается?.. Все качается, все качается... И у меня голова кружится, когда я гляжу на него... Зачѣмъ его не вынутъ изъ петли?.. Зачѣмъ! (И губы больнаго горько улыбаются)... Зачѣмъ?.. И земля виситъ и качается... И ее никто не хочетъ вынуть изъ петли... Вѣрно и она сдѣлала такое же преступленіе какъ онъ...

Больной закрываетъ глаза и умолкаетъ. Опять тихо кругомъ...

— Ухъ! оборвался... упалъ! говоритъ больной, и весь вздрагиваетъ.

— Онъ бредитъ чѣмъ-то, говоритъ шопотомъ Бармитинова, нагибаясь къ старику Канадѣеву.

— Да... Это все тѣмъ же... повѣшеннымъ.

Больной начинаетъ оглядываться по сторонамъ и искать кого-то глазами.

— Гдѣ она? Ея нѣтъ? спрашиваетъ онъ.

— Кто она, Митя? Мать, сестра? спрашиваетъ старикъ.

— Я здѣсь, Митя, говоритъ тихо Марина.

— А птица моя?.. Ты ея не отгоняла? спрашиваетъ больной.

— Нѣтъ, Митя.

— Пропала... давно не прилетала... Ее... заперли... повѣсили... связали крылья.

Опять тихо. Слышно только какъ въ стекла точно изъ рѣшета зимняя вьюга сыплетъ мелкимъ снѣгомъ.

— Слышите, это она сѣетъ изъ своего рѣшета, говоритъ больной, обращаясь къ присутствующимъ.

— Кто она, Митя? спрашиваетъ Марина, не замѣчая какъ отецъ киваетъ ей, чтобъ она молчала.

— Она... Ананке... это она сѣетъ изъ рѣшета.

Присутствующіе въ недоумѣніи переглянулись.

— А ты видишь ее? вдругъ спрашиваетъ больной, обращаясь къ отцу.

— Кого?

— Эту оборванную, страшную женщину... Ананке ее зовутъ... Вотъ она, вся въ лохмотьяхъ, съ растрепаною сѣдою косой... Это Ананке... нужда... Какая она старая, а все не умираетъ, все ходитъ по землѣ, все стучится въ бѣдные домики да въ сѣрыя избушки... Она всесильна... Она проводитъ морщины по молодымъ лицамъ, бѣлитъ волосы людскіе, какъ мартовское солнце бѣлитъ полотна... А вы развѣ не видите ее? спрашиваетъ больной.

— Нѣтъ, не видимъ, отвѣчаетъ старикъ.

— А я вижу... Вонъ она носится надъ землею, какъ туча, и какъ грязные флаги вѣютъ по вѣтру ея лохмотья... Вонъ она повисла надъ большимъ городомъ... Въ рукахъ у нея рѣшето... Рѣшето полно маленькихъ людей... Они выглядываютъ изъ рѣшета, поднимаютъ маленькія рученки, и ссорятся, злобно ведутъ между собой перебранку.... Лица большею частью мнѣ знакомыя.... Вотъ Ананке встряхиваетъ рѣшетомъ, и маленькіе люди присмирѣли. Они боятся старухи.

Больной приподнимается на постели. Глаза его напряженно смотрятъ вдаль. Онъ внимательно прислушивается какъ зимняя непогодь сыплетъ въ окна мелкимъ снѣгомъ.

— Сѣетъ... сѣетъ Ананке... Я слышу шумъ отъ рѣшета... Маленькіе люди смѣшались въ рѣшетѣ какъ чистыя зерна съ пылью и грязью... Посмотрите, изъ рѣшета сыплется то, что помельче — пыль, соръ, грязь, а чистыя зерна остаются въ рѣшетѣ... Подъ рѣшетомъ бѣлая страница какой-то книги... Ты видишь, Мариночка, эту книгу? спрашиваетъ больной, обращаясь къ Маринѣ.

— Вижу, Митя, говоритъ она, боясь противорѣчить больному.

— На верху страницы написано «Дѣло», продолжаетъ больной,— а тамъ лежатъ другія книги, другія бѣлыя страницы... старуха сѣетъ рѣшетомъ... Все мелкое проскальзываетъ и падаетъ какъ пыль на бѣлыя страницы... Нѣтъ, это не пыль, не соръ, а маленькіе люди, съ узенькими, маленькими какъ у лилипутовъ голов-

ками... А какой, я думаю, у нихъ мозжечокъ маленькій... Ты узнаешь ихъ, Мариночка? спрашиваетъ онъ опять.

— Нѣтъ, не узнаю...

— Да, ты ихъ не знаешь... эти вотъ, самые мелкіе, что раньше всѣхъ выскользнули изъ рѣшета — они пачкаютъ своими грязными руками бѣлую страницу «Дѣла»... Вонъ самый маленькій изъ нихъ, самый ничтожный пачкунъ, съ узенькой головенкой—это Гедебе.

— Какой Гедебе, Митя? спрашиваетъ Марина.

— Гедебе... развѣ ты не знаешь его? Вонъ онъ прыгаетъ по заднимъ страницамъ «Дѣла», такой жалкенькій, плюгавенькій, и все пачкаетъ ихъ...

— Это Гдб, который пишетъ въ «Дѣлѣ», говоритъ шопотомъ Барметинова, обращаясь къ Маринѣ. Какой странный бредъ...

Больной беззвучно смѣется.

— Ананке грязнымъ ногтемъ поднимаетъ черепъ на узенькой головенкѣ Гедебе, и я вижу мозжечки тамъ, да такіе жидкіе, скудные... И строеніе, форма мозжечковъ странны.

Больной снова беззвучно смѣется.

— Точно у овцы, продолжаетъ онъ. — Овечій мозгъ...

Больной опять прислушивается и говоритъ:

— А она все сѣетъ, все сѣетъ... Вонъ изъ рѣшета еще выпала узенькая головка и начинаетъ прыгать на переднихъ страницахъ «Дѣла»... Какъ дико прыгаетъ, какъ кривляется .. Это—Тредьяковскій нашего времени... Онъ обо всемъ говоритъ съ азартомъ, за все хватается и все умѣетъ испошлить и измельчить... Я узнаю его...

Больной обхватываетъ руками свою голову и сидитъ неподвижно, продолжая присматриваться къ чему-то далекому, ему одному видимому.

— Болитъ голова? спрашиваетъ его отецъ.

Больной не отвѣчаетъ. Мысль его занята чѣмъ-то другимъ.

— Что онъ тамъ пачкаетъ на бѣлой страницѣ?.. Я вижу слова: «задачи земства», «вопросы русской жизни», «о болѣзни хвостовъ у тотемскихъ поросятъ» — все это одно за другимъ вылетаетъ изъ его узенькой головенки и ложится на бѣлыя страницы... Посмотри, Мариночка, какой онъ жалкій...

— Кто жалокъ, Митя? спрашиваетъ Марина.

— Шелгуновъ съ его пеклеванной философіей.

Марина невольно смѣется.

— Какой ты злой, Митя, говоритъ она.—Что выдумалъ — Шелгунова называетъ пеклеваннымъ философомъ.

Больной съ удивленіемъ смотритъ на сестру и опять прислушивается какъ зимняя непогодь сыплетъ въ стекла мелкимъ снѣгомъ.

— Вся мелочь выпала изъ рѣшета и прилипла къ страницамъ «Дѣла»... Въ рѣшетѣ осталось только то, что покрупнѣе — чистыя зерна... Вотъ Ананке опрокидываетъ рѣшето, и все крупное, чистое, падаетъ на страницы другихъ журналовъ, только на страницы «Дѣла» не упало ни одного крупнаго зерна...

Старикъ Канадѣевъ, слушая бредъ больнаго сына, грустно качаетъ головой. Онъ чувствуетъ, что ничѣмъ не можетъ пособить несчастному, и какъ-то безнадежно ждетъ, что скоро и этого бреда онъ не будетъ слышать, что скоро и эти безумные, глядящіе куда-то вдаль глаза закроются на вѣки. И онъ боится ждать этого страшнаго времени, боится и желать продолженія страданій дорогаго ему существа.

Съ неменьшей болью въ сердцѣ слушала бредъ больнаго и Бармитинова. У нея было свое горе, глубоко затаенное, и она всѣмъ существомъ своимъ чувствовала, какъ это горе подтачивало ее, съѣдало жизнь, неотходно давило ее и днемъ и ночью.

За то впечатлительной Маринѣ кажется, что она сама видитъ страшную старуху съ растрепанною сѣдою косой, слышитъ, какъ шумитъ ея рѣшето и какъ падаютъ изъ него маленькіе, жалкіе люди, падаютъ не на бѣлыя страницы книги, а въ глубокую пропасть.

— Какъ темно стало, говоритъ больной съ какимъ-то страхомъ.— Что это? Куда все исчезло?.. Гдѣ она?.. Пропала... и земля пропала... оборвалась съ петли... упала...

И закрывъ глаза, онъ въ изнеможеньи опрокидывается на подушки... Блѣдное лице его вытягивается, руки безсильно валятся вдоль исхудалаго тѣла...

— Папа! Папа! онъ умеръ, съ ужасомъ говоритъ Марина, припадая къ колѣнямъ отца.

Отецъ бережно приподнимаетъ дочь и, придерживая ее одною рукой, тихо нагибается къ лицу больнаго. Онъ долго стоитъ въ та-

комъ положеніи, прислушиваясь къ дыханью сына, и на лицѣ его выражается глубокое, безотрадное горе.

— Ты бы пошла къ матери, милая, шепчетъ онъ дочери—тебѣ надо уснуть, успокоиться... У тебя такъ испуганно бьется сердце, что даже я слышу... Уйди, милая.

— Нѣтъ, папа, я не уйду, я не оставлю тебя... Я хочу глядѣть на него... Такъ не долго осталось, говоритъ Марина, прижимаясь къ отцу.

— Нѣтъ, не говори этого, можетъ быть, это переломъ къ лучшему.

Бармитинова также приблизилась къ постели и стала гладить волосы Марины.

— Право, Мариночка, тебѣ бы слѣдовало уснуть, говорила она. Вонъ какъ ты вся дрожишь... Подумай, что̀ будетъ съ ними, когда и ты сляжешь.

—Ахъ, Варя, что-жъ мнѣ дѣлать, когда я не могу отойдти отъ него?

— Не можешь, милая, потому что онъ на глазахъ у тебя, а когда не будешь видѣть и слышать его, тебѣ будетъ легче.

— Онъ умретъ безъ меня, говоритъ Марина, ломая руки;—я не увижу его больше.

— Не умретъ онъ... Развѣ ты не замѣчаешь, что даже въ его болѣзненномъ бреду теперь больше связности, чѣмъ было прежде? Его бредъ обнаруживаетъ теперь то, о чемъ онъ думалъ въ послѣднее время, что́ его волновало, печалило.

— А эта страшная Анапке, Варя? А это рѣшето?

— Что-жъ, милая, и это понятно: когда его привезли сюда и ему стало лучше, онъ жадно набросился на чтеніе, говоря, что многаго не читалъ во время болѣзни... Больные нервы не выдержали — и вотъ ему теперь и мерещется русская литература въ рѣшетѣ... Вѣдь ты помнишь, какъ онъ раздражительно отзывался о томъ, что русская литература сама себѣ вредитъ во мнѣніи общества неприличной бранью, доносами обществу на своихъ же собратовъ литераторовъ за то, что они пишутъ не въ томъ, а въ другомъ журналѣ.

— Да, вы правы, замѣтилъ старикъ Канадѣевъ:—мы напрасно давали ему читать... Онъ былъ еще такъ болѣзненно настроенъ.

Больной открылъ глаза, и нѣсколько секундъ глядѣлъ на отца, на сестру и на Бармитинову, какъ бы никого не узнавая.

— Зачѣмъ Маркушка яблоки воруетъ? вдругъ спросилъ онъ, обращаясь къ отцу.

— Какой Маркушка, Митя? спросилъ тотъ въ недоумѣніи.

— Волоховъ Маркушка.

Бармитинова и Марина переглянулись. Но старикъ, по видимому, продолжалъ не понимать о чемъ говоритъ его сынъ.

— Зачѣмъ онъ негодяй и глупъ, когда-жъ долженъ быть умнымъ и честнымъ? Вы не знаете?

Всѣ молчали, не зная что́ отвѣчать.

— И яблоки воруетъ... И пьянствуетъ, и лжетъ, чужое пальто беретъ... какой подлецъ... Ты его выгони, Мариночка, когда онъ къ тебѣ прійдетъ, говорилъ онъ, узнавая сестру.

— Хорошо, Митя, выгоню.

— Какой злой Гончаровъ, продолжалъ больной, какъ бы про себя.—А злится онъ не на Маркушку, а на другихъ... Это не хорошо, малодушно.... А вѣдь Гончаровъ изъ крупныхъ... онъ въ рѣшетѣ и не помѣстится.

Марина нагнулась къ брату и тихо взяла его за руку. Рука его была очень горяча и суха.

— Митя! милый мой! говорила она, глядя ему нѣжно въ глаза,—зачѣмъ ты все объ этомъ думаешь? Зачѣмъ ты не дашь себѣ покою? Вѣдь ты еще такъ слабъ—стоитъ-ли волноваться изъ-за того, что Маркушка воруетъ яблоки... Выздоравливай лучше, тогда мы съ тобой обо всемъ переговоримъ—и о литературѣ, и о твоихъ планахъ... Къ намъ будетъ часто ходить Варя, и мы всѣ будемъ такъ хорошо проводить время... А теперь успокойся, не думай о томъ, что тебя волнуетъ... Вонъ какой у тебя жаръ—и голова такая горячая, точно въ огнѣ (она приложила руку къ его головѣ).

Широко раскрытые глаза больнаго какъ бы мгновенно измѣнили цвѣтъ и форму. Онъ внимательно прислушивался къ тому, что говорила сестра, и вдругъ, прижавъ ея руку къ своимъ горячимъ губамъ, а потомъ, закрывъ этою рукою свои глаза, началъ плакать. Марина припала своей головой къ головѣ больнаго.

— Бѣдный мой! объ чемъ же ты плачешь? говорила она, не имѣя силы удержать слезъ, которыя полились и изъ ея глазъ.—Что у тебя болитъ? Чего тебѣ жаль?

Больной продолжалъ плакать, такъ что все его худое тѣло судорожно вздрагивало.

— Пусть выплачется, говорилъ старикъ отецъ;—можетъ быть, ему легче станетъ.

— Да, пусть вмѣстѣ плачутъ; онъ такъ любитъ ее, говорила Бармитинова.

— Я въ первый разъ за его болѣзнь вижу какъ онъ плачетъ, говорилъ старикъ тихо.

И братъ и сестра продолжали плакать.

— Выздоравливай скорѣй, милый! только не страдай, говорила Марина, продолжая ласкаться къ брату.

— Развѣ ты не знаешь отъ чего я страдаю?.. Мочи моей нѣтъ, говорилъ больной, и въ голосѣ его слышалось дѣйствительное горе, глубокое и сильное.

— Отчего же, Митя?

— Оттого, что миліоны людей страдаютъ... Я хотѣлъ имъ помочь... Не я одинъ хотѣлъ помочь имъ, а многіе этого хотятъ—и силъ не хватаетъ. зла больше, чѣмъ добра; глупости больше, чѣмъ ума; нищихъ больше, чѣмъ богатыхъ... И вотъ я надорвался... И не одинъ я—много честныхъ людей погибло, и долго будутъ они погибать, пока...

Онъ замолчалъ, припавъ головой къ рукамъ сестры и постоянно вздрагивая.

— Что пока, Митя?

Больной ничего не отвѣчалъ. Видно было, что разсудокъ его, какъ бы по какому-то капризу природы, снова возвратился къ нему, но у больнаго, разбитаго нравственно и физически, не хватало воли удержать порывовъ своей фантазіи, и разсудокъ былъ снова побѣждаемъ болѣзненностью нервовъ и необузданностью фантазіи, и мысли его снова метались отъ предмета къ предмету, снова сбивались въ направленіи, какъ корабль въ бурю, лишенный руля и баласта.

— Милая! не презирай меня, говорилъ онъ, цѣлуя руки сестры.

— Что ты! что ты, Митя? за что? говорила она, цѣлуя его горячую голову.

— Я слишкомъ много взвалилъ на себя и... переломился... Я...

собака съ перебитымъ задомъ... И они же... будутъ... смѣяться надо мной, говорилъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Кто они, Митя?

— Всѣ... скажутъ, его заѣла среда... пошлая фраза!.. Я самъ себя заѣлъ... Мы сами себя заѣдаемъ... Мы не Рудины и не Печорины: тѣ страдали и погибали отъ недостатка дѣла, а мы... отъ избытка дѣла...

— Другъ мой! зачѣмъ же брать на себя дѣло не по силамъ? говорилъ отецъ, который видѣлъ, что въ словахъ сына нѣтъ болѣзненнаго бреда.

— Какъ же не брать, когда жизнь... на каждаго честнаго работника взваливаетъ цѣлую гору?... Кто-жъ возьметъ, когда мы не возьмемъ.

— Да надрываться-то не надо, другъ мой.

— Надрываться... Лучше надорваться, да вытащить телѣгу изъ тины... Мы... ломовыя лошади... битюки... наша телѣга застряла въ тинѣ... Что за бѣда, если мы всѣ поколѣемъ... была бы телѣга съ дорогой кладью вытащена изъ тины... Мы всѣ подохнемъ въ оглобляхъ и въ хомутѣ, а телѣга и кладь... будутъ спасены...

— Да, въ вашихъ словахъ глубокая, но горькая правда, замѣтила Бармитинова, которая при этомъ думала: «И мой Стожаровъ изъ такихъ же битюковъ... Теперь ихъ время настало: время Райскихъ и Маркушекъ Волоховыхъ отошло навсегда».

— Горькая! возразилъ больной, вглядываясь въ Бармитинову;— тѣмъ лучше.... конечно не намъ... да мы себя и не жалѣемъ: неуклюжій обломокъ мрамора не долженъ о себѣ плакать, если изъ него рука художника высѣкла статую... Мы... подохнемъ... а телѣга-таки будетъ вывезена...

— Я согласна съ вами, продолжала Бармитинова: — слѣдующимъ поколѣніямъ легко будетъ катить эту дорогую телѣгу по гладкому шоссе да по чугункѣ.

Въ это время вдали пронесся глухой, протяжный звонъ церковнаго колокола. Звонъ этотъ раздался такъ неожиданно и въ такую необыкновенную пору, что невольно заставилъ всѣхъ вздрогнуть и прислушаться, какъ постепенно замирали въ ночномъ воздухѣ глухіе, переливные звуки, которые казались отзвукомъ голоса человѣ-

ческаго, но такимъ страшнымъ, такимъ безотраднымъ, какъ будто онъ напоминалъ людямъ, что звучитъ не на радость, а только напоминаетъ о чемъ-то неизбѣжномъ, неотвратимомъ. Можетъ быть, потому и былъ страшенъ этотъ крикъ мѣднаго горла, что раздавался онъ въ неурочное время, что въ темнотѣ проносился онъ надъ спящимъ селомъ и что кому-нибудь изъ слышавшихъ этотъ звонъ днемъ никогда уже больше не придется его услышать ни днемъ; ни ночью...

Марина съ испугомъ взглянула на отца, а потомъ на брата. Она знала что̀ означалъ этотъ крикъ мѣднаго горла въ ночную пору. Больной также съ какимъ-то страннымъ безпокойствомъ поглядѣлъ на окружающихъ, а потомъ на свою постель.

— Что это такое? спросилъ онъ почти шопотомъ.

— Это, мой другъ, звонятъ у Николы, отвѣчалъ отецъ съ невольной дрожью въ голосѣ.

— Зачѣмъ же?.. такъ поздно...

Больной испуганно глядѣлъ на отца. Звонъ долго не повторялся. Всѣ напряженно ждали втораго удара. Ждалъ его и больной, озираясь и прислушиваясь... Колоколъ ударилъ такъ же глухо и протяжно, и опять въ ночномъ воздухѣ долго замиралъ этотъ страшный, нечеловѣческій, но такой знаменательный крикъ...

— Кто это?.. Я? спрашивалъ больной, и хваталъ себя за голову.

— Это... по покойникѣ, другъ мой, отвѣчалъ старикъ.

— По покойникѣ... Развѣ я ужъ... умеръ? говорилъ больной съ ужасомъ, и снова бралъ себя за голову.—Это обо мнѣ звонятъ?

— Что ты, Митенька!.. Успокойся... Кто-нибудь умеръ на селѣ.

— А я... не умеръ еще?..

— Помилуй, дружокъ... Богъ милостивъ, тебѣ лучше...

— Кто-жъ это... не вывезъ телѣги? спрашивалъ больной.

— Не знаю, мой другъ... Кто нибудь скончался... Село большое.

Колоколъ снова ударилъ, но еще глуше, еще протяжнѣе.

Въ то же мгновенье въ комнату больнаго неслышными шагами вошла пожилая женщина. На лицѣ ея выражался такой тупой испугъ, что она по видимому ничего не сознавала, только глаза ея, едва она показалась на порогѣ, съ ужасомъ приковались къ постели больнаго. Волосы ея, прикрытыя чепцомъ, были въ безпорядкѣ и неровными

прядями падали на виски и на шею. Это была женщина плотная, высокая. Въ неуловимыхъ чертахъ лица ея проглядывала рѣшительность и твердость, хотя въ настоящую минуту лице это и боролось съ тайнымъ ужасомъ.

— Митенька!.. Охъ... голубчикъ мой, тихо, сдержанно простонала эта женщина и въ изнеможеньи опустилась въ кресло около постели.

— Слышите, звонятъ? спросилъ больной, обращаясь къ ней и протягивая руку по тому направленію, откуда донеслось три колокольныхъ удара.

— Слыхала, Митенька.

— Это не я умеръ? снова спросилъ больной.

Женщина по видимому готова была вскрикнуть; но она пересилила свой ужасъ, поднялась и нѣжно обхватила больнаго за плечи.

— Христосъ съ тобой!.. Христосъ съ тобой, говорила она, цѣлуя его въ голову.

— На меня вѣнчикъ положутъ... холодный вѣнчикъ... вѣнчикъ цѣловать будутъ...

И Бармитинова и Марина отошли въ темный уголъ комнаты и тихо плакали. У постели больнаго остались только мать и отецъ.

— Не говори ты этого, дорогой мой... не надрывай своего сердца, дитя мое бѣдное! Богъ дастъ, тебѣ будетъ легче: не до конца же онъ прогнѣвался на насъ и не накажетъ тебя за грѣхи наши, говорила мать, поправляя подушки сыну.

Старикъ Канадѣевъ, поглядѣвъ на часы, подошелъ къ лампадкѣ, взялъ стоящій на столикѣ пузырекъ съ лекарствомъ и сталъ отсчитывать свѣтлыя капли, которыя изъ пузырька переливались въ рюмку. Но руки у него дрожали, и онъ подошелъ къ дочери, которая, вмѣстѣ съ Бармитиновой, укрылась въ тѣнь за небольшія ширмы.

— Что, папа, не можешь налить? спросила Марина.

— Не могу—переливаю: руки дрожать.

— Бѣдный папа!—и она поцѣловала его дрожащую руку.

Старикъ нѣжно погладилъ голову своей любимицы.

— Дай я налью, сказала Марина, и взяла изъ рукъ отца пузырекъ и рюмку.

Больной видѣлъ это и горько улыбнулся.

— Лошадь завязла въ тинѣ... а они хотятъ давать ей капли, сказалъ онъ.—Смѣшно.

Лекарство было налито и поднесено больному. Онъ его выпилъ. Принятое ли лекарство произвело на больнаго успокоительное дѣйствіе или успокоеніе пришло само собой послѣ первнаго припадка и больной чувствовалъ физическое утомленіе, только черезъ нѣсколько минутъ онъ замолчалъ, а потомъ ровное и спокойное дыханіе дало знать находившимся въ комнатѣ, что онъ уснулъ.

Мать больнаго сдѣлала знакъ рукою, чтобы всѣ вышли изъ комнаты, и они вышли. Она одна осталась въ комнатѣ, чтобы прислушиваться къ дыханью спящаго сына.

XXVI.

Молодой Канадѣевъ взятъ былъ изъ дома умалишенныхъ по совѣту докторовъ, которые находили, что здоровье его начало нѣсколько возстановляться, чаще и чаще стали возвращаться къ нему минуты полнаго сознанія, а между тѣмъ, по мѣрѣ возвращенія разсудка, больнаго возмущала мысль, что его держатъ подъ присмотромъ прислужниковъ и подъ стражею какъ преступника. Рѣже и рѣже онъ началъ говорить о своихъ воздушныхъ экспедиціяхъ, о посѣщеніи его невѣдомою птицею и о своихъ болѣзненныхъ видѣніяхъ.

Съ возвращеніемъ разсудка онъ началъ искать какой-либо дѣятельности, которая заняла бы его тревожную, ищущую живой работы мысль. Онъ просилъ, чтобы ему позволено было чтеніе, и при этомъ требовалъ, чтобы дали ему такое чтеніе, изъ котораго бы онъ познакомился съ тѣмъ, что за время его болѣзни было сдѣлано въ Россіи и въ Европѣ. Но желанія его не могли удовлетворить, потому что онъ набрасывался на чтеніе слишкомъ лихорадочно, читалъ по цѣлымъ ночамъ, и чтеніе ему было запрещено.

Онъ просилъ, чтобы ему позволено было писать. Ему позволено было это занятіе. Но пользовавшій его докторъ скоро замѣтилъ, что и этому занятію больной отдался съ убійственной торопливостью и горячностью. Когда докторъ сталъ доказывать ему весь вредъ этого

увлеченья работой, больной раздражался, и въ такое время всякое сопротивленіе ему вызывало болѣзненные симптомы и опасное нравственное настроеніе.

Тогда докторъ написалъ родителямъ Канадѣва, что въ настоящемъ нравственномъ состояніи больнаго онъ находилъ бы болѣе полезнымъ окружить паціента такими условіями, которыхъ не могло быть въ распоряженіи доктора, но что всего лучше могло бы подѣйствовать на успокоеніе больнаго пребываніе въ семействѣ или же поѣздка за границу и такія развлеченія, которымъ больной могъ бы отдаться самъ того не замѣчая.

Отецъ Канадѣева исполнилъ совѣтъ доктора, съ которымъ былъ друженъ со школьной скамейки, и взялъ сына домой. Окруженный любящими его лицами, поддерживаемый нѣжною дружбою сестры и Бармитиновой, больной на первое время совершенно ожилъ. Такъ какъ въ продолженіе университетскаго курса онъ рѣдко пріѣзжалъ домой на каникулы, а потомъ на нѣсколько лѣтъ окончательно отдался усидчивымъ работамъ въ Петербургѣ и только переписывался съ сестрой, то, возвратясь въ свой родной домъ, онъ не могъ не поддаться благотворному вліянію со всѣхъ сторонъ оказываемыхъ ему ласкъ, и въ нравственномъ состояніи его произошелъ переломъ къ лучшему. По временамъ только онъ говорилъ, что скучаетъ по книгамъ, не знаетъ что̀ дѣлается на свѣтѣ, жаловался, что излѣнился, отсталъ отъ хода міровой жизни, не думаетъ и не чувствуетъ, какъ онъ шутя выражался, за одно съ человѣчествомъ, не дышетъ общечеловѣческимъ дыханьемъ, какъ дышалъ прежде, когда жилъ въ Петербургѣ и жадно пилъ изъ источника міровой духовной жизни. Ему шутя говорили, что пусть онъ на время попьетъ волжскую воду и подышетъ дыханьемъ варгунинскаго міра, что Варгуны и тихое Заволжье—такая же часть человѣчества, какъ и Петербургъ со всею Россіею, но что потомъ, набравшись силъ, онъ можетъ, какъ сказочный чертъ, горами качать и дышать дыханьемъ всего человѣчества.

О видѣніяхъ, которыя являлись ему въ болѣзненномъ состояніи, о таинственной птицѣ, которая навѣщала его, о его воздушныхъ полетахъ никто не упоминалъ, и онъ самъ не говорилъ о нихъ, какъ

будто болѣзненный бредъ, мучившій его нѣсколько лѣтъ, окончательно не остался въ его обновленной памяти.

Мало по малу ему дозволено было чтеніе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы читать вслухъ, вмѣстѣ съ сестрой и Бармитиновой, которая чаще всего навѣщала семейство Канадѣевыхъ. Такимъ образомъ у Канадѣевыхъ начались чтенія. Чтецомъ были или Марина или Бармитинова. Послѣ чтенія начинались толки, споры, сужденія о прочитанномъ. Канадѣевъ всегда поражалъ свое маленькое общество неожиданностью и рѣзкостью своихъ приговоровъ. Иногда во время чтенія онъ задумывался, «отсутствовалъ», какъ шутя говорила ему сестра и грозила пальцемъ.

— Ты гдѣ, Митя? спрашивала его иногда Марина неожиданно.

Дмитрій не всегда находилъ отвѣтъ на такой вопросъ.

— Ты куда сейчасъ уходилъ? спрашивала она снова.

— Я никуда не уходилъ, я здѣсь былъ, отвѣчалъ Дмитрій, приходя въ себя.

— Нѣтъ, ты леталъ куда-то... Ну, говори, гдѣ былъ, что видѣлъ?

Дмитрій улыбался и ничего не отвѣчалъ. Иногда онъ сознавался въ своихъ духовныхъ alibi:

— Я былъ въ Петербургѣ... въ публичной библіотекѣ, говорилъ онъ, встряхивая головой, какъ бы сгоняя со лба неотвязную муху.

— То-то, гадкій!.. А что дѣлалъ тамъ?

— Слушалъ, какъ кашляетъ блѣдный юноша надъ грудою книгъ.

И Марина и Бармитинова съ боязнью переглядывались.—Они догадывались, о какомъ блѣдномъ юношѣ говорилъ онъ.

Тогда его самаго заставляли читать вслухъ, чтобъ онъ не имѣлъ возможности «крылатою мыслью міръ облетать». Дмитрій покорялся и читалъ усердно.

Такъ какъ это было зимой, то Марина и Бармитинова нерѣдко приглашали Дмитрія кататься съ ними или на салазкахъ съ волжскаго берега, или на конькахъ. Движеніе на воздухѣ укрѣпляло больнаго; но часто, глядя, какъ сестра его скользила по льду на желѣзныхъ полозкахъ своихъ хорошенькихъ коньковъ, онъ задумывался и лицо его принимало опасное выраженіе.

— Митька, гадкій! ты опять убѣжалъ отъ насъ? спроситъ бывало сестра.

— Дмитрій Константиновичъ! поддержите меня, помогите подняться на гору, скажетъ бывало Бармитинова.

Дмитрій вздрагивалъ и оглядывался по сторонамъ.

— Ты гдѣ былъ? признавайся, пристаетъ сестра.

Дмитрій молчитъ.

— Говори, гдѣ былъ?

— Смотрѣлъ, какъ тотъ преступникъ, въ бѣломъ мѣшкѣ, катается по воздуху безъ коньковъ.

И Бармитинова и Марина опять догадывались о комъ онъ говоритъ, и имъ становилось страшно.

Но эти опасные симптомы рѣже и рѣже повторялись съ больнымъ, такъ что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи въ Варгуны онъ казался совершенно здоровымъ.

Однажды, во время чтенія, ему подали письмо, которое получено было въ Варгунахъ съ послѣднею петербургскою почтою. Дмитрій быстро вскрылъ письмо и жадно пробѣжалъ его глазами. И Бармитинова и Марина, которыя слѣдили за нимъ, замѣтили, что онъ сильно измѣнился въ лицѣ при чтеніи письма, и когда клалъ его потомъ въ карманъ, руки его сильно дрожали. Имъ овладѣло сильное волненіе, котораго онъ не могъ скрыть: то вставалъ и какъ бы порывался ходить по комнатѣ, но тотчасъ же вновь садился, то подходилъ къ окну и разсѣянно глядѣлъ на разстилавшуюся подъ окномъ бѣлую поверхность Волги, покрытой льдомъ и снѣгомъ. Зеленые глаза его стали какъ-то свѣтлѣе и прозрачнѣе, хотя смотрѣли нѣсколько сердито, а бѣлый лобъ оттѣнился какою-то особенною мыслью, которая вызывала рѣшимость, требовала исполненія.

— Откуда письмо, Митя? спросила Марина, которая знала, что братъ не имѣлъ отъ нея тайнъ.

— Изъ Петербурга, отвѣчалъ онъ, останавливаясь передъ Бармитиновой и задумчиво глядя ей въ лице.

— Вы что на меня такъ смотрите? спросила Бармитинова съ улыбкой.

Дмитрій немного подумалъ и отвѣчалъ: «Я вижу васъ въ первый разъ».

Бармитинова не знала какъ понять его слова, и смутилась. Марина съ боязнью подошла къ брату и положила ему на плечо свою маленькую ручку.

— А меня который разъ видишь? спросила она, зная, что шуткой своей она иногда развлекала больнаго.

— Тебя знаю съ дѣтства, отвѣчалъ онъ, и снова посмотрѣлъ на Бармитинову.

— Ужъ не касается ли меня это письмо, которое вы получили? спросила послѣдняя.

— Да, оно, касается... и васъ, отвѣчалъ Дмитрій.

— Кто же бы могъ писать обо мнѣ изъ Петербурга? сказала она въ раздумьи и стала припоминать всѣхъ, кто могъ ею интересоваться.— Не знаю, прибавила она задумчиво.

Дмитрій молчалъ. Волненье не оставляло его. По лицу Бармитиновой между тѣмъ успѣли пройдти и тѣни и свѣтъ, и глубокіе глаза ея отразили какую-то тревогу, охватившую ея душу.

— Вы знакомы съ Стожаровымъ? спросила она, не глядя на Дмитрія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Впрочемъ, я много объ немъ слышалъ и много объ немъ знаю.

Бармитинова опять задумалась.

— Митя! я вижу, ты начинаешь имѣть отъ меня тайны, сказала наконецъ Марина, надувая губки.

— Какія тайны?

— А письмо?

Дмитрій вынулъ письмо изъ кармана и, отдавая его сестрѣ, сказалъ: —читай.

— Нѣтъ, Митя, мнѣ совѣстно, возразила Марина, не рѣшаясь заглянуть въ чужое письмо:—тутъ есть что-то такое, что взволновало тебя.

— Можетъ быть и тебя взволнуетъ, отвѣчалъ Дмитрій.

— А Варю? спросила сестра.

— Варвару Григорьевну не взволнуетъ.

Марина рѣшилась заглянуть въ письмо. Она пробѣжала его глазами, взглянула на подпись, потомъ снова стала читать, причемъ лице ея вспыхивало...

— Кто онъ такой? спросила она.

— Блѣдный юноша, отвѣчалъ Дмитрій.

Марина съ испугомъ посмотрѣла на брата, потомъ на Бармитинову.

— Господи! они опять что-то затѣваютъ! вскричала она въ отчаяньи.

Дмитрій молча пожалъ плечами и снова сталъ ходить по комнатѣ.

— Варѣ можно прочесть? спросила Марина.

— Читай вслухъ, отвѣчалъ братъ.—Я увѣренъ, Варвара Григорьевна не скажетъ, что мы «что-то затѣваемъ».

Марина стала читать.

«Карамановъ правъ былъ, когда говорилъ, что я брошу и публичную библіотеку, и мой магистерскій экзаменъ, и мою дисертацію, лишь только меня обвѣетъ вѣтромъ нашихъ широкихъ полей да обхватитъ дымомъ курныхъ избъ, да когда я самъ, извѣдавъ нужду, извѣдаю всю глубину нуждъ народныхъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ я побывалъ тамъ у васъ, въ сердцевинѣ Россіи: меня обвѣяло русскимъ вѣтромъ, отъ меня отвѣяло эту затхлую, разъѣдающую мозгъ столичную атмосферу, и я извѣдалъ и дымную копоть курныхъ избъ и глубину нуждъ народныхъ.

«Я бросаю груды исписанныхъ мною здѣсь бумагъ, бросаю Петербургъ, бросаю и мою дорогую публичную библіотеку, въ которой такъ много работалось и много думалось, въ которой я и съ вами познакомился. Я иду туда, къ вамъ—служить не здѣшнимъ узкимъ, браминскимъ интересамъ, а великимъ интересамъ народа.

«Я много пережилъ послѣ вашего отъѣзда изъ Петербурга. Подъ вліяніемъ Караманова и Стожарова, какъ между молотомъ и наковальней, я выковался совершенно въ другаго человѣка, и не стыжусь признаться въ этомъ вліяніи. Этотъ молотъ и эта наковальня разбили мои лучшія, дорогія вѣрованія, за то, какъ изъ кремня огонь, вызвали изъ меня другія вѣрованья, болѣе дорогія, болѣе свѣтлыя.

«Какъ передъ пришествіемъ Христа ветхій міръ жаждалъ обновленія нравственныхъ законовъ, такъ онъ теперь жаждетъ обновленія законовъ экономическихъ, гражданскихъ. Слишкомъ тяжело становится жить людямъ. Въ воздухѣ накопилось слишкомъ много

электричества, и для того, чтобы не разразилась безсмысленная гроза надъ головами ничего невѣдающаго большинства, какъ гроза разражается, съ ливнемъ и градомъ, надъ крестьянскими полями и выбиваетъ до тла скудное крестьянское добро,—надо отводить грозу проводниками, и *мы* хотимъ быть проводниками накопившагося электричества.

«Развѣ вы не видите, что вездѣ повторяется исторія Рима передъ его паденіемъ? Эти по видимому безпричинныя самоубійства, почти безпрестанно повторяющіяся, особенно между молодежью, неслыханныя преступленія во всѣхъ сферахъ общества, разладъ въ сословіяхъ, въ семьѣ, въ литературѣ—развѣ вы не видите, что все расклеилось, все разшаталось, подгнило. Это тоже повтореніе Рима и его оргій: люди отравляютъ себя на пирахъ, убиваютъ себя въ винахъ, душатъ и рѣжутъ другъ друга.

«У насъ развѣ почти не тоже? Литература гоняется за типами, за идеалами, а ихъ нѣтъ. Ищутъ «новыхъ людей»—и находятъ самозванцевъ, которые сами называютъ себя «новыми людьми», но ихъ общество не признаетъ за искомыхъ «людей». Идетъ одно обличеніе идіотовъ и негодяевъ да неумѣлыхъ людей: Литвиновы, Потугины, Раскольниковы, Райскіе да Маркушки Волоховы—все это не то, чего намъ нужно, не то, *что у насъ есть*. Развѣ можно удовлетвориться туманными Загайными у Марка Вовчка, Загайными, которыхъ авторъ намъ не показываетъ, а показываетъ только ихъ комнату да сапоги? Развѣ Маркинсонъ, Оглобинъ да Теленьевъ Гирса! А *что* они сдѣлаютъ и *чему* они служатъ?

«Нѣтъ, литература не даетъ намъ живыхъ хорошихъ людей, не даетъ и идеаловъ для подражанія. Даже Рахметовы *теперь* устарѣли. Современнѣе всѣхъ Оглобинъ у Гирса, да онъ слишкомъ уже вросъ въ почву и не поможетъ росту народа, прозябающаго на этой почвѣ.

«А мы хотимъ помочь ему расти, и сами будемъ расти съ нимъ, сплетаясь корнями и вѣтвями и давая общіе плоды. Мы идемъ въ народъ, въ курныя избы, и будемъ тамъ жить, будемъ тамъ пахать и сѣять—не современныя идеи, а просто рожь, ячмень и пшеницу, а послѣ ужъ и идеи, если достаточно удобримъ почву, унавозимъ ее».

При послѣднихъ словахъ Марина улыбнулась.

— Ты что? спросилъ ее братъ.

— Такъ... Развѣ современныя идеи навозъ? отвѣчала она.

— Навозъ, серьезно сказалъ братъ;—за то навозъ помогаетъ росту и питанію... Мы считаемъ за честь называть себя скромнымъ именемъ навоза для будущихъ сѣятелей... Впрочемъ, читай дальше.

«Мы идемъ въ народъ не съ прокламаціями, какъ дѣлали наши юные и неопытные предшественники въ шестидесятыхъ годахъ (продолжала читать Марина). Мы идемъ не бунты затѣвать, не волновать народъ и не учить его, а учиться у него терпѣнію, молотьбѣ и косьбѣ. То были дѣти, а мы уже не дѣти: мы не вѣримъ ни въ благотворность французскихъ и испанскихъ революцій, ни въ благодѣтельность удобренія земли человѣческой кровью. Исторія научила насъ не вѣрить этимъ пустякамъ, какъ вѣрили наши предшественники. Мы просто идемъ слиться съ народомъ: мы бросаемъ себя въ землю какъ бросаютъ зерно, чтобъ зерно это взошло и уродило отъ самъ-пятъ до самъ-сто, какъ египетская пшеница.

«Мы бросаемъ города... Я бросилъ даже дорогую мнѣ публичную библіотеку—и идемъ жить въ деревни, «въ глушь», хуже чѣмъ «въ Саратовѣ». Точно такимъ образомъ нѣкогда пошли въ народъ рыбари и бондари (любимое выраженіе Караманова) и вотъ тысячу восемь сотъ шестьдесятъ девять лѣтъ ведутъ его за собою во имя того, во имя чего они сами шли. Точно такъ же пойдетъ народъ и за нами во имя того, во имя чего мы идемъ къ нему въ курныя избы.

«Мы бросаемъ даже книги, литературу, политику, женскій вопросъ... Пусть занимается этимъ кто хочетъ; кто *не способенъ* идти съ нами—тому и книги въ руки. Все это своего рода чиновники и ремесленники: подмастерья и мастера книжнаго, литературнаго цеха. Эти подмастерья, какъ александрійскіе ученые, забываютъ народъ, хоть и говорятъ о немъ жалкія слова и плачутъ о немъ издали изъ Петербурга да изъ разныхъ редакцій, отъ чего народу не легче.

«*Насъ* литература не знаетъ, оттого и не изображала еще насъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, не искажала нашихъ словъ, нашихъ намѣреній. Но скоро и насъ она узнаетъ, если только не будетъ продолжать изучать насъ изъ Петербурга.

«Оставляя Петербургъ, я не жалѣю о немъ, а напротивъ горжусь этимъ, горжусь моею побѣдою надъ собой. Англійскіе мисіонеры современной цивилизаціи не жалѣютъ даже покидать великолѣпный Лондонъ, чтобъ идти къ кафрамъ, готентотамъ и дикимъ индійцамъ, и потому успѣли покорить Англіи половину земнаго шара. Такъ намъ ли жалѣть о Петербургѣ и теряемомъ нами наслажденіи слышать Патти и Луку? За то мы услышимъ Лукерью да Карпа, а это побольше Лукки и Патти.

«Мнѣ Карамановъ писалъ, что они съ Стожаровымъ уже начали *наше* дѣло. А вы *что* сдѣлали, дорогой мой Дмитрій поволжскій? (какъ я привыкъ васъ называть).

«Свой адресъ я вамъ сообщу, когда найду *мою* ниву, на которую я долженъ лечь навозомъ.—До свиданія.»

Марина остановилась.

— А что значитъ, Митя, два П.? спросила она.

— Вѣроятно, post scriptum, отвѣчалъ братъ.

Марина задумалась.

— Гмъ... все по новому, сказала она:—по русски... Ужъ какіе!..

Въ post scriptum было сказано: «А у васъ тамъ, говорятъ, есть уже и женщины-*люди*... Давно пора!»

Глаза Марины сверкнули.

— Женщины-*люди*!... Какъ это мило... Точно мы не люди, а звѣри, сказала она и отвернулась. Потомъ, обратившись къ Бармитиновой, она съ ласковой улыбкой прибавила: это вотъ она—*люди*.. Я теперъ тебя, Варя, буду всегда называть *людьми.*»

И она бросилась цѣловать Бармитинову. Дмитрій молчалъ и поглядывалъ то на Бармитинову, то въ окно на снѣжную Волгу.

— Ужъ вижу, что затѣваете что-то, сказала вдругъ Марина, подходя къ брату, и, положивъ руки къ нему на плечи, ласково глядѣла въ его зеленые, задумчивые глаза.—Смотри, Митюкъ, я мамѣ скажу.

— Что-жъ, говори,—это ни чему не поможетъ, отвѣчалъ Дмитрій задумчиво.—Я увѣренъ, напротивъ, что и ты скоро сдѣлаешься человѣкомъ.

— То-есть «людьми», какъ пишетъ твой другъ? сказала Мари-

на шутливо. — Что-жъ, ты думаешь, я пойду въ артель или въ комуну?

— Нѣтъ, это старо, да и не ведетъ ни къ чему.... Комуна и артель — это переходныя формы общественнаго строя, какъ убѣжище для бѣдняка или какъ биржа для поденьщика. Мы уже переживаемъ форму комуны и артели: мы хотимъ идти дальше.

— Куда же мнѣ идти, Митя? спросила Марина съ любопытствомъ.

— Туда куда я пойду, отвѣчалъ братъ.

— Такъ и мнѣ быть навозомъ? сказала она смѣясь.

— Да, навозомъ.

Почти все это время Бармитинова молчала. Она внимательно слушала чтеніе письма и глядѣла на Марину. Только при нѣкоторыхъ фразахъ письма брови ея нѣсколько сдвигались, а когда письмо упомянуло о Карамановѣ и Стожаровѣ, руки ея, положенныя на колѣни, крѣпко сжали одна другую. Губы ея едва замѣтно дрогнули, когда Марина прочитала: «А у васъ, говорятъ, есть уже и женщины-*люди*».

— Да, Мариночка, слово навозъ—некрасивое слово, но рано-ли, поздно-ли этотъ навозъ сдѣлаетъ свое дѣло, сказала она при послѣднихъ словахъ Дмитрія. — Карамановыхъ и Стожаровыхъ еще очень мало, но уже хорошо то, что они есть. Надо только, чтобъ имъ помогала женщина, а къ несчастью женщина до сихъ поръ только портила и разрушала то, что создавалъ мужчина.

— Ахъ, Варя! да я согласна съ тобой, только что жъ мнѣ дѣлать, чтобы быть человѣкомъ или навозомъ, какъ вотъ Митя называетъ? спросила она съ какимъ-то дѣтскимъ отчаяньемъ въ голосѣ.

— Не быть только похожей на прежнихъ женщинъ и... работать на другихъ, отвѣчала Бармитинова.

Между тѣмъ и та и другая не могли не замѣтить, что Дмитрій приходилъ все въ большее и большее волненіе. Онъ бралъ письмо, пробѣгалъ его глазами и по нѣскольку разъ бормоталъ отдѣльныя фразы. «Рахметовы устарѣли... Да и гдѣ онъ? Что онъ сдѣлалъ для Россіи?.. Отдалъ свои деньги на какое-то заграничное изданіе, точно не могъ найдти имъ лучшаго мѣста...

«Отдалъ бы своимъ мужикамъ, а то нѣтъ, увезъ заграницу...

Помѣщикъ!.. Гдѣ же люди?.. Потугинъ? Э! какой онъ человѣкъ! Поклоняется своей Иринѣ да западной цивилизаціи, а палецъ объ палецъ не ударитъ... Такихъ намъ не надо... не надо и Райскихъ: они весь вѣкъ гоняются за юпками... Такихъ бы молодцовъ въ рабочій домъ сажать вмѣстѣ съ Маркушками Волоховыми... Развѣ Оглобинъ? Да онъ самъ сознается, что ни къ чему не способенъ... Нѣтъ, это лучшій человѣкъ... А вѣдь какъ посмотришь кругомъ, тошно станетъ: всѣ пошли въ чиновники—гласные, мировые судьи, литераторы, ученые, учителя... все это чиновники, а не люди.... Одинъ Оглобинъ»...

Онъ остановился, замѣтивъ, что и Марина и Бармитинова смотрятъ на него съ удивленіемъ.

— Ты что бормочешь, Митя? спросила Марина, боясь возбужденности брата.

— Не я бормочу, а бормочетъ русская литература, отвѣчалъ онъ порывисто, останавливая на сестрѣ свои зеленые глаза. — Она говоритъ безсвязными намеками, полуфразами да экивоками. Ея обязанность—учить русскую молодежь, сказать ей что̀ она должна дѣлать, указать ей ея дорогу. А наша литература только рисуетъ негодныхъ людей да обличаетъ... Мы сами знаемъ, что у насъ много гадкаго, а для разоблаченія этого гадкаго есть особая печать—газета. А наша белетристика должна учить насъ — не насъ, положимъ, потому что мы сами кое-что знаемъ, а тѣхъ, которые ощупью ищутъ своей дороги—и не находятъ ее. Художество художествомъ, а дѣло дѣломъ...

— Ваши слова отзываются стариной — нигилизмомъ, замѣтила Бармитинова.

— Не стариной, не нигилизмомъ... Нигилизмъ, какъ и романтизмъ, какъ и крѣпостничество въ Россіи заносятся уже архивной пылью, горячо возразилъ на это замѣчаніе Дмитрій, приближаясь къ Бармитиновой.—Я говорю вотъ о чемъ: молодость любитъ подражать, и безъ подражанья молодость немыслима... Хоть она и бунтуетъ иногда противъ офиціальнаго профессора и учителя, противъ начальства и опеки, но у нея всегда есть тайный предметъ культа, тайный профессоръ, тайный нравственный начальникъ, которому она слѣпо вѣритъ и которому подражаетъ... Въ свое время Печоринъ

былъ срисованъ съ живаго лица, если не съ одного, то въ немъ были представлены черты ходячихъ личностей. Послѣ Печорина студенты и офицеры стали подражать Печорину—это факты, грустные, правда, но факты... Лопуховъ, Кирсановъ и Рахметовъ были тоже рефракторами, если не живыхъ лицъ, то ходячихъ идей шестидесятыхъ годовъ—и Лопуховы, Кирсановы и Рахметовы нашли подражателей, какъ нашла подражательницъ и Вѣра Павловна... Я эти лица знаю, видѣлъ ихъ, жилъ съ ними...

— Одну изъ нихъ вы теперь видите, вставила свое слово Бармитинова.

— Кто это, Варя? съ любопытствомъ спросила Марина.

— Я, отвѣчала та.

— И я немножко, Варя—и Марина закрыла руками лице, которое вспыхнуло.

— Да? спросилъ Дмитрій, обращаясь къ Бармитиновой.

— Да... Но это было давно—въ дни моей юности... Теперь я переросла Вѣру Павловну.

— А Базарову развѣ не подражали? продолжалъ Дмитрій.—Развѣ не продолжаютъ подражать втайнѣ?

— Гимназисты только да кадеты, замѣтила Бармитинова.

— А это развѣ мало! возразилъ горячо Дмитрій.—А кому теперь они подражаютъ и кому имъ подражать? Вѣдь прежніе образцы устарѣли для нихъ... Мы все-таки подвинулись впередъ, выросли. Впрочемъ, намъ не нужно образцовъ — мы уже выросли изъ стараго платья Рахметовыхъ, Базаровыхъ и tutti quanti.—А они-то, подрастающіе, нуждаются въ образцахъ, какъ институтки въ обожателяхъ. Имъ нужна путеводная звѣзда, которой бы они поклонялись втайнѣ, потому что молодость болѣе всего любитъ поклоняться тайнымъ кумирамъ, хотя и сбрасываетъ съ пьедестала явныхъ, всѣми признанныхъ... Молодости нужно вздыхать по комъ-нибудь, по Бѣлинскомъ-ли, по Добролюбовѣ или по Писаревѣ. Но этихъ уже нѣтъ— и она, растительная, вегетальная молодость ищетъ ихъ въ литературѣ, если не находитъ въ жизни. А какіе образцы даетъ имъ современная литература! Гдѣ въ ней идеалы?

Онъ остановился, какъ будто припоминая что-то. Руки его, продолжавшія держать письмо, дрожали.

— Не въ романахъ же Гончарова, въ самомъ дѣлѣ, не у Авдѣева же и не у Тургенева? Что-жъ, размазня Камышлинцевъ развѣ можетъ быть идеаломъ? Да всѣхъ ихъ возьмите — все это узенькія лица съ узенькимъ міровозрѣніемъ, людишки, надѣвающіе сапоги не по ногамъ и шляпу не по головѣ... У любаго нынѣшняго гимназиста изъ Ларинской гимназіи и задатки прочнѣе, и шире міровозрѣніе, и цѣли глубже, дѣйствія устойчивѣе... Вѣдь не все же литература должна выводить на свѣтъ божій уродовъ, капитановъ Копейкиныхъ да сластолюбивыхъ Райскихъ—мы и безъ того знаемъ, что у насъ въ Россіи есть уроды и знаемъ, *какіе* это уроды и *гдѣ* они водятся. Не все же держаться за «Шинель» Гоголя да хохотать надъ идіотами, выказывать заѣденныхъ средою, клеймить раскольниковъ — на это есть полиція да мировые судьи да острогъ. Зачѣмъ же изъ литературы острогъ-то дѣлать да камеру мироваго судьи? Для такой литературы годятся и чиновники да полицейскіе служители. А вы дайте намъ другихъ людей...

Дмитрій приступалъ съ своимъ требованіемъ къ Бармитиновой, какъ будто отъ нея зависѣло дать этихъ людей.

— Да гдѣ-жъ Варя возьметъ ихъ, Митя? замѣтила Марина смѣясь.

— А если ихъ нѣтъ? задумчиво спросила Бармитинова.

— Нѣтъ, есть... Я вамъ укажу на нихъ... Только они не рисуются, не бросаются въ глаза... Одного изъ нихъ вы знаете...

Бармитинова скользнула какимъ-то холоднымъ взглядомъ по лицу Дмитрія, и встала.

— Литература—не выдумщица, сказала она спокойно:—она должна передавать вещи и людей какъ они есть... Зачѣмъ намъ идеалы? Намъ нужны живые люди—не герои въ мантіяхъ, а простые люди въ пальто и сапогахъ.

— Э! старая пѣсня, которую пѣлъ еще покойный «Современникъ...» Это давно было... А между тѣмъ самъ же Чернышевскій рисовалъ «новыхъ людей» и даже болѣе — «людей будущаго...» У насъ есть живые идеалы, и они не въ мантіяхъ ходятъ и не въ сандаліяхъ, а просто въ сапогахъ, ходятъ между нами и задѣваютъ насъ своимъ плечомъ, на мозоль намъ наступаютъ.

— А если есть, то литература дурно дѣлаетъ, что не показываетъ ихъ намъ, замѣтила Бармитинова.

— Дурно! Въ томъ-то и горе ея, что лучше-то она не умѣетъ? продолжалъ Дмитрій.—Всѣ романисты—художники, а художники всегда были... плохими мыслителями и мало учились... Имъ удается всегда только схватить наружность человѣка, его костюмъ, его привычки, а что̀ думаетъ этотъ человѣкъ, особенно если онъ видитъ дальше и глубже художника, да думаетъ о томъ, о чемъ художнику и во снѣ не снилось—это уже не по плечу художникамъ и этого они не передадутъ. Да настоящихъ-то людей художники и не поймутъ — это не про нихъ писано, это выше ихъ разумѣнія... Да что и толковать! Настоящіе-то люди и говорить не станутъ съ художниками: какъ молодежь удаляется отъ стариковъ, такъ и настоящій человѣкъ не легко выскажется передъ тѣмъ, кто не его поля ягода, въ комъ онъ подозрѣваетъ рутинную закорузлость.

Дмитрій волновался все болѣе и болѣе. Болѣзненная возбужденность проявлялась въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи. Марина начинала съ безпокойствомъ наблюдать за нимъ.

— Кто же долженъ изображать такихъ людей? спросила Бармитинова.

— Тотъ кто ихъ знаетъ, передъ кѣмъ они не скрываются... Только мыслитель можетъ намъ дать идеалъ человѣка и дѣятеля.

— Такъ не Стюарту ли Миллю прикажете быть романистомъ, возразила Бармитинова.

— Отчего-жъ и не такъ... Порядочные люди скорѣй бы пошли за идеалами Милля, чѣмъ за идеалами Дюма.

— Въ такомъ случаѣ, по вашему мнѣнію, всѣмъ великимъ философамъ, историкамъ, натуралистамъ и экономистамъ слѣдовало бы подѣлаться романистами.

— Конечно, лучше *имъ* быть романистами, чѣмъ такими, которые ничему не учились... Да вотъ вамъ примѣръ: Чернышевскій былъ далеко не художникъ... Филологія, философія, политическая экономія, критика, общественные вопросы — вотъ надъ чѣмъ онъ работалъ, вы это знаете. А между тѣмъ его единственный романъ, который онъ успѣлъ написать, возбудивъ бурю негодованія художниковъ, потащилъ за собою все тогдашнее молодое поколѣніе, потому что въ этомъ романѣ были не только «новые люди», какъ онъ ихъ называлъ, но и «люди будущаго», идеалы... Только хорошій

критикъ и ученый можетъ быть хорошимъ романистомъ. Пиши романы Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ, пусть будутъ романистами всѣ свѣтила науки...

— Ахъ, Митя, какой ты! возразила Марина, взявъ его за руки;— да не разорваться же свѣтиламъ науки—пиши и романы, и ученыя статьи... Да не увлекайся ты, Митенька! вонъ у тебя какія горячія руки... А какая голова-то горячая (она приложила свою руку къ его головѣ)—у тебя жаръ... Ты напугаешь маму.

Бармитинова поняла, что въ такомъ возбужденномъ состояніи разговоръ можетъ быть опасенъ для Дмитрія. По его словамъ она видѣла, что онъ начинаетъ забываться, что высказываемыя имъ сужденія слишкомъ крайни для здороваго человѣка.

— Жаръ! жаръ! говорилъ онъ какъ бы въ забытьи;—пусть лучше горитъ мозгъ, чѣмъ замерзаетъ, какъ онъ замерзъ у большинства... Я отправляюсь къ нимъ, я хочу съ ними работать.

— Съ кѣмъ, Митя? спросила Марина.

— Съ Карамановымъ, съ Стожаровымъ...

— Нѣтъ, я не пущу тебя...

Онъ рванулся, какъ бы его въ самомъ дѣлѣ удерживали.

— Куда ты, Митя?

— Мнѣ душно здѣсь, жарко... Я хочу освѣжиться.

— Будьте осторожнѣе, говорила Бармитинова, подходя къ нему:— вы простудитесь.

— Я слышу шумъ въ головѣ... Это... птица шумитъ своими крыльями... Это она, я слышу, я скоро... увижу ее, говорилъ онъ, глядя кругомъ какими-то растерянными глазами.

И Марина и Бармитинова съ ужасомъ глядѣли на него. Ни та, ни другая не успѣли опомниться, какъ онъ исчезъ изъ комнаты.

Гдѣ онъ былъ, что̀ дѣлалъ—никто этого не могъ узнать. Только онъ пропадалъ нѣсколько часовъ. Перепуганная Марина просила отца послать розыскивать его, но поиски остались тщетными. Думали, что онъ ушелъ въ степь или перебрался за Волгу. Боялись даже, что въ болѣзненномъ припадкѣ онъ бросился въ прорубь или ушелъ искать Караманова и Стожарова. Но поздно вечеромъ онъ воротился и на всѣ вопросы отвѣчалъ какъ-то странно, загадочно. Въ эту же ночь онъ слегъ и черезъ нѣсколько недѣль былъ уже въ томъ без-

надежномъ состояніи, въ которомъ мы его видѣли въ полуосвѣщенной комнатѣ.

XXVII.

Наконецъ прошла и зима, въ продолженіе которой на Тарлыкѣ, въ бѣдной избушкѣ, занесенной снѣгомъ, не смѣли даже упоминать имени пропавшаго безъ вѣсти Матвѣя Таволгина, съ которымъ мы въ послѣдній разъ встрѣтились на пароходѣ, когда онъ вытаскивалъ изъ Волги утонувшаго Кузю Ногина, «земскаго ученика».

Въ концѣ великаго поста въ тарлыцкую избушку забрела Макрида-странница, которая, по ея собственному выраженію, трепала грѣхи свои, аки посконь, по святой и грѣшной землѣ, ступаючи въ слѣдъ ступни отъ ноги праведника и грѣшника, то есть таскалась по городамъ, селамъ и скитамъ раскольничьимъ, лебезила передъ свѣтильниками горящими и огарками дымящими вѣры правой, то есть передъ милостивцами духовными и міррянами, и подъ конецъ зимы опять пробралась въ Поволжье, на Иргизы и на Тарлыкъ.

Только при ней Мавра осмѣлилась заговорить о своемъ пропавшемъ сынѣ, но получила неутѣшительныя вѣсти.

— Не видала ли ты, матушка, на вольномъ свѣту моего Мотеньку, не проносилъ ли полемъ, лѣсомъ, дорогою широкою воронъ костей его бѣлыхъ? спрашивала она Макриду.

— Воронъ утрось принесъ его грѣшную кость подъ окно, такъ я собакѣ отдала, проворчала старуха бабушка, которая начинала заговариваться отъ старости.

— Охъ, матушка! зачѣмъ ты мнѣ не отдала его косточки? говорила мать, тяжело вздыхая.

А Макрида, звеня своимъ желѣзнымъ поясомъ, говорила:

— Видала я, Маврынька-матушка, его тѣло бѣлое, грѣшное, а костей его у ворона въ черномъ клювѣ не видывала.

— Гдѣ же ты видала его, святая душа? спрашивала Мавра.

— Видала я, какъ онъ ступалъ во слѣдъ ступни отъ грѣшной ноги, отвѣчала Макрида многозначительно.

— А живъ ли онъ, горемычный мой? говорила мать.

— Живъ былъ... Тѣло его яствіями и питіями прохлаждалось, а душа его черная аки галица, въ костяхъ у коршуна трепыхалася.

— Какъ я голубя разорвала, такъ его душу коршунъ когтями рветъ, прибавила какъ бы про себя слѣпая старуха.

— Видала я его, мать моя, Мотьку-то, въ видѣніи страшномъ.. Ѣдимъ мы это на пароходѣ, на кораблѣ бѣсовскомъ: бѣсы-то черные по палубѣ, аки пасажиры, похаживаютъ, людей блазнятъ, а аньделы-то свѣтлые, аки голуби распуганные, за пароходомъ летятъ, сѣсть на него не смѣютъ, потому бѣсы на палубѣ. И хожу я промежъ бѣсами, аки овца промежъ волками, и бѣсы меня не трогаютъ... И вижу я, мать моя, младенецъ въ Волгу упалъ—словно камень ко дну пошелъ: Ногина-то старика внучекъ въ воду упалъ. И увидали это аньделы, что за пароходомъ-то летѣли, какъ увидали, жаль стало души младенческой, и замахали они крылышками своими бѣлыми, и спустились къ Волгѣ—душу человѣческую, значитъ, спасать. Бѣсы-то, что на палубѣ ходили, и взъѣлись на это: рады они были, что младенецъ въ воду упалъ. Откуда ни возьмись, мать моя, Мотька твой промежъ бѣсами похаживаетъ какъ свой человѣкъ да на Волгу поглядываетъ... Бѣсы его возьми да и спихнули въ Волгу... бултыхъ!...

Изъ груди матери вырвался крикъ ужаса. Она, какъ безумная, схватила Макриду за руку и безсмысленно глядѣла на нее.

— Утонулъ, пробормотала слѣпая старуха,—и костей нѣтъ.

— Говори!... Утонулъ? утонулъ? кричала Мавра, не выпуская изъ рукъ своихъ руку Макриды.

— Раки глаза выѣли, раки кости гложутъ, клешнями сердце рвутъ, какъ я голубя разорвала, бормотала слѣпая.

— Говори же... Я умру! кричала Мавра.

Макрида освободила свою жирную руку изъ рукъ Мавры и, закатывая свои заплывшіе жиромъ глазки, вздохнула изъ глубины перепоясаннаго желѣзнымъ обручемъ желудка.

— Вода его не приняла, а можетъ Богъ услышалъ мою грѣшную молитву, сказала Макрида. — Какъ бѣсы-то спихнули твоего Мотьку въ воду и стали плескать радостно руками, восклицая гласомъ веліимъ: «намъ упалъ! намъ упалъ!» — возвела я духовныя очи

мои горѣ и помолилась о спасеніи Мотьки. И бысть чудо: откуда ни возьмись баринъ какой-то подбѣжалъ ко мнѣ грѣшной, снялъ шапку, а голова-то у него словно точеная,—и говоритъ мнѣ: «помолись обо мнѣ, раба божія»—и съ тѣмъ словомъ бултыхъ въ воду. Я, мать моя, помолилась, а бѣсы-то, глядя на меня, зубами скрежещутъ, а взять-то меня не смѣютъ, потому вереги на мнѣ святыя. Вотъ аньделы-то спустились къ водѣ, чтобъ спасти души христіянскія, а бѣсы-то за ними. И началась надъ самой-то водой война промежъ бѣсовъ и аньделовъ: отъ бѣсовъ, какъ отъ собакъ, клочья шерсти летятъ, а отъ аньделовъ бѣлыя голубиныя перушки. Только аньделы, мать моя, побѣдили, и бѣсы, поджавъ хвосты, аки псы смердящіе, удалились... Тутъ приспѣлъ и Гриднихи сынъ, Василій, и велѣлъ лодку спустить на воду... Такъ въ лодку-то и вытащили изъ воды младенца и барина съ точеной-то головой...

— А Мотю? спросила мать, чуть дыша.

— И Мотьку вытащили, отвѣчала Макрида.

— Куды-жъ послѣ дѣвался Мотя? спрашивала Мавра.

— Съ Гридневымъ уѣхалъ да съ точеной головой... А на меня и попустись единъ бѣсъ, за то что за души-то христьянскія молилась. «Я тебѣ, говоритъ, глаза исткну!..» Я заградила ему уста—ну, и не исткнулъ.

Вотъ все что могли узнать о Матвѣѣ на Тарлыкѣ.

Молодой Гридневъ привезъ его съ собой въ Петербургъ, устроилъ его на квартирѣ Серпороева и поручилъ его одному учителю, своему бывшему товарищу, съ тѣмъ чтобы Матвѣя подготовить къ пріемному экзамену въ университетѣ. Самъ же Гридневъ уѣхалъ за границею для выполненія своихъ комерческихъ плановъ, о которыхъ онъ говорилъ на пароходѣ съ Стожаровымъ.

Но вотъ вскрылась и Волга. Варгунинская пристань очистилась отъ льда и зимовавшіе тамъ пароходы опять зашипѣли, опять стали раздаваться свистки...

Свистки эти болѣзненно рѣзали одно сердце—сердце Бармитиновой. Она чево-то ждала, и это ожиданіе почему-то связывалось съ приходомъ парохода.

А вотъ почему была такая связь между ея сердцемъ и приходомъ въ Варгуны парохода. Въ продолженіи зимы она получала частыя,

мелко исписанныя письма. Надъ этими письмами и надъ отвѣтами на нихъ она просиживала нерѣдко длинные зимніе вечера, и старая Кузьминишна часто заставала ее въ слезахъ, которыя капали на мелко исписанные листки бумаги. Отвѣты на эти письма имѣли на пакетахъ адресъ: «На кологривскую станцію такой-то губерніи и уѣзда, для передачи въ деревню Оболонье, Григорью Борисовичу Стожарову.» Стожарововъ съ каждой почтой сообщалъ своей Варенькѣ о положеніи его дѣлъ со времени пріѣзда на родину. Онъ не скрывалъ отъ нея тѣхъ трудностей, которыя онъ встрѣтилъ, когда его соціальныя доктрины изъ теоретическихъ должны были сдѣлаться прикладными, когда выработанныя имъ убѣжденія должны были столкнуться съ практической жизнью и съ тяжелою артилеріею рутины, предразсудковъ, исторически установившихся формъ, которыя превратились въ цѣпи, и съ еще болѣе тяжелою артилеріею человѣческой глупости. Онъ писалъ, что пока цѣли, для которыхъ онъ работалъ почти со школьной скамьи, для которыхъ отворачивался, какъ отъ страшнаго призрака, отъ своего личнаго счастья, не будутъ достигнуты, онъ не протянетъ рукъ къ этому счастью, потому что оно на всю жизнь будетъ отравлено сознаніемъ безсилія его ума, неприменимости теорій, для него казавшихся вѣскими, такъ какъ онъ добылъ ихъ годами тяжелой работы, «купилъ на вѣсъ своей собственной крови.» Въ послѣднихъ его письмахъ было много недосказаннаго, хотя онъ и прибавлялъ, что его «великій опытъ» уже начинается, что съ весной, вѣроятно, дѣло его обозначится окончательно, и тогда «Сизифъ вкатитъ на гору тотъ золотоносный камень, который раздавилъ уже столькихъ гигантовъ, а тамъ—Волга, пароходъ и... самая лучшая учительница самаго лучшаго земскаго училища...»

Волга вскрылась ото льда. Уже не первый разъ отзывается въ сердце Вареньки пароходный свистокъ; но тотъ, кого она ждала, не приходилъ: вѣрно Сизифъ еще не вкатилъ на гору своего непосильнаго камня, да и вкатитъ ли когда-нибудь? не раздавитъ ли его этотъ камень, какъ онъ раздавилъ уже многихъ? Варенька нерѣдко проходитъ около пристани, вглядывается въ пріѣзжающихъ пасажировъ, но не видитъ ни знакомой фигуры широкоплечаго Сизифа, ни его точеной головы.

Вотъ и сегодня она вышла съ Мариной погулять по своей любимой береговой ложбинѣ, которая еще такъ недавно была занесена снѣгомъ, и на которой еще такъ недавно торчали изъ подъ снѣга оголенныя тычинки кустарника. Изъ земли уже начинаетъ выползать первая зелень и тянуться къ солнцу, какъ будто этотъ жалкій пырей и этотъ тонкостебельный подснѣжникъ можетъ дотянуться до солнца. И солнце, и небо, и всѣ звуки оживающей природы — все это возбуждало ожиданіе чего-то хорошаго, свѣтлаго, радостнаго, во всемъ этомъ сказывались зачатки новой жизни. Въ птичьемъ крикѣ, въ нестройномъ, разноголосомъ и какомъ-то задорномъ кваканьѣ лягушекъ слышалось такъ много мелодіи, что самый строгій музыкальный слухъ не замѣтилъ бы въ этихъ звукахъ природы диссонанса, недостатка художественнаго выраженья жизни.

И Варенька и Марина сидятъ у корня того дерева, подъ которымъ мы ихъ видѣли въ прошломъ году, хотя вѣтви этого дерева еще не успѣли покрыться зеленью. Лице Вареньки кажется еще блѣднѣе, взглядъ сосредоточеннѣе, чѣмъ это было въ прошломъ году. Остриженная коса успѣла уже подрости, но не завитая и не подобранная подъ какую либо сѣть или прозрачную покрышку, она падаетъ на плечи и шевелится при малѣйшемъ дуновеньи вѣтерка. Лице Марины, въ которомъ еще такъ недавно было много дѣтскаго, какъ бы возмужало къ веснѣ, очертилось какъ-то отчетливѣе, строже, а взглядъ сталъ такимъ кроткимъ и такимъ глубокимъ, какъ будто маленькая Мариночка и не была никогда ребенкомъ.

Въ сторонѣ отъ нихъ, ближе къ Волгѣ, на сѣромъ, гладкомъ пригоркѣ сидитъ Дмитрій. Лице его носитъ слѣды недавней, тяжкой болѣзни. По временамъ онъ къ чему-то прислушивается и встряхиваетъ головой, какъ бы желая согнать со лба докучливую муху или вытряхнуть изъ головы такую же, какъ муха, докучливую мысль. Иногда онъ оглядывается на сидящихъ подъ деревомъ дѣвушекъ, и тогда взглядъ его принимаетъ выраженіе нѣжное, но такое грустное, какое бываетъ у людей, когда они прощаются съ чѣмъ либо близкимъ, дорогимъ, и прощаются надолго.

— Я много думала объ этомъ, Варя, много плакала даже, а все не вижу никакого выхода, говоритъ Марина, и въ глубокомъ взгля-

дѣ ея дѣйствительно выражается раздумье, и раздумье скорбное, чего за ней прежде не замѣчала Бармитинова.

— Да, выхода нѣтъ... Одинъ выходъ... замужъ, отвѣчаетъ эта послѣдняя, и думаетъ о чемъ-то другомъ.

— И только?

— И только... Полюбишь кого-нибудь, выйдешь замужъ... А тамъ любовь мужа, заботы объ немъ и о дѣтяхъ...

— А дальше, Варя?

— Дальше нѣтъ—это все.

Марина молчитъ. Мысль ея не можетъ помириться съ тѣмъ что ей предлагаетъ жизнь, и она снова думаетъ, думаетъ... Недаромъ молодое личико ея возмужало, очертилось рѣзче и строже...

— И у мамы все было—это мы... Всю жизнь свою она вложила въ насъ, въ заботы о насъ, о нашемъ воспитаніи. А что вышло?—Вонъ Митя... ты сама все знаешь... Я—тоже.... не похвалюсь счастьемъ... И вотъ всѣ заботы мамы ни причемъ—ей же горе... А можетъ быть безъ ея заботъ объ насъ и онъ былъ бы не то что теперь, и я не то что я, говоритъ опять Марина.

— Да, можетъ быть и лучше было бы, отвѣчаетъ Бармитинова, и свою думаетъ думу.

— Въ чемъ же выразилась жизнь самой мамаши, гдѣ результаты этой жизни? Что собственно сдѣлала она въ свою жизнь и счастлива ли, утѣшена ли тѣмъ, что сдѣлала? Вѣдь нѣтъ, Варя?

— Кажется, что нѣтъ.

— И вотъ потому-то мнѣ жаль ее...

— Но вѣдь это участь всякой женщины, замѣтила Бармитинова, продолжая думать о чемъ-то своемъ.

— Ахъ, Варя милая! эта-то участь и мучитъ меня, объ ней-то я и думаю... Говорятъ, призваніе женщины — любовь и дѣти. Какъ это пошло и узко, какъ оскорбительно это! Вѣдь любовь и дѣти есть и у мужчины, но ему этого мало—и онъ правъ. Любовь и дѣти не поглощаютъ его всего, какъ крота поглощаетъ рытье подъ землею. У него есть дѣло, есть трудъ... Вдумайся ты, милая, ради бога во всякую женскую жизнь...

— Вдумывалась.

— И что-жъ?

— Сначала плохенькое пріобрѣтеніе плохенькихъ познаній гдѣ-нибудь въ институтѣ или даромъ въ гимназіи, чтобъ потомъ тотчасъ же забыть этотъ нищенскій запасъ плохенькихъ знаній, такъ какъ въ жизни эти знаньица окажутся непримѣнимыми. Брянчанье на ройялѣ, чтобъ потомъ забыть и это брянчанье. Потомъ выѣзды, съ спеціальной цѣлью понравиться, найдти себѣ содержателя на всю жизнь.

— Какъ это оскорбительно, Варя!

— Да, оскорбительно... Но оскорбительнѣе всего то, что мать тѣмъ болѣе считаетъ себя неоскорбленною, необиженною за честь своей дочери, а тѣмъ болѣе почтенною, тѣмъ болѣе счастливою, чѣмъ болѣе мужчинъ возбуждаются при видѣ ея дочери, чѣмъ болѣе такихъ, которые желали бы имѣть ея дочь... Понимаешь ты всю грубость этихъ словъ и понятій, Мариночка?

— Понимаю, Варя: мамаша меня предостерегала намеками—и я поняла все.

— Такимъ образомъ, продолжала Бармитинова, когда дѣвушка нашла себѣ содержателя, ее беретъ этотъ содержатель къ себѣ, вмѣстѣ съ приданымъ, если есть, а нѣтъ—одно ее беретъ... Пойдутъ дѣти и—пресловутыя заботы о нихъ, которыя тоже ни къ чему не ведутъ. Замѣняетъ мать кормилицей, нянькой и гувернанткой, дѣти и отъ этого бываютъ не въ проигрышѣ... А тамъ начинается ученье, учителя — и опять-таки не мать. Гдѣ же мать? Что она дѣлаетъ? Внушаетъ добрую нравственность дѣтямъ? Э! да это дѣлаетъ и воробей, научая своихъ дѣтей воровать чужія зерна.

— Бѣдная, бѣдная мамаша! Она все-таки не сдѣлала насъ ни умнѣе, ни счастливѣе, замѣтила грустно Марина. — Вонъ хоть бы Митя...

А Митя въ это время, какъ бы сговорившись съ сестрой, думалъ о томъ, какъ безплодно прошло его дѣтство и первая молодость и какъ онъ только къ тридцати годамъ додумался до того, о чемъ долженъ бы былъ знать съ колыбели, но чего не понимали его родители, а потому не научили и его понимать, и какъ, вслѣдствіе этого, почти вся жизнь его была разбита.

— Да, скверно становится, когда подумаешь о нашей женской долѣ, продолжала Бармитинова.—Возьми какую угодно женщину, и

увидишь, что жизнь ея или цѣликомъ ухлопана безплодно, или на половину, а непремѣнно ухлопана. Пока молода, она вся живетъ въ томъ, чтобъ ее любили, и ничего больше не дѣлаетъ. Все-таки тутъ ея жизнь хоть чѣмъ-нибудь наполнена бываетъ, хоть безполезно для человѣчества, но все же наполнена. Перешло за двадцать лѣтъ, и женщина уже начинаетъ меньше нравиться. Она это видитъ, сознаетъ, что въ жизни ея уже есть прорѣха, пустота, которую нечѣмъ наполнить, потому что занятій она никакихъ не имѣетъ, кромѣ хозяйства и дѣтей. Но хозяйство скучно, въ него нельзя положить все богатство души и ума; дѣти тоже не всецѣло поглощаютъ женщину, какъ бы она ни любила ихъ. И вотъ женщина ищетъ «выѣздовъ» (это слово будетъ когда нибудь такимъ же историческимъ терминомъ какъ «барщина», «бурлачество», «карчемство», «дезертирство» и проч.), однимъ словомъ женщина ищетъ чѣмъ-нибудь пополнить замѣчаемую въ себѣ пустоту, недостатокъ дѣла. Мужъ идетъ на фабрику, въ судъ, въ парламентъ, мужъ работаетъ, а жена—«выѣзжаетъ», то есть развозитъ и собираетъ сплетни, толкуетъ о шляпкахъ и о грѣшкахъ пріятельницъ. За этими занятіями женщина старѣетъ, окисляется, начинаетъ на все брюзжать и охать. Лучшія изъ нихъ ищутъ занятій—и не находятъ, потому что ни къ чему не подготовлены, ничего основательно не знаютъ, не хотятъ посвятить себя труду, однимъ словомъ — не хотятъ и не умѣютъ сдѣлаться человѣкомъ.

— Ахъ, Варя, Варя! приходится сознаться, что и тутъ правъ этотъ... Какъ его? что Митѣ-то писалъ... Карамановъ, кажется... Кто онъ такой, Варя? спросила Марина.

— Я его не знаю. Но кажется, онъ другъ твоего брата и Стожарова, отвѣчала Бармитинова въ какомъ-то раздумьѣ.—Стожаровъ писалъ мнѣ объ немъ... Это какое-то чудо, какая-то титаническая личность.

Марина задумалась. Въ послѣднее время она вообще сильно измѣнилась, особенно подъ вліяніемъ убѣжденій брата, которыя чѣмъ-то разъѣдающимъ входили въ ея молодую, воспріимчивую головку и подъ обаяніемъ которыхъ разбивались ея прежнія вѣрованія. Полубезумныя рѣчи брата, въ которыхъ проглядывала большею частью горькая, по мнѣнію Марины, правда, неотразимо дѣйствовали на

дѣвушку, которая жаждала кипучей, дѣятельной жизни и ничего не находила вокругъ себя.

— Митя! Митя! закричала она брату, который продолжалъ сидѣть на пригоркѣ и поглядывалъ на Волгу.

— Зачѣмъ онъ тебѣ? спросила Бармитинова.

— Я хочу его спросить о Карамановѣ.

Дмитрій, услыхавъ голосъ сестры, обернулся было къ ней, но потомъ опять сталъ смотрѣть на Волгу. Сестра снова позвала его. Въ голосѣ ея слышалось и раздраженье и слезы.

Дмитрій лѣниво подошелъ къ дѣвушкамъ. Марина взяла его за руки и глядѣла ему въ глаза своими большими, блестящими глазами.

— Митя братъ! говорила она, съ трудомъ сдерживая приливъ какого-то страстнаго чувства, которое пробивалось наружу и въ огнѣ ея свѣтлыхъ глазъ и въ дрожаньи губъ.—Ты всегда говорилъ мнѣ, что есть какая-то другая жизнь для женщины... Я не могу дольше прозябать здѣсь, я не хочу быть похожей на остальныхъ женщинъ, которыхъ вы жалѣете и презираете... Я не знаю что сдѣлаю съ собой, если дальше останусь здѣсь... Митя! спаси меня...

И дѣвушка, положивъ голову на плечо брата, горько заплакала.

— Что ты! что ты, Риночка! говорилъ братъ, съ участіемъ поднимая голову сестры и заглядывая ей въ глаза.

— Спаси меня, Митя!.. Я не хочу быть такой какъ мамаша, какъ бабушка... Онѣ несчастныя, жалкія... Мы всѣ такія.

Дмитрій улыбнулся и погладилъ шелковистые сестрины волосы, которые растрепались и падали ей на плечи.

— Чего же ты хочешь, Рина? спрашивалъ онъ.

— Возьми меня съ собой, Митя... Гдѣ твой Карамановъ? Ты вѣдь къ нему отправляешься? Возьми меня, умоляла она брата, сжимая его руки.

— Ахъ ты глупенькая, Риночка, говорилъ братъ, жалостно и съ улыбкой качая головой. — Возьми ее!.. Развѣ ты вещь, что тебя можно взять? Да и куда я тебя возьму? Зачѣмъ?.. Вотъ вы всѣ такія женщины — всѣ привыкли къ рабству, къ рабскимъ выраженіямъ... ну что, еслибъ я сказалъ тебѣ: «Рина, возьми меня съ собой?»

Марина раскрыла свои большіе глаза и глядѣла на брата съ удивленіемъ.

— Возьми меня, Рина, съ собой, повторилъ Дмитрій, продолжая улыбаться.

Глаза Марины блеснули маленькой молніей. Эта молнія съ лица Дмитрія перенеслась на лице Бармитиновой, которая продолжала глядѣть задумчиво на Волгу.

— Такъ я сама уйду куда глаза глядятъ, сказала она твердо и рѣшительно. Если она (Марина поглядѣла на Бармитинову) могла это слѣлать, то и я сдѣлаю... А сломлюсь, пропаду—не буду жалѣть о настоящемъ: лучше сломиться и погибнуть, чѣмъ гнить въ бездѣйствіи.

И Бармитинова и Дмитрій поняли, что это были не фразы, не ребячество: и сердцемъ и разсудкомъ угадали они, что въ сестрѣ заговорило тоже чувство, которое брата сдѣлало мученикомъ его собственныхъ увлеченій — эта страстная отзывчивость на вопросы жизни, которые по менѣе глубокимъ и менѣе впечатлительнымъ натурамъ скользили поверхностно, не заходя глубже кожи.

Марина стояла блѣдная, точно похудѣвшая, а глаза ея, недавно плакавшіе, были сухи и холодны, какъ зеленые глаза брата во время его болѣзненныхъ припадковъ. Она дышала тяжело, съ усиліемъ, точно въ груди не доставало воздуха, а руки ея, упавшія съ плечъ брата, крѣпко сжимали одна другую.

— Милая! успокойся, ты вся похолодѣла, говорила Бармитинова, приподнимаясь и силясь разжать ея руки.

Дмитрій молча глядѣлъ въ землю и по временамъ вздрагивалъ.

— Успокойся, я прошу тебя, настаивала Бармитинова.

— Успокойся... А ты успокоилась, когда тотъ, кого ты любила, отвернулся отъ тебя... сказалъ, что ты не стоишь его любви, и до тѣхъ поръ не смѣешь думать о счастьи, пока не накормишь голодныхъ, пока другихъ не сдѣлаешь счастливыми?.. Успокойся!.. Ты и теперь не успокоилась, я это вижу, говорила Марина рѣзко и отрывисто.

— Куда же ты пойдешь, милая? спрашивала Бармитинова, въ первый разъ со страхомъ замѣчая какое-то, прежде ею незамѣчае-

мое, сходство въ выраженіи глазъ стоявшихъ передъ нею сестры и брата. Зачѣмъ ты уйдешь отсюда?

— Я пойду искать мою Ѳиваиду... можетъ быть и найду... Ты же сама говорила мнѣ о современномъ подвижничествѣ, о возстаніи противъ мертвыхъ... Твои слова, какъ и слова брата, состарили меня, и я не хочу ужъ возврата къ безсмысленному дѣтству...

А братъ все молчалъ и упорно глядѣлъ въ землю, прислушиваясь къ голосу сестры, который казался ему его собственнымъ голосомъ. «Прорвалось!» шепнулъ онъ: «теперь не остановить потока старыми плотинами... Прорвалось... не сдержали запруды...»

Въ это самое мгновеніе на берегу Волги, за крутымъ яромъ, раздался отчаянный дѣтскій крикъ, а вслѣдъ за нимъ чей-то старческій голосъ закричалъ: «Держи! держи его! утопится» —и тутъ же на откосѣ крутаго яра обрисовалась фигура мальчика, который, спрыгнувъ съ яру, бросился бѣжать по берегу Волги и, перепрыгнувъ черезъ узкое устье ложбины, скрылся за пригоркомъ. На окрайнѣ яра, откуда спрыгнулъ мальчикъ, показалась фигура старика, который съ отчаяньемъ протягивалъ руки по тому направленію, гдѣ скрылся бѣглецъ, и съ ужасомъ повторялъ: «Мати Божія! спаси его... вороти»...

И Бармитинова и Канадѣевы съ изумленіемъ смотрѣли на то, что въ нѣсколько мгновеній произошло на берегу Волги, но не понимали источника тревоги.

— Да это, кажется, старикъ Ногинъ, сказала наконецъ Бармитинова, пристально вглядываясь въ фигуру растерявшагося старика.— Что съ нимъ? Ужъ опять не надѣлалъ ли чего-нибудь этотъ безпокойный Кузька.

Старикъ продолжалъ кричать: «Мати Божія! вороти его... держи! держи!» — и бросился съ яра въ ложбину. Изъ-за пригорка виднѣлись только его сѣдые волосы, не прикрытые шапкой, да отчаянно махающія руки.

— Пойдемте къ нему... старикъ нуждается въ помощи, говорила Бармитинова, взявъ за руку Марину, которая все еще стояла вся взволнованная и блѣдная.

Канадѣевъ, перескакивая, какъ гончая собака, черезъ водороины и мелкій кустарникъ, въ нѣсколько прыжковъ очутился около ста-

рика. За нимъ подошла и Бармитинова съ Мариной. Старикъ сидѣлъ на землѣ и плакалъ. Ему было трудно подняться, потому что, прыгая съ обрыва, онъ ушибъ себѣ ногу.

— Что съ вами? Что случилось? спрашивала испуганная Варенька.

— Кузька... разбойникъ... пропадетъ, говорилъ старикъ, утирая слезы.

— Да что онъ сдѣлалъ?

— Ахъ, барышня, барышня! продолжалъ старикъ отчаянно;—онъ погубитъ себя, утопится...

— Да скажите же, пожалуйста, что̀ случилось?

— Да вечоръ, матушка барышня, Кузька-то мой, въ самую ночь бѣжалъ изъ дому... Никто не зналъ гдѣ онъ... Только нынѣ утромъ привели его ко мнѣ добрые люди... поймали ночью на седьмой верстѣ отъ села... Въ гимназію, слышь, хочу,—ну, и бѣжалъ, никому не сказамши...

Марина вся вспыхнула при этихъ словахъ и задвигалась какъ бы ужаленная.

— А теперь что съ нимъ? спросила Бармитинова съ участіемъ.

— Я его маленько посѣкъ... Такъ сталъ словно звѣренокъ... Вотъ и вдругоредь бѣжалъ... Говоритъ утоплюсь... Помилуй Богъ! долго-ль до грѣха...

Старикъ растерянно глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ скрылся его внучекъ. Канадѣевъ, не говоря ни слова, бросился по берегу Волги и издали махалъ кому-то руками.

— Отроду не видывалъ я такихъ дѣтей, говорилъ старикъ, съ трудомъ приподнимаясь на ноги. — И что съ нимъ—ума не приложу, словно сухота у него по ученью-то этому... все бы учиться ему... Времена ли такія—не вѣдаю я...

— Ничего... не бойтесь за мальчика, утѣшала Бармитинова старика:—изъ него будетъ прокъ.

— Охъ, ужъ и не знаю, матушка... не къ добру остеръ, паренекъ-то... Съѣстъ его эта сухота книжная.

А Марина все волновалась: то подходила къ старику и слушала его, то всходила на пригорокъ и смотрѣла вдаль... «Такой крошка—и столько воли, настойчивости... а потому что мужчина... А

мы женщины, жалкія твари .. безъ воли, безъ ума,» шептала она почти вслухъ.

— Ведутъ! ведутъ! сказала она, и вся поблѣднѣла.

Эту блѣдность на лицѣ Марины вызвала одна тайная мысль, которой она никому не открыла.

Бармитинова поспѣшила на пригорокъ и дѣйствительно увидѣла, какъ у самаго берега Волги двигались фигуры. Между ними она узнала Кузю, который видимо силился вырваться изъ рукъ двухъ мальчиковъ, падалъ на землю, болталъ ногами и по временамъ крестился свободною рукою. Канадѣевъ что-то говорилъ мальчику, и тотъ поднималъ голову и по видимому успокоивался; но потомъ опять начиналъ биться и падать на землю.

— Бѣдный ребенокъ! сказала Бармитинова съ грустной улыбкой.

— Это твой ученикъ, замѣтила Марина съ какой-то завистью въ голосѣ,—и снова какая-то тайная мысль, какъ облачко, прошла по ея лицу и по глазамъ, горѣвшимъ холоднымъ огнемъ.

Старикъ Ногинъ тоже спѣшилъ навстрѣчу своему внуку, прихрамывая и хватаясь за ушибленную ногу: «Ахти, грѣхъ какой! ахти, грѣхъ какой!» шепталъ онъ и набожно крестился.—«Вотъ до чего дожили...»

Скоро Кузя понялъ безполезность своихъ усилій вырваться, и, опустивъ голову, шелъ неровными шагами, поддерживаемый двумя мальчиками.

При взглядѣ на маленькаго плѣнника, Бармитинова не могла не разсмѣяться. Оказалось, что бѣглецъ былъ арестованъ злѣйшими своими врагами—«казенными учениками,» и одна мысль о томъ, что его, земскаго ученика, поймали «казенные», «двухвосткины ученики», увеличивала страданія бѣднаго мальчика. Казенные ученики, которые не знали что такое почва, для которыхъ троянскія войны были важнѣе «поповой собаки», а отецъ Ганнибала предпочитался «исторіи кусочка хлѣба»—эти злѣйшіе непріятели Кузи перехватили бѣглеца и вели теперь къ дѣдушкѣ. Кузя былъ въ ваточномъ нанковомъ кафтанишкѣ, въ сапогахъ и съ маленькой котомочкой за плечами. Съ этой котомочкой, какъ странникъ, онъ мечталъ добраться пѣшкомъ до губернскаго города. Дорожную палочку свою онъ бросилъ во время бѣгства.

Наконецъ онъ приблизился въ сопровожденіи своихъ маленькихъ приставовъ и Канадѣева. Лице его было красно и покрыто крупными каплями пота. Онъ смотрѣлъ точно захваченный врасплохъ волченокъ и черные глазенки его не по-дѣтски были злы и необычайно ярки. Изъ подлобья онъ украдкой взглядывалъ то на дѣда, то на Марину, то на Бармитинову. Когда онъ взглядывалъ на послѣднюю, волчьи глазенки его принимали ласковое выраженіе.

— Что ты дѣлаешь, разбойникъ! началъ было дѣдушка, взявъ мальчика за руку, которую тотъ силился вырвать изъ рукъ дѣдушки; но Бармитинова ласково остановила старика.

— Позвольте, не горячитесь, говорила она тихо старику:—такъ вы все дѣло испортите... Дайте я поговорю съ нимъ.

Старикъ отошелъ въ сторону. Марина напряженно глядѣла на мальчика, и когда глаза ихъ встрѣчались, то въ нихъ на мгновенье загоралась искра по видимому взаимнаго сочувствія. Бармитинова подошла къ мальчику и взяла его за руку.

— Ты куда это, милый, собрался? спросила она ласково.

Кузя молчалъ; но взглянувъ дѣвушкѣ въ глаза своими волчьими глазенками и замѣтивъ въ лицѣ дѣвушки сочувствіе, ласково улыбнулся.

— Ты хочешь учиться, милый? спрашивала дѣвушка.

— Хочу, отвѣчалъ мальчикъ.

— А развѣ ты недоволенъ моимъ ученьемъ? спросила дѣвушка.

Бѣглецъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее и потупился Волченокъ превратился въ прежняго мальчика.

— Что жъ ты молчишь? Недоволенъ моимъ ученьемъ? спрашивала Бармитинова.

— Нѣтъ, я доволенъ.

— Зачѣмъ же ты убѣжалъ?

Мальчикъ переминался съ ноги на ногу и молчалъ. Канадѣевъ, глядѣвшій на него съ видимымъ сочувствіемъ, замѣтилъ какъ бы про себя: «Я бы его пустилъ на свободу... Это орленокъ... пусть выбивается самъ»... Орленокъ взглянулъ на него и потомъ на Бармитинову.

— Вы говорили намъ... о великихъ людяхъ... я хочу... началъ было мальчикъ и замолчалъ.

Всѣ улыбнулись, а старикъ Погинъ прошепталъ со вздохомъ: «Охъ, времена! времена»!

— Такъ ты хочешь быть великимъ человѣкомъ? спросила Бармитинова, стараясь скрыть улыбку.

На Волгѣ вдругъ раздался рѣзкій пароходный свистокъ. Всѣ невольно вздрогнули и обернулись. Изъ-за пригорка показался пароходъ и быстро прошелъ мимо ложбины, направляясь къ варгунинской пристани.

— Это Карамановъ за мной пріѣхалъ, вдругъ произнесъ Канадѣевъ и, не сказавъ ни слова, быстро пошелъ къ пристани.

— А онъ? спросила Марина, поглядѣвъ вопросительно на Бармитинову.

— Не знаю, отвѣчала та упавшимъ голосомъ.

Обѣ онѣ, забывъ и маленькаго бѣглеца, нерѣшительно стоявшаго съ котомкой за плечами, и его дѣдушку и казенныхъ учениковъ, быстрыми шагами направились къ пристани. Обѣ дѣвушки находились подъ вліяніемъ различныхъ, но почти одинаково мучительныхъ впечатлѣній: и та и другая смутно переживали переломъ въ жизни, который совершался въ нихъ помимо ихъ воли, какъ совершается нравственное развитіе, какъ совершается переломъ тяжкой болѣзни, переломъ, за гранью котораго лежитъ или спасенье или смерть, возрожденье къ новой жизни или окончательная гибель. Въ обѣихъ изъ нихъ просыпалась ненасытимая жажда счастья, только въ одной— счастья опредѣленнаго, давно сознаннаго и разсудкомъ и сердцемъ, въ другой — неопредѣленнаго, несознаннаго разсудкомъ, а предчувствуемаго и искомаго сердцемъ. Одна искала этого сознаннаго разсудкомъ счастья, чтобы такъ сказать погрузиться въ него и опочить на время послѣ десятилѣтней гонки за этимъ счастьемъ, послѣ мучительной борьбы за свои права на это счастье. Другая искала самой борьбы, думая, что въ этой борьбѣ, въ этой гонкѣ за счастьемъ и заключается самое счастье. Но этой борьбы она еще не начинала и потому смотрѣла на себя какъ на существо недостойное, презрѣнное, ничего не сдѣлавшее.

— Варя, я не пойду туда, говорила она, съ испугомъ глядя, какъ пароходъ приставалъ къ пристани.

— Куда, милая? спрашивала Бармитинова.

— Къ пароходу.

— Отчего же?

— Тамъ онъ .. Карамановъ, отвѣчала она нерѣшительно.

— Что-жъ изъ этого?

— Я боюсь его... Мнѣ будетъ стыдно... При одномъ взглядѣ на меня онъ подумаетъ: «это женщина паразитъ, это барышня, это не человѣкъ»... Ахъ, Варя милая! я сама сознаю, что я не человѣкъ.

— Будешь человѣкомъ.

— Нѣтъ, Варя, боюсь этого страшнаго Караманова... Митя такъ много говорилъ мнѣ объ немъ.

— Полно милая! какое малодушіе... Онъ вѣдь не звѣрь.

— Ахъ, Варя! да я-то звѣрь дикій... Я ни на что не способна.

— Неправда, душа моя. Это покажетъ время.

— Нѣтъ, я бѣгу отсюда какъ бѣжалъ Кузя... Вѣдь ты же сама говорила мнѣ и Митя часто говорилъ, что намъ, несчастнымъ, можно только бѣгствомъ спасаться изъ нашей исторической тюрьмы, какъ онъ выражался.

Бармитинова ласково потрепала ее по плечу и съ грустью замѣтила, показывая на голову Марины: «Опасная головка!»

— Опасная!.. Ахъ, Варя моя милая! не брани меня... Вѣдь ты же сама говорила, что намъ надо бѣжать отъ нашего несчастнаго прошлаго, отъ нашего несчастнаго общества, отъ старыхъ порядковъ и понятій, какъ первые христіане бѣжали отъ языческаго прошлаго, отъ языческаго общества, отъ старыхъ языческихъ порядковъ и вѣрованій.... Вѣдь говорила ты это, Варя, тамъ на скамейкѣ, подъ черемухой, когда дьячки испачкали тебѣ дегтемъ ворота, а изъ Петербурга родные прислали тебѣ колкое письмо и бритву со шпорами? Говорила?

— Говорила, милая.... Но вѣдь тебѣ никто не пачкалъ дегтемъ воротъ и никто не дарилъ тебѣ ни бритвы, ни шпоръ.

Марина только заплакала, но ничего не отвѣчала. Внутренняя ломка молодаго существа зашла слишкомъ далеко, чтобъ можно было остановиться на полдорогѣ.

— Да, подумала Бармитинова, грустно глядя на свою любимицу,— всесильная идея вѣка выхватываетъ изъ нашей среды лучшія силы, лучшихъ людей, чтобъ на костяхъ этихъ лучшихъ людей построить

мостъ къ острову свободы и человѣческаго счастья... Въ основу моста лягутъ кости и головы лучшихъ людей... А много надо головъ, вотъ такихъ хорошенькихъ, какъ эта (она взглянула на Марину), и такихъ какъ та... точеная (въ ея памяти встала точеная голова Стожарова)... До острова далеко, а море людской глупости такое глубокое—не скоро его запрудишь лучшими человѣческими головами... А надо прудить его, надо бросать въ омутъ человѣческія головы, чтобъ хоть другіе когда-нибудь добрались по нимъ до острова... На непріятельскую крѣпость всегда входятъ по трупамъ храбрѣйшихъ»...

Съ причалившаго парохода выходили на берегъ два пасажира, которыхъ не могла не замѣтить Бармитинова. Ихъ встрѣтилъ Канадѣевъ. То были Стожаровъ и Карамановъ.

— Вонъ они храбрѣйшіе, подумала дѣвушка, и сердце ея какъ бы остановило свою привычную работу...

XXVIII.

Въ великія эпохи обновленія отжившихъ идей и застарѣлыхъ, ложныхъ человѣческихъ вѣрованій, обновляющее начало какъ бы носится въ воздухѣ и, помимо колективной воли всѣхъ людскихъ массъ, привыкшихъ жить, думать и вѣровать, на основаніи идей добытыхъ отъ поколѣній предшествовавшихъ, проникаетъ, какъ самый воздухъ и свѣтъ, чрезъ всѣ преграды, и за каменныя стѣны крѣпостей, и въ плотно запертую келью отшельника, и въ дырявую лачужку бѣдняка. Противъ этого носящагося въ воздухѣ, обновляющаго начала, какъ противъ саранчи или эпидеміи, ратуютъ жалкія человѣческія массы, всегда живущія и думающія по законамъ инерціи, по привычкѣ, и по привычкѣ любящія даже свои тюрьмы и свои цѣпи, какъ ихъ полюбилъ Бониваръ; но война противъ этого начала всегда оказывается безполезною и напрасною, и всегда, рано ли, поздно ли, оканчивается для погруженныхъ въ отжившія идеи массъ тѣмъ, чѣмъ для австрійцевъ кончилось столкновеніе съ прусаками при Садовой и Кенигсгрецѣ. Обновляющее начало всегда побѣждаетъ нача-

ла отжившія, высохшія отъ времени, какъ сохнетъ отъ времени человѣческій волосъ и ноготь. Обновляющее начало проникаетъ сначала въ лучшія человѣческія головы, подобно тому какъ лучи восходящаго солнца золотятъ сначала верхушки самыхъ большихъ деревьевъ лѣса, тогда какъ весь боръ еще теменъ отъ ночнаго мрака и ночные звѣри еще рыщутъ въ темной, густой листвѣ бора.

И вотъ, подъ вліяніемъ этого обновляющаго начала, подъ лучами этого солнца пробуждаются болѣе чуткія и воспріимчивыя натуры, «новые люди», и бродятъ эти новые люди между людьми старыми какъ въ темномъ бору, бродятъ и ищутъ счастья этимъ людямъ, согрѣть и ихъ тѣмъ солнцемъ, которымъ они сами согрѣты, научить ихъ добру, научить полезнымъ знаніямъ... Бродятъ эти чуткія, безпокойныя натуры — эти Флавіи Джойи, Бертольды Шварцы, Гуттенберги, Васко-де-Гамы, Кабрали, Лавренціи Валлы, Макіавелли, Рейхлины, Меланхтоны, Саванароллы, Ульрихи фонъ-Гуттены, Эразмы, Моры—бродятъ они какъ по темному бору, ищутъ счастья другимъ, а эти люди бросаются на этихъ безпокойныхъ, «безсонныхъ» людей и душатъ ихъ за то эти безпокойные люди, говорятъ имъ: «бросьте дурныя привычки, оставьте ваши вредныя вѣрованія, разрушьте ваши старыя ржавыя цѣпи, учитесь, примите обновляющее начало, которое зоветъ васъ къ новой, разумной жизни, на новыхъ началахъ»....

А тутъ, среди этихъ безсонныхъ, безпокойныхъ, новыхъ людей появлются еще болѣе безпокойные, новые люди и говорятъ людямъ: «мы разрушимъ вашъ старый несчастный міръ и создадимъ вамъ міръ новый, счастливый. И люди считаютъ ихъ безумцами, дерзкими мечтателями... Одинъ такой безумецъ бродитъ по всему лицу земному, стучится и въ блестящіе дворцы и въ жалкія избушки, и всѣмъ говоритъ: «я дамъ вамъ новые міры, я открою вамъ новыя земли, невѣдомыя моря, невѣдомыхъ людей... Я дамъ вамъ еще такую же половину земли, какою вы владѣете, на какой вы живете и жили ваши предки»... И надъ нимъ смѣются, его гоняютъ и изъ избушекъ и отъ дворцовъ, его называютъ безумцемъ... А безумецъ все бродитъ, все думаетъ свою великую думу... И вотъ онъ открываетъ новый міръ... А люди, которымъ онъ далъ этотъ новый міръ, бросаются на него, мучатъ его и надѣваютъ на него оковы... И вели-

кій безумецъ умираетъ, прося, чтобъ въ могилу съ нимъ положили и его оковы... Таковы всѣ великіе безумцы, таковы ихъ безумныя желанья!.. Другой такой безумецъ сидитъ въ уединенной монастырской кельи, и все читаетъ, все думаетъ о чемъ-то... А гадкіе люди безобразничаютъ, веселятся, дѣлаютъ преступленія, дѣлаютъ другихъ несчастными и сами они несчастны, потому что на ногахъ ихъ цѣпи, а на лицахъ намордники... И говоритъ имъ безумецъ: «Я сниму съ васъ цѣпи и намордники, только не вѣрьте той вредной лжи, которую вамъ говорятъ вредные люди, бродящіе по улицамъ «вѣчнаго города», и изъ этого города разсѣявшіеся по всему лицу земному»... И люди-звѣри изъ вѣчнаго города бросаются на этого безумца, но побѣдить его не могутъ ни силой мышцъ, ни силой слова: будучи всегда въ намордникахъ, они не научились говорить, а безумецъ умѣетъ говорить, и побѣждаетъ ихъ словомъ... Третій безумецъ говоритъ, что земля вертится вокругъ солнца, а не солнце ходитъ по небу, что даже неба нѣтъ никакого, но что кажущееся небо—просто оптическій обманъ... неба нѣтъ!... Это безуміе, безбожіе!..

И вотъ эти безпокойные люди, эти безумцы пошатнули всю Европу: многое старое рухнуло, а для новаго настала эпоха возрожденія... Преобразились нѣсколько и люди, но только... нѣсколько... Все еще они не нашли счастья, которое имъ сулятъ безпокойные, безсонные люди: они ищутъ его не тамъ, гдѣ имъ указываютъ эти безумцы, да и думаютъ, что путы навѣчно приросли къ ихъ ногамъ, и лѣнь ихъ стряхнуть съ ногъ, лѣнь шевельнутся, благо спится въ путахъ, можно и танцовать въ путахъ и дѣтей родить... И думаютъ люди, что лучшаго и природа не судила дать имъ...

А безпокойные люди все не могутъ успокоиться, уснуть, какъ спятъ массы... Все они бьются, все они ищутъ человѣческаго счастья, чтобъ дать его людямъ... Самимъ имъ не нужно оно—зачѣмъ? Они счастливы своимъ безуміемъ, своею неустанною работою на пользу другихъ... Имъ бы хотѣлось добиться, чтобы на землѣ не было людей ни голодныхъ, ни несчастныхъ, ни обижаемыхъ... И они знаютъ какъ этого достигнуть, да только люди не хотятъ и не умѣютъ понять ихъ, не хотятъ протянуть руку, чтобы взять свое счастье... Мало того, бѣдные, жалкіе люди, нападутъ на этихъ без-

умцевъ, которые хотятъ дать міру полное счастье, и вяжутъ этимъ безумцамъ руки, гонятъ ихъ, ненавидятъ. А безумцы все-таки не падаютъ духомъ, все работаютъ для другихъ, распутываютъ ноги человѣчеству, и говорятъ: «бѣдные, жалкіе люди! бѣдныя, темныя массы! сдѣлайте только одинъ шагъ впередъ—и вы будете счастливы, вы не будете ни голодать, ни плакать... Уничтожьте только личную собственность, сдѣлайте такъ, чтобы ничто лично не принадлежало никому, а принадлежало бы всѣмъ, какъ всѣмъ принадлежитъ воздухъ и свѣтъ—и вы будете счастливы... Сдѣлайте же только этотъ одинъ и—послѣдній шагъ»...

Но люди не дѣлаютъ этого послѣдняго шага... Они стоятъ... стоятъ цѣлыя тысячелѣтія, боясь сдѣлать этотъ послѣдній шагъ, стоятъ и... плачутъ, горько плачутъ, и голодаютъ, и грызутъ одинъ гругаго, и убиваютъ одинъ другаго, и воруютъ другъ у друга, и работаютъ до чахотки, до идіотизма, до излома костей, и ведутъ кровавыя войны, и плачутъ, неутѣшно плачутъ, а все потому, что не хотятъ и не умѣютъ сдѣлать этого послѣдняго шага...

Такимъ безумнымъ, волнующимъ бредомъ горѣла густоволосая, растрепавшаяся головка Марины, которая металась въ своей постели въ ночь того дня, когда Стожаровъ и Карамановъ пріѣхали въ Варгуны. Ей видится, какъ страшная, черная голова Караманова нервно вздрагиваетъ, когда онъ говоритъ эти безумныя, волнующія рѣчи, идя въ комнатѣ Мити, а она, Марина, видитъ въ своей комнатѣ, въ зеркалѣ, отраженье этой страшной головы и слышитъ тѣ безумныя рѣчи... И не спится Маринѣ послѣ этихъ страшныхъ рѣчей, и мечется она въ своей постели, вся въ огнѣ, иногда охватываемая холодомъ и дрожью испуга... А страшная, черная голова все говоритъ, ей кажется, все вздрагиваетъ, а черные, стоячіе глаза равнодушно смотрятъ на Митю и какъ бы приковываютъ его къ стѣнѣ, какъ приковываютъ опасныхъ преступниковъ...

Марина видѣла Караманова, когда онъ, сойдя съ парохода вмѣстѣ съ Стожаровымъ, поздоровался съ ея братомъ, а потомъ Стожаровъ познакомилъ его съ Бармитиновой. Марина смотрѣла на нихъ издали, потому что чувствовала себя сильно взволнованною предшествовавшимъ разговоромъ съ Бармитиновой и сценою съ пойманнымъ Кузею, и потому не рѣшалась подойдти къ пріѣхавшимъ. Марину странно

поразила наружность Караманова: она не могла выгнать изъ головы его спокойныхъ, стоячихъ, свѣтившихся ровнымъ, какимъ то холоднымъ свѣтомъ глазъ, надъ которыми чернѣлись длинныя прямыя и какъ смоль черныя брови; широкое лице, широкія скулы, весь овалъ и цвѣтъ лица какъ и волосъ заставляли догадываться, что подъ смуглой кожей течетъ не совсѣмъ европейская кровь, между тѣмъ какъ очертаніе лба и всей головы было прекрасно, какъ будто природа особенно тщательно выработывала эту голову. При взглядѣ на носъ Караманова, Марину особенно поразила сильная развитость ноздрей, и ей при этомъ почему-то вспомнилась лошадь съ норовомъ, которая храпитъ при малѣйшемъ къ ней прикосновеніи. Широкія плечи говорили, что на эти плечи можно было взвалить такую тяжесть, которая рѣдкому была бы по силамъ.

Марину поразилъ и костюмъ Караманова. Сѣрый суконный кафтанъ, изъ за котораго виднѣлась синяя крестьянская рубаха съ косымъ воротомъ, такіе же сѣрые суконные штаны, убранные въ высокія голенища грубыхъ сапогъ, и на головѣ шляпа съ гречушникомъ — все это напоминало какого-нибудь парня владимірца съ полотнами, но отнюдь не рисующагося славянофильскимъ костюмомъ провинціальнаго бульварнаго паразита. Все лице его и голая крѣпкая шея сильно пострадали отъ загара. Неприкрытыя перчатками руки съ длинными тонкими пальцами также сильно загорѣли и загрубѣли.

«И это сынъ богатаго помѣщика... Странно!.. Такъ вотъ они... титаны», думала Марина, и что-то болѣзненно отдалось въ ея сердцѣ; но это былъ не страхъ, не предчувствіе опасности, не испугъ, не сожалѣнье, а все это вмѣстѣ, смѣшанное съ какимъ-то потрясающимъ изумленіемъ. Сразу же Карамановъ сталъ ей непріятенъ, но въ то же время и тянулъ ее къ себѣ, какъ тянетъ насъ почти одинаково посмотрѣть на поражающую красоту и на поражающее безобразіе, на счастливую невѣсту подъ вѣнцомъ и на искаженное лице повѣшеннаго.

И густоволосая головка Марины мечется по бѣлой подушкѣ, и треплются тяжелыя пряди волосъ, разсыпавшіяся въ безпорядкѣ, — потому что жаръ головы заставилъ дѣвушку сбросить съ себя ночной чепчикъ, —и не спится ей, а передъ глазами ея проходятъ, какъ

въ калейдоскопѣ, раздражающія мозгъ картины изъ видѣннаго ею и слышаннаго, и звучатъ въ самомъ будто бы мозгу, какъ въ рупоръ, какія-то страшныя слова и фразы, которыя засѣли подъ мозгомъ и мучатъ, мучатъ пылающую голову дѣвушки. Ей продолжаетъ слышаться отрывочная бесѣда, которую ведутъ между собою ея братъ и Карамановъ, хотя тотъ и другой давно спятъ, а не спитъ одна Марина и слушаетъ свою память, которая ей шепчетъ въ уши:

— Вотъ и въ моей сестрѣ начинаютъ пробиваться наружу эти силы, обрисовывается человѣческій образъ: изъ нея выйдетъ женщина-человѣкъ, говоритъ братъ задумчиво.

— Не думаю, возражаетъ страшная голова съ холодными глазами — она должна быть глупа и мелка.

— Нѣтъ, я ее знаю: она не глупа и не мелка, возражаетъ въ свою очередь братъ.

— Будетъ и глупа и мелка, если теперь не глупа и не мелка, вколачиваетъ Карамановъ слова какъ гвозди въ стѣну.

— Отчего же?

Страшная голова молчитъ, и холодные глаза молчатъ, только смоляные волосы на головѣ щетинятся какъ у звѣря, когда его травятъ

— Она слишкомъ хороша, чтобъ сохранить умъ, говоритъ страшная черная голова, и холодные глаза становятся еще холоднѣе.

Марина нетерпѣливо поворачивается на подушкахъ и раскидываетъ руки: ей душно.

— Она не пожалѣетъ красоты для дѣла, говоритъ братъ.

«Милый Митя», думаетъ Марина: «какой добрый»!

— Она не пожалѣетъ красоты, но и красота ее не пожалѣетъ, говоритъ черная голова.

— Это старый предразсудокъ, будто умъ съѣдаетъ красоту и будто отъ думъ она линяетъ, тихо говоритъ братъ.

— Такого предразсудка и не было, снова вколачиваетъ въ стѣну свои жесткія слова Карамановъ:—не умъ съѣдаетъ красоту, а красота съѣдаетъ умъ.

— Странно, говоритъ добрый, милый Митя,—по логикѣ законовъ природы...

— По логикѣ законовъ!.. развѣ въ законахъ есть логика? перебиваетъ страшная черная голова.

Добрый Митя тихо смѣется; не смѣется только черная голова.

— Пишущіе законы справляются не съ логикой, а съ необходимостью, съ потребностями народа, мѣста и времени: а гдѣ необходимость и потребность, тамъ логика забывается, говоритъ черная голова.

Добрый Митя на это замѣчаетъ: «по смыслу законовъ природы, красота и умъ должны быть одно и тоже, а потому самые красивые люди должны быть и самые умные... Самый красивый апельсинъ бываетъ и самый вкусный, потому что красивый и вкусный апельсинъ и есть настоящій апельсинъ».

— Это было бы умно, еслибъ не было совсѣмъ по дѣтски, то есть совсѣмъ красиво, другими словами — совсѣмъ глупо, говоритъ черная голова:—самый красивый и вкусный плодъ никогда не бываетъ производителемъ, сѣменникомъ въ ряду менѣе красивыхъ и вкусныхъ— въ немъ нѣтъ сѣмянъ, производительнаго начала, которое въ растеніи то же что̀ въ человѣкѣ мозгъ. Безсѣменникъ огурецъ и безсѣменникъ бергамотъ, самые красивые между этого рода плодами, ни куда не годятся какъ производители: они красивы, но глупы, и еслибъ огурцы и бергамоты умѣли мыслить и говорить, то самыхъ красивыхъ изъ своихъ собратьевъ они назвали бы дураками, идіотами, и презирали бы ихъ.

«Уродъ»! шепчетъ Марина, ворочаясь въ постели съ боку на бокъ и вспоминая эти слова Караманова.

— Самое красивое дерево то, которое имѣетъ много зелени, у котораго много листьевъ, продолжаетъ черная голова, отражающаяся въ зеркалѣ, но садовники замѣчаютъ, что то дерево, которое пошло въ листья, въ зелень, то есть красивое дерево, не дастъ ни цвѣту, ни плода. Они говорятъ, что это дерево ни къ черту не годится, потому что отъ него нѣтъ никакого толку. Такъ и между людьми, самые красивые бываютъ большею частью очень не далеки.

Марина вспоминаетъ эти слова, и краска досады бросается ей въ лице.

— Такъ по твоему, только уроды и могутъ быть умны? замѣчаетъ братъ съ ироніей.

«Душка Митя!» думаетъ Марина, вспоминая это возраженіе: «значитъ, писарь нашего становаго долженъ быть геніальнѣйшимъ человѣкомъ, потому что такого урода свѣтъ не производилъ.»

— Нѣтъ, говоритъ противный Карамановъ, — я только утверждаю, что красота и умъ — двѣ взаимно отрицающія одна другую силы и едва ли могутъ совмѣщаться въ одномъ человѣкѣ безъ ущерба одна другой. У кого на первомъ планѣ его красота, тотъ даетъ мало пищи уму, и умъ его чахнетъ. Вотъ почему красота съѣдаетъ умъ. Оттого женщина всегда была ниже мужчины, что она больше думала о лицѣ, чѣмъ о головѣ.

И черные глаза блестятъ холоднымъ свѣтомъ, и смоляные волосы щетинятся на головѣ точно на спинѣ у звѣря, когда его травятъ или когда онъ бросается на добычу.

— А все-таки моя сестра умненькая дѣвушка, отстаиваетъ добрый Митя свою Мариночку.

— Будетъ глупа и пошла... слишкомъ хороша, огрызается ощетинившійся звѣрь.

Добрый Митя продолжаетъ защищать свою Мариночку: «Рина можетъ услышать наши слова—она въ своей комнатѣ», говоритъ онъ.

— Пусть слушаетъ—это полезно... Я всегда говорю то что думаю, и ей это скажу, отвѣчаетъ Карамановъ небрежно. — Она и теперь занята своей красотой: все заглядывала въ это зеркало, когда была здѣсь... ну и выйдетъ кукла, тряпичница... Куда ей!

При воспоминаньи объ этихъ словахъ Марина вспыхиваетъ и даже приподнимается на постели, но опять густоволосая голова ея падаетъ на бѣлыя подушки отъ усталости. Она силится заснуть, забыться, хочетъ думать о Варенькѣ, а думаетъ о Карамановѣ и о «послѣднемъ шагѣ», какой должны сдѣлать люди, чтобы быть счастливыми... Засохшія губы шепчутъ слова этого противнаго Караманова.

«Зачѣмъ же люди не дѣлаютъ этого послѣдняго шага? Зачѣмъ они стоятъ, стоятъ цѣлыя тысячелѣтія, боясь сдѣлать этотъ послѣдній шагъ, стоятъ и—бѣдные! жалкіе! глупые!—плачутъ, горько плачутъ, и голодаютъ, и грызуть одинъ другаго, и убиваютъ одинъ другаго поодиночкѣ, и убиваютъ массами, ведутъ кровавыя войны, и обманываютъ другъ друга, и работаютъ до чахотки, до идіотизма, до излома костей, и плачутъ, плачутъ, неутѣшно пла-

чутъ? Зачѣмъ же? Неужели затѣмъ, что слишкомъ глупы и испорчены исторіей? Глупы?.. Красивы?.. Зачѣмъ они красивы?...»

«Какой же это послѣдній шагъ?.. и неужели *онъ* его сдѣлаетъ?..»

И густоволосая голова Марины мечется по бѣлой подушкѣ, и треплются тяжелыя пряди волосъ, разсыпавшіяся въ безпорядкѣ, и не спится ей... Какая мучительная ночь!

Безцеремонный приговоръ Караманова разбивалъ точно обухомъ всѣ дорогія мечты дѣвушки, и она сама начинала сомнѣваться въ своихъ силахъ, въ своемъ призваніи. Неужели никогда не быть ей женщиной-человѣкомъ? Неужели и она должна пойдти, какъ всѣ прочія дѣвушки и женщины, избитой тропой, всю свою жизнь, и свое будущее и свои мечты уложить въ урну, какъ кладутъ лобовые и нелобовые номера рекрутъ въ ящики въ рекрутскомъ присутствіи, и ждать, чья рука вытащитъ ея жеребій изъ урны и съ лобовымъ номеромъ поведетъ ее этой рукой подъ вѣнецъ? Къ чему же эта проклятая красота, если ее можетъ *взять* та рука, которая захватитъ въ урнѣ жизни лобовой номеръ дѣвушки?.. А другія счастливицы будутъ работать, дѣйствовать какъ дѣйствуетъ Варя, и ихъ ждетъ слава, онѣ внесутся на страницы исторіи, не умрутъ, какъ умрутъ всѣ прочія, оставивъ послѣ себя отрепья лифовъ и кринолиновъ.

И вплоть до бѣлаго утра не спала бѣдная дѣвушка. Сонъ сковалъ ея глаза и ея память только тогда, когда подъ окномъ ея спальни проснулись ласточки и мелкимъ, частымъ щебетомъ возвѣстили, что и имъ, существамъ не мыслящимъ, надо измыслить себѣ кормъ, надо поработать надъ своимъ гнѣздышкомъ, поискать и липкой грязцы для него и мягкой шерсти для дѣтской постельки.

Но въ то время, когда Марина засыпала въ своей комнатѣ, въ сосѣдней комнатѣ просыпались ея братъ и Карамановъ. Послѣдній привыкъ вставать очень рано, потому что когда онъ былъ въ наймахъ у старика Стожарова, то, въ качествѣ батрака, выходилъ на работу вмѣстѣ съ крестьянами и оканчивалъ день одновременно съ ними. Пробужденіе Караманова заставило проснуться и Канадѣева. Карамановъ сидѣлъ на постели и писалъ что-то въ тетрадкѣ, положенной на колѣняхъ.

— Ты что такъ рано всталъ? спросилъ его Канадѣевъ.

— Чтобъ успѣть больше прожить и продумать, отвѣчалъ Кара-

мановъ, продолжая писать. — Да хочется и сдѣлать больше, пока мозги и мускулы не одряблѣли. Ты здѣшнія земли хорошо знаешь? спросилъ онъ.

— А что?

— Я хочу купить здѣсь имѣніе... собственно пустопорожній участокъ земли.

— Отецъ поручилъ?

— Нѣтъ, отецъ умеръ зимой и оставилъ мнѣ свое имѣніе—родовое... Онъ бы и не оставилъ, да родовое... Когда умиралъ, такъ, говорятъ, грозилъ мнѣ кулакомъ, а кулакъ все падалъ на подушку, только я не видалъ, потому что въ это время рубилъ дрова у Стожарова.

— А большое имѣніе? спросилъ Канадѣевъ.

— Большое... Я вѣдь одинъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ губерніи.

— Что-жъ ты тамъ не прикупишь себѣ?

— Да я продалъ все имѣніе... въ деньги обратилъ: на эти деньги и думаю купить себѣ здѣсь землю.

— Зачѣмъ же—тамъ продалъ, а здѣсь покупаешь? Капризъ?

Карамановъ пересталъ писать и обратилъ блескъ своихъ холодныхъ глазъ на Канадѣева. Онъ сидѣлъ нѣсколько времени молча, какъ бы изучая лице своего товарища.

— Ты еще этого не знаешь, сказалъ онъ медленно.—Помнишь наши толки, тамъ, на Васильевскомъ острову; когда мы еще жили комуной, или вѣрнѣе—играли въ комунизмъ?

— Помню... То ыло и хорошое и тяжелое время... Мы учились расправлять молодыя крылья, сказалъ Канадѣевъ задумчиво.

— Да, учились, но не полетѣли... А я хочу полетѣть, сказалъ Карамановъ, и спохватился, что сказалъ неосторожно.

Канадѣевъ вздрогнулъ, расширилъ свои зеленые глаза и сталъ испуганно оглядываться. Зрачки его глазъ тоже расширились неимовѣрно. Лице какъ бы осунулось, но выражало глубокое вниманіе къ какимъ-то звукамъ, какихъ Карамановъ не слыхалъ. Карамановъ всталъ съ постели, подошелъ къ Канадѣеву и сѣлъ около него.

— Я хочу попробовать сдѣлать тотъ послѣдній шагъ, который

люди боятся и не умѣютъ сдѣлать, чтобы быть счастливыми, процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Я давно видѣлъ, что ты одинъ изъ тѣхъ людей, которые способны на этотъ шагъ, сказалъ Канадѣевъ, приходя въ себя.— Какъ же это ты сдѣлаешь?

Карамановъ еще болѣе придвинулся къ Канадѣеву и положилъ свою жесткую загрубѣлую руку на худую и бѣлую руку Канадѣева, какъ бы силясь этимъ вложить свою мысль не только въ его мысль, но и въ его нервы, во все его тѣло.

— Мы рѣшились съ Стожаровымъ начать дѣло обновленія общества на новыхъ началахъ, сказалъ онъ съ разстановкой, какъ бы опять стараясь гвоздемъ вбивать свои слова въ мозгъ Канадѣева.— Ты, вѣроятно, находишь, что начальныя мои слова слишкомъ громки? вдругъ спросилъ онъ, замѣтивъ, что зеленые глаза Канадѣева выразили не то сомнѣніе, не то насмѣшку.

— Слишкомъ громки, отвѣчалъ тотъ.

— Они и должны быть громки, возразилъ Карамановъ, какъ бы внутренно ощетиниваясь и сдавливая точно клещами жидкую руку Канадѣева.—Тамъ гдѣ словомъ не прошибешь деревяннаго черепа, надо вбивать это слово обухомъ. Тамъ гдѣ словъ не слышутъ, надо кричать.

— Такъ это на мой счетъ? спросилъ Канадѣевъ съ какой-то тихой улыбкой.

— Нѣтъ, на счетъ обновленія общества... Надо дѣйствительно обновить его, перевоспитать, создать, хоть изъ земли выкопать, говорилъ Карамановъ съ такимъ жестомъ, точно онъ въ самомъ дѣлѣ изъ земли людей выкапывалъ. Мы уже начали это дѣло. Стожаровъ отдалъ даромъ все свое имѣніе бывшимъ своимъ крестьянамъ — отдалъ землю, усадьбу, всѣ заведенія. «Вы все это обработывали — говорилъ онъ имъ: вы и должны этимъ распоряжаться». Онъ отдалъ имъ свое имѣніе съ тѣмъ, чтобы они пользовались имъ на правахъ общиннаго владѣнія, на правахъ абсолютной общинности.

— На комунистическихъ началахъ? какъ бы переспросилъ его Канадѣевъ, не поднимая головы.

— Комунизмъ! фурьеризмъ! снова ощетинился Карамановъ.—Не говори ты этихъ старыхъ, пошлыхъ словъ... они истрепались давно

какъ старая туфля, которую надѣвали на всякую грязную ногу и этой туфлей ступали во всякую грязную лужу и били этой туфлей по самымъ чистымъ человѣческимъ лицамъ... Это пугало, которое ставятъ на огороды, чтобъ птица не клевала вишни, но это пугало не мѣшаетъ людямъ воровать и вишни, и огурцы, и яблоки.

— Что-жъ, я не спорю съ тобой, сказалъ Канадѣевъ какъ-то покорно:—я самъ знаю, что и фурьеризмъ и комунизмъ отжили свое время; это слишкомъ бабьи, дѣтскія понятія, окончилъ онъ съ усиліемъ:—не въ нихъ счастье человѣчества.

И тотъ и другой замолчали. Канадѣевъ не поднималъ своей головы, какъ будто она слишкомъ была тяжела для его исхудалыхъ плечъ и какъ будто не мозгъ былъ подъ этимъ широкимъ черепомъ и не думы давили его, а свинецъ. Голова же Караманова держалась прямо, бодро.

— Что же Стожаровъ? спросилъ Канадѣевъ какъ бы машинально.

Карамановъ снова положилъ свою руку на руку Канадѣева.

— Отдавъ свое имѣніе и свои деньги крестьянамъ, онъ самъ вошелъ въ ихъ общину такимъ же членомъ какъ они всѣ, на равныхъ правахъ. Общинное пользованіе землей, деньгами и всѣмъ имуществомъ, общинный трудъ, общіе заработки, мірской судъ — все общее, мірское, съ передѣлами земли, говорилъ Карамановъ по прежнему отчетливо, ровно.

— И Стожаровъ работаетъ? спросилъ Канадѣевъ.

— Нынѣшней весной самъ пахалъ и сѣялъ.

— И крестьяне не дичатся его?

— Нѣсколько дичатся—все смотрятъ какъ на барина.

— А избы?

— Пока по прежнему... А потомъ будутъ общинныя усадьбы.

— Передѣлы земли черезъ сколько лѣтъ?

— Какъ покажетъ время и опытъ.

— А общинная касса?

— На правахъ банка.

— Это экономическая сторона дѣла—а нравственная?

— Ну, это труднѣе, отвѣчалъ Карамановъ какъ бы съ запинкой. — Надо воспитать новое поколѣніе... Тутъ должна быть доброкачественность молока, которымъ вскормятъ это поколѣніе. Вся за-

бота будетъ состоять въ томъ, чтобъ дѣти этой общины не насосались молока ветхозавѣтной валаамовой ослицы.

— Ну... и что-жъ онъ думаетъ?

— Онъ расчитываетъ на здѣшнюю учительницу земской школы.

— Это на Бармитинову?

— Да... Онъ, кажется, любитъ ее.

— А съ старой ослицей что онъ сдѣлаетъ.

— Она ослѣпла... Она дѣйствуетъ ощупью, по привычкѣ... Ее отведутъ отъ молодого поколѣнья.

Канадѣевъ сомнительно покачалъ головой.

Видно было, что предметъ, о которомъ говорили молодые люди былъ темою неоднократныхъ ихъ разговоровъ въ прежнее время. Они по видимому давно условились въ терминологіи и понимали другъ друга. Оттого вопросы и отвѣты ихъ были такъ лаконичны.

Въ это время дверь въ ихъ комнату тихонько скрипнула и снова закрылась. Въ коридорѣ послышались легкіе шаги.

— Что это? спросилъ Карамановъ.

— Это мать, отвѣчалъ Канадѣевъ съ неудовольствіемъ; смотритъ сплю ли я.

— А!.. это общая привычка матерей и бабушекъ поглядывать за дѣтьми и подслушивать... конечно изъ любви...

— Къ дѣтямъ? спросилъ Канадѣевъ улыбаясь.

— Нѣтъ... къ искуству, отвѣчалъ Карамановъ снова ощетиниваясь.

— Художники... искуство для искуства, добавилъ Канадѣевъ съ горькой усмѣшкой.

Въ это время и солнце, сначала осторожно, какъ старуха Канадѣева, заглянуло въ комнату, гдѣ бесѣдовали молодые люди, а потомъ и совсѣмъ безцеремонно забралось въ ихъ комнату, но только не въ дверь, а черезъ окно, какъ Маркушка Волоховъ, и глядѣло на неумытыя лица и непричесанныя головы бесѣдующихъ, какъ бы освѣдомляясь, поумнѣло ли за ночь и сдѣлалось ли болѣе счастливымъ бѣдное человѣчество, и какъ бы считая людскія головы, подобно тому какъ считаетъ пастухъ утромъ свое стадо и освѣдомляется о тѣхъ овцахъ, которыхъ зарѣзали за ночь голодные волки. Въ тоже время оно нахально забралось и въ комнату спящей Марины,

которая забыла опустить на ночь сторки у оконъ, и одинаково равнодушно смотрѣло и на густоволосую, золотистую головку Марины, и на пушистый хвостъ сѣраго кота, по имени Дарвина, растянувшагося въ ногахъ своей барышни.

Утро было такъ хорошо, воробьи и ласточки своимъ чириканьемъ и неугомоннымъ щебетомъ о своихъ житейскихъ птичьихъ нуждахъ дѣйствовали такъ раздражительно на молодыхъ людей, что они не могли болѣе оставаться въ комнатѣ, неумытые и нечесанные тихонько вышли изъ дому и отправились побродить по берегу Волги, благо Волга протекала у самаго палисадника дома Канадѣевыхъ. На дворѣ ихъ встрѣтила дѣвчонка Офроська, большая мастерица ловить летучихъ мышей и большая охотница спать, такъ что однажды мыши, во время ея сна, съѣли у нея на ногахъ новые козловые башмаки. Офроська была на посылкахъ у Марины, и на ея обязанности лежалъ уходъ за котомъ Дарвиномъ и за коровой Запавой Путятишной. Въ окно, за уходившими молодыми людьми слѣдило недреманное око матери Канадѣева.

— Такъ ты не останешься въ обществѣ Стожарова? спросилъ Канадѣевъ, когда они подошли къ береговому уступу.

— Нѣтъ. Я предвижу и предсказывалъ ему большія трудности въ исполненіи задуманнаго имъ плана: онъ хочетъ передѣлать старый крестьянскій міръ въ новую общину. Это значитъ заставить вербу родить груши, заставить расти старое дерево не такъ, какъ оно само росло. Крестьянскій міръ давно сложился на извѣстныхъ началахъ. Онъ носитъ въ себѣ историческую порчу, онъ глубоко деморализованъ тѣми понятіями, въ какихъ его воспитала исторія, припахивающая татарскимъ баскачествомъ. Мы объ этомъ долго спорили съ Стожаровымъ.

— И что-жъ? спросилъ Канадѣевъ.

— Онъ остался при своемъ, а я при своемъ.

— Такъ вы съ нимъ разошлись совсѣмъ?

— Да, разошлись, но только за тѣмъ, чтобъ произвести отдѣльные, самостоятельные опыты надъ созданіемъ новыхъ гражданскихъ общинъ. Онъ хочетъ перевоспитать старую крестьянскую общину, я хочу создать новую. Вотъ почему я ищу пустыню, никѣмъ не заселенную, куплю эту пустыню, и заселю ее. Здѣсь въ заволжскихъ

степяхъ, по сосѣдству съ Азіей, всего удобнѣе будетъ осуществить мою завѣтную мысль—сдѣлать тотъ великій, послѣдній шагъ.

Канадѣевъ задумался. Слова Караманова все еще не могли убѣдить его въ томъ, что то, что задумала эта черная упрямая голова, сбудется.

— Ты точно Брэйгамъ-Юнгъ, сказалъ онъ съ улыбкой:—какъ тотъ на рубежѣ новаго образованнаго міра, посреди дикихъ индѣйскихъ племенъ основалъ царство мормоновъ, такъ и ты хочешь создать свою новую общину на рубежѣ Европы и Азіи. Твои попытки отдаютъ мормонствомъ.

— Что мормонство? возразилъ Карамановъ, махнувъ рукой:—въ основѣ его лежитъ таже нравственная чепуха, какъ и въ старыхъ человѣческихъ обществахъ: эти первосвященники ихъ, эти святые мужи, эти храмы, эти дикія вѣрованія—все это таже средневѣковая старина съ гнилою подкладкой, тотъ же капуцинскій плащь, сотканный изъ гнилой шерсти и сшитой гнилою дратвою. Я не того хочу и не то создамъ...

Они сошли къ самой Волгѣ и шли по берегу. По краю береговой крутизны прошмыгнула Офроська и скрылась: старая барыня командировала ее понаблюсти издали что дѣлаютъ молодые господа. Око матери и женщины не дремало...

— Какъ же ты думаешь начать свое дѣло? спросилъ Канадѣевъ, не отводя глазъ отъ Волги, которая безсмысленно катила свои воды... куда!... Она и сама этого не знала...

«И мы не такъ ли, какъ эта безсмысленная стихія, мчимся куда-то по силѣ инэрціи, по законамъ нравственнаго тяготѣнія?» подумалъ Канадѣевъ.

По краю крутизны опять шмыгнула Офроська.

— Я куплю здѣсь свободныя земли и заселю ихъ охотниками, говорилъ Карамановъ:—земли свои я отдамъ даромъ моимъ колонистамъ, съ условіемъ, чтобы они разорвали всякую связь съ старыми крестьянскими порядками... Новую общину легче устроить, чѣмъ передѣлать старую — и въ этомъ мы не сходимся съ Стожаровымъ.

— На какихъ же началахъ ты устроишь свою общину?

— На простыхъ: чтобъ у насъ не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни голодныхъ, ни объѣдающихъ.

— А собственность?

— У насъ будетъ собственность... Мы не примѣнимъ къ дѣлу забавной пословицы Прудона, что «собственность есть воровство.» Для этой пословицы ужъ отошла пора—она устарѣла, и нашему поколѣнію Прудонъ не указъ... Если собственность —воровство, то умъ—насиліе: умный всегда сильнѣе дурака и забьетъ его вездѣ— тутъ равенство невозможно... У насъ будетъ другое правило: «глупость — воровство, лѣность—воровство, невѣжество—хуже воровства»—вотъ наше правило.

— Значитъ, ты признаешь принципъ вознагражденія, принципъ платы, принципъ заработка, а слѣдовательно принципъ богатства и бѣдности, замѣтилъ Канадѣевъ, зорко глянувъ на него своими зелеными глазами.—Это скользко...

— Для неподкованнаго ума скользко... А мой умъ подкованъ прочно, отвѣчалъ Карамановъ, и тоже скользнулъ своими холодными глазами по блѣдному лицу Канадѣева.

Канадѣевъ взялъ своего друга за плечи, ласково взглянулъ ему въ глаза и сказалъ съ доброй улыбкой: «Ты все такой-же...»

По краю береговой крутизны снова прошмыгнула Офроська, быстро скатилась къ берегу, оправила свое платье, волосы, перевязанные красной ленточкой, и заложивъ руки за фартукъ, проговорила скороговоркой, точно захлёбываясь словами:

— Барыня приказала просить васъ чай кушать.

Молодые люди должны были покориться необходимости: энергія материнской или вообще женской заботливости, въ которой они видѣли большую дозу деспотизма, оказалась сильнѣе ихъ энергіи. Хотя неохотно, но они пошли домой.

XXIX.

Поздно проснулась Марина послѣ тревожно проведенной ночи. Молодой сонъ подкрѣпилъ ея молодое, живучее тѣло и своей всесильной рукой вытолкалъ изъ ея густоволосой головы всѣ сцены предыдущаго дня—и мучительныя грезы ночи, и волнующія рѣчи Карама-

нова, и его жесткіе отзывы о красотѣ, о самой Маринѣ, о «послѣднемъ шагѣ», который должно сдѣлать человѣчество, чтобы быть счастливымъ. Дѣвушка, закинувъ руки за всклокоченную голову, лѣниво потянулась всѣмъ своимъ, горячимъ отъ сна, упругимъ тѣломъ и прищемила къ кровати пушистый хвостъ кота Дарвина, который въ борьбѣ за свое существованіе не преминулъ царапнуть барышню за голенькую икру и тотчасъ же спрыгнулъ на полъ. Дѣвушка проснулась, какъ просыпалась всегда, беззаботно, съ такою довѣрчивостью къ жизни, къ какой обыкновенно привыкаютъ баловни этой жизни.

Но вдругъ лице дѣвушки все измѣнилось. По ея ясному, оттѣненному изкрасна-рыжими волосами лбу, по ея иззелена-сѣрымъ большущимъ глазамъ, по всему лицу ея прошла какая-то тѣнь, какая мгновенно проходитъ по поверхности ручья, когда между нимъ и солнцемъ медленно проплыветъ бурый коршунъ съ широко распущенными крыльями. Тѣнь прошла, и снова воротилась на молодое лице, да такъ и осталась на немъ, такъ и затемнила его—коршунъ стоялъ въ воздухѣ, закрывая собою солнце. Тѣнь, оставшаяся на лицѣ дѣвушки, казалась уже не просто тѣнью, а давала лицу опредѣленное выраженіе—это было выраженіе тупаго испуга. Тѣни уже нѣтъ на лицѣ, да это и не была тѣнь—это былъ испугъ... Дѣвушка съ ужасомъ вспомнила, что она что-то потеряла, лишилась чего-то дорогаго; но чего—она не могла припомнить. Только сжавшееся какъ подъ клещами сердце говорило, что потеряно что-то...

А потеряно было много въ эту ночь... Потеряна увѣренность въ свои молодыя силы, въ свое призваніе, въ свое будущее. Потеряна вѣра въ красоту и въ пригодность ея на что бы то ни было. Потеряна вѣра въ свой умъ. Потеряна беззаботность молодости, и какъ будто самая молодость потеряна. Точно цѣлые годы прошли съ вчерашняго дня и оторвали бѣдную дѣвушку отъ ея прошлаго, которое казалось теперь далекимъ, отъ ея интересовъ, которые теперь уже казались ей чуждыми. Оглядываясь, она видѣла какую-то темную пропасть, въ которую упало все, чѣмъ жило ея молодое воображенье, а впереди не было ничего, къ чему бы могло тянуть ея сердце: надо было вновь искать чего-то—а чего? не прошлаго же? да и зачѣмъ? цвѣта его такъ полиняли, жизненность зачахла. Она

чувствовала только какую то пустоту—это одно изъ тѣхъ тупыхъ страданій, которыя скорѣе толкаютъ человѣка на самоубійство, чѣмъ острыя.

Дѣвушка обвела глазами комнату — и комната показалась ей не такою, какою она была вчера, какою была всегда. И стѣны не тѣ, и цвѣтъ обоевъ не тотъ, и не то солнце глядитъ въ окна, какое глядѣло вчера, глядѣло всегда. Дѣвушка ничего не находила прежняго—она себя не находила...

Это было первое сомнѣніе въ жизни... Нѣтъ ничего ужаснѣе этого сомнѣнія. Оно выпадаетъ на долю однѣхъ избранныхъ натуръ, и доводитъ ихъ или до глубокаго нравственнаго паденія, до превращенія въ звѣря, до самоубійства, или—до недосягаемой нравственной высоты, до всеобъемлющаго величія. Иныхъ это сомнѣніе заѣдаетъ, унижаетъ ниже звѣря, другихъ возвышаетъ выше человѣческаго уровня, возводитъ до грандіознаго.

Что-то злобное шевельнулось въ сердцѣ дѣвушки, когда она вспомнила, кто отнялъ у нея прошлое и—по видимому—отнималъ самое будущее. Это была первая злоба въ молодой жизни, и дѣвушка даже не поняла этого чувства — такъ оно было для нея ново и мучительно.

Марина повернула голову, глаза ея упали на блестящую поверхность зеркала, и ей представилось, что изъ-за стекла глядятъ на нее холодные, точно изъ чернаго хрусталя сдѣланные глаза Караманова, и эти глаза говорятъ ей: «жалкое, узкое существованіе.... Оно и должно остаться жалкимъ и узкимъ»... И Марина ненавидѣла эти глаза, и въ тоже время ей хотѣлось заглянуть въ нихъ, заглянуть глубоко въ этотъ черный хрусталь и прочесть въ этомъ хрусталѣ то, что еще такъ недавно она читала въ своемъ сердцѣ, въ своемъ воображеніи.

Но вотъ въ дверь просовывается сѣрая голова матери.

— Насилу проснулась, говоритъ мать, и зорко оглядываетъ комнату;—мы ужъ и чай давно отпили, скоро кофе будемъ пить.

— А онъ тамъ, мама? спрашиваетъ дѣвушка, и сама чувствуетъ, что голосъ ея звучитъ рѣзко.

— Кто, глупая?

— Трубочистъ этотъ, отвѣчаетъ она снова надтреснутымъ голосомъ.

— Какой трубочистъ? Ты бредишь?

— Нѣтъ, мама... Тотъ, пріѣзжій, у насъ?

— У насъ. Съ Митей все — міры пересоздаютъ.... Ахъ, дѣти, дѣти!

Марина нетерпѣливо передернула плечомъ.... по старой привычкѣ.

— А знаешь, Риночка, говоритъ мать вкрадчивымъ голосомъ: — онъ очень богатый помѣщикъ.... Ты бы съ нимъ была бы поласковѣе.

— Ужъ и не подумаю—съ такимъ уродомъ?

— Что ты, дурочка!

Это простое слово, которое Марина слышала тысячи разъ, теперь точно рѣзнуло ее по сердцу.

— Жениха ловить собираемся, говоритъ она съ горечью—и отворачивается отъ матери.

Мать съ удивленіемъ смотритъ на нее, и пожавъ плечами, уходитъ изъ комнаты. — «Она белены объѣлась», замѣчаетъ про себя заботливая матушка, и отправляется хлопотать по хозяйству.

Въ дверь просовывается перевязанная красной ленточкой голова Офроськи. За головой входитъ и вся Офроська, чтобъ одѣвать барышню.

— Запава Путятишна ночью отелилась, барышня, говоритъ Офроська радостно.

Марина молчитъ.

— Посмотрите, барышня, Дарвинъ муху ловитъ, снова заговариваетъ Офроська.

Дарвинъ дѣйствительно сидитъ на окнѣ и старается лапкой схватить большую муху. Марина молчитъ. Ни охота Дарвина за мухой, ни роды Запавы Путятишны не занимаютъ ее. Въ ея воображеніи проходятъ какія-то тѣни, люди безъ образовъ; въ ушахъ звучатъ жестокія слова этихъ безобразныхъ тѣней, между которыми она видитъ широкоплечую фигуру Караманова, и блѣднаго юношу, и Стожарова, и Варю, и своего брата, который смотритъ куда-то вдаль

и къ чему-то прислушивается. «Мы дѣлаемъ послѣдній шагъ, говоритъ Карамановъ безвучно, а ты не сдѣлала и перваго»...

Марина машинально взглядываетъ въ зеркало—и со страхомъ опускаетъ голову. Ей кажется, что Карамановъ смотритъ на нее своими холодными, стеклянными глазами, и глаза эти смѣются надъ ней. «Опять зеркало», говоритъ онъ и Маринѣ становится стыдно... Она отворачивается отъ зеркала и рѣшается не глядѣть въ него. «Зеркало съѣдаетъ умъ женщины, оно съѣдаетъ и ея честность», думаетъ она, и съ боязнью вспоминаетъ какъ часто она глядѣла въ зеркало, какъ часто стирала свой умъ и свою честность объ это гладкое, блестящее стекло. «Они правы, эти безжалостные люди, что такъ безпощадно бичуютъ все», шепчетъ ея разсудокъ, а сердце между тѣмъ поетъ какъ больной зубъ, и слезы готовы брызнуть изъ глазъ дѣвушки.

— А зачѣмъ это, барышня, энтотъ молодой баринъ мужикомъ ходитъ? заговариваетъ Офроська.

Марина не отвѣчаетъ. Едва ли она даже и разслышала вопросъ горничной. Офроська заговаривала нѣсколько разъ; но все было напрасно: барышня была почему-то неразговорчива. Она казалась очень разсѣянною и невнимательною къ своему туалету. Она не хотѣла даже, чтобъ ее причесали передъ зеркаломъ «Пусть этотъ уродъ не думаетъ, что я передъ нимъ кокетничаю», говорила она про себя, выходя здороваться съ родителями и съ братомъ.

— Ты что такая блѣдная? спросила ее мать, встрѣтивъ въ коридорѣ.

— Сонъ скверный видѣла, отвѣчала она, и пошла отыскивать брата.

Братъ и гость сидѣли на балконѣ. Марина ласково поздоровалась съ братомъ и сухо поклонилась гостю. Послѣдній привсталъ и предложилъ ей свой стулъ.

— Благодарю васъ—я не устала, уклонилась Марина.

— Но можете устать, возразилъ Карамановъ.

Марина не садилась.

— Не отказывайся Рина, садись, сказалъ братъ. — Эта первая въ жизни любезность Караманова: онъ еще ни кому не предлагалъ своего стула.

Карамановъ перенесъ свои глаза куда-то въ сторону и оперся о перила балкона.

— Это не любезность, а дѣло расчета, пробурчалъ онъ, все глядя въ сторону.

— Какого расчета? спросилъ Дмитрій.

— Простаго.... И я не усталъ, и Марина Константиновна не устала. Но она можетъ устать скорѣе меня.

— Отчего же? спросила Марина, вскинувъ на гостя свои большіе глаза.

— Отъ непривычки.... да и устоя меньше... Оттого я слабымъ всегда предлагаю свой стулъ, а сильнымъ никогда.

— Я не прошу васъ заботиться о моей слабости, замѣтила Марина, нѣсколько раздраживщись внутренно, но съ шипящей любезностью.

— Я и не забочусь, отвѣчалъ Карамановъ, и перенесъ глаза на нее.

Дмитрій засмѣялся и тоже всталъ. Рука его невольно опустилась на золотистые волосы сестры и стала ихъ приглаживать.

— Какая ты трепаная.... Точно въ тюкъ верблюжьей золотой шерсти свою рожицу запрятала, сказалъ онъ, а потомъ, обратясь къ Караманову, замѣтилъ: какой же тутъ расчетъ? Ты уступаешь свой стулъ сестрѣ, если не изъ любезности, которой ты не жалуешь, то изъ... человѣколюбія.

— Нѣтъ, по расчету, снова отрѣзалъ Карамановъ:—изъ эгоизма.

— Какой же тутъ эгоизмъ? Я не понимаю, замѣтилъ Дмитрій.

— Очень подлый, потому что сложный, отвѣчалъ Карамановъ нехотя.—Кто помогаетъ слабому въ пустякахъ, тотъ избѣгаетъ возможной необходимости помогать ему въ крупномъ... Дотяни эту ноту до конца, и поймешь мелодію моей пѣсни.

Внутренное раздраженіе Марины усиливалось; но она прятала его подъ своимъ лифомъ, а на лице не выпускала. Только тамъ подъ лифомъ точно скреблись слова: «Что-жъ онъ, все тѣшится, противный?»

— Дотяни самъ, сказалъ Дмитрій,—я не въ голосѣ.

— Изволь... Предположи, что Марина Константиновна можетъ дѣйствительно устать... Предположи даже, что отъ усталости она можетъ упасть въ обморокъ (я отправляюсь отъ пустяка и дохожу

до крупнаго—логически)—и тогда намъ будетъ больше съ ней хлопотъ, чѣмъ предложить ей стулъ.

— Натяжка, замѣтилъ Дмитрій, а у Марины кошка, что скребла подъ лифомъ, изъ подъ лифа перешла въ глаза—эти глаза сверкнули; но кошка еще не бросалась на Карамапова. — Неловкая натяжка, повторилъ Дмитрій.

— Да изъ натяжекъ сшита вся жизнь... Самая смерть—не ловкая натяжка.

Марина упрямо продолжала стоять, хотя ей хотѣлось сѣсть, такъ какъ послѣ тревожно проведенной ночи она чувствовала какую-то разбитость въ тѣлѣ и вялость сказывалась въ ея упругихъ ногахъ.

— Да вотъ, развѣ это не натяжка? продолжалъ Карамановъ, садясь на стулъ, и при этомъ какъ бы заскобилъ слѣдующія слова.— Когда пошло на состязаніе, я уступаю вамъ призъ въ стойкѣ, сказалъ онъ, кланяясь Маринѣ.

Кошка не утерпѣла и бросилась на добычу...

— Вы кокетничаете своимъ остроуміемъ, зазвонила Марина своимъ металическимъ голосомъ, съ скрытымъ шипѣньемъ змѣйки, у которой прищемился хвостъ.

— Столько же, сколько вы своими волосами, снова заскобилъ Карамановъ. — Развѣ напримѣръ это не натяжка? говорилъ онъ уже безъ скобокъ, медленно и спокойно.—Если я даю нищему пятакъ, то потому что боюсь, чтобъ онъ не отнялъ у меня когда нибудь рубля, а то и всего кошелька... Мы помогаемъ нищимъ и изъ жалости и изъ боязни, хотя даже не понимаемъ, что тутъ и боязнь дѣйствуетъ, а также расчетъ: если-бъ всѣ нищіе и всѣ бѣдные, не получая отъ насъ пятаковъ, увидѣли необходимость умереть съ голоду, они бы съ насъ, съ имущихъ, содрали кожу и сшили себѣ сапоги... Вотъ почему эгоистическій расчетъ требуетъ давать нищимъ пятаки, а дѣвицамъ предлагать стулья.

Карамановъ при этомъ взглянулъ на Марину, и губы его сдѣлали такую улыбку, какую дѣлаетъ собака, когда хочетъ укусить, да еще не обдумала своего плана.

— Точно также и честнымъ человѣкъ долженъ быть по расчету, изъ эгоизма, продолжалъ онъ. — Подлецомъ быть не выгодно. Подлецомъ можетъ быть только дуракъ, и всякій подлецъ въ сущности

глупъ. Вполнѣ умный человѣкъ подлецомъ быть не можетъ—это не расчетъ.

— Напротивъ, возразила Марина, глупый человѣкъ не съумѣетъ быть подлецомъ, а умный съумѣетъ. Оттого и говорятъ: «умный человѣкъ, да подлецъ.»

Карамановъ посмотрѣлъ на нее какъ-то вскользь и въ стоячихъ глазахъ его выразилось что-то въ родѣ минутной нерѣшимости.

— Я думалъ, что вы все-таки умнѣе, сказалъ онъ.

Дѣвушка отъ неожиданности присѣла даже на стулъ, съ котораго всталъ ея братъ.

— Ну, вотъ и сѣли, добавилъ Карамановъ.

Дмитрій тихо засмѣялся.

— Онъ очень снисходителенъ, Риночка—не правда-ли? сказалъ онъ, и съ улыбкой посмотрѣлъ на Караманова. — Онъ могъ сказать и хуже этого.

— Хуже этого остается только побить меня, прозвонила дѣвушка своимъ серебрянымъ голоскомъ.—Ну, бейте меня, какъ вы вѣроятно бьете вашихъ женщинъ—людей,—и она подчеркнула послѣднія слова.

Карамановъ въ свою очередь вскочилъ со стула.

— Нѣтъ, вы умнѣе, чѣмъ я полагалъ, сказалъ онъ весело.

— А ближе узнаете, такъ увидите, что я умнѣе васъ... Какъ вы однако скоро мѣняете ваши мнѣнія, сказала дѣвушка совсѣмъ весело, и разсмѣялась.

Дмитрій подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее въ голову. «Умница»! сказалъ онъ ласково: «а головенка все-таки не чесана».

— Было бы въ головенкѣ причесано, а на головенкѣ ничего... А вотъ у господина Караманова ни на головѣ, ни въ головѣ не причесано, я вижу, возразила Марина, глядя своими лучистыми глазами на гостя и стараясь не расхохотаться.

— Э! да вы опасный противникъ, сказалъ Карамановъ, осклабляясь своею собачьею улыбкой. — У васъ много остроумія, больше чѣмъ ума.... Остроуміе, впрочемъ, низшая способность ума, добавилъ онъ въ скобкахъ.

— А тупоуміе еще ниже, отразила дѣвушка, глядя на него пристально.

Карамановъ по видимому не ожидалъ такихъ рѣзкихъ отвѣтовъ и былъ ими пріятно изумленъ. Дмитрій между тѣмъ съ любопытствомъ наблюдалъ за состязаніемъ сестры съ гостемъ и былъ доволенъ отвѣтами Марины.

— Я радъ, что вы можете сражаться со мной почти равнымъ оружіемъ, сказалъ Карамановъ, подчеркнувъ слово «почти».

— Почти!.. Какая самоувѣренность! воскликнула Марина, вбирая въ себя воздухъ, какъ она это всегда дѣлала, когда выражала крайнее изумленіе. — Между остроуміемъ и тупоуміемъ «почти» неумѣстно.

Карамановъ, казалось, уже не слушалъ ее. Глаза его, недавняя улыбка и все его темное лице какъ будто застыли. Онъ смотрѣлъ куда-то вдаль, за Волгу, гдѣ сѣрые изломы горъ кой-гдѣ зеленѣли въ ложбинахъ молодою зеленью.

— Я смотрю на нашъ споръ серьезнѣе, чѣмъ вы, можетъ быть, думаете, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Я говорилъ, что умный человѣкъ не можетъ быть подлецомъ. Я разумѣю дѣйствительно умнаго человѣка. Человѣкъ прибѣгаетъ къ подлости только тогда, когда для достиженія своихъ цѣлей честными средствами онъ не надѣется на свой умъ. Воръ воруетъ просто по глупости, потому что у него не хватаетъ ума честнымъ образомъ пріобрѣсти ту вещь, которую онъ воруетъ. Воровство—признакъ глупости. Ложь—тоже результатъ глупости. Даже убійство истекаетъ изъ глупости: убійца потому отнимаетъ жизнь у другаго, что не умѣетъ съ помощью своего ума сдѣлать этого другаго безопаснымъ для себя или выносимымъ. Вполнѣ умному человѣку не расчетъ быть подлецомъ. Что за охота умному человѣку воровать, чтобъ потомъ бояться, что его воровство обнаружится и его посадятъ въ тюрьму? Что за охота умному человѣку быть убійцей? Вѣдь это и непріятно, и невыгодно... Это наконецъ стыдно, унизительно... Вотъ почему вполнѣ умный человѣкъ никогда не лжетъ, не воруетъ, не убиваетъ — по расчету, изъ эгоизма... Оттого умный человѣкъ никогда не притѣсняетъ слабаго, потому что это, въ концѣ концовъ, невыгодно, нерасчетливо, и оттого умный человѣкъ всегда предлагаетъ свой стулъ слабой женщинѣ—по расчету, а не изъ любезности.

— Такъ значитъ мы обязаны настоящимъ знакомствомъ съ вами только вашей расчетливости? спросила Марина лукаво.

— Только расчетливости, отвѣчалъ Карамановъ серьезно.

— Безъ расчета вы не дѣлаете ни шагу? снова спросила дѣвушка.

— Ни шагу...

— И знаешь ли, Риночка, вмѣшался братъ, онъ не любилъ ни одной женщины, потому что считаетъ это невыгоднымъ.

Дѣвушка съ новымъ любопытствомъ посмотрѣла на гостя. Замѣчаніе брата не вызвало въ немъ ни отрицанія, ни подтвержденія, ни даже улыбки. Марина склонна была думать, что это своего рода рисовка, напускное оригинальничанье.

— Что-жъ, можно драпироваться во всякія лохмотья, и въ яркія, и въ темныя, замѣтила дѣвушка. — Но подъ драпировкой все же остается человѣкъ, чувства котораго не зависятъ ни отъ плаща, ни отъ маски, которыя онъ на себя надѣваетъ... Я не вѣрю вашей искренности, обратилась она къ Караманову, какъ мой папа не вѣритъ, когда я говорю, что разлюбила сладкое.

— Это въ вашей волѣ — вѣрить и не вѣрить, сказалъ Карамановъ серьезно.—Я вамъ скажу одно только, что я не лгу. Я никогда не лгалъ, даже въ пустякахъ, даже въ шутку.

— Этому, Рина, ты можешь вѣрить, замѣтилъ Дмитрій; — онъ дѣйствительно никогда не лгалъ.

— Что-жъ, я вѣрю... Я сама никогда не лгу.

— Такъ вѣрьте же, что я ни во что не драпируюсь, сказалъ Карамановъ тономъ глубокаго убѣжденія.—Рисовка чѣмъ бы то ни было—это ложь, кокетничанье. А кокетство я ставлю на одну доску съ воровствомъ, даже хуже—кокетство равносильно поджогу чужаго дома. Я не кокетничаю, когда говорю, что не любилъ. Я не смѣю шутить тѣмъ чувствомъ, которое называютъ любовью.

— Да кто-жъ имъ шутитъ? спросила Марина.

— Многіе... собственно тѣ, которые не любятъ.... Я знаю, что чувство, о которомъ мы говоримъ—опасное проявленье человѣческой природы. Въ малыхъ размѣрахъ, дюжинное—оно пошло. Въ большихъ размѣрахъ, крупное—это великая сила, которая можетъ быть и доброю и злою... Сколько я могъ узнать человѣческую жизнь,

сила, о которой мы говоримъ—больше злая, чѣмъ добрая. Это зависитъ отъ несчастнаго строя нашего общества. А перемѣнится этотъ строй, я назову любовь великимъ благомъ... А теперь пока — любить вообще опасно, неблагоразумно, нерасчетливо.

— А если полюбится? спросила дѣвушка серьезно.

— Не надо чтобъ полюбилось.

— Ну, а если случится такое несчастье?

— Отъ насъ зависитъ, чтобъ не случилось.

— Но это невозможно.

— Возможно .. Я знаю по опыту...

Дѣвушка лукаво поглядѣла на собесѣдника. Въ глазахъ ея выразилось не то недовѣріе, не то раздумье.

— А если не убережется человѣкъ? спросила она.

— Тогда... ну, тогда ужъ приходится махнуть на все рукой.

Сказавъ это, Карамановъ поглядѣлъ на Дмитрія. Марина также обратила свое оживленное лице къ брату, который стоялъ позади ея стула, опираясь на балконъ и по видимому не слушая о чемъ говорили собесѣдники. Въ глазахъ дѣвушки мгновенно отразилось что-то похожее на испугъ, когда она увидѣла выраженіе лица брата. Лице это казалось спокойнымъ, но слишкомъ серьезнымъ. Дмитрій глядѣлъ куда-то вдаль, хотя глаза его по видимому не останавливались ни на чемъ, что могли видѣть и другіе глаза, а просто обращены были въ пространство. Маринѣ знакомо было это выраженье глазъ брата. Она уже видѣла эти глаза, она знала на что они смотрятъ, и ей стало страшно. Какъ бы съ затаеннымъ вопросомъ она обратила свои недоумѣвающіе глаза къ Караманову, и не могла не видѣть, что и тотъ замѣтилъ въ ея братѣ что-то такое, чего не могъ понять.

— Канадѣевъ, сказалъ онъ тихо, ты насъ не слушаешь?

Дмитрій молчалъ. Онъ слушалъ что-то другое и видѣлъ то чего они не видѣли. Марина слегка дотронулась до его руки. Онъ вздрогнулъ; но все еще мысль его была не тутъ, не въ Варгунахъ, не на балконѣ.

— Ты насъ не слушаешь? снова спросилъ Карамановъ.

Дмитрій посмотрѣлъ на него, и глаза его сказали, что онъ дѣйствительно не слушаетъ.

— Митя, ты о чемъ задумался? спросила Марина, вставъ и положивъ руки на плечи брата.

— Вонъ онъ виситъ на веревкѣ, сказалъ Дмитрій, указывая на горизонтъ, гдѣ стояло бѣлое, длинное, какъ повѣшенный мѣшокъ, облачко.—Тяжело ему... Зачѣмъ земля тянетъ его къ себѣ, душитъ его?.. Палачъ не душитъ, веревка не душитъ, а земля душитъ... тянетъ... силою тяготѣнія душитъ повѣшеннаго... Земля палачъ... злая земля...

Марина испуганно и жалобно посмотрѣла на Караманова. Тотъ съ участіемъ приблизился.

— Канадѣевъ, сказалъ онъ, стараясь стать въ фокусѣ зрѣнія своего друга и привлечь его вниманіе,—Канадѣевъ! зачѣмъ отрѣшаться отъ дѣйствительности, отъ земли?

— Но вѣдь ты самъ видѣлъ какъ онъ висѣлъ, отвѣчалъ Дмитрій съ болѣе сознательнымъ выраженіемъ глазъ.

— Видѣлъ, а теперь не вижу... Зачѣмъ вспоминать?

— А ты не вспоминаешь?

— Нѣтъ... Зачѣмъ? то прошлое, то сонъ, а у насъ есть дѣло.

— Да, есть...

Онъ нѣжно посмотрѣлъ въ лице сестры, въ ея грустные глаза, и замѣтивъ, что руки ея лежатъ на его плечахъ, тихо протянулъ къ своимъ губамъ эти руки и поцѣловалъ ихъ.

— А у тебя никого нѣтъ? спросилъ онъ, повернувъ свое блѣдное лице къ Караманову.

— Никого... Зачѣмъ?

— И никто тебя не любитъ?

— Никто... Зачѣмъ? Я самъ никого не люблю.

Дмитрій посмотрѣлъ на него недовѣрчиво.

— Не вѣрь ему, Рина, сказалъ онъ сестрѣ:—это такая добрая душа, хоть и свирѣпая на видъ, что не только готовъ снять съ себя послѣднюю рубашку для бѣднаго, но позволитъ голодному откусить у себя палецъ, если тотъ попроситъ.

— Нѣтъ, не позволю, возразилъ Карамановъ.

— А развѣ ты не снялъ съ себя—помнишь — тамъ на Охтѣ, шубы и не покрылъ ею того больнаго?

— Что-жъ, снялъ, потому что у меня дома была другая шуба...

— А помнишь, мы же съ тобой голодали и кормили другихъ...

— Нѣтъ, забылъ, сказалъ Карамановъ равнодушно.

Марина, впрочемъ, такъ была разстроена и напугана болѣзненнымъ припадкомъ брата, проявившимся въ это утро, что минутная живость ея тотчасъ уступила мѣсто какой-то усталости и снова ее охватила тоска, которую она почувствовала при пробужденіи. Опять Карамановъ сталъ ей казаться какимъ-то неумолимымъ судьею ея совѣсти, и она ненавидѣла его и въ то же время ничего такъ страстно не желала какъ заслужить его одобреніе, обратить на себя его вниманіе. «Не даромъ тотъ блѣдный юноша пошелъ за его словомъ... Неужели и я пойду за нимъ, какъ идетъ безсильная птичка въ ужасную пасть удава?» думала она.

У балконной двери показалась растрепанная голова Офроськи. Красная ленточка была на боку. Лице дѣвчонки казалось встревоженнымъ.

— Барышня! сказала она нерѣшительно,—а, барышня-съ!

— Что ты? спросила Марина, вздрагивая.

— У насъ бѣда случилась, барышня.

— Что такое! что случилось! спросила дѣвушка съ испугомъ.

— Онъ костью подавился... умираетъ-съ.

— Кто умираетъ?

— Дарвинъ, барышня,—костью подавился.

Карамановъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ и на Марину и на Офроську.

— Это у насъ котъ называется Дарвиномъ, сказала Марина вспыхнувъ, и поспѣшно ушла съ балкона.

Карамановъ, обратясь къ Дмитрію, хотѣлъ было спросить его о чемъ-то, но снова былъ пораженъ страннымъ выраженіемъ лица своего друга, выраженіемъ, которое было у него за нѣсколько минутъ передъ этимъ. Во взглядѣ Дмитрія выражалась не сосредоточенность, не задумчивость, а какая-то отрѣшенность мысли отъ того, что было здѣсь, передъ глазами.

— Канадѣевъ! сказалъ онъ тихо, положивъ руку на плечо Дмитрія,—хочешь настоящаго дѣла?

Тотъ посмотрѣлъ на него такъ, какъ смотритъ человѣкъ, который не сразу понялъ что ему сказали.

— Хочешь настоящаго дѣла? снова спросилъ Карамановъ.

— Дѣла... да... дай мнѣ дѣло... не покидай меня...

Карамановъ взялъ его подъ руку и увелъ съ балкона.

XXX.

Пока Карамановъ будетъ подготовлять Канадѣева къ «настоящему дѣлу», мы позволимъ себѣ возвратиться къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ нашего повѣствованія,—къ Стожарову и Бармитиновой.

Когда Стожаровъ и Карамановъ ѣхали въ Варгупы, чтобы приводить въ исполненіе свои планы, первый между прочимъ говорилъ своему пріятелю:

— Въ варварскія времена поклоненія животной красотѣ женщины, дикіе французы, а за ними и вся дикая Европа, говорили, что «человѣкъ предполагаетъ, а женщина располагаетъ. «Въ менѣе дикія времена идеалистическаго вѣрованія въ идеальную силу человѣка, который разсматривался какъ математическая величина, говорили, что «человѣкъ предполагаетъ, человѣкъ и располагаетъ». Въ болѣе новыя времена, въ которыя мы живемъ, принято уже говорить, что «человѣкъ предполагаетъ, а старуха Ананке располагаетъ». Подъ этой старухой, какъ вамъ извѣстно, подразумѣвается совокупность всѣхъ неблагопріятныхъ условій жизни, съ которыми должно биться человѣчество: старуха Ананке—это все, что насъ опутываетъ — и «среда, заѣдающая» того, кто конечно по мелкостности своихъ силенокъ позволитъ ей это канибальство, и человѣческая бѣдность, и голодъ, и давленіе общественнаго молота на общественную наковальню, и рабство во всѣхъ его грубыхъ и деликатныхъ видахъ.

— И вы согласны съ этимъ послѣднимъ объясненіемъ? спросилъ Карамановъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Стожаровъ.

— Почему же?

— Да потому что это слишкомъ по дѣтски—все валить на старуху Ананке: такъ-де начальство приказало... Старуха сама по себѣ не существуетъ, а ее сдѣлали сами люди. Въ этомъ случаѣ со-

временное общество похоже на дикарей, которые натесали для себя деревянныхъ и каменныхъ идоловъ и приносятъ имъ человѣческія жертвы.

— Что же, по вашему, «располагаетъ» всѣмъ? спросилъ Карамановъ.

— Глупость, просто человѣческая глупость—во всемъ она виновата. Она сдѣлала и старуху Ананке, и заѣдающую среду, какъ дикари дѣлаютъ своихъ кровожадныхъ деревянныхъ болвановъ, и бѣдность, и голодъ, молотъ и наковальню, грубое рабство и деликатное холопство... Что касается лично до меня, то я вытолкалъ старуху въ шею: я математически высчиталъ что мнѣ нужно, вымѣрялъ, взвѣсилъ, долго-таки бился съ старухой, но добился своего—мое личное счастье теперь въ моихъ рукахъ.

— И вы его возьмете?

— Возьму... Я долго не бралъ его, потому что какъ Язонъ долго долженъ былъ бороться съ чудовищами.

— Но ручаетесь ли вы, что его чудовища не вырвутъ изъ вашихъ рукъ?

— Я ихъ убилъ.

— А случаю вы не вѣрите?

— Не вѣрю... безпричинности и случайности я не признаю: все зависитъ отъ того, *какъ* я или другіе подготовили то, что должно произойдти.—Случая нѣтъ ни въ природѣ, ни въ жизни.

А между тѣмъ въ Варгунахъ его ожидало то, что другіе, по общепринятой, устарѣвшей человѣческой терминологіи, назвали бы случаемъ, страшнымъ, роковымъ случаемъ, или неожиданнымъ и неотвратимымъ ударомъ безсмысленнаго рока.

Полна глубокаго счастья и для Стожарова и для Вареньки была ихъ встрѣча. Добровольно наложенный ими на себя аскетическій подвигъ во имя идеи, на что способны только люди, которыхъ называютъ или сумасшедшими или фанатиками, а иногда—вѣдь величіе всегда граничитъ съ сумасшествіемъ, съ точки зрѣнія дюжинныхъ, грошовыхъ умовъ—великими,—наконецъ совершенъ благополучно. И Стожаровъ и Варенька могли сказать, положа руку на сердце, что они теперь завоевали себѣ право на свое личное счастье, потому что, поработавъ для другихъ, успѣли дать счастье этимъ другимъ,

успѣли накормить много голодныхъ. Стожаровъ затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы взять съ собой Вареньку и уже не разставаться съ нею.

Когда онъ сошелъ съ парохода и когда Канадѣевъ предложилъ Караманову остановиться у нихъ въ домѣ, Варенька спросила Стожарова:

— А вы ко мнѣ или къ Ногину?

— Конечно къ вамъ, если вы не сочтете неприличнымъ дѣвушкѣ находиться подъ одной крышей съ чужимъ мужчиной.

— Я не считаю этого неприличнымъ, а до другихъ мнѣ дѣла нѣтъ, отвѣчала Варенька.—Пусть дьячки меня осуждаютъ за это.

— Правда... Если смотрѣть на дьячковъ, то тогда для каждаго мужчины и для каждой дѣвушки слѣдовало бы строить отдѣльные дома или запирать ихъ по особымъ стойламъ.

Затѣмъ онъ велѣлъ свой багажъ нести въ квартиру Вареньки. Эта квартира находилась во флигелѣ при домѣ земскаго училища. Флигель раздѣленъ былъ на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной, въ надворной, помѣщалась Кузьминишна съ дворникомъ, онъ же и сторожъ училища, по имени Савельичъ; въ другой, которая выходила на улицу, жила сама учительница. При ней находилась, въ качествѣ горничной, бѣловолосая, четырнадцатилѣтняя крестьянская дѣвушка, которую Варенька, за ея вертлявость и постоянную непосѣстность, называла перпетуумъ мобиле. Помѣщеніе Вареньки состояло изъ трехъ комнатъ — изъ залы, гдѣ стоялъ ройяль и большой письменный столъ, за которымъ она иногда занималась съ своими воспитанниками, изъ гостиной и спальной, служившей въ тоже время и кабинетомъ для дѣвушки. Стожарову отведена была гостиная.

Весь день Варенька казалась очень оживленною. Большіе прекрасные глаза, и безъ того отражавшіе всю силу внутренняго огня, теперь казались еще болѣе яркими и еще болѣе красивыми. На блѣдныхъ щекахъ вырѣзывался яркій румянецъ, чего Стожаровъ не замѣчалъ за ней прежде, такъ какъ лице Вареньки всегда было матово-бѣлымъ.

— Какая ты стала хорошенькая, говорилъ Стожаровъ вечеромъ этого дня, когда они остались только двое.

— Я рада, что нравлюсь тебѣ, отвѣчала дѣвушка, — а развѣ прежде я была хуже? спросила она.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ онъ, всматриваясь въ ея лице; — можетъ быть, это капризъ вкуса, только ты... еще больше похорошѣла.

Дѣвушка улыбнулась и взяла Стожарова за руку.

— Какой ты гадкій! сказала она ласково, — а если-бъ я была не хорошенькая, ты разлюбилъ бы меня?

— Не знаю... Впрочемъ, не думаю: *тебя* и дурную я любилъ бы.

— Однако странно, сказала дѣвушка задумчиво,—сколько я знаю, начальнымъ стимуломъ для любви мужчины къ женщинѣ всегда бываетъ красота, между тѣмъ какъ женщина можетъ любить вполнѣ безобразнаго мужчину... Прекрасная, изящная герцогиня страстно любитъ какого-нибудь церковнаго сторожа Квазимодо, дѣвушка-ребенокъ отдается со всѣмъ пыломъ первой любви старику, когда видитъ въ немъ силу ума, благородство характера... Вѣдь вотъ ты, какъ страшно подурнѣлъ, постарѣлъ, а я люблю тебя больше, чѣмъ любила тогда, когда ты былъ бѣленькимъ студентомъ... А вотъ вы, сластолюбцы, любите только хорошенькихъ и молоденькихъ: будь старуха геніальна, вы не влюбитесь въ нее, а мы въ старика-генія всю душу положить готовы. Да?

— И да и не да, отвѣчалъ Стожаровъ, раздумчиво глядя на яркій румянецъ бѣлыхъ щекъ дѣвушки.

— Нѣтъ, только *да*, сказала дѣвушка настойчиво.—Я готова думать, хотя бы мнѣ этого не хотѣлось, что любовь женщины менѣе чувственна, чѣмъ ваша.

— Ты думала, Варя, да не додумала до конца, моя умница, сказалъ онъ, притягивая къ себѣ ея обѣ блѣдныя, хрупкія руки и разглядывая ихъ.—Мы вотъ это любимъ—вотъ эти блѣдныя, хрупкія ручки, мы любимъ вотъ эти слабыя, хрупкія, нуждающіяся въ помощи существа... Мы любимъ то, чему можемъ принести счастье, что нуждается въ нашей силѣ...

— А мы?

— Вы, младшія, слабѣйшія дѣти природы, любите эту силу— силу ума и силу тѣла, хотя бы оно было безобразно. Оттого вы полюбите всякаго мужчину, только дряблаго не полюбите—дряблаго

умомъ и дряблаго тѣломъ: умственная и физическая дряблость мужчины возбуждаютъ въ васъ отвращенье.

— Это справедливо только отчасти, мнѣ кажется, возразила дѣвушка.—Положимъ, я люблю вотъ эти жесткія руки и вотъ это загрубѣлое лице (она пригнулась къ лицу Стожарова), потому что эта жесткость и грубость прикрываютъ силу и умъ, но отчего же женщина иногда страстно иобитъ слабаго и жалкаго мужчину?

— Просто по закону контрастовъ, по тому же закону, по которому сильный мужчина любитъ хрупкую, слабую женщину. Сильная женщина, дѣйствительно, можетъ иногда любить слабаго мужчину, но только потому, что надѣется своей силою создать изъ него человѣка... Мы болѣе всего любимъ актъ творчества... Едва вышедшая изъ дѣтства дѣвочка счастлива и горда бываетъ тѣмъ, что заставляетъ пожилаго мужчину полюбить себя... Оттого безсиліе любитъ силу, а сила безсиліе, оттого и красота иногда любитъ безобразіе.

Онъ замолчалъ, продолжая держать въ своихъ рукахъ руки дѣвушки, и задумчиво глядѣлъ на нихъ.

— Когда же мы поѣдемъ домой? спросилъ онъ, прерывая молчанье.

— Я всегда готова, отвѣчала дѣвушка чуть слышно, и Стожаровъ почувствовалъ, что руки ея дрогнули въ его рукахъ.

— А на какихъ правахъ? спросилъ онъ снова.

Дѣвушка молчала. Руки ея начинали горѣть въ рукахъ Стожарова.

— Подъ вѣнецъ? спросилъ онъ, выпуская ея руки и отодвигаясь.

Лице дѣвушки вдругъ побѣлѣло, но розовыя пятна не сходили со щекъ. Она подняла голову, и глаза ихъ встрѣтились: выраженіе глазъ Стожарова было строго и холодно. Дѣвушка закашлялась, и приложивъ платокъ къ лицу, долго его не отнимала. У Стожарова какъ бы отяжелѣло сердце. Онъ снова придвинулся къ дѣвушкѣ и тихо привлекъ ее къ себѣ. Она не сопротивлялась.

— Ты боишься? спросилъ онъ ласково.

— Чего боюсь? (голосъ дѣвушки, когда она горорила это, какъ бы рвался на части).

— Переступить черезъ трупъ.

Дѣвушка отняла платокъ отъ лица и взглянула въ глаза Стожарова. Глаза эти измѣнили прежнее выраженіе. Она тихо освободилась отъ его рукъ.

— Какой трупъ? спросила она въ недоумѣніи.

— Трупъ рутины... Еслъ мы его не переступимъ, не бросимъ за собою, онъ будетъ гнить передъ нами и отравлять нашу жизнь.

Дѣвушка положила руку на плечо Стожарова. Рука дрожала.

— Я сама думала объ этомъ, и долго мучила меня эта мысль.

— И что же?

— Въ трупѣ такъ много еще силы: трупъ этотъ въ состояніи убить и того кто не въ силахъ перешагнуть черезъ него и того кто перешагнетъ. Такихъ примѣровъ много.

Стожаровъ съ любовью погладилъ распустившіеся до плечъ волосы дѣвушки, какъ гладятъ любимыхъ дѣтей.

— Свѣтлая головка, сказалъ онъ, любуясь впрочемъ не собственно головкой, а хорошенькимъ личикомъ дѣвушки,—умница моя! Ты права,—трупъ страшенъ и силенъ: если мы его испугаемся и не перешагнемъ черезъ него, если мы, «сочетаемся законнымъ бракомъ», мы можемъ или погубить себя или должны будемъ обманывать другъ друга. Твои чувства могутъ ко мнѣ измѣниться, ты можешь полюбить другаго...

Глаза дѣвушки сверкнули, и она положила обѣ руки на плечи Стожарова.

— Или ты встрѣтишь другое «слабое, хрупкое существо»—и это «хрупкое тѣло» потянетъ тебя къ себѣ, и ты захочешь «помочь» ему, сказала дѣвушка съ разстановкой и глядя своими искристыми глазами въ глаза Стожарова. Руки его дѣйствительно потянулись къ хрупкому тѣлу дѣвушки и обвились вокругъ хрупкой таліи Вареньки. Сильное и крѣпкое, вопреки законамъ физики, обвилось вокругъ слабаго и хрупкаго...

— Не думаю, сказалъ онъ, однако не ручаюсь за капризы моего ума и... тѣла... Можетъ и потянетъ...

Хрупкая талья дѣвушки выскользнула изъ сильныхъ рукъ Стожарова и руки ея соскользнули съ его плечъ.

— Во всякомъ случаѣ, продолжалъ Стожаровъ, лучше обезпечить свободу открытаго отступленія, чѣмъ прибѣгать къ бѣгству или обману. Связанные по рукамъ и по ногамъ законнымъ бракомъ, мы, если надоѣдимъ другъ другу, не можемъ свободно разойдтись, потому

что намъ этого не позволятъ, и мы другъ друга задушимъ, конечно раньше задушитъ тотъ, кто меньше любитъ.

Дѣвушка было приподнялась съ дивана, на которомъ сидѣла, и снова опустилась на мѣсто.

— Я все это передумала, сказала она грустно.

— И нашла, что я правъ?

— Правъ, хоть страшно въ этомъ сознаться... Нерасторжимость брака ведетъ за собою страшныя послѣдствія—очень часто обманъ, и иногда доводитъ до ужасныхъ преступленій. Вотъ что страшно! Но и «гражданскій бракъ» звучитъ такъ пошло, такъ гадко... истаскали это слово, какъ истаскали нигилизмъ... Я знала одну барышню-воровку, буквально воровку, безграмотную и пошлую, которая, воруя сахаръ, воображала себя нигилисткой и чуть ли не тому же учила свою молоденькую кузину... Вотъ до чего можетъ истаскаться всякое понятіе, когда оно попадетъ въ узкія или грязныя головы... О! какъ это тяжело! въ какое ужасное, безвыходное положеніе поставили себя люди!..

Дѣвушка въ какомъ-то страстномъ порывѣ отчаянья ломала руки и, припавъ головой къ столу, горько заплакала, такъ что все ея тѣло судорожно вздрагивало.

Стожаровъ пораженъ былъ этимъ взрывомъ отчаянья. Онъ силился приподнять отъ стола голову дѣвушки, но та продолжала плакать.

— Варя! дорогая моя... зачѣмъ такое горе? говорилъ онъ испуганно, привлекая къ себѣ дѣвушку; но та снова падала на столъ.

— Гдѣ же выходъ? говорила она задыхаясь: —гдѣ спасенье?

— Спасенье въ насъ самихъ, дитя мое дорогое, бѣдненькое, утѣшалъ ее Стожаровъ.

— Дитя... дитя! говорила навзрыдъ дѣвушка; — а наши... если они будутъ.

Она не могла договорить.

— Кто наши, милая?

— Дѣти!.. точно оборвалось это слово въ груди дѣвушки и вылетѣло съ рыданьемъ.

Стожаровъ силой приподнялъ дѣвушку за талью и какъ маленькаго ребенка прижалъ къ своей груди.

— Плачь тутъ, шепталъ онъ, цѣлуя ея голову.

Дѣвушка продолжала плакать, но какъ будто стихало ея страстное отчаянье и горе становилось менѣе острымъ и жгучимъ.

— Трупъ... трупъ... говорила она всхлипывая,—перешагнуть его можно, но уйдти отъ него нельзя... Онъ притянетъ къ себѣ назадъ холодными руками, онъ задушитъ... не насъ...

— А кого же, другъ мой?

— Дѣтей нашихъ... Твоихъ... моихъ... Чьи они будутъ?..

— Чьи они будутъ? — Наши: твои и мои. Фамилія ихъ будетъ «Стожаровы-Бармитиновы.» И ты будешь Стожарова-Бармитинова, и я буду Стожаровъ-Бармитиновъ. Ты не потеряешь своей фамиліи—у тебя ее не отнимутъ бракомъ... Это обидно для женщины... Жена съ честью носитъ фамилію своего мужа, и мужъ долженъ съ честью носить и хранить фамилію своей жены, фамилію той, которую онъ любитъ, которая дала ему счастье... Понимаешь, Варя?

Дѣвушка все еще не успокоивалась. Все тѣло ея вздрагивало.

— Будетъ, будетъ, дитя мое, говорилъ Стожаровъ, отирая ей слезы, какъ это дѣлаютъ маленькимъ дѣтамъ.—Зачѣмъ такой взрывъ отчаянья?

— Я не могу... я разстроена...

Дѣвушка мало-по-малу оправлялась. Она сама припала головой къ груди Стожарова.

— Вотъ и говори, что это хрупкое тѣло не обаятельно, сказалъ онъ съ волненьемъ, — что эта безпомощность и безсиліе не вызываютъ силу на жертвы: теперь, для твоего успокоенья, я готовъ дать мое грубое, сильное тѣло на истязанье... Это-то чувство побуждаетъ меня биться и за счастье русскаго народа, за голодныхъ, слабыхъ, обиженныхъ...

— Ты добрый... ты благородный, шептала дѣвушка.

Въ сѣняхъ послышались торопливые шаги. Варенька рванулась отъ Стожарова.

— Зачѣмъ? Ты всегда развѣ такъ будешь стыдиться? спросилъ онъ.

— Всегда... Я не могу... при другихъ...

— Даже если-бъ мы и обвѣнчались?

— Даже и тогда... всегда...

Дѣвушка подвинулась на другой конецъ дивана и старалась опра-

виться; но лице ея не умѣло лгать, потому что никогда никого не обманывало.

— Ты права, сказалъ тихо Стожаровъ.

Въ дверяхъ показалась бѣловолосая перпетуумъ мобиле. Изъ за нея выглядывала такая же бѣлокурая, растрепанная головка Кузи Ногина.

— Ты что такъ поздно? Опять бѣжалъ? спросила Варенька, замѣтивъ своего ученика.

— Нѣтъ, не бѣжалъ, Варвара Григорьевна, отвѣчалъ мальчикъ, по обыкновенію теребя свой искомканный картузъ.

— Что же случилось? спросила дѣвушка снова.

— Я... меня дѣдушка... (Мальчикъ замялся).

— Что, опять посѣкъ?

— Нѣтъ, дѣдушка везетъ меня въ гимназію... лѣтомъ... на пароходѣ...

— Очень рада за тебя, сказала дѣвушка.

— Дѣдушка говоритъ, что купитъ мнѣ столько книгъ, сколько я подниму... А я, Варвара Григорьевна, подниму цѣлый пудъ...

Восторгъ и торопливость мѣшали мальчику говорить. Онъ былъ весь красный.

— Скажи дѣдушкѣ, что я очень рада, проговорила дѣвушка, глядя на Стожарова, который ласково улыбался мальчику.—Прощай.

— Прощайте... Я скажу дѣдушкѣ, что Варвара Григорьевна очень рада...

Съ этими словами мальчикъ выскользнулъ въ дверь. Слышно было какъ онъ, сбѣгая съ крыльца, говорилъ торопливо: «Савельичъ! а Савельичъ! Варвара Григорьевна очень рада, что меня отдаютъ въ гимназію»...

Перпетуумъ мобиле, между тѣмъ, прошмыгнула по всѣмъ комнатамъ, нигдѣ не останавливаясь, дотронулась до нѣкоторыхъ предметовъ, мебели, вещицъ, нѣкоторыя переставила съ мѣста на мѣсто, звякнула чайными чашками, пошуршала какими-то бумагами, снова прошмыгнула, раза два зацѣпилась, раза три стукнула, повертѣлась на мѣстѣ и остановилась на секунду передъ своей госпожой, по видимому готовая снова куда-то бѣжать, стучать, зацѣпляться, шуршать, звякать и вертѣться.

— Гдѣ прикажете постелить барину? спросила она впопыхахъ, какъ бы ей нужно было бѣжать куда либо сломя голову.

Варенька посмотрѣла на Стожарова, не зная что отвѣчать.

— Мнѣ все равно—я могу лечь даже на дворѣ, въ кухнѣ, подъ заборомъ. Я вездѣ буду хорошо спать, сказалъ Стожаровъ улыбаясь.

— Нѣтъ, нѣтъ! поторопилась Варенька, — вы ляжете въ гостиной, тамъ широкій и длинный диванъ.—Постели тамъ, Перпетинька.

— Напрасно... Я могу спать на гвоздяхъ какъ Рахметовъ, замѣтилъ Стожаровъ.

Перпетуумъ мобиле бросилась въ гостиную и завозилась тамъ словно во время пожара. Потомъ она стремглавъ понеслась въ спальню барыни, пошумѣла и повозилась тамъ, сбѣгала разъ пять въ кухню, раза три въ темнотѣ, въ сѣняхъ, налетала на дверь, снова вихремъ проносилась черезъ комнаты, и наконецъ, затворивъ зальную дверь, улеглась въ крошечной передней, и тотчасъ же заснула.

Скоро разошлись по своимъ комнатамъ Варенька и Стожаровъ. Хотя диванъ въ гостиной былъ очень широкъ и длиненъ, однако Стожарову казался онъ хуже Рахметова ложа, потому что сонъ упорно отказывался закрыть усталые глаза Стожарова. Онъ впрочемъ долго читалъ, хотя чтеніе мало его занимало въ эту ночь. Его мучила безотвязная мысль: въ состояніи ли перенести Варенька ту суровую жизнь, которая ожидала ее въ Оболоньѣ, и имѣлъ ли онъ право закабалить дѣвушку въ свое захолустное царство потому только, что дѣвушка его любила. А если она разлюбитъ его, если опротивѣетъ ей та аскетическая жизнь, которая ей готовилась, и вѣчная возня съ крестьянскими дѣтьми, которыхъ Стожаровъ намѣревался воспитать въ идеальныхъ гражданъ идеальной общины? Что станется съ ихъ собственными дѣтьми, которыя вѣроятно будутъ у нихъ и которыя не могутъ быть ни Стожаровыми, ни Бармитиновыми, потому что не получатъ правъ состоянія?.. Онъ видѣлъ передъ собой тотъ страшный трупъ, черезъ который слѣдовало переступить, и трупъ этотъ выросталъ въ гору, и черезъ эту гору не было никакихъ человѣческихъ силъ перебраться... Нѣтъ, отъ прошлаго не легко отрываться: отвернуться отъ него нельзя, потому что оно столько же прошедшее, сколько на-

стоящее и—что еще ужаснѣе — оно и будущее держитъ въ своихъ когтяхъ... За себя Стожаровъ не боялся: онъ застраховалъ себя отъ всѣхъ постороннихъ вліяній, отъ трупа, труса, огня и меча. А Варенька? Достанетъ ли у нея стойкости? Не вспомнитъ ли она, впослѣдствіи, тѣхъ пошлыхъ примапокъ свѣта, на которыя такъ падки всѣ женщины, даже порядочныя, и не потянетъ ли ее въ этотъ свѣтъ, гдѣ для женщины такъ обаятельна вся его киргизская обстановка — визиты, танцы, глазки да лапки, унижающій человѣка успѣхъ въ этомъ киргизскомъ свѣтѣ и растлѣвающее мозгъ и тѣло ничегонедѣланье свѣтскихъ кретиновъ и кретинокъ?.. И вотъ ему чудится, что онъ уже видитъ свою Вареньку въ киргизской кибиткѣ — въ свѣтской гостиной, и Варенька, по обычаю всѣхъ киргизокъ, оголена на столько, на сколько нужно для возбужденія киргиза, и болтаетъ она по киргизски о предметахъ, могущихъ интересовать только киргизовъ, и подходятъ къ ней киргизы и по киргизски любезничаютъ съ нею, и потомъ киргизы и киргизки смѣшиваются, кружатся какъ хлысты около чана съ водой и какъ хлыстовки съ голыми плечами и грудями прыгаютъ киргизки, а киргизы хватаютъ ихъ за талію, за руки, и пляшутъ они какъ дикари около костра, а киргизски поютъ: «пляшу, пляшу, самца прошу».... И слышится Стожарову запахъ трупа.... Киргизы и хлысты смѣшались — у нихъ одно вѣроисповѣданіе, одни традиціи, они всѣ дѣти того же трупа.... И видитъ онъ въ сторонѣ блѣдное лице, какія бываютъ только у истязаемыхъ, и лице ему это знакомо, потому что онъ видѣлъ это лице въ гробу... Да, это оно, это лице Добролюбова... Какъ онъ попалъ въ киргизскую кибитку? Что вызвало его изъ гроба?.. Безумные! говоритъ это блѣдное, истомленное страданіемъ лице: «Зачѣмъ вы останавливаете движеніе человѣческой мысли? Зачѣмъ вы задерживаете работу лучшихъ людей? Не для васъ ли они проводятъ безсонныя ночи, отказываясь отъ собственнаго счастья, отъ сытнаго куска хлѣба? А вы что дѣлаете? Вы продолжаете тупо смотрѣть на свой позоръ, на свое безобразіе, которое не кажется вамъ безобразіемъ потому, что вамъ позволяютъ любезничать съ киргизами? Гдѣ же ваша честь, гдѣ вашъ умъ?... Зачѣмъ вы живете, жалкіе, безполезные киргизы? Уступайте мѣсто новымъ поколѣніямъ и не дотрогивайтесь до нихъ вашими

грязными руками... Ваше темное царство кончается: вы пляшете въ одеждѣ мертвыхъ, и не слышите какъ стучатъ подъ бальную музыку ваши пересохшія подъ саванами кости... Но вы смертью не раздѣлаетесь съ землею: васъ опозоритъ исторія, будущее поколѣніе за то, что вы лучшихъ ея людей замучили вашей тупостью, вогнали въ гробъ вашимъ равнодушіемъ». Добролюбовъ закашлялся — и кашель былъ такой тяжелый, надрывающій сердце...

Стожаровъ проснулся и сталъ прислушиваться. Надрывающій сердце кашель продолжался гдѣ-то въ сторонѣ... Неужели это все еще кашель Добролюбова?.. Нѣтъ, это не сонъ, это дѣйствительность, и едва ли дѣйствительность эта не страшнѣе самого сна. Это кашляла Варенька, и такимъ страшнымъ, опаснымъ кашлемъ.

Стожаровъ вскочилъ съ постели, наскоро одѣлся и вышелъ изъ своей спальни. Въ темнотѣ онъ добрался до двери, за которой слышался болѣзненный кашель дѣвушки, и не зналъ что ему дѣлать. Онъ хотѣлъ тихонько постучать въ дверь, но руки его такъ дрожали, что онъ сначала не рѣшился на это. Онъ слышалъ какъ будто ускоренные шаги за собою—это стучало его собственное сердце.

Кашель смолкъ. Стожарову слышалось только какъ стучало его сердце. Слышалось ему еще что-то вродѣ слабаго, болѣзненнаго стона за дверью. Наконецъ, воля пересилила испугъ и дрожанье рукъ, и Стожаровъ тихонько постучался въ дверь спальни, и почему-то ему тотчасъ представилось съ ужасомъ, что онъ стучится въ гробовую доску.

— Кто тамъ? послышался слабый голосъ изъ спальни.

Стожаровъ не узналъ этого голоса, хотя ужасъ его говорилъ ему, что онъ знаетъ чей это голосъ.

— Это я, сказалъ онъ вздрагивая и тѣломъ и голосомъ.—Могу я войдти къ вамъ?

Отвѣтъ замедлился.

— Ты больна? спросилъ онъ снова, и безсознательно ломалъ свои руки съ такою силою, что если-бъ это были менѣе крѣпкія руки, то онъ переломилъ бы ихъ кости.

— Ничего... Войди, послышался тотъ же голосъ.

Стожаровъ дрожащею рукой пріотворилъ дверь и остановился. Онъ почувствовалъ во всемъ своемъ тѣлѣ такую встряску, что готовъ былъ

упасть. Но онъ не упалъ—встряска была слабѣе его. Въ спальни горѣла свѣча. У постели, въ глубокомъ креслѣ, сидѣла Варенька, вся въ бѣломъ, точно въ саванѣ — въ бѣлой ночной блузѣ и бѣломъ спальномъ чепцѣ... «Саванъ, саванъ», застучало въ сердцѣ у Стожарова, но этотъ стукъ сердца былъ слабъ, чтобы повалить на землю все тѣло Стожарова. Онъ удержался на ногахъ, только схватился за то мѣсто, гдѣ стучало сердце.

Варенька глядѣла на него съ улыбкой, съ такою кроткою, тихою, ласковою, но за то съ такою слабою.

— Неприлично мужчинѣ входить въ спальню дѣвушки, сказала Варенька съ тою же кроткою и слабою улыбкою.

Стожаровъ автоматически подошелъ къ ней и автоматически, тихо опустился передъ ней на колѣни, съ смутною мыслью, что ему надо поближе увидѣть лице дѣвушки. Она протянула къ нему руки. Онъ взялъ ихъ—руки были холодны.

— Что съ тобой, дитя мое? спросилъ онъ, чувствуя, что слезы подступаютъ не къ глазамъ, а какъ будто къ горлу, и душатъ его.

— Ничего... Кашель.

Нечаянно глаза его упали на бѣлыя широкія завязки чепчика Вареньки,—и онъ весь задрожалъ. На одной лентѣ онъ увидѣлъ свѣжее пятно крови... Голова его какъ будто похолодѣла и волосы на ней зашевелились... Это былъ моментъ, въ который сѣдѣютъ волосы даже на самой молодой головѣ... Онъ какъ будто слышалъ, что и его волосы сѣдѣютъ, поднимаясь одинъ за другимъ.

Варенька тоже замѣтила кровь на лентѣ и быстро, дрожащими руками, сбросила съ себя чепчикъ. Стожаровъ чувствовалъ, что и его руки холодѣютъ. Онъ готовъ былъ вскрикнуть, но боялся своего собственнаго голоса, и молчалъ,—только зрачки его глазъ расширились и были неподвижны какъ у умирающаго.

— Милый!.. не бойся.... это кашель, говорила Варенька, нагибаясь къ нему и обхватывая его голову.

— А кровь... неужели такъ далеко зашло? бормоталъ онъ какъ бы безсознательно.

— Нѣтъ, нѣтъ... это ничего, утѣшала его дѣвушка.

Стожаровъ откинулся назадъ и глядѣлъ ей въ лице все еще съ

какимъ-то оцѣпененіемъ въ чертахъ и съ оцѣпененіемъ во всемъ тѣлѣ.

— Неужели поздно? шепталъ онъ, какъ бы боясь, чтобы его не услышали.

Варенька снова закашляла и схватилась обѣими руками за грудь. Стожаровъ какъ помѣшанный и съ ужасомъ оглядывался не зная что ему дѣлать, гдѣ искать спасенья. Дѣвушка приподнялась съ кресла, сдѣлала шагъ къ постели и остановилась: предшествовавшій припадокъ кашля по видимому обезсилилъ ее. Тутъ только Стожаровъ понялъ что ему дѣлать: онъ взялъ дѣвушку на руки и какъ маленькаго ребенка понесъ къ постели. Онъ уложилъ ее, поправилъ подушки, бережно разулъ ее и прикрылъ легкимъ одѣяломъ. Дѣвушка перестала кашлять и съ любовью глядѣла на Стожарова.

— Какая у меня няня милая, говорила она съ слабою улыбкою.—Подойди ко мнѣ, нагнись...

Стожаровъ подошелъ и пригнулся къ блѣдному лицу дѣвушки. Двѣ слезы упали на это лице.

— Какъ стыдно... Мужчина плачетъ... милый мой!

Стожаровъ осторожно поправилъ ей волосы, которые, безъ чепца, разсыпались по подушкѣ, приложилъ руку къ головѣ дѣвушки, пощупалъ пульсъ, и что-то обдумывалъ.

— Сядь поближе ко мнѣ, чтобъ я тебя видѣла... Вотъ такъ... дай руку.

Стожаровъ сѣлъ у ногъ дѣвушки, взялъ ее за руку и молчалъ.

— Ты что же такой хмурый? спросила Варенька ласково.

— Я боюсь утомить тебя—ты такъ ослабѣла, отвѣчалъ онъ;— лучше усни если можешь, а я посижу около тебя.

Дѣвушка дѣйствительно очень ослабѣла и скоро закрыла глаза. Ей было такъ покойно на сердцѣ, такъ пріятно было сознавать, что она не одна, что сонъ ея оберегаетъ что-то доброе, любящее, сильное. Ей казалось, что воротилось ея безмятежное, хотя безсмысленное дѣтство—и годы борьбы съ жизнью, годы сомнѣній, ожиданій, все это отошло далеко, далеко, и впереди всѣхъ картинъ прошлаго выступало суровое, но доброе и ласковое лице Стожарова.

Дѣвушка заснула, а Стожаровъ все сидѣлъ около нея, опустивъ голову и по временамъ взглядывая на блѣдное, кроткое, съ зловѣщимъ

румянцемъ на щекахъ лице Вареньки. И отдавались въ ушахъ у него чьи-то суровыя слова: «Проклятые! проклятые! проклятые»! Посмотрите что надѣлало ваше тупое равнодушіе, ваша преступная глупость. Зачѣмъ вы убиваете лучшихъ людей? Зачѣмъ вы ее убили, когда она съ васъ же хотѣла снять позоръ, поднявъ на свои плечи то, что вы всѣ должны были поднять, и сломилась подъ тяжестью ноши? А вы что дѣлали, жалкіе, преступные идіоты и идіотки? Вы наряжались, выѣзжали, плясали и любезничали съ киргизами, подобно паразитамъ, уничтожая результаты труда лучшихъ людей, подтачивая подъ корень ихъ святое, великое дѣло. Когда же вы опомнитесь, когда покаетесь, поумнѣете, когда вы поймете *что* вамъ дѣлать, чтобъ только не погибало изъ-за васъ то что есть лучшаго на землѣ? Опомнитесь, одумайтесь! Вы слишкомъ низко упали, чтобъ можно было упасть еще ниже.... Вы умѣете думать — и думаете только о томъ, что унижаетъ человѣка... Вы умѣете читать—и во всѣхъ книгахъ читаете только о своемъ безвозвратномъ позорѣ, о вашемъ глубочейшемъ паденіи, и вы не понимаете даже, что это *объ васъ* пишется, и вамъ не стыдно читать о вашей собственной гнусности... Поймите же, что это *объ васъ* говорится, объ васъ, безполезно живущихъ на землѣ и ничего не прибавляющихъ къ работѣ лучшихъ людей человѣчества... Вы не умѣете краснѣть отъ стыда, вы такъ низко упали, что васъ не оскорбляютъ даже пощечины, которыя публично даютъ вамъ въ книгахъ, на театральныхъ подмосткахъ, съ професорскихъ каѳедръ... И вы живете, вы не умираете, а умираетъ она, которая взяла на себя вашъ трудъ, которая хотѣла закрыть вашъ глубокій позоръ... Такъ умирайте вы, а лучшіе люди, мученики мысли и труда, пусть живутъ... Прочь съ земли все безполезное, останавливающее работу мысли человѣческой! Прочь! скройтесь съ глазъ честныхъ людей! Вы не замажете ни бѣлилами, ни румянами слѣда публичныхъ пощечинъ на вашихъ щекахъ— вашъ позоръ проглядываетъ въ васъ, какъ въ глазахъ падшей, глубоко падшей женщины и проглядываетъ позоръ ея безвозвратнаго паденія»...

Въ такихъ безотрадныхъ мысляхъ утро застало Стожарова у постели Вареньки Бармитиновой

XXXI.

Поздно проснулась Варенька послѣ этой мучительной ночи, и первый, кого она увидѣла въ своей спальни, былъ Стожаровъ. Его нельзя было узнать—такъ онъ похудѣлъ и постарѣлъ за эту ночь, прислушиваясь къ тихому дыханью спящей и снова переживая всю свою жизнь, изъ которой его собственная упрямая воля исключила всѣ радости и изъ которой теперь, казалось, сама эта неумолимая жизнь, сама старуха Ананке, которой онъ не вѣрилъ, грубо вычеркивала его единственную и послѣднюю радость.

Стремительно рванулась къ нему дѣвушка, увидѣвъ блѣдное, почернѣвшее лице Стожарова; но онъ тихо остановилъ ее, боясь, чтобы не было для нея убійственнымъ всякое нравственное потрясеніе. Какъ и прежде, онъ бережно взялъ ее на руки словно пятилѣтняго ребенка и осторожно положилъ на постель, закутавъ въ одѣяло ея похолодѣвшія ноги. Какъ съ хрупкимъ фарфоромъ обращался онъ съ этимъ непрочнымъ тѣломъ, боясь раздавить въ своихъ жесткихъ сильныхъ рукахъ дорогую ношу, и когда Варенька, уложенная имъ въ постель, обвилась было вокругъ его загорѣлой толстой шеи, онъ бережно отнялъ отъ себя бѣлыя и слабыя руки дѣвушки, и велѣлъ ей лежать смирно, пока онъ не посовѣтуется съ докторомъ.

Разспросивъ ее обстоятельно о началѣ и ходѣ болѣзни и, попросивъ Кузьминишну не отходить отъ барышни (перпетуумъ мобиле онъ боялся поручить уходъ за больной, чтобы вертлявая горничная не утомила ее своимъ метаньемъ и хлопаньемъ), Стожаровъ отправился въ домъ Канадѣевыхъ, чтобы посовѣтоваться съ Карамановымъ насчетъ здоровья Вареньки. Карамановъ, работавшій и въ университетѣ и въ медицинской академіи за десятерыхъ, имѣлъ еще въ Петербургѣ репутацію хорошаго доктора и отличнаго діагноста, а вольной практикой послѣднихъ лѣтъ увеличилъ свои знанія.

Стожарова провели въ комнату Дмитрія, гдѣ былъ и Карамановъ. Вслѣдъ за Стожаровымъ вошла и Марина, съ которой онъ уже былъ знакомъ послѣ встрѣчи у Вареньки. При взглядѣ на Дмитрія онъ

вспомнилъ, что видѣлъ его въ домѣ умалишенныхъ, когда тотъ разсказывалъ ему о своихъ полетахъ надъ землею, о повѣшенномъ юношѣ, и просилъ его выпустить на свободу. Дмитрій по видимому узналъ Стожарова, но только не могъ припомнить гдѣ и когда видѣлъ его.

Искаженное лице Стожарова не могло не поразить Караманова. Марина также замѣтила въ немъ печальную перемѣну.

— Что случилось? спросилъ Карамановъ безъ всякаго предисловія.

— Случилось то что вы предвидѣли вашимъ дьявольскимъ, безжалостнымъ умомъ, какъ бы простоналъ Стожаровъ, опускаясь на близстоящій стулъ.

Марина съ недоумѣніемъ и страхомъ посмотрѣла и на того и на другаго. Особенно зловѣщею казалась ей страшная голова Караманова.

— Что, вѣрно старуха Ананке втирается въ вашу жизнь? спросилъ онъ тихо, какъ бы кусая собесѣдника своими холодными глазами.

— Да .. Пойдемте сейчасъ ко мнѣ...

Торопливый голосъ его дрожалъ. Карамановъ понялъ, что что-то очень острое и сильное надрѣзало этотъ голосъ, потому что такого человѣка какъ Стожаровъ можно было пришибить только очень здоровымъ обухомъ. А Дмитрій все вглядывался въ него и старался припомнить гдѣ видѣлъ его; но не могъ.

— Значитъ и вы не все математически расчитали... Нашлась и у васъ Ахиллова пятка, только подъ лѣвымъ подреберьемъ... жаль мнѣ васъ, сказалъ Карамановъ, и въ голосѣ его дрогнуло что-то вродѣ чувства.

— Довольно объ этомъ! Надо спасать ее... Спасите мнѣ ее, говорилъ Стожаровъ порывисто, и, взявъ Караманова за руку, приподнялъ его со стула.

Карамановъ всталъ. За нимъ встали и Канадѣевы. Карамановъ торопливо собрался. Грубое лице его освѣтилось какою-то силой. Вдругъ Марина бросилась къ Стожарову и, ломая руки, проговорила шопотомъ испуга: «Ради Бога! кого спасать?.. Вареньку?..

Стожаровъ молча опустилъ голову. Эта сильная точеная голова какъ бы не держалась на плечахъ.

— Спасите ее! спасите ее! съ тѣмъ же испуганнымъ, сдержаннымъ крикомъ бросилась Марина къ Караманову и хватала его за ру-

ку.—Я пойду съ вами... Я хочу ее видѣть... Карамановъ! спасите ее!

Вслѣдъ затѣмъ всѣ они вчетверомъ отправились въ квартиру Вареньки. Карамановъ молчалъ—и всѣ молчали. Всѣ какъ будто инстинктивно сознавали, что тутъ нужна его сила—и всѣ невольно подчинялись ему. Марина взглядывала иногда на его безстрастное лице и силилась разгадать что думаетъ онъ, зачѣмъ брови его иногда какъ бы вскидываются къ щетинистымъ волосамъ, потомъ углы губъ злобно опускаются, а за ними опускаются и черныя брови. «Откуда же въ немъ эта сила, передъ которой всѣ склоняются?» думала Марина, и въ сердцѣ ея творилось что-то неладное.

Стожаровъ провелъ Караманова прямо въ спальную Вареньки. Марина и Дмитрій остались въ другой комнатѣ. Но вскорѣ изъ спальни вышелъ и Стожаровъ, еще болѣе блѣдный и разтроганный. Онъ сѣлъ на стулъ и схватился руками за голову.

— Что? спросила Марина шопотомъ.

— Онъ выслалъ меня... Онъ за нее и за меня боится... За меня? (И Стожаровъ рванулся было къ двери, но остановился).

Долго тянулось томительное ожиданіе, точно всѣмъ въ той закрытой комнатѣ готовился смертный приговоръ. Всѣ молчали, только Дмитрій иногда что то шепталъ про себя и проводилъ рукою по своему блѣдному, широкому лбу. Маринѣ невыразимо было жаль Стожарова. Она хотѣла подойдти къ нему, утѣшить его; но силъ не хватало.

Наконецъ Карамановъ вышелъ изъ спальни. Темное лице его казалось еще болѣе темнымъ. Стожаровъ бросился къ нему и... Марина вздрогнула!.. Стожаровъ стоялъ на колѣняхъ передъ Карамановымъ и цѣловалъ его руку... Глаза Караманова ни на кого не глядѣли, но Марина разомъ замѣтила, что нѣтъ въ нихъ того холода, какимъ они всегда отдавали, а было что-то теплое, мягкое, грустное.

— Вы спасете ее? какими-то жгучими звуками проговорилъ Стожаровъ.

Карамановъ поднялъ его, но ничего не говорилъ.

— Вѣдь еще не поздно? надрывалась грудь Стожарова.

Марина взглянула въ глаза Караманова и почувствовала, что дыханіе ея захватываетъ. Холодные глаза Караманова... плакали!..

— Поздно, произнесъ Карамановъ хрипло, точно у него въ горлѣ пересохло.

Словно снѣгомъ сыпнуло на всѣхъ отъ этого одного слова... «Поздно!...» Стожаровъ снова рванулся было къ двери спальни, но Карамановъ схватилъ его своими тонкими, хотя загрубѣлыми руками, и словно желѣзными клещами приковалъ къ мѣсту.

— Что вы!.. Добить ее хотите... Дайте ей еще пожить — посмотрѣть на васъ передъ смертью, говорилъ онъ хриплымъ шопотомъ.

— Вы лжете!... Лжетъ ваша наука... лгутъ ваши знанія, шипѣлъ Стожаровъ, напрасно силясь вырваться изъ желѣзныхъ рукъ Караманова.—Я спасу ее!

— Бѣдный! бѣдный! говорилъ Карамановъ и плакалъ... по темному лицу его катились слезы.

Стожаровъ началъ умолять молодаго доктора, чтобъ тотъ пустилъ его къ больной. Потомъ снова метался въ какомъ-то бѣшенствѣ. Но Карамановъ не пускалъ его.

— Я не позволю добивать ее такъ скоро, говорилъ Карамановъ все тѣмъ же сильнымъ шопотомъ;—лучше васъ добью сразу вашимъ горемъ... скорѣе встанете... Зачѣмъ тянуть ваши муки? — Ничто не спасетъ ее: у нея чахотка...

— Я зналъ это самъ... но—она излечима...

— Нѣтъ... это—галопирующая... во весь опоръ несется къ смерти... Не толкайте въ могилу бѣдную дѣвушку!

— Га! я васъ туда столкну, если вы ее...

Стожаровъ не докончилъ безумной угрозы... Онъ снова упалъ на колѣни и цѣловалъ руки Караманову. Марина и Дмитрій такими же умоляющими глазами смотрѣли въ темное лице и въ заплаканные глаза молодаго человѣка, какъ будто въ этихъ глазахъ, по ихъ собственному произволу, могла заключаться и жизнь и смерть Бармитиновой.

— Скажите! она не умретъ! умолялъ несчастный, и гордая голова его валилась къ ногамъ Караманова.

Тотъ силился приподнять его... «Бѣдный! горе сильнѣе его», говорилъ онъ безнадежно... А точеная голова все валялась на полу, все не поднималась отъ ногъ Караманова.

Вдругъ Марина и Дмитрій отступили назадъ въ какомъ-то нѣмомъ ужасѣ. Въ дверяхъ показалась больная. Она была въ бѣломъ капо-

тѣ съ наброшенною на плечи шалью. Неподобранные и незавитые волосы разсыпались по плечамъ. Она была блѣднѣе, чѣмъ наканунѣ этого дня, но румянецъ на бѣлыхъ щекахъ и добрая улыбка придавали лицу ея столько красоты, что Марина чуть не вскрикнула, увидѣвъ свою любимицу. Но ни Карамановъ, ни Стожаровъ не видѣли ее.

Сцена, которую застала Варенька, сильно смутила ее. Она тоже отступила назадъ. Но когда обратилось къ ней темное, заплаканное лице Караманова и блѣдное, искаженное лице Стожарова поднялось отъ полу, она поняла страшный смыслъ нѣмой драмы, и съ какимъ-то груднымъ, глухимъ, перехваченнымъ въ горлѣ крикомъ обвилась около шеи Стожарова. Стожаровъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ, но твердо поднялся съ полу и поднялъ съ собой на рукахъ дѣвушку. Карамановъ, Дмитрій и Марина безмолвно глядѣли на нихъ, боясь шевельнуться.

Карамановъ раньше другихъ пришелъ въ себя, и, приблизившись къ Стожарову, спокойно и какъ бы шутя сказалъ ему: «будетъ вамъ! Поставьте ее на полъ... Это, наконецъ, не прилично обниматься при постороннихъ».

Варенька еще крѣпче обвилась вокругъ шеи Стожарова. Стожаровъ еще осторожнѣе и нѣжнѣе сталъ поддерживать ее, не давая ей коснуться ногами пола.

— Сударыня, стыдно, сказалъ шутя Карамановъ;—я вашъ докторъ—слушайтесь меня.

А у самого доктора, хотя онъ и старался шутить, въ горлѣ по видимому засѣла пробка. Варенька черезъ плечо взглянула на него и улыбнулась.

— Пустите ее, настаивалъ Карамановъ,—а иначе я силой отниму ее у васъ.

— Попробуйте... (Только и отвѣчалъ Стожаровъ: онъ точно помѣшался).

Марина, долго боровшаяся съ собой, наконецъ не осилила себя и бросилась къ своей любимицѣ. «Варя? Варюша милая! зачѣмъ ты хвораешь? Развѣ я не говорила тебѣ, что надо лечиться? Ты давно кашляешь... А ты все говорила, что это пустяки... Вонъ какая ты!»

Варенька быстро соскользнула на полъ съ рукъ Стожарова и обняла Марину. Та начала плакать...

— Что съ тобой, дѣвочка? говорила Бармитинова. — Я думала, что вотъ посыплется жемчугъ на серебряное блюдо, а она вонъ плачетъ... Перестань!

Марина всхлипывала. Карамановъ, вскинувъ глазами на Стожарова и Канадѣева, тихо сказалъ: «Будьте умнѣе»,—и вышелъ въ другую комнату. За нимъ вышелъ и Стожаровъ, видимо пошатываясь. Варенька, замѣтивъ Канадѣева, дружески протянула ему руку. Тотъ схватилъ ее и не выпускалъ изъ своихъ руку: почему-то страшно ему было выпустить руку этой дѣвушки, потому что въ своемъ болѣзненно впечатлительномъ умѣ онъ уже... считалъ ея дни... «разъ... два... десять... двадцать»... онъ уже видитъ ее въ гробу... хоронилъ ее... слышалъ какъ шуршитъ подъ гробомъ полотно, на которомъ спускаютъ гробъ въ могилу... слышалъ звуки падающихъ на крышку гроба комьей варгунинской черной земли... а въ гробу видѣлъ это бѣлое, прекрасное лице дѣвушки...

— Вы счастливы, я думаю, пріѣздомъ вашего друга, говорила Варенька, не вынимая своей руки изъ руки Дмитрія.

— Да, я радъ, отвѣчалъ тотъ машинально.

— Какая оригинальная голова, продолжала Варенька.

— Онъ страшный.... я боюсь его, Варя, сказала Марина, дѣйствительно вздрагивая при воспоминаньи о Карамановѣ, о его темномъ лицѣ, о его жесткихъ словахъ.

— А коли боишься, такъ полюбишь, замѣтила Варенька шутливо; — онъ умница... своими стеклянными глазами онъ читалъ меня насквозь, и—въ четверть часа прочелъ отъ доски до доски.

— И меня прочелъ, Варя... говоритъ: я дура... красивый кипсекъ съ пустѣйшимъ содержаніемъ и глупѣйшимъ текстомъ.

Варенька тихо улыбнулась на это, а у Марины большіе глаза заискрились не то влагой слезъ, не то блескомъ обиднаго огня. Она какъ бы инстинктивно сознавала, что чувства ея къ Караманову становятся опасными, чѣмъ-то вродѣ неосторожной ходьбы по обрыву пропасти... Голова кружится, ноги дрожатъ отъ ужаса, а заглянуть въ пропасть такъ и тянетъ, такъ и тянетъ... Она не знала что съ ней — любитъ она его или ненавидитъ .. Да, ненавидитъ,

раздражительно ненавидитъ! А за что? За обиду самолюбію? но это пошло... За его злобу, за его темное лице, за его щетинистые волосы, за его ледяные глаза? .. Но это темное лице свѣтилось слезами о Варенькѣ, эти ледяные глаза плакали теплыми слезами участія... Нѣтъ, она ненавидитъ его за тотъ страхъ, который онъ ей вселяетъ...

XXXII.

Страшная чахотка дѣйствительно «галопировала» съ своей жертвой и стремительно приближала ее къ могилѣ... Въ заволжскихъ Варгунахъ такъ много свободныхъ земель, варгунинскій выгонъ такъ обширенъ—есть гдѣ вырыть могилу бѣдной дѣвушкѣ, есть гдѣ лечь на свободѣ молодому тѣлу, молодымъ костямъ...

И варгунинскимъ дьячкамъ, что пачкали заборы въ квартирѣ стриженой учительницы, будетъ раздолье: они будутъ читать по мертвой учительницѣ, получатъ за это рубли и полтины, будутъ ѣсть сладкую кутью на ея похоронахъ и запивать виномъ да медомъ.

И литературнымъ понамарямъ, звонарямъ, дьячкамъ, дьяконамъ и попамъ раздолье: напишутъ деготькомъ на литературныхъ заборахъ, что вотъ-де не соваться бы женщинѣ не въ свое дѣло, не искать труда, а знать бы только свою спальную да отъ вѣка ей предназначенное исканіе самцовъ, а затѣмъ—рожденіе, кормленіе и нравственное уродованіе дѣтей...

Галопируетъ чахотка къ варгунинскому выгону, быстро галопируетъ...

Варенька давно кашляла... А кому какое дѣло, что Варенька кашляла?.. Вонъ и родовитый Аркадій Степановичъ кашляетъ: много пилъ на своемъ вѣку, допился до водяной—и кашляетъ, глухо кашляетъ... Вонъ и Соничка Валеткина кашляетъ: много плясала съ дѣтства, сильно перетягивала свое безполезное тѣло, слишкомъ много ничего не дѣлала, слишкомъ много выѣзжала, такъ что изъѣздила свой послѣдній умишко, слишкомъ много и слишкомъ многихъ любила,—ну, кашляетъ, звонко, и рѣзко кашляетъ... Вонъ и истаскавшійся Вася

Паскуда кашляетъ.... Отчего-жъ Варенкѣ не кашлять?.. не надрываться бы столбовой дворянкѣ надъ ученьемъ мужичатъ, надо бы было выйдти за гвардейца, конь котораго умнѣе сѣдока—тогда бы не кашляли...

Лежитъ на бѣлой постелькѣ тѣнь Вареньки, и сидитъ у бѣлой постельки тѣнь Стожарова... Дни и ночи идутъ, и такъ скоро проходятъ, а тѣнямъ нѣтъ сна, нѣтъ успокоенья... Мертвенно блѣдная ручка Вареньки свѣсилась съ постельки, и голубыя жилки не наливаются кровью, а заливается кровью лишь сердце Стожарова, заливаются слезами глаза его запавшіе, обезувѣченные муками безсонныхъ ночей...

Тѣнь Вареньки улыбается благодарною улыбкою: вѣдь у Вареньки все есть что она любила и что ее любило... А на крыльцѣ сидитъ Кузя Ногинъ и горько плачетъ—не радуетъ его перспектива гимназіи, не радуетъ его цѣлый пудъ книгъ, и десятичныя дроби кажутся ему теперь ничѣмъ не выше и не важнѣе персидскихъ войнъ и отца Ганнибала.... И дѣдушка Ногинъ часто приходитъ къ земскому училищу и справляется что «наша благодѣтельница»?—А благодѣтельница лежитъ въ своей постелькѣ, бѣлыя рученки раскидала, ясными глазыньками на своего мила друга смотритъ... И понуро ходятъ земскіе ученики подъ окнами своей учительницы... «Слышишь, Ряполовъ, это она кашляетъ»... Да, это дѣйствительно она кашляетъ, пока еще не засыпанъ этотъ кашляющій ротикъ заволжскимъ тучнымъ черноземомъ.

А въ сердцѣ Марины уже демонъ поселился, демонъ темноликій, щетинистоволосый, холодноглазый, и боится она этого демона, и какъ тѣнь ходитъ по пятамъ его.... Тамъ смерть стучится въ молодую грудь, а въ другую молодую грудь демонъ жизни забирается, чтобы и эту молодую жизнь скомкать, обезцвѣтить румяныя щечки, залить слезами огонь молодыхъ глазъ, изсосать, высушить страстью молодыя, упругія груди да подвести поближе къ краю могилы — не чужой, а Марининой.

И къ самому темноликому демону въ сердце затесался, — демонъ бѣлоликій, золотокосый, большеглазый... Эдакую красоту выростила заволжская ширь! Эдакую силу обаятельную выкормили люди, сѣющіе пшеницу! Эдакую муку людямъ взлелѣяло поволжское сол-

нышко, вспоила сѣроберегая, мутная Волга-матушка! И гнетъ эта сила упругую силу демона темноликаго, гнетъ какъ медвѣдь дуги дубовыя... А крѣпокъ демонъ темноликій, крѣпче дуба матераго осокора жесткаго — не гнется, не ломится.... «Не такое мое дѣло, чтобы объ любвяхъ думать, на мечтанія да воздыханія время тратить.... Есть на это цѣлый легіонъ, что въ озерѣ генисаретскомъ когда-то щетинку полоскалъ, а теперь по паркету шаркаетъ да любезности красавицамъ на ушко нахрюкиваетъ... А намъ некогда»!

Тихо бродитъ по комнатамъ перпетуумъ мобиле—не звякнетъ, не грохнетъ, ни за что не зацѣпитъ, ничего не уронитъ, и все прислушивается не позоветъ ли ее барышня красавица. А барышня красавица не зоветъ ее, никого не зоветъ. Лежитъ барышня тихо въ постелькѣ своей, и кашляетъ по временамъ ея грудка бѣлая, надсадившаяся, и хватается перпетуумъ мобиле за свою грудь, точно у нея самой въ молодой груди здоровое сердце отрывается. А на улицѣ бѣлоглазыя галки не въ пору раскричалися—и перпетуумъ мобиле тихонько подходитъ къ окну и сердито грозитъ имъ своимъ кулакомъ, чтобъ не кричали, барышнѣ красавицѣ спать бы не мѣшали.

Карамановъ часто посѣщаетъ свою паціентку. Онъ хотѣлъ бы обмануть и себя и другихъ; но онъ не умѣетъ обманывать ни себя ни другихъ—никого въ жизни не обманывалъ.

— Нѣтъ надежды? спрашиваетъ Марина, боясь чтобы слезы не брызнули изъ ея большихъ глазъ.

— Есть надежда, отвѣчалъ Карамановъ глухо:—скоро перестанетъ страдать.

Марина закрываетъ лице руками, а сквозь пальцы капаютъ слезы. Карамановъ не закрываетъ своего лица руками—свинцовыя слезы капаютъ ему внутрь, на сердце.

— Увядаетъ и отрывается отъ стебля лучшій цвѣтокъ, говоритъ онъ...—Дорогой алмазъ брошенъ въ огонь—и пропалъ, а виновныхъ никто не накажетъ.

— А кто виновные! спрашиваетъ Марина, отрывая руки отъ лица.

— Вы всѣ.

— Мы? а не вы?

— Вы! (камнемъ падаетъ это слово Караманова на сердце Марины).—Вы, только вы! Каждый за себя долженъ отвѣчать передъ судомъ исторіи — не настоящей исторіи, а будущей. Настоящая-то исторія похожа не на судью, а на бывшаго крѣпостнаго, которому боязно сказать правду про господъ.—Мы будемъ отвѣчать за себя, а вы, женщины, за себя. Вы слишкомъ много унизили достоинство человѣка. Вы думали больше о своей красотѣ, а не о дѣлѣ. Вы всего ждали отъ ума и труда мужчины—любуйтесь же трудами вашихъ рукъ! Поздно вздумали вы приняться за дѣло: вы не добились ни равноправности съ мужчиной, ни свободы труда, ни свободы дѣйствій. Ваши школы — жалки. У васъ нѣтъ высшихъ учебныхъ заведеній, у васъ нѣтъ университетовъ. А мы этого давно добились для себя. А вы добьетесь ли?

— Добьемся, возражаетъ Марина, и глаза ея искрятся блескомъ силы.

— А пока добьетесь — тысячи лучшихъ женщинъ зачахнутъ въ борьбѣ съ обстоятельствами какъ зачахла Бармитинова. И она не одна. Мужчинѣ легче стать человѣкомъ, чѣмъ женщинѣ. Мужчина съ дѣтства готовится быть дѣятелемъ, а вы, въ массѣ, даже учиться не хотите. Выбиваются изъ васъ крупныя единицы какъ Бармитинова; но имъ не легко подняться высоко. Не подготовленныя съ дѣтства, съ отрочества, эти единицы должны сами, уже въ позднихъ лѣтахъ, брать съ бою университетскую науку. Ну, или со срамомъ отступаютъ, мѣняютъ дипломъ на серьги да на собачьи ожерелья, или надламливаются.

— Но намъ не даютъ университета, говоритъ Марина.

— Не даютъ! Возьмите сами.... Увидятъ, что вы хотите дѣйствительно учиться—вамъ дадутъ десять университетовъ. Не ждите подачки, а сами возьмите.

Марина покорно опускаетъ голову.

— Вы убили Бармитинову, говоритъ Карамановъ не глядя на собесѣдницу.

— Я! Боже мой! чѣмъ я ее убила?

— А тѣмъ, что не помогали ей по школѣ... Она просто затянулась.

— Я помогала ей иногда.

— Иногда... А туалетомъ своимъ вы «иногда» занимались, или всегда?

Марина вспыхнула. Слезы готовы были брызнуть; но она сдержалась.

— О, вы правы, говоритъ она, въ отчаяніи складывая руки на колѣняхъ. — Я проклинаю теперь всѣхъ пустыхъ женщинъ. Та, которая ничего не сдѣлала въ свою жизнь, не облегчила ни чей трудъ, никому не помогла своими руками, своею головою—та больше чѣмъ безчестна. Она — воровка чужаго труда, чужаго времени, чужихъ силъ, чужихъ денегъ, чужой мысли. Она—убійца: она убивала мужа, брата, отца, которые убивали для нея свое здоровье. О! я теперь понимаю васъ — и какъ это страшно, боже мой! Да, я убійца, подлая убійца и воровка! Я убила Варю... Охъ, я больше чѣмъ Варю убила: убила Бѣлинскаго, Добролюбова, — всѣхъ лучшихъ людей я убила — мы, гадкія твари, убили ихъ! Эти люди для насъ трудились, для насъ чахли, не спали ночей... О! сколько крови на нашей совѣсти, на нашихъ подлыхъ рукахъ! Варя! милая Варя! я твоя убійца, я гадина, которую слѣдуетъ раздавить... О, какъ все гадко и низко въ насъ, женщинахъ! Въ то время когда мы танцуемъ на пустыхъ балахъ, великіе люди для насъ же работаютъ о нашемъ счастьѣ, развитіи и о нашей свободѣ думаютъ... Великіе, святые мужчины!

— Ужъ и святые! А съ кѣмъ вы на балахъ танцуете? не съ мужчинами? спрашиваетъ Карамановъ, улыбаясь своей собачьей улыбкой.

— Но то идіоты.... То такіе воры и убійцы великихъ людей какъ и мы.

Входитъ Офроська и говоритъ Караманову: «Пожалуйте-съ къ Варварѣ Григорьевнѣ—имъ дурно... Прислали за вами».

XXXIII.

Ночь. Лунная, тихая, теплая, безоблачная. Въ такія ночи, обыкновенно, хорошенькія, бѣлобрысенькія, немножко золотушныя нѣ-

мочки, умѣющія родить такихъ великихъ людей какъ Шиллеръ, Гёте, Бёрне, Гейне и Бисмаркъ, любятъ гулять на мондшейнѣ гдѣ бы ни былъ этотъ мондшейнъ—на Васильевскомъ ли островѣ или на островѣ Рюгенѣ, и мечтать, вполнѣ добросовѣстно, немножко о любви, немножко о хозяйствѣ.

И въ Варгунахъ, противъ дома земскаго училища, золотушная нѣмочка, сидя на крылечкѣ, вяжетъ подъ блѣднымъ мондшейномъ чулочки своему будущему сынку, котораго она надѣется родить, когда будетъ совершеннолѣтняя и когда влюбится въ нее колонистъ изъ колоніи Екатеринштадта и женится на ней, если только ея фатеръ согласится дать за нею въ приданое десять коровъ и двѣ лошади, которыя еще жеребятами пасутся въ табунѣ колоніи Базель и Богъ дастъ не околѣютъ отъ ящура, который ходитъ по колоніямъ и моритъ скотъ колонистовъ.

Вяжетъ нѣмочка чулочки и мечтаетъ, поглядывая на свѣтлыя окна квартиры Вареньки Бармитиновой. А въ окна небольшой залы видны три высокія свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ, и стоятъ эти свѣчи не на столахъ, а около длиннаго стола, и бросаютъ эти свѣчи свѣтъ на лежащее на столѣ мертвое тѣло. Блѣдно и прозрачно это нѣкогда красивое тѣло, да оно и теперь красиво, и теперь прекрасно, только чего-то въ немъ нѣтъ, и оно стало холодно, неподвижно. Глаза закрыты, и тѣни отъ рѣсницъ падаютъ такія длинныя, такія прямыя, и дрожатъ эти тѣни какъ будто оттого, что у мертвой вѣки моргаютъ. Нѣтъ, не моргаютъ, не моргнутъ ужъ больше, а это дрожитъ пламя свѣчи отъ дыханья дьячка, читающаго по покойницѣ.

Читай, читай, усердный блюститель старины! Ты первый мазалъ дегтемъ ворота земскаго училища, чтобы насолить той, которая теперь лежитъ на столѣ. Читай же, читай, пока тебя самого не положили на столъ и не прочитали надъ тобой того, что́ ты теперь читаешь.

И дьячокъ читаетъ, усердно читаетъ, и только по временамъ чувствуетъ, что его сердце точно кто клещами сдавливаетъ.

У гроба стоитъ Стожаровъ и смотритъ въ мертвое лице Вареньки. У него никто не сдавливаетъ сердца клещами какъ у дьячка: сердце его спокойно; оно слишкомъ долго ныло, слишкомъ переболѣло, когда было объ комъ болѣть, а теперь застыло. Иногда точеная голова пригибается къ мертвой головѣ Вареньки, обросшая

волосами щека прикладывается къ гладкой, холодной щекѣ умершей; но холодъ смерти такъ страшенъ — живая щека не выдерживаетъ холода мертвой щеки, и точеная голова поднимается, и Стожаровъ опять смотритъ въ лице умершей, опять о чемъ-то думаетъ.

Думай, думай! тебѣ есть надъ чѣмъ подумать...

А мы оставимъ мертвыхъ и тѣхъ, которые должны хоронить мертвыхъ. У насъ есть еще живые.

На берегу Волги, вправо отъ дома земскаго училища, опустивъ ноги съ береговой крутой осыпи, сидитъ кто-то, облитый блѣднымъ свѣтомъ луны. На пристани и въ Варгунахъ все заснуло, и тихо кругомъ. Не спитъ только тотъ кто читаетъ по мертвой да тотъ кто любилъ мертвую. Не спитъ еще нѣмочка, вяжущая чулочки своему будущему Адамушкѣ, да не спитъ, какъ видно, эта голова надъ береговой осыпью, которая тоже, вѣрно, о чемъ-нибудь думаетъ.

И еще кто-то не спитъ... Жизнь имѣетъ свои права, и ей нѣтъ дѣла до того, что тамъ, облитое свѣтомъ трехъ восковыхъ свѣчей, строго смотритъ на божій міръ блѣдное лице мертвой дѣвушки, какъ бы укоряющее живыхъ зачѣмъ они живутъ и думаютъ о жизни... Къ береговой осыпи пробирается еще одна тѣнь, пробирается робко и осторожно, какъ бы боясь своихъ собственныхъ шаговъ.

Слышенъ шорохъ шаговъ пробирающейся тѣни. Тотъ кто сидитъ у крутой осыпи поворачиваетъ голову и всматривается въ тѣнь.

— Кто это? спрашиваетъ онъ тихо.

— Это я, — Марина, отвѣчаетъ тѣнь.

— Зачѣмъ вы здѣсь однѣ?

— Я къ вамъ пришла... Я... не могу...

Голосъ у Марины дрожитъ. Дрожатъ и колѣни у бѣдной дѣвушки. Она вся дрожитъ. Карамановъ (это былъ онъ) встаетъ и молча смотритъ въ блѣдное лице Канадѣевой.

— Я не могу здѣсь оставаться, говоритъ Марина, видимо съ трудомъ пересиливая себя.

— Я это видѣлъ, отвѣчаетъ Карамановъ.

Марина молчитъ. Въ ней происходитъ мучительная борьба, изъ которой она по видимому не выходитъ побѣдительницей. Карамановъ замѣчаетъ какъ она дрожитъ, и ему становится жаль ея.

— Вы озябли? говоритъ онъ ласково.

— Да... Мнѣ страшно.

Онъ беретъ ее за руку. Рука холодна какъ у мертвой Вареньки, руку которой онъ цѣловалъ недавно. Карамановъ снимаетъ съ себя кафтанъ.

— Бѣдная дѣвочка! говоритъ онъ,—дайте я васъ прикрою.

Онъ осторожно накидываетъ дѣвушкѣ на плечи свой кафтанъ и говоритъ: «запахнитесь, а то простудитесь, захвораете.»

Гдѣ-то на селѣ, должно быть у общественныхъ магазиновъ, въ сонной тишинѣ ночи раздается протяжный выкрикъ часоваго: «слушай!» Ему отвѣчаетъ другой такой же выкрикъ, у пристани, вѣроятно около хлѣбныхъ амбаровъ Гриднева.

— Вы когда ѣдете? спрашиваетъ Марина, и глаза ея стараются заглянуть въ темные, глубокіе глаза Караманова.

— Завтра, послѣ похоронъ, отвѣчаетъ тотъ.

Дѣвушка вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ и, закрывая лице руками, шепчетъ: «О, боже мой! съ кѣмъ же я останусь!»

— Да, мнѣ жаль васъ, говоритъ Карамановъ, какъ бы про себя.

— И вы никогда не воротитесь къ намъ? спрашиваетъ дѣвушка, снова стараясь заглянуть въ его глубокіе глаза.

— Вѣроятно... Вы знаете я ѣду въ степи покупать участокъ. Вы имѣете также понятіе о нашихъ планахъ съ Стожаровымъ. Его планы на половину разрушились... Напрасно онъ привязывался къ слишкомъ ломкому счастью! (Карамановъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой). Я буду осторожнѣе его: я не поставлю исполненіе моихъ плановъ въ зависимость отъ того, что можетъ разбиться какъ фарфоровая чашка... Я не привяжусь къ тому, что ломко, я не положу мое сердце на остріе меча...

Дѣвушка плотно запахивается кафтаномъ, чтобы не дать замѣтить какъ она дрожитъ.

— А если къ вамъ привяжутся? говоритъ она.

— Тѣмъ хуже для той, которая будетъ такъ несчастлива: опасно связывать свою судьбу съ судьбою рудокопателя, который, можетъ быть, и не выйдетъ изъ глубокой подземной шахты.

Дѣвушка сбрасываетъ съ себя кафтанъ и хочетъ удалиться. Карамановъ ее не останавливаетъ. Онъ только глубоко забираетъ въ се-

бя воздухъ, потому что въ широкой груди у него оказывается его мало. Онъ поднимаетъ съ земли кафтанъ и говоритъ тихо: «простудитесь.»

Марина уходитъ, а Карамановъ снова садится на крутую осыпь и свѣшиваетъ ноги... «Все пропало, все, все!» говоритъ Марина въ отчаяньи, неровными шагами уходя отъ берега, и въ изнеможеніи опустилась на землю.

Въ это время у ногъ мертвой Вареньки болѣе, чѣмъ въ десятый разъ раздаются протяжныя, пѣвучія слова, абсолютная безнадежность которыхъ понятна только тѣмъ, кто терялъ что-либо самое дорогое въ жизни. «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста и на сѣдалища губителей не сѣде, но въ законѣ господни воля его и въ законѣ его поучится день и нощь...» А Стожаровъ все смотритъ въ прекрасное лице покойницы, которое становится все строже и строже, и думаетъ, мучительно думаетъ о чемъ-то... О чемъ же какъ не о своей жизни, у которой отняли и цѣну и цѣль?

И Карамановъ не сходитъ съ крутой осыпи: ему душно въ домахъ, ему страшно и стыдно смотрѣть въ лице той, которая теперь лежитъ на столѣ и которую онъ не могъ спасти, какъ и той, другой, которую, быть можетъ, онъ губитъ. Но онъ не проситъ Марину воротиться: «легче ампутировать руку—поболитъ, перестанетъ; а отрѣзанной головы уже не приставишь».

А голова уже отрѣзана—онъ этого не знаетъ.

За нимъ снова шорохъ и тѣнь. Тамъ, въ томъ маленькомъ домикѣ, смерть все принизила, а тутъ жизнь, избытокъ жизни все принизить хочетъ.

Опять передъ нимъ стоитъ Марина. Голова ея поднята гордо... Скоро, скоро принизится эта гордая головка!

Карамановъ встаетъ поспѣшно. Въ груди его кажется ужъ слишкомъ много воздуху, такъ много, что даже его широкая грудь не можетъ вмѣстить всего.

— Карамановъ! развѣ вы не видите, что я люблю васъ? говоритъ дѣвушка, стараясь стать такъ, чтобы лунный свѣтъ падалъ на лице Караманова.

— Вижу, отвѣчаетъ онъ.

Темное лице его освѣщается: лунный ли свѣтъ на него упалъ,

или это вышелъ свѣтъ изнутри его самого и блеснулъ въ его холодныхъ глазахъ, только темное лтце его освѣщается.

— Я самъ тѣмъ же несчастливъ, прибавляетъ онъ, и въ его твердомъ голосѣ слышутся какія-то вибраціи — этотъ голосъ дрогнулъ, горло сжалось, а темное лице все блѣднѣло, блѣднѣло.

Если бы на лице дѣвушки не падала тѣнь, то можно было бы замѣтить, какъ отъ этихъ словъ Караманова по лицу ея прошли какія-то полосы свѣта, а по глазамъ—молніи.

— Вѣдь страданье имѣетъ свои права, какъ и голодъ, права котораго вы признаете... А я... я страдаю, говоритъ дѣвушка.

— Кто-жъ виноватъ въ вашихъ страданіяхъ? какъ бы машинально спрашиваетъ Карамановъ, самъ понимая всю глупость и пустоту вопроса и съ ужасомъ, и въ тоже время и съ радостью (по свойственному человѣческой природѣ гнусному дуализму), сознавая, что... голова уже отрѣзана и приставить ее нельзя.

— Вы виноваты! отвѣчаетъ дѣвушка на глупый вопросъ умнаго человѣка.—Вы виноваты уже тѣмъ, что въ васъ я встрѣтила силу, противъ обаянья которой я не могла бороться... Я боролась— я ненавидѣла васъ, глубоко ненавидѣла, а теперь, видите, я люблю васъ, я выпрашиваю у васъ чувства какъ милостыни, какъ подачки!

Она потянулась было къ нему обѣими руками, но разомъ отскочила. Онъ тоже рванулся къ ней...

— Прочь! прочь! не дотрогивайтесь до меня! рѣзко шепчетъ дѣвушка, отшатываясь въ сторону.—Вы виноваты, всѣмъ виноваты! Вы говорили—неосторожно говорили, замѣтьте, что виновата красота, которая тянетъ къ себѣ. Вы говорили, что виноватъ богачъ за то, что онъ богатъ, а другой бѣденъ и голодаетъ. Вы говорили, что виновата власть за то только, что она власть... Всякая сила виновата за то только, что она сила и можетъ угнетать безсиліе, можетъ принизить человѣка. Вы виноваты тѣмъ, что принизили мою голову, мою гордость, мой дѣвическій стыдъ! я ненавижу васъ! Прощайте!

Дѣвушка стремительно уходитъ.

— Подождите! не обвиняйте меня! говоритъ Карамановъ задыхающимъ голосомъ.—Тутъ вы сильнѣе меня... Я васъ долженъ нена-

видѣть, а между тѣмъ.... я васъ люблю, люблю такъ, какъ (онъ развелъ руками по направленію къ двумъ противоположнымъ сторонамъ горизонта) весь этотъ необъятный міръ живыхъ людей любить не можетъ.

Марина останавливается. При приближеніи Караманова, она поднимаетъ руки, какъ бы желая обхватить его шею.

— Нѣтъ, нѣтъ! не прикасайтесь ко мнѣ, говоритъ онъ со страхомъ, отступая отъ дѣвушки.

Марина мгновенно какъ бы превращается въ камень.

— Я боюсь васъ, я боюсь вашей страшной силы, говоритъ онъ;— я боюсь подчиниться этой силѣ—вы сильнѣе меня. Вы убьете меня, вы уложите меня на столъ между трехъ свѣчъ, какъ Стожаровъ уложилъ Бармитинову... Я думалъ, что сильнѣе меня нѣтъ, — о, какъ я страшно ошибся! — Зачѣмъ вы отняли у меня мою голову, мою волю упрямую? Зачѣмъ вы сказали мнѣ, что вы...

Онъ останавливается въ нерѣшимости.

— Что люблю васъ? спрашиваетъ Марина груднымъ шопотомъ.

— Да... Вы отрѣзали волосы у Самсона.... Я думалъ начать великое дѣло—и я бы его сдѣлалъ—этотъ послѣдній шагъ къ свободѣ и счастью человѣчества. А вы рубите мнѣ пополамъ обѣ ноги—за моимъ великимъ дѣломъ я буду думать не о дѣлѣ, а о васъ.

— Карамановъ! милый! шепчетъ дѣвушка, снова протягивая къ нему руки.

— Не подходите близко! я ни за что не ручаюсь...

Онъ отступаетъ. Марина снова стоитъ неподвижно съ вытянутыми руками.

— Уходите отъ меня... спрячтесь.... а иначе и вы и я.... въ опасности... Я не уѣду отсюда—мои планы рушатся, говоритъ онъ, оглядываясь по сторонамъ какъ бы ища спасенья.

Дѣвушка прыжкомъ кошки достигаетъ до Караманова.

— Такъ я же тебя возьму, если ты меня не берешь, шепчетъ она шопотомъ груди, въ которой перехватило дыханіе, и въ одно мгновеніе гибкія руки живымъ ожерельемъ охватили толстую шею Караманова. Онъ зашатался, машинально сдѣлалъ было изъ своихъ грубыхъ рукъ поясъ вокругъ таліи дѣвушки, но тотчасъ же разнялъ руки и упалъ на колѣни, пригибая съ собой къ землѣ и дѣ-

вушку, которой тонкіе пальцы не разцѣплялись, а руки не отпадали отъ плечъ и шеи Караманова.

— Пощадите себя и... меня! умоляетъ онъ какою-то отчаянною дрожью хриплаго голоса.—Пощадите! я долженъ ѣхать...

— Нѣтъ, ты не уѣдешь... Я не пущу тебя, шепчетъ дѣвушка, прижимаясь грудью къ груди Караманова;—я не отпущу тебя... или возьми меня съ собой... вотъ такъ, унеси...

И Карамановъ чувствуетъ, что къ его сжатымъ губамъ прильнули жаркія губы дѣвушки и палитъ его жгучимъ дыханьемъ... «Карамановъ? милый Карамановъ! ты мой... я никому не отдамъ тебя»... И губы не отрываются, и грудь не отрывается.

У Караманова закружилась голова. Дальше онъ не могъ выносить этой пытки, и силился оторвать отъ себя дѣвушку, но оттолкнуть ее силою, грубо—руки не поднимались...

— Я не могу на васъ жениться... я...

— Мнѣ все равно... Я буду твоей кухаркой, рабой — только у тебя... Карамановъ! милый, милый мой!

Карамановъ дѣлаетъ послѣднее усиліе. Онъ отталкиваетъ отъ себя обѣими руками грудь дѣвушки... Пальцы Марины разнимаются— и она падаетъ на землю.

— Карамановъ! что вы сдѣлали! съ испугомъ говоритъ она, приходя въ себя, но не надолго. За этимъ сознаніемъ мгновенно послѣдовалъ обморокъ.

Испугъ охватываетъ Караманова. Онъ видитъ обморокъ дѣвушки.

— Марина Константиновна! успокойтесь, шепчетъ онъ, нагибаясь къ ней.

Марина не слышитъ. «Марина! Марина»! шепчетъ онъ, припадая къ ея лицу горячей щекой: «Я люблю тебя... Люблю больше всего на свѣтѣ.... слышишь — милая, милая моя»! Марина не слышитъ.

Дрожащими руками онъ старается развязать ей шнуровку, растегнуть воротничокъ—руки не слушаются... Онъ разрываетъ шнурки, срываетъ пуговицы, поднимаетъ дѣвушку на руки... «Воздуху, вѣтру»! шепчетъ онъ растерянно.... А воздуху нѣтъ — весь пропалъ, весь вышелъ, и вѣтеръ имѣетъ подлость молчать, когда онъ нуженъ,

имѣетъ глупость притихнуть, когда онъ долженъ оживить дѣвушку... Нѣтъ ни вѣтру, ни воздуху-- ничего нѣтъ, все пропало!

Карамановъ, сжавъ безчувственное тѣло дѣвушки въ своихъ сильныхъ рукахъ, бросается къ крутой осыпи, чтобы нести дѣвушку къ водѣ; но крутизна останавливаетъ его... Какъ у груди кормилицы, лежитъ у него на рукахъ дѣвушка, и онъ не знаетъ что съ ней дѣлать... Человѣкъ растерялся и—докторъ растерялся, потерялъ голову.

Съ ношей на рукахъ онъ бросается къ домику, гдѣ лежитъ мертвое тѣло Вареньки... «Вотъ и другое мертвое тѣло», говоритъ въ немъ какой-то ужасный голосъ: «положите ихъ рядомъ—и ступайте воспитывать новое общество людей, людоѣды»... Но тѣло Марины не холодно—это не трупъ... Теперь его жесткія, пересохшія губы льнутъ къ раскрытымъ губамъ дѣвушки. «Милая! Мариночка! я не уѣду»... Нѣтъ, это не трупъ—тѣло теплое, гибкое... Оно еще не успѣло сдѣлаться трупомъ, не захолодѣло, не вытянулось... И жесткія, сухія губы хотятъ оживить дѣвушку.

Онъ въ домикѣ смерти, а Марина все еще у него на рукахъ.

-- Мати божая! что съ барышней? вскрикиваетъ съ старческой визготой хриплая Кузьминишна.

— Ей дурно...

Марина открываетъ глаза, и руки ея какъ вьюнки опять вьются около шеи Караманова. «Милый! Карамановъ»!.. Милый незамѣтно проноситъ ее въ гостиную и бережно кладетъ на кушетку, освобождая свою шею отъ вьюнковъ.

— Дайте воды, бабушка.

Бабушка убѣгаетъ за водой... «Милый! не уходи отъ меня»!...

А за стѣной слышится рѣжущее по нервамъ чтеніе, теплятся свѣчи... «Милая! не уходи отъ меня»! шепчетъ сильная мужская грудь, задавленная горемъ, точно засыпанная могильной землей. Но милая не слышитъ... она ушла!

И тамъ и тутъ—тѣже судороги жизни, отстаивающей свои права, тѣже нравственныя конвульсіи, тоже порыванье тѣла и мысли къ тому, что нужно тѣлу и мысли.

XXXIV.

Буря жизни прошла надъ тѣми, кто подвернулся подъ ея неумолимые законы—и стихла. Теперь, можетъ быть, свирѣпствуетъ надъ другими индивидуумами, въ другомъ мѣстѣ. И тутъ накутермила, и тамъ накутермитъ—и нѣтъ на нее ни суда, ни апеляціи. Однихъ уложила въ могилу, по другимъ какъ желѣзнымъ стопудовымъ колесомъ переѣхала и искалѣчила. Сломила одного, другого, третьяго. Тамъ только разбила еще не распустившуюся почку жизни. Здѣсь попримяла, разбросала въ разныя стороны то, что должно бы было быть вмѣстѣ.

Варенька Бармитинова этой бурей сброшена въ могилу и засыпана землей.

Марина, эта только что распустившаяся почка роскошнаго цвѣта, попривяла, осунулась, пожелтѣла въ одну ночь.

Стожаровъ попалъ подъ тяжелое колесо — и смотритъ изломаннымъ, примятымъ, но не убитымъ—его не легко убить.

И по Караманову перекатился тяжелый камень, но не раздавилъ его, а выковалъ еще болѣе упрямую волю: эта воля сквозитъ въ почернѣвшемъ какъ береговая осыпь лицѣ, въ глазахъ, нѣкогда холодныхъ, стекляныхъ, а теперь горящихъ не то огнемъ страсти, не то блескомъ запрятанной далеко куда-то вглубь злобы.

Черезъ окно смотрятъ на Волгу безумные глаза Канадѣева, и онъ хочетъ расслышать что́ шепчетъ черная птица на ухо повѣшенному. Буря и его носила какъ лохмоть сѣна, оторваннаго отъ копны, и, разщепавъ въ воздухѣ, бросила.

И у Кузи Ногина сформировался смыслъ въ маленькомъ личикѣ: оно поблѣднѣло, вытянулось, смотритъ строже, и въ глазахъ сквозитъ небывалая солидная задумчивость. Зацѣпила его буря—и еще не такъ зацѣпитъ, когда будетъ за что зацѣпиться.

Старику Ногину навела новыя морщины на лицѣ, попритушила огоньки въ усталыхъ глазахъ, забѣлила бѣлой амальгамой послѣдніе волоса.

У Супони подъ Куканью ногу оторвало да сѣрое солдатское лице побронзировало: ломотой да одышкой отзывается Кукань.

У Серпороева кандидатскій дипломъ въ карманѣ, золотая медаль въ залогѣ, до чахотка въ груди.

Старики Стожаровы въ землю смотрятъ... нѣтъ Гриши — опять пропалъ, опять только старый котъ на утѣху остался.

На Тарлыкѣ беззубая, слѣпая старица Гликерія грызетъ своими затвердѣвшими челюстями Мавруньку, зачѣмъ родила Мотьку-аспида... А Мотки-аспида все нѣтъ: Мотька въ Питерѣ чахнетъ надъ книгами и клянетъ свое сумрачное дѣтство, ничему его не научившее. Мотькѣ трудно, у Мотьки уже зловѣщая зелень въ лицѣ и зловѣщая раздражительная тряска нервовъ; подъ часъ ему хочется всему человѣчеству салазки своротить на сторону...

У Гриднева растутъ капиталы по мѣрѣ того какъ голодаютъ люди... И къ молодому Гридневу свиное спокойствіе, вмѣстѣ съ рублями, забирается въ сердце; мозгъ затягиваетъ паутиной рутины.... Жирѣетъ сердце, жирѣетъ и мысль, а мозгъ какъ куколка въ паутинѣ только изрѣдка вздрагиваетъ отъ посторонняго прикосновенія.

Заплыла жиромъ и Макрида странница. Не истрепала своего пухлаго бабьяго тѣла, хоша истрепала свои грѣхи какъ ризу ветхую... Зажирѣвшія ея духовныя очи уже видятъ то, чего здравый смыслъ допустить не можетъ.

Коту Дарвину собаки хвостъ пообгрызли въ борьбѣ за существованіе буря жизни прошла по его хвосту. Запава Путятишна благимъ матомъ реветъ, давно не видя барышни—и по жизни коровы прошла буря, и ей душистое сѣно не въ сѣно.

Нѣмочка чулочки связала подъ моцшейномъ и кроитъ пеленки будущему Адамушкѣ. Офроська мечтать начинаетъ о сосѣдскомъ парнѣ:

Его сѣрые глаза
Порютъ сердце безъ ножа.

Перпетуумъ мобиле горько плачетъ на свѣжей могилѣ барышни-красавицы въ барышниныхъ прюнелевыхъ ботинкахъ.

И надъ всѣмъ этимъ виситъ понурое, собравшееся плакать чужими слезами варгунинское, оболоньевское да питерское сермяжное небо. Только варгунинскіе дьячки, мазавшіе дегтемъ заборъ, навеселѣ—подвыпили на похоронахъ.

Пароходъ отходитъ отъ варгунинской пристани. На палубѣ—зеленый и злобный Стожаровъ. Зеленое лице его дергаетъ. О бокъ съ

нимъ—черный какъ насмоленая дратва съ темнымъ и шершавымъ какъ заржавѣвшая гиря лицемъ Карамановъ. Злые глаза его прекрасны, только для того кто понимаетъ всю красоту его злобы.

На крутой осыпи стоитъ Марина. Золотыя косы ея какъ бы почернѣли. Молодое лице зажолкло. Заплывающіе слезами глаза не имѣютъ способности оторваться отъ темнаго какъ ржавая гиря лица Караманова.

— Вы теперь куда! говоритъ Карамановъ Стожарову.

Стожаровъ махнулъ только рукой.

— А планы? снова спрашиваетъ Карамановъ.

— Ихъ-то я и ѣду выполнять, какъ-то отрывисто звякнулъ Стожаровъ.—А вы?

— Я тоже—не отступлюсь.

— А съ ней какъ? (Стожаровъ указалъ на Марину).

— Пусть выкуется совсѣмъ въ человѣка—тогда возьму.

— А если сломится какъ моя? (Стожаровъ вздрогнулъ).

— Нѣтъ, эта крѣпче—чуть меня не перековала по своему.

По пристани проходятъ знакомые намъ калѣки перехожіе и тянутъ за душу своими голосами, тоже разбитыми нѣсколько:

Не плацьте, моя меньшая братья,
Нишшіе люди, убоги!
Будете вы сыты и пьяны,
Будете обуты, одѣны,
Будете тепломъ да обогрѣны.

— Да, жди! говоритъ Супоня, ковыляя по палубѣ на деревянной ногѣ, которую онъ добылъ подъ Куканью.

Другой пароходъ подходитъ къ пристани. Оба парохода почти сходятся палубами.

— А! Стожаровъ! слышится голосъ съ пришедшаго парохода.

И Стожаровъ и Карамановъ оборачиваютъ на голосъ свои сумрачныя лица.

— А, это ты, Надя?

— Я. А гдѣ Варвара Григорьевна?

— Въ могилѣ.

Серпороевъ (это былъ онъ) только махнулъ рукой.

— Ты куда? спрашиваетъ Стожаровъ.

— На подножный кормъ.

— А дѣла какъ?

— Ничего... Дипломъ, золотая медаль и—туберкулы въ легкихъ. (Серпороевъ кашляетъ. Стожаровъ и Карамановъ еще больше темнѣютъ).

— А Валя? спрашиваетъ Стожаровъ.

— Тоже въ могилѣ... Умерла родами.

— Какъ!

— Такъ... Отъ меня подлеца... Это-то меня и доконало.

Съ задней палубы доносятся слова Макриды-странницы: «И доходила я, лебедки мои, до пупа земли. А на пупѣ келейка стоитъ, а въ келейкѣ старый престарый старичекъ...»

Толстогрудыя и глуполицыя бабы вздыхаютъ надъ «пупомъ земли». Одинъ мужикъ фыркаетъ. Другой сплевываетъ. Макрида умолкаетъ.

— А чугунку, слышь, паря, у насъ саратовцы оттягали, говоритъ закорузлый мужичонка.

— Пусто-бъ имъ было, окаяннымъ! замѣчаетъ другой, сиповатый, лахматый, точно граблями чесаный.

— А мы свою жиганемъ.

— Жиганемъ—та, паря, жиганемъ, коли животы не подведетъ.

— А пупъ—атъ земли съ гору большую, снова начинаетъ Макрида.

— Фу ты сволочь бабы! имъ бы все пупъ да пупъ, нѣтъ чтобы про земство да про чугунку, огрызается чесаный граблями касматникъ.

— А мы и ну жарить его пушками, и ну жарить! говоритъ своей кучкѣ Супоня.

— Ишь ты! Значитъ весь свѣтъ заполонилъ?

— Весь какъ есть.

Пароходъ трогается. Карамановъ машетъ шляпой на берегъ и низко, низко кланяется. Глаза его заплакали бы, если-бъ такіе глаза могли плакать при другихъ. Пожелтѣвшее личико Марины, съ котораго закапали слезы, крупныя и тяжелыя какъ свинцовыя пули, скрывается подъ вуалью. «Онъ не обманетъ» (шепчетъ дѣвушка).. «Онъ никогда въ жизни не лгалъ... О, какъ страшно и хорошо любить такихъ людей!..»

Пароходъ безтолково заболталъ колесами, замутилъ воду. Ушелъ. Черная, какъ насмоленная дратва, голова все глядѣла съ парохода

на берегъ, а на берегу изъ-подъ вуали крупныя слезы чаще и чаще падали на береговую осыпь.

Въ это мгновенье мимо Марины кто-то стремительно пробѣгаетъ къ самой крутизнѣ берега. Она съ ужасомъ узнаетъ въ немъ своего безумнаго брата Дмитрія, который въ послѣдніе дни опять заболѣлъ, и его боялись выпускать изъ дому. Онъ вырвался въ окно, увидѣвъ отъѣзжающаго Караманова, что держали отъ него въ тайнѣ.

Сумашедшій подбѣжалъ къ крутизнѣ, остановился и протянулъ впередъ руки, говоря отрывисто:

«Колоссъ на глиняныхъ ногахъ просыпается... Видишь, видишь, Риночка! онъ проснулся... Лилипуты падаютъ съ его плечъ въ море.. Тонутъ, захлебываются... Онъ стряхиваетъ съ своихъ ногъ турецкіе и нѣмецкіе кандалы... Видишь? Слышишь звенитъ иноземное, антиславянское желѣзо, сброшенное гигантомъ съ славянскихъ ногъ... Гигантъ пошелъ... видишь—онъ шагаетъ по морю, по горамъ... Рина! Рина! пойдемъ за нимъ, догонимъ его, онъ уходитъ отъ насъ, онъ бросаетъ всѣхъ кто спитъ... Иди за мной!.. Сѣверный колоссъ проснулся—это знаменія времени... Иди за нимъ!..»

Не успѣла Марина подбѣжать къ безумцу, какъ онъ уже съ крутизны летѣлъ въ Волгу, которая сѣро-желтыми спиралями гнала струи подъ самыми его ногами.

Глухой всплескъ воды... Пузыри надъ водою—и снова водяныя струи спиралями пошли куда ихъ гнала сила земнаго тяготѣнія ..

— Утонулъ! утонулъ! раздался отчаянный голосъ Марины.

— Утонулъ! послышались голоса на пристани.

Изъ воротъ дома Канадѣевыхъ показались двѣ сѣдыя головы: то были отецъ и мать безумца-утопленника и Марины.

Но было уже поздно. Вода унесла и трупъ безумца и отчаянныя головы живыхъ безумцевъ—Стожарова и Караманова.

Пароходъ скрылся изъ глазъ. А воротится ли онъ съ Карамановымъ?—Этотъ вопросъ, впрочемъ больше интересуетъ Марину, чѣмъ насъ. А насъ больше интересуетъ другой вопросъ: дадутъ ли Стожаровы и Карамановы бѣднымъ людямъ то счастье, идея о которомъ засѣла въ ихъ упрямыя головы?

Но на этотъ вопросъ можетъ отвѣчать только время.

Д. Мордовцевъ.

ЛОВКІЙ ГОСПОДИНЪ.

Рыжій, съ розовымъ лицемъ,
    Вѣчно бодръ и юнъ,
Франтъ напудренный, bel homme,
    Бойкій говорунъ,
И въ гостиныхъ высшихъ сферъ,
    И въ гостиныхъ Фринъ,—
Всюду видѣнъ герръ фонъ-деръ...
    Ловкій господинъ.

Съ либераломъ—либералъ,
    Съ краснымъ—комунистъ,
Съ консерваторомъ—вассалъ,
    Съ рыцаремъ—дантистъ,
Какъ любезный кавалеръ,
    Истый нѣмцевъ сынъ,
Политиченъ герръ фонъ-деръ...
    Ловкій господинъ.

Отъ души, какъ вѣрный другъ,
    Онъ готовъ помочь:
Призанять изъ добрыхъ рукъ,
    Попросить: отсрочь,
Сдѣлать сдѣлку, une affaire
    A la дворянинъ,
Предобрѣйшій герръ фонъ-деръ...
    Ловкій господинъ.

Именитыхъ зная львицъ,
Весь нашъ demi-monde,
И красавицъ продавицъ
Кружевъ, лентъ и блондъ,
Общій завтракъ иль par paire
Promenade ins Grün--
Въ мигъ устроитъ герръ фонъ-деръ...
Ловкій господинъ.

А сыграть кто любитъ, тѣхъ
Проситъ онъ къ себѣ,
У него пріютъ для всѣхъ,
Силенъ кто въ борьбѣ,
Ромъ, паштеты, редереръ,
Устрицы и джинъ,—
Все имѣетъ герръ фонъ-деръ...
Ловкій господинъ.

И живетъ, не зная нуждъ,
Этотъ человѣкъ,
Беззаботно, дѣлу чуждъ,
Трется весь свой вѣкъ
Межъ тузовъ, актрисъ, гетэръ,
Львицъ и балеринъ,
Златокудрый герръ фонъ-деръ...
Ловкій господинъ.

П. Мартьяновъ.

